

ПОЛНАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВЬЕТНАМА

СРЕДНИЕ ВЕКА
(1010 – 1600 ГГ.)

Том II

Посвящается
вьетнамским учёным – основателям
национальной школы востоковедения

ПОЛНАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВЬЕТНАМА

Том II

Средние века
(1010 – 1600 гг.)

Президиум
Российской Академии Наук
Москва, 2014

Редакторы тома

Доктор исторических наук Nguyễn Ngọc Mão

Доктор исторических наук П.В.ПОЗНЕР

«Том II» «Полной академической истории Вьетнама» открывается 1010 г. и завершается 1599г., охватывая таким образом период вьетнамской истории с момента восшествия на престол основателя первой великой национальной династии Ли и перевода столицы в г.Тханглаунг (с 1831 г. – г.Ханой) по конец феодальных смут XVI в.

Именно в течение этих шести веков и произошло окончательное оформление той культуры, которая на сегодняшний день именуется вьетнамской. Фактически речь идёт о становлении принципов организации средневекового вьетнамского государства и о соотношении в его обществе той эпохи культа предков, традиционных культов или «народного» даосизма, даосизма, буддизма и конфуцианства.

«Том II» также содержит детальную характеристику политической, социально-экономической и культурной жизни вьетнамского общества эпохи средневековья.

Особо следует подчеркнуть, что на сегодняшний день «Том II» «Полной академической истории Вьетнама» является единственной изданной на одном из европейских языков монографией по вьетнамской истории XI – XVI вв.

УДК 93/94
ББК 63,3(3)
П 47

© В.В.Познер, 2014
© П.В.Познер, 2014

ISBN 978-5-4431-0052-4

ISBN 978-5-4431-0054-8

Авторы

Nguyễn Đức Huệ: Часть II Глава 2.

Hà Mạnh Khoa: Часть I Глава 3.

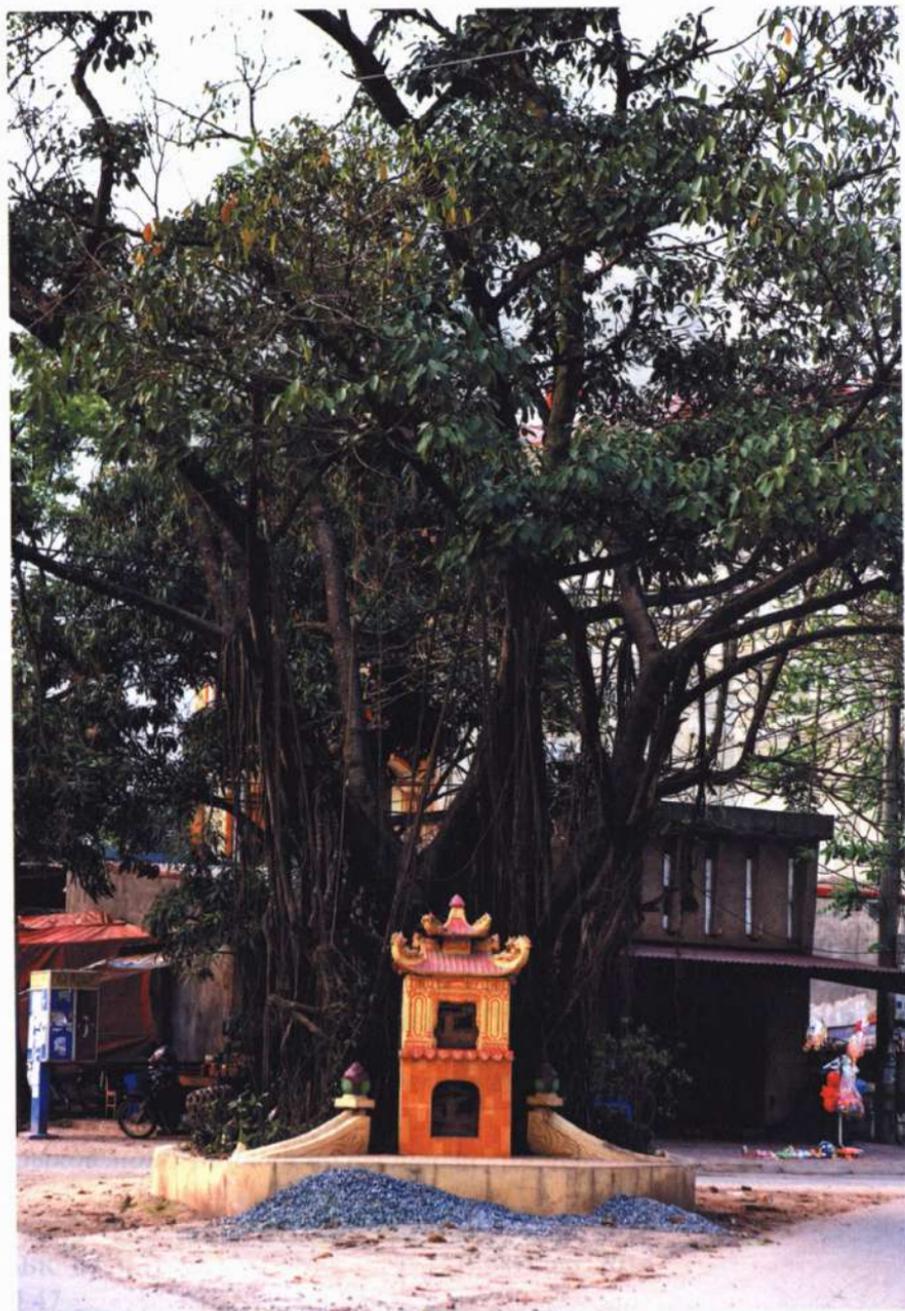
Trương-thị Yến: Часть I Глава 4.

П.В.ПОЗНЕР: Введение; Часть III Глава 2 и Глава 3;
Заключение.

А.Б.ПОЛЯКОВ: Часть I Глава 1 и Глава 2; Часть II Глава 1.

Т.Н.ФИЛИМОНОВА: Часть III Глава 1.

Баньян с алтарём на перекрёстке дорог.
Северный Вьетнам, провинция Вьетчи, округ Фаунг. 16.04.2011 г.

ВВЕДЕНИЕ¹

02.08.1902 г. Musée Gimet, №AP14492.
Вход в Тямский скальный храм «Узоры Необъятной Пустоты».
Деревня каменотёсов «Мраморная гора» в пригороде Дананга

1. Постановка вопроса

История Вьетнама XI – XVI вв. во многом является ключевой для понимания как особенностей становления вьетнамской государственности, так и её принципиального отличия от китайской. Последнее особенно важно в свете многовековой зависимости вьетских территорий от различных общеазиатских империй и южнокитайских царств, которые так и не смогли ассимилировать население Северного Вьетнама. Однако нельзя отрицать и того факта, что имперская культура, особенно в эпохи Хань и Тан, оказала значительное влияние на формирование вьетнамской культуры. Тем не менее после восстановления независимости в конце IX – X в. официальной идеологией вьетнамских правителей стало не имперское неконфуцианство или чжусианство, а учение буддизма Созерцания в трактовке Уянь Туна, который стал основателем его второй школы во Вьетнаме¹. Многочисленные сторонники точки зрения, согласно которой вьетнамская культура является «слепком с китайской», так и не смогли дать вразумительного ответа на вопрос о сути указанного феномена.

Точно так же обстоит дело и с вопросом, почему «вдруг» со второй половины XIII в. в Дайвьете начинается рост конфуцианского влияния, а к середине XV в. это учение в форме неоконфуцианства занимает абсолютно господствующее положение в официальной идеологии страны? Попытка объяснить этот феномен отставанием Вьетнама от Китая в своём развитии просто не выдерживает критики. Такое умозаключение ещё хоть как-то может подходить для объяснения социально-экономической отсталости, но никак не для обоснования сути культурно-идеологических процессов.

Поэтому сторонники теории развития Вьетнама по «китайской модели» предпочитают либо просто игнорировать эти вопросы, либо давать на них ответы, суть которых сводится к формулировке: «Это так, потому что это так!». На

¹ См. главы «Части IV» «Тома I».

самом же деле ответ на указанные вопросы кроется в самой сути социально-экономических и культурно-идеологических процессов, протекавших в эпоху вьетнамского средневековья.

При всём при этом XI – XVI вв. являются наименее изученной эпохой истории Вьетнама, по которой в европейской науке не было опубликовано ни одной целиком посвященной этой теме монографии. Что же касается крайне немногочисленных работ, в которых даётся хотя бы краткое обобщение вьетнамского средневековья, то, как правило, в них лишь повторяются основные тезисы монографии Д.Дж.Холла [619, с.148 – 152, 291]. Правда, были и прекрасные работы частного характера, в числе которых прежде всего следует назвать историю вьетнамского буддизма до XIII в. Чан Ван Зяпа [1009]. Кроме того, следует отметить, что французские учёные первой половины XX в. немало сделали для изучения и описания источников по истории средневекового Вьетнама [715; 796; 239.2; 239.3; 239.5].

Не лучше обстоит дело и с изучением вьетнамского средневековья в российском (советском) вьетнамоведении, в котором единственной обобщающей работой описательного характера является изданная ещё в 1967 г. монография М.А.Чешкова [627]. Кроме того, можно упомянуть во многом повторяющую Д.Дж.Холла статью Д.В.Деопика в коллективном труде по всей средневековой истории стран Азии и Африки [345], а также монографию Г.М.Маслова по истории Вьетнама XIV – начала XV в. [467]. Особо следует отметить посвящённые средневековью главы в монографии Н.И.Никулина по вьетнамской литературе [513]. Кроме того, можно упомянуть университетское учебное пособие [361], а также ряд немногочисленных статей по частным проблемам вьетнамского средневековья [505; 506; 539]. Единственной же работой, в которой исследуется и обобщается вьетнамская история так называемой эпохи Ли – Чан (XI – XIV вв.), является опубликованная в Ханое на вьетнамском языке монография А.Б.Полякова, которая так и не была издана на русском языке [1454]. Именно она была положена в основу

«Главы 1» и «Главы 2» «Части I» настоящего тома.

Безусловно, значительно больше было сделано самими вьетнамскими учёными для исследования средневековой истории своей страны. Но и здесь сложно говорить о каком-либо прорыве принципиального характера. Большая часть вьетнамских монографий в той или иной степени посвящённых этой проблеме представлена главным образом публикациями описательного характера, которые являются скорее учебными пособиями, а не научными исследованиями [1221; 1222; 1511; 1306.1]. Первым же действительно всеобъемлющим исследованием средневекового Вьетнама является изданная в 1963 – 1965 гг. трёхтомная коллективная монография «История вьетнамского феодализма», которая до сих пор остаётся единственным в мире трудом такого масштаба по вьетнамскому средневековью [1304]. Также следует упомянуть и о достаточно многочисленных статьях по данной проблематике, которые публиковались с середины пятидесятых годов XX в. как в Демократической Республике Вьетнам, так и в Республике Вьетнам¹. Естественно, что после объединения страны в 1975 г. учёные Социалистической Республики Вьетнам продолжили заниматься углублённым изучением средневековья своей страны. Именно поэтому для написания глав настоящего тома «Полной академической истории Вьетнама» по политической и социально-экономической истории страны в XVII – XVIII вв. и были приглашены учёные Института истории Вьетнамской академии общественных наук².

Таким образом, обобщающего труда, в котором исследование вьетнамского средневековья опиралось бы на весь комплекс источников и проводилось бы в рамках сопоставительного анализа с проблемами китайской истории

¹ Смотри, например, в «Сводной библиографии» «Томе VI» № 1276, 1310, 1334, 1335, 1445, 1474, 1513 и др.

² Смотри статью «Авторы “Полной академической истории Вьетнама”» в «Томе VI».

той же эпохи, так и не было создано. Поэтому, хотя главной задачей «Полной академической истории Вьетнама» является обобщение всех опубликованных до настоящего времени в мире основных исследований по истории Вьетнама, «Том II» этого шеститомника представляет собой самостоятельное исследование, в котором впервые в мировой вьетнамистике формулируется ряд новых гипотез и поднимается вопрос о взаимоотношениях вьетнамской и китайской культур. В числе наиболее важных и принципиальных вопросов, которые рассматриваются в настоящем томе, следует назвать три следующие проблемы.

Во-первых, это проблема престолонаследия в 1126 – 1128 гг. Детальный анализ событий этой эпохи вьетнамского средневековья позволил А.Б.Полякову выдвинуть гипотезу о том, что устоявшаяся в мировом вьетнамоведении точка зрения, согласно которой первой общевьетнамской династией является единая династия Ли^I, ошибочна. На самом же деле в то время в империи Дайвьет последовательно правили две одноимённые династии^{II}.

Во-вторых, это проблема первого реально правившего императора династии Чан (1225 – 1400 гг.), в результате исследования которой А.Б.Поляков выдвинул ещё одну гипотезу. Он полагает, что первым государем династии Чан был не Чан Кань, правивший согласно общепринятой точке зрения, с 1225 по 1257 г., а его отец Чан Тхыа. Соответственно последний, правивший с 1225 по 1231 гг., получил посмертное имя «император Великий Предок», а наследовавший ему сын, который правил с 1232 по 1257 г., получил в соответствии с конфуцианской иерархией посмертное имя «император Великий рода»^{III}.

В-третьих, это степень китайского влияния на развитие

^I 1009 – 1225 гг.

^{II} 1009 – 1127 и 1127 – 1225 гг. См. «Главу I» «Части I» данного тома.

^{III} См. «Главу 2» «Части I» настоящего тома, а также «Таблицу №2» в «Томе VI».

и становление средневекового вьетнамского общества, прежде всего – в области государственного строительства и идеологии. С этой проблемой неразрывно связан и вопрос об изменении соотношения буддизма и конфуцианства (неоконфуцианства) в государственной идеологии Вьетнама XI – XVI вв.¹.

Также следует подчеркнуть, что так называемая эпоха Ли – Чан является ключевой для понимания того, каким образом протекал процесс возникновения централизованного вьетнамского государства и какую роль в этом процессе играло соотношение частного и общинного землевладения. Не следует также забывать, что именно в эту эпоху вьетнамцы выработали тактику и стратегию ведения войны со значительно превосходящим их по силам противником, которая позволила им отстоять свою независимость в ходе постоянных войн XIII – XIX вв. с империями Юань, Мин и Цин. Как известно, в 1946 – 1979 гг. французам, американцам и китайцам пришлось столкнуться с этой же, правда, несколько модифицированной, тактикой и стратегией. Чем это закончилось – не секрет.

Наконец, именно в эту эпоху в состав вьетнамского государства были окончательно включены территории Центрального и Южного Вьетнама, внешняя граница которых в целом мало чем отличается от современной границы СРВ. Произошло же это в результате того, что в XIII – XVI вв. вьетнамцы покончили с тямским королевством и захватили контролировавшуюся кхмерами часть южных территорий. Поэтому ставшая важной составной частью вьетнамской средневековой истории той эпохи история Тямпы требует описания не только с «вьетнамской захватнической», но и с «тямской внутренней» точки зрения.

Всё вышеизложенное и предопределило структуру данного тома. Его посвящённая политической истории Вьетнама «Часть I» состоит из трёх глав. В первой описываются события эпохи правления династии Ли, во

¹ Смотри «Главу 3» и «Главу 4» «Части III» настоящего тома.

второй – правления династии Чан вместе с характеристикой краткосрочного правления династии Хо, а в третьей рассматривается проблема двадцатилетней зависимости Вьетнама от империи Мин и особенности первого периода правления династии Ле до начала феодальных междоусобиц.

В двух главах «Части II» характеризуются социально-экономические отношения эпохи «Ли – Чан» и эпохи «Хо – начального периода Ле» соответственно. Такое их деление вытекает из того, что если жизнь основателя династии Хо приходится на конец правления династии Чан, то начатые им и прерванные минским вторжением реформы были реализованы во второй половине XV в. императором Совершенным рода династии Ле, который неправомерно считается их автором.

Наконец, особое место в «Томе II» занимают главы «Части III». «Глава 1» и «Глава 2» этой части посвящены особенностям возникновения и первоначального развития средневековой светской литературы во вьетнамском обществе. Их значение определяется тем, что без понимания этого процесса анализ позднейшей вьетнамской литературы не представляется возможным. Следует указать и на то, что в эти две главы не вошло описание письменных источников, хотя по сути они представляют собой отдельный литературный жанр. Однако если исходить из особенностей историографической традиции конфуцианского культурного ареала, то становится очевидным, что его летописные своды и погодные хроники в значительно большей степени относятся к комплексу идеологических проблем. Поэтому в «Главе 3» «Части III» настоящего тома памятники этой традиции и религиозно-идеологическая ситуация вьетнамского общества эпохи средневековья характеризуются как единое целое во взаимосвязи друг с другом.

Посвящённая системе образования «Глава 4», казалось бы, вполне естественно вписывается в «Часть III», в которой рассматриваются вопросы вьетнамской культуры XI – XVI вв. Это тем более логично, что все изменения системы образования теснейшим образом связаны с идеологическими

процессами, о которых идёт речь в предыдущей главе этой части. Однако в то же время «Глава 4» вполне могла бы быть включена в состав «Части II» с её социально-экономической проблематикой. Последнее связано с тем, что на самом деле речь идёт не о системе образования в европейском понимании этого термина, а о регуляторе социальной мобильности, оформление которого в XV в. предопределило дальнейший путь социального развития вьетнамского общества на последующие пять веков его существования. Гипотеза о том, к каким последствиям привело создание этого, во многом общего для всех стран конфуцианского культурного ареала, регулятора социальной мобильности, сформулирована в «Параграфе 3» «Главы 4» и «Примечании 27» «Комментария» к этой главе.

Завершается «Том II» «Заключением», которое строится на тех же принципах, что и «Заключение» предыдущего тома. Иными словами, в его «Части I» с «тямской» точки зрения рассматриваются происходившие в XI – XVI вв. в южной части Центрального и Южном Вьетнаме события, которые привели к исчезновению королевства Тямпа и формированию современных государственных границ Вьетнама южнее Перевала Облаков. Наконец, в «Части II» «Заключения» на основании обобщения материалов данного тома даётся полная периодизация средневековой истории Вьетнама вместе со связанными с ней выводами по развитию вьетнамского общества той эпохи.

2. *Письменные источники по истории Вьетнама XI – XVI вв.*

Если проблема источников по истории Вьетнама до X в. вызывает ожесточённые споры между теми, кто настаивает на вторичности вьетнамских источников и первичности синхронных происходившим событиям китайских хроник и летописных сводов¹, то по данному периоду вьетнамской истории таких споров в принципе не должно возникать.

¹ Смотри «Параграф 3» «Введения» «Тома I».

Уже само развитие вьетнамской государственности свидетельствует о том, что как минимум в XII в. во Вьетнаме окончательно оформилась непрерывно развивавшаяся вплоть до конца XIX в. национальная историографическая традиция. Поэтому, вопреки тому, что, судя по всему, подавляющее большинство вывезенных в начале XV в. в империю Мин вьетнамских текстов безвозвратно утеряно, первичность вьетнамских источников по национальной истории начиная с XI в. не вызывает сомнения. Все они уже рассматривались во «Введении» и в «Главе 1» «Части IV» «Тома I». Кроме того, они дополнительно анализируются в «Параграфе 3» «Главы 3» «Части III» настоящего тома. В данном же «Введении» следует лишь указать на то, что эти источники дополняются и иногда уточняются китайскими или прокитайскими историческими сочинениями [246; 257.15; 241; 472]².

Также важно подчеркнуть, что при исследовании вьетнамской культуры эпохи средневековья важную роль играют такие памятники буддийской историографии, как «Высказывания выдающихся Святых [из] Сада Дхьяны» [244] и объединённые в сборниках светской литературы сюжеты третьей группы (XI – XV вв.) вьетнамской историко-мифологической традиции [242; 245]. Они представляют особый интерес в связи с тем, что многие из них были созданы практически синхронно с описываемыми в них событиями. Варианты ряда этих сюжетов также сохранились в буддийских храмовых житиях и в «Семейных записях» поминальных храмов культа предков, которые в настоящее время активно собираются учёными СРВ.

Наконец, в «Заключение» данного краткого «Введения» представляется необходимым отметить ещё три момента.

Во-первых, все основные опубликованные источники по средневековой истории Вьетнама приведены в «Сводной библиографии» «Тома VI» вместе с их выходными данными. При этом опубликованы далеко не все иероглифические тексты этих источников, а потому приходится пользоваться их транскрипцией-переводом на современный вьетнамский язык.

Вход в Тямский скальный храм «Узоры Необъятной Пустоты». Деревня каменотёсов «Мраморная гора» в пригороде Дананга. 03.04.2011 г.

С точки зрения понимания общего хода развития событий, их использование не влияет на работу с текстами, однако при необходимости толкования нюансов оно может привести к ошибкам и неточностям.

Во-вторых, автор «Главы 1» и «Главы 2» «Части I», а также «Главы 1» «Части II» настоящего тома А.Б.Поляков опирался в своей работе на опубликованный им самим на русском языке текст летописного свода XII – XIV вв. «Краткое [изложение] истории [Великого] Вьета» и изданный на латинице во Вьетнаме текст летописного свода XV в. «Запись истории Великого Вьета, полное описание» [36; 165; 236.2]. Поэтому, чтобы не перегружать работу ссылками, они даются только в тех местах, где либо прямо цитируется текст того или иного источника, либо говорится о том или ином конкретном событии. Однако, учитывая, что А.Б.Поляков скрупулёзно датирует все описываемые им события по вышеуказанным источникам, читатель без затруднения сможет найти по этим датировкам заинтересовавший его раздел в их опубликованных текстах.

В-третьих, согласно традиционной методологии все российские авторы «Полной академической истории Вьетнама» приводили в своих разделах титулы, должности, посмертные имена императоров и другую специальную терминологию в их русской фонетической транскрипции. Однако при редактировании вся эта терминология как в главах настоящего тома так и в главах остальных томов, была переведена на русский язык. Исключением являются лишь цитаты из опубликованного А.Б.Поляковым³ на русском языке перевода «Краткого [изложения] истории [Великого] Вьета» [36]. Он цитируется без изменений по публикации, тогда как перевод специальной терминологии приводится в сносках¹.

Наконец, в заключение этого краткого «Введения» следует подчеркнуть, что «Том II» «Полной академической

¹ Сммотри общее «Предисловие» в «Томе I» и «Пояснительную статью» в «Томе VI».

истории Вьетнама» имеет особое значение для понимания формирования и становления вьетнамской нации. Если в «Томе I» было показано, почему, в отличие от вьетских обществ Южного Китая, вьеты Северного Вьетнама так и не были ассимилированы различными общекитайскими империями и южнокитайскими царствами, то в данном томе основное внимание уделено своеобразию развития Вьетнама после восстановления независимости.

В свете вышесказанного следует обратить внимание на широко распространённую точку зрения, согласно которой вьетнамская культура является своеобразным «дериватом» китайской. Происхождение этого тезиса объясняется тем, что первые столкнувшиеся с вьетнамской культурой европейцы были заворожены культурным величием Китая, затмевавшим в их глазах специфику столь незначительного по сравнению со своим северным соседом государства. Поэтому, предваря основные разделы настоящего тома, следует указать на то, что, несмотря на всё внешнее сходство структур государственной и общественной организации Вьетнама и Китая, которые стали почти полностью идентичными к началу XIX в., их внутреннее содержание значительно отличалось друг от друга, при этом схожая на первый взгляд с китайской вьетнамская культура значительно более синкретична по своему характеру.

ЧАСТЬ I

История средневекового Вьетнама в XI – XVI вв.

Глава 1

Империя Дайвьет в эпоху правления первой общевьетнамской династии Ли (1010 – 1226 гг.)

В связи со спецификой истории Вьетнама конца IX – начала XI в. в предыдущем томе уже затрагивались некоторые аспекты вьетнамской истории, связанные с династией Ли. В первую очередь это касается последних трёх параграфов «Главы 3» «Части IV» «Тома I». Именно поэтому в настоящей главе, особенно в её начале, и не удалось избежать ряда обоснованных её содержанием повторов.

1. *Первая часть правления общевьетнамской династии Ли (1009 – 1127 гг.)*¹

1.1. *Приход к власти*

Со смертью Ле Лаунг Диня в 1009 г. закончился более чем столетний насыщенный важными историческими событиями период независимого существования вьетнамского государства. Как известно, в X в. ожесточённая борьба между сторонниками централизованного государства и удельными князьями, отстаивавшими свою полную самостоятельность, привела к победе объединительной тенденции, для чего были как объективные, так и субъективные предпосылки, которые и сыграли решающую роль.

К концу X в. во вьетнамском обществе определились социальные слои, которые были объективно заинтересованы в установлении прочной централизованной монархии в стране. К этому времени в общих чертах сложился административный аппарат, состоявший из военных и гражданских чиновников, причём первые играли в то время значительно большую роль в политической жизни. Их существование могло обеспечить только централизованное бюрократическое государство, контролирующее всю территорию страны. В объединении государства и прекращении феодальной междоусобицы, сопровождавшейся частой сменой верховных правителей,

ожесточенной борьбой за престол и активными военными действиями, также были заинтересованы крестьяне и общинная верхушка, которым были необходимы нормальные условия труда и уменьшение бремени беспорядочных поборов со стороны многочисленных представителей господствующего класса. Именно в этом плане можно истолковать фразу придворного Дао Кам Мока, советовавшего Ли Конг Уану захватить престол: «Ныне простой люд устал, народ страдает» [36, с.141]. Была и третья серьезная сила, заинтересованная в объединении страны, – буддийская сангха, которая к этому времени приобрела прочные позиции при дворе и обладала большим духовным влиянием на народные массы.

Об укреплении центростремительных тенденций свидетельствует бескровная узурпация власти династии Ле династией Ли. Наиболее решительно против Ле Лаунг Диня выступили буддийские монахи, занимавшие при дворе Динь и Ле привилегированное положение. Они получали высшие чиновничьи должности, были советниками императоров, выполняли дипломатические функции, являясь наиболее образованной частью господствующего класса. Несмотря на наличие двух буддийских сект махаяны, в источниках не имеется данных о разногласиях или борьбе между ними. При назначении на придворные должности не отдавалось предпочтения представителям одной из них в ущерб другой. Жестокость Ле Лаунг Диня, казни, пытки, массовый террор [36, с.137] находились в резком противоречии со взглядами буддистов, проповедовавших милосердие. Положение усугублялось тем, что император подвергал и самих монахов изопрённым издевательствам. Так, из источников известна история о том, как он, развлекаясь, скоблил сахарный тростник на голове монаха Куать Мао, намеренно промахиваясь ножом. Буддийская сангха начала готовить переворот. Чтобы избежать в дальнейшем подобной ситуации, было решено поставить у власти своего человека, воспитанного в уважении к буддийскому учению и его духовенству. Предыдущие основатели кратковременных династий, являвшиеся представителями военно-феодалного сословия, как правило,

не имели образования и не знали основ буддийского учения, а лишь использовали священнослужителей в государственных делах. В стремлении сангхи поставить во главе страны воспитанника буддийских монахов можно заметить попытку создания теократической системы правления, чего, однако, не произошло.

Рождение Ли Конг Уана описывается в исторических источниках как событие необычайное, сопровождавшееся чудесными знаменами. Так, его мать по фамилии Фам, отправившись на прогулку в пагоду Тиеу-шон¹, совокупилась там с духом, вследствие чего в 974 г. и родился Ли Конг Уан. Обращает на себя внимание, что в летописях записаны не только год, но и дата рождения будущего основателя новой династии: 13-ое число 2-го месяца. Характерно, что даты рождения предыдущих правителей не были нигде отражены и остались неизвестными. Фиксация подобных событий могла происходить в то время только в храмовых записях, что подтверждает внимание буддистов, проявленное к нему с момента его рождения. Согласно принятой во вьетнамской исторической науке версии, Ли Конг Уан был усыновлен монахом пагоды Ко-фал Ли Кхань Ваном. Впоследствии Уан стал учеником буддийского монаха Ван Ханя в пагоде Лук-то. Ван Хань воспитывал его не только в духе буддийского учения, но и готовил к политической карьере. Под его руководством он читал классические и исторические книги. В правление Ле Дай Ханя¹¹ он стал придворным, служил у наследного принца Лаунг Вьета, по всей вероятности, по протекции буддийского духовенства, которое, как уже отмечалось, занимало в то время высшие посты при дворе. Ван Хань при этом исподволь готовил почву для возведения Ли Конг Уана на престол. Так, он говорил про Конг Уана, когда тот был его учеником: «Это необычайный человек. Впоследствии, став взрослым, непременно сможет обеспечить благоденствие народа, станет владыкой Поднебесной». [358, с.139]².

¹ Храм Тиеушон находится в провинции Хабак.

¹¹ Великий Начинатель Ле.

После того как Ле Лаунг Динь убил своего старшего брата Лаунг Вьета, находившегося на престоле всего три дня, Ли Конг Уан стал приближенным императора, получил сначала должность заместителя начальника охраны стен столичной крепости, а затем начальника одного из двух основных отрядов дворцовой гвардии. Столь быстрое его выдвижение объясняется в летописных сводах следующим образом: «Когда Чунг Тонг^I был убит Нгоа Чиеу^{II}, все высшие чиновники разбежались. Только один вуа^{III} обнимал тело [Чунг Тонга] и плакал. Нгоа Чиеу похвалил [вуа] за его верность, назначил [его на должность] та тхан ве диен тиен ти хюн шы^{IV}» [36, с.139]³. Правда, остаётся неясным, был ли действительно тронут известный своей жестокостью Лаунг Динь верностью Ли Конг Уана, или последний, оказывая помощь узурнатору, имел отношение к убийству Лаунг Вьета.

В целях оправдания прихода к власти Ли Конг Уана сангха прибегла к помощи чудесных знамений. Так, в источниках сообщается о том, что на родине Ли Конг Уана росло дерево, в которое ударила молния. Её следы якобы образовали ряд иероглифов, составивших письма, которые содержали скрытый смысл. Толкование им дал всё тот же Ван Хань, объяснивший Ли Конг Уану, что династия Ле погибнет, а новая династия Ли поднимется. Другим знамением стало то, что в «пагоде Ынг-тхиен, что в деревне Кофап, собака родила белого щенка, на спине которого была чёрная шерсть в виде иероглифов “Сын Неба”. Как оказалось, император [Ли Конг Уан] родился в год Чёрного Пса» [1462.2, с.142]. Как бы то ни было, сангха заблаговременно готовила почву к перевороту. Это во многом обеспечило в решающий момент и поддержку будущего монарха столичными чиновниками. Во главе этих чиновников стал начальник ведомства или министерства обрядов Дао Кам Мок. Когда Ли Конг Уан прибыл во дворец

^I Срединный рода.

^{II} Возлежащий [на] троне.

^{III} Император.

^{IV} Командующий, левый начальник переднего дворца

для несения службы во главе пятисот гвардейцев, там уже находился Кам Мок. В тот момент во дворце был ещё один, судя по всему, симпатизировавший Конг Уану военачальник по имени Нгуен Де, у которого в подчинении тоже было пятьсот человек. Поэтому, понимая, что Ли Конг Уану помогает буддийское духовенство, Дао Кам Мок решил воспользоваться моментом, для того чтобы «уговорить» будущего основателя династии захватить власть⁴. В результате, благодаря тщательной подготовке и наличию могущественных союзников переворот прошёл бескровно, и в 11-ом месяце 1009 г. Ли Конг Уан вступил на престол. После прихода к власти он наделил высокими титулами и должностями своих сторонников и родственников. Так, Дао Кам Мок получил в жены старшую дочь монарха принцессу Ан Куок и ему был пожалован титул маркиза Истинной справедливости⁵. С того времени Ли Конг Уан упоминается в источниках как «Великий Предок [династии] Ли».

Интересно проследить отношение Великого Предка к сангхе после вступления на престол. В летописных сводах нет упоминания о присвоения им титула или должности придворного вельможи какому-либо монаху, как это делали ранее императоры династий Динь и Ле. Так, в период правления династии Ли отмечается участие монахов в политических делах, однако все эти сведения относятся ко времени правления династий Динь и Ле. Поэтому можно предположить, что, став императором, Великий Предок не захотел чрезмерного усиления влияния сангхи при дворе и вмешательства её руководства в государственные дела. Нельзя исключить также и того, что этим он стремился подчеркнуть сакральный характер своей верховной власти. Однако централизованное государство нуждалось в единой религии, которая способствовала бы объединению страны. Такой религией и стал буддизм, который с приходом к власти династии Ли стал безраздельно господствовать в духовной жизни вьетнамского общества. Высказывается даже мнение о том, что в то время буддизм играл даже большую роль, чем культ предков [1310, с.117 – 119; 1386, с.194 – 199; 1563, с.93 –

В условиях централизации государственного аппарата назревала политическая и экономическая необходимость переноса столицы из Хоалы в географический центр страны на пересечении водных и сухопутных дорог, откуда было бы удобно как управлять ею, так и защищаться от нападений воинственных соседей. Следствием этого и стал указ Великого Предка, который гласил: «...Разве крепость Дайла, старая столица короля Высокого^{II}, не размещается в центре небесных и земных уделов? Здесь дракон свернулся кольцом и уселся тигр. Поистине Юг, Север, Восток [и] Запад сходятся в этом месте. Реки [и] горы удобно сочетаются. Её территория обширна [и] ровна. Эта земля высока [и] светла. Население не опасается наводнений [и] не доведено до крайней нужды. Всё сущее здесь пребывает в расцвете [и] изобилии. Охватывая взглядом всю державу Вьет, [убедишься], что это место – наилучшее. Поистине четыре стороны света сходятся в [этом] главном городе, который будет служить императорской столицей для десяти тысяч поколений, мы хотим выбрать эту удобную местность для проживания» [165.4, т.1, с.241].

Нельзя исключать того, что основатель династии Ли первоначально намеревался, как и его предшественники, основать столицу на своей родине в районе деревни Кофап провинции Бакзянг. Однако отправившись домой, он увидел в пути сохранившиеся стены возведённой Гао Пянем в IX в. крепости Дайла и решил основать там столицу. Не последнюю роль, очевидно, сыграло и то, что место его рождения фактически граничило со столичной областью⁶. К тому же по тем временам крепость Дайла являлась чрезвычайно мощным фортификационным сооружением, которое не имело аналогов в стране^{III}.

¹ Смотри также «Главу 3» «Части IV» «Тома I» и «Главу 3» «Части III» настоящего тома.

^{II} Король Высокий, то есть король Гао или Гао Пянь, о котором много говорилось в предыдущем томе.

^{III} Смотри «Примечание 39» «Комментария» «Главы 3» «Части II» «Тома I».

Памятник Великому Предку династии Ли.
Ханой, 23.03.2011 г.

Учитывая, что решение о переносе столицы было принято всего лишь через 150 лет после постройки крепости Гао Пянем, надо полагать, что её земляная стена вместе с рядом других укреплений хорошо сохранилась. Помимо этого реки Красная и Толить, а также озёра, окружавшие крепость, являлись её естественной защитой. Основание новой столицы произошло в 7-ом месяце 1010 г. Согласно преданию, когда корабль Великого Предка причалил у городской стены, произошло явление Жёлтого дракона⁷. Поэтому столица и была названа Тханглаунг, что в переводе означает «Взлетающий дракон». Император повелел построить в столице дворцы и храмы, при этом дворец наследного принца Фат Ма был поставлен вне стен Тханглаунга, с тем чтобы «он лучше узнавал [о] делах народа» [165.4, т.1, с.243]. Под 1014 г. в источнике содержится сообщение о возведении земляной стены с четырёх сторон Тханглаунга. По-видимому, здесь подразумевается вторая, внутренняя стена новой столицы, построенная на территории бывшей крепости Дайла, земляные стены которой составили внешние оборонительные укрепления. Это подтверждается и сообщением того же летописного свода о ремонте в 1078 г. крепостных стен Дайла [165.4, т.1, с.280].

1.2. Первый период существования централизованного вьетнамского феодального государства

Вслед за основанием новой столицы в конце 1010 г. Великий Предок провёл реформу административного деления страны. Как отмечается в источниках, 10 военных округов¹, созданных ещё Динь Бо Линем, были преобразованы в 24 больших округа⁸. Правда, в данном случае цифра «24» вызывает сомнение, так как в текстах летописных сводов приводятся названия лишь 12 больших округов Тхиенчюнг, Куокоай, Хайдонг, Киенсьонг, Кхоай, Хоангзянг, Лаунгхынг.

¹ Сочетание иероглифов 兵道 также может переводиться как «армейский корпус».

Бакзянг, Чыонгиен, Хонг, Тханьхоа, Зиентяу, тогда как в южных округах страны Ай и Хоан в Тханьхоа и Нгеане были созданы так называемые «лагеря», или, вернее, «[военные] лагеря». Надо полагать, что эти военные лагеря являлись центрами военно-административного управления южными провинциями, которые находились под постоянной угрозой тямского вторжения. В пользу этого свидетельствует и следующее сообщение источника от 1025 г.: «Приказано создать [военный] лагерь Диньфиен на южной границе округа Хоан. Военачальник Ли Тхай Зяй назначен начальником [военного] лагеря» [165.4, т.1, с.247]⁹. Иными словами, Великий Предок династии Ли создавал на южных границах государства военные поселения, жители которых, являясь одновременно и солдатами, и земледельцами, должны были отражать тямские набеги.

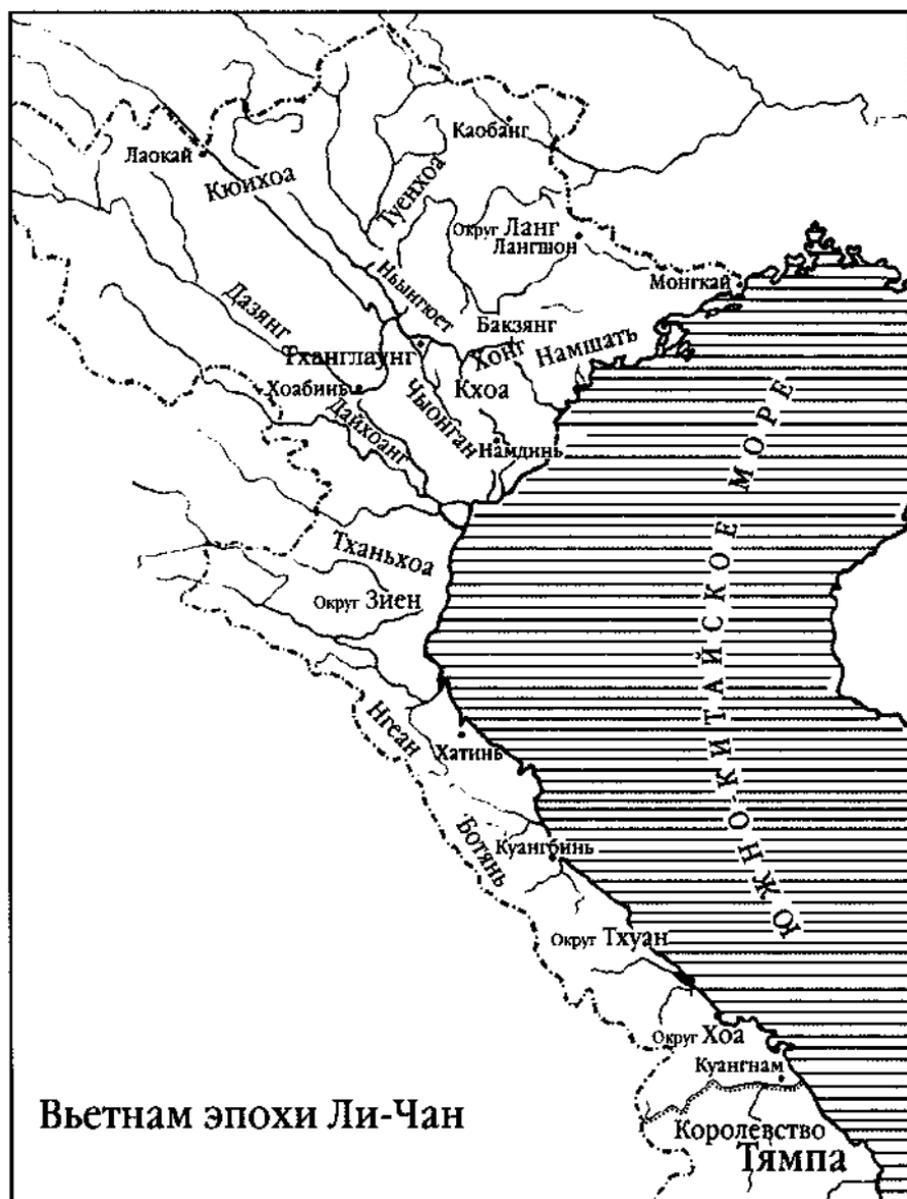
Начала получать более чёткое оформление структура административного аппарата, состоявшего из высшей аристократии, родственников императора, служилого гражданского и военного чиновничества. При Великом Предке государственный аппарат впервые начинает приобретать классические для вьетнамского феодализма черты бюрократической машины. Анализ проведённых в 1028 г. назначений на высшие должности показывает, что с этого момента гражданские чиновники выдвигаются на первое место, а военные отодвигаются на второе, которое они и будут занимать на протяжении многих веков. Вместе с тем следует отметить, что на данном этапе различия между военными и гражданскими функциями еще не были чётко разграничены [165.4, т.1, с.251, 252].

Объектом постоянной заботы основателей династии Ли, как и их предшественников, была армия. Так, Великий Предок издал ряд указов, направленных на совершенствование её структуры и организации. В правление династии Ли эта структура приобретает четкий и стабильный характер, который в основном сохранялся и на протяжении следующих веков. Основной регулярной и привилегированной частью армии оставалась дворцовая гвардия. Великий Предок

увеличил её численность и разделил на десять отрядов. Ранее был создан и особый эскорт для сопровождения императора во время его поездок. Он состоял из двух отрядов по пятьсот человек каждый. В отличие от других частей гвардейцы несли службу постоянно и не отпускались на сельскохозяйственные работы. Поэтому в гвардию отбирались люди только из больших семей или одинокие.

Они несли службу в столице, охраняя императора и его резиденцию, или запретный город, в столице. Императорская гвардия получала жалование продовольствием и деньгами. «Де-факто» она являлась единственным профессиональным видом вооружённых сил Дайвьета. На время ведения военных действий в качестве вспомогательной силы создавалось деревенское ополчение, которое имело ограниченное территориальное применение [1343, с.19]. Основную же по численности часть армии составляли войска округов или местные войска, в которых несли службу годные по здоровью достигшие шестнадцатилетнего возраста податные крестьяне-общинники. Рекрутирование проводилось по деревенским подворным спискам. Крестьяне-общинники несли службу и проходили военную подготовку в течение определённого, как правило, относительно короткого срока, после чего они отпускались в свою деревню. Их сменяла другая группа крестьян. В случае войны все они подлежали мобилизации. Это была своего рода всеобщая воинская повинность, на основе которой создавалась регулярная армия¹⁰. Названия войск округов, или местных войск, она получала, видимо, потому, что в мирное время это позволяло по несколько раз чередовать призыв одних и тех же крестьян на военную службу, с тем чтобы они не тратили много времени на дорогу домой. Кроме того, эта система позволяла составлявшим подворные списки местным властям чётко контролировать правильность рекрутирования крестьян в армию.

Система чередования призыва крестьян на службу в армию получила название политики «отправления солдат в деревню».

Вьетнам эпохи Ли-Чан

Как отмечалось, срок этой службы был относительно непродолжительным. При этом солдат отпускали на уборку урожая, находились они в основном на самообеспечении, а профессиональная армия была немногочисленной. Все это способствовало значительной экономии средств, расходуемых

на содержание армии в мирное время. Что касается военных действий, то здесь расходы казны резко повышались в связи с мобилизацией большой массы крестьян на продолжительный период, необходимостью их обеспечения продовольствием и оружием, а также переброской армии на большие расстояния. Армия Дайвьета состояла из флота и сухопутных войск, в которых основную роль играла пехота с её ударной силой – лучниками и арбалетчиками. Вспомогательными силами были боевые слоны и кавалерия. Подобная система комплектования армии позволяла подготовить к военной службе практически всё взрослое население страны и в случае войны осуществить всеобщую мобилизацию.

Согласно указу Великого рода династии Ли от 1043 г., за уклонение как от воинской службы, так и от мобилизации в случае войны предусматривались различные наказания [165.4, т.1, с.274]. Также запрещалось продавать в рабство крестьян, достигших призывного возраста. Кроме того, упоминаются мелкие поселковые воинские подразделения из пятнадцати человек, во главе которых стоял староста посёлка. Судя по всему, они являлись частью территориальных войск, используемых для защиты поселений на окраинах страны¹¹. Крупными воинскими контингентами располагали и сыновья императора, которым было поручено подавление мятежей внутри страны и охрана её рубежей. Наследный принц Фат Ма также имел под своим командованием войска, с которыми совершил поход на Тямпу.

Такая организация армии на практике дала возможность войскам небольшого по размерам и численности государства Дайвьет успешно отразить вторжения таких могущественных империй, как Сун и Юань.

Как известно, императоры предыдущих династий Динь и Ле направляли свои основные усилия на борьбу с феодалами, укрепившимися в центральных равнинных районах Северного Вьетнама, а также в Тханьхоа и Нгеане, тогда как Великий Предок приступил к подчинению окраинных районов страны, населённых горными племенами. В 1011 г. им был нанесён первый удар по округу Ай. В следующем году, подавив

сопротивление в округе Зиен на территории современной провинции Нгеан, император захватил в плен прибывших торговать в округ Вилаунг провинции Туенкуанг людей народности ман¹.

Однако уже в 1014 г. *маны*, собрав значительную военную силу, вернули себе контроль над обширными районами предгорий Северного Вьетнама. Правда, вскоре они были разгромлены войсками одного из сыновей императора [великим] князем¹² Поддерживающим совершенство, который захватил при этом богатые трофеи. Тем не менее, ему не сразу удалось овладеть всем районом современных провинций Туенкуанг и Каобанг. Поэтому в 1015 г. К этому принцу присоединился его брат [великий] князь Воинской добродетели. В результате местный предводитель Ха Чак Туан был схвачен, отвезён в столицу и казнён. Однако уже в 1022 и 1024 гг. в населённые *манами* районы были направлены очередные карательные экспедиции. Впоследствии география военных походов против горных национальных меньшинств была расширена. Так, например, в 1027 г. наследник престола [великий] князь Небесного начала покорил народности, населявшие современную провинцию Лангшон.

В результате многочисленных военных кампаний усилились вооружённые силы сыновей императора, при этом великому князю Государственного начала была отдана в управление область Чыонгиен с резиденцией в прежней столице Хоалы. В источнике сообщается, что этот принц, «понадеявшись на труднодоступные горы и реки, принимал беглых [и] грабил население» [165.4, т.1, с.250]. Косвенные данные источников позволяют сделать вывод о том, что и другие принцы – [великий] князь Победитель [разбойников] Востока, [великий] князь Поддерживающий совершенство и [великий] князь Воинской добродетели – тоже получили в управление целые области. Таким образом, принцы крови стали пользоваться определённой самостоятельностью по

¹ Согласно данным источников, в этом походе вьетнамцы захватили более десяти тысяч лошадей.

отношению к императорскому двору, что достаточно типично для начального этапа существования феодального государства с ещё недостаточно сильной центральной властью.

В 1028 г. скончался Великий Предок династии Ли, после чего сразу же началась борьба за престол между его сыновьями.

Скульптура поминального алтаря Великого Предка династии Ли.
Пагода Ван-фук (Бесконечное счастье).

Гора (община) Фаттить уезда Тиензу провинция Бакнинь
[Великие] князья Победитель [разбойников] Востока,
Поддерживающий совершенство и Воинской добродетели

ввели свои войска в запретный город в Тханглаунге, где в императорской резиденции находился наследный принц Фат Ма. В это же время там собрались придворные для возведения наследника на престол. Верные ему сановники, офицеры охраны и дворцовая гвардия укрепились в одном из дворцов и приготовились обороняться. Сановники Зыонг Бинь, Куать Тхинь, Ле Хюен Шы и Ле Фунг Хиеу во главе с Ли Нян Нгиа призывали Фат Ма к решительным действиям против его восставших братьев, которые уже начали сжимать кольцо окружения. Тогда верные наследному принцу гвардейцы вступили в бой с врагом, исход которого решило энергичное вмешательство в сражение Ле Фунг Хиеу. [Великий] князь Воинской добродетели был убит, а [великие] князья Победитель [разбойников] Востока и Поддерживающий совершенство бежали. После этой победы Фат Ма вступил на престол и объявил всеобщую амнистию¹. Благодаря этому оба признавших свою вину мятежных [великих] князя были помилованы и за ними были сохранены их титулы. Между тем укрепившийся в Хоалы [великий] князь Государственного начала отказался признать власть императора Великого рода, который в 4-ом месяце 1028 г. отправился в поход против него, оставив вместо себя в столице Ли Нян Нгиа. [Великий] князь Государственного начала сдался брату без боя. Перед вступлением в Хоалы император издал указ, запрещающий солдатам и офицерам под страхом смерти грабить население, тогда как брат императора и его чиновники были доставлены в Тханглаунг и помилованы. При этом во избежание дальнейших беспорядков император Великий рода поспешил назначить своего сына наследным принцем¹¹ и утвердил официальные титулы семи императриц.

Одним из первых мероприятий императора после прихода к власти было назначение своих сторонников на высшие гражданские и военные чиновничьи должности.

¹ С этого момента он упоминается в источниках под посмертным именем император Великий рода династии Ли.

¹¹ Будущий император Гуманный рода династии Ли.

Интересно, что в источниках впервые приводится такое большое количество должностей¹. Вскоре был установлен порядок ранжирования с соответствующим продвижением по службе, что свидетельствовало как о дальнейшем развитии централизованного административного государственного аппарата, так и о специализации его функций. Тогда же на первое место выдвигаются гражданские должности. Таким образом, в эти годы административный аппарат начинает приобретать вид и структуру, которые были характерны для него в течение последующих столетий. Как ни странно, такие люди, как Ли Нян Нгия и Ле Фунг Хиеу, оказавшие самую действенную помощь в подавлении мятежа принцев, получили второстепенные должности. Тем не менее Ли Нян Нгия продолжал пользоваться особым доверием императора. Отправляясь в поход, монарх всегда оставлял его вместо себя в столице наместником.

К этому времени назрела необходимость в чёткой законодательной системе, без которой не могло нормально функционировать и развиваться централизованное феодальное государство. Ранее чиновники при разборе судебных тяжб исходили из отдельных указов императора, опираясь, видимо, на обычное право. Поэтому в сороковых годах XI в. чиновникам двора было поручено приступить к упорядочению законодательства. В результате появилась целая серия императорских указов, в которых предусматривались различные наказания за преступления. О придававшемся этому вопросу значении свидетельствует указание о передаче всех судебных дел на разбирательство наследнику престола [великому] князю Императорского начала с последующим докладом наиболее важных из них самому императору. Следует отметить, что это шло вразрез со сложившейся впоследствии практикой отправления судопроизводства. Историограф Нго Ши Лиен писал, что наследному принцу, как правило, поручалось командование войсками во время

¹ Всего было учреждено восемнадцать высших гражданских и военных должностей.

военной кампании или замена императора в руководстве государством в том случае, когда последний сам отправлялся в поход. Что же касается судебных дел, то они поручались чиновникам соответствующих ведомств. По-видимому, эта мера была временной, направленной на упорядочение судопроизводства.

В 1042 г. был разработан и представлен императору уголовный кодекс, который не сохранился до нашего времени. Известно только, что в нём было три книги, состоявшие из объединённых в разделы статей. Также известно, что в соответствии с императорским указом он был обнародован. О содержании статей кодекса можно судить лишь по отдельным издававшимся в то время и вошедшим в него указам императора. Судя по всему, в кодексе были зафиксированы законы, касавшиеся аграрных отношений, функционирования административного аппарата государства, армии и уголовных преступлений. Создание уголовного кодекса знаменует собой новый важный шаг на пути становления и укрепления вьетнамского централизованного феодального государства.

В своей внутренней политике император Великий рода придавал большое значение развитию сельского хозяйства. При нём императорский двор начал проводить так называемую политику «поощрения земледелия», являвшегося основой экономики аграрного государства. Были определены категории населения. Основной податной массой были так называемые «жёлтые мужчины» в возрасте от восемнадцати до шестидесяти лет. Их фамилии заносились в реестровые книги жёлтого цвета, откуда и пошло это название. Государство приняло законодательные меры по сохранению этой категории населения и недопущению уменьшения их числа. В 1043 г. был издан указ, запрещающий чиновникам укрывать и эксплуатировать «жёлтых мужчин», другим указом того же года было запрещено их продавать и превращать в домашних рабов. Также предусматривалось наказание за воровство общинных буйволов.

Император продолжил освоение южных районов страны, которым придавалось большое значение. Они служили

базой для снабжения войск, охранявших границу и участвовавших в боевых действиях против Тямпы. В 1036 г. в округе Хоан была создана полевая ставка, а сам округ, в котором построили пятьдесят хранилищ для продовольствия, был переименован в Нгеан. В 1042 г. восьмой сын Великого Предка маркиз Величественного света был назначен правителем Нгеана с правом сбора налогов, при этом на юге современной провинции Тханьхоа был создан укрепленный лагерь Бахоа для управления всем округом. Маркиз прекрасно справился со своими обязанностями. В победоносном походе на Тямпу в 1044 г. вьетнамская армия бесперебойно получала необходимое ей продовольствие, за что его наградили титулом [великого] князя.

Продолжались походы с целью подчинения горных племён. Помимо всего прочего, это было связано с тем, что вьетнамской монархии было необходимо контролировать населённые ими северные территории страны, имевшие стратегическое значение в борьбе с сунской империей. Именно в правление династии Ли, особенно её первых двух императоров, было покончено с самостоятельностью вождей горных племён. Всего при династии Ли произошло около двадцати шести вооружённых столкновений императорских войск с ними, из которых на время правления первого монарха приходится восемь, второго – двенадцать, а на шесть остальных, правивших по времени втрое дольше двух первых, приходится всего примерно шесть экспедиций против горных племён.

Одной из важных целей этих экспедиций был сбор дани. В связи с этим интересно отметить, что начало практически всех военных действий против происходивших в правление Великого Предка восстаний горных племён, в летописных сводах описывается как приказ выступить в поход против такого-то округа. Между тем, в правление его преемника императора Великого рода династии Ли источники сообщают, что такой-то округ «взбунтовался» и император повелел его покарать. Таким образом, судя по всему, Великий Предок, покорив племенных вождей, заставил горцев платить дань, что

не могло не вызвать сопротивления последних. Однако их выступления в правление императора Великого рода уже рассматривались как «мятежи». О том, что часть горных долин к тому времени стала окраиной вьетнамского государства свидетельствует и резкое сокращение военных конфликтов с их жителями после правления второго императора династии Ли. Так, следующий после его кончины случай отказа платить дань со стороны вождя одного из горных племён зафиксирован лишь в 1119 г., то есть более чем через шестьдесят лет, в то время как в первой половине XI в. «усмирения» горных племён происходили в среднем раз в два года. В правление же династии Чан выступления вождей горных племён практически свелись к нулю¹³. Необходимо отметить, что политика династии Ли, направленная на покорение горных племён, не сводилась только к их вооружённому подавлению. Император Великий рода начал применять и тактику мирного привлечения племён на свою сторону. В его правление несколько принцесс императорского рода были отданы замуж за племенных вождей, что также способствовало прекращению их выступлений против вьетнамской монархии.

Наиболее длительной и упорной была борьба за свою независимость народности *нунг*, проживавшей в районе современной провинции Каобанг и частично на приграничной территории сунской империи. В 1038 г. один из вождей *нунгов* по имени Тон Фук, уничтожив других вождей, своих родственников Тон Лока и Дьонг Дао, объединил под своей властью всю территорию соплеменников, назвав её государством Чьонгшинь. Он прекратил платить дань Дайковьету, объявил себя императором и провозгласил девиз правления Блистательное совершенство, пожаловал своей жене А Нунг титул императрицы Светлой добродетели, а своему сыну Чи Тхонгу – титул [великого] князя Южного присутствия. После чего Тон Фук, готовясь к отражению возможного нападения вьетнамского императора, возвёл прочные оборонительные сооружения и вооружил своих людей. Во втором месяце 1039 г. император лично возглавил поход против мятежников, оставив в столице вместо себя

наследного принца [великого] князя Государственного начала. Тон Фук со своими сторонниками, жёнами и детьми бежал в горы, но был схвачен вместе со своим сыном Чи Тхонгом. Его жене А Нунг и другому сыну Чи Као удалось скрыться. Великий рода повелел посадить Тон Фука вместе с его сообщниками в клетку и отвезти в столицу, где Тон Фук и пять других бунтовщиков были казнены на столичном рынке. Император также сравнял с землёй укрепления мятежников и принял меры к тому, чтобы расположить к себе *нунгов*.

В 1041 г. скрывавшийся на территорию империи Сун Чи Као со своей матерью занял округ Тхангзо¹, назвав его государством Дайлить. Императорские войска нанесли ему поражение, схватили и доставили в столицу. Однако Великий рода не только помиловал Чи Као, но и отдал ему в управление округ Куангнгуен вместе с близлежащими районами, а в 1043 г. этому племенному вождю была пожалована печать и должность Великого защитника. Средневековые вьетнамские историографы осуждали императора за то, что, руководствуясь буддийским милосердием, он простил его «преступления». Но, надо полагать, император Великий руководствовался в данном случае не «буддийским милосердием», а стремлением иметь воинственного и авторитетного среди горных племён союзника на границе с империей Сун. Тем не менее в 1048 г. Чи Као вновь выступил против Дайвьета и опять неудачно, и снова он не был наказан. После этого Чи Као отправил к сунскому двору посольство с данью и с просьбой признать его вассалом. Однако император Высокий рода династии Сун отказал ему в этой просьбе. Тогда в 1052 г. Чи Као собрал пятитысячное войско и овладел Юнчжоу^{II} на юге сунской империи. Двигаясь далее на восток, он захватил девять небольших округов и осадил крепость Гуанчжоу, но, столкнувшись с ожесточённым сопротивлением сунского гарнизона, он был вынужден снять осаду. Отступая обратно в

¹ Округ Тхангзо: по всей вероятности, это часть территории граничащей с Китаем провинции Каобанг.

^{II} Наньнин.

Юнчжоу, он громил небольшие отряды китайских войск и уничтожал чиновников. Местное население, среди которого было много племён этнически близких к *нунгам*, повсюду оказывало ему радушный прием, при этом многие из них пополняли ряды его армии. Чи Као объявил себя императором Гуманным [и] милостивым, назвав при этом подвластную ему территорию государством Дайнам¹. В этой ситуации власти Дайвьета, внимательно следившие за происходящим, сочли, что наступил благоприятный момент для вмешательства. Поэтому император Великий рода династии Ли предложил императору Высокому рода династии Сун помощь. Нет никакого сомнения, что вьетнамский император хотел как продемонстрировать силу своей армии могущественному северному соседу, так и уничтожить мятежного Чи Као, по возможности расширив одновременно с этим территорию Дайвьета за счёт южнокитайских провинций. Однако умудрённые опытом сунские сановники разгадали истинные намерения вьетнамцев и сумели убедить императора Высокого отказаться от этого предложения. Когда же в 1053 г. сунский полководец Ди Цин в сражении при Юнчжоу нанёс Чи Као решительное поражение, последний обратился к императору Великому, который, не имея иного предлога ввести войска в южнокитайские провинции, направил ему на помощь армию во главе с военачальником Ву Ни. Однако к тому времени Ди Цин вновь разгромил *нунгов*, тогда как бежавший в Наньчжао Чи Као был убит, а его мать А Нунг вместе с его братьями и детьми были казнены. Этим завершилось покорение *нунгов*, сопротивление которых во главе с Тон Фуком и Чи Као было обречено на поражение из-за того, что они оказались «зажатыми» с севера сунской империей и с юга Дайвьетом, стремившимися распространить своё влияние на их территории. Из этого примера видно, что вьетнамская политика по отношению к северным племенам была напрямую связана с вьетнамо-китайскими отношениями.

¹ Великий Юг.

В то же время внутренняя оппозиция в лице местных феодалов уже была значительно ослаблена, и её немногочисленные выступления в XI в. не могли представлять серьезную угрозу централизованной монархии. Так, например, в 1012 и 1026 гг. были быстро подавлены два восстания в округе Зиен, а в 1036 г. – поддержанное младшими братьями императора выступление военачальника Нгуен Кханя и буддийского монаха по фамилии Хо в округе Ай. В том же XI в. в стране вспыхнуло несколько мелких мятежей, которые были подавлены без привлечения крупных военных сил. Поэтому вступивший на престол в 1054 г. император Совершенный рода династии Ли без помех продолжил дальнейшее совершенствование структуры административного аппарата. В его правление впервые чиновникам начали выплачивать ежемесячное фиксированное жалование деньгами и рисом. Правда, на первых порах это распространялось только на не связанных со сбором налогов судебных чиновников. Большое внимание также уделялось укреплению армии, в первую очередь её гвардейских частей. Победоносный поход на Тямпу в 1069 г., в результате которого у южного соседа были отторгнуты три провинции, ярко продемонстрировал силу армии Дайвьета.

Скончавшемуся в 1072 г. императору Совершенному наследовал его шестилетний сын Кан Дык, известный под посмертным именем императора Гуманного рода династии Ли. Его правление, длившееся пятьдесят шесть лет, было самым длительным в истории династии Ли. Поначалу при малолетнем императоре управление страной оказалось в руках сановников, которые боролись между собой за власть. Однако регентшей стала не мать Гуманного рода по имени И Лан, а первая жена умершего императора вдовствующая императрица Тхьонг Зьонг. И Лан сумела добиться её отстранения от власти, после чего Тхьонг Зьонг была умерщвлена вместе со своими семьдесятю двумя придворными дамами, при этом все они были погребены в могиле Совершенного рода. После гибели Тхьонг Зьонг от двора был удалён Великий наставник¹⁴ Ли Дао Тхань, а главенствующее положение занял знаменитый

полководец Ли Тхыонг Киет.

В то время также продолжалось совершенствование государственного аппарата, регулярно осуществлялось пополнение рядов чиновников за счёт грамотных людей, в том числе и буддийских монахов, при этом в источниках упоминаются ведомства финансов, военное и обрядов. Особое внимание уделялось укреплению армии Дайвьета, которое проводилось под руководством Ли Тхыонг Киета. Эти меры диктовались обострением отношений Дайвьета как с сунской империей на севере, так и с Тямпой и Камбоджей на юге¹.

1.3. Внешняя политика

В Дайвьете в XI – XII вв. были выработаны те основные принципы внешней политики вьетнамского государства, которыми в значительной степени руководствовались все последующие правители страны. Следствием постоянных, как правило, победоносных войн и отражения как южных, так и северных нашествий стало формирование у вьетнамцев глубокого чувства патриотизма и национального самосознания, переходившего порой в идею превосходства над соседними народами. Интересно, что в отношении своих южных соседей власти Дайвьета проводили ту же политику, которую пытались осуществлять по отношению к нему практически все китайские империи. Так, начавшиеся в X – XI вв. военные действия против Тямпы постепенно стали традиционным направлением вьетнамской внешней политики, получившей наименование «Марша на Юг». В результате это привело через несколько веков к полному захвату тямской территории, за которым последовала аннексия части районов Камбоджи.

В то же время войны второй половины XI в. с империей Сун на севере привели к тому, что имперские стратеги убедились в невозможности восстановления китайского

¹ О реформах первых императоров династии Ли в области сельского хозяйства, системы налогообложения, строительства и других мероприятиях социально-экономического характера смотри «Главу I» «Части II» настоящего тома.

господства на Вьетнаме. Фактически северная граница Дайвьета определилась в X – XI вв. и с тех пор почти не изменялась вплоть до настоящего времени. Неоднократные попытки как самих монголов, так и династий Юань, Мин и Цин завоевать Вьетнам или отторгнуть часть его территории успеха не имели. Тем не менее властители Дайвьета были вынуждены пойти на формальное признание старшинства империи Сун, сохраняя при этом полную независимость во внешней политике. Их «вассалитет» выражался в принятии от китайского императора титула короля¹⁵ и направлении к сунскому двору посольств с символической данью. Но и эти посольства отправлялись в империю крайне нерегулярно, в среднем примерно раз в восемь лет. Кроме того, как уже неоднократно говорилось, во внутренней политике всячески подчёркивалось равенство Юга и Севера по происхождению, при этом вьетнамские государи носили титул императора, используя при этом конфуцианскую систему девизов правлений и посмертных имён¹.

В первые годы правления династии Ли отношения Дайвьета с соседями носили мирный характер и выражались в основном в обмене посольствами с империей Сун, Тямпой и Камбоджей.

1.3.1. *Отношения и войны с Тямпой*¹¹

В 1020 г. в источниках сообщается о первом походе на Тямпу, который возглавил двадцатилетний сын Великого Предка и будущий император Великий рода династии Ли [великий] князь Небесного начала, проявивший впоследствии большие способности в военном искусстве и не раз командовавший императорскими войсками. Его помощником был назначен военачальник Дао Тхак Фу. В ходе сражения,

¹ Смотри «Параграф 3» «Главы 1» «Части IV» «Тома I» и хронологические таблицы в «Томе VI».

¹¹ О войнах с Тямпой вплоть до 1044 г. включительно смотри также «Параграф 1.7» «Заклучения» «Тома I».

произошедшего в районе Ботинь¹ на севере Тямпы, был убит командующий тямской армией Болинь, а сама армия потеряла до половины личного состава. Позднее, как уже отмечалось, в 1025 г. на границе с Тямпой в округе Хоан был создан военный район Диньфиен. Затем в течение почти двадцати лет обстановка на южной границе была спокойной. Однако когда в 1039 г. сын тямского короля бежал в Дайвьет, а в 1040 г. то же самое сделал тямский управляющий районом Ботинь, император Великий рода, надо полагать, решил воспользоваться нестабильностью внутривосточного положения в Тямпе. Поводом для нападения на южного соседа послужило то, что тямцы уже семнадцать лет не присылали посольств «с данью», а их вторжение в 4-ом месяце 1043 г. в прибрежные районы Дайвьета лишь ускорило начало военных действий. Однако целью планировавшейся войны было не столько стремление отомстить тямцам за вторжение, упоминаемое даже не во всех источниках, сколько желание продемонстрировать мощь Дайвьета соседним странам и местным феодалам с их сепаратистскими устремлениями¹⁶.

Походу предшествовала тщательная подготовка. Так, в 1043 г. были построены сотни боевых кораблей, которым присвоили названия мифических и реально существующих животных и птиц. По мнению вьетнамского историка Хоанг Суан Хана, на каждом судне могло разместиться до двухсот пятидесяти человек с полным запасом продовольствия, что означает возможность перевозки не менее пятидесяти тысяч воинов [1276, т.1, с.53]. Изготавливалось и ремонтировалось оружие. По предполагаемому пути следования армии строились дороги и переправы, а также создавались склады с продовольствием, при этом был издан императорский указ о том, что укравший у населения рис или имущество понесёт суровое наказание. Наконец, гражданским и военным чиновникам было выдано специально отлитыми для похода

¹ Север провинции Куангнинь.

монетами жалованье.

Во 2-ом месяце 1044 г. вьетнамская армия во главе с императором выступила в поход. В это время обычно дует северный муссон, способствующий движению флота на юг, поэтому практически все крупные походы на Тямпу начинались в этом месяце. Возвращение армии на родину происходило, как правило, в летние месяцы, когда дул южный муссон. Продвижение же по суше было крайне затруднено рельефом местности, враждебностью тямского населения и отсутствием продовольствия.

Быстро преодолев морем значительное расстояние, вьетнамская армия вступила на вражескую территорию, где ей противостояло тямское войско, сосредоточившееся в низовьях реки Тхубон на её южном берегу¹. Император Великий рода развернул свои силы на северном берегу этой реки. И хотя в авангард тямского войска были выдвинуты боевые слоны, его воины, как написано во вьетнамских летописных сводах, увидев превосходящие их силы, начали разбегаться. Вьетнамская армия форсировала реку и начала преследование, в ходе которого было убито около 30000 солдат, в том числе и король Джайя Синхаварман II. Было захвачено 5000 солдат и офицеров, а также 30 боевых слонов. По свидетельству историографов, «кровь заливала доспехи, трупы устилали поля». Решив продемонстрировать буддийское милосердие, император Великий под страхом смерти запретил своим войскам дальнейшее кровопролитие [165.4, т.1, с.266]. В 7-ом месяце вьетнамская армия вступила в столицу Тямпы Виджайю. Через месяц вьетнамские войска вернулись на родину. В Тханглаунг были вывезены жены и наложницы тямского короля, а также певшие и танцевавшие в индийском стиле придворные танцовщицы, что впоследствии оказало определенное влияние на вьетнамское искусство. Интересно отметить, что ни сунский император, ни кхмерский король Сурьяварман I не решились вступить за Тямпу. В результате

¹ Южнее Хойана, провинция Куангнам – Дананг.

этой победы более чем на двадцать лет обстановка на юге оставалась стабильной, а новый тямский король регулярно направлял посольства с дарами вьетнамскому императору. Камбоджа также присылала свои посольства в Тханглаунг.

Спустя двадцать четыре года император Совершенный рода династии Ли решил по примеру своего отца снова нанести удар в южном направлении. Как отмечает источник, формальным поводом для этого нападения послужило то, что «[хотя] Тямпа [и] преподнесла белого слона, но затем учинила беспорядки на границе» [165.4, т.1, с.274]. Эти «беспорядки» и явились предлогом к подготовке похода. В 5-ом месяце 1068 г. был издан указ о строительстве и ремонте боевых кораблей, а на 8-ой день 2-го месяца 1069 г. по лунному календарю пятидесятитысячная вьетнамская армия во главе с самим императором морем двинулась на Тямпу. Император Совершенный повелел чиновникам принести клятву верности своей второй жене И Лан и сановнику Ли Дао Тханю, которых оставил в столице вместо себя. Авангардом армии командовал прославившийся впоследствии полководец Ли Тхьонг Киет.

Флот спустился по реке Дай и вышел в море на юге провинции Намдинь. Следующие десять дней занял путь до бухты Намзьой, где была сделана очередная остановка¹⁷. Ещё через пять дней вьетнамцы прибыли в бухту Нягле¹, в которой находился тямский флот. Но, несмотря на разгром вражеского флота, вьетнамская армия не смогла высадиться на берег и продолжила свой путь морем. Через двадцать шесть дней после выступления из Тханглаунга вьетнамский флот вошел в бухту Шри Боней¹¹, неподалёку от которой находилась столица противника Виджайя¹¹¹. Поскольку большие корабли не могли пройти далеко вглубь залива, вьетнамское войско высадилось на сушу и разделилось на две части, одной из которых командовал Ли Тхьонг Киет, а другой – его брат Тхьонг Хисен.

¹ Устье реки Нягле у г. Донгхоя.

¹¹ По мнению Хоанг Суан Хана, это Кюиньон [1276, т.1, с.61].

¹¹¹ К северу от современного города Биньдинь.

На берегу реки Тумао вьетнамская армия с двух сторон нанесла удар по противнику и одержала решительную победу, при этом главнокомандующий тямских войск погиб, а король Рудраварман III отступил с частью армии на юг. Вьетнамское войско без боя вступило в Виджайю. Через месяц Ли Тхьонг Киет захватил тямского короля в плен на границе с Камбоджей. После этого император Совершенный рода устроил в пятом месяце пир во дворце пленённого Рудравармана III. Как сообщает источник, император «сам плясал со щитом и играл в мяч на лестнице [дворца]» [36, с.162]. В том же месяце вьетнамская армия выступила в обратный путь, но перед этим Виджайя была сожжена. В середине 7-го месяца по случаю победы в Тханглаунге было устроено триумфальное шествие, во время которого гордо восседавшего на украшенной драгоценностями колеснице императора сопровождали верхом на лошадях высшие чиновники. Вслед за ними на верёвке вели тямского короля и его придворных. В результате пленённого Рудравармана III вынудили «во искупление вины подарить» Дайвьету три провинции – Ботинь, Диали и Малинь. Лишь после этого император Совершенный рода отпустил тямского короля на родину. Об этой победе была составлена и помещена в храм предков императора особая реляция. Наконец, в конце 1069 г. вьетнамский государь отправил посольство ко двору династии Сун с сообщением, в котором была фраза: «Тямпа долго не прибывала с данью. Я лично возглавил войска, нанёс [ей] удар, захватил в плен [их] короля [и] вернулся» [1276, т.1, с.61]. Хоть эта новость и вызвала раздражение у сунского императора Гуманного рода, он всё же был вынужден признать сложившееся положение.

Таким образом, в 1068 – 1069 гг. началось расширение территории Дайвьета в южном направлении.

1.3.2. *Отношения и войны с империей Сун*

Потерпев в 1054 г. неудачу при попытке опереться на племенного вождя *нунгов* Чи Као, династия Ли начала использовать свои вооружённые силы для территориальных приобретений на севере. Так, в 3-ем месяце 1058 г., возможно,

с целью демонстрации военной мощи, вьетнамские войска напали на округ Цинь [165.4, т.1, с.272]. Разбивавшаяся в этом инциденте по указанию императора Гуманного рода династии Сун комиссия из сунских чиновников, управлявших провинцией Гуанси, доложила императору, что руководитель округа Юн предлагает нанести ответный удар по Зяоти. Однако они опасаются, что данная акция не приведет к успокоению народ этой страны. Сунский император счёл за лучшее не придавать происшедшему большого значения, и, таким образом, нападение на округ Цинь не повлекло за собой ответных действий со стороны китайцев [1276, т.1, с.118].

Следующий инцидент произошел в 1060 г. В 6-ом месяце управляющий округом Ланг по имени Тхан Тхиеу Тхай вторгся в уезд Жуао округа Сипин на юге империи Сун [36, с.157]¹. Предлогом для похода послужил поиск дезертиров, бежавших на сопредельную территорию. В ходе боевых действий был захвачен китайский военачальник Ян Баоцай, большое количество ополченцев, а также домашний скот. Когда предпринятые властями южнокитайских провинций меры не дали желаемого эффекта, китайцы, чтобы добиться отвода вьетнамских войск, якобы пытались заставить Тямпу напасть на Дайвьет, но успеха не добились [1276, т.1, с.119]. Император Гуманный рода обвинил во всём нескольких чиновников из южных провинций и отстранил их от должностей, а на переговоры с вьетнамским чиновником Фи Зя Хыу в округ Юн был направлен заместитель начальника министерства внутренних дел Юй Цзин. Подкупленный последним Зя Хыу пообещал, что Ян Баоцай и другие китайцы будут возвращены, однако Совершенный рода отказался возвратить пленных.

После победы Дайвьета над Тямпой Суны решили отказаться от пассивной внешней политики и предпринять решительные действия с целью поднятия пошатнувшегося престижа империи путём преодоления соответствующего

¹ По данным Нго Ши Лиена, нападение произошло весной 1060 г. [165.4, т.1, с.231].

«урока» агрессивным соседям. В 1069 г. ко двору Сун был приближён конфуцианец Ван Аньши, занимавший сначала различные должности, а затем назначенный на пост первого министра. Он разработал и начал проводить в жизнь целый комплекс реформ, направленных как на укрепление внутривластного и социально-экономического положения в стране, так и на реорганизацию армии. Сунский император и Ван Аньши решили, что наиболее лёгкой будет победа над «южными варварами». Эта точка зрения опиралась на ложные донесения южнокитайских чиновников, пытавшихся выдать желаемое императором за действительное. Так, после победы Дайвьета над Тямпой в 1069 г. чиновник из округа Гуй по имени Пай Пэй докладывал императору: «Цзяочжи потерпело поражение в Тямпе, [его] войско не насчитывает [и] десяти тысяч [человек. Им] можно овладеть в считанные дни» [1276, т.1, с.138, 139]. Кроме того, сунский двор полагал, что разгром Дайвьета устрасит значительно более опасных северных соседей – *тангутов* и *киданей*.

В 1071 г. наместником округа Гуй был назначен Сяо Чжу, известный как сторонник жёсткой политики в отношении Дайвьета, ещё в 1053 г. участвовавший в ликвидации Чи Као. Получая с помощью приграничных племён информацию о положении дел в Дайвьете, Сяо Чжу знал об одержанной им на юге победе. Поэтому он докладывал императору о том, что спешить с нападением без должной подготовки опасно. Между тем в 1072 г. скончался Совершенный рода династии Ли и на престол вступил Гуманный рода. Как уже упоминалось, мать шестилетнего императора И Лан сумела добиться казни вдовствующей императрицы Тхыонг Зыонг, а между двумя группировками высших сановников, возглавляемых Ли Тхыонг Кьетом и Ли Дао Тханем, крайне обострились противоречия. В результате этих событий при сунском дворе победило мнение о необходимости похода на юг. По повелению императора Совершенного рода династии Сун осторожного Сяо Чжу сменил Шэнь Ци, который в своих докладах умалял силу Дайвьета и скрывал возникающие при подготовке южной экспедиции сложности. Приступив к

мобилизации и обучению войск, он реквизирует в военных целях торговые суда и, чтобы скрыть подготовку к войне, запретил в 1073 г. приграничную торговлю [36, с.165]. Кроме того, путём подкупа и раздачи должностей Шэнь Ци стал активно привлекать на свою сторону вождей горных племён. В результате один из них по имени Нгуен Тхиен Ми попросил покровительства у Сунов. Вследствие этого Дайвьет потерял часть своей территории на северо-востоке, но «в долгу» он не остался. Следует отметить, что вьетнамцы проводили точно такую же политику по отношению к горным племенам, проживавшим на территории империи Сун, и даже захватывали территории тех племён, которые не хотели присоединиться к Дайвьету добровольно. Так, в 1074 г. Сяо Чжу доложил Совершенному рода династии Сун о том, что империя лишилась одного из пограничных округов.

Между тем положение на северных границах сунской империи обострилось, где, угрожая вторжением, государство Ляо требовало территориальных уступок. Вследствие этого форсирование подготовки к войне на юге вызывало недовольство опасавшегося ответных действий со стороны Дайвьета сунского двора. Поэтому Шэнь Ци был отстранён от должности, а сменившему его Лю И было поручено урегулировать отношения с «варварами» [1276, т.1, с.145]. Однако после того как в начале 1075 г. Суны уступили часть территории на севере государству Ляо и заключили с ним перемирие, их взоры вновь обратились на юг. Лю И получил приказ наращивать вооружённые силы и снова запретить приграничную торговлю.

К тому времени в Дайвьете победила группировка Ли Тхьонг Киета, получившего всю полную власть в стране, который прекрасно понимал, что войны с Сунами не избежать. Вместе с тем он исходил из того, что китайцы ещё не готовы к активным военным действиям, а их реформируемые вооружённые силы на юге находятся лишь на стадии формирования. Кроме того, один конфуцианец из Гуанси по имени Сюй Боян, обиженный на власти за то, что, несмотря на победу на конкурсе, он не получил должности, прислал

вьетнамскому императору письмо, в котором сообщил о готовящейся агрессии и советовал нанести упреждающий удар. Боян также предложил свою помощь вьетнамцам в том случае, если их армия вступит на китайскую территорию. Всё это привело решительного по характеру Ли Тхыонг Киета к мысли о необходимости нанесения по южным провинциям Китая упреждающего удара. Поэтому, заручившись поддержкой императрицы-матери И Лан и её окружения, Ли Тхыонг Киет приступил к концентрации армии на границе, где сразу же увеличилось количество мелких пограничных конфликтов. Одновременно с этим власти Дайвьета начали оказывать на Сунов давление по дипломатическим каналам, требуя выдачи Нгуен Тхиен Ми и возвращения занимаемого им района. Все эти действия не остались незамеченными чиновниками южных провинций империи Сун, которые докладывали двору о возрастающей угрозе со стороны Дайвьета. Тем не менее Суны не ожидали быстрого и крупномасштабного нападения.

Для нанесения удара Ли Тхыонг Киет выбрал три наиболее важных стратегических пункта на юге империи. Ими являлись стоящий на пересечении дорог город и крепость Юнчжоу¹, а также крепости Циньчжоу и Ляньчжоу, которые были расположены в устьях рек, впадающих в морские заливы, служившие удобными бухтами для кораблей. Ли Тхыонг Киет разделил армию на сухопутную и морскую. Сухопутная армия была сосредоточена в приграничных областях Куангнгуен, Моу, Куангланг и Тьланг². Её главнокомандующим был назначен Тонг Дан, а его заместителями стали Лыу Ки, Хоанг Ким Ман, Тхань Кань Фук и Ви Тху Ан, перед которыми была поставлена задача наступления в направлении Юнчжоу. Флот под командованием самого Ли Тхыонг Киета должен был, выйдя из своей базы в Виньане³ и продвигаясь вдоль береговой линии, захватить Циньчжоу и Ляньчжоу, после чего

¹ Южнокитайский город Наньнин.

² Эти области были расположены вдоль границы от провинции Каобанг до провинции Куангнинь.

³ В провинции Куангнинь.

развивать наступление на Юнчжоу. Большая часть сухопутной армии состояла из возглавляемых племенными вождями отрядов горных народностей, которых сопровождали в походе их семьи. Они представляли собой вспомогательную силу, тогда как основная часть войск Дайвьета состояла только из хорошо вооружённых и обученных вьетнамцев регулярных армейских частей. Именно эта армия и была переброшена на корабли в южнокитайские порты.

Точная численность войск Дайвьета неизвестна. Китайские источники называют 60000 – 80000 человек, вьетнамские – 100000. Что же до воинов горных народностей, то их количество вообще оценивается весьма приблизительно. Поэтому, если исходить из того, что в походе на Тямпу участвовало около 50000 перевезённых на кораблях воинов, то в данном случае, принимая во внимание наличие сухопутной армии и более серьёзного противника, их число должно было быть намного больше. Поэтому, скорее всего, вьетнамская армия действительно насчитывала порядка 80000 – 100000 человек.

Вооружение составляли луки, арбалеты, копья и каменёты. Стрелами, наконечники которых были пропитаны ядом, можно было поразить противника насмерть, нанеся ему лишь царапину.

Ударной силой армии были боевые слоны, использовавшиеся в большом количестве как в сухопутных войсках, так и на флоте, имевшем в своём распоряжении достаточно большие для их транспортировки корабли.

По замыслу Ли Тхыонг Киета первой должна была пойти в наступление немногочисленная сухопутная армия, численность которой должна была привести сунских военачальников к выводу о том, что это очередной подобный тямским набег вьетнамцев на приграничные области империи¹⁸. Перед этим авангардом была поставлена задача отвлечь на себя основную часть сунских войск, для того чтобы основные силы вьетнамской армии смогли незаметно вторгнуться на территорию противника и нанести ему неожиданный удар.

Этот план выдающегося вьетнамского военачальника эпохи Ли увенчался полным успехом.

Наступление началось в 10-ом месяце 1075 г. Отряды горных племён легко овладели приграничными округами и уничтожили местные мелкие китайские гарнизоны вместе с их военачальниками. Тем временем флот Ли Тхьонг Киета неожиданно для противника подошел к Циньчжоу и Ляньчжоу и, высадив десант, захватил китайцев врасплох. Об этом свидетельствует, например, то, что в момент высадки вьетнамцев наместник Циньчжоу Чэнь Юнтай предавался весёлому застолью. Сунские гарнизоны были разбиты, а их

военачальники и провинциальные чиновники казнены. В Ляньчжоу было захвачено в плен около 8000 китайских ополченцев, которых использовали сначала как носильщиков, а затем перебили. При дворе китайского императора узнали о первых поражениях лишь через месяц.

Ведя боевые действия, Ли Тхыонг Киет убедился, что войска Сунов в южных провинциях немногочисленны и плохо обучены. Кроме того, чтобы облегчить продвижение армии по территории противника, он решил привлечь на свою сторону местное население. Повсюду объявлялось о том, что целью вторжения вьетнамской армии является захват бежавших к Сунам преступников, что эта мера вынужденная, так как китайские чиновники предоставили этим преступникам убежище и, несмотря на неоднократные просьбы, не желали их возвращать. В других случаях местному населению объясняли, что войска Дайвьета якобы пришли на помощь жителям, угнетаемым сунскими властями. Подобная пропаганда хотя и не совсем соответствовала действительности, тем не менее, имела определённый успех благодаря тому, что большая часть населения южнокитайских провинций состояла из неханьских народностей, часть из которых была родственна горным племенам Дайвьета, в том числе воинам его сухопутной армии, а другая – была этнически близка собственно вьетам. Именно это население оказывало радушный присм вьетнамской армии и снабжало её продовольствием. С другой стороны, гарнизоны в крупных городах и их жители состояли в основном из ханьцев и оказывали вьетнамцам ожесточённое сопротивление. Сухопутная армия первой приблизилась к Юнчжоу. Вскоре подошел от Циньчжоу и Ли Тхыонг Киет, завершив таким образом к середине 12-го месяца полное окружение этого провинциального центра. Тогда как захватившие Ляньчжоу войска оккупировали два округа на северо-востоке и остались на месте в качестве заслона от имперских войск, которые могли направить на помощь Суны [1276, т.1, с.162].

Крепость Юнчжоу была мощным по тем временам укреплением. Сунский двор был уверен, что эта крепость неприступна. Правда, гарнизон, состоявший главным образом

из ханьских регулярных войск, насчитывал всего около 3000 человек. Но его солдаты были хорошо обучены и вооружены, а в крепости было достаточно продовольствия, что давало возможность выдержать осаду. Командовал гарнизоном гражданский чиновник Су Цзянь, который принял решение во что бы то ни стало удержать Юнчжоу. При этом он надеялся на военную помощь из находившегося на расстоянии четырнадцатидневного перехода Гуйчжоу. Су Цзянь принял меры по укреплению боевого духа солдат. Тех, кто сомневался в благополучном исходе обороны, включая чиновников, он приказал казнить. Он также запретил выезд из крепости семей чиновников, чтобы не создавать пораженческих настроений. Таким образом, перед Ли Тхыонг Киетом стояла весьма трудная задача, тем более, что у вьетнамских военачальников не было опыта штурма столь мощных крепостей. К тому же Су Цзянь совершил вылазку против приближающейся армии Дайвьета, послав в Гуйчжоу одновременно с этим гонца с просьбой о помощи. Лю И направил военный отряд к Юнчжоу, однако его командир Чжан Шоуцзе проявил нерешительность, продвигался медленно и в начале 1-го месяца 1076 г. был перехвачен Ли Тхыонг Киетом у перевала Куньлунь. Сам Шоуцзе и почти все его офицеры были убиты, а его воины разбежались. После этого Ли Тхыонг Киет сосредоточил все свои силы для взятия крепости Юнчжоу, которая была взята после сорокадневной осады. Сунцам не помогли даже использовавшиеся ими особые арбалеты¹⁹. Су Цзянь убил всех своих родственников и покончил с собой. Всего же в трёх южнокитайских округах Юн, Цинь и Лянь было убито или пленено около 100000 человек²⁰.

После взятия Юнчжоу Ли Тхыонг Киет сначала хотел продолжить успешно начатый поход на север, но, узнав о том, что сунский двор направляет против вьетнамцев большую армию, изменил своё решение. Это было связано с тем, что при дальнейшем продвижении на север сунская армия могла, блокировав силы Ли Тхыонг Киета в империи, вторгнуться на территорию Дайвьета. Учитывая такую возможность, Ли Тхыонг Киет принял единственно правильное решение об

отводе войск для защиты территории своей страны. В 3-ем месяце 1076 г. вьетнамские войска покинули пределы сунской империи. Перед уходом все населённые пункты, склады продовольствия и посевы были уничтожены, а значительная часть жителей и домашнего скота уведена в Дайвьет. Военнопленные и жители южнокитайских провинций были размещены подальше от границы с Сунами в Тханьхоа и Нгеане. Таким образом, перед наступающей китайской армией практически лежала выжженная земля, где невозможно было достать продовольствие для воинов.

Император Совершенный рода династии Сун повелел тщательно подготовиться к походу, целью которого, по его планам, должно было быть не только наказание Дайвьета за его нападение на империю, но и превращение его в имперскую провинцию. Понимая всю серьёзность положения, Ли Тхыонг Киет уделил особое внимание планам противника, для раскрытия которых использовались ранее бежавшие в Дайвьет по тем или иным причинам китайцы. В походе 1075 г. вьетнамцы захватили около двухсот китайских буддийских монахов, бумаги и одежда которых были переданы засланным на китайскую территорию разведчикам. Вьетнамцами также широко использовались осведомители из числа экипажей торговых судов, совершавших плавание вдоль китайского побережья. В результате принятых мер Ли Тхыонг Киет заранее узнавал о всех военных приготовлениях Сунов.

Исходя из того, что война на два фронта могла поставить Дайвьет в крайне тяжёлое положение, сунский двор направил послов в Тямпу и Камбуджадешу¹ с предложением о ведении против вьетнамцев совместных боевых действий. Однако по неизвестной причине этого не произошло. В связи с этим можно предположить следующее. В источнике XV в. имеется сообщение о том, что в 8-ом месяце 1076 г. Ли Тхыонг Киет с войском отправился в поход на Тямпу. Поход не удался, поэтому вьетнамский полководец был вынужден ограничиться

¹ Кабуджадеша: Ангкорская империя.

составлением карты трёх уже захваченных ранее провинций Ботинь, Диали и Малинь. Это сообщение помещено в источнике XV в. после описания похода в Южный Китай, который датируется в нём на год раньше, чем в позднем летописном своде XIX в.¹ В последнем же о походе на Тямпу почему-то сообщается под 8-ым месяцем 1075 г. А из этого следует противоречащий логике событий вывод о том, что эта война произошла раньше нападения вьетнамцев на империю Сун. По всей вероятности, прав более древний источник: «южный» поход действительно состоялся в 1076 г., но при этом он имел целью лишь предотвратить сунско-тямский союз. В преддверии большой войны с империей Ли Тхьонг Киету было опасно совершать подобное имевшему место в 1069 г. нападение на Тямпу. Война могла затянуться, и северные районы страны, как и её столица Тханглаунг, оказались бы без защиты. Поэтому вьетнамский стратег, по всей вероятности, лишь устроил демонстрацию военной мощи на границе и тем самым добился того, что южный сосед не поддержал Сунов²¹.

Для похода на Дайвьет Суны собрали довольно значительные сухопутные силы, которые насчитывали свыше 100000 воинов, в том числе около 50000 регулярных войск, переброшенных с северной границы империи. Они были хорошо обучены и имели опыт ведения боевых действий против *тангутов* и *киданей*. Их ударной силой являлась также воевавшая до этого на северной границе 10-тысячная кавалерия. Она выгодно отличалась от вьетнамской, лошади которой были гораздо менее крупными. Остальная часть войска была мобилизована в Южном Китае. Как обычно, её сформировали из крестьян-ополченцев и добровольцев. Что же касается сунского флота, то он не был столь тщательно подготовлен к походу и значительно уступал по своим боевым качествам вьетнамскому. Армией вторжения командовали полководцы Го Куй и Чжао Гао.

В 5-ом месяце 1076 г. к вождям горных племён был

¹ Смотри «Примечание 20» в «Комментарии» к настоящей главе.

послан имперский чиновник, которому удалось склонить часть из них перейти на сторону Сунов. Этим был облегчён переход через их земли подошедшей к Юнчжоу в седьмом месяце того же года сунской армии, которая была разделена на несколько колонн для наступления через горные перевалы на Дайвьет. Одновременно с этим имперский флот подошёл к побережью Виньяна. Непосредственное же вторжение на территорию Дайвьета началось лишь в конце 1076 г.

Таким образом, после вывода войск из Южного Китая Ли Тхьонг Киет имел почти полгода для того, чтобы подготовиться к обороне. На горных перевалах, по которым предстояло пройти сунской армии, были устроены засады, а главная линия обороны шла по крутому южному берегу реки Коу¹, прикрывая большую часть северовьетнамской равнины и столицу Тханглаунг.

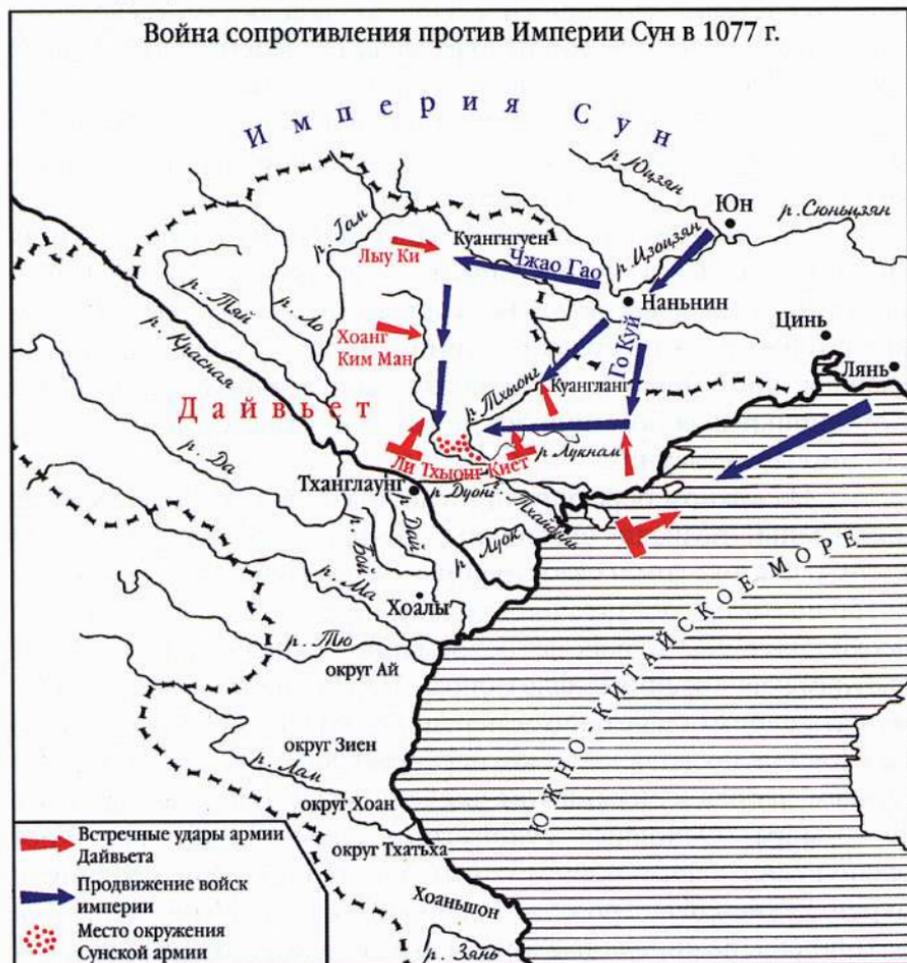
На южном берегу реки в удобных для переправы местах вьетнамцы возвели высокую стокилометровую земляную стену с частоколом из заострённых бамбуковых кольев сверху, которую было достаточно сложно преодолеть. На слиянии нескольких рек в районе современного Фалая базировалась вьетнамская военная флотилия. Перед ней стояла задача мешать своими действиями переправе китайских войск. Место её стоянки позволяло легко перебрасывать эту флотилию по разным направлениям, в том числе довольно быстро выводить её в море. Основные сухопутные силы Ли Тхьонг Киет расположил таким образом, что они прикрывали столицу и округ Тхиендык, родину основателя династии Ли, где находились поминальные храмы вьетнамских императоров.

В конце 1076 – начале 1077 г. главным силам сунской армии удалось преодолеть горные перевалы. Там где не удалось подкупить вождей местных племён, им пришлось пробиваться с боями или обходить засады. Так, полагая, что в горном уезде Зяп¹¹ вьетнамцы устроили засаду, сунские войска

¹ Нижнее течение реки Коу называлось «Ньынгюет». В XI в. эта река носила название «Вубинь».

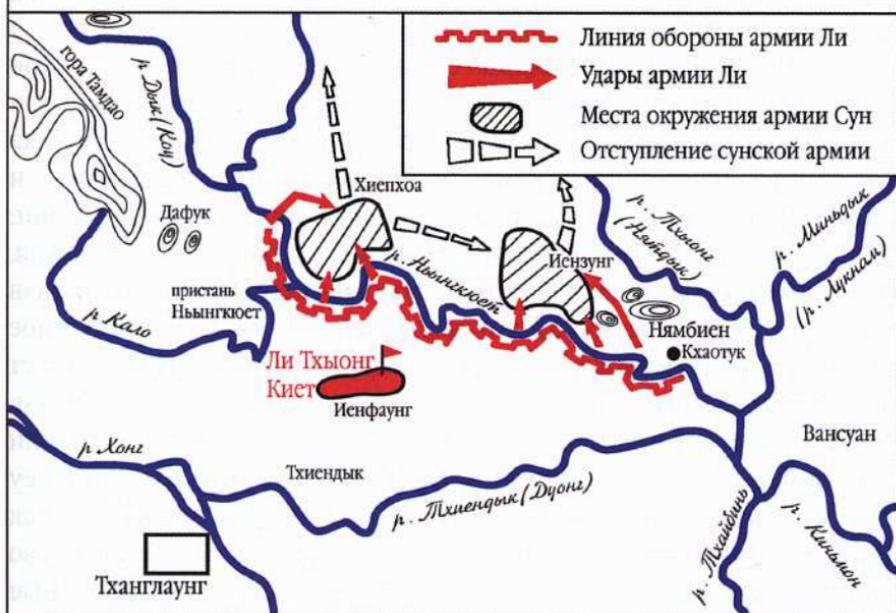
¹¹ Южнее Лангшона.

обошли этот перевал и, оставив там заслон, двинулись к Тханглаунгу.

Дойдя до реки Коу, Го Куя хотел дожидаться подхода судов с моря, однако один из его военачальников рискнул перебраться на другой берег реки по наведённым для этого плавучим мостам. Прорвавшиеся силы сунской армии были перехвачены и уничтожены воинами Ли Тхыонг Киета. Эта неудача ещё больше убедила Го Куя в необходимости отложить переправу основных сил до подхода судов.

План сражения в районе реки Коу в марте 1077г.

Не были удачными и попытки вьетнамцев атаковать сунские войска. Два принца Хоанг Тян и Тиеу Ван во главе нескольких десятков тысяч солдат на четырёхстах судах атаковали неприятеля на северном берегу реки, но, потерпев поражение, понесли при отступлении от обстрела из камней большой урон, в том числе погибли и оба принца. И хотя Го Куй объявил о «большой победе», одержанной им над вьетнамцами, развития успеха не последовало, так как у него не было транспортных судов для переброски армии на южный берег. Оставалось ждать подхода флота. По плану сунских стратегов, их флот должен был идти через Донгкень и реку Батданг на соединение с сухопутной армией Го Куя, но он был остановлен вьетнамскими боевыми кораблями у Виньана. Всего произошло около десяти боёв, в которых ни одной из сторон не удалось добиться решающего успеха. Тем не менее вьетнамский флот выполнил свою задачу и не допустил захода кораблей противника в реки. О том, насколько превратно судили о ходе боевых действий сунские

флотоводцы, свидетельствует факт направления в Тяньпу офицеров с предложением выдвинуть тямские войска к границе с Дайвьетом, с тем чтобы отрезать путь отступающей вьетнамской армии.

Прошло уже порядка сорока дней после неудачной атаки вьетнамцев, но обе сухопутные армии продолжали оставаться на своих местах. В результате, сунские войска оказались из-за нехватки продовольствия, болзней и приближения жаркого периода года в критическом положении. Однако, отступать Го Куй не решался, справедливо полагая, что за это он понесет суровое наказание. Проанализировав создавшееся положение, Ли Тхыонг Киег понял, что позорное для сунской империи бесславное отступление её армии может привести к новым ещё более крупномасштабным вторжениям. Поэтому он решил, создать видимость покорности империи Сун, пойти на мирные переговоры. К Го Кую был послан Киеу Ван Ынг, который сообщил, что в случае ухода сунских войск Дайвьет признает свою вину и направит в империю посольство с данью. Кроме этого Сунам были обещаны территориальные уступки. Воспользовавшись прекрасной возможностью «спасти лицо», Совершенный рода отдал приказ о прекращении боевых действий. Однако вместо того чтобы спокойно отступить, не доверявший мирным намерениям вьетнамцев и опасавшийся их внезапного нападения Го Куй, во втором месяце 1077 г. ночью скрытно увёл армию на север. Воспользовавшись уступками вьетнамцев, Суны объявили о «большой победе» на юге и умиротворении Цзяочжи. Тем не менее есть все основания полагать, что сам Совершенный рода оценивал поход на Дайвьет как крупное поражение. Об этом свидетельствует последовавшее наказание практически всех крупных китайских военачальников, участвовавших в этой кампании. Часть из них была понижена в должности, а часть переведена на службу в отдалённые провинции империи. Согласно вьетнамскому источнику, сунские войска потеряли в войне с Дайвьетом из каждой десятки по пять – шесть воинов [36, с.166]. Китайские историографы тоже признают, что потери имперской армии были весьма велики.

Согласно достигнутой договоренности, к сунской империи отошли пять приграничных округов Дайвьета: Куангнгуен, Тьланг, То, Моу и Куангланг. Однако после возвращения армии Го Куя в империю, войска Ли Тхыонг Киета вернули четыре из них и лишь Куангнгуен оставался под управлением китайской администрации. Чтобы вернуть и его Ли Тхыонг Киет приказал распространять слухи о предстоящем наступлении на него вьетнамских войск, при этом в империю одно за другим направлялись посольства с требованием возврата Дайвьету этого округа. В итоге Суны вернули Куангнгуен в обмен на военнопленных из трёх захваченных в 1075 г. провинций Юн, Цинь и Лянь. Утрата территориальных приобретений, полученных в результате военной кампании против Дайвьета, вызвала недовольство приближённых императора Сун. Фактическое поражение имперских войск в определённой степени повлияло и на опалу и уход в отставку первого министра Ван Аньши. По поводу возвращения вьетнамцам Куангнгуена, где добывали золото, придворные сунского двора зло шутили: «позарились на слона Цзяочжи, а потеряли золото Куангнгуена» [165.4, т.1, с.281]²².

Говоря о военной кампании 1075 – 1077 гг., следует отметить блестящую победу вьетнамского народа, сумевшего отстоять свою независимость и сорвавшего планы сунской империи превратить Дайвьет в свою провинцию. Эта победа явилась результатом дальнейшего укрепления молодого вьетнамского централизованного феодального государства, свидетельством его силы и способности противостоять мощной державе с огромными людскими и материальными ресурсами. В этой войне проявилась не только стойкость вьетнамских солдат и искусство полководцев Дайвьета, но и с особой яркостью раскрылся талант Ли Тхыонг Киета как выдающегося военного и государственного деятеля. Победа над Сунами значительно укрепила авторитет Дайвьета и обеспечила ему период длительного мирного развития, который продолжался вплоть до начала войн с монголами в середине XIII в. Благодаря этому и опасавшаяся мощи вьетнамского государства Тямпа, прекратила свои набеги на

Дайвьет и лишь регулярно отправляла ко вьетнамскому двору посольства с дарами, которые оцениваются вьетнамскими историографами как «поднесение дани». Более того, когда пришедший к власти в Ангкорской империи в 1113 г. Сурьяварман II сумел распространить своё влияние на Тямпу, то многие тямские сановники нашли убежище у вьетнамского императора. Пятнадцать лет спустя после этих событий в 1-ом месяце 1128 г. двадцатитысячная кхмерская армия, в состав которой входили и войска покорённой ими Тямпы, вторглась в провинцию Нгеан. Столичный чиновник Ли Конг Бинь, в распоряжение которого были переданы регулярные войска и местное ополчение, нанес кхмеро-тямской армии поражение, захватив при этом в плен её главнокомандующего и большое число офицеров и солдат. Тем не менее уже в 8-ом месяце того же года произошло ещё одно нападение на Дайвьет. Более семисот кхмерских боевых кораблей атаковали побережье Нгеана. На этот раз отразить нападение противника удалось силами ополченцев из Тханьхоа и Нгеана под командованием местных чиновников, даже не прибегая к помощи регулярных войск. Два других похода Ангкорской империи на Дайвьет в 1132 и 1137 гг. также закончились неудачей.

После одержанных побед Дайвьет предпринял попытку вновь превратить Тямпу в своего вассала. Этому объективно способствовало обострение отношений между Тямпой и Ангкорской империей, которое привело к войне между ними. В 1150 г. один из сановников тямского короля по имени Ваншараджа бежал в Дайвьет. Он попросил помощи у императора Выдающегося рода династии Ли, предоставившего ему пятитысячное войско, которое состояло из ополченцев Тханьхоа и Нгеана под командованием некоего Ли Монга. Однако вьетнамское войско было разбито, а Вамсараджа и Ли Монг погибли.

После победы над дайвьетским войском тямский король Джайя Хариварман I, как это не раз делали властители Дайвьета в отношениях с Сунами, послал вьетнамскому императору дань, которая была принята.

В последующий период тямы совершили несколько

мелких набегов на побережье Тханьхоа и Нгеана, после каждого из которых тямские короли откупались дополнительной данью. Затем, когда в первой половине XIII вв. Тямпа вновь была захвачена кхмерами, объединённая кхмерско-тямская армия дважды нападала на Дайвьет в 1216 и 1218 гг.²³. Однако, даже несмотря на то, что пришедшая в упадок династия Ли доживала последние годы, а в стране уже шла феодальная междоусобица, оба нападения были успешно отражены.

2. *Усиление влияния буддийской сангхи. Проблема скрытой смены династий во 2-ой половине XI – начале XII в.*

Скульптуры буддийских святых
Тямский скальный храм «Узоры Необъятной Пустоты»
Деревня каменотёсов «Мраморная гора» в пригороде Дананга. 03.04.2011 г.

О появлении, развитии и смене различных буддийских сангх во Вьетнаме после восстановления его государственной независимости достаточно много говорится в других главах предыдущего и настоящего томов. Поэтому в данном параграфе затрагиваются лишь те аспекты буддизма, которые

имеют прямое отношение к излагаемому в нём материалу¹.

Как известно, переход власти к Ли Конг Уану и основание им новой династии Ли был предсказан буддийским монахом Вам Ханем, который был наставником монарха в пагоде Лук-то. При этом о Ван Хане сообщается, что он не умер, а перевоплотился в соответствии со своей «кармой». Правление второго государя этой династии императора Великого рода также было предсказано прорицателем [54.2, с.28]. Правда, при нём впервые упоминается при описании произошедшего в пагоде «чуда» о конфуцианстве: император якобы «приказал чиновнику-конфуцианцу написать оду, чтобы отметить это необычайное событие» [54.2, с.31]. Третьему императору династии Ли Совершенному рода приписывается божественное происхождение. Так, в источнике излагается буддийская по своему характеру легенда о его непорочном зачатии. При императоре Совершенном в 1057 г. впервые была построена тридцатиярусная ступа, по его повелению была воздвигнута пагода в Башоне для молений о ниспослании потомства, а в императорском дворце – установлены статуи архатов, Брахмы и Будды Шакьямуни. Кроме того, при его дворе увлекались тямской музыкой, каноны которой отнюдь не соответствовали конфуцианским обрядам [54.2, с.29,33 – 35]. Подобно своему предшественнику четвёртый император династии Ли (Гуманный рода) продолжал покровительствовать буддизму. При этом в XI – начале XII в., как и в эпоху династий из Хоалы, буддийские монахи назначались на такие высшие государственные должности, как, например, «Наставник Государства» [165.4, т.1, с.282].

В то же время внутри самой буддийской сангхи шла ожесточенная борьба за власть. Согласно летописным сводам и преданиям, монахи боролись друг с другом за влияние при дворе, используя при этом чёрную магию. Они выступали на

¹ Смотри параграфы 4 – 7 «Главы 3» «Части IV» «Тома I», а также «Параграф 1.2» и «Параграф 2.3» «Главы 2», «Параграф 2.4.2» «Главы 3» «Части III» вместе с примечаниями 5, 6, 23 и 25 в «Комментарии» к этой главе настоящего тома.

стороне тех или иных высших сановников и членов императорской фамилии, тем более что для усиления влияния буддийского духовенства при императорском дворе сложились не только объективные, но и субъективные предпосылки. Так, император Совершенный рода в свои сорок лет не имел наследника. В связи с этим в буддийских храмах совершались моления о рождении наследника. Согласно легенде, в 1064 г. император Совершенный рода приказал своему придворному Нгуен Бонгу отправиться в пагоду Тхань-тюа и там заказать монахам молебен, после чего у императрицы родился сын. На самом же деле настоятель храма по имени Дай Диен якобы обучил Нгуен Бонга чёрной магии, с помощью которой он мог воплотиться в наследного принца. Нгуен Бонг, следуя его наставлениям, пробрался в купальню императрицы, был обнаружен и казнён, а императрица И Лан впоследствии родила сына. Однако, поскольку Нгуен Бонг был придворным евнухом, признать его отцом сына И Лан достаточно сложно.

Император Гуманный рода также оказался бесплодным. На этот раз моления о наследнике не возымели действия. Таким образом, перед императором встала проблема выбора приёмного сына, связанные с которой события представляют особый интерес. Согласно легенде, монах Ты Винь хотел околдовать члена императорской семьи маркиза Постоянного совершенства. Последний обратился за помощью и защитой к настоятелю пагоды Тхань-тюа монаху Дай Диену, который в своё время научил вышупомянутого евнуха Нгуен Бонга магии «перевоплощения». С помощью чёрной магии Дай Диен убил Ты Виня, а его труп выбросил в реку Толить. Затем ставший буддийским монахом и обучившийся колдовству сын убитого Ты Дао Хань, убил Дай Диена. Тогда, испугавшийся Дао Ханя маркиз Постоянного совершенства, обратился за помощью к Просветлённому Императору [1310, с.136]¹. Далее из сюжета о «Просветлённом Императоре»²⁴ следует, что Ты Дао Хань едва не был казнён, но его спас маркиз Возвышенной мудрости,

¹ Термин «Просветлённый Император» является во вьетнамской традиции одним из имён Будды.

убедивший императора Гуманного рода помиловать монаха.

Если же принять во внимание, что в одних текстах Просветлённый Император именуется «ребёнком» 子, а в других – «патриархом» 組, то представляется возможным выдвинуть следующую гипотезу.

Согласно источникам, Ты Дао Хань перевоплотился в сына маркиза Возвышенной мудрости, который впоследствии стал императором Духом рода династии Ли. Таким образом, под мифической оболочкой буддийского перевоплощения кроется не только роль буддийских монахов как «делателей королей», но и фактически скрытая в рамках внешне единого и непрерывного дома Ли, смена династий. Из источников известно, что в провинции Тханьхоа жил некий монах Фап Бао, который был близок к военачальнику Ли Тхыонг Киету, управлявшему этим округом в 1081 – 1101 гг. В то время Фап Бао удостоился титула «Просветлённый, верно постигший необъятное [и] малое». После возвращения Ли Тхыонг Киета ко двору, Фап Бао остался в Тханьхоа [1474, т.1, с.354]. Ему принадлежат тексты, высеченные на двух установленных в пагодах этого округа стелах, при этом заголовок одной из них, датированной 1118 г., гласит: «Стела пагоды Возвышенного величия [и] Постоянного совершенства». В этой связи обращают на себя внимание иероглифы «Возвышенный» 崇 и «Постоянный» 延, которые полностью совпадают с первыми иероглифами в титулах упоминавшихся выше сановников. Более того, в титуле самого Фап Бао первый иероглиф «Просветлённый» 覺 тот же, что и в имени «Просветлённого Императора». Кроме того, в титуле Фап Бао есть иероглиф 海, который в данном конкретном случае используется в значении «необъятный», но также имеет и ещё одно основное значение «море» [3, с.453, №4767]. Однако из источника следует, что «Просветлённый Император» жил на берегу моря в провинции Тханьхоа¹. Поэтому нельзя исключать, что монах Фап Бао и Зяк-хоанг (Просветлённый Император) одно и то же лицо. В

¹ Смотри «Примечание 26» в «Комментарии» к настоящей главе.

этом случае логично предположить, что после смерти в 1105 г. Ли Тхыонг Киета члены возглавлявшейся им придворной группировки маркиз Постоянного совершенства и монах Фап Бао смогли усилить свои позиции при дворе и даже, учитывая бездетность императора Гуманного рода династии Ли, захватить престол²⁵. Однако они столкнулись с ожесточённым сопротивлением другой группировки в лице маркиза Возвышенной мудрости и монаха Ты Дао Ханя, которая в итоге и добилась окончательной победы.

Как известно, в конце 1127 г. тяжело заболевший император Гуманный рода вызвал великого военачальника Лью Кхань Дама и объявил ему своё решение о наследнике престола, которым стал сын маркиза Возвышенной мудрости Зыонг Хоан. Умиравший император назначил наставником юного монарха внутреннего военного охранителя²⁶ Ле Ба Нгаук. Однако, анализируя последующие события, можно усомниться в подлинности этого завещания. Так, Лью Кхань Дам, единственный с кем разговаривал император перед смертью, после вступления Зыонг Хоана на престол был фактически отстранён от участия в государственных делах. Обращает на себя внимание и тот факт, что в источнике дважды сообщается о кончине Лью Кхань Дама – под 1136 и 1161 гг. В то же время Ле Ба Нгаук, не раз понижавшийся в должности при жизни Гуманного рода, вдруг в последние годы жизни императора был восстановлен в прежней гражданской должности, а затем стал и гвардейцем. Именно Ле Ба Нгаук со своим отрядом обеспечил вступление на престол нового императора, после чего начал быстро продвигаться по служебной лестнице. Так, уже в 1128 г. он получил чин великого военачальника и титул маркиза, а в конце того же года стал первым министром. В пользу того, что завещание было подложным или, по крайней мере, искажённым, может свидетельствовать и то обстоятельство, что оно было объявлено столичным чиновникам только через восемь месяцев после вступления на престол императора Духа рода. Кроме того, победившая придворная группировка руководила государством от имени одиннадцатилетнего императора,

провозгласила его отца маркиза Возвышенной мудрости верховным государем, а мать – императрицей-матерью. Тем самым имя усыновившего Зыонг Хоана покойного императора Гуманного рода династии Ли было предано забвению. Интересно, что вышеописанная скрытая смена династии подтверждается и сунскими источниками²⁷.

Скульптуры буддийских святых.

Тямский скальный храм «Узоры Необъятной Пустоты».

Деревня каменотёсов «Мраморная гора» в пригороде Дананга. 03.04.2011 г.

Одним из первых указов Духа рода было помилование осуждённых при Гуманном рода монахов. Так, В 1128 г. объявили амнистию преступникам в столичной области, а также восстановили в должностях сто тридцать ранее уволенных чиновников. Кроме того, запретили докладывать императору о судебных расследованиях, которые велись при предыдущих монархах. В том же году на высшие государственные должности было назначено более тридцати новых чиновников. Таким образом, государственный аппарат был в значительной степени обновлён за счёт сторонников новой правящей группировки. При этом ученик Ты Дао Ханя монах Минь Кхонг получил высшую придворную должность «Наставник Государства».

Интересно отметить, что в 1135 – 1136 гг. умерли несколько членов императорской семьи, в том числе – три маркиза, и скончался ряд высших чиновников, в числе которых были первый министр Ле Ба Нгаук и два великих военачальника. В 1136 г. тяжело заболел и сам император, которого вылечил Минь Кхонг. Правда, через два года он всё же скончался. Кончина в течение двух лет императора, нескольких членов его семьи и ряда высших сановников вряд ли могла быть случайностью. Поэтому нельзя исключать, что все они были отравлены. В 1137 г. вопреки тому, что ранее наследником был объявлен сын императора по имени Тхиен Лок, на престол возвели трёхлетнего сына Духа рода. В источнике прямо говорится о том, что три жены императора Духа рода дали взятку чиновнику Ты Ван Тхонгу и тот, под предлогом того, что, будучи сыном наложницы, Тхиен Лок не являлся законнорожденным, записал наследником другого принца [165.4, т.1, с.311]. То есть и завещание императора Духа рода тоже было поддельным.

Все эти связанные с престолонаследием интриги свидетельствуют о том, что личная власть императоров династии Ли начала слабеть, в результате чего придворные группировки стали оказывать решающее влияние на политику. При этом вышеизложенные факты свидетельствуют о том, что смена на престоле Дайвьета императора Гуманного рода императором Духом рода являлась на самом деле если не скрытой сменой династий, то как минимум приходом к власти новой ветви династии Ли. Описанные интриги вокруг престолонаследия фактически могут означать скрытую смену династий. Скрытое признание этого факта содержится и в высказывании предпоследнего императора династии Ли Милостивого рода при передаче власти дочери, содержащем оценку последствий этого шага: «У Нас нет добродетели, поэтому Мы виновны перед Небом. Не имеем преемника, [а потому] передаём престол дочери. Одним женским началом мы препятствуем всем мужским началам. Если народ не будет слушаться, то непременно дойдёт до несчастий [и] гибели. Лучше [было бы взять за образец] древний пример Тан – Яо

[или] современный Гуманного Предка. Выбрать мудрого [и] передать престол ему» [36, с.230, 231]²⁸.

3. *Вторая часть правления общевьетнамской династии Ли (1127 – 1226 гг.)*

3.1. *Ослабление центральной власти. Смутное время (последняя четверть XII – первая четверть XIII вв.)*

Вступление на престол Дайвьета в 1137 г. трёхлетнего императора Выдающегося рода династии Ли, повлекшее за собой придворные интриги родственников императора и высших чиновников, явилось одной из причин ослабления центральной власти. В то время вся реальная власть находилась в руках вдовствующей императрицы-матери, вернее – в руках её фаворита, начальника военного приказа До Ань Ву²⁹. Судя по всему, скончавшийся в 1146 г. первый министр Мау Зу До не принимал участия в государственных делах. Попытка группы придворных во главе с Зыонг Ты Минем и Ву Даем свергнуть До Ань Ву не увенчалась успехом из-за нерешительности их действий. Правда, в 1150 г. фаворит впал в немилость и даже был сослан в общину Каоса¹, но благодаря покровительству императрицы-матери он вскоре был восстановлен в прежней должности. Естественно, До Ань Ву не преминул расправиться со своими противниками. Многие высшие чиновники были казнены или подверглись другим наказаниям. Новая попытка его свержения также окончилась неудачей. Так, под 1158 г. в источнике сообщается о том, что вернувшийся из империи Сун посол Нгуен Куок Зи сказал императору: «Когда подданный попал в страну Сунов, то увидел во дворе медную урну, чтобы принимать отовсюду докладные записки. Подданный просит Ваше величество сделать подобно этому, чтобы узнавать положение в Поднебесной». Вуа^{II} одобрил это. Сделали столик перед императорским дворцом, [на него водрузили урну]. Был издан

¹ Об общине Каоса и сосланных на её территорию преступниках смотри «Параграф 2.4.1» «Главы I» «Части II» настоящего тома.

^{II} Император.

приказ: “Тот, кто хочет рассказать о [каком-либо] деле, может написать письмо и бросить в [урну]”. В течение целого месяца письма заполнили [урну] доверху. Было тайно брошенное тем же путем, [что и остальные], анонимное письмо, в котором говорилось: “Тхай уи¹ До Ву хочет ввести войска во дворец и поднять мятеж”. Получивший письмо уведомил До Ань Ву. Ань Ву сказал: “Государь, позвольте мне расследовать это [дело]”. Долгое время не могли найти виновного. Ань Ву выдвинул ложное обвинение, сказав: “Наверняка это сделал человек, предложивший [поставить урну]”. Вуа согласился с этим, приказал схватить Куок Зи и его младшего брата Нги, предать на суд чиновникам. Ложно обвинили [и] сослали в лагерь Куихоа. Прошло немного времени [и] вуа захотел вызвать Куок Зи. Ань Ву приказал людям взять яд, передать его Куок Зи [и] сказать: “Если принять это лекарство, можно избежать малярии”. Куок Зи понимал, что не уйдёт [от Ань Ву]. Принял лекарство [и] умер» [36, с.188,189].

При императоре Выдающемся рода династии Ли, в отличие от последующих императоров этой династии, всё ещё продолжались реформы, которые, как представляется, следует связать с деятельностью То Хиен Тханя, успешно начинавшего свою карьеру с подавления восстаний вьетнамских крестьян и горных племён. Первое упоминания в источниках о То Хиен Тхане относится к 1141 г. В те времена он находился в непосредственном подчинении фаворита До Ань Ву, что, по-видимому, способствовало его служебному росту. В то время как многие другие чиновники были казнены или понижены в должности, То Хиен Тхань дослужился до должности великого военачальника. Во вьетнамской средневековой историографии он предстаёт не только как военный, но и верный императорской власти государственный деятель. Так, когда вдовствующая императрица хотела низложить малолетнего императора Высокого рода, возведённого на престол в двухлетнем возрасте, и поставить вместо него его старшего

¹ Великий военачальник.

брата, на которого она имела влияние, то сосредоточивший в своих руках высшую военную власть и являвшийся опекуном малолетнего императора То Хиен Тхань воспрепятствовал этому намерению императрицы [36, с.193]. После смерти фаворита До Ань Ву он фактически стал главой государства и, по-видимому, не собирався делить власть с вдовствующей императрицей и её старшим сыном. В то же время вьетнамские историографы приводят в пример его конфуцианские рассуждения о верности долгу и императору, а также его равнодушие к богатству и знатности³⁰. На самом же деле надо полагать, что это была лишь риторика, так как То Хиен Тхань не поддерживал никаких личных отношений с придворными, боровшимися против фаворита До Ань Ву, который грубо нарушал конфуцианские нормы морали и поведения. Тем не менее следует отметить, что То Хиен Тхань во многом способствовал распространению конфуцианства в Дайвьете. Так, например, при нём, в 1156 и 1171 гг. были построены и отремонтированы храмы Конфуция, которые в то время не носили появившегося позднее названия «Литературный храм».

Предпринятое То Хиен Тханем проведение аграрных преобразований было вызвано резким ухудшением положения крестьян-общинников, а также усилением борьбы горных племён за свою самостоятельность¹. Надо полагать, что его реформы не достигли цели, так как они не смогли предотвратить крестьянских восстаний. Одним из наиболее крупных выступлений было восстание некоего Тхан Лоя, выдававшего себя за сына императора Гуманного рода. В конце 1140 г. он захватил провинцию Тхайнгуен^{II}, где собрал более тысячи беглых крестьян, сформировав из них сухопутное войско, и подчинил себе населённые горными народностями приграничные округа. Тхан Лой объявил себя королём Мирным, жене дал титул королевы, детям титулы королей и маркизов. Во втором месяце 1141 г. на подавление восстания были направлены императорские войска под

¹ Об аграрных реформах смотри «Главу I» «Части II» настоящего тома.

^{II} Современная провинция Бакхай.

командованием Лыу Ву Сынга. К этому времени Тхан Лою удалось создать речной флот, который дважды нанёс им поражение. В 4-ом месяце 1141 г. Тхан Лой захватил провинциальный центр Фульюнг вместе с рядом округов и в пятом месяце двинулся со своим войском на столицу. В сражении с армией До Ань Ву он потерпел сокрушительное поражение и бежал в округ Лаунглень. В 10-ом месяце До Ань Ву атаковал этот округ и захватил более двух тысяч сторонников Лоя, который бежал в Лангтяу, где был схвачен То Хиен Тханем, доставлен в столицу и казнён. В 1144 г. вспыхнул мятеж на севере страны в современной провинции Каобанг, который возглавил этнический китаец Тань Юлян. Кроме того, в 1153 и 1159 гг. несколько раз восставали горные меньшинства. Но у правительства было ещё достаточно сил для того, чтобы довольно быстро подавить все эти восстания и мятежи.

В 1179 г. скончался То Хиен Тхань. При малолетнем императоре Высоком рода всеми делами стали управлять бездарные сановники – фавориты императрицы-матери. С того времени императоры династии Ли практически не издали ни одного указа, направленного на решение аграрных и социальных проблем. Положение крестьян, по-видимому, усугублялось отсутствием контроля со стороны государства за местными феодалами и чиновниками, которые в этой обстановке не могли не воспользоваться возможностью для личного обогащения. Это в свою очередь не замедлило сказаться на резком увеличении количества восстаний, в том числе и крупных. Причём изменились как их география, так и состав мятежников. Если раньше большая часть бунтов происходила в районах проживания горных племён, то при Высоком рода центры восстаний переместились в населённые крестьянами-общинниками провинции, в которых проживали главным образом вьетнамцы. Речь идёт о современных провинциях Тханьхоа, Нгеан и даже расположенной в дельте реки Красной провинции Ханамнинь. При этом во главе этих восстаний уже стояли простые крестьяне и солдаты.

Наиболее крупным было начавшееся в 9-ом месяце

1203 г. крестьянское восстание в Дайхоанге¹, возглавленное неким Фи Лангом. Против восставших было направлено две армии. Одна шла из столицы во главе с военачальником Чан Хинем, другая, которой командовал министр внутренних дел Ты Ань Ни, наступала из Тханьхоа. Несмотря на то что обе эти армии успели соединиться в день генерального сражения, они потерпели поражение. Оба командующих погибли. Затем в 1204 г. было организовано ещё два похода против восставших, но они также закончились неудачно. Тогда с конца того же года правительственные войска перешли к оборонительной тактике, и поэтому на дальних подступах к столице построили линию обороны. Эта работа была поручена одному из высших чиновников Дам Зи Монгу. Когда возведение укреплений было закончено, то построили ещё несколько десятков боевых кораблей с надстройками на палубе. На них разместили арбалетчиков, а к корме кораблей привязали длинные канаты. Дам Зи Монг отдал приказ при приближении мятежников тянуть корабли на канатах по реке и стрелять, а в случае опасности оттягивать их назад, к своему берегу. Однако восставшие подошли к линии укреплений в отсутствие Дам Зи Монг, который был вызван в столицу. По численности они превосходили правительственные войска, поэтому солдаты, которые должны были тянуть канаты, в страхе разбежались. Корабли течением прибило к берегу мятежников, и все арбалетчики были перебиты. После этого к войску мятежников примкнули горные племена. В ходе дальнейшего наступления Фи Ланг потерпел поражение в одном из сражений, в результате чего было заключено перемирие, которое Фи Ланг нарушил в 1207 г.

Неудачи императорских войск в борьбе с Фи Лангом показали беспомощность двора, послужив сигналом к началу междоусобицы между представителями крупных феодальных родов. Этому способствовало и то, что вместо того чтобы принимать реальные меры по наведению порядка, император

¹ Уезд Хоанглаунг провинции Ханамнинь.

Высокий рода предавался развлечениям. Так, при нём велось строительство дворцов, искусственных водоёмов и парков в столице. Император также окружил себя различного рода предсказателями, которым он очень доверял. Тогда же в Дайвьете впервые стали официально продавать чиновничьи должности и брать плату за ведение судебных дел.

Как было показано ранее, усиление позиций конфуцианства в Дайвьете началось во второй половине XII в. при активном участии сановника То Хиен Тханя, а при императоре Высоком рода в 1198 г. впервые были серьезно ущемлены интересы буддийской сангхи. Сделано это было по настоянию Дам Зи Монга, который, обращаясь к императору, сказал: «В настоящее время буддийских монахов и послушников приблизительно столько же, сколько слуг. Сами все вместе устанавливают себе Учителя. Собираются все категории, живут вместе, совершают много позорных поступков. Или в священной обители пьют вино и едят мясо, в чистых буддийских монастырях предаются блуду, развратничают, днём спят, а ночью бодрствуют, подобно лисам и крысам, разрушают нравы, вредят религии, и это постепенно становится поветрием. Если не запретить, то через некоторое время это дойдет до крайности» [36, с.20]. Заручившись поддержкой монарха, Дам Зи Монг в том же году резко сократил число буддийских монахов, что означало определенную победу конфуцианской партии при дворе. Однако это сокращение коснулось в основном тех монахов, которые проживали в столице, так как власть императора над провинциями к этому времени значительно ослабла, а через несколько лет стала чисто номинальной. Следует подчеркнуть, что укрепление позиций конфуцианства при императорском дворе не привело к ликвидации анархии в стране. В это время Дайвьет ещё не был готов к восприятию в широких масштабах новой идеологии. Страна шла к ней постепенно, методом проб и ошибок, временных побед и поражений¹.

¹ О соотношении влияния буддизма и конфуцианства в Дайвьете X – XV вв. смотри «Главу 2» и «Главу 3» «Части III» настоящего тома.

Упадок династии Ли проявился в том, что во второй половине XII в. императоры Дайвьета практически прекратили активную внешнеполитическую деятельность. Тот факт, что в 1174 г. Суны пожаловали Высокому рода титул короля Государства Умиротворённого юга, назвав Дайвьет так, как назывались вьетнамские территории времён губернаторства эпохи Тан, лишь подтверждает этот вывод.

Особенно наглядно проявилась неспособность Дайвьета оказывать влияние на положение в соседних странах в 1203 г. В том году тямский король Сурьяварман, бежав со всей своей семьей и приближёнными от войск Ангорской империи в очередной раз захватившей Тямпу, более чем на двухстах кораблях прибыл в бухту Кола на юге современной провинции Нгеан. Он обратился к управлявшим провинцией чиновникам До Тханю и Фам Зиену с просьбой о помощи, которая была передана императору. Император Высокий рода династии Ли направил к Сурьяварману Дам Зи Монга и До Ана. Последний же, посчитав, что корабли Сурьявармана представляют собой военную угрозу, обратил на это внимание Дам Зи Монга, который приказал До Тханю и Фам Зиену быть наготове. Те заступились за Сурьявармана. Дам Зи Монг разгневался и увёл свои войска. Испугавшись его гнева, Тхань и Зиен решили напасть на тямского короля и тем самым искупить свою вину. Сурьяварман разгадал их замысел и внезапно ночью сжёг вьетнамский флот. Затем он вывел свои корабли из гавани и покинул Дайвьет.

К 1207 г. волнения в провинциях настолько усилились, что император практически полностью утратил контроль над ними и замкнулся в пределах столицы, о чём свидетельствует следующий императорский указ: «Мы ещё молоды, а вынуждены брать на себя большое дело. Находясь на императорском престоле, не знаем о тяжёлом положении народа. Внимая словам простолюдинов, слышим ропот низов. Если народ озлоблен, то на кого мы будем опираться? Ныне исправим свои ошибки и заживём по-новому, обновимся вместе с народом. Тем, у кого были отобраны земля или имущество, будет [всё] целиком возвращено» [36, с.208].

3.2. *Последние годы правления династии Ли*

В сложившейся к тому времени в Дайвьете ситуации указ императора Высокого рода династии Ли уже ничего не мог изменить. В 8-ом месяце 1207 г. контролировавшие местность в округе Хонг современной провинции Хайхынг феодалы Доан Тхыонг и Доан Тю отказались подчиняться императорскому правительству. Тогда император Высокий рода отправил против них большое войско во главе с несколькими военачальниками, наиболее влиятельными из которых были Дам Зи Монг и Фам Бинь Зи. Интересно, что главнокомандующий императорской армией так и не был назначен – каждый из военачальников командовал в этом походе своими собственными войсками. То есть не только члены императорской фамилии, но и крупные военачальники, являвшиеся, как правило, главами феодальных родов, имели свои воинские формирования. Соответственно подчинённая центральному правительству регулярная армия перестала существовать как единое целое. Те же феодалы и крупные чиновники, которые не имели под своим началом правительственных войск, сами набирали себе дружины. Об этом наиболее наглядно свидетельствует случай с Фам Зу, набравшего с согласия императора «охрану для самообороны». Именно через него Доан Тхыонг, опасаясь поражения, добился расположения императора, который приказал вернуть войска из карательной экспедиции [36, с.63].

В конце 1208 – начале 1209 г. вооружённые конфликты между различными феодальными кланами продолжились. Особенно ожесточёнными они были на территории современной провинции Хайхынг, где борьба между группировками Дам Зи Монга – Фам Бинь Зи и Фам Зу – Доан Тхыонга – Доан Тю шла с переменным успехом. В конце концов Фам Бинь Зи удалось нанести поражение Доан Тхыонгу и Доан Тю, причём последний погиб в сражении. Однако пока Зи восстал, Зу вернулся в столицу и очернил его в глазах Высокого рода. Поэтому когда Фам Бинь Зи возвратился в Тханглаунг, то по повелению императора он был заключён в

тюрьму. Узнав об этом, его военачальник Куать Бок без сопротивления ввёл войска в запретный город, однако к тому времени Зу успел убить Фам Бинь Зи, которого Бок похоронил, воздав ему императорские почести.

Происходившее в дальнейшем по-разному описывается в источниках. Согласно летописному своду XV в., Куать Бок, захватив столицу, возвёл на престол принца Тхама, от которого Дам Зи Монг и Нгуен Тинь Лай приняли придворные должности, при этом император Высокий рода бежал в Куихоазянг, а наследный принц Шам бежал в Хайап – родину рода Чан¹. Там он якобы был поражен красотой дочери главы этого феодального рода Чан Ли и женился на ней. Интересно, что в источнике ничего не говорится о том, что на него было оказано давление и что его возвели в Хайапе на престол. Однако при этом отмечается, что Шам «пожаловал» титулы Чан Ли и младшему брату его жены То Чунг Ты, а также о том, что семья Чан собрала войско, подавила мятеж, наказала бунтовщика Куать Бока и вернула императора в столицу. При таком изложении событий поведение представителей рода Чан выглядит вполне лояльным по отношению к законному императору династии Ли. В связи с этим несколько странным выглядит следующее сообщение того же источника, согласно которому чиновнику До Куангу было приказано отправиться с войсками к месту жительства То Чунг Ты и вернуть в столицу наследного принца Шама, а его жену Чан-тхи отправить к родителям. Тем временем Чан Ли был кем-то убит, и главой рода Чан стал его сын Чан Ты Кхань [165.4, т.1, с.334].

Согласно же данным источника XII в., возглавлявший флот Чан Ли фактически выступал в союзе с Куать Боком, с которым он имел общую базу в Хайапе. Чан Ли сначала возвёл на престол принца Тхама, а затем, узнав, что он побочный сын императора, – наследного принца Шама. Чан Ли действовал в союзе с Дам Зи Монгом, Нгуен Тинь Лаем и То Чунг Ты, которые получили титулы от Шама. Император Высокий рода

¹ Соответственно Футхо и Тхайбинь.

отправил против этой феодальной группировки Фам Зу с его личными войсками, которые были разбиты, а сам Фам Зу погиб. Вслед за этим Чан Ли со своими союзниками напал на Тханглаунг, но тоже потерпел поражение. Испугавшись возмездия, То Чунг Ты захватил принца Шама и переправил его в столицу, а Дам Зи Монг, собрав войска, напал на Чанов, но и он потерпел поражение. Тогда он схватил двадцать восемь пожалованных Шамом титулами человек и передал их Высокому рода [36, с.210, 211]. Интересно отметить, что в этом источнике о гибели Чан Ли даже не упоминается³¹.

В 1210 г. скончался император Высокий рода династии Ли и на престол вступил его сын Шам, который известен под посмертным именем «император Милостивый рода династии Ли». В конце того же года глава дома Чан, Чан Ты Кхань, пошёл на боевых кораблях по Красной реке из родового удела на столицу Тханглаунг. Кхань рассчитывал на то, что его дядя, То Чунг Ты, придёт к нему на помощь со своим войском. Однако Ты ему не доверял и отказался от совместного похода на столицу. Тем временем на должность великого военачальника при дворе был назначен чиновник До Кинь Ту, что не устраивало обладавшего большим влиянием То Чунг Ты. Он поручил своему стороннику До Куангу схватить и убить До Кинь Ту. Через непродолжительное время при дворе образовалась новая группировка, состоявшая из До Тхе Куи, До Куанга и Фи Ле, которые решили устроить переворот, причём без помощи То Чунг Ты. Последний, пойдя на хитрость, нанёс этой группировке поражение и казнил До Тхе Куи. Между тем Дам Зи Монг добился своего назначения великим военачальником и первое, что он сделал на этом посту, казнил своих давних врагов – придворных До Ань Зоана, Зоан Диня, Нгуен Нгуена и Нгуен Няна, которые сохраняли верность императору.

Согласно данным источников Шам, несколько раз обращался к Чан Ты Кханю с просьбой прислать ко двору бывшую его женой дочь Чан Ли, но получил согласие на это лишь в начале 1211 г. До Куанг воспротивился её прибытию и завязал сражение под столицей с То Чунг Ты. Последний

обратился к военачальникам Фан Лану и Нгуен Нганю за помощью. Втроём они разбили Куанга и казнили от имени императора его и его сторонников. Укрепив благодаря этой победе свои позиции, То Чунг Ты добился поста великого военачальника. Против него выступил военачальник Нгуен Ты, но был снят с должности и бежал в Куокоай провинции Хатэй.

В шестом месяце 1211 г. погиб То Чунг Ты, который отправился на свидание к принцессе Тхьен Кык и был убит её мужем. Нгуен Ты, узнав, что То Чунг Ты больше нет, вернулся со своими сообщниками в столицу и похитил ценности из императорского дворца. Затем он укрылся в Кхошате, превратив его в своё владение.

Нгуен Ма Ла, зять То Чунг Ты, собрался вместе с Чан Тхья напасть на область Кхоай, однако по дороге был убит Нгуен Чинем, который ранее служил военачальником у Чунг Ты. Чан Тхья приказал убить Нгуен Чиня. Чан Ты Кхань направил войска против Доан Тхьонга, находившегося в Хонгтяу провинции Хайхынг, однако они потерпели поражение. Область Кхоай подчинилась Доан Тхьонгу. При этом его положение укрепилось настолько, что он, введя войска в столицу, стал распоряжаться всем от имени императора. В результате началась ожесточённая борьба между группировками Доан Тхьонга и Чан Ты Кханя, а император Милостивый рода вместе со своей матерью бежал в провинцию Бактхай. Чан Ты Кхань заключил союз с военачальником Нгуен Ты и поделил с ним сферы влияния. Области, прилегающие к столице слева от Красной реки, отошли к Чан Ты Кханю, справа – к Нгуен Ты. Они договорились совместно напасть на Доан Тхьонга. Нгуен Ты неожиданно умер и Доан Тхьонг, используя остатки императорских войск, попытался разгромить его сторонников, которых возглавил Нгуен Куок. Однако последний нанёс войскам Доан Тхьонга сокрушительное поражение в окрестностях Тханглаунга. Император Милостивый рода едва успел спастись бегством в Виньфу, но там он был перехвачен Чан Ты Кханем, возвращён в столицу и практически полностью отстранён от власти. В источнике отмечается, что

император велел гражданским и военным чиновникам подчиняться приказам Чан Ты Кханя [36, с.217]. В 4-ом месяце 1212 г. Кхань организовал поход на Доан Тхьонга.

Однако ни сам Милостивый рода, ни и его мать не оставили надежд на освобождение от «опеки» Чан Ты Кханя. Поэтому при их участии была создана новая группировка Дам Зи Монга – Тхан Уи Вьонг – Доан Тхьонга, в результате чего вынужденный покинуть столицу Чан Ты Кхань захватил владения своего бывшего союзника Нгуен Ты в Куокоае.

Таким образом, Чан Ты Кхань оказался в изоляции. Поэтому он освободил пленённого им ранее Нгуен Нона из Бакзянга провинции Хабак и сделал его своим союзником. В начале 1214 г. Чан Ты Кхань собрал все войска членов феодального рода Чан, в числе которых были Чан Тхья и Чан Тху До, и предпринял генеральное наступление на столицу. В его распоряжении были сильные сухопутные войска и флот, которые сумели нанести поражение императорской армии и вооружённым силам дома Доан. Император Милостивый рода вместе с вдовствующей императрицей в очередной раз бежал из столицы, намереваясь укрыться в округе Ланг. Тогда Дам Зи Монг предложил ему в очередной раз призвать на помощь феодальный дом Доан из округа Хонг, однако его войска так и не появились. Поэтому Дам Зи Монг бежал в округ Хонг, а император продолжил свой путь в далекий округ Ланг.

Чан Ты Кхань обосновался в столице. Его войска представляли в то время наиболее могущественную силу. Попытки рода Доан и других его противников изменить положение окончились неудачей. Тем не менее Кхань прекрасно понимал, что пока император не находится в его власти, он может быть использован для консолидации сил его многочисленных противников.

К императору было отправлено посольство с предложением вернуться в столицу. Милостивый рода хотел вернуться, но императрица-мать в очередной раз оказала на него влияние, он ответил отказом, и его скитания по стране продолжились.

Бакзянг, 27.03.2011 г.

Поэтому Чан Ты Кхань решил возвести на престол одного из сыновей императора Выдающегося рода [великого] князя Милостивого [и] Просвещённого. Но даже такое «совпадение» имён императора и [великого] князя ни к чему не привело, так как для всех императором продолжал оставаться признанный впоследствии и феодалами дома Чан император Милостивый рода династии Ли.

В 4-ом месяце 1214 г. против Чан Ты Кханя выступили управлявшие расположенными вокруг Тханглаунга областями военачальники Фан Ку, До Би и Нгуен Нон. В результате Кхань, прихватив с собой золотые и серебряные украшения из дворцов, покинул столицу, которую захватил Нгуен Нон. Узнав об этом, Милостивый рода пожаловал ему титул маркиза и вернулся в Тханглаунг. В начале 1215 г. Чан Ты Кхань в очередной раз предпринял наступление на столицу, однако в результате предательства двух своих военачальников потерпел поражение. Вслед за этим последовали военные столкновения между сторонниками Нгуен Нона и Чан Ты Кханя, сумевшего с течением времени убедить императора его поддержать. В 5-ом месяце 1216 г. император Милостивый рода вместе со своей женой из рода Чан прибыл в

расположение войск Ты Кханя, тогда как его мать и дочь остались в столице вместе с группировкой Нгуен Нона, в которую также вошли [великий] князь Прославившийся верностью Нгуен Бат, Доан Ван Лой и Ха Као.

Император, попавший в полную зависимость от Чан Ты Кханя, издал указ о разжаловании Нгуен Нона в солдаты, Кханя назначил великим военачальником, а его старшему сыну Хаю пожаловал титул [великого] князя. Получил титул и Чан Тхья. В 4-ом месяце 1217 г. Чан Ты Кхань разгромил войска Нгуен Нона, а в 5-ом месяце капитулировал Доан Тхьонг, за что Чан Ты Кхань получил от императора титул [великого] князя. После этого он нанёс поражение [великому] князю Прославившемуся верностью Бату. В середине 1218 г. возглавляемые Чан Ты Кханем и Чан Тхья войска атаковали Нгуен Нона в его родовом владении в Бакзянге. Потерпевшему очередное поражение Нону всё же удалось бежать вместе с небольшим количеством своих сторонников, однако его семья попала в руки Чанов. После этого Чан Ты Кхань и Чан Тхья выдали замуж за всё ещё представлявшего для них реальную опасность Доан Ван Лоя девушку из своего рода.

Нгуен Нон оправился от поражения, но победы добиться так и не смог. В конце 1219 г. Нгуен Нон тяжело заболел и умер, после чего его военачальники капитулировали и отдали Чан Ты Кханю императрицу-мать и дочь императора Милостивого рода. В результате Бакзянг подчинился Чанам.

Однако, судя по источникам XV и XIX вв., есть основания полагать, что Нгуен Нон был отравлен и умер в 1229 г. Так, в них сообщается, что в 3-ем месяце 1226 г. уже после восшествия Чан Тхья на престол Чан Тху До отправился в поход против Доан Тхьонга и Нгуен Нона, но победить их не смог. Тогда Нону пожаловали титул [великого] князя Воспринявшего [сердцем] Путь, и отдали ему в управление земли Бакзянга. Тхьонгу также хотели пожаловать титул, но тот отказался иметь с Чанами дело. Зимой 1228 г. Нгуен Нон неожиданно напал на Доан Тхьонга и захватил округ Хонг, при этом Тхьонг был убит в Дьюнгхао, а его сын Ван Лой покорился со своей семьёй победителю. Обрадованный Чан

Тху До добавил к прежнему титулу Нгуен Нона иероглифы «Почтительный [и] Воинственный [сын]» и хотел отдать за него замуж принцессу Нгоан Тхием, но тот отказался. В 1229 г. Нон провозгласил себя [великим] князем Великой победы и устроил празднество, на котором неумеренно веселился неизвестно сколько времени. В 10-ом месяце он тяжело заболел. Император отправил людей справиться о его здоровье, но Нон пил, ел и скакал на коне, показывая им, что здоров. Спустя же короткое время он умер. Тогда его военачальник Фан Ма Лой вскочил на коня и скрылся в неизвестном направлении. В источнике также сообщается, что торговавший с Айлао тям Лой был захвачен Нгуен Ноном в плен и обращён в рабство. Однако благодаря своему военному таланту он быстро стал телохранителем Нона [236.2, «Главные записи», кн.5, с.56; 239.1, «Основные записи», кн.6, с.2а, 2б, 7б – 8б]. В связи с этим обращает на себя особое внимание тот факт, что в синхронном этим событиям источнике XII – XIV вв. сообщается о смерти Нгуен Нона в 1219 г., а сюжет о женитьбе на принцессе из рода Чан связан с Фан Ма Лоем [36, с.228, 229]. Всё это приводит к выводу о том, что в XIII или XIV в. сюжет о Доан Тхыонге, Нгуен Ноне и Фан Ма Лое, как и ряд других сюжетов, о которых говорится в следующей главе, был сознательно «откорректирован» историографами династии Чан.

В 4-ом месяце 1220 г. Чан Ты Кхань отправился в поход на обосновавшегося в Виньфу Ха Као. В походе принимал участие и Чан Тхыа. Ха Као потерпел поражение, и с этого времени вся власть в Дайвьете фактически перешла к феодальному роду Чан.

Глава 2

Укрепление централизованного вьетнамского феодального государства в XIII – XV вв.

1. Династия Чан (1226 – 1400 гг.)

1.1. Приход к власти новой династии в Дайвьете

Овладев всей полнотой власти в Дайвьете, представители рода Чан вынудили императора Милостивого династии Ли отречься от престола в пользу его дочери Тиеу Тхань, а самого – постричься в монахи. Это был первый и единственный случай в истории Вьетнама, когда императором стала женщина. Однако и она процарствовала недолго под жёстким контролем рода Чан. Через полгода её также заставили отречься от престола.

Общепринятым во вьетнамской и зарубежной историографии считается, что первым императором династии Чан был Чан Кань, которому императрица Блистательная династии Ли передала престол. Этому мнению служит следующее обоснование. В летописном своде окончательно сложившейся в XV в. вьетнамской официальной феодальной историографии¹, равно как и в последующих её произведениях, первым императором династии Чан называется Чан Кань, упоминаемый под посмертным именем император Великий рода династии Чан. Однако сравнение этих источников с более ранними позволяет заметить значительные расхождения в описании тех или иных исторических событий, которым ранее не придавалось должного значения.

Если исходить из версии поздних вьетнамских летописей, то остаются неясными некоторые важные моменты, в первую очередь роль отца молодого императора и главы рода Чан того времени Чан Тхыа. Все летописные своды сообщают о том, что он не только получил высший титул при дворе Ли, но и обладал большой реальной властью. Сменив Чан Ты

¹ Смотри «Параграф 3.1.2» «Главы 2» «Части III» настоящего тома.

Кхяня в 1223 г. и возглавив своих приверженцев, он организовывал карательные походы против недовольных феодалов, одерживая в большинстве случаев победы. С другой стороны, из сообщений о Чан Тху До, который впервые упоминается в летописном своде XV в. лишь под 1224 г., непонятно, каким образом он в том же году захватил власть в стране. Однако после этого упоминания в источниках о Чан Тхыа как о политическом деятеле становятся редкими¹. То есть надо полагать, в текстах поздних летописных сводов имеются достаточно серьёзные лакуны.

Если же обратиться к летописному своду XII – XIV вв., в котором подробно описаны предшествовавшие восшествию на престол династии Чан события вплоть до конца 1225 г., то окажется, что первые упоминания о Чан Тху До и Чан Тхыа относятся к более раннему, относящемуся к начальным этапам их карьеры времени. При этом важно, что автор свода подробно и последовательно пишет о деяниях Чан Тху До, который выступает в роли одного из высших государственных чиновников и влиятельного члена рода Чан. Вместе с тем в источнике подчёркивается главенствующее положение Чан Тхыа. Особенно интересно, что в тексте этого источника он, как и основатель династии Ли, именуется титулом «Великий Предок»² с притяжательным местоимением «наш», тогда как согласно традиции это посмертное имя присваивалось почти всем основателям средневековых династий конфуцианского культурного ареала, в том числе и таких имперских династий, как Тан, Сун и Мин, включая монгольскую династию Юань. В то же время первый император династии Чан носит, как уже говорилось, посмертное имя «Великого рода», которое по той же традиции давалось второму императору. В связи с этим вьетнамские исследователи лишь отмечают, что, согласно

¹ Согласно тому же летописному своду, Чан Тхыа скончался десять лет спустя в 1234 г.

² В «Кратком [изложении] истории [Великого] Вьета» сказано «Высокий Предок», что, вероятно, является преднамеренной «ошибкой» переписчика.

летописным сводам XV – XIX вв., в династии Чан не было императора Великого Предка, а был только Великий рода, то есть Чан Кань, тогда как его отец Чан Тхья, который так и не стал императором, был посмертно удостоен первого. Этой же точки зрения придерживается и ряд российских вьетнамоведов [182, т.4, с.217; 365.2, с.355 – 358]. Однако если обратиться к реальным фактам, доводы этих учёных не представляются слишком убедительными.

В «Кратком [изложении] истории [Великого] Вьета» сообщается, что принцесса Блистательная [и] Совершенная получила титул императрицы Блистательной, провозгласила девиз правления «Небесное просвещение имеющее Путь» и пожаловав отцу почётный титул «Старший [над] императором»¹, а в предыдущей главе уже цитировался текст этого источника, в котором приводятся слова императора Милостивого рода династии Ли о причинах возможной передачи им власти представителю другого рода¹¹. При этом в его завершающем разделе говорится о том, каким образом шли переговоры с Чан Тхья о передачи власти от династии Ли к роду Чан. Существует два переведённых на русский язык иероглифических списка этого текста, в одном из которых, судя по всему, переписчики пропустили несколько важных иероглифов. Но даже из сопоставления этих двух списков не следует, что именно Чан Кань стал первым императором династии Чан¹. Более того, анализ текста летописного свода «Краткое [изложение] истории [Великого] Вьета» позволяет предположить, что первым императором династии Чан был, не как принято считать, Чан Кань (император Великий рода), а его отец Чан Тхья (император Великий Предок)².

Возникает вопрос, для чего понадобилось скрывать, что Чан Тхья стал императором. Ответ очевиден: вступление Чан

¹ Китайский редактор «Краткого [изложения] истории [Великого] Вьета» заменил в его тексте иероглиф 帝 (император) на иероглиф 王 (король).

¹¹ Смотри конец «Параграфа 2» предыдущей главы.

Тхья на престол являлось прямой узурпацией власти, тогда как воцарение его сына Чан Каня, мужа императрицы Блистательной династии Ли, выглядело более легитимным. Ведь хотя прецедентов тому не было, она имела право официально «уступить» престол своему супругу.

Такой «ход» вполне отвечает желанию каждой новой династии оправдать законность своего прихода к власти. Соответственно авторы созданного во время правления династии Чан «Краткого [изложения] истории [Великого] Вьета» всячески оправдывают направленные на захват престола действия рода Чан, но при этом они не могли прямо фальсифицировать недавние события. Поэтому в летописном своде XII – XIV вв. и излагаются факты, противоречащие, созданной в последующие века версии перехода власти от династии Ли к династии Чан.

1.2. Мероприятия взойшедшей на престол в Дайвьете новой династии по централизации власти во вьетнамском феодальном государстве эпохи средневековья

Основные усилия членов новой династии Чан были направлены на укрепление своей власти и наведение порядка в стране после нескольких десятилетий смуты и междоусобных войн. Положение всё ещё оставалось нестабильным. Так, многие феодалы продолжали сопротивление новой династии, из которых, судя по всему, наиболее опасными были Доан Тхьонг в округе Хоан и Нгуен Нон в Бакзянге¹. Среди сторонников Ли были надеявшиеся на реставрацию этой династии люди, которые при благоприятных обстоятельствах могли использовать императора Милостивого рода как знамя в борьбе против узурпаторов Чан. В источнике отмечается, что постриженный в монахи бывший император иногда выходил из своей пагоды и гулял по столице. Собиралось много народа, чтобы увидеть его, многие плакали [236.2, т.2, с.8]. В этой

¹ Смотри конец предыдущей главы.

обстановке было принято решение о необходимости его физического устранения. Согласно летописному своду XV в., всю «чёрную работу» по ликвидации членов прежней династии и её сторонников взял на себя могущественный член рода Чан Тху До. О том, какое участие в этом принимал Великий Предок династии, документальных свидетельств не имеется. Однако, учитывая, что бразды правления находились в его руках, а Чан Тху До действовал от его имени и в его интересах, можно считать, что всё происходило по его указанию.

В 8-ом месяце 1226 г. Чан Тху До посетил бывшего императора в пагоде Тянь-зяо. Увидев, что Милостивый рода косит в саду траву, он сказал ему, что, срезая траву, надо выдирать и корни. На что тот ответил посланнику, что понял его. Через некоторое время бывшему императору сообщили, что Чан Тхуа вызывает его во дворец. Понимая безвыходность своего положения, он повесился в саду позади храма, предсказав перед смертью, что в будущем дом Чан постигнет та же участь. Милостивому рода были устроены пышные похороны. Его вдову, которая сама была из рода Чан, взял в жены Чан Тху До, женившись таким образом на родной сестре. Всех паложниц покойного и принцесс рода Ли выдали замуж за вождей горных племён, удалив их тем самым от двора. С женитьбой Чан Тху До завершается серия междинастийных браков. В дальнейшем Чаны заключали браки только внутри своего рода, чтобы избежать узурпации престола, подобной той, которую они сами осуществляли по отношению к династии Ли. Это было совершенно новым, не свойственным ни предыдущим, ни последующим династиям явлением. Подобные браки со временем могли способствовать вырождению династии, хотя в течение определённого периода обеспечивали её непрерывность.

Чан Тху До получил должность первого министра. Великий военачальник прежней династии Фунг Та Тю был назначен правителем большого округа Нгеан с правом назначать на должности низшие категории чиновников, что

противоречило существовавшему в то время в империи Сун правилам, согласно которым только император мог жаловать своим подданным титулы и должности. В 8-ом месяце 1228 г. должность великого военачальника была передана старшему сыну Великого Предка по имени Лиену. Если предложенная выше гипотеза верна, то в 1232 г. Великий Предок принял титул Старшего [над] императором и уступил престол женившемуся на императрице Блистательной династии Ли сыну Чан Каню, который с тех пор именуется в источниках императором Великим рода династии Чан. Соответственно был изменён и девиз правления¹. В том же году впервые был создан императорский совет, что может свидетельствовать об определённой стабилизации обстановки и нормализации работы административного аппарата.

Устранившийся от управления страной в 1232 г. Великий Предок скончался в 1234 г., но ещё до этого всю полноту власти в стране при молодом императоре получил его дядя Чан Тху До, который решил окончательно ликвидировать всех противников новой династии. Так, когда в 8-ом месяце 1232 г. на родине династии Ли в современной провинции Хабак должна была состояться очередная церемония поминовения императоров Ли с участием всех членов этого рода, то он не замедлил воспользоваться этим. Чан Тху До приказал вырыть под поминальным храмом большую яму, в которую провалились все члены бывшей императорской семьи, где они и были заживо погребены. Двамя месяцами ранее название прежней династии Ли было заменено на Нгуен, при этом всем жителям страны, носившим фамилию Ли, также было приказано её сменить на фамилию Нгуен. Предлогом для этого послужил тот факт, что один из родоначальников клана Чан носил имя «Ли», которое было табуировано. Иными словами, Чаны стремились вычеркнуть из памяти народа всё, что могло напомнить о прежней династии.

¹ Смотри «Таблицу №2» в «Томе VI».

В то же время всемогущий Чан Тху До столкнулся с проблемой престолонаследия, так как несколько лет замужества жена Великого рода дочь бывшего императора Ли не имела детей. Не зная, кто из супружеской четы является виновником такого положения вещей, Чан Тху До решил перестраховаться и насильно выдать замуж за молодого императора жену его старшего брата, которая находилась на третьем месяце беременности. Любивший свою жену и не хотевший обижать брата император Великий рода ночью бежал из столицы к своему другу монаху «Наставнику Государства», жилище которого находилось на горе Иенты¹. Между тем обиженный брат императора Лиэу собрал войска на реке Кай и поднял мятеж. Чан Тху До вместе с чиновниками прибыл к убежищу императора и принялся уговаривать его вернуться в столицу. Однако Великий рода ответил решительным отказом и высказал намерение отречься от престола. Чан Тху До не отступился и, заявив чиновникам «Где император, там [и] столица», велел строить дворцы на горе Иенты вокруг жилища монаха. В результате он убедил императора вернуться в столицу, который согласился с доводами своего дяди о том, что строительство дворцов нарушит гармонию природы святого места. Две недели спустя раскаявшийся и бросивший войска Лиэу подкараулил своего брата во время прогулки на лодках и стал просить у него прощения за мятеж. Растроганный император Великий рода простил Лиэу. Однако присутствовавший при этом Чан Тху До стал требовать его казни. Он сказал императору: «Я всего лишь охотничья собака, но как быть, если Ваши братья последуют [этому примеру и] станут бунтовать?» [165.4, т.2, с.16]. Однако Великий рода настоял на своём, и Лиэу был помилован. Тогда Чан Тху До выместил злобу на сторонниках Лиэу: все солдаты и офицеры, принимавшие участие в мятеже, были казнены. Вообще, некоторая импульсивность в

¹ Смотри «Параграф 1.2» «Главы 2» «Части III» настоящего тома.

проявлении чувств была свойственна членам рода Чан³.

Помимо перечисленных выше действий по ликвидации династии Ли и укреплению своей власти Великий Предок, а затем Чан Тху До провели целый ряд реформ в различных областях жизни вьетнамского общества. Так, например, было упорядочено законодательство, в результате чего в 1230 г. был издан состоявший из двадцати томов новый «Уголовный кодекс». Также было изменено аграрное законодательство и стали назначаться наделённые управленческими функциями начальники общин. Всё это свидетельствует о том, что в Дайвьете эпохи Чан шли процессы дальнейшей централизации государственной власти¹.

Произошли изменения и при императорском дворе. Высшая аристократия, включая членов рода Чан, больше не проживала в столице. Её представители имели свои уделы с резиденциями и своими дружинами, которые состояли из зависимых людей, так называемых «рабов». В столицу они являлись только на аудиенции к императору. В случае войны аристократы со своими дружинами и ополчением, состоявшим из зажиточных землевладельцев, присоединялись к регулярной армии или вели военные действия в районах своего проживания. В результате такой структурной организации армии она стала многочисленной и мобильной, что сыграло положительную роль во время войн Дайвьета с монгольской династией Юань.

Император Великий рода династии Чан также провёл административную реформу, разделив страну на двенадцать больших округов Тхиенчыонг, Лаунгхынг, Куокоай, Бакзынг, Хайдонг, Чыонгиен, Киенсыонг, Хонг, Кхоай, Тханьхоа, Хоангзынг и Зиентяу. Во главе каждой были поставлены по два легата спокойного управления или правителя большого округа. Существовали и другие равные по своему значению

¹ Об аграрных реформах династии Чан смотри в «Главе 1» «Части II» настоящего тома.

указанным областям административные единицы. К первым относились губернаторства Ынгтхиен, Тхиендык, Фульюнг и Нгеан, а ко вторым – округа Фаунг, Тянданг и Лаунг.

В то же время мероприятия первых императоров династии Чан по централизации государственного аппарата противоречили традиционным интересам буддийской сангхи, что на протяжении XIII в. привело как к ослаблению её позиций, так и к постепенному росту влияния конфуцианства в государственной идеологии¹.

Наконец, необходимо подчеркнуть, что в результате вышеописанных мероприятий в Дайвьете были преодолены центробежные силы, консолидирован правящий класс и создан эффективный административный аппарат, благодаря чему страна оказалась готовой к отражению грядущих монголо-китайских нашествий.

1.3. Монголо-китайские войны второй половины XIII в.

1.3.1. Первая война с монголами 1257 – 1258 гг.

В тридцатых годах XIII в. монголы захватили Северный Китай, на территории которого находилось чжурчженское государство Цзинь. В 1251 г. великий хан монголов Мункэ⁴ приказал своему младшему брату Хубилаю⁵ отправиться в поход против империи Сун, который начал наступление с севера. Одновременно с этим в 1252 г. другой монгольский военачальник Уриянгадай разгромил пограничное с Дайвьетом государство Наньчжао¹¹. По его плану монгольские войска должны были разбить династию Сун, нанеся ей удары одновременно с севера и юга. Уриянгадай подошел к границе с Дайвьетом в районе современного Лаокая и обратился к императору Великого рода династии Чан с требованием пропустить его войска на сунскую территорию. Однако все три отправленных в Дайвьет монгольских посольства были

¹ Смотри «Главу 2» и «Главу 3» «Части III» настоящего тома.

¹¹ То есть царство Дали.

арестованы и заключены в тюрьму в Тханглаунге. Кроме того, Великий рода повелел повсеместно готовиться к войне, а к границе были направлены войска под командованием Чан Куок Туана¹.

Не дождавшись ответа от вьетнамцев, Уриянгадай вторгся в 12-ом месяце 1257 г. на территорию Дайвьета. Его войска, насчитывавшие свыше двадцать тысяч человек, были неоднородны. Половину из них составляли монголы, а половина была набрана из китайцев и народов, населявших Южный Китай.

Монголы: воин и военачальник. Начало XIII в.
Реконструкция М.В.Горелика. 1994 г.

Монгольская армия начала наступление на Тханглаунг,

¹ О Чан Куок Туане смотри «Примечание 19» в «Комментарии» к «Главе 3» «Части IV» «Тома Ъ».

продвигаясь вдоль берега реки Красной. В Биньлиенгуене¹ по приказу императора Великого рода, который лично возглавил общее командование, была создана оборонительная линия, где и завязалось сражение. Монголы пытались окружить армию Дайвьета, захватить её боевые суда, отрезать ей пути к отступлению и уничтожить. В этом сражении монголы впервые столкнулись с боевыми слонами. Поначалу монгольская конница ничего не могла с ними сделать, но потом всадники стали пускать в слонов горящие стрелы, и обезумевшие от боли животные повернули назад, давя своих же солдат. Поскольку перевес оказался на стороне Уриянгадая, Ле Фу Чан, один из вьетнамских военачальников, посоветовал императору отступить. Весь подошедший на помощь отряд под командованием Фам Ку Титя погиб в арьергардном бою с монголами, позволив тем самым основным силам и даже флоту выйти из-под удара. Таким образом, план Уриянгадая по пленению императора Дайвьета и уничтожению его армии провалился, а монгольский военачальник, отвечавший за выполнение этого плана, покончил с собой.

Император Великий рода оставил Тханглаунг без боя и укрепился в округе Кхоай¹¹. Столица была покинута жителями, и монголы заняли пустой город. В городской тюрьме они обнаружили своих посланцев, один из которых был мертв. Уриянгадай приказал разрушить столицу. Через несколько дней у завоевателей подошли к концу продовольственные запасы. Отправка фуражиров в окрестные деревни не дала должного эффекта, так как крестьяне либо покидали свои дома, уничтожая продовольствие, либо, укрепив деревни, с оружием в руках отбивались от захватчиков. Известен не один пример того, как крестьяне-общинники, превратившие свои деревни в «бамбуковые крепости», успешно противостояли монголам.

В то же время некоторые родственники императора

¹ Провинция Виньфу.

¹¹ Провинция Хайхынг.

Дайвьета были охвачены паникой. Так, военный министр Нят Хиену предложил Великому рода бежать к Сунам, против чего решительно выступил Чан Тху До, который заявил императору: «Пока моя глава не скатилась на землю, Вам не о чем беспокоиться» [165.4, т.2, с.28]. Главным же было то, что императору и его окружению удалось сохранить боеспособную армию и военный флот. При этом повсеместно рассылались воззвания, призывавшие население на борьбу с агрессорами. Между тем боевой дух завоевателей падал.

Первая война сопротивления против монгольской агрессии (1258г.)

Не прошло и полумесяца, как возглавляемая императором и наследным принцем Хоангом армия Дайвьета выбила монголов из столицы, в результате чего Уриянгадай с остатками своего войска был вынужден возвращаться в Дали

по старой дороге вдоль реки Красной. Повсюду он сталкивался с враждебным отношением местного населения, а в горных проходах его войска подверглись нападению племён под командованием вождя Ха Бонга. Вернувшись в Дали армия Уриянгадая понесла такие потери, что монгольский полководец так и не смог нанести удар с тыла по империи Сун.

В результате этой победы Дайвьет получил после первого монгольского нашествия передышку, которая длилась целых двадцать семь лет.

Более того, не идя, как и Ли в XI в., на обострение отношений с северным соседом, Чаны получили возможность разговаривать с ним с позиции силы. Так, когда в 1258 г. прибывший ко двору вьетнамского императора монгольский посол с требованием уплаты крупной ежегодной дани, то Великий рода затянул переговоры, которые поэтому так ничем и не завершились. Тогда император отправил к Хубилаю своё посольство, в состав которого был включён отличившийся в боях с Уриянгадаем военачальник Ле Фу Чан, что вряд ли могло обрадовать великого хана. В итоге было принято решение, что, как и в предыдущие века, дань будет платиться один раз в три года, при этом она сохранила свой номинальный характер. Таким образом, формально признав монгольского кагана своим сюзереном, вьетнамцы ни в коей мере не считали себя зависимыми от него. В данном случае особенно ярко проявился один из неписаных законов вьетнамской дипломатии: *«Лучше в малом уступить превосходящему тебя противнику, но только в том случае, если это не обойдется тебе слишком дорого»*. Соответственно компромиссы, на которые вьетнамцы были готовы идти, имели определённый предел. Так, когда во 2-ой половине XIII в. монголы не раз требовали прибытия вьетнамских императоров к своему двору, то последние уклонялись от этого под разными предлогами. Оставались без ответа и требования монголов направлять в их столицу детей из императорской семьи в качестве заложников. Точно также не могло быть и речи о территориальных уступках.

Поначалу такая политика приносила положительные результаты. Так, в 1261 г. от Хубилая прибыло посольство с письмом, в котором говорилось: «Чиновники [и] народ страны Аньнань в одежде, обрядах [и] музыке обычаях следуют старым традициям своей страны. изменять [их] не нужно... Кроме того, предупредили пограничных военачальников в Юньнани, чтобы те не совершали самовольных набегов на приграничные районы [и] не причиняли беспокойства населению. Чиновники [и] народ вашей страны должны, как [и] раньше, сохранять покой [и] порядок» [165.4, т.2, с.32]. Посольство также привезло взошедшему к тому времени на престол в Дайвьете императору Совершенному рода династии Чан указ о пожаловании ему титула «Король Государства Аннань», то есть высшего титула, которым монголы по примеру предыдущих имперскими династий жаловали правителей соседних «варварских» государств. Таким образом, монголы отказались от вмешательства в дела Дайвьета, удовлетворившись тем, что он формально признал их сюзеренитет.

Кроме того, монголам вскоре стало не до южного соседа. В 1259 г. умер великий хан Мункэ, который назначил своим преемником в Каракоруме хана Ариг-Бога. С этим не согласился брат последнего Хубилай, что привело к началу междоусобных столкновений между ними. Естественно, завоевательные походы против остатков империи Сун и Дайвьета на время были прекращены. Борьба между ханами продолжалась с переменным успехом и окончилась в 1264 г. поражением Ариг-Бога, так как в то время уже начался распад созданного Чингисханом великого монгольского каганата, основные вооружённые силы которого оказались в руках Хубилая. Помимо этого он опирался на большую часть китайских военно-экономических ресурсов. Поэтому не приходится удивляться, что уже в 1263 г. Хубилай принял титул императора и провозгласил девиз правления «Изначальное достижение», в 1271 г. объявил о создании в Северном Китае монгольского государства во главе с

династией Юань, а затем, покончив в 1279 г. с династией Сун на юге, объединил под своей властью всю территорию бывшей империи Тан^I. Сразу после этого он начал завоевательные походы против Пагана^{II}, Сингосари^{III} и Японии. Не оставил Хубилай и намерения захватить Дайвьет.

Надо полагать, что с самого начала императоры династии Чан отдавали себе отчет в неизбежности новой войны с монголами. Поэтому сразу после завершения первой войны они приняли меры по укреплению армии. В 1261 г. был издан указ о пополнении регулярной армии здоровыми и крепкими людьми из числа податных крестьян, а остальные крестьяне были записаны в местное ополчение. В 1262 г. приступили к изготовлению дополнительных партий оружия и строительству боевых кораблей. Одновременно с этим проводились военные маневры, в ходе которых отрабатывалось взаимодействие флота и сухопутных войск. Затем в 1267 г. была утверждена организационная структура регулярной армии из пяти армейских корпусов: срединной, правой и левой армий, авангарда и арьергарда. Каждый из корпусов состоял из тридцати отрядов, насчитывавших по восемьдесят человек. Высший командный состав регулярной армии составили разбиравшиеся в военном искусстве члены императорского рода.

Как и его отец, Великий рода в 1258 г. принял титул «Старшего [над] императором» и уступил престол своему старшему сыну Хоангу^{IV}, которому исполнилось восемнадцать лет. Однако, несмотря на формальный отказ от власти, Великий рода по-прежнему продолжал решать все государственные дела. Надо полагать, что такая прижизненная передача престола осуществлялась Чанами для того, чтобы не

^I С 1280 г. Хубилай упоминается в имперских источниках под посмертным именем «император Великий Предок династии Юань».

^{II} Бирма.

^{III} Ява.

^{IV} Упомянувшийся выше император Совершенный рода династии Чан.

допустить захвата власти другим могущественным родом. В данном же случае, дополнительным побудительным мотивом могла служить угроза нового монгольского вторжения в Дайвьет. Таким образом, передача престола сразу после отражения первого монгольского нападения была проведена далеко не случайно. Поэтому неудивительно, что после смерти своего отца в 1277 г. Совершенный рода уже в следующем году уступил трон сыну, который известен как император Гуманный рода династии Чан.

В период между первым и вторым монгольскими нашествиями скончались не только император Великий рода, но и видный политический деятель правящей династии Чан Тху До¹. Несмотря на то что вьетнамские средневековые историографы несколько преувеличили его роль в свержении династии Ли и воцарении Чанов, он всё же был весьма могущественным сановником императорского двора и порой обладал большей, чем у императора, властью. Считая, что власть императора должна быть абсолютной, и стремясь к максимальному укреплению позиций правящего рода, он сам никогда не претендовал на престол. В этой связи можно заметить, что взгляды Чан Тху До достаточно точно отражены в следующем весьма любопытном обращении императора Совершенного рода династии Чан к своим родственникам: «Поднебесная – это Поднебесная предков. Продолжатель дела предков должен пользоваться богатством [и] знатностью вместе со [своими] братьями [и] сёстрами в семье. Хотя вне [семьи] вся Поднебесная служит одному человеку, сидящему на почитаемом троне, внутри [неё] мы вместе с вами кровные родственники. Если печалимся, то вместе, если веселимся, то тоже вместе. Вам следует передать эти слова вашим детям, чтобы они никогда не забывали [их], тогда это обеспечит счастье нашей родине на десять тысяч лет».

После этого великим князьям и маркизам было

¹ 1264 г.

приказано остаться после аудиенции на трапезу вместе с императором, по окончании которой не расходиться поздним вечером, а «уложить длинную подушку, расстелить широкое одеяло, установить кровать [и] спать всем вместе, [чтобы] выразить любовь друг к другу» [165.4, т.2, с.37].

Как уже отмечалось, многие члены императорского рода жили в своих усадьбах в сельской местности. В столицу же они являлись на аудиенции к императору, по праздникам и на торжественные церемонии, а также тогда, когда по очереди исполняли обязанности первого министра. Теоретически наличие собственных резиденций и военных формирований могло способствовать появлению сепаратистских устремлений, однако принимаемые императорами династии Чан меры по укреплению центральной власти не давали основания для заговоров и мятежей. Впрочем, это не исключало небольших инцидентов. Так, в 1270 г. брат императора Куок Кханг построил хоромы в своей резиденции в округе Зиен, не уступавшие по роскоши императорскому дворцу. Узнав об этом, император Совершенный рода отправил в округ Зиен проверяющих. Однако Куок Кханг велел извезти и установить во дворце статую Будды, превратив его тем самым в храм¹.

Во внешней политике того периода династия Чан, стремясь обезопасить свой тыл в будущих столкновениях с Юанями, поддерживала хорошие отношения со своим южным соседом Тямпой. Так, когда в 1279 г. прибывший в Тханглаунг тямский посол попросил убежища, ему было отказано. Одновременно с этим Дайвьет охотно принимал беженцев – бывших подданных империи Сун. Например, в 1274 г. большой группе китайцев разрешили поселиться в столице, выделив для них отдельный квартал, где они стали заниматься торговлей. Из китайцев также было сформировано и военное подразделение.

¹ О дальнейшем социально-экономическом и культурно-идеологическом развитии Дайвьета во второй половине XIII в. смотри соответствующие главы «Части II» и «Части III» настоящего тома.

В 1279 г. монголы разгромили остатки южносунских войск в Гуандуне, и, чтобы не попасть к ним в плен, последний император династии Сун вместе со своими приближёнными покончил жизнь самоубийством.

Таким образом, у Хубилая больше не осталось врагов, которые могли бы помешать возобновлению завоевательных походов монголо-китайских войск на Дайвьет, которые начались уже в 1284 г.

1.3.2. Вторая война с монголо-китайской династией Юань в 1284 – 1285 гг.

По мере обострения отношений с Юанями в Дайвьете активизировалась подготовка к предстоящей войне. Так, в 1282 г. в Биньтхане был созван военный совет, на который были приглашены все члены императорской семьи и высокопоставленные чиновники. В наиболее уязвимых местах были размещены заградительные отряды. Накануне войны в 1284 г. император вызвал в столицу старейшин общин со всей страны, с тем чтобы выяснить их мнение относительно целесообразности вооружённой борьбы с монголами. Был устроен военный парад из имевшихся в наличии войск. Большое число воинов произвело впечатление на старейшин, не видевших до этого такого количества людей, поэтому они единодушно признали необходимость войны.

Наряду с этим, желая выиграть максимум времени для подготовки к войне, вьетнамцы хотели максимально оттянуть начало военных действий, они старались, с одной стороны, не провоцировать лишний раз монголов, а с другой – делали всё, чтобы не попасться на их хитрости. Так, в 1281 г., сказавшись больным, император Гуманный рода направил в империю посольство, которое возглавил его дядя Чан Зи Ай, которому Юани пожаловали титул короля Аньняня. Тем самым они хотели возвести на трон в Дайвьете «своего» государя и избежать большой войны. В сопровождении отряда в тысячу монгольских воинов Чан Зи Ай вернулся в Дайвьет в 1282 г. Он также привёз Гуманному рода указ Хубилая, в котором

вьетнамский государь подвергался критике за то, что под предлогом болезни не явился к юаньскому двору и вступил на престол без санкции последнего. Поэтому монгольский владыка повелевал передать власть Чан Зи Аю, а самому заняться лечением. В указе подчёркивалось, что если Аньнань не подчинится повелению, то в страну будет введена большая армия из империи. Однако, не испугавшись этой угрозы, император Гуманный рода велел схватить Чан Зи Ая и разжаловать его в простолюдины за предательство.

Между тем в Дайвьете велись последние приготовления к войне. В 10-ом месяце 1283 г. император лично руководил военными маневрами сухопутных войск и флота. Тогда же Чан Куок Туан, который был назначен главнокомандующим всеми вооружёнными силами страны, в свою очередь назначил обладающих военными талантами офицеров командирами воинских подразделений и частей [165.4, т.2, с.49]. После этого в 1-ом месяце 1284 г. углубили русло прикрывавшей Тханглаунг с северного направления реки Толить, а в 8-ом месяце Чан Куок Туан приказал провести большой военный парад личных войск великих князей и маркизов на берегу реки Красной близ столицы в Донгбоду. Часть этих войск была направлена в Биньтхан. На параде главнокомандующий выступил с патриотическим «Указом военачальникам»¹, в котором он призывал к решительной борьбе с монголами. Из того, что половину этого воззвания составляют упреки в отношении военачальников по поводу их праздности, апатии и безразличия к военным делам, можно сделать вывод о растерянности части вьетнамской знати и её неуверенности в своих силах перед вторжением грозного противника. Надо полагать, что, судя по дальнейшим событиям, воззвание произвело впечатление на тех, кому оно было адресовано. Большое значение в подготовке командного состава сыграли и

¹ Смотри «Примечание 26» в «Комментарии» к «Главе 1» «Части II» настоящего тома.

написанные Чан Куок Туаном «Краткие военные записи», ставшие своего рода боевым уставом армии Дайвьета.

Также следует отметить, что благодаря проводившейся представителями династии Чан активной пропаганде был достигнут большой патриотический подъём как в армии, так и в народе. Так, например, не принятый в армию по возрасту пятнадцатилетний представитель рода Чан по имени Чан Куок Тоан, сформировал отряд в тысячу человек из своих слуг и рабов и принял активное участие в боевых действиях, а воины Дайвьета, несмотря на то что это грозило им гибелью при попадании в плен, тушью татуировали на плече иероглифы «смерть татарам»¹ [165.4, т.2, с.52]. Однако были и случаи, когда располагавшие достаточно серьёзными силами военачальники переходили на сторону противника.

Овладев всем Китаем, Хубилай стремился расширить пределы своей империи, при этом южное направление играло большую роль в его планах. Дайвьет занимал стратегическое положение в регионе и, по мнению монголов, мог стать основной базой для завоевания стран Юго-Восточной Азии. В то же время победа вьетнамцев в первой войне не обещала «лёгкой прогулки» при новом вторжении. Только этим можно объяснить направление против Дайвьета огромной по тем масштабам армии, в которой насчитывалось полмиллиона человек во главе с военачальниками, имевшими опыт боевых действий в Южном Китае. Главнокомандующим армии Хубилай назначил своего сына Тогана, пожаловав ему титул «Король Аньнана». Кроме того, для подготовки удара по Дайвьету с юга из Гуандуна была направлена морем в Тямпу монгольская армия под командованием Сагату. В свою очередь Дайвьет направил на помощь Тямпе сухопутные войска и боевые корабли. Поэтому боевые действия шли с переменным успехом до тех пор, пока потерпевший ряд

¹ Известно, что разъярённые монголы, как правило, сразу же казнили пленников с такой татуировкой.

поражений Сагату не занял в ожидании начала большой войны позиции на севере Тямпы у южной границы Дайвьета.

Во второй половине 1284 г. монгольская армия была окончательно сформирована, а в конце того же года она выдвинулась к границам Дайвьета. Тоган, надеясь ввести в заблуждение вьетнамского императора, направил ему письмо, в котором уверял, что он идёт походом на Тямпу. Поэтому монгольский военачальник требовал лишь пропустить его армию к границе с Тямпой и снабжения её продовольствием, а также личной явки императора Дайвьета в его ставку. Однако вьетнамцы нисколько не сомневались в истинных планах юаньских стратегов. Поэтому император Гуманный рода «де-факто» намеренно спровоцировал Тогана, ответив ему: «Из моей страны в Тямпу пути [как] по суше, [так и] по воде неудобны» [1420, с.380].

Однако силы противников были неравными. Точных сведений о численности войск с обеих сторон не имеется. Как уже говорилось, наступавшая с севера монголо-китайская армия насчитывала до 500000 человек, к которым надо добавить войска Сагату на юге, а во вьетнамской армии было не более 200000 солдат. Таким образом, монголы имели почти тройное превосходство в силах. Очевидно, что при таком соотношении армия Дайвьета не могла выдержать первых концентрированных ударов противника.

Чан Куок Туан разделил свою армию таким образом, чтобы прикрыть все опасные направления вторжения, которые диктовались условиями горной местности северной части Дайвьета¹. Основные силы вьетнамцев были сосредоточены на лангшонском направлении, на котором, по имевшимся данным, планировался главный удар монголо-китайской армии во главе с Тоганом. Свою ставку Чан Куок Туан разместил в ущелье Нойбанг, которое находится недалеко от местечка Тю на северо-востоке современной провинции Хабак. Фам Нгу Лао и

¹ Провинции Лаокай, Хазянг и Лангшон.

ряд других военачальников заняли важные стратегические пункты, расположенные на территории от границы до Тиланга^I, при этом [великий] князь Блистательной просвещённости Чан Нят Зуат занял район Туенкуанга^{II}, а маркиз Высших помыслов Чан Ван Лонг – Тамдай^{III} [1420, с.377].

В конце 1284 – начале 1285 г. монгольская армия перешла границу Дайвьета. Как и предполагал Чан Куок Туан, основной удар был нанесён на лангшонском направлении. Одновременно с этим Тоган приказал командующему войсками в Юньнани Насреддину начать наступление на Туенкуанг, тогда как Сагату из Тямпы должен был нанести удар по Дайвьету с юга.

По мнению монгольских полководцев, такой план кампании не оставлял вьетнамским войскам никаких шансов на спасение. Развивая наступление на лангшонском направлении, Тоган разделил свою армию на западное и восточное крылья. Преодолев под его личным командованием упорное сопротивление оборонявших горные проходы вьетнамских отрядов, восточное крыло вплотную подошло к ставке Чан Куок Туана в Нойбанге. При этом почти все вьетнамские командиры и солдаты, защищавшие районы Кхали^{IV} и Донгбанг, погибли в бою. В то же время командующий западным крылом, сочтя группировку Фам Нгу Лао довольно значительной и хорошо укрепившейся в труднодоступном районе, обошел её по другим, менее защищенным горным проходам, уничтожая на пути незначительные заслоны вьетнамских войск.

Местность, в которой расположился Чан Куок Туан, была крайне неудобна для штурма, к тому же её обороняли не ополченцы, а регулярные войска. Поэтому Тоган попытался привлечь Чан Куок Туана на свою сторону, предложив ему

^I На юге провинции Лангшон.

^{II} Провинция Хатуен.

^{III} Провинция Виньфу.

^{IV} Сали.

открыть дорогу без боя. Получив отказ, монголы, имея целью полное уничтожение основной части регулярной армии Дайвьета вместе с её главнокомандующим, в начале 2-го месяца 1285 г. атаковали Нойбанг с шести направлений, который был последним форпостом на пути в равнинные районы Дайвьета. В кровопролитном бою вьетнамские войска потерпели поражение и были рассеяны, при этом сам Чан Куок Туан едва не попал в руки врага. Ему удалось спастись от посланной в погоню монгольской конницы лишь благодаря верности слуги Иет Киеу, который ждал своего господина в лодке на берегу реки Лукнам неподалёку от места сражения. Собрав отряды местного ополчения и сформировав из них заслон на пути противника, вьетнамский полководец по реке Лукнам спустился на юг до Ванкиепа и, остановившись там, начал собирать войска. На его призыв откликнулись [великие] князья Нгиен, Уат, Тан и Хиен, трое из которых были его сыновьями. Они пришли не только со своими дружинами, но привели с собой территориальные войска и ополчение из провинций Хайхынг и Хабак. Используя рельеф местности, Чан Куок Туан построил свою оборону, сосредоточив на реке Биньтхан боевые корабли, которые сыграли большую роль в последующих боях. Вместе с тем вьетнамский полководец реально оценивал соотношение сил и предусмотрел вариант отхода с занимаемых позиций. На этот случай по его приказу была подготовлена вторая линия обороны в районе Бакзянга. Обе линии обороны были расположены таким образом, чтобы перекрыть противнику пути продвижения к столице Дайвьета.

Сосредоточив свою группировку в районе Ванкиепа, Тоган атаковал вьетнамские войска в середине 2-го месяца 1285 г. 14-го числа произошло большое сражение на реке Биньтхан, в ходе которого вьетнамским флотом командовал сам император Гуманный рода. Но хотя монголы несли большие потери, их превосходство в силах было слишком велико. Оценив ситуацию, Чан Куок Туан пришёл к выводу о том, что продолжение битвы за Ванкиеп может привести к полному уничтожению его войск и последующему захвату

Тоганом всей страны. Поэтому он вместе с императором спустился на боевых кораблях по реке Дуонг к Тханглаунгу, где была подготовлена новая линия обороны.

Великий князь Прорывающего Пути Чан Куок Туан.
Главный поминальный храм, деревня Тыкмак к северу от г.Намдинь.
28.03.2012 г.

Вдоль берега реки Красной был сооружён деревянный

частокол, за которым располагались войска и позиции боевых петард. Со стороны реки берег прикрывал флот. Следует отметить и то, что у вьетнамцев было очень мало времени для подготовки новой линии обороны, так как монголо-китайские войска вышли к северному берегу реки Красной через три дня после битвы при Ванкиепе. Тем не менее попытки Тогана с ходу форсировать реку не увенчались успехом.

В те дни Гуманный рода послал в стан монголов До Кхак Тонга для сбора сведений о противнике. Чтобы не вызвать подозрений, вьетнамский император снабдил его письмом, в котором он предлагал мирным путем урегулировать вооружённый конфликт. Участвовавший в переговорах монгольский военачальник обвинял вьетнамского императора в том, что он отказался пропустить монгольские войска в Тямпу и отказался снабдить их продовольствием. Кроме этого в качестве доказательства его агрессивности он указал на иероглифы «Смерть татарам!», которые были вытатуированы на плечах многих пленённых вьетнамских воинов. Однако До Кхак Тунг с достоинством ответил, что когда дворовая собака кусает человека, то хозяин в этом не повинен. Соответственно слуги делают это из верности своему государю, который сам об этом ничего не знает [236.2, т.2, с.52]. Переговоры, как этого и следовало ожидать, оказались безрезультатными. Монгольский военачальник, который с опозданием догадался об истинных намерениях вьетнамского посла, отправил за ним погоню, но было поздно, так как До Кхак Тунг уже добрался до расположения своих войск.

Планируя боевые операции, Чан Куок Туан исходил из того, что в любом случае необходимо сохранить армию и флот для нанесения в будущем решительных ударов по монголам. Опыт предыдущих кампаний показал, что наибольшую боеспособность противник сохранял лишь в начале вторжения. В дальнейшем же из-за растянутых коммуникаций и уничтожения продовольственных запасов в оккупированных районах монгольская армия начинала испытывать серьёзные лишения. Кроме этого в 4-ом месяце наступал жаркий летний

период. Непривычные к тропическому климату монгольские воины переносили его с трудом, а в результате эпидемий армия противника несла даже большие, чем в ходе боевых действий, потери. Таким образом, учитывая превосходящие силы монголов, тактика затягивания военной кампании и сохранения армии была единственно правильным решением. В связи с этим Чан Куок Туан не исключал и сдачи столицы. Оборона на реке Красной была необходима лишь для того, чтобы, задержав монголов, позволить императорскому двору, чиновникам и жителям Тханглаунга организованно его покинуть. В результате император Гуманный рода и Чан Куок Туан с остатками войск и флота сумели отступить в район современной провинции Куангнинь и, выйдя к устью реки Ванфук, переправились морем в Тханьхоа⁶. Наступил наиболее тяжёлый для вьетнамцев момент в войне.

Тоган занял Тханглаунг. Сагату, командовавший монгольскими войсками в Тямпе, атаковал южные провинции Дайвьета, с тем чтобы развивая наступление в северном направлении, окружить и уничтожить во взаимодействии с основными силами Тогана вьетнамскую армию. Поэтому, для того чтобы задержать продвижение Сагату, император Гуманный рода направил Чан Куанг Кхая с войском в Нгеан. Наконец, в Туенкуанге [великий] князь Блистательной просвещённости Чан Няг Зуат сражался с наступавшей из Юньнани третьей группировкой монгольских войск Насреддина. Отступая с боями до района Вьетчи, Зуат узнал о взятии Тханглаунга и, обогнув столицу с юга, пошёл на соединение с армией Чан Куок Туана. Положение преследуемой монголами армии Дайвьета стало критическим.

В этой обстановке, потеряв надежду на победу в войне, ряд членов императорской семьи и высших сановников сдались врагу. Среди них были маркиз Несущий просвещение Чан Ван Лонг, [великий] князь Государственного блистания Чан Ить Так, Фам Кы Диа, Чинь Лаунг, Чан Киен и Ле Так. По пути в империю Чан Киен был убит ополченцами, Чан Ить Так, которому Юани пожаловали титул «Король Государства

Аньнань», так и умер на чужбине, а Ле Так, покинув родину, написал прокитайское историческое сочинение о событиях, свидетелем которых он был [241].

Однако значительно больше было примеров верности своей родине. Один из наиболее ярких связан с потомком основателя династии Ле¹ Чан Бинь Чаунгом. Прикрывая отход императора Гуманного рода, он попал в плен, где отказался отвечать на вопросы об императоре и объявил голодовку. Когда же ему был предложен титул [великого] князя при дворе Юань, Чаунг ответил, что лучше быть духом в стране Юга, чем королём в стране Севера, за что и был казнён.

Тем не менее, несмотря на тяжелое положение, Чан Куок Туану удалось сохранить основные силы регулярной армии и флота. Более того, в районе Тхиенчюнг – Чьюнгиен¹¹ ему удалось пополнить армию, собрав провинциальные войска и ополчение [1420, с.389]. Борьба с монголами начинала принимать всенародный характер, в результате чего монголы стали испытывать нехватку либо скрывавшегося от них, либо уничтожавшегося крестьянами продовольствия. Поэтому Тоган был вынужден дробить свои силы для создания гарнизонов и почтовых станций на оккупированной территории для снабжения армии продовольствием из Южного Китая, которые подвергались постоянным нападениям как вьетнамских территориальных войск и народного ополчения, так и оставшихся в северных и северо-восточных районах страны регулярных частей армии Дайвьета. Всё это не могло не отразиться на боеспособности и мобильности главной группировки монгольских войск.

В то же время наступавшие с юга войска под командованием Сагату представляли большую опасность для армии и императорского двора Дайвьета, основная база которых находилась к югу от столицы в провинции Ханамнинь.

¹ 980 – 1009 гг.

¹¹ Современная провинция Ханамнинь.

Поэтому, исходя из складывавшейся обстановки, Чан Куок Туан объявил южный фронт главным. Поэтому войска [великого] князя Блистательной просвещённости Чан Нят Зуата были в спешном порядке переброшены из Туенкуанга в Нгеан. Вслед за тем ему на помощь был направлен [великий] князь Блистательного света Чан Куанг Кхай. Такой отвод вьетнамских войск из Туенкуанга позволил наступающей из Юньнани армии Насреддина беспрепятственно объединиться с армией Тогана. Тем не менее, приняв во внимание фактор развернувшейся повсеместно народной партизанской войны, Чан Куок Туан решил, что наступило время для решительного удара по основной группировке войск в районе столицы. Поэтому часть армии под его командованием двинулась к Ванкиепу, тогда как другая её часть под командованием императора Гуманного рода осталась в Тхиенчюнге. По плану Чан Куок Туана удар по столице должен был наноситься одновременно с запада из Ванкиепа и из Тхиенчюнга вверх по реке Красной. Таким образом, врагу отсекались как путь отступления к морю, так и наиболее короткая сухопутная дорога отступления в империю. Кроме этого, база в Ванкиепе служила опорным пунктом партизанской борьбы к северу и востоку от Тханглаунга.

Маневры вьетнамской армии и предположения о планах её командования вызвали серьёзную озабоченность Тогана, который обратился за помощью к Хубилаю. В его послании говорилось: «В двух местностях Тхиенчюнге и Чыонгиене вновь сосредотачиваются военные силы [Чанов]. Великий князь Прозцветающего Пути [Чан Куок Туан] собрал более тысячи военных судов в Ванкиепе, Нгуен Лок расположился в Виньбине, [тогда как] правительственные войска зашли далеко, долго воюют [и] оказались в неопределённости посреди [сил Дайвьета], войска же Сагату и Тангутая вовремя не подошли» [1420, с.392]. В этой обстановке монгольское командование приняло решение о нанесении упреждающего удара в южном направлении по Тхиенчюнгу, где находилась ставка императора Гуманного рода династии Чан, навстречу войскам

Сагату. По их мнению, одновременный удар с севера и с юга по вьетнамской армии в Тхиенчюнге не только позволил бы её уничтожить, ликвидировав тем самым опасность нападения на Тханглаунг, но и развязал бы руки объединённой монгольской армии для окончательного разгрома последних вьетнамских войск под командованием Чан Куок Туана.

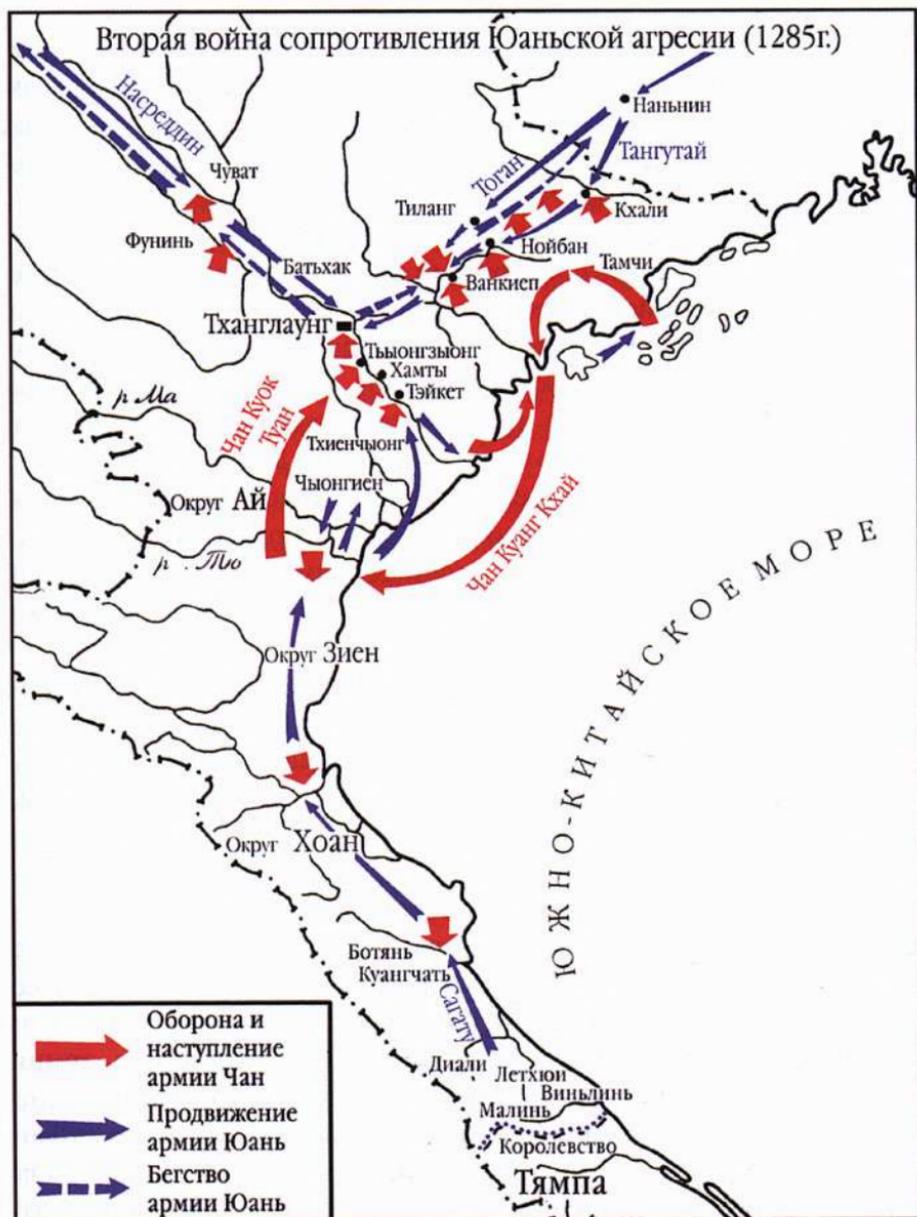
В 3-ем месяце 1285 г. Сагату вступил в Тханьхоа, создав непосредственную угрозу императорской ставке в Тхиенчюнге. Положение вьетнамцев осложнялось ещё и капитуляцией Чан Киена с его десяти тысячным корпусом, не говоря уже о том, что перебежчики указывали наиболее уязвимые места в обороне сил Дайвьета. Кроме того, начавший согласно плану Чан Куок Туана наступление вверх по реке Красной на Тханглаунг император Гуманный рода был остановлен превосходящими силами Тогана. В этой ситуации вьетнамское командование предприняло хитрый маневр с целью спасения своей южной группировки. В 4-ом месяце 1285 г. император Гуманный рода двинулся в северо-восточном направлении и соединился с армией Чан Куок Туана в провинции Куангнинь. Затем объединённые войска Дайвьета переправились по морю в провинцию Тханьхоа и оказались, тем самым, в тылу наступавшего на север Сагату. В результате, хотя вьетнамцы и отступили, им вновь удалось избежать окружения и сохранить регулярную армию.

Первоначальный план Чан Куок Туана оказался ошибочным вследствие недооценки сил Сагату и темпов его наступления. Кроме того, не последнюю роль в изменении ситуации сыграла и неожиданная измена Чан Киена с его десяти тысячным корпусом. Тем не менее, несмотря на фактическое отступление войск Дайвьета, положение монголо-китайской армии продолжало оставаться сложным. Используемая по приказу вьетнамского командования силами ополчения тактика выжженной земли не позволяла нормально снабжать продовольствием огромную монгольскую армию, концентрация которой на ограниченной территории обрекала её на голод. Поэтому Тоган, направив часть своих

войск на помощь Сагату, приказал последнему прекратить продвижение к столице, остановиться в районе Тхиенчюнг – Чюнгхиен, повернуть свои войска фронтом на юг и атаковать армию Дайвьета в Тханьхоа. И тут сработала вторая часть плана вьетнамского главнокомандующего. Наступил жаркий летний сезон, в монгольском лагере начались эпидемии, а войнам армии вторжения, которых держали в перманентном напряжении партизанские действия вьетнамских крестьян, хронически не хватало продовольствия. При этом если продолжавшаяся в таких сложных условиях уже почти полгода кампания измотала силы основной монгольской армии, то группировка Сагату, которая начала военные действия против Тямпы намного раньше, оказалась в ещё более тяжёлом положении. Поэтому у неё просто не было сил для решительного наступления на армию Дайвьета в Тханьхоа. В результате Чан Куок Туан снова пришёл к выводу, что наступил удобный момент для нанесения решающего удара.

В 5-ом месяце 1285 г., оставив часть армии в Тханьхоа, командование которой принял на себя император Гуманный рода, войска Дайвьета вошли на боевых судах в устье реки Красной и, продвигаясь вверх по ней в направлении Тханглаунга, стали уничтожать монгольские гарнизоны. Маневр, предпринятый вьетнамцами, был весьма удачен, так как они тем самым вбивали клин между силами Сагату и Тогана, не давали им объединиться. Уничтожение гарнизонов вдоль реки Красной облегчалось ещё и тем, что они в основном состояли из частей войск Сагату, которые, в силу вышеуказанных причин, утратили способность к серьёзному сопротивлению. Поэтому Чан Куок Туан счёл возможным разделить свою армию на две части. По сути, он вернулся к неудавшемуся в третьем месяце плану одновременного наступления вверх по реке Красной и из района Ванкиеп. Соответственно [великому] князю Блистательного света Чан Куанг Кхаю было приказано продолжать наступление по реке Красной. Сам же Чан Куок Туан совершил обходной маневр в северо-восточном направлении и прибыл в Ванкиеп,

уничтожая по пути монгольские гарнизоны, некоторые из которых были весьма значительными и насчитывали до десяти и более тысяч солдат основной группировки Тогана.

Создав базу в Ванкиепе, Чан Куок Туан начал концентрацию действующих в этом районе сил ополчения, а также остатков регулярных войск и военных отрядов аристократии.

Тем временем Чан Куанг Кхай, под командованием которого находились такие вьетнамские военачальники, как маркиз Литературных помыслов Чан Куок Тоан и Нгуен Кхоай, продолжал наступление по реке Красной. В тот же район были переброшены и войска Чан Нят Зуата. В конце 5-го месяца 1285 г. эта группировка подошла к занятому войсками Сагату Тэйкету, в сражение с которыми вступили все вьетнамские военачальники за исключением Чан Нят Зуата. Дело в том, что его войска состояли из бежавших ранее в Дайвьет от монголов бывших подданных сунской династии, которые были одеты и вооружены по-китайски и практически ничем не отличались от китайских солдат монгольской армии. Поэтому в разгар сражения он смог беспрепятственно подойти вплотную к принявшему его за своих противнику, который был настолько ошеломлён последовавшим нападением, что фактически прекратил сопротивление. В результате монгольские войска потерпели сокрушительное поражение в битве при Тэйкете.

Продолжая наступление вдоль реки Красной в северо-западном направлении, войска Чан Куанг Кхая дошли до Тьонгзыонга, расположенного примерно на полпути от Тэйкета до столицы. Разгромив монголов при Тьонгзыонге, войска Дайвьета подошли к Тханглаунгу и атаковали его одновременно с суши и с воды.

Несмотря на большие потери, вьетнамская армия, по свидетельству китайских источников, не только не уменьшалась, но даже увеличивалась за счёт того, что в её ряды вливались всё новые и новые отряды местных войск и ополчения. Поэтому из-за угрозы полного окружения армия Тогана была вынуждена покинуть столицу и отойти в район Зялама. Но и там монголы были атакованы вьетнамскими войсками. В результате, у Тогана не осталось выбора. Он начал отступать на Лангшон по тому же пути, по которому его

армия за полгода до того вторглась в Дайвьет. Тут монголов встретили и свежие, не участвовавшие в боях за столицу войска под командованием Чан Куок Туана.

В районе Фалая был разгромлен авангард отступающей монгольской армии, затем на реке Ньингюет¹ было нанесено поражение её основным силам, наконец, при переправе через реку Тхьонг недалеко от Ванкиепа монгольская армия подверглась неожиданному нападению Чан Куок Туана. Армия Тогана понесла тяжёлые потери, а арьергард, прикрывавший отступление её основных сил, был окружён и полностью уничтожен, при этом командовавший им Тангутай погиб в бою.

Выставив новый, принявший на себя удар вьетнамских войск арьергард, Тоган устремился к вьетнамо-китайской границе в Лангшоне, где в горных проходах столкнулся с поджидавшими монгольскую армию регулярными войсками и местным ополчением. Спасая Тогана от отравленных стрел, его телохранители спрятали своего главнокомандующего в медную трубу, в которой он и был переправлен через границу в империю.

Практически в то же самое время начался отход в направлении Туенкуанга и армии Насреддина, которая также была вынуждена преодолевать с боями приграничные горные районы, где монголам нанесли значительный урон воины местных племён.

Последний же акт трагедии монгольского исхода был сыгран в самом начале 6-го месяца 1285 г., когда император Гуманный рода нанёс удар по ещё остававшимся в Чьонгиене войскам Сагату, разгромив их в одном из районов провинции Хайхынг, при этом сам Сагату, как и Тангутай, был убит в бою.

На этом завершилось второе нашествие монголо-китайских войск. В начале 7-го месяца 1285 г. император Гуманный рода династии Чан вернулся в столицу, а в 9-ом

¹ Сегодня эта река называется «река Коу».

месяце по его повелению были награждены отличившиеся в боях с врагом и осуждены те, кто сдался противнику. Наконец, в начале 1286 г. были отпущены восвояси военнопленные монголы и их союзники.

1.3.3. *Третья война с монголо-китайской династией Юань в 1287 – 1288 гг.*

Несмотря на разгром монгольской армии в Дайвьете, Хубилай не оставил своих планов его превращения в плацдарм дальнейшей экспансии в Юго-Восточной Азии. Поначалу Великий Предок династии Юань решил немедленно нанести повторный удар по Дайвьету, однако его советники и высшие военачальники, в том числе и те, кто принимал участие в предыдущем походе, доказав необходимость тщательной подготовки к новой кампании, отговорили императора от этого опрометчивого шага.

Подготовка к новому походу началась практически сразу же после возвращения монгольских войск из Дайвьета, которым был предоставлен отдых перед очередными испытаниями. В то же время в трёх южных провинциях империи была объявлена мобилизация. При нападении на Дайвьет также планировалось использовать и все имевшиеся в наличии территориальные войска. Кроме того, готовившаяся к нападению на Японию монгольская армия была переброшена по повелению Хубилай на юг для участия во вьетнамской кампании. По разработанному плану в 8-ом месяце 1287 г. сухопутные войска должны были сосредоточиться в Циньчжоу, а военный флот – в Ляньчжоу. Одновременно с основными силами из Юньнани должен был двинуться в наступление и вспомогательный корпус. Опыт предыдущей войны показал, что одной из важных причин поражения была острая нехватка продовольствия. В этой связи было построено несколько сотен больших морских грузовых судов, на которых планировалось перевезти значительное количество продовольствия. После захвата Дайвьета юаньский император собирался посадить на вьетнамский престол сдавшегося ему Чан Ить Така, которому,

как отмечалось, был пожалован титул «Король Государства Аньнань». Из других изменников был сформирован двор и администрация будущего правителя.

Однако и в Дайвьете хорошо понимали, что новой войны не избежать, при этом император Гуманный рода династии Чан сомневался в том, что его страна сможет быстро собрать новые силы для отражения нового вторжения.

Главный поминальный храм Великого князя Процветающего Пути Чан Куок Туана. Деревня Тыкмак к северу от г.Намдинь. 28.03.2012 г.

Тем не менее не сомневавшийся в успехе Чан Куок Туан исходил из того, что трудная, потребовавшая больших

жертв затяжная кампания 1284 – 1285 гг. была обусловлена длительным перерывом между первым и вторым нашествиями, в результате чего люди отвыкли воевать. Теперь же перед возможным третьим вторжением сложилась совершенно иная ситуация, так как вьетнамские воины имели опыт успешных боевых действий, а монголы, наоборот, находятся под впечатлением нанесённого им поражения. Поэтому Чан Куок Туан сумел убедить императора Гуманного рода в том, что Дайвьет победит в предстоящей войне [165.4, т.2, с.58]. В стране началась подготовка к отражению новой агрессии.

В 6-ом месяце 1286 г. [великим] князьям и маркизам было приказано приступить к мобилизации войск и возглавить свои личные дружины. Придворные чиновники предложили провести всеобщую мобилизацию крестьян-общинников для увеличения численности армии, но Чан Куок Туан отверг это предложение, сказав, что «армия ценится умением, а не числом» [165.4, т.2, с.59].

К 10-му месяцу того же года подготовка к войне в целом была завершена, Чан Куок Туан был вновь назначен главнокомандующим всеми вооружёнными силами Дайвьета.

Получив известие о том, что в новом походе монголы делают ставку на использование мощного флота, Гуманный рода повелел готовить имеющиеся и строить новые военные суда. Командование флотом было поручено опытному [великому] князю Милостивой гуманности Чан Кхань Зы. Центр международной торговли Дайвьета остров Вандон, который, прикрывая северо-восточное побережье Дайвьета, имел стратегическое значение, был превращён в базу военного флота. В результате находившиеся там корабли могли быстро преградить путь противнику в случае попыток войти в русло рек, ведущих в центральные районы страны.

Как и при подготовке к предыдущей войне, отдельные отряды вьетнамской армии заняли наиболее важные стратегические пункты на пути продвижения монгольских сухопутных сил, прикрывая северо-западное и северо-восточное направления. В частности, отрядам, задачей

которых являлось противодействие наступающим из Юньнани войскам противника, было поручено командовать отличившемуся в предыдущей кампании [великому] князю Чан Нят Зуату. На этот раз император решил использовать в боях с войсками противника даже свою гвардию, которая была выдвинута к Ланкиню¹, находившемуся примерно в тридцати пяти километрах от столицы для прикрытия лангшонского направления.

Монгольскую армию, как и в предыдущем походе, возглавил сын Хубилая Тоган. Как и тогда, основной удар наносился на лангшонском направлении главными силами сухопутных войск, а вспомогательный удар – группировкой Алучи из Юньнани. Основным же отличием третьего монгольского нашествия от второго был мощный флот с транспортными кораблями, на которых хранилось достаточно продовольствия, чтобы обеспечить им всю армию на длительный период ведения боевых действий. Морскими силами командовали опытные флотоводцы Омар и Чжан Вэньху. В 12-ом месяце 1287 г. подготовка к вторжению была завершена и монгольская армия в третий раз за тридцать три года перешла границы Дайвьета.

На лангшонском направлении передовая группировка монголов была встречена вьетнамскими войсками, которые в соответствии с приказом, изматывая противника в постоянных стычках, отходили в случае угрозы уничтожения. Хотя вьетнамцы и отступали, но уже в первых боях они нанесли с помощью отравленных стрел ощутимый урон противнику. Их использование давало наибольший эффект в горной местности, где стоявшие на возвышенностях лучники имели возможность обстреливать большее количество солдат противника.

При наступлении на Локтяу¹¹ одна часть армии Тогана пошла на Тилинь, а другая – на Шондонг. Однако на этот раз

¹ Дапкоу.

¹¹ Локбинь.

тактика Чан Куок Туана несколько отличалась от прежней, когда вьетнамские войска, отступая перед превосходящими силами противника, вели с ними упорные бои. Теперь же они, завязывая стычки, избегали сражения на уничтожение и пропускали неприятеля вглубь страны, оставаясь у него в тылу. Целью такой тактики было нарушение коммуникаций противника на начальном этапе войны и принятие участия в его разгроме на её завершающей стадии [1420, с.417].

К концу 12-го месяца 1287 г. первая часть монгольской армии дошла до Дапкоу. 29-го числа того же месяца у реки Коу произошло сражение между монголами и вьетнамскими войсками, которыми командовал маркиз Процветающей добродетели Куана. В этом бою вьетнамские арбалетчики, обстреляв противника множеством отравленных стрел,

нанесли ему большой урон и вынудили отступить к Вукао¹ [165.4, т.2, с.59]. В то же время, самая большая, состоявшая из отборных воинов группировка Тогана успешно продолжала наступление и захватила Ванкиеп. Благодаря этому монгольский военачальник, оценивший ещё по предыдущей кампании его стратегическое значение, приступил к созданию в Ванкиепе своей военной базы.

На северо-западном направлении обстановка также складывалась не в пользу войск Дайвьета. Преодолевая сопротивление отдельных вьетнамских отрядов, группировка Алучи дошла до Вьетчи и, нанеся поражение войскам Чан Нят Зуата, заставила его отступить. Вслед за тем Алучи продолжил своё движение в направлении столицы. Наконец, во 2-ой половине 12-го месяца также произошло несколько морских сражений в районе прибрежной зоны современной провинции Куангнинь. В решающей битве при Вандоне командующему монголо-китайским военным флотом Омару удалось нанести поражение вьетнамскому флотоводцу Чан Кхань Зы, которому тем не менее удалось сохранить значительную часть боевых кораблей. Омар же совершил роковую ошибку, переоценив свою победу. Поэтому, полагая, что вьетнамский флот полностью разгромлен, он не дождался морских транспортов Чжан Вэньху и, оставив их без прикрытия, беспрепятственно вошёл в устье реки Батьданг, по которой двинулся на соединение с основными силами сухопутной армии Тогана в Ванкиепе.

Разгневанный этим поражением, которое поставило под удар всю вьетнамскую армию, Старший над императором повелел доставить Чан Кхань Зы в кандалах в Тханглаунг. Однако хитрый и находчивый вьетнамский флотоводец правильно рассчитал, что вслед за Омаром идут гружёные продовольствием суда, охрана которых должна была значительно уступать по своей мощи оставившему их без

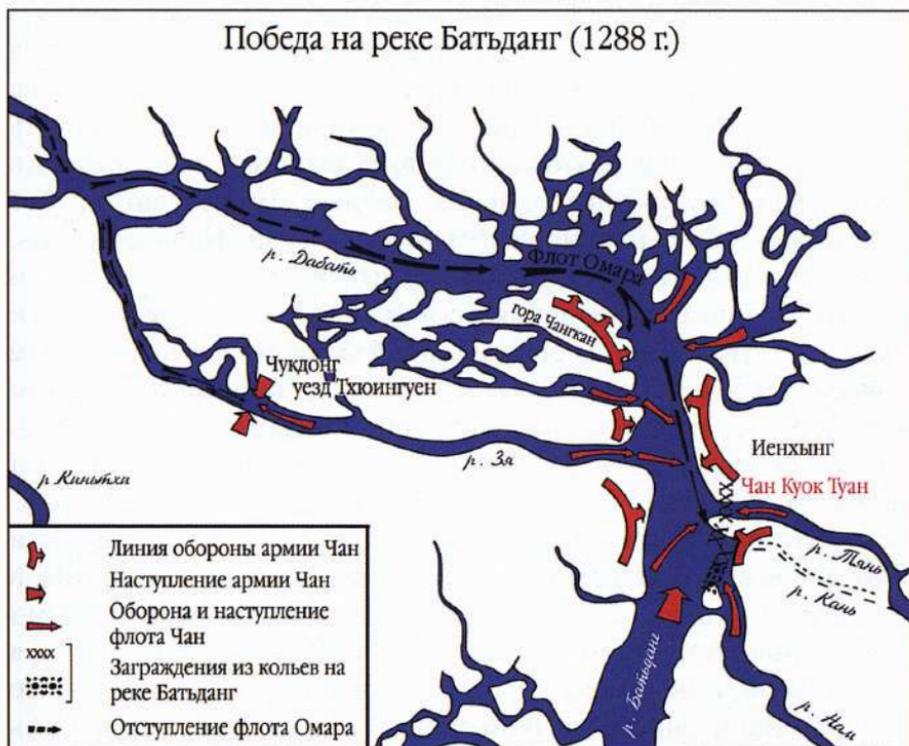
¹ Бакзянг.

прикрытия военному флоту. Поэтому он обратился к посланцу с просьбой отсрочить его арест на два – три дня, сказав, что «подставить голову под топор никогда не поздно» [165.4, т.2, с.60]. Благодаря полученной отсрочке Чан Кхань Зы разгромил грузовые транспорты Чжан Вэньху и захватил большое количество продовольствия, вооружения и военнопленных, при этом сам Чжан чудом сумел спастись, бежав на остров Хайнань. В результате лишившаяся продовольственного и материального снабжения монгольская армия вторжения оказалась в крайне сложной ситуации, что во многом предопределило её грядущее поражение. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, получив известие об этой победе, император простил первое поражение Чан Кхань Зы.

В конце 1-го месяца 1288 г. Тоган начал наступление из района Ванкиепа на Тханлаунг при поддержке флота Омара, шедшего по реке Дуонг. Вьетнамские войска под командованием Чан Куок Туана отступили с боями, а в начале 2-го месяца того же года, форсировав реку Красную, монгольские войска вступили в столицу Дайвьета. Однако, несмотря на одержанную победу, положение оккупационной армии становилось всё более угрожающим. От флота Чжан Вэньху не было никаких известий, тогда как попытки добыть продовольствие на месте обычно кончались гибелью фуражиров либо от рук крестьян, либо в результате нападений оставшихся в монгольском тылу частей регулярной вьетнамской армии и партизанских отрядов. В конце концов командующему флотом Омару было приказано отправиться на поиски транспортов Чжан Вэньху. К своему изумлению, Омар подвергся атакам «уничтоженного» им ранее флота Дайвьета, а после того как он узнал о разгроме транспортных судов с продовольствием и оружием, у него не осталось другого выхода, кроме возвращения по реке Батьданг в Ванкиеп. Вскоре туда же вернулся и Тоган, который был вынужден уйти из Тханглаунга из-за угрозы окружения войсками Чан Куок Туана. Судя по всему, монгольский военачальник счёл, что близость к границе позволит легче наладить снабжение армии.

Во время отступления из Тханглаунга монгольские войска понесли серьёзные потери, при этом их положение с переходом в Ванкиеп практически не улучшилось. Продовольствия катастрофически не хватало, потери росли из-за ежедневных вьетнамских нападений и к тому же близилось наступление жаркого сезона с его эпидемиями и болезнями. Видя безвыходность ситуации, монгольское командование приняло решение вернуться в империю.

Победа на реке Батьданг (1288 г.)

Флот Омара мог выйти к морю лишь по реке Батьданг. Поэтому, вероятно, вспомнив о событиях 938 и 981 гг.¹, Чан Куок Туан приказал вбить в дно устья реки кольца из железного дерева. Надо полагать, что Омар ничего не знал ни о событиях того времени, ни об особенностях влияния приливов и отливов

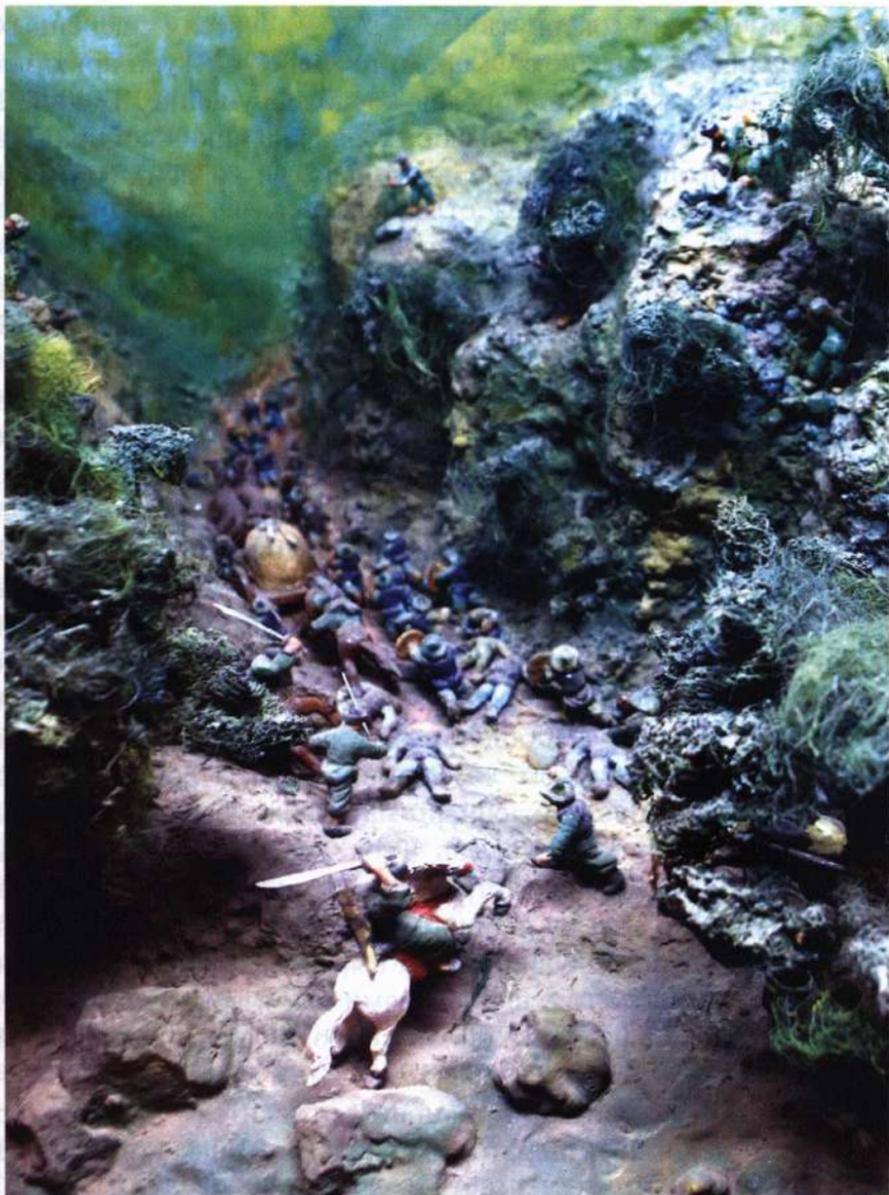
¹ См. «Главу 4» «Части II» «Том I».

на уровень воды в устье этой реки. Поэтому принятые им меры предосторожности ничего не дали. Повторилась история трёхсотлетней давности.

Сопровождавшая флот конница, которая должна была находить и уничтожать засады, была остановлена завалами, делавшими невозможным её продвижение, а разрушенные переправы не позволяли монголам маневренно переходить с одного берега реки на другой. В результате конница была вынуждена вернуться в Ванкиеп, а флот остался без прикрытия с суши. В то же время авангард флота, перед которым стояла задача разведки фарватера, подвергался точечным ударам вьетнамцев, стремившихся регулировать скорость движения вражеского флота так, чтобы он вышел в устье реки к моменту начала отлива. В результате всё произошло, как и планировал Чан Куок Туан. Начался отлив, тяжёлые корабли Омара стали садиться на колья, тонуть и загораться при столкновениях с пущенными по течению реки горящими плотами, с берегов арбалетчики засыпали врага тучами стрел, а лёгкие боевые суда флота Чан Кхань Зы взяли на абордаж монгольские корабли. Разгром был полным, вьетнамцы захватили несколько сот кораблей, а сам Омар и другие монгольские военачальники попали в плен.

История, правда, не трёхсот, а трёхлетней давности повторилась и при отходе монгольской сухопутной армии в конце 3-го – начале 4-го месяца 1288 г. Тоган с основными силами пошёл по единственно возможному пути отступления на Лангшон, а вспомогательная армия Алучи – по всё той же традиционной дороге на Юньнань. В результате повторилась история 1285 г., когда лишь ценой огромных потерь монгольская армия сумела пробиться в империю.

Как и после завершения второй войны, отличившимся в боях сановникам были пожалованы титулы и должности, а сдавшиеся врагу или перешедшие на его сторону были осуждены. Но даже безоговорочная победа не помешала вьетнамцам продолжить сведение счетов с монголами.

Уничтожение отступающих монголов в горных проходах.
Реконструкция. Ханой. Музей истории. 18.04.2011 г.

Так, когда вьетнамский император пообещал

юаньскому двору вернуть в 1289 г. всех пленённых военачальников во главе с Омаром, то Чан Куок Туан приказал их ликвидировать, инсценировав кораблекрушение. В днище корабля, на котором монгольских военачальников собирались отправить в империю, просверлили дыры, и корабль со всеми пленными затонул.

1.3.4. *Причины и последствия победы Дайвьета в войнах с монгольской династией Юань второй половины XIII в.*

Представляется, что вьетнамцы сумели разгромить за тридцать пять лет три монголо-китайских армии, в которых суммарно насчитывалось более миллиона солдат и офицеров, по целому ряду субъективных и объективных причин.

К первым, несомненно, относится блестящий военный талант плеяды вьетнамских полководцев той эпохи, наиболее выдающимся из которых по праву считается ставший национальным героем племянник основателя династии Чан и главнокомандующий армией Дайвьета во второй и третьей войнах Чан Куок Туан, более известный под пожалованным ему за заслуги титулом «Великий князь Процветающего Пути»¹. Весь вышеизложенный материал настоящей главы свидетельствует о том, что Чан Куок Туан сумел выработать единственно правильную стратегию борьбы с многократно превосходящими силами неприятеля. В связи с этим интересно отметить, что в последующие века выработанная им стратегия успешно использовалась вьетнамцами как в войнах с Китаем, так и в первой и второй Войнах сопротивления с Францией (1945 – 1954 гг.) и США (1956 – 1975 гг.).

К субъективным причинам относится и характер личностей первых императоров династии Чан, которые не

¹* В российском (советском) вьетнамоведении Чан Куок Туана принято называть «Чан Хынг Дао», хотя на самом деле «Хынг-дао» (Процветающий Путь) – это часть титула. См. «Примечание 19» в «Комментарии» к «Главе 3» «Части IV» «Томе I».

испугались страшной угрозы монгольского нашествия. Они не только лично участвовали в боях, но и стремились поддержать патриотические настроения, выливавшиеся во всенародное сопротивление захватчикам. Они также оказались искусными политиками. Так, формально признав сюзеренитет юаньской династии, вьетнамские императоры сумели дипломатическим путём добиться затяжки начала военных действий, не идя при этом ни на какие серьёзные политические, ни тем более на территориальные уступки монголам. Кроме того, они сумели как политическими, так и военными методами добиться того, что соседи Дайвьета, прежде всего – Тямпа, не поддержали монголо-китайской экспансии.

К более объективным причинам относится тот факт, что вьетнамское государство эпохи Чан приближалось к пику своего расцвета. Основную массу его населения составляли свободные крестьяне-общинники, которые регулярно платили налоги государству и не избегали службы в армии. Хорошо организованный государственный аппарат, высшие чиновники которого были в своём большинстве членами императорского рода Чан, обеспечивал эффективность военно-политического руководства страной. Иными словами, Дайвьет во второй половине XIII в. уже представлял собой централизованное феодальное государство, обладавшее достаточными политико-административными и экономическими ресурсами для противостояния любому противнику.

Наконец, к чисто объективным причинам относятся климатические и рельефные условия Вьетнама, которые умело использовались вьетнамскими военачальниками в ходе военных действий.

Сочетание всех этих субъективных и объективных причин привело к тому, что Дайвьет стал одним из редких государств, которому удалось отразить начатые ещё во второй половине XII в. Чингисханом нашествия монгольских орд, сохранив при этом свою независимость. Важнейшим последствием этого стала всенародная сплочённость перед внешней угрозой, являющаяся одной из наиболее характерных

черт вьетнамской нации. Также важным последствием тройной неудачи монгольских попыток покорения Дайвьета стало то, что монголы так и не смогли создать себе плацдарма для завоевания Юго-Восточной Азии. Именно поэтому их экспедиции в Бирму и на Яву не принесли ожидаемых результатов. Более того, как уже говорилось, в 1285 г. Хубилай был вынужден включить в состав выступившей против Дайвьета армии экспедиционный корпус, который формировался для нападения на Японию.

Таким образом, выдающаяся победа вьетнамского народа в трёх войнах второй половины XIII в. против монголо-китайской агрессии во многом предопределила дальнейшее развитие не только самого Вьетнама, но и всего региона Юго-Восточной Азии.

1.4. Дайвьет в конце XIII – первой половине XIV в., кризис второй половины XIV в.

Победа над монголами досталась вьетнамцам дорогой ценой. Регулярная армия и крестьянское ополчение Дайвьета понесли большие потери в ожесточённых сражениях, а из-за того что основные боевые действия велись на обширной густонаселённой территории северовьетнамской низменности, было разорено и уничтожено много деревень, при этом погибло немало мирных жителей. Значительное уменьшение числа трудоспособных крестьян и посевных площадей привело к нехватке продовольствия и страшному голоду 1290 – 1291 гг., в результате которого погибло множество людей [236.2, т.2, с.67, 68]. Таким образом, стране требовалось длительное время для восстановления довоенного уровня жизни.

Тем не менее вопреки возражениям придворных император Гуманный династии Чан на волне успеха войн с империей Юань решил окончательно подчинить себе соседей Дайвьета. Поэтому в 1290 г. он лично возглавил большой поход на лаосские княжества Айлао. По всей вероятности, именно этот поход и явился одной из основных причин, вызвавших вышеупомянутый двухлетний голод. Уступив в

1293 г. престол своему сыну¹ и приняв титул Старшего [над] императором, он продолжил эту пагубную для страны политику. Так, в 8-ом месяце 1294 г. Гуманный рода снова возглавил поход на Айлао. В походах на лаосские княжества особо отличился придворный сановник Фам Нгу Лао, который не раз спасал положение армии Дайвьета, одерживал победы там, где другие военачальники терпели поражения.

Агрессивная политика Дайвьета по отношению к своим соседям и очередной отказ вьетнамского императора прибыть на аудиенцию к Великому Предку династии Юань (Хубилаю) в 1293 г. в сочетании с тяжёлым внутренним положением в стране, создававшим впечатление её слабости и уязвимости, едва не привели к четвёртой войне с монголами. В 1294 г. Хубилай повелел арестовать вьетнамского посла Дао Ты Ки, собрать войска в Гуйлине и ждать приказа о выступлении. Осуществлению этих планов помешала кончина Хубилая, преемник которого, отказавшись от вторжения в Дайвьет, распустил войска.

Воюя с лаосскими княжествами на западе, император Гуманный рода продолжал укреплять отношения с Тямпой на юге. Так, в 1301 г. уже в статусе Старшего [над] императором он посетил эту страну, что было довольно редким для того региона случаем мирного визита в соседнюю страну фактического главы государства. Король Тямпы также стремился к установлению с Дайвьетом добрососедских отношений. Во время этой поездки Гуманный рода пообещал тямскому королю Джайя Синхаварману III выдать за него замуж принцессу Хюен-чан. Это обещание было выполнено в 1306 г. «Взамен» тямский король отдал Дайвьету две свои северные провинции О и Ли, которые были переименованы в округа Тхуан и Хоа. Однако жители этих провинций активно воспротивились этому «переподчинению». Тогда вьетнамский император послал в эти провинции опытного царедворца Доан

¹ Император Выдающийся рода династии Чан.

Ньы Хая, который от его имени пожаловал местным феодалам вьетнамские должности и титулы, подтвердил их право на земли и освободил крестьян от налогов на три года. Когда же, согласно обычаю вместе со скончавшимся в 1307 г. тямским королём должны были сжечь на погребальном костре его жён, то вьетнамский император направил якобы для участия в похоронах чиновников Чан Кхак Тюнга и Данг Вана, которые на самом деле должны были спасти принцессу. Чан Кхак Тюнгу удалось обмануть руководивших церемонией похорон тямских чиновников и бежать в Дайвьет вместе с принцессой на лёгком судне. Возмущённый этим обманом новый тямский король, сын Джаяя Синхавармана III, потребовал возвращения северных провинций, но получил отказ.

В 1308 г. умер ушедший в монахи и создавший новую буддийскую школу император Гуманный рода династии Чан¹, а уже на следующий год произошла попытка государственного переворота, в которой приняли участие члены императорской семьи. Переворот не удался, но сам факт того, что мятеж имел целью лишь смену наследника престола и не был направлен против правящей династии, свидетельствует о том, что в то время она ещё пользовалась значительным авторитетом.

В 1312 г. император Выдающийся рода лично возглавил поход на Тямпу, причиной которого стало «предательство» тямского короля [165.4, т.2, с.96]. В чём конкретно заключалось это «предательство», в источнике не уточняется, но, надо полагать, что его следует связывать с непокорностью населения вновь приобретённых провинций, которую в Дайвьете приписывали козням тямского короля. В этом походе была достигнута бескровная победа над тьями. Вьетнамский военачальник Доан Ньы Хай, привлёкший ранее на свою сторону бывшего тямского посла, ставшего к тому времени начальником одного из северных уездов Тямпы, посоветовал ему уговорить короля Джаяя Синхавармана IV сдаться. Не

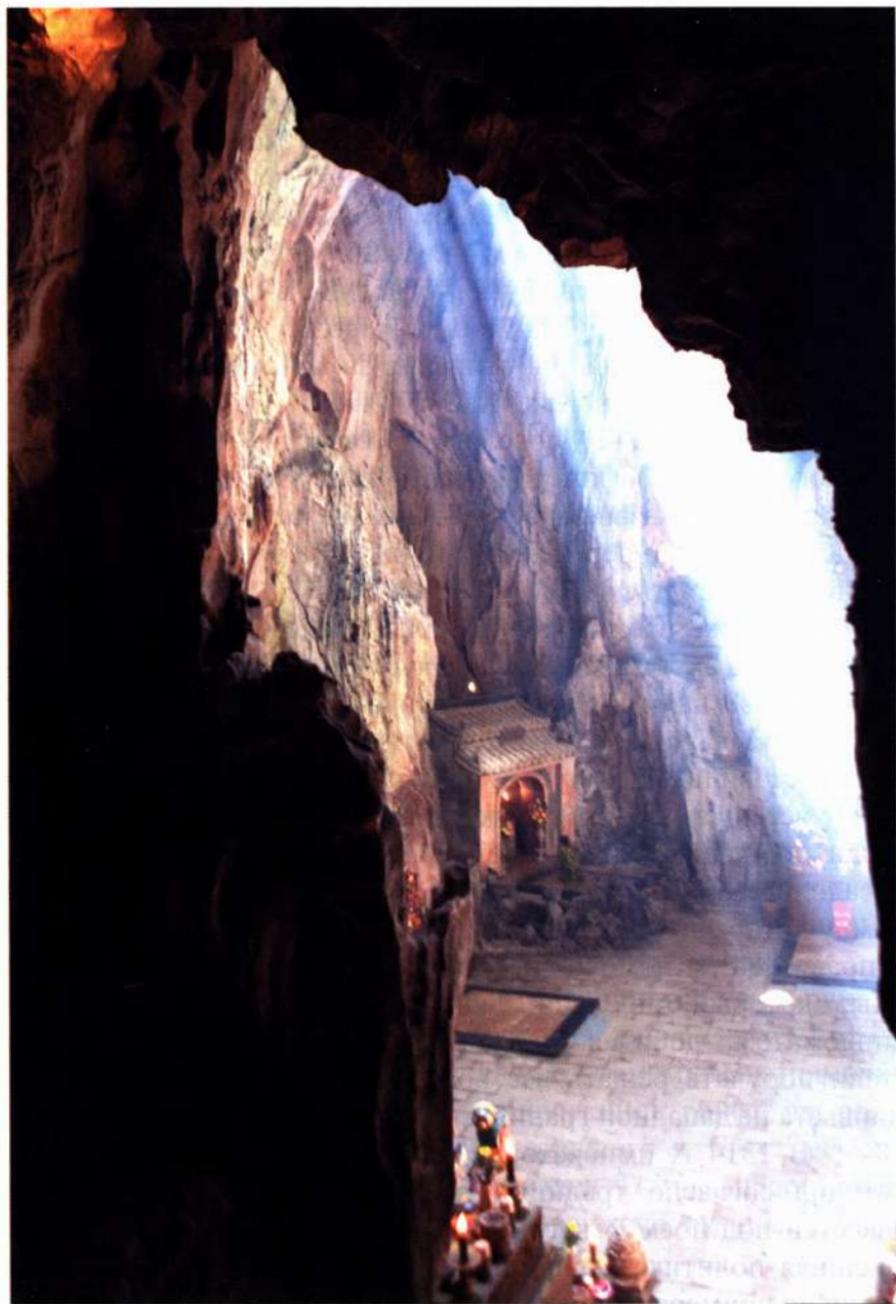
¹ Смотри «Параграф 1.2» «Главы 2» «Части III» настоящего тома.

последнюю роль в том, что последний согласился на капитуляцию без боя, сыграла и внушительная сила вьетнамской армии, наступление основных сил которой под командованием императора вдоль берега моря прикрывалось флотом Чан Кхань Зы, в то время как авангард во главе с [великим] князем Чан Куок Чаном шёл по горным дорогам.

Намереваясь сдаться, тямский король с семьёй и приближёнными отплыл на кораблях к тому месту, где находился император Выдающийся рода. Однако желавший отличиться Чан Кхань Зы отправил за тямами в погоню свои корабли, о чём Доан Ньы Хай тут же сообщил императору. Последний в гнсе повелел арестовать преследовавших тямского короля офицеров Чан Кхань Зы. Последний же, испугавшись наказания, объяснил императору, что он якобы опасался тямского вероломства и лишь следовал за ним, чтобы тот не смог скрыться.

В то же время, хотя король Джайя Синхаварман IV и капитулировал, тямские воссначальники попытались окружить ту часть вьетнамской армии, которой командовал император Выдающийся рода, и только подоспевшие войска Чан Куок Чана заставили их отступить без боя. Джайя Синхаварман IV был увезён в Дайвьет, где впоследствии и скончался в столичном пригороде Зяламе, а на тямский престол вьетнамцы посадили его младшего брата Те Нанга. Когда же в 1313 г. в Тямпу вторглись тайские войска, то император Дайвьета направил ей на помощь армию под командованием До Тхиен Тхы, который, проявив себя способным полководцем и дипломатом, добился успеха. Поэтому в дальнейшем ему стали поручать решать все вопросы, связанные с политикой Дайвьета на западной границе.

В 1314 г. император Выдающийся рода династии Чан уступил согласно традиции престол своему сыну, который известен под посмертным именем императора Светлого рода. Внешняя политика Дайвьета не претерпела при нём, как это видно на примере отношений с Тямпой, никаких изменений.

Тямский скальный храм «Узоры Необъятной Пустоты».
Деревня каменотёсов «Мраморная гора» в пригороде Дананга. 03.04.2011 г.

В 1314 г. король Те Нанг предпринял попытку вернуть две северные провинции, которая, естественно, была поддержана мятежами местного тямского населения против вьетнамской администрации. В 1318 г., когда снова возникла реальная угроза утраты этих провинций, вьетнамский император направил армию в Тямпу, которая потерпела ряд поражений, при этом командовавший её частью потомок династии Ли по имени Тат Киен погиб в одном из сражений. Положение спас, как это неоднократно бывало и раньше, выдающийся вьетнамский полководец Фам Нгу Лао, внезапно атаковавший со своими войсками тямскую армию с тыла. Тямы были разбиты и было захвачено много пленных, а вместо бежавшего на Яву короля Те Нанга Фам Нгу Лао посадил на престол Те А Нана. В 1320 г. Фам Нгу Лао скончался, а три года спустя Те А Нан отказался признавать сюзеренитет Дайвьета. Тогда в 1326 г. в Тямпу была направлена армия под командованием [великого] князя Суровой милости. Однако на этот раз вьетнамцам не удалось добиться успеха, при этом император Светлый рода не стал обвинять полководца в поражении, а принял вину на себя, сказав, что для достижения победы такие походы должен возглавлять сам император. Вместе с тем тямам так и не удалось отвоевать свои северные провинции. После этого и вплоть до середины XIV в. между Дайвьетом и Тямпой войн больше не было.

После монгольских войн в конце XIII – начале XIV в. императорский двор Дайвьета основное внимание уделял внешней и меньше – внутренней социально-экономической политике. И хотя, будучи Старшим [над] императором, скончавшийся в 1320 г. император Выдающийся рода по-прежнему руководил страной при взойшедшем на престол в 1314 г. императоре Светлом рода, с приходом к власти последнего отношение к внутренней политике начало изменяться [165.4, т.2, с.102]. Тем не менее уже в этот период начинаются волнения среди крестьян, впоследствии переросшие в крупные восстания.

В 1330 г. император передал престол одному из своих сыновей, который стал императором под именем императора Наставника рода, чему предшествовали придворные интриги, жертвой которых стал тесть императора Чан Куок Чан. Приблизительно тогда же умерли и такие видные политики, дипломаты и военачальники Дайвьета, как Чан Нят Зуат, Чан Кхак Тюнг, Чан Кхань Зы и Фам Нгу Лао. В 1335 г. погиб в сражении с Айлао дипломат и полководец Доан Ньы Хай.

Наконец, в 1341 г. скончался в возрасте двадцати трёх лет император Наставник рода династии Чан, в правление которого не произошло никаких важных внешнеполитических или внутриполитических событий.

После смерти Наставника рода реальная власть в Дайвьете по-прежнему оставалась в руках Старшего [над] императором, который посадил на престол своего шестилетнего сына Хао, известного под посмертным именем «император Богатый рода династии Чан». По мнению вьетнамских средневековых историографов, во время первого периода его правления под девизом «Преимущество изобилия»^I ничего негативного не произошло. Затем, в эпоху правления под девизом «Великое правление»^{II}, предавшийся увеселениям юный император «забросил» государственные дела, и с этого момента начался упадок династии Чан. На самом же деле представляется, что причиной изменения ситуации стала кончина в 1357 г. реального правителя страны императора Светлого рода династии Чан, который последние пятнадцать лет своей жизни проводил политику поощрения земледелия^{III}. Эта политика была обусловлена сложившейся в сороковых годах XIV в. обстановкой, которая вызывала у Старшего [над] императором серьёзную озабоченность. Несколько лет подряд были неурожаи, вызванные засухой и

^I 1341 – 1357 гг.

^{II} 1358 – 1370 гг.

^{III} О социально-экономических мероприятиях императора Светлого рода смотри в «Главе I» следующей части настоящего тома.

наводнениями. Основная часть населения страны голодала.

Следует отметить, что ранее во вьетнамской исторической литературе время с конца XIII в. по XIV в. включительно рассматривалось рядом учёных как период нарастающей дезорганизации хозяйства вследствие роста частного землевладения и прекращения политики поощрения земледелия императорами Чан после окончания войны с Юанями. Также, начиная с императора Богатого рода, отмечалась личная деградация монархов династии Чан [385, с.149, 150; 1304.1, с. 438 – 440]. Согласно оценке этого периода, наиболее сложное положение сложилось сразу по окончании войн с Юанями, с чем, в принципе, можно согласиться. Как уже отмечалось выше, в то время в стране начался массовый голод, связанный с нехваткой продовольствия, при этом бедственное положение усугублялось стихийными бедствиями и войнами против соседних государств. Всё это вызывало недовольство политикой императоров династии Чан у борющихся против захватчиков и имевших заслуги простых людей. Однако в таком случае нельзя найти объяснений тому, что массовые крестьянские восстания в Дайвьете начинаются более чем через пятьдесят лет после победы в последней войне с монголами в 1343 г. К этому времени уже практически не осталось в живых ни одного заслуженного и несправедливо обиженного ветерана. Поэтому гипотеза о том, что ситуация в Дайвьете после завершения войн с монголами продолжала обостряться, является маловероятной. Представляется, что в целом династии Чан удалось справиться с послевоенным кризисом, иначе массовые волнения в стране произошли бы гораздо раньше.

Иную позицию занимают Нгуен Зань Фьет и Фам Вань Кинь, опубликовавшие в 1988 г. статью, в которой говорится, что «...в течение более полувека после победы в отечественной войне [против Юаней] страна Дайвьет продолжала непрерывно развиваться во всех отношениях» [1351, с.17]. В этом случае остаётся непонятным, по какой причине во многих районах

процветающего государства могли вспыхнуть массовые народные волнения. Вьетнамские историки объясняют это ростом перехода общинных земель в частное владение, что подрывало основу феодального бюрократического государства, основным источником доходов которого являлись налоги с общинных земель. Тем не менее в целом это явление было прогрессивным, так как оно оживляло товарно-денежные отношения и торговлю.

В то же время не вызывает сомнения, что одной из причин восстаний был поразивший страну из-за ряда неурожайных лет голод, тогда как другая причина носила социальный характер. В источниках отмечается, что участниками этих восстаний были слуги и рабы высшей аристократии, или «маркизов и великих князей». По всей вероятности, это были большей частью недавние свободные крестьяне-общинники, которые вследствие крайнего обнищания и угрозы голодной смерти, продавали себя в домашнее рабство. Надо полагать, что именно эта безвыходная ситуация и привела к массовым протестам и мятежам: «Экономика “имений и уделов” после определённого периода развития изжила себя и привела к острейшим противоречиям. Аристократия расширяла эти “имения и уделы”, используя неурожайные, голодные годы для увеличения численности рабов. Многие разорившиеся крестьяне продавали себя в рабы аристократам. Они были наиболее жестоко эксплуатируемым слоем общества. В “имениях и уделах” противоречия между крестьянами, рабами и аристократами всё больше обострялись. Это положение приводило к ослаблению экономики “имений и уделов” и борьбе рабов вместе с крестьянами против аристократов и династии Чан» [1399, с.245]. Тем не менее представляется, что вопрос о причинах, которые вызвали волнения второй половины XIV в., требует дополнительного исследования [1304.1, с.266].

Основным очагом массовых волнений стал район современной провинции Хайхынг, который давал наибольшие возможности для разработки, образованных аллювиальными

наносами рек, в первую очередь – Красной, целинных земель. В приморских районах строились дамбы, препятствовавшие засолению почв, после чего большие участки земли становились пригодными для обработки. Именно здесь во 2-ом месяце 1344 г. и началось восстание под руководством некоего Нго Бе, уроженца Чахыонга¹, – одно из первых и наиболее длительных восстаний этого периода. Он собрал своих сторонников на горе Иенфу, сделав её своей опорной базой. Лишь более чем через полтора года правительственным войскам в конце 1345 г. удалось разбить и рассеять повстанцев. Однако Нго Бе удалось бежать и продолжить сопротивление властям. В 1348 г. он собрал новые силы и вернулся на гору Иенфу. Чтобы придать вид законности своим действиям, он присвоил себе официальный титул и установил знамя в своем лагере. Помимо этого Нго Бе приказал повсюду развесить таблички, в которых говорилось о том, что целью восстания является помощь бедным людям. По-видимому, его лозунги пользовались популярностью, так как он установил контроль над довольно обширной территорией. Лишь в 3-ем месяце 1350 г. провинциальные войска смогли нанести ему поражение. Нго Бе снова бежал, но вскоре был пойман, отвезён в столицу и казнён вместе с тридцатью сообщниками.

В 1-ом месяце 1351 г. жители Тхайнгуена и Лангшона объединились «в шайки разбойников [и] передрались друг с другом. Все они были усмирены» [165.4, т.2, с.132]. В 1354 г. упоминается о том, что некто Нго Те объявил себя племянником Чан Куок Туана, собрал беглых рабов, принадлежавших великим князьям и маркизам, и «занялся грабежом». При этом его действия распространялись на весьма обширный регион Лангзянга^{II} и Намшатя^{III}. Сведений о подавлении этого мятежа в летописных сводах не имеется. Следует отметить, что автор свода довольно спокойно

¹ Современная провинция Хайхынг.

^{II} Районы современных провинций Хабак и Лангшон.

^{III} Хайхынг – Хайфон.

описывает наряду с другими событиями и все эти восстания. Вероятно, это связано с тем, что хотя упомянутые восстания и охватывали довольно значительную территорию, они в этот период не имели тенденции к дальнейшему расширению. Их вожаки контролировали «свои» районы и не претендовали на большее. В то время ещё не было действительно массовых мятежей, которые одновременно охватывали бы всю страну, при этом каждому мятежу предшествовали вызывавшие потерю урожая и голод засуха или наводнение.

Власти предпринимали различные меры по пресечению волнений. Так, издавались указы о сокращении поземельного налога, правительство призывало богатых людей раздавать рис голодающим, за что им были обещаны чины и должности. Наряду с этим, усиливались провинциальные войска, задачей которых была борьба с мятежниками, а рабам великих князей и маркизов татуировали на лбу соответствующие иероглифы с целью облегчения их поимки в случае мятежа. Те из них, кто не имел татуировки и не был внесен в реестры, считались разбойниками и подвергались наказанию. Значительная часть этих мер правительства императора Богатого рода была осуществлена уже после кончины Старшего [над] императором¹. Наконец, с целью ликвидации последних очагов крестьянских волнений правительство направило в провинции в конце 1360 г. отборную императорскую гвардию. После этих мер положение в стране в целом было стабилизировано и в течение некоторого времени восстаний не было. Тем не менее, мелких шаек, воров и грабителей ещё оставалось не мало. Так, в источнике сообщается, что когда в 3-ю стражу 4-го месяца 1365 г. император Богатый рода возвращался на небольшой лодке от одного из высших придворных, на него напали разбойники и забрали украшенные драгоценностями императорскую печать и меч.

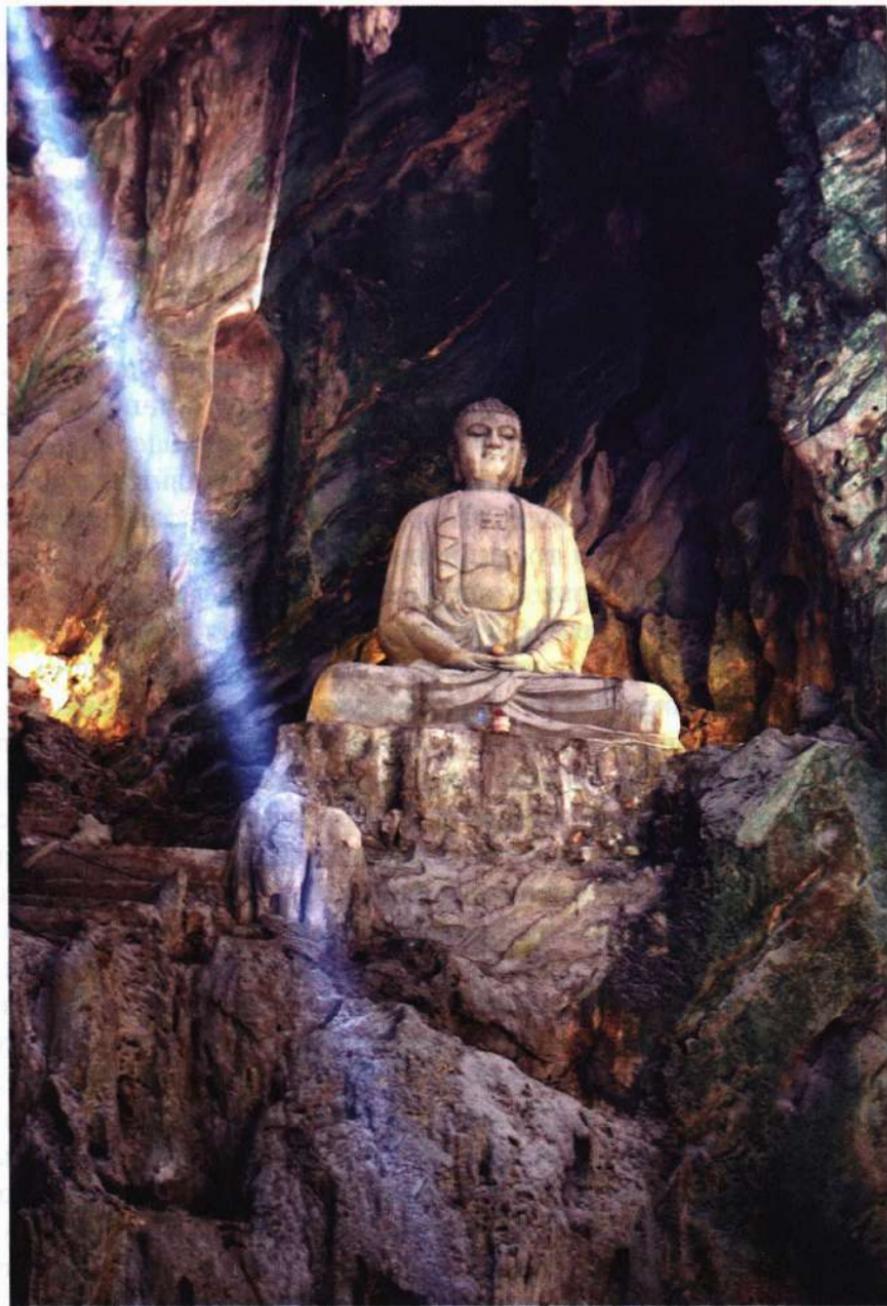
Кризисным положением в Дайвьете не замедлил

¹ Император Светлый рода династии Чан.

воспользоваться его южный сосед Тямпа, королём которой в то время был проявивший незаурядные полководческие таланты Те Бонг Нга. Он поставил перед собой задачу вернуть обе северные тямские провинции, которые за полвека до того были отданы Дайвьету. С этой целью он в третьих месяцах 1361 и 1362 гг. нападает на эти провинции, однако возглавлявшим вьетнамские пограничные войска чиновникам Фам А Шонгу и До Ты Биню удалось отразить тямские вторжения. После этих нападений в округах Тхуан и Хоа были введены дополнительно войска, а на границе насыпаны земляные оборонительные валы. Однако это не остановило Те Бонг Нга.

Принимая во внимание, что войска противника в этом районе готовы дать ему отпор, тямский король задумал нанести удар во время традиционного праздника Нового года по лунному календарю, когда все вьетнамцы отдыхают и предаются развлечениям. Он также рассчитывал на всемерную поддержку местного тямского населения, которое и прежде неоднократно выступало против администрации Дайвьета. Замысел Те Бонг Нга удался. Заранее сосредоточившиеся в предгорьях тямские войска неожиданно напали в 1365 г. на округ Хоа. Судя по тому, что они смогли пленить и увести с собой вьетнамских переселенцев, войска Дайвьета не оказали им никакого сопротивления. Однако, очистив округ от вьетнамцев, Те Бонг Нга, не занял его своими силами, а, видимо, опасаясь вьетнамского «ответа», отступил с добычей. Правильность опасений тямского короля подтвердил его набег на этот округ в 3-ем месяце следующего года, когда он был разбит силами его правителя Фам А Шонга [165.4, т.2, с.143; 1304.1, с.450].

Вероятно, император Богатый рода и его двор решили, что победа над тьямами свидетельствует об их слабости и о возможности нанести им сокрушительное поражение. Поэтому в 1367 г. в Тямпу была направлена армия во главе с родственником императора Чан Тхе Хынгом, заместителем которого был назначен известный военачальник До Ты Бинь.

Тямский скальный храм «Узоры Необъятной Пустоты».
Деревня каменотёсов «Мраморная гора» в пригороде Дананга. 03.04.2011 г.

Вьетнамские военачальники явно недооценили Те Бонг Нга. В районе Тьемдонг¹ попавшая в засаду армия Дайвьета была окружена и рассеяна. Чан Тхе Хынг был пленён, а До Ты Биню с остатками войск удалось отступить. Всё это ещё больше накалило внутривластную обстановку в Дайвьете.

Как уже отмечалось ранее, вьетнамские средневековые историографы, а вслед за ними и некоторые современные исследователи считают, что с правления императора Богатого рода начинается упадок династии Чан, при этом основное внимание уделяется его личным качествам. Подчёркивается, что, забросив государственные дела, он пьянствовал, предавался увеселениям и окружал себя роскошью. Однако, скорее всего, такого рода оценка представляет собой обоснование с конфуцианской точки зрения перехода власти от одной династии к другой, сформулированное вьетнамскими историографами конца XV в.¹¹

Безусловно, нельзя отрицать личностного фактора, но, как представляется, главными причинами упадка правящих династий, в том числе и династии Чан, являются изменения, происходящие в обществах той или иной эпохи. Как уже отмечалось в Дайвьете XIV в. происходило резкое увеличение количества частных земель, что подрывало существовавшую государственно-общинную систему сельского хозяйства и приводило к ослаблению центральной власти монарха, являвшегося верховным собственником всех земель в стране. С целью противостояния этой тенденции и для того чтобы увеличить государственный земельный фонд, император Богатый рода издал в 1371 г. указ, согласно которому лучшие из земель категории «имений» переходят после смерти их

¹ Центральная зона побережья современной провинции Куангнам – Дананг.

¹¹ См. о переходе власти от династии Динь к династии (Ранней) Ле и от неё к династии Ли «Параграф 3» и «Параграф 4.4» «Главы 4» «Части II» «Том I», а также «Параграф 1.1» «Главы I» настоящей части. О переходе власти от династии Ли к династии Чан см. «Параграф 3.2» «Главы I» и «Параграф 1.1» данной главы настоящей части.

владельцев в разряд государственных, а не передаются, как это было ранее, по наследству [165.4, т.2, с.154]. Это была первая попытка центрального правительства ограничить крупное частное землевладение, которая предшествовала радикальным реформам Ле Кюи Ли в конце XIV в. Естественно, она не могла не вызвать сопротивления могущественных владельцев земель категории «имений».

Рост влияния высшей знати в политической и социально-экономической жизни страны, равно как и господство бывшей крупным землевладельцем буддийской церкви в духовной жизни общества, вызывали резкое недовольство основной части служилых чиновников-конфуцианцев, представлявших собой к тому времени уже значительную силу. В то же время императоры династии Чан придерживались консервативных взглядов, противились реформам, обвиняли чиновников-конфуцианцев в том, что они, следуя «Сунским установлениям», придерживаются «обычаев Севера» [1399, с.247].

Наконец, общинники были недовольны усиливавшимся налоговым гнѐтом, а о настроениях рабов и зависимых свидетельствовали многочисленные восстания. Фактически все слои вьетнамского общества второй половины XIV в., в котором резко обострились классовые и социальные противоречия, в той или иной мере были недовольны своим положением, что не могло не привести к кризису власти. Таким образом, при последних императорах династии Чан назрела необходимость оформления структурных изменений, происходивших во вьетнамском обществе.

В конце пятого месяца 1369 г., не оставив наследника, умер император Богатый рода династии Чан. Об этом было известно давно, так как после того, как катавшийся ночью в восьмилетнем возрасте по Западному озеру будущий император упал в воду и захлебнулся, спасший его с помощью акупунктуры придворный врач-китаец Цзоу Гэн предупредил, что принц останется бесплодным на всю жизнь. Единственным из законных сыновей императора Светлого рода оставался

брат императоров Наставника рода и Богатого рода принц Зук, который, будучи душевнобольным, не мог стать императором. У него был приёмный сын Няг Ле. Родным отцом Ле был придворный шут Зыонг Кхьюнг. В своё время Зук влюбился в его мать – актрису и женился на ней, когда она была беременна. Другим сыном императора Светлого рода был принц Чан Фу, однако его матерью была не императрица Хиен-ты, а вторая жена императора. Поэтому вдовствующая императрица предпочла посадить на престол Няг Ле. Последний, зная чьим сыном он на самом деле является, решил провозгласить новую династию Зыонг по фамилии своего настоящего отца. Он начал с того, что приказал убить императрицу Хиен-ты. Члены императорской семьи Чан понимали, что их ждёт та же участь, поэтому они устроили заговор против Ле, во главе которого стали Чан Нгуен Чак и его сын Чан Нгуен Тьет. переворот не удался, Чан Нгуен Чак и восемнадцать его сторонников были казнены. Принц Чан Фу вместе с другими членами рода Чан бежал в Тханьхоа и стал собирать войска для возвращения власти «законной» династии. Зыонг Няг Ле неоднократно направлял против Фу отряды регулярных войск, но все они переходили на сторону принца. Собрав значительные силы, Чан Фу без боя занял столицу и казнил Няг Ле вместе с его сыном Лиэу и поддержавшим Ле членом императорской семьи Чан Няг Хатем. После этого в одиннадцатом месяце 1370 г. Чан Фу вступил на престол¹. Интересно, что одним из первых своих указов этот император отменил в 1371 г. указ императора Богатого рода, направленный против владельцев земель категории «имений», что объективно способствовало дальнейшему ослаблению верховной центральной власти.

После поражения Зыонг Няг Ле его мать бежала в Тампу и там, по всей видимости, убедила Те Бонг Нга, что Дайвьет ослаблен внутренними распрями и наступил удобный

¹ Посмертное имя император «Искусный рода династии Чан».

момент для нападения, чем тямский король Тямпы не преминул воспользоваться. В 3-ем месяце его войска высадились в бухте Дайан¹ и стремительным броском подошли к Тханглаунгу. Нападение было столь неожиданным, что император с приближенными еле успел покинуть столицу и по реке Донгнган отплыть в северо-восточном направлении. Столица подверглась нападению. В пламени пожарищ сгорели книгохранилища и были уничтожены реестровые книги, а жители Тханглаунга были уведены в рабство. После этого тямские войска беспрепятственно покинули пределы Дайвьета.

К этому времени относится возвышение при дворе последних императоров династии Чан одного из главных действующих лиц вьетнамской истории конца XIV – начала XV в. Ле Кюи Ли. В 1371 г. он был назначен членом Тайного правительственного совета, получив при этом один из высших придворных титулов «маркиз». По семейному преданию в эпоху Пяти династий¹¹ его предок Ху Сини переселился из провинции Чжэцзян в округ Зяо, где стал землевладельцем. Другой его предок позднее перебрался из Нгеана в Тханьхоа и стал там приёмным сыном некоего Ле Хуана, фамилию которого он и принял. Поэтому хотя родовой фамилией Кюи Ли была фамилия Хо, при Чанах он носил фамилию Ле. Ле Кюи Ли был тесно связан родственными узами с правящей династией, поскольку его родные тётки были матерями императоров Искусного рода и Мудрого рода этой династии. Кроме того, первый выдал замуж за Ле Кюи Ли свою дочь, благодаря чему он стал пользоваться особым расположением императора, обеспечившим ему дальнейшее продвижение к вершинам власти.

В 1371 г. император Искусный рода объявил своим преемником младшего брата, при этом он подарил ему свои «Жёлтые правила [управления]» в четырнадцати главах. Затем,

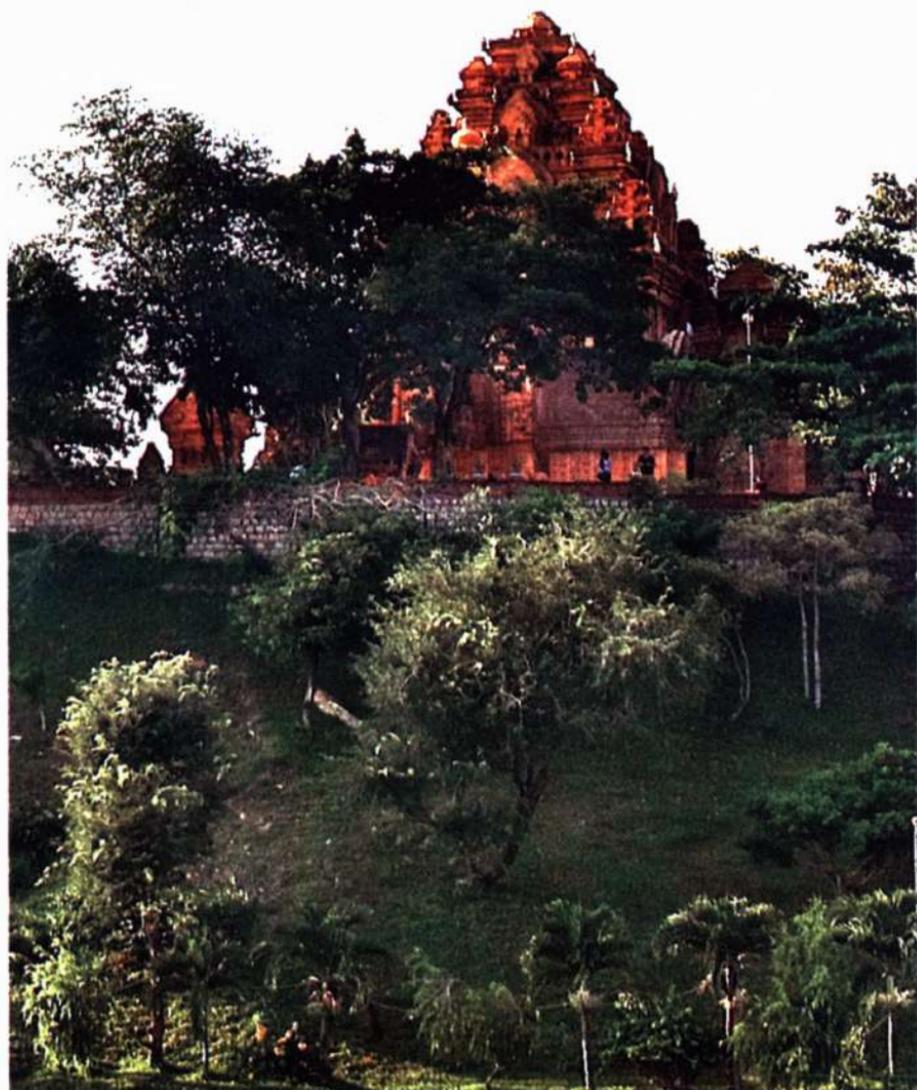
¹ Провинция Ханамнинь.

¹¹ 907 – 959 гг.

продолжая традицию династии Чан, этот монарх принял в 1372 г. титул «Старший [над] императором», уступил брату престол и написал для него «Наставления императора» из ста пятидесяти пунктов. Одновременно с этим чиновникам было приказано составить подворные реестры всех областей страны. Кроме того, были проведены кадровые перестановки в государственном аппарате в соответствии с заслугами гражданских и военных чиновников. Наконец, в соответствии с подготовленным сводом правил был уточнён придворный церемониал.

Меры по укреплению императорской власти, в разработке и осуществлении которых активное участие принимал Ле Кюи Ли, были продолжены и после вступления императора Мудрого рода на престол. Так, был составлен список гражданских и военных чиновников и проводились конкурсные испытания на должность чиновника¹. Также была проведена и административная реформа. Укреплялась армия. Была увеличена численность территориальных войск и гвардии, особенно в граничащих с Тямпой провинциях, а на командные должности назначались чиновники, обладавшие хорошей военной подготовкой вне зависимости от их знатности. Был впервые изменён принцип набора в армию. Если ранее она рекрутировалась только из свободных крестьян, то теперь в армию стали брать и тех, кто не был включён в общинные списки и занимался батрачеством. Богатым людям было приказано сдавать рис государству, за что им жаловались титулы и ранги. Сооружались дороги и каналы с целью обеспечения быстрой переброски войск к южной границе Дайвьета, где были созданы провиантские склады для армии. К концу 1376 г. всё было готово к походу на Тямпу, и в 12-ом месяце того же года вьетнамская армия во главе с императором Мудрым рода выступила из столицы. Согласно источникам, она насчитывала 120000 человек.

¹ Смотри «Параграф 1» «Главы 3» «Части III» настоящего тома.

Тямский храмовый комплекс Понагар (Пандуранга).
Нячанг. 06.04.2011 г.

По всей вероятности, столь тщательная подготовка к войне не осталась незамеченной в Тямпе. Те Бонг Нга передал командовавшему войсками в южных провинциях До Ты Биню десять золотых блюд в качестве подарка императору Дайвьета, который, доложив императору, что тямский король ведёт себя крайне непочтительно, присвоил их себе. В 1-ом месяце 1377 г. армия Дайвьета подошла к столице Тямпы. Тогда Те Бонг Нга прибегнул к военной хитрости. Он направил к вьетнамскому императору чиновника, который сообщил, что короля в столице нет, а её оставшиеся без защиты жители сдаются. Не прислушавшись к совету, что не следует доверять словам посла, император Мудрый рода построил армию для торжественного вступления в город. В этот момент на не ожидавшую нападения армию Дайвьета обрушились войска Те Бонг Нга. Вьетнамцы потерпели сокрушительное поражение, император Мудрый рода вместе с большинством высших военачальников погиб, а принц Хук сдался в плен. Спасся лишь командовавший арьегардом и не пришедший на помощь императору До Ты Бинь. Узнав о поражении, Ле Кюи Ли, под командованием которого в тот момент находились тыловые войска, перевозившие продовольствие для остальной армии, вернулся в Дайвьет. Вместо брата Старший [над] императором Искусный рода возвёл на престол своего сына Хиена¹, а До Ты Биня разжаловал за трусость в солдаты.

В середине 1377 г. произошёл очередной тямский набег на Дайвьет, во время которого тямцы без сопротивления дошли до Тханглаунга. В 5-ом месяце 1378 г. они вновь напали на Дайвьет и разорили его столицу. На этот раз тямский король попытался посадить на вьетнамский престол ранее сдавшегося в плен принца Хука. Однако эта попытка не удалась. После разграбления столицы тямцы, как всегда, отступили. К тому времени До Ты Бинь, разжалованный за трусость в солдаты, пользуясь, по-видимому, высоким покровительством Ле Кюи

¹ Посмертное имя «Император Свергнутый».

Ли, вновь возвысился при дворе, при этом он не только командовал войсками, но и советовал императору, как следует усовершенствовать систему налогообложения в стране. По этой системе все население, независимо от наличия земли, обкладывалось подушным налогом.

В начале 1380 г. тямы дважды вторгались в южные провинции Дайвьета, правители которого начинали готовить ответный карательный поход на Тямпу. Интересно отметить, что в ходе его подготовки в армию были мобилизованы молодые и физически крепкие буддийские монахи. Во 2-ом месяце 1382 г. войска под командованием Ле Кюи Ли и Нгуен Да Фьонга успешно отразили очередное нападение тямов на Тханьхоа, нанеся им большой урон. Наконец, в начале 1383 г. возглавляемая Ле Кюи Ли армия отправилась в поход на Тямпу. Однако в результате того, что многие корабли, в том числе и несколько специально построенных для похода больших кораблей, попали в шторм и утонули, карательная экспедиция была сорвана. В том же году, когда, ведя войска в наступление только сухопутным путём, Те Бонг Нга вновь напал на Дайвьет, император Искусный рода повелел командиру корпуса регулярных войск Ле Мат Ону остановить продвижение неприятеля. Однако Мат Он не только не остановил врага, но и сам попал в плен к тямам, которые с помощью массового применения боевых слонов опрокинули его корпус. И хотя командующий Нгуен Да Фьонг принял меры к укреплению столичных фортификационных сооружений, тямская угроза городу была настолько велика, что императорский двор его покинул. Тем не менее на этот раз тямам не удалось взять Тханглаунг, которые в конце 1383 г. ушли восвояси.

С 1384 г. начинает возрастать и напряжённость между Дайвьетом и империей Мин, потребовавшей от вьетнамского двора большое количество продовольствия для снабжения своей армии при проведении боевых операций в Юньнани. Под благовидным предлогом требуемое продовольствие так и не было поставлено. В последующие несколько лет Мины

также не раз требовали от Дайвьета поставок продовольствия и присылки семян ценных растений, боевых слонов и учёных монахов, при этом, чтобы слишком не обострять отношения с могущественным северным соседом, его требования частично удовлетворялись.

Тем временем, положение Ле Кюи Ли при дворе продолжало укрепляться, а в 1387 г. он получил должность, которая гарантировала ему непосредственное участие в работе высших органов управления. Судя по всему, с этого момента ни одного решения государственной важности не принималось без ведома Ле Кюи Ли [1304.1, с.457]. Кроме того, если прежде он выдвигал на высшие должности просто своих сторонников, то теперь назначения стали получать его родственники. Вызывало ли это озабоченность молодого императора Хиена, которому к этому времени исполнилось лишь семнадцать лет, или нет, неизвестно, так как реального участия в управлении государством он не принимал. Правда, согласно источнику, он якобы сказал своим придворным в 8-ом месяце 1388 г. следующее: «Старший [над] императором верит и любит своего родственника Кюи Ли, позволяет ему делать всё, что он хочет. Если не позаботиться заранее, то потом будет очень трудно управлять» [165.4, т.2, с.173]. Этими словами император фактически призвал к устранению, в том числе – физическому, фаворита своего отца. Возможно также, что это был заговор членов семьи Чан, которое хотели использовать Хиена для расправы над Кюи Ли. Впрочем, нельзя исключать и того, что последний сам намеренно приписал Хиену эти слова, чтобы устранить молодого императора. Так или иначе, но в источнике далее сообщается, что эти слова получили огласку и о них узнал Ле Кюи Ли, который стал советоваться со своими приближёнными Нгуен Да Фьюнгом и Фам Кы Луаном. Первый посоветовал ему бежать в горную местность, расположенную на его родине в провинции Тханьхоа и там дожидаться дальнейшего развития событий. Фам Кы Луан, напротив, сказал, что бегство будет фактически означать самоубийство и посоветовал Кюи Ли следующее: «Старший

[над] императором затаил в душе злобу на императора за убийство великого князя Куан Фука, император этим очень недоволен. Ныне, власть в Поднебесной полностью в руках Вашего превосходительства, [а] император задумал повредить Вам, эти действия вызовут ещё большие подозрения Старшего [над] императором. Рискните, Ваше превосходительство, бить челом Старшему [над] императором, ясно изложите [ему] все [за и против], Старший [над] императором наверняка Вас послушает. Обратит несчастье в счастье так же просто, как повернуть кисть руки. У Старшего [над] императором есть много законных сыновей, Вы должны ему сказать, что слышали такую поговорку: “Ещё никто не продавал сына, чтобы вырастить внука, а только продают внука, чтобы вырастить сына”. Если повезёт, Старший [над] императором поймёт [и] заменит [императора] на [великого] князя Блистательной решимости. Если Старший [над] императором не послушает, то и тогда не поздно будет умереть» [165.4, т.2, с.173, 174].

Ле Кюи Ли последовал этому совету и обратился к императору Искусному рода, который согласился с его предложением. В каком месяце 1388 г. состоялась эта беседа, неизвестно, однако к практическим действиям Ле Кюи Ли приступил уже в 12-ом месяце того же года. Существует точка зрения, согласно которой император Искусный рода династии Чан согласился с предложением Ле Кюи Ли лишь под влиянием тямского нашествия в 10-ом месяце 1389 г. [280, с.81]. Однако это маловероятно, так как, согласно источникам, нижеизложенное событие и тямское нашествие 1389 г. отделены друг от друга десятью месяцами.

Итак, в 12-ом месяце 1388 г. Старший [над] императором Искусный рода неожиданно срочно вызвал к себе императора Хиена для обсуждения государственных дел. Императора сопровождали только двое придворных. Искусный рода повелел схватить императора и заключить его в пагоду Ты-фук. После чего при дворе зачитали указ, в котором говорилось, что императору Мудрому рода династии

Чан наследовал его законный сын, который, будучи молодым человеком, приблизил к себе простолюдинов. По их советам он оклеветал лучших слуг престола. Поэтому он лишается трона и будет называться великим князем Добродетельным духом. А поскольку престол не может долго пустовать, то на него возводится [великий] князь Блистательной решимости¹. Интересно, что Хиен запретил нескольким командующим армейскими корпусами воспрепятствовать этому перевороту, чем подписал свой смертный приговор: он был отправлен в малую провинцию Тхайзыонг и там задушен. Именно этим и объясняется посмертное имя Хиена «Император Свергнутый». После этого Ле Кюи Ли казнил несколько высших сановников, которые были сторонниками убитого императора.

В 10-ом месяце 1389 г., когда тямь вторглись в Тханьхоа, Старший [над] императором повелел Ле Кюи Ли принять командование войсками и отразить это нападение. Вьетнамские войска огородили свои позиции частоколом, а тямь, спрятав в засаде солдат и боевых слонов, перекрыли реку земляной дамбой выше по течению и притворились, будто отступают.

Кюи Ли с отборными войсками и военными судами начал преследование противника. В этот момент тямь ввели в сражение боевых слонов и разрушили дамбу. Не сумев преодолеть возникшего в результате разрушения дамбы стремительного течения, военные суда так и не смогли принять участие в сражении. В результате армия Дайвьета потерпела поражение в бою, в ходе которого семьдесят её военачальников погибли в бою и один попал в плен. Оставив заслон против тямов, Ле Кюи Ли прибыл ко двору просить подкреплений, однако Старший [над] императором ему отказал. Тогда, обиженный Кюи Ли сложил с себя полномочия главнокомандующего.

В конце 1389 г. в Дайвьете произошло несколько

¹ Посмертное имя «Благонамеренный рода [династии] Чан».

крестьянских восстаний, одно из которых возглавил монах Фам Шы Он, совершивший нападение из района Куокоай на столицу. Императорский двор бежал в Бакзынг. Захватив Тханглаунг, восставшие пробыли в нём три дня и затем вернулись в Куокоай. Восстание Фам Шы Она было подавлено только после того, как против него были брошены регулярные войска. Он сам и несколько его сторонников были казнены.

В 1-ом месяце 1390 г. в Дайвьет снова вторглась большая тямская армия, при этом тямский король Те Бонг Нга командовал флотом, состоявшим из ста боевых кораблей. Однако к вьетнамцам перебежал один из его военачальников по имени Нгуен Зиеу, указавший командующему Чан Кхат Тяну на котором из судов находился король. Соответственно Чан Кхат Тяну приказал сосредоточить огонь на этом корабле⁷. Те Бонг Нга погиб, и его войска ушли обратно в Тямпу. Тямский перебежчик Нгуен Зиеу сумел пробраться на королевский корабль, отрубил у трупа Те Бонг Нга голову и, прихватив её с собой, вновь присоединился к вьетнамским войскам. Но желавшие получить награду военачальники Фам Нгы Лак и Зыонг Нганг убили Нгуен Зиеу, чтобы овладеть головой тямского короля. Командующий Чан Кхат Тяну приказал положить голову в ящик и отправил с ним гонца ко двору, чтобы сообщить о победе над тьямами. Корабль прибыл в столицу в час третьей стражи, когда Искусный рода спал после обильного пиршества. Ещё не протрезвев, он сначала решил, что тьямы напали на дворец, а узнав о победе, обрадовался и принялся показывать всем чиновникам голову Те Бонг Нга, говоря при этом: «Мы с Бонг Нга долго боролись друг против друга, [а] нынче встретились точно так же, как Высокий Предок [династии] Хань с головой Сян Юя, [после чего] Поднебесная успокоилась» [165.4, т.2, с.180]⁸.

Тем временем военачальник покойного короля Ла Нгай¹ возвращался с войсками по горным тропам в Тямпу. Чтобы

¹ Ж.Масперо вместо «Нгай» пишет «Кхай» [891, с.220. Примечание 2].

оторваться от преследовавших их вьетнамцев тямы, разбрасывая на пути своего отступления серебро и ценные вещи, шли днём и ночью. Жители Нгеана с воодушевлением помогали войскам Дайвьета, но когда те вступили на территорию двух бывших тямских округов Танбинь и Тхуанхоа, то оказалось, что их жители помогают уже не вьетнамцам, а тямам. Лишь два богатых землевладельца из числа вьетнамских переселенцев со своими людьми нападали на тямов, нанося им ощутимые потери, за что они были награждены императором. Когда же вернувшийся с остатками войск в Тямпу Ла Нгай провозгласил себя королём, то опасавшиеся за свою жизнь сын покойного Те Бонг Нга и его младший брат бежали в Дайвьет, где их радушно приняли и дали высокие титулы при дворе. В начале 1391 г. Ле Кюи Ли проверил состояние войск в пограничном округе Хоа и приказал укрепить оборонительные валы, а в третьем месяце того же года он послал в поход на Тямпу армию во главе с Хоанг Фунг Тхе, который потерпел поражение. Наконец, следует отметить, что в результате вышеописанных войн с Тямпой династия Чан понесла ещё одну, быть может, не столь заметную, но очень серьёзную потерю. Для того чтобы спасти императорскую казну от разграбления во время тямских нападений на столицу, её спрятали в двух горных пещерах, откуда она была кем-то украдена. Таким образом, финансовое положение двора оказалось на грани катастрофы.

Продолжали обостряться отношения Ле Кюи Ли и с возможными претендентами на престол. Так, когда спасаясь от могущественного сановника, из столицы бежал принц Нгак и император Искусный рода отправил за ним в погоню военачальника Нгуен Нян Лиета, Кюи Ли тайно приказал Лиету убить Нгака. Приказание было исполнено, а Лиет доложил Старшему [над] императором о том, что оказавший сопротивление Нгак был случайно убит при задержании. Искусный рода ему не поверил и назначил расследование, в результате которого опасавшийся разоблачения Лиет покончил с собой.

В том же году сконцентрировавший в своих руках всю власть при императорском дворе, Ле Кюи Ли продолжил чистку государственного аппарата, уничтожая своих противников и ставя на их место преданных ему людей. Так, в начале 1392 г. он приказал казнить члена императорской семьи Чан Нят Тьюнга. Тем не менее некоторые придворные пытались убедить Старшего [над] императором в том, что Кюи Ли задумал свергнуть династию Чан и захватить престол, но их предостережения так и не были услышаны.

2. *Приход к власти и кратковременное правление династии Хо (1400 – 1407 гг.)*

В конце 1394 г. скончался Старший [над] императором Искусный рода династии Чан. Будучи императором, он понимал объективную необходимость радикальных реформ, однако истории так и останется неизвестным, сознательно или нет он жертвовал ради идеи спасения государства как своими родственниками, которых уничтожал Ле Кюи Ли, так и самим существованием династии Чан. Во всяком случае, его кончина окончательно развязала руки Ле Кюи Ли, который, присвоив себе высшие гражданские и военные должности, продолжил выдвижение своих родственников и преданных ему людей.

В 1398 г. он вынудил императора Благонамеренного рода передать престол трёхлетнему сыну¹, а уже на следующий год в 1399 г. отрекшийся император был убит. Тогда члены императорской семьи решили организовать покушение на Кюи Ли, но переворот не удался. Было казнено триста семьдесят заговорщиков, имущество которых конфисковали в казну. Также были умерщвлены и члены их семей, включая детей старше одного года, которых закапывали живыми в землю или топили в реке. Людей казнили по малейшему подозрению. Во втором месяце 1400 г. Ле Кюи Ли захватил престол и, взяв фамилию своего китайского предка, объявил о восшествии на

¹ Посмертное имя «Император Младший».

престол новой династии Хо.

Поминальный храм императоров династии Чан.
Деревня Тыкмак к северу от Намдиня. 28.03.2012 г.

По мере сосредоточения всей полноты власти в своих руках, Хо Кюи Ли активизировал проведение радикальных реформ в различных областях жизни страны, самой важной из которых по своему значению являлась аграрная реформа. При этом ограничение частного землевладения и сокращение категории зависимых крестьян вместе с переписью населения дали возможность значительно увеличить число податных, а значит, и военнообязанных общинников, что позволило Хо Кюи Ли сломать систему феодальных дружин и начать создание подлинно регулярной, подчинённой центральному правительству армии. В конце XIV в. впервые вьетнамские

войска стали использовать артиллерию^I.

В конце XIV в. Хо Кюи Ли изменил название государства на Дайнгу^{II} и провёл административную реформу в стране. При этом он менял названия провинций, а также объединял и дробил отдельные округа, что, вероятно, было направлено на подрыв влияния местных феодалов и аристократии в контролируемых ими районах. Впервые за четыреста лет существования Дайвьета Хо Кюи Ли перенёс в 1397 г. столицу в провинцию Тханьхоа. Соответственно Тханглаунг был переименован в Донгдо^{III}, а новая столица получила название Тэйдо^{III}. Имеются различные мнения о причинах, побудивших его это сделать [467, с.105, 106]. Однако, надо полагать, что основной причиной переноса столицы являлось желание Хо Кюи Ли обосноваться по примеру основателей династий Динь и Ли у себя на родине. Последнее, кстати, достаточно типично для многих узурпаторов, считавших себя в безопасности в исконно контролируемых ими районах. Реформы в области экономики и администрации сопровождались реформами и в идеологической сфере, благодаря которым неоконфуцианство, или чжусианство, стало в конце XIV в. официальной доктриной вьетнамского государства^{IV}. Одной из несомненных заслуг Хо Кюи Ли также является и введение вьетнамского иероглифического письма для написания государственных актов и деловой переписки^V.

В исторической науке реформаторская деятельность Хо Кюи Ли оценивается далеко не однозначно. Одни учёные

^I О социально-экономических реформах Хо Кюи Ли смотри «Главу 1» «Части II» настоящего тома.

^{II} Это название переводится как «Великий Юй». Смотри «Таблицу №2» в «Томе VI».

^{III} То есть Восточная столица (Тханглаунг) и Западная столица.

^{IV} Смотри «Параграф 2.4» «Главы 2» «Части III» настоящего тома.

^V Смотри «Параграф 2.2» «Главы 2» «Части IV» «Томе I», а также «Параграф 3» «Главы 1» «Части III» настоящего тома.

подчеркивают её прогрессивный характер, другие – его оспаривают. Тем не менее представляется, что даже учитывая борьбу Хо Кюи Ли с частным землевладением, которое являлось прогрессивной тенденцией, стимулировавшей товарно-денежные отношения, реформы Хо Кюи Ли в целом отвечали национальным особенностям и международному положению Дайвьета той эпохи. Как известно, начальный этап развития частного землевладения нередко связан с феодалной раздробленностью того или иного государства, что в Дайвьете при соседстве с могущественной империей Мин на севере и воинственными тьямами и кхмерами на юге вполне могло привести к новому длительному закабалению страны. Поэтому можно говорить о том, что реформы Хо Кюи Ли, проведение которых во многом было связано с его стремлением захватить престол, объективно соответствовали потребностям развития вьетнамского общества конца XIV в.

Узурпировав власть в стране, Хо Кюи Ли так и не успел укрепить власть своей династии, так как его реформы ещё не привели к реальным результатам в начале XV в. Кроме того, в стране ещё оставалось много его непримиримых противников и, несмотря на массовые репрессии, не все члены императорского рода Чан были уничтожены. Поэтому в столице и на местах ещё оставалось довольно много старых гражданских и военных верных «легитимной» династии Чан чиновников. Лишённая земельных владений и потеснённая конфуцианцами буддийская церковь также была настроена против узурпатора. Поэтому, принимая во внимание доминирование буддизма в духовной жизни вьетнамского общества, очевидно, что враждебное отношение буддийской сангхи к новой династии не способствовало укреплению её авторитета в народных массах. Все эти факторы привели к тому, что Хо Кюи Ли оказался без серьёзной поддержки перед угрозой минской агрессии.

Вторжение имперских войск началось в 11-ом месяце 1406 г. Во вьетнамской армии уже не было таких выдающихся полководцев, как Ли Тхьонг Киет и Чан Куок Туан.

Военачальники Хо Кюи Ли допускали в ходе войны непоправимые ошибки, не говоря уже о том, что многие из них переходили по вышеуказанным причинам на сторону врага. Всё завершилось в 7-ом месяце 1407 г. разгромом вьетнамской армии и пленением принявшего титул Старшего [над] императором Хо Кюи Ли, его сына, императора Хо Хан Тхьонга, и всей его семьи, которые были отправлены на север. В результате Дайвьет попал в принёсшую ему неисчислимые бедствия двадцатилетнюю зависимость от империи Мин, что явилось одной из главных, если не единственной причиной негативной оценки реформаторской деятельности Хо Кюи Ли конца XIV – начала XV в.¹.

¹ О завоевании Дайвьета минскими войсками и об эпохе последней кратковременной зависимости Вьетнама от Китая смотри следующую главу.

Глава 3¹

Последнее китайское завоевание Вьетнама и эпохи наивысшего расцвета вьетнамского централизованного государства эпохи средневековья во 2-ой половине XV – 1-ой трети XVI в.

1. *Последнее китайское завоевание Вьетнама, период зависимости от империи Мин и восшествие на престол общевьетнамской династии Ле (1406 – 1427 гг.)*

1.1. *Захват Дайвьета минскими войсками (1406 – 1407 гг.)*

В предыдущей главе уже затрагивался ряд вопросов, которые рассматриваются в настоящем параграфе. В частности, в нём упоминается о том, что Хо Кюи Ли перенёс столицу в Тханьхоа, где в 1397 г. он возвёл в горном уезде Антон свою резиденцию, которой в народе дали имя «Крепость рода Хо»¹. Крепостная стена была возведена из обтёсанных камней размером 5, 1 м на 1 м. на 1,2 м, каждый из которых весил около 16 – 17 т. Эта стена высотой в 6 м тянулась с севера на юг на 900 м, а с востока на запад на 700 м. С каждой из сторон она имела выступавшие на 4 м надвратные укрепления, но если с северной, восточной и западной сторон в них были двустворчатые ворота, то её главные южные ворота были трёхстворчатыми. Крепость также была обнесена рвом, с внешней стороны которого был посажен бамбук. Таким образом, это была мощная крепость прямоугольной формы с общим периметром в 3200 м. [1305, с.162, 163].

Безусловно, новая резиденция служила Хо Кюи Ли надёжной защитой от покушений сторонников свергнутой династии Чан, но главным было то, что она находилась далеко от вьетнамо-китайской границы и не находилась под угрозой прямого удара в случае вторжения имперских войск, вероятность которого становилась всё более очевидной. Надо полагать, что в империи Мин решили воспользоваться сложившейся в Дайнгу¹¹ ситуацией. Так, с одной стороны,

¹ Теперь это уезд Виньлок провинции Тханьхоа.

¹¹ См. «Параграф 2» предыдущей главы.

император Предок завершитель династии Мин пожаловал взошедшему на престол Хо Хан Тхьонгу инвеституру и титул «Король Государства Аньнань», а с другой – последовательно готовил почву для вторжения. Так, например, в 1404 – 1405 гг. Хо Кюи Ли пришлось уступить империи часть северных территорий, для того чтобы оттянуть начало большой войны², а в 1406 г. император Мин повелел командующему войсками Гуанси и ещё двум военачальникам помочь провозгласившему себя сыном императора Искусного рода династии Чан некоему Чан Тхием Биню³ вернуться в Дайнгу. Однако войны, непосредственным поводом для которой стал разгром сконцентрированными в Тиланге и Канчаме силами Хо Кюи Ли имперских отрядов в Лангшоне и Бакзянге и пленение им самозванца, так и не удалось избежать.

Остатки крепостной стены Западной столицы эпохи Хо Кюи Ли.
Тэйдо, Тханьхоа, 31.03.2011 г.

Судя по тому, что Хо Кюи Ли сразу после узурпации власти занялся реорганизацией армии, он прекрасно понимал неизбежность войны. Прежде всего, для того чтобы решить задачу «подготовки стотысячной армии для противостояния

Северу», в 1401 г. была проведена всеобщая перепись и составлены списки мужского населения в возрасте от пятнадцати до шестидесяти лет. Благодаря этому удалось значительно увеличить количество военнообязанных. Одновременно с этим Хо Кюи Ли поручил командование объединёнными войсками страны своему младшему брату Хо Кюи Ти и младшему сыну Хо Нгуен Чыngu. Первый стал правым главнокомандующим государства, а второй – левым [165.4, т.2, с.201].

В 1405 г. была проведена реорганизация вооружённых сил. Придворные войска разделили на так называемые «обороны», или оборонные [армии]. Армии Северного и Южного подразделений насчитывали по двенадцать «оборон», а армии Восточного и Западного тыловых дворцов – по восемь «оборон». Каждая «оборона» образовывалась восемнадцатью отрядами по восемнадцать человек каждый. Помимо этого были созданы и другие подразделения, такие как, например, великая армия (тридцать отрядов по пятьсот сорок человек), срединная армия (двадцать отрядов по триста человек), лагерная армия (пятнадцать отрядов по двести семьдесят человек) и сборная армия (десять отрядов по сто восемьдесят человек). Помимо этой, сформированной из вооружённых сил двора, больших округов и малых провинций регулярной армии было создано ополчение из свободных общинников и других категорий населения. Также следует отметить, что в то время уже началось деление армии на рода войск, основными из которых были пехота, слоны, кавалерия, артиллерия и флот.

В предыдущей главе уже говорилось о том, что впервые артиллерия появилась во вьетнамской армии в правление Хо Кюи Ли благодаря изобретённым Хо Нгуен Чыngом пушкам⁴. Тогда же всегда игравший ключевую роль в войнах флот получил так называемые «таранные» корабли. Они были оснащены как парусами, так и вёслами, за каждым из которых сидело по два гребца. В подводной носовой части таких кораблей был установлен таран, который легко пробивал подводную часть бортов кораблей противника.

Одновременно с реорганизацией армии Хо Кюи Ли предпринял масштабные работы по возведению защитных

сооружений. Так, оборонительная линия от горы Танвиен до Биньтхана длиной около 400 км прикрывала Восточную столицу от удара из Юньнани и Гуанси. Одним из главных опорных пунктов этой линии обороны стало построенное Хоанг Хой Кханем в 1405 г. у подножия горы Танвиен на месте слияния Красной, Светлой и Чёрной рек укрепление Дабанг. Оно имело относительно высокую земляную стену, с внешней стороны которой были выкопаны два обсаженных бамбуком рва, а также находилось много ловушек для людей и лошадей. В том же году Хо Кюи Ли и Хо Хан Тхьюнг проинспектировали состояние оборонительных сооружений на побережье. В результате были построены укрепления в Батьхаке, а речные устья и прибрежные зоны морских заливов были усажены скрытыми под водой заострёнными деревянными кольями.

Вся эта подготовка к оборонительной войне была более чем оправданна, так как уже к августу 1406 г. минская армия была полностью готова к вторжению. Её ударные насчитывавшие 215000 солдат и офицеров силы опирались на вспомогательные войска и части снабжения. Даже для такой мощной империи, как империя Мин, это был почти максимум того, что она могла мобилизовать для экспедиционного корпуса⁵. Кроме того, Мины уделили серьёзное внимание как подбору командного состава армии вторжения, так и её обеспечению продовольствием. Так, её главнокомандующим был назначен государственный князь Свершений Чжу Нэн, которому помогало много знатных и опытных военачальников и чиновников, а обеспечением ведало непосредственно министерство финансов⁶. Наконец 9-го ноября 1406 г. в Нанкине состоялся военный парад, на котором император Предок завершил династии Мин собственноручно вручил знамя командованию армии и дал войскам последние указания¹.

¹ Данные о мероприятиях династии Мин здесь и далее приводятся по «Истинным записям [об] императорах Мин».

Минская армия вторглась на вьетнамскую территорию двумя группировками. Первая во главе с Чжу Нэном наступала из Гуанси. Вместе с ним шли части под командованием маркиза Новых свершений Чжан Фу и графа Южных облаков Чэнь Сюя. Вторая под командованием маркиза Мирного Запада Му Шэна и маркиза Прекрасных свершений Ли Биня выступила из Юньнани.

Первое столкновение произошло 19-го ноября 1406 г. на вьетнамо-китайской границе у Лангшона, где левое крыло вьетнамских войск под командованием Хо Са преградило дорогу наступавшей из Шуйсяна армии Чжан Фу¹. Основные бои шли в Тиланге между пограничными постами Фалуи и Лыу. Хо Са был вынужден отступить перед превосходящими силами противника, в результате чего после удара по Батъхаку оба крыла минской армии объединились, заняв северный берег реки Красной от Батъхака до Зялама. Группировка под командованием Му Шэна базировалась в Батъхаке, группировка Чжан Фу – в Танфуке, а группировка Фан Чжэна и Ван Цы – в Зяламе. Им противостояла стоявшая на южном берегу реки Красной вьетнамская армия под командованием Хо Нгуен Чынга и Хо До, которая прикрывала от удара направление Дабанг – Донгдо.

Получивший повеление завершить кампанию к весне следующего года Чжан Фу стал готовиться к наступлению на крепость Дабанг, которая была дополнительно укреплена со стороны воды. Штурм крепости начался 19-го января 1407 г. минским войскам удалось форсировать реку, и через три дня Дабанг, а затем и Донгдо пали. Тогда Хо Нгуен Чынг занял позиции по оборонительной линии от Хоангзянга в Ханаме до Биньтхана. Но уже в феврале одна часть минской армии пройдя по реке Красной захватила Хоангзянг, а другая – взяла штурмом Биньтхан. Поэтому Хо Кюи Ли был вынужден уйти ещё дальше на юг в Муонхай.

¹ К тому времени главнокомандующим минской армией стал Чжан Фу, сменивший умершего от болезни Чжу Нэна.

В боях при Муонхае войска Минов впервые понесли тяжёлые потери от Хо Нгуен Чынга, сосредоточившего свои силы в устье реки Дайан¹. Чжан Фу был даже вынужден отступить в Донгдо для перегруппировки войск, при этом он расположил часть своей армии в лагере Хамты¹¹. Стремясь развить этот успех, семидесятитысячная армия Хо Нгуен Чынга вернула себе Хоангзянг и двинулась на лагерь в Хамты. Главное сражение, в котором вьетнамцы потерпели полное поражение, произошло 7-го мая 1407 г.

Сам Хо Нгуен Чынг вместе с частью армии сумел уйти в Тханьхоа, однако это уже ничего не решало, так как в мае минские войска вторглись в эту провинцию как сухопутным путём, так и со стороны моря. Тэйдо пало, а Хо Кюи Ли с ближайшим окружением и частью войск бежал в Нгеан, где в июне 1407 г. и был пленён в местечке Кила.

1.2. Период краткосрочной зависимости от империи Мин (1407 – 1427 гг.)

Свергнув династии Хо, Мины даже не вспомнили о том, что вторглись в Дайнгу под предлогом восстановления власти законной династии Чан¹¹¹. Поэтому в 1407 г. вьетнамская территория в очередной раз была превращена в округ империи под его традиционным названием округ Зяо. Он был разделён на 15 малых провинций, 36 округов и 181 уезд, при этом было установлено, что 1 округ состоит из 5 уездов.

В 1419 г. имперская администрация также осуществила реорганизацию общин и деревень. В результате были созданы деревенские [поселения] по 110 хозяйств, состоявшие из посёлков по 10 хозяйств. Ими руководили назначавшиеся имперской администрацией деревенские и поселковые старосты. Столичный округ был разделён по тому же принципу на слободы и [малые] слободы.

¹ Река Дай.

¹¹ Округ Кхоай в Хынгиене.

¹¹¹ Минское вторжение проходило под широко пропагандированным лозунгом «Поможем Чан, уничтожим Хо».

Такое административное структурирование, с одной стороны, отвечало административной организации империи Мин, а с другой – опиралось на традиционное районирование вьетнамской территории. Благодаря последнему оно поначалу было принято местным населением.

Одновременно с административной реформой Мины реорганизовали и армию. Сначала в 1407 г. была создана местная армия из 14 «оборон» и 19 «опор». В каждой обороне насчитывалось по 5000 солдат и офицеров, в каждой опоре – по 1200, при этом общая численность армии составляла 99280 человек. Для защиты Донгкуана¹ было создано 5 «оборон» общей численностью в 28000 военнослужащих: левая, правая, срединная, передняя и задняя. Следует отметить, что по мере роста числа выступлений против оккупации имперская администрация создавала новые воинские подразделения. Так, например, в 1418 г. было создано ещё 11 «опор».

Всё это относится к армии, сформированной из местных кадров, главной же опорой имперской администрации являлась оставленная в округе Зяо стотысячная минская армия, на помощь которой готовы были придти войска из провинций Южного Китая. Помимо этого в малых провинциях была создана система оборонительных сооружений из 39 крепостей, некоторые из которых сохранились до сегодняшнего дня в Нгеане, Намдине, Зяламе, Бакзянге и Лангшоне. Наконец, по всей дороге от Донгкуана до столицы династии Мин было создано 374 почтовых станции, которые обеспечивали через Гуандун и Гуанси надёжную связь провинциальной администрации и столичных властей империи.

Также следует особо подчеркнуть, что имперская администрация прилагала максимум усилий для полной ассимиляции местного населения. Вьетнамцам запрещалось иметь оружие, при этом те, кто изготавливал оружие или строил джонки, которые хоть как-то могли использоваться в

¹ Интересно отметить, что в рамках проводимой имперскими властями политики город Донгдо (Восточная столица) был переименован в Донгкуан (Восточная застава).

военных целях, осуждались как изменники. По малейшему подозрению людей жестоко пытали, убивали, сжигали, а для устрашения даже отрезали уши у женщин и детей из семей повстанцев. Кого не казнили – продавали в рабство в империю [182.1, «Основные записи», кн.ХІІ, с.31; 165.4, т.2, с.239].

В империю Мин также вывозились ремесленники, лекари, музыканты, танцовщицы и даже просто красивые женщины и дети. Согласно источникам, Чжан Фу отправил на север более 9000 человек [193, т.ІІ, с.256]. Была создана и новая система налогообложения вместе со специальными инспекциями по сбору налогов. Действовали особые управления, контролировавшие добычу металлов, в первую очередь – серебра и золота, жемчуга и ценных пород дерева. Только за лето 1408 г. в империю было отправлено 235 тысяч слонов, лошадей, буйволов и коров, около 14 тысяч т риса¹, 8 тысяч 670 судов и 2 миллиона 539 тысяч 800 единиц оружия^{II}.

Однако главным в упоминавшейся минской политике ассимиляции вьетнамцев было уничтожение национальных культурных ценностей, с тем чтобы полностью лишить народ прошлого. Согласно личному повелению императора Мин все исторические и географические произведения, литературные сочинения и документы должны были либо уничтожаться, либо вывозиться в империю. Так, согласно Ле Кюи Дону, именно Чжан Фу вывез водным путём огромное количество книг в Цзиньлинь. Он также отмечал, что несмотря на все усилия императоров династии Ле, удалось вернуть и восстановить лишь порядка ¼ от всего утерянного массива произведений эпохи Ли – Чан [193, т.ІV, с.101]. Среди тех, которые удалось вернуть, можно назвать и неоднократно цитировавшийся и описанный как в предыдущем, так и в настоящем томе летописный свод «Краткое [изложение] истории [Великого] Вьета».

Уничтожались не только письменные памятники, но памятники материальной культуры. К примеру в конце 1426 г.

¹ В тексте сказано: «13600000 *тхангов*». Смотри «Таблицу №3» «Тома VI».

^{II} Истинные записи [об] императорах Мин [193, т.2, с.256].

по приказу имперского военачальника Ван Туна были уничтожены знаменитые «Колокол Черепахи» пагоды Зиенхьу и трипод пагоды Фо-минь, которые являются двумя из четырёх достоверно известных великих памятников искусства эпохи Ли – Чан.

«Колокол Черепахи» одной из вьетнамских пагод.
Музей истории. Ханой, 18.04.2011 г.

Перед имперскими эмиссарами была поставлена задача не только уничтожить все письменные памятники, но и заменить употребление вьетнамского языка на китайский даже

в быту¹, где также пытались насадить китайские обычаи. Так, например, вьетнамцы преследовались за то, что не чернили зубы и не стригли волос, не носили длинные юбки и рубашки с коротким рукавом, а также за многое другое.

Живший в то время великий вьетнамский поэт Нгуен Чай так описывает эти события в своём «Великом воззвании [по случаю] умиротворения китайцев»¹¹:

*Плотно сомкнулся бамбук в Намионе¹,
Тяжко писать [о] жестоком насилии.
Гневом переполнены людские сердца,
Никогда не простят [их] Небо [и] Земля.*

Ещё более категоричен в оценке эпохи господства Мин историограф XV в. Нго Ши Лиен, который писал: «Оценивая [все] испытания, [которые вынесло] наше государство Вьет, [вижу, что] такого, [как сейчас], ещё никогда не было... Эти нелюди уничтожали страну, творили зло [и] убивали без разбора. Даже малым детям мечами рубили головы, повсюду валялись трупы. Взрослые [люди] с юга бежали в Тиемтхань, с запада – в Дали¹¹¹. Посреди заброшенных деревень [и] посёлков между поваленными алтарями предков резвились зайцы [и] бегали косули, в брошенных городах поселились птицы [и] нашли убежище тигры. Враг разделил страну на округа [и] уезды, построил укрепления [и] вырыл рвы, двадцать лет управлял при помощи армии, изменил обычай страны носить длинные волосы [и] иметь белые зубы, [взяв за образец обычаи] далёкого народа, превратил наших людей [в людей] У^{IV}. О, горе! Как же тяжелы были эти испытания [для нашего народа]!» [236.2, т. II, с. 290].

Если принять во внимание всё вышесказанное, то не приходится удивляться тому, что попытки имперской администрации использовать лояльную поначалу часть

¹ Приводится по произведению Ли Ван Фыонга «Сборник произведений Вьет[нама]», кн. 2.

¹¹ См. «Параграф 4» «Главы 1» Части III» настоящего тома.

¹¹¹ То есть Тямпу и в Юньнань.

^{IV} См. «Комментарий» к «Главе 1» «Части III» настоящего тома, «Примечание 19».

вьетнамцев против остальной части населения завершились полным провалом. Поэтому начавшееся сразу после свержения династии Хо движение сопротивления постоянно ширилось и приобретало всё новых сторонников.

1.3. Движение сопротивления минской оккупации в 1407 – 1427 гг.

1.3.1. Начальный этап вооружённой борьбы против минских захватчиков

Вернувшийся после победы над Хо в империю Чжан Фу представил императору Мин карту Зяоти, с территорией протяженностью в 755,5 км с востока на запад и в 1244,4 км¹ с севера на юг, которая была разделена на 48 малых провинций, округов и 186 уездов с населением в 3120000 вьетнамцев и 2087000 манов^{II}.

Однако всё это выглядело красиво лишь на бумаге, так как минские войска на самом деле контролировали лишь крупные центры, прежде всего – Донгкуан, а также основные сухопутные и морские пути. Так, уже осенью 1407 г. в малой провинции Зиентяу в Нгеане вспыхнуло восстание местного населения, в результате которого имперская администрация была полностью ликвидирована. Жившие в горных районах и джунглях национальные меньшинства нападали на отдельные отряды китайцев, как правило, полностью их уничтожая. Например, когда в 9-ом месяце 1407 г. часть минских войск вторглась в район Куангнгуена^{III}, то ей пришлось отступить с тяжёлыми потерями, при этом возглавлявший её Гао Шивэнь погиб в сражении. В 11-ом месяце того же года придворный Мяо Цин докладывал императору: «В малых провинциях Танан^{IV}, Киенбинь^V [и] Лангзянг^{VI}, в округах Донгхо^{VII} [и]

^I 1700 и 2800 замов соответственно.

^{II} Общий термин для обозначения национальных меньшинств.

^{III} Провинция Каобанг.

^{IV} Районы Куангниня, Хайфонга и Хайзыонга.

^V Районы Намдиня и Ниньбиня.

^{VI} Районы Бакзянга и Хайзыонга.

^{VII} Районы Хайфонга и Хайзыонга.

Тхайнгуен¹, [а также] по реке Шинькюет *маны* отказываются подчиняться, объединяются [и] поднимают мятежи»^{II}. Поэтому небольшие отряды и тем более отдельные солдаты имперской армии не рисковали выходить за пределы стен своих опорных центров.

В конце 1407 г. против оккупационных властей выступили и представители династии Чан. Как известно, Мины вторглись в Дайнгу под лозунгом восстановления на престоле этой легитимной династии, о чём после победы над Хо сразу же забыли. Речь идёт о двух лидерах этого движения Чан Чиеу Ко и Чан Кюи Кхоанге.

Типичный трипод из пагоды или поминального храма.
Музей истории. Ханой, 18.04.2011 г.

Чан Чиеу Ко имел личное имя Нгой, был третьим ребёнком императора Искусного и носил титул [великого] князя Искреннего [и] Решительного. В 1407 г. он принял титул императора и провозгласил девиз правления «Процветание торжества»^{III}. С этого времени он известен как Император

^I Районы Тхайнгуена и Баккана.

^{II} *Ли Ван Фыонг*. Сборник произведений Вьет[нама], кн.2 [193, т.2, с.258].

^{III} 1407 – 1408 гг.

Искренний [и] Решительный или просто как император Нгой. Его поддержали многие сторонники династии Чан, включая видных военачальников Данг Тата и Нгуен Кань Тяна. Центром восстания стал город Иенмо в Ниньбине. К середине 1408 г. была освобождена территория от Тханьхоа до округа Хоа включительно, при этом блокировав пост Биньтхан и устье Хамты, восставшие перекрыли противнику доступ в Тамзянг (Футхо) и установили контроль над примыкавшим к крепости Донгкуан районом.

Против Чан Нгоя были направлены войска под командованием Му Шэна, которому в помощь было прислано подкрепление из 40000 солдат. В конце 1408 г., сосредоточив большие силы на у пристани Боко¹, Му Шэн готовился нанести удар по повстанческой армии, однако восставшие его опередили. В том сражении погибли министр обороны Лю Цзюнь, командующий Люй И, главный инспектор Лю Юй и легат столичный командующий Лю Цзун. Лишь самому Му Шэну вместе с несколькими военачальниками и остатками армии удалось укрыться в находившейся в 18 км к северу от Боко крепости Колонг [165.4, т.2, с.224].

Победа при Боко стала первым серьёзным поражением войск Мин, придавшей новый импульс освободительному движению. В то же время эта победа привела к возникновению разногласий в рядах сторонников династии Чан. В результате Данг Тат и Нгуен Кань Тян были убиты по повелению императора Нгоя. Тогда сыновья последних Данг Зунг и Нгуен Кань Зи вторглись со своими войсками в Нгеан и отстранили от власти Нгоя, но при этом пойти на крайние меры они не решились. Поэтому в полном соответствии с традицией династии Чан они провозгласили Чан Нгоя Старшим [над] императором, а его племянник Чан Кюи Кхоанг стал императором, объявив девиз правления «Громкая слава»¹¹.

Возглавляемые такими военачальниками, как Данг Зунг, Нгуен Кань Зи и Нгуен Шуи, войска династии Поздняя

¹ На реке Дай в И-иене, Намдинь.

¹¹ 1409 – 1413 гг.

Чан¹ к тому времени уже контролировали территорию от Тханьхоа до устья Хамты и вели боевые действия в бассейнах рек Дай, Красной и Тхайбинь, нанося в постоянных мелких стычках ощутимые поражения минской армии. Кроме того, в центре и особенно в северных горных районах страны постоянно возникали новые самостоятельные очаги восстаний. В их числе можно назвать восстание горных племён *лао* под руководством Тю Ши Ньюна и движение так называемых «краснорубашечников», которые контролировали северные и северо-западные горные районы вплоть до Тханьхоа и Нгеана². В середине 1410 г. минские военачальники начали наступление на центр восставших, находившийся в Донгмаке провинции Тханьхоа. Поначалу они даже сумели добиться определённого успеха, но в итоге потерпели поражение от присоединившихся к повстанческой армии войск Чан Кюи Кхоанга. В имперском произведении эпохи Мин, в котором описывается сложившаяся на вьетнамских территориях к концу 1411 – началу 1412 г. ситуация, прямо говорится, что «в то время разбойники роились как пчёлы от Дунгуаня [и далее на] восток, умиротворённой можно было считать лишь крепость округа Цзяо»³.

Наконец, после трёх безуспешных попыток в 1408 – 1411 гг. подавить сопротивление Чжан Фу удалось в 1413 г. разгромить силы восставших на примыкающих к Донгкуану территориях. После этого во главе крупных сухопутных сил и флота он двинулся в 1413 г. на юг. Потерпев поражение, войска Чан Кюи Кхоанга отступили в округ Хоа, где в конце того же года были окончательно разбиты. На этом завершился этап движения сопротивления имперской оккупации, на котором ведущую роль играли сторонники восстановления власти династии Чан в Дайвьете.

¹ В историографии принято называть время правления Чан Нгоя и Чан Кюи Кхоанга с 1407 по 1413 г. периодом династии Поздняя Чан.

² Источники упоминают около двадцати предводителей таких восстаний, большая часть которых представлена вождями горных национальных меньшинств.

³ Приводится по «*Кюу Цзюнь*». Южные записи [об] умиротворении Цзяо».

С 1414 г. для минских властей наступил период кратковременного относительного спокойствия. Однако даже тогда целые районы страны оставались закрытыми для них. Так, например, оккупационная администрация не имела доступа в большую часть горных районов, которые по-прежнему контролировались «краснорубашечниками». В то же время описанные выше налоговая политика и репрессии Минов не могли не привести к новой вспышке восстаний, которые начались в 1415 г. с того, что некий Чан Нгуэт Хо принял титул короля и поднял восстание в Тханьхоа. В результате под его властью оказался весь бассейн реки Ма.

С начала 1417 г. движение сопротивления приобрело ещё больший размах. Постепенно к восставшим стали присоединяться и те, кто сначала служил в созданной Минами из вьетнамцев армии. Главнокомандующий имперскими войсками Ли Бинь был даже вынужден направить из Донгкуана для подавления волнений в Танбине и Тхуанхоа две «обороны», но и это не помогло.

Имперские историографы признавали, что «народ возмущён,... местные вожди повсеместно поднимают восстания». Правда, объясняли они причину этих «восстаний» не политикой минских властей во Вьетнаме, а традиционной формулировкой «Эпохи северной зависимости»: «Люди Цзяочжи издавна склонны к мятежам»¹.

Особо следует отметить восстание под руководством Нгуен Титя в Тханьхоа. Вместе со своими односельчанами из деревни Ванлок уезда Донгшон^{II} он построил укрепление, «на которое войска врага не осмеливались нападать»^{III}. Вскоре под его контролем оказалась обширная территория, включавшая юг провинции Тханьхоа и север провинции Нгеан [182.1, «Основные записи», кн. XII, с. 23 – 47].

^I Приводится по «Истории Мин», кн. 311.

^{II} Теперь это община Донгнинь уезда Донгшо.

^{III} Приведено по написанному придворным Чинь Тхуан Зу в 1450 г. докладу «Содействовавшие императорским повелениям заслуженные подданные государства».

1.3.2. *Восстание в Ламшоне. Начальный этап войны за независимость (1418 – 1425 гг.)*

В XIV в. поселение Ламшон называлось на «наме» деревня Тям. Оно принадлежало уезду Льюнцзянг провинции Тханьхоа. То была горная местность с густыми лесами и узкими долинами, где текла река Тю, являвшаяся важным торговым путём из горных районов Тханьхоа в Нгеан и в Донгкуан. Следует отметить, что местный лидер Ле Лой¹ был широко известен и имел большое влияние в Ламшоне. Его предок в трёх поколениях Ле Хой создал там военный лагерь для обработки целинных земель. С тех пор главы семьи Ле стали властителями «одной стороны».

Трудясь, чтобы прокормить семью, и пристально следя за восстанием Чан Нгоя и Чан Кюи Кхоанга, Ле Лой убедился в том, что локальное восстание обречено на провал. Поэтому он со своими единомышленниками тайно начал подготовку к объединению всех сил [193, т. III, с. 33]. Первый шаг был сделан в начале 1416 г., когда в местечке Лунгняй Ле Лой с восемнадцатью соратниками поклялись бороться с минскими захватчиками до полного их изгнания. Сохранившееся с незначительными разночтениями в целом ряде семейных записей описание этого события дошло до наших дней:

«Тогда в [нашей] стране главным стало следование пути Ле Лоя, который вместе с Ле Лаем пришёл в Чыонгтиен. [Там между] восемнадцатью людьми из разных семей [и различного] происхождения был заключён такой союз, как [если бы у них был] один предок, хотя они отличались по крови, но объединились в [одну] единую семью.

Тогда враги [из] У^{II} захватили [страну], преследовали династию Чан, пленили семью Хо, [поэтому] Ле Лой вместе с Ле Лаем пришёл в Чыонгтиен, [и] восемнадцать человек [решили] вместе приложить все усилия, [для того чтобы]

¹ 1385 – 1433 гг.

^{II} То есть «из Мин». Смотри «Комментарий» к «Главе I» «Части III» настоящего тома, «Примечание 19».

восстановить спокойствие, [решили, что] лучше умереть, чем забыть эту клятву»¹.

Помимо этого документа в «Семейных записях» и житиях буддийских храмов также сохранился историко-мифологический сюжет о том, что Ле Лою помогла в борьбе с захватчиками та самая Золотая черепаха, которая в древние времена помогла и основателю царства Аулак Тхук Фану^{II}. Поэтому нельзя исключать связи между его титулом «король Умиротворённого юга» и весьма схожим с ним по семантике титулом «король Устанавливающий мир», который был принят Ле Лоем при начале восстания в Ламшоне.

Озеро Возвращённого меча.

На дальнем плане островок с башней Золотой черепахи.

Ханой, 24.03.2011 г.

После клятвы в Лунгняе в Ламшоне начали постепенно собираться единомышленники Ле Лоя из самых разных районов страны от Донгкуана до Нгеана. Во 2-ой день 1-го месяца года Зелёного Пса^{III} в праздник Нового года по лунному календарю, сочтя, что собралась уже достаточно

^I Текст клятвы Лунгняй воспроизведён в «Истинных записях [о] Ламшоне» (список семьи Ле Шата), в хронике «События [и] дела Ламшона» (список Библиотеки Общественных наук СРВ), а также в «Семейных записях» эпохи Ле родов Динь из Чунгтиня, Ле из Киеудая, Лыу из Ваниена и Нгуен из Тхиньми провинций Тхайнгуен и Тханьхоа.

^{II} Смотри «Примечание 29» в «Комментарии» к «Главе 3» «Части IV» «Тома I».

^{III} 7-ое февраля 1418 г.

серьёзная сила для вооружённой борьбы с захватчиками, Ле Лой призвал народ к всеобщему восстанию. К тому времени его войско насчитывало 2000 человек, из которых лишь 700 имели опыт военных действий¹, что, как показали дальнейшие события, было ничтожно мало для простоя армии Мин [165.4, т.3, с.76 – 77].

Когда повстанцы начали боевые действия, то реакция имперских властей последовала незамедлительно. Сметая на своём пути незначительные силы Ле Лоя, минские войска двинулись из Тэйдо на Ламшон, который был взят ударом с тыла. Вьетнамцы понесли тяжёлые потери, при этом минским военачальникам удалось захватить в плен нескольких родственников Ле Лоя, включая его жену и дочь. Кроме того, в полном соответствии с традициями были уничтожены могилы предков предводителя восстания. Сам же Ле Лой вместе с оставшимися у него незначительными силами смог укрыться в горах Тилиня лишь благодаря мужеству упоминавшегося выше Ле Лая. Последний переоделся в одежды предводителя и во главе пятисот бойцов преградил путь преследователям. Все вьетнамцы погибли в этом сражении, но при этом они спасли Ле Лоя и не позволили противнику полностью подавить восстание⁸. После возобновления военных действий Ле Лую, у которого после ряда сражений осталось лишь немногим более ста бойцов, снова пришлось скрываться в Тилине на протяжении трёх месяцев. Тем не менее ламшонские отряды продолжали сражаться в горных районах Тханьхоа. Они устраивали засады в узких и опасных проходах, преграждая путь захватчикам. Так восставшие сумели нанести поражение минским войскам в боях при Лактхюи и Мьонгмоте в 1418 г. и при Мьонгтяне в 1419 г.

В то же время антиминское движение охватывало всё новые районы. Так, в 8-ом месяце 1418 г. в Нгсане вспыхнуло восстание под руководством представителей вьетнамской администрации этой провинции Фан Лиеу и Чан Дая, которые

¹ 200 человек – личное или знаменное войско Ле Лоя, 200 человек – военная знать и 300 человек прошедших обучение воинов.

во главе части местных войск сначала нанесли удар по её главному центру, а затем продолжили боевые действия на западе Хатини. При этом получивший приказ выступить против них вьетнамский военачальник Ло Ван Луат не только его не выполнил, но и сам присоединился к восставшим. В 1419 – 1420 гг. выступления против Минов отмечаются во многих районах Бакниня, Куангниня, Лангшона, Намдиня, Тхайнгуена, Тэйбака, Хайзыонга, Хайфона, Хатэя, Хынгнгуена и других провинций. Наиболее же мощными из них были восстания по руководством Фам Нгаука и Ле Нга.

Фам Нгаук был монахом в пагоде До-шон в Хайфоне. В конце 1419 г. он провозгласил себя королём Мирным и поднял восстание, которое охватило все северо-восточные районы низменности и продолжалось до 5-го месяца 1420 г.

Восстание Ле Нга также началось в конце 1419 г. и продолжалось по осень 1420 г. Сам Ле Нга в своё время был семейным рабом одного родственников императора Чан по имени Чан Тхиен Лай. Как и Фам Нгаук он пользовался широкой поддержкой населения и сумел причинить Минам немало неприятностей.

Сложившаяся ситуация вынудила главнокомандующего минской армией Ли Биня отдать следующий приказ своим войскам: «Следует нанести удар на востоке, умиротворить север, нельзя [позволить себе] ни дня отдыха»¹. В результате имперским войскам удалось подавить большую часть упомянутых восстаний.

Одним из немногих продолжавшихся восстаний было движение в Ламшоне, которое получило подкрепление благодаря тому, что Нгуен Тить сумел собрать значительные силы в Тханьхоа. Тем не менее войска Ле Лоя ещё были слишком слабы для того, чтобы успешно противостоять ударам превосходящей их имперской армии, которая в 1418 и первой половине 1419 г. несколько раз захватывала Ламшон. Поэтому повстанцы отступили к границе с Лаосом, где в верховьях реки Ма создали новую базу в Мыонгтхое. Получив

¹ Приводится по «Истории Мин», кн.311.

от лаосцев продовольствие, оружие, слонов и лошадей, войска Ле Лоя вновь начали военные действия. Сначала повстанцы спускались вниз по реке Ма и уничтожали небольшие отряды противника, а в 11-ом месяце 1420 г. им удалось нанести серьёзное поражение армии Ли Биня в битве при Лойзянге. После ряда поражений минская армия ушла в конце 1420 г. в крепость Тэйдо, которая также была защищена укреплениями с сильными гарнизонами. После этого все горные районы Тханьхоа перешли под контроль повстанцев, разместивших свою штаб-квартиру в лагере Балам в Лойзянге.

В конце 1421 г. имперский военачальник Чэнь Чжи во главе стотысячной армии попытался по приказанию Ли Биня захватить Балам, но потерпел поражение. Тогда Ли Бинь начал подготовку к решительному сражению с целью покончить с восстанием в Ламшоне. В начале 1423 г. он начал наступление и окружил оступившие из Балама войска Ле Лоя в уезде Кхой. Вьетнамский вождь обратился к своим воинам с речью, в которой, в частности, сказал: «Враг [находится] со всех четырёх сторон... [Это то, что] военная стратегия именуется "позиция смерти". Если нанести стремительный удар [по врагу], то останемся в живых, если не нанести, то погибнем» [165.4, т.4, с.13]. Воодушевлённые повстанцы бросились на противника и прорвали кольцо окружения. Однако силы были неравными, поэтому Ле Лоя в третий раз пришлось уйти в горы Тилинь. Повстанцы провели в горных лесах больше двух месяцев, в течение которых они питались в основном овощами, дикорастущими плодами и побегами бамбука. Мясо добывалось охотой, но его не хватало, и поэтому вьетнамцам приходилось убивать своих слонов и лошадей для поддержания сил. В этой тяжелейшей ситуации Ле Лой принял решение временно приостановить боевые действия, для того чтобы дать отдых бойцам, набрать пополнение и определить новые пути развития восстания.

В то же время собравшие значительные силы минские военачальники не прекращали тщетных попыток покончить с восставшими, однако они так и не смогли нанести войскам Ле Лоя решительного поражения. Поэтому сменивший на посту

главнокомандующего умершего в 3-ем месяце 1422 г. Ли Биня главный инспектор Чэнь Чжи получил повеление из империи Мин «переманить» Ле Лоя. Начавшиеся переговоры привели к временному перемирию, которое сыграло на руку восставшим. В результате в 5-ом месяце 1423 г. Ле Лой и его окружение вернулись в Ламшон.

Воспользовавшись временной передышкой, Ле Лой сумел не только укрепить свои войска, но и выработать принципы военной, политической и дипломатической тактики и стратегии дальнейшей борьбы за освобождение страны. В связи с этим следует отметить, что важнейшую роль в их выработке сыграли такие люди из ближайшего окружения Ле Лоя, как военачальник Нгуен Тить и выдающийся вьетнамский поэт XV в. Нгуен Чай¹.

В то время контролировавшие горные районы Тханьхоа повстанцы не имели достаточных сил для успешных действий на низменных территориях этой провинции. Поэтому Ле Лой задумал перенести военные действия в Нгеан, но перед их началом обратился за советом к своим соратникам. В ответ хорошо знавший Нгеан Нгуен Тить посоветовал до вторжения на находящиеся под ударом врага территории Нгеана сначала овладеть стратегически важным округом Чалаунг⁹, контроль над которым гарантировал контроль и над всей провинцией Нгеан [182.1, «Основные записи», кн. XIII, с.17а]¹⁰.

Предложенный план был одобрен Ле Лоем и 12-го числа 10-го месяца 1424 г. лампонская армия нанесла удар по Дакангу. С целью преградить повстанцам дорогу в Нгеан Чэнь Чжи немедленно направил им навстречу войска из Тэйдо. Однако у Боданга они попали в засаду и были разбиты, после чего повстанцы нанесли удар по Чиньшону, в результате чего путь на Чалаунг оказался открыт. Заняв оборону в ожидании помощи из Тэйдо, гарнизон крепости Чалаунг не собирался сдаваться. Однако вместо того чтобы направить ему на помощь войска, Чэнь Чжи начал с Ле Лоем переговоры об

¹ О Нгуен Чае смотри «Параграф 4» «Главы 1» «Части II» данного тома.

условиях снятия осады с крепости, которые тот сознательно затягивал. В результате лишённые помощи и продовольствия защитники Чалаунга были вынуждены капитулировать. Благодаря этой победе повстанческие войска овладели лесистыми западными горными районами Нгеана, откуда они совершали вылазки на низменность провинции и даже наносили удары по её центральной крепости.

Получив известие о падении крепости Чалаунг, Чэнь Чжи отправил вверх по реке Лам войска, чтобы вернуть крепость под свой контроль. Однако имперские войска попали в ловушку. С одной стороны, путь был перекрыт тысячью вьетнамских бойцов во главе с Динь Лиетом, которые по приказанию Ле Лоя неожиданно овладели стоявшим на горной дороге укреплением Дося в Хьюнгшоне [203, с.5]. С другой же, Ле Лой приказал войскам спуститься по реке Лам и занять позиции на перевале Кхалыгу в Аньшоне на основном пути наступления минской армии. В результате вьетнамцам не только удалось отбить наступление противника, но и, нанеся ему поражение, вынудить отступить в Тэйдо, где тот занял оборону.

К тому времени, когда повстанцы из Ламшона вступили в Нгеан, там уже в целом ряде районов происходили мятежи местного населения, которое присоединялось к армии Ле Лоя. При этом «стар и млад» дарили воинам буйволов и вино, говоря, что видят в них возрождение «прежней страны». От местных жителей также стало известно, что в «округах и уездах» население повсеместно поддерживает повстанцев и готово выставить им в помощь подкрепление, для того чтобы захватить центральную крепость Нгеана. Люди собирались все вместе [на войну подобно тому], как собирались на рынке». Кроме того, одаривая национальные меньшинства и жалую отличия их вождям, Ле Лой сумел добиться поддержки и со стороны горцев. К началу 2-го месяца 1425 г. в 20 округах и уездах Нгеана имперская администрация пресекла своё существование, минские опорные базы были уничтожены, а в руках захватчиков оставалась лишь главная крепость Нгеана [165.4, т.3, с.18 – 20]¹¹.

К тому времени ламшонская армия уже насчитывала десятки тысяч воинов. Она уже состояла не только из ополченцев-общинников, но и таких профессиональных частей как пехота, флот с боевыми судами, ударные отряды на слонах и кавалерия. Строились укрепленные лагеря, в которых размещались повстанцы. Важно подчеркнуть, что содержание армии Ле Лоя не ложилось тяжким бременем на население, так как лидеры восстания проводили политику «одновременного воздвигания полей и уничтожения врага». В результате военные базы патриотов были окружены полями, на которых трудились не только военные, но и «кормившееся» с них местное население.

По ходу наступления ламшонской армии происходила и смена расположения штаб-квартиры её командования. Так, после отражения контрнаступления Чэнь Чжи в Хьонгшоне она была перенесена из Ламшона в Дозя¹, а затем на горе Тхиеннян для неё была перестроена крепость Лукниен¹².

В 6-ом месяце 1425 г. военачальник Динь Ле начал по приказанию Ле Лоя военные действия в малой провинции Зиентяу в Нгеане. Нанеся поражение вражескому флоту под командованием Чжан Сюня, он преследовал его суда по морю до крепости Тханьхоа.

Узнав об этом, Ле Лой немедленно отправил на помощь Динь Ле войска для штурма Тэйдо. В результате этой военной операции все округа и узды Тханьхоа перешли под контроль повстанцев.

Наконец, в 8-ом месяце того же года ламшонская армия освободила Танбинь в Тхуанхоа.

В результате к 10-му месяцу 1425 г. все южные территории страны от Тханьхоа до Перевала Облаков оказались под властью Ле Лоя.

Именно эту дату следует считать датой перелома в ходе освободительной войны.

¹ Община Дозя была родиной одного из героев антиминской войны Нгуен Туан Тхиена.

1.3.3. «Северный поход» ламшонской армии и полное восстановление независимости страны (1425 – 1427 гг.)

После того, как юг оказался в руках повстанцев, Чэнь Чжи бежал на север в Донгкуан, где начал готовиться к обороне в ожидании прихода помощи из империи. И действительно, когда в Бэйцзине узнали о произошедшем, там было принято решение направить в Дайвьет дополнительные войска, попытавшись при этом с помощью экономических и политических уступок «успокоить» население севера страны. Надо полагать, что эти «уступки» оказались не слишком эффективными, так как уже в 4-ом месяце 1426 г. Му Шэн отправил 18000 солдат для подавления сопротивления так называемых «краснорубашечников» из числа национальных горных меньшинств.

Уже в начале 1426 г. имперские власти трижды направляли подкрепления в «округ Цзяо». Так в 5-ом месяце 1426 г. туда прибыли два армейских корпуса.

Первый пришёл из Юньнани под командованием военного губернатора этой провинции Ван Аньлао.

Вторым корпусом командовал маркиз Чэньшаня Ван Тун, который также был назначен главнокомандующим экспедиционной армией, а по прибытии в Донгкуан возглавил командование всеми минскими войсками в Цзяочжи. Военным инспектором при нём был военачальник Ма Ин. Тогда же Чэнь Ся, который был назначен главным инспектором по военным делам, было поручено следить за соблюдением законов в Цзяочжи.

Однако, как выяснилось по мере развития событий, этих сил было явно недостаточно для эффективного контроля над ситуацией¹³. Ле Лой и его окружение прекрасно понимали, что противник на самом деле не обладает преимуществом. Поэтому было решено использовать благоприятный момент и нанести удар по минской армии на севере. Наступление повстанцев началось в 9-ом месяце 1426 г. по трём главным направлениям одновременно [203, с.46].

Первая армия, имевшая в своём составе 3000 воинов и

одного боевого слона, шла под командованием Фам Ван Сао, Ли Чиена, Чинь Кха и До Би. Перед ней стояла задача нанести удар по северо-западному региону страны, блокировать с запада все подходы к крепости Донгкуан и воспрепятствовать продвижению вспомогательной минской армии, которая шла из Юньнани.

Король Устанавливающий мир Ле Лой во главе армии Ламшона.
Картина. Музей истории. Ханой, 18.04.2011 г.

Вторая армия из 5000 солдат и двух боевых слонов наступала под командованием Лыу Нян Тю и Буй Би. Она была разделена на два крыла. Первое должно было нанести удар по низовьям реки Красной и перекрыть дорогу отступавшим в Донгкуан из Нгеана минским частям. Перед

вторым стояла задача освободить северо-восточный регион страны, для того чтобы воспрепятствовать подходу подкреплений из Гуанси.

Наконец, третья армия, состоявшая из 2000 отборных воинов под командованием Динь Ле и Нгуен Си, наступала непосредственно на крепость Донгкуан.

Наступление было единодушно поддержано населением округов и уездов севера, которое было подготовлено к нему специальными эмиссарами Ле Лоя. Таким образом, против Минов выступили не три армии, насчитывавшие 10000 солдат и три боевых слона, а значительно более крупные силы. В результате имперская власть на местах рухнула, при этом её представители могли найти спасение лишь под защитой армии в укреплениях и крепостях [203, с.60]¹.

В 13-ый день 9-го месяца 1426 г. повстанцы под командованием Фам Ван Сао, Ли Чиена и Чинь Кха нанесли противнику поражение в битве при Нинькису в Хатэе, в которой погибли более 2000 минских солдат. После этого Фам Ван Сао вышел к Тамзянгу в Футхо и уничтожил шедший на помощь в Донгкуан имперский отряд, а Чинь Кха продолжил операцию в районе столичной крепости.

17-го числа 10-го месяца Фан Чжэн оставил крепость Нгеан под командованием Тай Фу¹⁴ и, спасая свою жизнь, ночью бежал на корабле на север.

Наконец, 20-го числа того же месяца минские войска были разбиты у моста Нянмук близ Донгкуана, при этом более тысячи минцев были убиты, а военачальник Юань Лян попал в плен. Одновременно с этим Фам Ван Сао разгромил войска Ван Аньлао у моста Салок в Футхо, уничтожив свыше 10000 солдат противника. Вынужденный укрыться в крепости Тамзянг Ван Аньлао так и не смог придти со своими силами на помощь Донгкуану. После этого все три части повстанческой армии соединились у крепости Донгкуан, которую защищал ждавший помощь из империи Чэнь Чжи [165.4, т.3, с.22 – 26].

¹ Также смотри «Истинные записи [о] Ламщоне» и с.249 опубликованного в 1976 г. текста «Культура Тханьхоа».

Оценивая сложившуюся ситуацию, Ле Лой сказал соратникам: «С каждым днём враг [становится] слабее, [а] наша армия – сильнее. [Положение таково, что] если не выступить немедленно, [то можно] упустить благоприятный момент» [165.4, т.3, с.24]¹. Поэтому он приказал части войск продолжать осаду крепости Нгеан, а сам вместе с личной армией начал преследование Ли Аня и Фан Чжэна. Кроме того, в Тханьхоа, где находилась большая часть лампонских войск, их командование, выделив часть своих сил для осады крепости Тханьхоа, также готовилось к выступлению на север.

В конце 10-го месяца 1426 г. Ле Лою противостояла минская армия, в которой было около 10000 человек, в том числе – пехота, знамённые части (конница) и флот. Её основную силу составляли подошедшие из империи подкрепления. В 11-ом месяце, выделив часть сил для обороны Донгкуана, Ван Тун разделил эту армию на три части.

Первая часть под командованием самого Ван Туна заняла позиции на сухопутной дороге с запада в Донгкуан у поселения Кошо на берегу реки Дай.

Вторая часть под командованием Фан Чжэна и Ли Аня расположилась у моста Шадой через реку Нюе.

Третья часть под командованием Шань Шоу и Ма Ци перекрыла сухопутную дорогу с юго-запада на Донгкуан у моста Тханьоай через реку Додонг.

5-го числа 11-го месяца вступившие в бой в Коламе войска повстанцев притворились, что понесли большие потери, и начали отступать. Тогда Шань Шоу и Ма Ци бросились в преследование, чтобы уничтожить противника, попали в засаду и потерпели полное поражение. В тот же день Ван Тун приказал перебросить бежавшие в Донгкуан части в Кошо, где он собрал все силы для нанесения удара по Нинькиеу с целью окружения повстанческих сил.

На следующий день, разделив армию на две части, Ван Тун хотел нанести упреждающий удар по вспомогательным лагерям повстанцев Тотдонг и Тюкдонг в Каобо. Однако план

¹ Тот же текст приводится в «Истинных записях [о] Ламшоне».

минского военачальника успеха не имел. Наступление его войск сначала было остановлено, а затем они потерпели жестокое поражение. Тогда же Ли Чиен скрытно выдвинулся из Нинькиеу к военному лагерю Ван Туна в Кошо и полностью его разгромил. После этого поражения Ван Тун с большей частью своих сил укрылся в крепости Донгкуан, которую он надеялся отстоять в случае штурма.

Таким образом, объединённые силы ламшонской армии при поддержке населения Северного Вьетнама сумели сорвать контрнаступление минской армии, большая часть которой состояла из пришедших из империи подкреплений, и нанести ей решающее поражение. С того времени блокированная в военных лагерях, укреплениях и крепостях армия Мин ушла в глухую оборону.

В 10-ый день 11-го месяца 1426 г. после победы при Тотдонге – Тюкдонге штаб-квартира повстанцев была переведена на берег Лунгзянга, тогда как резиденция самого Ле Лоя сначала была обустроена в Тэйфулиете, а затем – в Донгфулиете¹ к югу от крепости Донгкуан. С этого момента началась подготовка к её штурму, который начался 22-го числа того же месяца.

Имперские военачальники понимали, что в условиях полного окружения у них только один шанс на спасение, для чего было «необходимо дополнительно усилить крепость [и] жертвывая жизнью [её] защищать до подхода подкреплений». Однако Ле Лой повелел «военачальникам наносить удары по крепости Донгдо днём [и] ночью. Минские Ван Тун и Шань Шоу отражали нападения [то в] одном месте, [то в] другом, [моральный] дух падал, оружия нехватало, [никаких] планов не было, продовольствие кончалось, [и] ситуация ухудшалась с каждым днём». И хотя у Ван Туна ещё оставалось порядка 40000 воинов для защиты крепости в ожидании подкрепления, силы осаждённых были на исходе. Поэтому он был вынужден

¹ Тэйфулиет, то есть Западный Фулиет, Донгфулиет, то есть Восточный Фулиет. Судя по контексту, Фулиет был южным пригородом, или слободой, Донгдо, или Восточной столицы.

отправить Ле Лою «письмо с просьбой о мире [и] разрешении войскам вернуться домой». Получив это послание, руководитель повстанцев отметил: «Эти слова полностью совпадают с нашими идеями. Кроме того, [он] изменил тактику, приказав не нападать на склонившихся [людей], [а] испльзовать военную [силу] с умом». Так начался процесс мирных переговоров, который со стороны повстанцев возглавлялся Нгуен Чаем [165.4, т.3, с.27, 28].

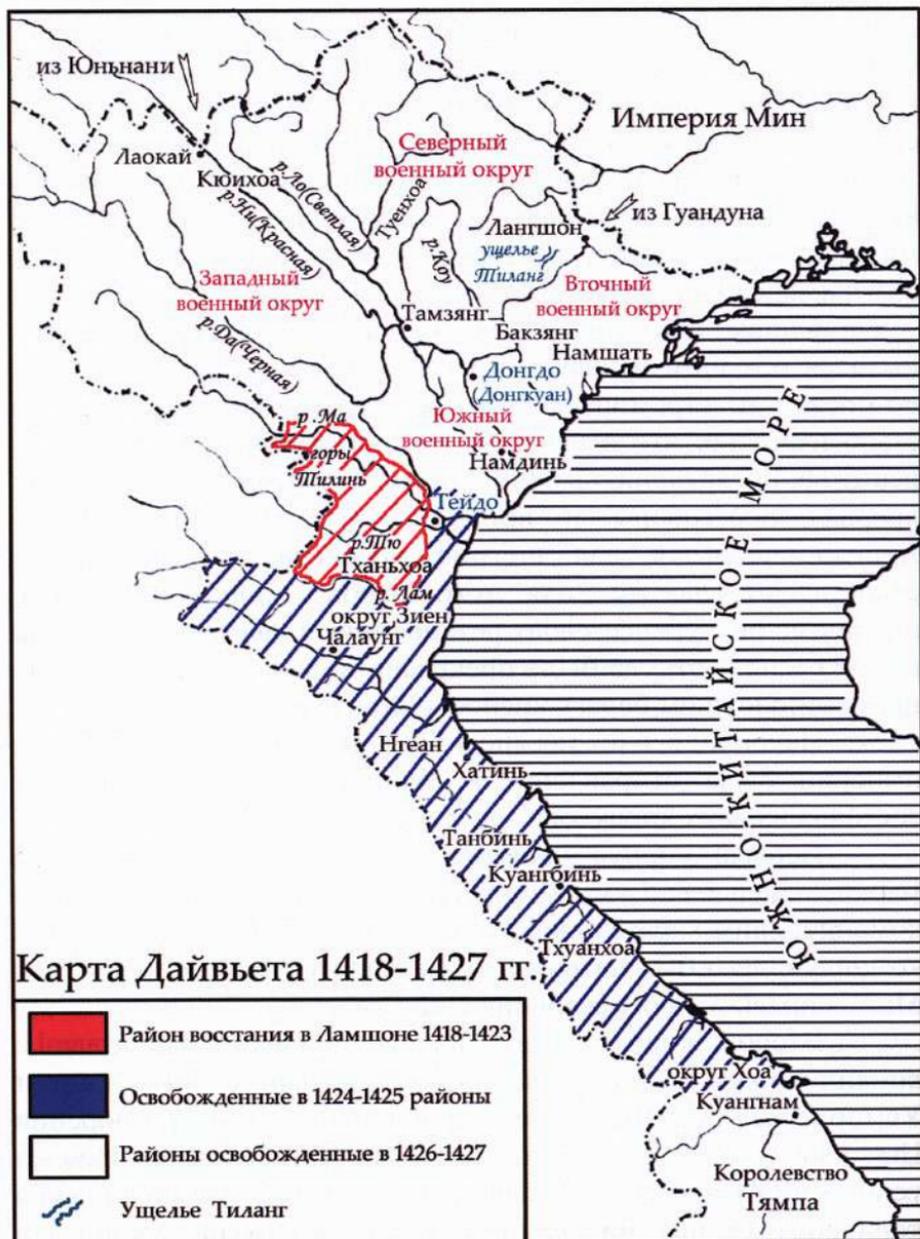
Однако с помощью мирных переговоров Ван Тун лишь пытался обманом выиграть время. К тому же династия Мин по-прежнему стремилась к продолжению войны. Когда же стало известно, что в начале 1427 г. император Мин принял решение послать на выручку Ван Туна войска, то Ле Лой прервал переговоры и приказал полностью блокировать Донгдо, испльзуя для штурма крепости все возможные средства. Тогда же, для того чтобы лично руководить штурмом, он перенёс свою резиденцию в местечко Бодэ¹ на реке Красной, откуда была прекрасно видна находившаяся на противоположном берегу крепость Донгкуан.

Наконец, в 1-ом месяце 1427 г. на помощь Ван Туна из империи была отправлена экспедиционная армия, которая состояла из двух корпусов.

Первый корпус наступал из Гуанси. Его возглавлял маркиз Дальнего умиротворения Лю Шэн, назначенный командующим карательной экспедицией. Левым заместителем командующего был назначен граф Решительной обороны Лян Мин, а правым – военачальник Цуй Сю.

Второй корпус выступил из Юньнани во главе с командующим южной экспедицией государственным князем Умирителем Му Шэн. Граф Процветающего умиротворения Цы Син стал его левым заместителем, а граф Нового успокоения Тань Чжун – правым заместителем командующего корпусом. Общая численность обоих корпусов составляла порядка 180000 пехотинцев и всадников¹⁵.

¹ Округ Зялам провинции Ханой.

В сложившейся ситуации ламшонское командование выработало стратегию, получившую название «осаждая крепость, уничтожить подкрепление».

Следует отметить, что ещё до этого Ле Лой направил на

север войска, которые должны были воспрепятствовать наступлению корпуса Му Шэна, и начал концентрацию сил на главном направлении удара для уничтожения корпуса Лю Шэна. 8-го числа 10-го месяца Лю Шэн подошёл к пограничному перевалу Фалуи, который охранялся отрядом под командованием Чан Лыу. Следуя плану, Чан Лыу вступил в схватку с противником, а затем отступил к перевалу Кхоуон, откуда после очередной короткой схватки – к перевалу Тиланг¹⁶. 10-го числа Лю Шэн с более чем ста всадниками знамённых частей первым пересёк его границу в авангарде армии. После первой стычки Чан Лыу начал отступать к заранее подготовленным позициям. Преследовавший его Лю Шэн забыл о всякой осторожности, попал в засаду и был поражён копьём у горы Маиен. Вместе с ним погибли и все сопровождавшие его всадники. В этой битве вьетнамцы также нанесли противнику серьёзные потери и сумели расчленить его армию на две части. Известие о событиях в Тиланге как громом поразило всю минскую армию вторжения. После гибели главнокомандующего сменивший его Лян Мин во главе 90000 своих подчинённых продолжил наступление. Однако спустя всего лишь пять дней¹ и он попал в засаду, которую, собрав в Канчаме 30000 бойцов, устроили в нижней части Тиланга военачальники Нгуен Динь Ли и Ле Ван Ан. Сам Лян Мин и более 10000 солдат экспедиционной армии погибли в этом сражении. 18-го числа войска Ле Лоя нанесли минской армии ещё одно серьёзное поражение в битве у Фочанга в Бакзянге. После неё бывший в армии инспектором [по] военным делам тяжело болевший министр обороны Ли Цин впал в депрессию и покончил с собой.

В результате после десяти дней боевых действий первый корпус минской армии потерял порядка 30000 человек убитыми, в том числе – трёх главных военачальников, при этом физические силы 70000 оставшихся воинов были на исходе, а их моральный дух по вполне понятным причинам – крайне низок.

¹ 15-го числа 10-го месяца (25 сентября) 1427 г.

В то время пришедший из Юньнани со своим корпусом Му Шэн ожидал в пограничном районе известий от Лю Шэна. Получив сообщение о его гибели, Му Шэн испугался и решил вернуться в империю, но был перехвачен повстанцами у Ланькоу и Данса. В этом сражении корпус Му Шэна потерял убитыми более 10000 человек и свыше 1000 солдат и офицеров попали в плен. Вьетнамцы также захватили 1000 лошадей и большое количество оружия и продовольствия.

После этой победы Ле Лой повелел сконцентрировать силы в Сыонгзянге и готовиться к полному уничтожению ещё оставшихся у противника сил. Операция, в которой со стороны повстанцев участвовали пехота, конница и боевые слоны, всего – несколько десятков тысяч человек, началась в 5-ый день 10-го месяца года Красной Овцы¹. Удар наносился одновременно со всех четырёх сторон. В ходе сражения было убито более 50000 минских солдат и офицеров, при этом командовавшие имперской армией Цуй Сю и Хуан Фу вместе с тремястами командирами и более чем десятью тысячами солдат попали в плен. Восставшие также захватили большое количество оружия, телег и лошадей, золота и серебра, тканей и шёлка и много другой добычи.

Таким образом, за 27 дней сражений войска Ле Лоя одержали безоговорочную победу над минской армией, большая часть которой была уничтожена. Однако перед повстанцами стояла ещё одна очень сложная задача: нужно было овладеть крепостью, которую защищал Ван Тун. Многие ненавидевшие захватчиков соратники Ле Лоя считали, что крепость следует взять штурмом, уничтожив при этом всех её защитников без всякого прощения. Однако, считая, что такой штурм приведёт к огромным потерям и истощению ресурсов страны, Ле Лой и его главный советник Нгуен Чай на это отвечали следующее: «Следует позволить Ван Туну вернуться [домой, чтобы он] посоветовал императору Мин не вторгаться на наши земли, ничего важнее этого не существует. Если же всех объём, то лишь вызовем гнев большого государства» [193,

¹ 3 ноября 1427 г.

т. I, с. 20 (кн. I, с. 416)].

Следует отметить, что Ван Тун, силы которого были почти полностью истощены, собственноручно написал Ле Лою письмо, просьбой о мире и позволении вернуться на родину. Правда, написал он это письмо лишь для того, чтобы выиграть время для подготовки задуманного им плана. Ван Тун хотел скрытно собрать силы, неожиданным ударом прорвать окружение и уйти в империю со всеми оставшимися у него войсками. Однако вьетнамцы узнали об этом плане и заманили врага в ловушку. Повстанцы преследовали потерпевших очередное поражение минцев до южных ворот крепости, а сам упавший с коня Ван Тун попал в плен. Но даже после этого Ле Лой и Нгуен Чай продолжали настаивать на том, что следует быть «великодушными, не штурмовать [крепость], тогда люди покорятся [сами]».

Для того чтобы убедить Ван Туна, что ни он, ни его люди не будут убиты, Нгуен Чай не только написал ему семь писем, но и выразил готовность в подтверждение своих слов стать вместе с Лыу Нян Тю заложниками в Донгдо. Вскоре после этого действительно произошёл обмен заложниками: Ле Лой отправил в крепость своего сына Ты Те и Лыу Нян Тю, а Ван Тун прислал в лагерь восставших Шань Шоу и Ма Ци. В сложившейся ситуации у Ван Туна не было иного выхода, кроме просьбы о пощаде.

10-го числа 12-го месяца года Красной Овцы¹ у южной стены Донгкуана на берегу реки Красной было организован так называемой всеобщей сбор Донгкуана, на котором со стороны армии Ламшона присутствовало всё её командование во главе с Ле Лоем, а со стороны осаждённых – все высшие военачальники Донгкуана во главе с Ван Туном. Ле Лой поклялся, что обеспечит полную безопасность минской армии и создаст все необходимые условия для её возвращения в империю. В ответ Ван Тун также принёс клятву, которая приводится в следующем виде в произведении Нгуен Чая:

«После того как сложилась настоящая ситуация,

¹ 22-го ноября 1427 г.

главнокомандующий армией маркиз Чэншаня Ван Тун, следуя [собственному] убеждению [и полученным] советам, уведёт войска домой в течение срока, не превышающего пяти месяцев...

Если [же я] неискренен [и поступлю] вопреки клятве [и] советам, буду принуждать людей [оставаться на месте и], несмотря на полученные суда [и] восстановленные сухопутные дороги, немедленно не уведу армию домой, [а по] истечении пяти месяцев, [отпущенных на] возвращение воинов, немедленно не прибуду ко двору [и], соблюдая обряд, не подам императору [прошение о том, что] не следует беспокоить духов гор [и] рек Аньнани [или же позволю] своим войскам повсеместно грабить население, то пусть Небо и Земля, Славные Горы и Великие Реки вместе с чудесными духами всех местностей покарают главнокомандующего армией маркиза Чэншаня Ван Туна, [пусть] в каждом доме [его] поджидает беда [и неминуемая] смерть [и пусть] ни один человек [из его] армии не вернётся домой» [203, с.185, 186].

После принесения клятвы Ле Лой приказал снять осаду со всех крепостей. По его указанию были приведены в порядок мосты и ведущие в империю дороги, по которым должна была уходить минская армия. Ван Туну было передано 500 судов, несколько тысяч лошадей и продовольствие для снабжения армии. В 29-ый день 12-го месяца 1427 г. в поход выступили первые части его армии, а 3-го числа 1-го месяца 1428 г. последний китайский солдат покинул вьетнамскую землю.

Таким образом, за 10 лет, казалось бы, незначительное восстание в Ламшоне восемнадцати единомышленников под руководством Ле Лоя привело к полному восстановлению независимости Дайвьета. Повстанцы не только сумели изгнать минских захватчиков, но и консолидировать в ходе борьбы с ними вокруг себя всё население страны.

Именно поэтому Нгуен Чай в своём знаменитом «Великом воззвании [по случаю] умиротворения китайцев»¹,

¹ Смори «Комментарий» к «Главе 1» «Части III» настоящего тома, «Примечание 19».

которое можно считать своего рода манифестом восшедшей на престол в Дайвьете династии Ле, с полным основанием написал:

Башня Золотой черепахи на острове посреди озера Возвращённого меча.
Ханой, 23.03.2011 г.

«Мы собрали войско, чтобы обеспечить народу спокойную [жизнь], никогда не думали о [чём-то] необычном, такого ещё не бывало до сей поры»... И далее стихами –

«Алтари Предков теперь прочны,
Горы и реки прекрасны и спокойны.
Небо и Земля не унижены, снова велики,
Солнце и Луна снова сменяют друг друга.
Император навсегда установил мир,
Избавил тысячи людей от стыда»¹⁷.

2. Дайвьет начального периода эпохи династии Ле¹⁸ (1428 – 1527 гг.)

2.1. Приход к власти династии Ле и её первые великие императоры

В 15-ый день 4-го месяца года [Самца] Зелёной Обезьяны^I Ле Лой, который после ухода армии Мин перенёс свою резиденцию в Донгкуан, принял титул императора, провозгласил девиз правления «Покорность Небу»^{II} и объявил о возрождении Дайвьета, а год в Белого Пса^{III} он изменил название столицы на Донгкин^{IV}. С этих двух знаковых событий и начинается эпоха более чем двух с половиной векового^V правления династии Ле.

Состоящий из правлений двенадцати императоров начальный период династии Ле принято считать «золотым веком» вьетнамского централизованного государства эпохи средневековья, хотя на самом деле его следует связывать лишь с пятью первыми императорами этой династии^{VI}.

В царствование Ле Лоя, который с этого времени упоминается в источниках под посмертным именем «Великий

^I 1428 г.

^{II} 1428 – 1433 гг.

^{III} 1430 г.

^{IV*} Названия 都東 Донгдо и 京東 Донгкин по сути являются синонимами и переводятся одинаково как «Восточная столица».

^V 1428 – 1789 гг.

^{VI} См. «Таблицу №2» в «Томе VI».

Предок [династии] Ле», вся власть была сосредоточена в руках военной знати из ближайшего окружения самого императора. Известно, что во 2-ом месяце года [Самца] Зелёной Обезьяны Ле Лой лично награждал 121 человека из тех, кто участвовал вместе с ним в восстании с момента принесения клятвы в Лунгняе, которые были разделены на три категории. В 3-ем месяце того же года состоялось общее собрание всех военных и гражданских чиновников для выявления заслуг каждого отличившегося в ходе войны человека, и градации его «подвигов» по степени их важности. Наконец, в 5-ом месяце года Зелёной Курицы Ле Лой издал указ о награждении заслуженных подданных, пожаловав каждому из них титул маркиза различных степеней¹⁹. Более того, всем им была пожалована динстийная фамилия «Ле» и все они были назначены на главные должности как в столице, так и в провинциях [165.4, т.2, с.292, 293, 361].

Великий Предок скончался в возрасте 49 лет 22-го числа 8-го месяца года Жёлтой Буйволицы¹. За пять лет своего правления он сумел лишь частично справиться с последствиями «Эпохи зависимости [от] Мин». Поэтому он говорил избранному им наследником Нгуен Лаунгу: «Столкнувшись в прошлом с бедствиями, мы начали тяжёлое дело, лишь спустя два десятилетия завершили великое начинание. Весь народ отчётливо [это] понял, потому каждый [человек] избрал путь, полный тяжестей. Поэтому [следует] всеми силами успокаивать людей, бороться [с ещё остающимися] бедами, думать о преодолении остающихся трудностей. [Запомни:] быть императором – [это] очень трудное [дело]!» [203, с.201]. Эти слова можно рассматривать как своего рода завещание основателя династии Ле.

Ле Нгуен Лаунг наследовал престол в возрасте 10 лет. Он известен под посмертным именем Великий рода [династии] Ле. Однако лишь в 14 – 15 лет¹¹ он предпринял попытку взять управление страной в свои руки, которой от имени императора

¹ 1433 г.

¹¹ 1437 – 1438 гг.

правили высшие чиновники, что привело к борьбе между ними и отстранёнными от власти другими сподвижниками Ле Лоя. В 1439 г. Великий рода попытался решить проблему с помощью Нгуен Чая, которому он предложил должность главного руководителя^I, допущенного [во] внутренний [дворец], с тем чтобы тот контролировал Службу нижнего учения и дела Трёх домов [учёбы]^{II} с совмещением должности руководителя [научной] Академии. Кроме того Нгуен Чай, которому к тому времени исполнилось 60 лет, должен был ведать реестрами и учётом армии и населения Восточного и Северного военных округов^{III}. Однако случилось непредвиденное.

Осенью года Жёлтого Пса Великий рода отправился с инспекцией в восточные районы страны. Во время поездки он планировал провести смотр войск в Тилине и посетить Нгуен Чая в Коншоне, а затем вернуться в столицу, но 4-го числа 8-го месяца года Жёлтого Пса^{IV} император неожиданно скончался во время остановки в Летивиене, а ложно обвинённый в его смерти Нгуен Чай был казнён вместе со всей его семьёй²⁰.

Скончавшегося императора сменил на престоле его двухлетний наследник Ле Банг Ко^V, при котором все дела стала вершить королева-мать Нгуен-тхи Ань. В этой ситуации придворная борьба резко обострилась. Повзрослевший Банг Ко стал уделять много внимания экономике и особенно – культуре. Он также попытался покончить с борьбой высших придворных за власть при дворе.

Всё кончилось тем, что 3-го числа 10-го месяца года Зелёной Кошки^{VI} ведавший всеми делами при дворе [великий] князь Лангшона Нги Зан убил семнадцатилетнего императора вместе с королевой-матерью и спустя семь дней провозгласил

^I Эквивалент должности министра.

^{II}* Иными словами, речь идёт о должности руководителя Государственной императорской академии.

^{III} В 1428 г. Ле Лой разделил Дайвьет на четыре военных округа: Северный, Южный, Восточный и Западный.

^{IV} 7-ое сентября 1442 г.

^V Посмертное имя «Гуманный рода [династии] Ле».

^{VI} 28-го октября 1459 г.

себя императором. Однако удержаться у власти он так и не смог. Слишком уж велик был авторитет основателя династии Ле и его прямых потомков. Поэтому спустя короткое время в 6-ом месяце года [Самца] Белой Обезьяны¹ высшие сановники двора во главе Нгуен Си и Динь Лиетом свергли Нги Зана с престола²¹ и провозгласили императором восемнадцатилетнего легитимного наследника престола [Великого] князя Мирного спокойствия Ле Ты Тханя.

2.2. Реформы второй половины XV в. как поворотный момент в истории средневекового вьетнамского государства

Правление Ле Ты Тханя, который широко известен под посмертным именем «Совершенный рода [династии] Ле», ассоциируется в исторической науке с «золотым веком» вьетнамского феодального централизованного государства эпохи средневековья. Начиная с придворного историографа династии Ле той эпохи Нго Ши Лиена и все вьетнамские историографы и историки подчёркивали выдающиеся качества и заслуги этого императора [165.4, т.2, с.387]. И действительно осуществлённые им реформы предопределили всё дальнейшее развитие вьетнамского государства вплоть до французского колониального завоевания.

Первую часть своего правления Совершенный рода посвятил укреплению центральной власти, прекращению придворных междоусобиц и наведению порядка в столице и провинциях. Тем самым он подвёл черту под начинаниями Ле Лоя, которые, как это было показано выше, по разным причинам не смогли завершить три его предшественника. Надо полагать, что смена этим императором девиза правления «Славная благонамеренность»¹¹ на девиз правления «Великая добродетель»¹¹¹ знаменовала собой как завершение одного этапа его царствования, так и начало задуманных им реформ.

¹ Июнь 1460 г.

¹¹ 1460 – 1469 гг.

¹¹¹ 1470 – 1497 гг.

Таким образом, в ходе реформ 2-ой половины XV в. окончательно сложилась структура административного аппарата централизованного вьетнамского государства эпохи средневековья.

2.2.1. Реформа административного аппарата

В 1471 г. была проведена реформа государственного аппарата и административного деления страны, в результате которой была внедрена лишь модифицировавшаяся в последующие века система управления.

Как и в эпоху Ли – Чан верховная власть в Дайвьете принадлежала самому императору, которому непосредственно подчинялся первый министр, именовавшийся в то время «Великий главный руководитель». В прямом подчинении императора также находились Внутренний тайный совет, Управление секретарской службы и Совет Пяти наказаний¹. При этом было проведено чёткое разграничение между гражданской и военной ветвями власти.

Если в эпоху Ли – Чан высшая гражданская власть была представлена четырьмя министерствами, а при первом императоре династии Ле их было только три, то Совершенный рода впервые ввёл в Дайвьете систему шести министерств^{II}, каждое из которых возглавлял министр, именовавшийся «Верховным секретарём». Деятельность шести министерств контролировалась шестью одноимёнными департаментами^{III}. Каждый такой департамент возглавлялся руководителем в должности «Столичного управляющего срединными делами» и его заместителем, именовавшимся «Управляющим срединными делами». Кроме того, было создано ещё шесть присутствий, в функции которых, помимо прочего, входило

¹ В то время в Дайвьете существовало пять видов наказаний за преступления: смертная казнь, тяжёлое наказание, лёгкое наказание, тюремное заключение и денежный штраф.

^{II} Внутренних дел, обороны, обрядов, общественных работ, финансов и юстиции.

^{III} До 1471 г. они именовались департаментами Срединной литературы, Моря, Востока, Запада, Юга и Севера.

обслуживание двора и лично императора¹. Ими руководили советник присутствия, младший советник присутствия и помощник [советника] присутствия.

Была проведена и реформа структуры военной власти. Естественно, верховным главнокомандующим оставался сам император. Непосредственное командование всеми войсками осуществлял военный чиновник, носивший звание «Великий объединяющий управление», в подчинении которого находилось пять дворцов¹¹, или главных штабов пяти армий. Верховное командование каждой армии состояло из великого, левого и правого командующих.

Наконец, тогда же была установлена система градации гражданских и военных чиновников на классы, каждый из которых имел старший и младший ранг. Согласно этой градации все чиновники были разделены на девять классов, каждый из которых делился на старший и младший ранги. Иными словами в чиновничьей иерархии было восемнадцать уровней. В связи с этим интересно, что первый лауреат конкурсных испытаний получал лишь старший ранг шестого класса¹¹¹, тогда как классы с пятого по первый присваивались лишь по личному указанию императора. При этом если гражданский и военный чиновники имели одинаковый класс и ранг, то по регламенту первый имел приоритет над вторым.

К моменту указанной реорганизации чиновничьего аппарата в Дайвьете существовало установленное ещё Ле Лоем в 1428 г. административное деление. В соответствии с ним на севере страны были созданы северный, южный, восточный и западный военные округа, а территория от Тханьхоа до Тхуанхоа была объединена в военный округ Хайтэй. Каждый военный округ делился на пограничные зоны,

¹ Присутствия Великой синевы (личная служба императора), Посланников (дипломатическая служба), Великого служения (отвечало за систему образования), Всеобъемлющего порядка (кадровая служба), Верховного богатства (финансовая служба) и Славного кормления (отвечало за продовольственное обеспечение).

¹¹ Срединный, Восточный, Западный, Южный и Северный дворцы.

¹¹¹ См. «Параграф 2.3.4» «Главы 3» «Части III» настоящего тома.

состоявшие из больших округов и малых провинций¹. Те же в свою очередь были разделены на округа с подчинёнными им уездами и общинами. Очевидно, что такое отвечавшее нуждам военного времени деление на военные округа следовало привести в соответствие с требованиями развития государства в условиях независимости.

Реформе административного переустройства Дайвьета предшествовало тщательное изучение всей его территории. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1467 г. был опубликован первый в истории Вьетнама атлас географических карт, известный под названием «Карты [правления под девизом] “Великая добродетель”» [238]. Надо полагать, что результаты этой работы и легли в основу реформы административно-территориального деления страны, которая была осуществлена в 1466 – 1467 гг. В результате вместо пяти было создано двенадцать следующих военных округов: Анбанг, Бакзянг, Куокоай, Лангшон, Намшань, Нгеан, Туенкуанг, Тхайнгуен, Тханьхоа, Тхиенчюнг, Тхуанхоа и Хынгхоа. В 1471 г. отторгнутые у Тямпы территории были объединены ещё в один военный округ под названием Куангнам. В каждом из этих округов было учреждено по три управления, отвечавших за гражданско-административные, военные и судебные дела.

Как и прежде, все военные округа были разделены на более мелкие административные единицы, самой маленькой из которых была община. В 1490 г. Совершенный рода провёл регламентацию общин, которые были разделены на три категории. Большая община, состоявшая из пятисот и более дворов, управлялась пятью старостами. Средняя община насчитывала от трёхсот до пятисот дворов и управлялась четырьмя старостами. Наконец, малая община, в которой было от ста до трёхсот дворов, управлялась двумя старостами.

¹ Складывается такое впечатление, что одни территории делились на 路 (большие округа), а другие – на 府 (малые провинции). Поэтому не исключено, что существенной разницы между этими административными единицами не существует.

Регламентом также чётко определялись правила создания новых общин и выбора старост.

Наконец, отдельно следует сказать о столице Дайвьета. Как уже упоминалось, Ле Лой избрал в качестве столицы древний Тханглаунг, где она была основана Великим Предком [династии] Ли ещё в 1010 г.^I. Также уже упоминалось, что Хо Кюи Ли изменил её название на Донгдо (Восточная столица), Мины – на Донгкуан (Восточная застава), а Ле Лой – на Донгкинх (Восточная застава). В начальный период правления династии Ле столица сохраняла свою прежнюю планировку, определявшуюся тремя кольцами крепостных стен.

В рамках административно-территориальной реформы в 1467 г. по повелению императора Совершенного рода на территории столицы и примыкающих к ней поселений был создан военный округ Чунгдо^{II} с прямым подчинением двору. В 1490 г. территория столицы была расширена по периметру приблизительно на 3500 м.^{III}, а в 1516 г. она расширилась ещё настолько же или даже несколько больше^{IV}. В результате в состав столицы вошла территория слободы Кимко вместе с дворцом Славной чистоты, фортом Отражения нападения и пагодой Небесного спокойствия²².

2.2.2. Реформирование армии

В предыдущем параграфе уже достаточно подробно говорилось о мероприятиях первых императоров династии Ле по реорганизации верховного командования вооружённых сил для приведения его структуры в соответствие с новым территориально-административным делением вьетнамского государства. Одновременно с этим реформы затронули и саму армию. Так, в 1429 г. Великий Предок сократил численность регулярных войск на две трети. В результате 25000 человек вернулись в общины к сельскохозяйственным работам, тогда

^I См. «Параграф 1.1» «Главы 1» «Части I» настоящего тома.

^{II} 都中 «Чунгдо», то есть «Срединный город».

^{III} В тексте сказано «на 8 *замов*». См. «Таблицу №3» в «Томе VI».

^{IV} В тексте сказано «на несколько тысяч *чыонгов*». См. «Таблицу №3» в «Томе VI».

как на постоянной службе осталось всего лишь 10000 воинов, которые были разделены на шесть армий: по одной в каждом из упомянутых выше военных округов и одна – в столице.

В 1466 г. Совершенный рода провёл реорганизацию вооружённых сил, в результате которой они были разделены на личные и внешние войска. Из защищавших столицу личных войск были созданы Парчëвая и Золотая личная гвардии²³. Тогда как внешние войска находились в пяти военных округах и подчинялись находившимся в их центральных крепостях дворцам, или главным штабам.

Армия состояла из «оборон» по 400 человек, которые делились на «опоры» по 200 человек, состоявшие из частей «взаимопомощи» по 100 человек каждая. Наконец, последние формировались из «отрядов» по 20 человек.

Согласно регламенту из семьи, в которой было три – четыре взрослых общинника, один человек включался в категорию «сильных» и один человек мобилизовался в армию. Из семьи, в которой было пять – шесть взрослых общинников, два человека включалось в категорию «сильных» и один человек мобилизовался в армию, оставшиеся же включались в категорию «народ». При этом молодëжь, ещё не вошедшая в категорию «сильных»²⁴, должна была служить в армии, а оставшиеся военнообязанные вносились в армейские реестры и в случае угрозы стране призывались в армию. Кроме того, первые императоры начального периода правления династии Ле продолжали в рамках начатой ещё в эпоху Ли – Чан политики поощрения земледелия практику «Отправления солдат в деревню»¹.

Также была создана достаточно стройная система военной подготовки. Так, в 1434 г. императорским указом регулярным войскам из столицы и пяти военных округов было предписано каждую осень собираться в столичной крепости для учений по тактике военного искусства. Расквартированные же в таких отдалённых местах, как Тханьхоа, Нгеан, Танбинь и Тхуанхоа, части должны были проходить такую подготовку в

¹ Смотри «Параграф 2.3» «Главы 1» «Части II» настоящего тома.

провинции. В 1465 г. сначала последовал указ Совершенного рода о проведении совместных учений сухопутной армии и флота, а затем – указ о совместных учениях флота, боевых слонов и кавалерии. Также следует отметить, что в это время предпринимаются первые шаги по выделению образования и конкурсных испытаний для военных в отдельную систему¹, однако говорить о её реальном создании в XV – XVI вв. преждевременно²⁵.

Наконец, необходимо подчеркнуть, что первые императоры династии Ле также уделяли большое внимание вооружению армии. Помимо холодного оружия в стране развивалось производство различных видов огнестрельного оружия, известного в то время под общим названием «огненное единство»¹¹. В числе традиционного холодного оружия можно назвать кинжалы, мечи, секиры, копья, луки, арбалеты, а также большие и маленькие щиты²⁶.

2.2.3. Кодекс [законов эры] «Великой добродетели»

Ещё в 1428 г. Ле Лой говорил своим сподвижникам: «[необходимо] установить законы управления народом,С древности [известно, что для] управления государством нужны законы, если нет законов, то будет хаос» [165.4, т.2, с.291]. Поэтому неудивительно, что уже в правление Великого Предка было принято 32 закона, устанавливающих порядок распределения общественных земель в общинах и деревнях и правила составления реестров частных полей. Наследовавший Ле Люю Великий рода дополнил их ещё 14 законами по частному землевладению, в которых также устанавливались принципы разрешения связанных с ним судебных тяжб. В связи с этим Фан Хюи Тю отметил, что «лишь с тех пор все имущественные споры среди населения стали решаться на основании правил» [213.1, т.3 с.127]. Однако всеобъемлющее законодательство, которым регламентировались все аспекты

¹ Смотри «Параграф 2.3.1» «Главы 3» «Части III» настоящего тома.

¹¹ Судя по всему, сочетание иероглифов 火[火] (вьет. *hỏa động*, *хоа донг*; кит. *хо тун*) следует интерпретировать как «артиллерия».

жизни вьетнамского общества, появилось лишь в правление Совершенного рода [династии] Ле. Получившее известность под названием «Кодекс [законов эры] Великой добродетели»¹, оно оставалось законодательной базой Дайвьета в течение всего правления династии Ле с середины XV по конец XVIII в.

Каменное ядро для пушки. 1-ая половина XV в.
Музей истории. Ханой, 18.04.2011 г.

Поскольку даже краткая постатейная характеристика «Кодекса [законов эры] “Великой добродетели”» потребует как минимум отдельной большой статьи, то его описание в настоящей главе сведено к самым общим основополагающим моментам этого состоящего из 6-ти разбитых на 15 глав книг свода законов.

Особое место в числе 722 статей «Кодекса» занимают законы, связанные с сельскохозяйственным производством, сбором государственных налогов и общественными, в том числе – воинской, повинностями^{II}.

Не секрет, что национальные меньшинства Вьетнама, особенно горные племена, находились во 2-ой половине XV в. на совершенном ином уровне развития, чем собственно вьеты. При этом их обычаи и традиции не только отличались от

^I Он также известен под названиями «Свод законов Государственной династии» и «Свод законов династии Ле».

^{II} О социально-экономических преобразованиях императоров начального периода правления династии Ле смотри «Главу 2» «Части II» этого тома.

вьетнамских, но и значительно разнились между собой. Поэтому весьма знаменателен и тот факт, что Совершенный рода включил в «Кодекс» законы, затрагивающие их интересы. Так, например, в «Кодексе» сказано: «Если случится преступление среди горцев, то [за него] следует наказывать по традициям той местности, [где оно совершено]. Если горец совершит преступление [в отношении] человека [из] срединных округов, то его следует судить по закону» [216, ст.40, с.47].

Мятежи, заговоры и мздоимство квалифицировались в «Кодексе» как тяжкие преступления. Преступлениями также считались ложные доносы и противоречившие истине доклады императору. Так, сообщившие императору ложные сведения придворные либо ссылались, либо получали повеление совершить самоубийство [216, ст.547]. Приславшие ко двору ложный донос простолюдины наказывались или заключались в тюрьму [216, ст.520]. Ложный донос карался восемьюдесятью палочными ударами [216, ст.508]. Поднесение анонимного письма также считалось тяжким преступлением. Если такое письмо нанесло ущерб государственным делам, то его автора обезглавливали или отправляли в ссылку, а принявший анонимное письмо и передавший его в нарушение правил Двору чиновник наказывался пятьюдесятью палочными ударами и понижался на 1 ранг [216, ст.133].

В «Кодексе» также имелись статьи, направленные на поддержание традиционных моральных ценностей общества (следованию Пути в конфуцианском понимании этого термина). Так, например, нанесение побоев или оскорбление учителя учеником считалось серьёзным преступлением, за которое виновный понижался на три ступени [216, ст.489].

Наконец, в статьях «Кодекса» большое внимание уделяется основанному на конфуцианских принципах семейному праву, регламентируются правила бракосочетаний и похорон, а также чётко оговариваются права и обязанности главы семьи, первой жены и старшего сына. При этом такие проступки, как жестокость, недостаток сыновней почтительности и непослушание старшим, были включены в

список «десяти преступлений» и жестоко карались. Однако наряду с этим в нём имелись следующие пять статей о правах женщин, аналога которым до сих пор нет в законах ни одной азиатской страны:

- Дочери имели такое же право на имущество, как и сыновья [216, ст.388];
- В том случае, если в семье не было сына, то старшая дочь наследовала долю имущества с алтарём предков ¹ [216, ст.391];
- В том случае, если муж и жена расходились, то имущество делилось между ними поровну [216, ст.374, 375];
- В том случае, если кормилец уходил от жены и оставлял её без содержания более пяти месяцев, то жена имела право от него уйти [216, ст.308].

К этой же категории законов «Кодекса» можно отнести и те, в которых защищались наиболее обездоленные категории общинников. Так, по закону держатели общинных реестров были обязаны обеспечивать кормление всем оставшимся без содержания вдовам, вдовцам, сиротам и тяжелобольным членам общины. Не исполнявшие этого положения наказывались пятьюдесятью палочными ударами и понижались в должности на один ранг [216, ст.295]. Более того, совершивших преступления людей старше 70 лет, молодёжь моложе 15 лет и калек запрещалось подвергать пыткам, а в том случае, если они совершали преступления, за которые полагалось наказание ссылкой или более низкой категории, от него разрешалось откупиться деньгами. Если преступление, за которое полагалась смертная казнь, совершал человек старше 90 лет или ребёнок моложе 7 лет, смертная казнь не применялась. Наконец, беременных женщин, совершивших преступление, за которое полагалась смертная казнь, разрешалось карать лишь через сто дней после рождения ребёнка [216, ст.16, 665, 680].

Наконец, необходимо подчеркнуть, что указанные выше реформы императора Совершенного [династии] Ле

¹ То есть дом предков и связанные с ним земли и имущество.

затронули все сферы жизни вьетнамского общества 2-ой половины XV в.¹. Благодаря им в Дайвьете возник основанный на неоконфуцианстве в его чжусианской интерпретации механизм социальной мобильности, ставший в общественном сознании единственным путём для реализации экономических привилегий каждого члена этого общества. Именно этот фактор во многом и предопределил всё дальнейшее развитие вьетнамского государства вплоть до его французского колониального завоевания во 2-ой половине XIX в.¹¹.

В заключение данного краткого изложения содержания «Кодекса [законов эры] “Великой добродетели”» следует указать на то, что хотя при его создании за образец был взят свод законов общекитайской династии Суй и в него были включены помимо ряда имперских законов многие законы эпохи Ли – Чан, все эти, составляющие меньшую часть «Кодекса» законы, в целом были адаптированы к реалиям Дайвьета XV в. Основная же его часть – это оригинальные законы, во многом отражающие и учитывающие национальные традиции *киней*¹¹¹ и, как это было показано, живших вместе с ними в предгорьях и горных районах страны национальных меньшинств.

Таким образом, созданный в правление императора Совершенного рода [династии] Ле свод законов является уникальным для своего времени памятником законотворчества и одним из важнейших вьетнамских исторических источников, не утратившим своё значение вплоть до настоящего времени.

2.3. Отношения Дайвьета с другими государствами в начальный период правления династии Ле

Даже после изгнания имперских войск в 1427 г. отношения с династией Мин оставались главным приоритетом

¹ О преобразованиях в сфере социально-экономических отношений и культуры смотри «Главу 2» «Части II», а также «Параграф 4» «Раздела 2» «Главы 1», «Главу 2» и «Параграф 2» «Главы 3» «Части III» данного тома.

¹¹ Смотри «Параграф 3» «Главы 3» «Части III» данного тома.

¹¹¹ Этническое наименование вьетнамцев. Как правило, так их называют в среде национальных меньшинств Вьетнама.

во внешней политике Дайвьета, тем более что первое после восстановления независимости страны десятилетие характеризовалось достаточно напряжёнными отношениями с империей и нередкими стычками на границе с ней. Наконец, в 1437 г. ко двору Великого рода династии Ле прибыло посольство от императора Мин во главе с министром обороны Ли Юем, который привёз указ о пожаловании вьетнамскому государю титула «Король государства Аньнань» и золотую печать весом в 3,7 кг²⁷. С тех пор из Дайвьета в империю Мин снова стали прибывать посольства с данью.

В тоже время, соблюдая все принятые внешние формы вассальных отношений, вьетнамские императоры не допускали посягательств на суверенитет страны. Поэтому на границе с империей Мин нередко происходили стычки, в ходе которых пытавшиеся проникнуть на вьетнамскую территорию минские отряды либо полностью уничтожались, либо отбрасывались назад. Именно эту позицию озвучил император Совершенный рода, когда в 1473 г. обратился к великому защитнику¹ Ле Кань Хюи и другим придворным со следующими словами: «[Минцы] могут попытаться самовольно преодолеть часть гор [или] отрезок реки... Вы должны тщательно стеречь границу, не позволять [им] просачиваться [к нам]. Если они не послушаются, то следует отправить на Север послов с сообщением о незаконных поступках. Если же вы осмелитесь уступить врагу хотя бы [один] метр [или даже один] сантиметр оставленной [нам] Великим Предком земли, то за [это] преступление [вы] будете казнены» [165.4, т.2, с.462].

Кроме империи Мин правителям Дайвьета приходилось считаться и с другими своими воинственными соседями. Наиболее опасным из них был традиционный враг Дайвьета королевство Тямпа, описанию которой в XV – XVI вв. посвящён специальный раздел этого тома. Кроме того, на западной границе Нгеана находились территории Нгаукма и Бонман, власть над которыми принадлежала роду Кам²⁸. В своё время племенной вождь Кам Кюи присоединился со

¹ Должность одного из трёх высших придворных сановников [8, с.360].

своими людьми к Ле Лою, за что был награждён званием «Великий заместитель». Однако позднее он захватил округ Нгаукма и, замыслив отделиться от Дайвьета, перестал присылать дары. Тогда в 1435 г. Великий рода направил против него войска. И хотя после этого округ Нгаукма по-прежнему оставался под властью рода Кам, оттуда вновь стала регулярно присылаться дань ко двору императора Ле. Наконец, в 1469 г. Великий рода преобразовал округ Нгаукма в малую провинцию округа Чинькао с прямым подчинением администрации Нгеана.

С Бонманом, которым также правил племенной вождь из рода Кам, сложилась аналогичная ситуация. Вождь жившего там народа также присоединился к Ла Лою, а затем в 1447 г. обратился к императору Ле с просьбой признать его вассалом. За это он также получил титул и звание, а из объединённой с частью западных земель Нгеана территории Бонмана был создан округ Куихоп. В 1469 г. Этот округ был преобразован в округ Лэман, а затем – в малую провинцию Чаннинь с прямым подчинением администрации Нгеана. Однако местный вождь был несогласен с этим решением. Поэтому он неоднократно либо сам, либо вместе с войсками Лансанга²⁹ совершал нападения на вьетнамские поселения. Так, в 1479 г. объединившись с войсками короля Лансанга, он захватил территорию Чанниня и грабил пограничные районы Дайвьета.

Поэтому в 6-ом месяце года Зелёной Свиньи¹ император Совершенный рода издал указ с повелением покарать правившего в то время в Бонмане вождя Кам Конга¹¹. В нём, в частности, говорилось: «С каждым днём [Кам Конг] становится [всё] более злобным. Он грабит [наши] поселения, уничтожает [наши] гарнизоны...».

¹ 1479 г.

¹¹ В имени 公禽 (Кам Конг) иероглиф 公 (конг) может интерпретироваться как титул «князь». В таком случае это сочетание иероглифов обозначает титул «князь Кам». Однако из контекста следует, что, скорее всего, это имя вождя племени Бонман. При этом не исключено, что оно имеет тотемные корни, так как это имя может быть переведено как «Князь Птица».

В императорском указе также подчёркивалось, что поддерживающее Кам Конга королевство Лансанг «посягает на [целостность нашей] территории [и] захватывает [наши] земли» [165.4, т.2, с.475].

黎
聖
宗

Статуя императора Совершенного рода [династии] Ле.
Поминальный храм. Ханой, 24.03.2011 г.

Против объединённых войск Бонмана и королевства Лансанг выступила разделённая на пять крыльев, или корпусов, армия в 180000 солдат и офицеров, которая столкнулась с ожесточённым сопротивлением противника.

Одержав победу в ряде кровопролитных боёв в горах Фумунга и на равнине Кхоутяо, вьетнамцы захватили столицу Лансанга город Сиенг Тхоонг. Затем, преследуя врага по течению Меконга, они полностью разгромили его войска у границы с Миендиеном¹. После этой победы Бонман был возвращён в состав Дайвьета, а Лансанг настолько ослабел, что больше не мог не только вторгаться на вьетнамскую территорию, но и хоть как-то поддерживать сепаратистские настроения племенных вождей на юго-западе Нгеана¹¹.

2.4. Падение могущества династии Ле и начало эпохи феодальных междоусобиц³⁰

2.4.1. Начальный период

В начале XVI в. система управления государством и внутренняя политика императоров династии Ле привели к всё более очевидному росту недовольства в стране. Относительно стабильной ситуация оставалась в правление наследовавшего Совершенному рода в 1497 г. его третьего сына Ле Чаня, который провозгласил в 1498 г. свой девиз правления «Блистающее единство»¹¹¹. Этот император известен под посмертным именем «Наставник рода [династии] Ле». В его правление уделялось большое внимание проблемам общины и сельского хозяйства, продолжалось строительство дорог и дамб, при этом налоги и трудовые повинности не были слишком обременительными для населения. Поэтому неудивительно, что при нём с Дайвьете царило спокойствие.

С воцарением же в 1505 г. старшего сына Ле Чаня императора Величественного [и] Мирного положение вещей стало стремительно меняться, чему в немалой степени способствовали такие его личные качества, как пристрастие к пьяным дебошам и убийствам³¹. При дворе начались интриги и борьба между различными группировками знати, а тяжёлые налоги и трудовые повинности в сочетании с мздоимством

¹ Миендиен: одно из древних названий Бирмы.

¹¹ Дается по «Истории Лаоса (от древности до настоящего времени)».

¹¹¹ 1498 – 1504 гг.

оставленного безконтрольным чиновничества на местах привели к началу повсеместных волнений.

Всё кончилось тем, что в 1510 г. в результате заговора придворных император Величественный [и] Мирный был свергнут, а на престол был возведён Ле Оань¹, который известен под посмертным именем «император Помогающий [и] Поддерживающий». Но и при нём мало что изменилось. Как и прежде, император вместе с придворными и высшее чиновничество проводили время в удовольствиях, в то время как жизнь населения продолжала ухудшаться. Ле Оань также известен возведением таких величественных дворцов, как Кыу-чунг дай^{II}, на строительство которых привлекалось под видом общественных работ большое количество людей. Так, согласно источникам, в царствование последнего «похотливая роскошь была чрезмерной, тяжёлые штрафы, наказания были тяжёлыми, все близкие императора были убиты, повсюду начались восстания» [165.2, т.4, с.83]^{III}. И действительно, по всей стране прокатилась волна народных волнений. Так, например, в 1511 г. в Киньбаке вспыхнуло восстание под руководством Тхан Зюи Няка и Нго Ван Тонга. В 1512 г. Чан Туан и Нгуен Нгием захватили Шонтэй и Хынгхоа. В том же году Ле Хи, Чинь Хынг и Ле Минь Чиет возглавили мятеж войск в Нгеане³². В 1515 г. Фунг Тьюнг поднял восстание в Тамдае, а Данг Хан и Ле Хат – восстание солдат в Тханьхоа. В 1516 г. Чан Конг Ниш возглавил выступление в Иенланге^{IV}.

Наконец, 6-го числа 3-го месяца всё того же 1516 г. вспыхнуло восстание Чан Као, которое подвело черту под эпохой расцвета Дайвьета в правление династии Ле. Его центром стала пагода Куинь-лам (Япмового леса), а основным опорным пунктом – территория уездов Тхюидыонг и Донгчиеу провинции Хайзыонг. Чан Као объявил о том, что является

^I Внук императора Великого рода от приёмного сына.

^{II} Девятиэтажный дворец.

^{III} Любопытно, что если Величественного [и] Мирного народ именовал «Император Демон», то Помогающий [и] Поддерживающий получил прозвище «Император Пёс».

^{IV} Провинция Виньфук.

побочным сыном императора Великого рода [династии Ле] и «Воплощением Шакры»³³, после чего провозгласил девиз правления «Небесное соответствие». Он сам и его сподвижники одевались в чёрные одежды и брили головы, оставляя лишь три пучка волос. Поэтому восставшие и получили прозвище «армия трёх пучков». Численность армии Чан Као очень быстро достигла нескольких десятков тысяч человек. Он безраздельно господствовал в Хайзыонге, откуда готовился к наступлению на столицу, которое началось летом 4-го месяца 1516 г. Потерпев поражение от использовавших артиллерию императорских войск, Чан Као был вынужден отступить. Однако затем он сумел разгромить отправленных за ним в преследование Фунг Чана, Кхонг Тиеу и Чинь Нгака. Первые двое погибли в сражении, а Нгак, который отказался признать власть Чан Као, был казнён. Тогда император Помогающий [и] Поддерживающий повелел выступить против мятежников представителю феодального рода Нгуен по имени Нгуен Хоанг Зу, занявшему со своими войсками крепость Бодэ и преградившему тем самым Чан Као дорогу на столицу.

Восставшим помог случай. Несмотря на тяжёлую ситуацию, император Ле Оань по-прежнему вёл себя крайне несдержанно и жестоко по отношению к окружающим. Так, он приказал поставить в палки осмелившегося ему противоречить придворного Чинь Зюи Шана. Поэтому оскорблённый Зюи Шан вступил в заговор с великим советником Ле Куанг До и министром Чинь Ти Шамом с целью свергнуть с престола своего обидчика. 6-го числа 4-го месяца 1516 г. под предлогом нападения на мятежников Чинь Зюи Шан собрал войска и на следующий день совершил задуманное убийство императора у ворот дома Великого Учения.

Зюи Шан и его сообщники хотели возвести на трон сына [великого] князя Величественных замыслов Ле Куанг Чи. Однако этому воспротивился маркиз Военный помощник Фунг Май, который провозгласил императором Ле И, сына маркиза Парчёвой реки Шунга. Тогда поместный князь Совета Фунг Зинь убил Мая и объявил императором восьмилетнего Куанг Чи. Но спустя всего лишь три дня, ещё до того как был

провозглашён девиз правления нового императора, Чинь Зюи Дай его низложил и увёз в Тэйдо. Когда же находившийся в крепости Бодэ Нгуен Хоанг Зу узнал о произошедшем, то он в ярости сжёг и разграбил столицу, после чего ушёл со своими войсками на юг. После этого Чинь Зюи Шану не оставалось выбора и он возвёл на трон четырнадцатилетнего Ле И¹. В результате вся реальная власть оказалась в руках Зюи Шана и поддерживавшей переворот придворной группировки. Он отправился вместе с новым императором в Тэйдо собирать в Тханьхоа войска для отпора мятежникам. Этим же занимались и его сторонники. Один лишь Ле Куанг До сдался занявшему 11-го числа того же месяца столицу Чан Као, который поручил ему заниматься «делами государства» [165.2, т.4, с.83, 84]

Однако уже 15-го числа собранные в трёх округах войска изгнали восставших из Донгкина, после чего 25-го числа император вернулся в столицу, а 27-го числа он повторно вступил на престол. В честь этого события была объявлена амнистия и провозглашён девиз правления «Славное преемствование»¹¹. Тогда же в Тэйдо был убит Ле Куанг Чи со своими двумя малолетними братьями.

Перед началом летнего наступления против восставших в 6-ом месяце 1516 г. за голову Чан Као была назначена награда. В 8-ом месяце восставшие потерпели серьёзное поражение в Донгчиеу, при этом один из их главных военачальников был захвачен в плен, отвезён в Донгкин и публично казнён. В 9-ом месяце вновь было объявлено о вознаграждении за уничтожение Чан Као и его сподвижников. Наконец, в 11-ом месяце того же года Чинь Зюи Шан, Нгуен Хоанг Зу и ряд других военачальников отправились в поход против Чан Као. В уезде Тилинь императорские войска понесли большие потери. Многие военачальники считали, что следует прекратить наступление, но Зюи Шан не прислушался к их советам, лично возглавил преследование, попал в устроенную Чан Као засаду и был пленён вместе с ещё одним

¹ Посмертное имя «император Блистательный рода [династии] Ле».

¹¹ 1516 - 1522 гг.

военачальником из рода Нгуен. Их обоих отвезли в военный лагерь Ванкиеп и там казнили. После этой победы войска Чан Као вновь подошли к крепости Бодэ, но в очередной раз были разбиты и, понеся большие потери, отступили в горные районы. Больше восставшие не осмеливались выходить за пределы горных районов, а в 1521 г. они были окончательно разгромлены Мак Данг Зунгом¹. Что же касается самого Чан Као, то известно, что после поражения в 1516 г. он передал командование войсками своему сыну Чан Кунгу и стал монахом в одной из отдалённых пагод. С этого момента о нём исчезают все упоминания в источниках.

В результате всех этих событий столица Дайвьета город Донгкинх был разорён, население страны оказалось в тяжелейшем положении, а императоры династии Ле попали в полную зависимость от враждовавших друг с другом феодальных кланов. К 1517 г. определяющим фактором стало противостояние кланов Чинь во главе с Чинь Туи и Нгуен во главе с Нгуен Хоанг Зу. Главным опорным центром первого стала крепость Латхань^{II}, а второго – слобода Донгха.

Такое положение вещей неизбежно должно было привести как к дальнейшему ослаблению власти правящей династии, так и к вмешательству в борьбу за влияние на всё больше превращавшихся в марионеток императоров Ле других представителей придворной знати. Надо полагать, что именно с этим связано стремительное выдвижение феодального рода Мак, представители которого доминировали в Дайвьете на протяжении большей части XVI в.

2.4.2. Мак Данг Зунг и возвышение феодального рода Мак в 1514 – 1527 гг.

Бывший в начале XVI в. главой феодального рода Мак военачальник по имени Данг Зунг³⁴ впервые прославился жестоким подавлением в 1514 г. восстания Ко Кхак Сьонга в

¹ См. следующий параграф.

^{II} Латхань, то есть основанная ещё Гао Пянем IX в. крепость Дайла. См. «Примечание 39» в «Комментарии» к «Главе 3» «Части II» «Тома I».

уезде Тхиентхи¹ и мятежа Чан Конг Ву, который обманом пытался заставить население военных округов Тхиенву и Тхиенбонг выступить против властей. При этом Мак Данг Зунг также сурово покарал целый ряд чиновников, в том числе – заместителя руководителя администрации Ле Тоана и судебного инспектора До Тхао, за то что они избрали «ложный путь». По его настоянию также был казнён перешедший на сторону Чан Као в 1516 г. великий советник Ле Куанг До. Когда же в 1517 г. Чан Тян, который был одним из военачальников Чинь Зюи Шана, приказал нескольким командирам собрать флот и сухопутные войска для преследования бежавшего в Тханьхоа Нгуен Хоанг Зу, то получивший от последнего письмо Мак Данг Зунг увёл своих солдат восвояси. В то же время император Помогающий [и] Поддерживающий пытался вместе со своими ближайшими советниками найти способ убить Чан Тяна. Поэтому такие военачальники Чан Тяна, как Хоанг Зюи Няк, Нгуен Кинь и Нгуен Ань, подвергли столицу разграблению. Император был вынужден просить Мак Данг Зунга привести на помощь войска из Хайзыонга для подавления мятежа. В результате все мятежники из различных районов страны, выступавшие под руководством Чинь Туи, Нгуен Киня, Нгуен Анга, Хоанг Зюи Няка, Ле Зо и других, были либо разгромлены, либо обращены в бегство Мак Данг Зунгом.

Когда же в 1521 г. Мак Данг Зунг сумел окончательно подавить мятеж Чан Као и его сына Чан Кунга на востоке страны, то император Блистательный рода обнародовал хвалебный указ, в котором, в частности, говорилось: «Династия назначила сановника столичным руководителем, командующим [всеми] сухопутными [и] водными войсками страны, [повелела] преодолеть горы [и] реки, терпеть дожди [и] ветер [и] нанести удар [по врагу с] разных направлений. Враг был разбит в уездах Фыонггян [и] Баолок, вражеские военные лагеря были сожжены, врагов обезглавливали [и] рубили [им] руки, пленили [множество] солдат врага, [но] куда

¹ Современный уезд Антхи в Хынгиене.

бы армия ни приходила, [она] нигде не посягала на имущество людей, [поэтому] все жители тех общин [нам] покорились» [165.2, т.4, с.105].

На следующий год Мак Данг Зунг подавил очередное восстание в районе Донгнга провинции Бакнинь под руководством Ле Ба Хиеу. Перманентно слабеющая власть, неработающий административный аппарат, необходимость непрерывного подавления восстаний и защиты собственного дома держали императора в постоянном страхе, вынуждая его всё большее доверяться Мак Данг Зунгу. Описывая этот период в своём труде, даже главный придворный историограф династии Ле¹ был вынужден признать: «[В то время как] сила [и] слава Данг Зунга возрастали с каждым днём, династия всё больше слабела, ... Души людей всё больше тянулись к Данг Зунгу» [193, т.III, с.260].

Готовя большой заговор, Мак Данг Зунг под предлогом защиты императорского трона клеветнически обвинил в заговоре многих придворных, вынудив императора сначала казнить таких людей из своего ближайшего окружения, как Тьы Кхай, Нго Бинь и Чинь Хьу, а затем и министра внутренних дел До Няка вместе с заместителем главного придворного историографа Нгуен Зы, которые противились всё большому переходу власти к представителям рода Мак. Кроме того, на таких верных дому Ле людей, как Нгуен Кан, Нгуен Тхо и Дам Кы, совершались покушения. В источник прямо говорится о том, что «под предлогом борьбы с врагами Данг Зунг убивает вельмож, полностью уничтожает окружение императора» [193, т.III, с.258].

Покончив с противниками и подавив крестьянские мятежи, Мак Данг Зунг поставил верных ему людей на ключевые посты при дворе и в провинциях. Так, его сын Мак Данг Зоань ведал управлением территории запретного города, его младший брат Мак Кюет командовал личной охраной [императора], его младший зять Во Хо был назначен руководителем Шонтэя, наконец, такие его близкие

¹ Ле Кюи Дон (1726 – 1784 гг.).

единомышленники, как Фам Зя Мо, Чинь Ти Шам и Нгуен Тхи Унг, заняли важные посты при дворе. Всё кончилось тем, что в 7-ом месяце 7-го года правления под девизом «Славное преемствование»¹ император Блистательный рода [династии] Ле был вынужден бежать из столицы. С этого времени начинается период беспощадной войны между Мак Данг Зунгом и оставшимися верными династии Ле придворными.

Сразу же по прибытии в Шонтэй Блистательный рода стал собирать войска и размещать их в укреплённых пунктах Шоннама и Киньбака для отпора армии Мак. Однако, хотя силы Ле были довольно многочисленными и контролировали обширную территорию, их лидеры не были едины. Они постоянно боролись друг с другом за власть и за влияние на императора.

В конце 8-го месяца Мак Данг Зунг перешёл в наступление. В результате Блистательный рода был вынужден сначала отступить в деревню Нянмук, а затем искать убежища в Тхьонгиенкюете¹¹. Зимой того же года командовавший ранее собранными в Тханьхоа войсками Чинь Туи выступил на помощь императору Ле. Но узнав, что по ложному доносу Блистательный рода казнил одного из его военачальников, Чинь Туи пришёл в ярость и вернулся в Тханьхоа. После этого ряд таких всё ещё поддерживавших династию Ле вельмож, как Зянг Ван Зу и Хоай Ан, выступили против Мак Данг Зунга в Тханьхоае, Тьыонгми и Фусюене, но все они потерпели поражение. Таким образом, Мак Данг Зунг одержал на севере стремительную победу над всеми сторонниками династии Ле. В этой безнадёжной ситуации император Блистательный рода [династии] Ле бежал в Тханьхоа, где надеялся заручиться поддержкой укрепившегося в Тэйдо рода Чинь.

Однако в то время Мак Данг Зунг ещё не решался на прямую узурпацию власти. Поэтому в 1522 г. он возвёл на престол младшего брата императора по имени Суан. Этот марионеточный император, который известен как «Император

¹ 1522 г.

¹¹ Современный Тьлием в Ханое.

Почтительный», провозгласил девиз правления «Изначальное единство»¹. Он также известен под именем «Младший [брат] императора Суан»³⁵.

Наконец, в начале 1523 г. Мак Данг Зунг перешёл к решительным действиям, повелев младшему брату Кюету и военачальнику Во Хо начать наступление на Тханьхоа. Однако вместо того чтобы защищать законного императора, Чинь Туи бежал в находившийся в горах западного Тханьхоа округ Лангтянь. Тогда в 7-ом месяце того же года Мак Данг Зунг заставил своего ставленника Суана издать указ о понижении статуса Блистательного рода, пожаловав ему при этом титул «[великий] князь Заходящего солнца». После этого, собрав в 1525 г. все имевшиеся в его распоряжении войска, Мак Данг Зунг начал решительное наступление на последнее убежище Чинь Туи, где скрывался низложенный император. Армия Чинь Туи потерпела поражение, а Блистательный рода [династии] Ле был схвачен и привезён в Донгкинх, где и был убит в 1526 г. в слободе Донгха. После этой победы Мак Данг Зунг уединился в своём родовом имении. Однако это было сделано лишь для того, чтобы оценить ситуацию. В источнике прямо говорится, что «Данг Зунг притворно оставил дела [и] вернулся в Кочай, на самом же деле [он] по-прежнему руководил [всей] политикой династии» [193, т. III, с. 264].

В 4-ом месяце года Красной Свины¹¹ Император Почтительный лично прибыл с множеством драгоценных даров в деревню Кочай уезда Нгизыонг, для того чтобы в торжественной обстановке пожаловать Данг Зунгу титул [великого] князя. Однако к тому времени его судьба уже была предрешена. В 6-ом месяце 1527 г. Мак Данг Зунг вернулся в столицу и вынудил Императора Почтительного отречься от престола. При этом для того чтобы это отречение от престола в его пользу выглядело легитимным, Мак Данг Зунг повелел постигшему Великое Учение [из] Восточного учреждения Нгуен Ван Тхаю повсеместно зачитать следующий указ: «С

¹ 1522 – 1527 гг.

¹¹ 1527 г.

конца эпохи “Покорного великому” государство столкнулось со многими бедами: Чан Као совершил мятеж, Чинь Туи устроил заговор, [чтобы] захватить трон, людские сердца покинула надежда [на лучшее], Небо также не помогало. Поэтому в то время Поднебесная не поддерживала наших правителей. Из-за малой добродетели [они] не могли нести [груз власти]. “Мандат Неба” [и] сердца народа принадлежат людям [с большой] добродетелью. Теперь же великий советник [великий] князь Умиротворённого процветания Мак Данг Зунг [– это] человек искренний [и] умный, [обладающий] всеми гражданскими [и] военными талантами, во вне уничтожил мятежников, все четыре стороны [света ему] покорились; внутри страны сто семей радуются в спокойствии, [его] добродетель очень высока, Небо [и] народ [его] поддерживают. Теперь [же для] соблюдения обряды следует уступить [ему] трон. Так исправим добродетель [и] надолго сохраним “Мандат Неба”, [чтобы] люди жили в спокойствии. Надеюсь, что почтительно последуете [этим словам]» [193, т. III, с. 264, 265]. После этого Мак Данг Зунг официально принял титул императора¹ и провозгласил девиз правления «Светлая добродетель»^{II}. Интересно, что даже в придворном летописном своде династии Ле отмечается, что «в то время все люди страны поддержали Мак Данг Зунга, встретили [его в] столице» [165.2, т. 4, с. 118]. Что же до императора Ле Суана, то его конец вполне логичен: после отречения он был заключён в тюрьму, а затем спустя короткое время – убит.

Став императором, Мак Данг Зунг совершил согласно традиции обряд жертвоприношения культа Южной стороны и объявил «великую амнистию». После этого в Хайзыонге была возведена крепость Зыонгкинъ (Солнечная столица) с дворцами Фуххюи (Счастье [Небесного] света) и Хынгкуок (Государственное процветание). На родовых землях клана Мак в Кочае также были построены многочисленные дворцы.

¹ Посмертное имя «Великий Предок [династии] Мак».

^{II} 1527 – 1529 гг.

Дайвьет в эпоху Северной (Мак) и Южной (Ле) династий (1527 – 1599 гг.)

1. Становление и развитие Северной династии Мак

Известно, что вьетнамские феодальные историографы рассматривали Мак Данг Зунг как узурпатора и подвергали безжалостной критике все свершения династии Мак.

Мак Данг Зунг убивает императора Ле.

Лубок, конец XIX – начало XX в.

Надо отметить, что эта точка зрения господствовала и в современной исторической науке вплоть до недавнего времени. Однако за последние десять – пятнадцать лет указанная оценка принципиально изменилась. В настоящее время подавляющее большинство учёных СРВ полагает, что «за время своего существования династия Мак внесла заметный вклад в развитие культуры, мысли и экономики страны» [1440, с.513].

Насчитывающая всего шесть императоров династия Мак просуществовала 65 лет (1527 – 1592 гг.). В то же время

бежавший в Айлао лидер феодального клана Нгуен¹ объявил в 1533 г. последовавшего за ним члена свергнутой династии Ле Сюи Ниня легитимным императором Ле, который объявил девиз правления «Изначальное согласие». Затем, в 1543 г., Нгуены захватили ставшую форпостом борьбы с Маками за реставрацию династии Ле провинцию Тханьхоа. Поэтому в ряде научных трудов говорится об эпохе Северной династии Мак и Южной династии Ле¹¹.

1.1. Основные мероприятия династии Мак

В течении первых лет после своего воцарения династия Мак сумела подавить все выступления сторонников династии Ле, направленные на реставрацию последней. Тем не менее им по-прежнему противостояли три крупных феодальных клана. Один во главе с Нгуен Кимом в Айлао, второй во главе с братьями Чинь Нгунгом и Чинь Нгангом в Тхайнгуене и третий во главе с Ву Ван Уиеном в Туенкуанге. Согласно оценке Ле Кюи Дона, «Вся полоса [территорий, образованная] районами Тхань[хоа], Нге[ана], Туен[куанга и] Хынг[иена], не подчинялась Макам» [193, т. III, с. 275]. А из этого следует, что власть Маков распространялась на территорию, которая была значительно меньше территории всего Дайвьета и, судя по всему, ограничивалась низменностью Северного Вьетнама. Наконец, следует подчеркнуть что Мак Данг Зунг опирался в своей политике прежде всего на военную силу и насилие, что было вполне естественно в той ситуации [235, с. 118].

Также вполне очевидно, почему Мак Данг Зунг создал свою систему управления по образу и подобию созданной императором Совершенным рода [династии] Ле организации государственной власти. Так, при его дворе существовали те же министерства и ведомства с тем же набором гражданских и военных чиновничьих должностей. Такой же была и структура административного деления государства, начиная от военного округа и кончая общиной [213.1, т. 3; 1306.4, с. 427]. Ничего не

¹ Нгуен Ким.

¹¹ Смотри «Таблицу №2» в «Томе VI».

изменил Мак Данг Зунг и в судебной-законодательной системе, которая по-прежнему строилась на «Кодексе [законов эры] “Великой добродетели”». В то же время он предпринял попытку привлечь на свою сторону элиту прежней династии. Так, среди 56-ти назначенных на высшие должности чиновников династии Мак было немало лауреатов конкурсных испытаний и представителей знати и крупного чиновничества эпохи Ле. Кроме того, в 1528 г. Мак Данг Зунг повелел уточнить законы династии Ле, связанные с трудовой и воинской повинностями, земледелием и вознаграждением чиновникам.

Однако в условиях постоянной военной угрозы Мак Данг Зунг просто не имел возможности осуществить какие-то принципиальные реформы. Поэтому его единственно реальным мероприятием стала реорганизация армии, которая диктовалась необходимостью повышения боеспособности войск в начавшейся в 1543 г. войне с опиравшимся на авторитет легитимной династии Ле феодальным кланом Нгуен.

Согласно источникам, Мак Данг Зунг учредил четыре элитные части, или «обороны»: Государственного процветания, Воинской доблести, Парчëвая [и] Золотая личная. В первую набирались воины из Хайзюнга, во вторую – из Шоннама, в третью – из Шонтэя, наконец, в четвёртую – из Киньбака.

«Оборона» являлась составной частью «управления». В «управлении» был 1 главнокомандующий, 1 командующий, объединяющий управление, 1 главный инспектор [по] военным делам, 10 срединных советников и 1100 срединных воинов. «Управление» состояло из 22 «крыльев», каждое из которых делилось на 5 «десяток». Во главе каждой из них стоял командир десятки. Также была проведена проверка соответствия званиям и должностям личного состава оборон, опор и управлений. Наконец, помимо войск военных округов были созданы подразделения прямого подчинения пяти дворцам, или штабам [193, т.1, с.321; 235, с.51].

Таким образом, сохранившая основные особенности организации вооружённых сил династии Ле структура армии

Мак стала более мобильной и тем самым была адаптирована к требованиям войны с феодалными кланами.

1.2. Отношения с династией Мин

В 1527 г. минский двор узнал от бежавших в империю после захвата власти Мак Данг Зунгом сторонников династии Ле новость о произошедших в Дайвьете событиях. Поэтому, когда в 1528 г. в столицу Поднебесной прибыло посольство от Мак Данг Зунга, который сообщал о том, что взял на себя «управление народом, поскольку у рода Ле не осталось наследников», император Мин ему не поверил [165.2, т.4, с.121]. Надо полагать, что имперским правителям хотелось воспользоваться таким положением вещей и провозгласить, подобно тому, как это произошло в 1407 г., лозунг «Поможем Ле, уничтожим Мак»¹, но ситуация в самой империи не благоприятствовала этому. На севере над ней нависла угроза монгольского вторжения, а на востоке её приморские территории подвергались набегам племён *нюикхоу*^{II}. Помимо этого в империи происходили народные волнения, а при дворе шла ожесточённая борьба феодальных группировок за власть. Поэтому было принято решение о пожаловании Мак Данг Зунгу инвеституры и принятии от него традиционной дани.

В 1529 г. Мак Данг Зунг, приняв титул «Старший [над] императором», передал по примеру императоров династии Чан трон своему сыну Мак Данг Зоаню. Тем не менее он сохранил в своих руках всю полноту власти. Судя по всему, у Мак Данг Зунга не было сомнения в том, что в случае определённой стабилизации ситуации в империи, Мины начнут военные действия. Поэтому, с одной стороны, он готовился к войне с империей, а с другой – стремился приобрести союзников на её сопредельных с Дайвьетом территориях. Так, например, Данг Зунг направил своего эмиссара Нгуен Ван Тхая в провинции

¹ Как известно, минское вторжение в Дайнгу в 1407 г. проходило под лозунгом «Поможем Чан, уничтожим Хо». Смотри «Параграф 1.2» предыдущей главы.

^{II} Японские племена. Вьетнамцы иногда так называли *айнов*.

Гуандун и Гуанси¹ и в округа Лянь и Цинь с целью подкупа местных чиновников. В своём труде Ле Кюи Дон отмечает, что в то время «восстанавливались военные лагеря, укреплялся флот, отовсюду собирались прежние придворные и старые военачальники для обсуждения государственных дел» [235, с.277]. И действительно, угроза большой войны становилась всё более ощутимой.

В начале 1537 г. император Старший рода [династии] Мин поручил объединяющему командование Цзю Луану и военному министру Мао Бовэню провести мобилизацию войск в провинциях Юньнань, Гуанси, Гуандун и Фуцзянь на южных границах империи. Однако на прямое вторжение Мины всё же не решились. Вместо этого имперские стратеги приняли решение воспользоваться гражданской войной в Дайвьете и, оказав психологическое давление на Мак Данг Зунга, усилить там свои позиции. Вслед за этим решением последовал указ, в котором говорилось: «Прекратить [подготовку] военного наказания Аньнани. Повелеваем всем губернаторам Юньнани, Гуандуна и Гуанси тщательно изучить внутреннее положение [в] южной стране, [а затем в] зависимости от обстоятельств принудить [к подчинению] или уничтожить» [1306.4, с.438].

В 1539 г. губернатор Гуанси Цзян Ицзюнь направил Мак Данг Зунгу ультиматум с требованием о том, что тот должен подать императору Мин прошение «о капитуляции»¹¹. После этого он распространил в пограничных с империей горных районах Дайвьета 1400 прокламаций следующего содержания: «Если кто добровольно подчинит [Мин] малую провинцию, то тут же получит [эту] провинцию [в управление]; если кто добровольно подчинит округ [или] уезд, то тут же получит этот округ [или] уезд [в управление, кроме того он] получит вознаграждение [в] 186 кг¹¹¹ серебра». Он также обратился к племенным вождям с призывом выдать Минам Мак Данг

¹ В источнике сказано, «в оба Гуан».

¹¹ Имеется в виду прошение о включении подвластных Макам территорий в состав империи.

¹¹¹ В тексте сказано «5000 лангов». Смотри «Таблицу №3» в «Гоме VI».

Зунга, пообещав за это титул и вознаграждение в 372 кг¹ серебра [1304.3, с.11].

Лангшон. Перевал на вьетнамо-китайской границе.

Южные ворота крепостной стены. XVI в.

Фотография 20-х годов XX в.

Архив Музея Истории. Ханой. 18.04.2011 г.

В 1540 г. Ляо Цзунь был назначен вместо Цзю Луана Мины главнокомандующим приграничными войсками для имитации начала активной фазы подготовки к вторжению, которое на самом деле даже не планировалось. Однако Мак Данг Зунг и не располагал реальной информацией о том, что происходит в империи. Поэтому, не имея возможности вести войну на два фронта^{II}, он выбрал наименьшее из зол.

3-го числа 11-го месяца 1540 г. Мак Данг Зунг вместе с детьми и придворными Нгуен Ньы Куе, До Тхе Кханем и Данг Ван Чи лично прибыл в торговый центр Намкуан на границе с империей Мин, имея при себе подворные реестры всей страны. В результате было подписано мирное соглашение, в котором, в частности, говорилось: «Представлены реестры земель, округов и населения для разграничения. Поднесены горные

^I В тексте сказано «10000 лангов». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

^{II} К тому времени армия выступавшего на юге от имени императора Ле клана Чинь уже представляла собой внушительную силу.

уезды Тефу, Кимлак, Кошам, Лиеукат, Анлыонг и Лафу округа Виньиен горной зоны Иенкуанг, которые были включены в состав округа Цинь» [165.2, т.4, с.131, 132]².

Получив от прибывшего в Яньцизи¹ вьетнамского посольства это соглашение и просьбу о мире, Старший рода [династии] Мин понизил статус Дайвьета с «государства» до «губернаторства», объявил его вассальной территорией империи, признал легитимность перехода власти от династии Ле к роду Мак, пожаловал узурпатору Мак Данг Зунгу титул «Руководитель губернаторства Аньнань» и обязал его один раз в три года присылать дань ко двору Мин.

1.3. Дайвьет во 2-ой четверти XVI в.

1.3.1. Первые выступления сторонников династии Ле в начальный период правления династии Мак

Восшествие династии Мак на престол сопровождалось неприятием её власти многими сановниками династии Ле, которые следовали конфуцианскому принципу «срединной [верности] государю».

Следует отметить, что при всём многообразии форм сопротивления всё протестное движение сводилось к двум его основным видам: отставка и уединение в родовом владении в провинции и активное противостояние узурпатору, как правило, в виде вооружённых выступлений, которые происходили в различных районах Северного Вьетнама.

Так, в 1529 г. придворные династии Ле из Тхайнгуена братья Чинь Нгунг и Чинь Нганг бежали в империю. Они сообщили минскому двору о том, что произошло в Дайвьете, и просили у него помощи в борьбе за восстановление власти законной династии. Однако Мак Данг Зунг сумел интригами добиться того, что оба брата были убиты на чужбине. Тем не менее именно их обращение, равно как и просьбы ещё целого ряда других сановников династии Ле привело минских стратегов к мысли о новом покорении Дайвьета.

¹ Пекин.

Также известно, что приблизительно в то же самое время некий Ву Ван Уиен из Хайзыюнга захватил Туснкуанг, однако и он не смог оказать серьёзного сопротивления Макам.

Однако главным центром выступлений сторонников свергнутой династии Ле стала провинция Тханьхоа. Последнее неудивительно, так как эта провинция была родиной Ле Лоя и традиционно являлась главной опорой основанной им династии. Одним из примеров такого выступления может служить произошедшее в Тханьхоа восстание заместителя командующего Хоанг Конг Тяна. Сначала он присоединился к Макам, за что получил титул графа Восточных приливов, но затем выступил против Маков. В то время под командованием Конг Тяна находилось большое количество боевых судов и приданных им войск, которые стояли на реке Нягле. Маки быстро подавили это восстание, а сам Хоанг Конг Тянь был схвачен, доставлен в Донгкин и казнён.

Интересно отметить, что Тханьхоа являлось центром притяжения сторонников династии Ле и из других провинций Дайвьета. Так, например, маркиз Хунгшона¹ из Шондонга с несколькими сотнями своих родственников и приближённых обосновался в Тханьхоа для сопротивления Макам. Спустя несколько месяцев Мак Данг Зоань отправил против него войска, занявшие позиции у деревни Нгаукхуан напротив лагеря повстанцев. Однако до сражения дело так и не дошло, так как маркиз скончался от болезни, а лишившиеся предводителя его люди не оказали серьёзного сопротивления войскам Маков и были легко рассеяны [193, т. III, с. 268 – 276].

В связи со сказанным следует отметить, что в то время сторонники династии Ле ещё не имели лидера и не были объединены в единую силу. Поэтому их первые выступления в Тханьхоа были малочисленными, при этом они, как правило, вспыхивали стихийно.

Помимо вышеупомянутых к относительно серьёзным восстаниям того времени можно отнести ещё три выступления

¹ Название этой местности в уезде Шондонг можно перевести как «Горы [королей] Мужественных».

сторонников династии Ле, первое из которых произошло практически сразу после восшествия Мак Данг Зунга на престол. Вот как его описывает в своей истории Дайвьета Ле Кюи Дон:

«Во 2-ом месяце года Чёрной Змеи¹ человек уезда Лойзыонг, внук старого придворного Ле Ван Линя, маркиз Битькхе Ле Конг Уиен вместе с Нгуен Нга [и] Нгуен Тхо Чыонгом поднял войска [и] напал на [укрепления в] устье реки Тютюок, [но] был разбит. [Он] бежал в Тханьхоа, [где] собрал народ [и] поднял знамя умиротворения [узурпаторов Мак]» [193, т. III, с. 267, 268].

Ле Конг Уиен называл своё войско армией династии Ле, выступившей против узурпаторов Мак. К нему также присоединился целый ряд сторонников свергнутой династии, в частности – происходивший из Куангнама некий Нгуен Няи Лиен. Однако отряды повстанцев не только были плохо организованы, но и грабили местное население, а потому не пользовались его поддержкой. Поэтому когда подошли войска Мак Данг Зунга, то один из сообщников Ле Конг Уиена по имени Ле Тхиеу тайно приказал своему слуге его убить, после чего восстание было быстро подавлено [193, т. 3, с. 267 – 270].

Второе – это восстание под командованием Ле Туан Киета^{II}, который, будучи простым солдатом, дослужился до чина верховного правителя. После свержения династии Ле он вернулся домой. Однако знавший о его военных талантах Мак Данг Зунг отправил к нему гонцов с золотом и серебром и предложением титула [великого] князя, но получил отказ. Более того, намереваясь выступить против узурпатора, Ле Туан Киет собрал под своим командованием конных воинов. Однако его конница была быстро рассеяна значительно превосходящими её в количественном отношении силами армии Мак.

¹ 1528 г.

^{II} Ле Туан Киет был родом из деревни Таннинь уезда Чиеушон провинции Тханьхоа.

Самым же серьёзным из первых выступлений против Маков было восстание Ле И¹, который, отказавшись признать власть узурпатора, в 1530 г. бежал в Тханьхоа, где основным центром его восстания стал округ За. В Тханьхоа он получил широкую поддержку, благодаря которой сумел в течении месяца сформировать армию, насчитывавшую несколько десятков тысяч человек.

Организовав военный лагерь и построив укрепления в районе реки Ма, Ле И провозгласил весной 1530 г. девиз правления «Славное преествование».

Мак Данг Зунг попытался сразу же покончить с мятежниками. Уже в 5-ом месяце того же года во главе армии из нескольких десятками тысяч солдат он напал на Ле И, но, потерпев неудачу, был вынужден вернуться в Донгкин, оставив у реки Тонгзынг заслон в виде небольшого войска под командованием Мак Куок Чиня.

Благодаря этой победе войска Ле И в 8-ом месяце захватили Тэйдо и стали лагерем на реке Ло. Однако уже в следующем месяце армия Маков под командованием Мак Данг Зоаня снова вторглась в Тханьхоа. Сосредоточив свои силы на берегу реки Нгузынг, он разделил их на флот и сухопутную армию, окружил крепость Тэйдо и стал готовиться к её штурму.

Надо полагать, что Ле И предвидел такое развитие событий и заранее подготовил план обороны, расположив свои войска у реки Далок. Когда наступила ночь, передовые отряды его армии скрытно вышли к притоку реки Ма реке Иеншон, где стояли 200 военных кораблей флота Мак Куок Чиня. Захваченные врасплох экипажи и солдаты флота Мак бросили корабли и бежали на берег, где понесли большие потери. В то же время основные силы Ле И перехватили сухопутную армию противника в районе Донгбанг – Иендинь, уничтожив в этом сражении более 10000 его солдат. Потерпев сокрушительное поражение, Мак Данг Зоань бежал в Донгкин.

¹ Ле И был сыном принцессы Ан Тхай и внуком последнего императора Ле по материнской линии.

Пушка для стрельбы каменными ядрами. Начало XVII в.
Музей истории. Ханой. 18.04.2011 г.

После этой победы Ле И увёл объединённые войска в свой основной лагерь в округе За. Однако он был так уверен в том, что противник уже ни на что не способен, что даже не позаботился об укреплении лагеря, оставшегося без серьёзной защиты, когда большая часть войск ушла для пополнения запасов продовольствия в отдалённые районы. Узнавший об этом Мак Куок Чинь неожиданно напал на лагерь всего лишь с 50 судами и небольшим отрядом элитных войск. Лагерь охватила паника, и только сам Ле И со своей личной гвардией сопротивлялся до последнего. Таким образом, восставшие потерпели поражение. Одни остались в Тханьхоа, другие разбежались по домам, третьи ушли в Айлао и присоединились к Нгуен Киму. Сам же Ле И был пойман, доставлен в столицу и казнён [165.2, т.4, с 123 – 127].

1.3.2. *Нгуен Ким и возникновение Южной династии*

Происходивший из уезда Хачунг провинций Тханьхоа, Нгуен Ким издавна был военным из семьи потомственных

чиновников династии Ле. Его старший брат Нгуен Хоанг Зу в правление императора Помогающего [и] Поддерживающего получил титул государственного князя³ Наказаний. Сам же Нгуен Ким уже получил ко времени свержения династии титул маркиза Прочного умиротворения вместе со званием правого [командующего] гвардией металлического дворца.

Как и многие придворные свергнутой династии, Нгуен Ким не покорился Макам, а бежал вместе с женой и ребёнком в Тханьхоа. В 1529 г. он перебрался в Айлао, где ему оказал помощь король Ша Доу, отдавший в его распоряжение население и земли округа Шам, для того чтобы тот мог обеспечить своих воинов всем необходимым [165.2, т.4, с 123]. Следует указать на то, что Нгуен Ким, видимо, понимал всю бессмысленность неорганизованных выступлений. Поэтому он и принял решение собирать силы в Айлао и одновременно с этим заниматься поиском малолетнего потомка династии Ле, которого можно было бы провозгласить императором, сделав символом борьбы с узурпаторами Мак.

Замысел Нгуен Кима полностью себя оправдал. Под его знамёна стали стекаться многие потерпевшие в Тханьхоа поражение сторонники династии Ле. В результате к концу 1530 г. в распоряжении Нгуен Кима уже было войско, состоявшее из нескольких тысяч солдат, 30 боевых слонов и 300 всадников.

В 12-ом месяце года Белого Тигра¹ под давлением своих офицеров он вторгся в Тханьхоа, где дислоцировал свои войска в Лойзыонге. Однако Нгуен Ким ещё не располагал достаточными силами для успешной войны с Маками. Поэтому вскоре он потерпел поражение от одного из военачальников Мак Данг Зунга и был вынужден вернуться в Айлао. Однако весной года Белой Кошки¹¹ отряды Нгуен Кима вновь спустились из Айлао в Тханьхоа по реке Тю, где столкнулись с посланными против них Мак Данг Зунгом войсками под началом поместного князя Запада Нгуен Киня. В

¹ 1530 г.

¹¹ 1531 г.

первом же сражении войско Маков потерпело жестокое поражение, потеряв убитыми и пленными несколько сот человек, при этом Маки утратили контроль над уездами Лойзьюнг и Донгшон. Продолжая развивать наступление на север, Нгуен Ким также подчинил себе уезды Зявиен и Диемзу. После такого поражения армия Мак была вынуждена отступить [193, т. III, с. 275].

Однако, когда наступил сезон дождей в 10-ом месяце того же года, Нгуен Кинь предпринял повторное наступление против войск Нгуен Кима. Из-за обильных дождей и подъёма воды в реке Нгуен Ким остался без продовольствия, тогда как армия Мак шла на боевых кораблях, остановить продвижение которых Нгуен Ким не имел никакой возможности. Поэтому он был вынужден вернуться с войсками в Айлао, но при этом и Нгуен Кинь не решился на дальнейшее наступление вглубь территории Тханьхоа.

Наконец, после многих лет упорных поисков в конце 1532 г. Нгуен Ким нашёл сына императора Блистательно рода [династии] Ле по имени Ле Зюи Нинь. Весной 1533 г. он был провозглашён императором Ле в горном центре Тхюитхуан. Реально руководивший же всем Нгуен Ким был назначен князем Процветания, великим советником, верховным [вершителем] дел, а его приближённые и сподвижники получили высокие титулы и должности. Взойдя на престол, Ле Зюи Нинь, который известен под посмертным именем «Степенный рода [династии] Ле», провозгласил девиз правления «Изначальное согласие»¹. Одновременно с этим в Яньцзин было отправлено посольство во главе с Чинь Зюи Лиену, который должен был сообщить имперским властям о произошедших событиях и обратиться к ним с просьбой о помощи. Таким образом, лозунг «Поможем Ле, уничтожим Мак» наполнился реальным содержанием, хотя сам по себе Ле Зюи Нинь лишь является первым из всей череды

¹ 1533 – 1548 гг.

«марионеточных» императоров эпохи борьбы за реставрацию власти династии Ле.

Как уже отмечалось, в первые годы своего правления Маки не располагали достаточными силами для захвата земель южнее провинции Тханьхоа, а также горных районов Хынгхоа и Туенкуанг, которые стали центром притяжения оппозиционных сил. Поэтому после подавления основных выступлений сторонников Ле в Тханьхоа Мак Данг Зунг назначил своим эмиссаром в эту провинцию Зыонг Тяп Нята, присвоив ему титул маркиза Срединного осведомителя¹. Однако вскоре после этого он разделил Тханьхоа на две части, передав семь уездов среднегорья и равнины под начало Ле Фи Тхыа. Но, судя по всему, эти назначения не оказали существенного влияния на развитие ситуации, так как когда в 1533 г. поднявший восстание младший охранитель Нгуен Нян Лиен захватил район Тхуанхоа, Мак Данг Зоань, несмотря на неоднократные попытки, так и не смог сломить сопротивление мятежников.

Более того, сам факт того, что Нгуен Ким выступает вместе с легитимным императором династии Ле, привёл к стремительному росту его сил. К его армии присоединялись не только бывшие чиновники и сановники свергнутой династии, но и простые общинники и даже военачальники узурпатора. Так, в 1537 г. назначенный Мак Данг Зунгом управлять стратегическими районами Тханьхоа Ли Фи Тхыа признал власть императора Степенного рода, о чём послал сообщение к его двору в Айлао. Воспользовавшись этим, Нгуен Ким приказал своему зятю поместному князю Поддерживающему Чинь Киему овладеть уездом Лойзыонг с примыкающими к нему территориями для подготовки к освобождению Тэйдо. Интересно отметить, что при этом армия Мак ушла из Лойзыонга без боя. Наконец, в 1540 г. собрав значительные силы, Нгуен Ким захватил провинцию Нгеан, после чего двинулся на Тханьхоа.

¹ Этот титул также может быть интерпретирован как «маркиз Придворный разведчик».

В то время династия Мак столкнулась с серьёзными внутренними и внешними проблемами. Так, в том же 1540 г. скончался Мак Данг Зоань, и старший [над] императором Мак Данг Зунг возвёл на престол его сына Мак-фук Хая. Тогда же давление минского двора на Мак Данг Зунга достигло максимального уровня, что вынудило его пойти на заключение мирного договора на условиях империи¹. Очевидно, что, не говоря уже о последствиях поражений в Тханьхоа, такая капитуляция перед имперскими стратегами вызывала недовольство даже в ближайшем окружении Мак Данг Зунга. Поэтому многие представители знати переходили на сторону императора Ле и Нгуена Кима, слава которого постоянно росла.

Весной 1542 г. Нгуен Ким предпринял решительное наступление в Нгеане и Тханьхоа, а в конце 1543 г. нанёс поражение армии Мак Тинь Чунга в битве за Тэйдо. В результате командовавший крепостью Зыонг Тяп Нят был вынужден её оставить. Успехам сил Ле – Нгуен даже не смогла помешать неожиданная измена военачальника Чинь Конг Нанга, который в 1543 г. выступил против династии Ле и попытался овладеть провинцией Куангбинь. И хотя ему удалось захватить ряд уездных центров, он потерпел в нескольких сражениях поражение от Чинь Киема и, в конце концов, был убит.

В 4-ом месяце 1545 г. после захвата Нгеана и Тханьхоа Нгуен Ким послал войска на север, где они разоряли базы противника в провинции Шоннам. Но случилось так, что 20-го числа 5-го месяца 1545 г. Нгуен Ким был отравлен предателем по приказанию всё того же Зыонг Тяп Нята в уезде Иенмо провинции Ниньбинь. Неудивительно, что после его смерти наступление захлебнулось и армия Ле была вынуждена вернуться в Тханьхоа. Тогда император Мак-фук Хай решил воспользоваться благоприятным моментом и в 9-ом месяце того же года направил войска для захвата походного лагеря

¹ Смотри выше «Параграф 1.2» настоящей главы.

императора Ле. Однако в сражении на реке Футян Чинь Кiem и Степенный рода во главе отборных войск разгромили армию Мак. После этой победы император пожаловал Чинь Киему титул «государственный князь Советник» и назначил его главнокомандующим вместо Нгуен Кима.

В 1546 г. Чинь Кiem основал походный дворец императора в горном центре Ванлай¹. После чего он возвёл вокруг него укрепления, превратив это место в столицу сторонников реставрации династии Ле. Там же находился торговый рынок и центр проведения конкурсных испытаний, а также был сооружён алтарь культа Южной стороны для поклонения духам Неба и Земли⁴.

Фактически это событие знаменует собой реальное возрождение династии Ле с её чиновничьим аппаратом и придворными обрядами. В результате единый Дайвьет оказался разделённым на две части. Территория Тханьхоа и земли к югу от этой провинции находились под властью династии Ле, а территория Ниньбиня и земли к северу от этой провинции – под властью династии Мак. Лишь с этого момента можно считать, что принятое в современной исторической науке противопоставление Южной (Ле) и Северной (Мак) династий во Вьетнаме 2-ой половины XVI в. становится в полной мере справедливым.

Правда, горный район южного округа Хоа по-прежнему контролировал военачальник Маков по имени Хоанг Бой, который был убит лишь в 1554 г. Только тогда все ещё остававшиеся на юге военачальники Северной династии покорились Южной. Сразу после этого император Ле назначил руководителя горной провинции для управления пограничным с Тямпой районом Тхуанхоа. При этом следует отметить, что полный контроль над горными районами этой провинции удалось установить только Нгуен Хоангу в самом конце XVI – начале XVII в.¹¹.

¹ Ванлай находился в уезде Тхосуан провинции Тханьхоа.

¹¹ Смотри ниже «Параграф 2».

1.4. Войны между Южной и Северной династиями

В целом всю 2-ую половину XVI в., в течении которой с переменным успехом шли войны между Южной и Северной династиями, представляется возможным разделить на три периода: 1546 – 1569 гг., 1570 – 1583 гг. и 1584 – 1592 гг.

Кроме того, сразу необходимо указать на два момента, о которых косвенно уже говорилось.

Во-первых, Южная династия Ле на самом деле лишь являлась «ширмой», тогда как всем от её имени управлял сначала род Нгуен в лице Нгуен Кима, а затем род Чинь в лице Чинь Киема. Кончина императора Степенного рода [династии] Ле и восшествие на престол его сына Ле Сюи Хюена¹ в 1-ом месяце года [Самца] Зелёной Обезьяны¹¹ ничего не изменили. Таким образом, 1546 г. можно считать датой начала эпохи господства государей Чинь при дворе династии Ле.

Во-вторых, сам ход войны зачастую определялся не военными факторами, а внутренней борьбой за власть между феодалными группировками при дворах обеих династий.

1.4.1. 1546 – 1569 гг. Период наступления Южной династии на север

А. Противоречия, заговоры и борьба за власть при дворе династии Мак

Как уже отмечалось, даже историографы династии Ле признавали, что с приходом к власти династии Мак в Дайвьете установились спокойствие и порядок. Они также отмечают, что на дорогах прекратились грабежи купцов, население общин жило спокойно, а благодаря хорошим урожаям в стране не было голода [165.2, т.4, с.126].

Безусловно, из-за постоянных столкновений со сторонниками династии Ле и вмешательства в дела севера империи Мин стабильность их правления была достаточно относительной, однако по-настоящему она была нарушена с кончиной старшего [над] императором и основателя Северной

¹ Посмертное имя «Срединный рода [династии] Ле».

¹¹ 1548 г.

династии Мак Данг Зунга. Закончилась же она со смертью Мак-фук Хая и восшествием на престол его малолетнего сына Мак-фук Нгуен в 1546 г.¹ В результате вся власть оказалась в руках его дяди Мак Кинь Диена, группировке которого противостояла группировка великого советника Фам Ты Нги, стремившегося возвести на престол Мак Тинь Чунга. Следует отметить, что последний имел все основания претендовать на престол, так как он был сыном Мак Данг Зунга и неоднократно участвовал в сражениях со сторонниками династии Ле. Однако победила группировка Мак Кинь Диена, ставшего регентом при малолетнем императоре.

Однако Фам Ты Нги не согласился с этим и вместе с единомышленниками увёз Мак Тинь Чунга в укрепление Хоазьонг уезда Нгытхиен¹¹, чтобы провозгласить последнего императором и основать «свою» династию Мак. Поэтому его противники побоялись перенести главную резиденцию Мак-фук Нгуена в Донкин и по-прежнему оставались вместе со «своим» императором за его пределами.

Мак Кинь Диен и Нгуен Кинь неоднократно пытались разбить войска Фам Ты Нги, но каждый раз – безрезультатно. Наконец, Мак Кинь Диен сумел договориться об объединении сил с государственным князем Свершений Ле Ба Ли, после чего им удалось разгромить войска Фам Ты Нги в Нгытхиен. Тогда Ты Нги вместе с Мак Тинь Чунгом ушёл в Иенкуанг, откуда совершал вторжения в имперские провинции Гуандун и Гуанси. В результате этих вторжений в обеих провинциях Гуан сложилась такая напряжённая ситуация, что император Мин был вынужден направить туда войска для изгнания отрядов Ты Нги. Всё кончилось тем, что в 1551 г. Фам Ты Нги был схвачен и убит в Иенкуанге, после чего в провинциях Шоннам и Хайзьонг установилось спокойствие.

Однако вскоре после подавления мятежа Фам Ты Нги группировка Мак Кинь Диена столкнулась с выступлением своего бывшего союзника государственного князя Великих

¹ В то время Мак Фук Нгуену было всего 5 или 6 лет.

¹¹ Современная провинция Тхайбинь.

жертвоприношений Ле Ба Ли, вся семья которого занимала важные посты при дворе династии Мак. Так, его старший сын, поместный князь Реестров Кхак Тхан, был руководителем верхнего Шоннама, его младший сын, маркиз Великой преданности, был командующим гвардией Запретного дворца, его приёмный сын, маркиз Лево́й [стороны] престола, был командующим Парчёвой личной гвардии, его зять, маркиз Руководитель литературы, Нгуен Кюен был командующим обороны Южной помощи, а свояк, поместный князь Записей Нгуен Тхиен, был министром внутренних дел. В итоге занимавший столь высокие должности клан Ле превратился в самостоятельную, обладавшую почти неограниченной властью феодальную группировку. При этом особенно независимо себя вёл правивший в Шоннаме высокомерный Кхак Тхан.

Вероятно, после подавления восстания Фам Ты Нги в Нгытхиене Ле Ба Ли со своим кланом приобрёл ещё большее влияние при дворе императора Мак, что не могло не вызвать недовольства регента. Поэтому в конце 1550 г., последовав советам приближённых, Мак Кинь Дисен послал ночью людей в его резиденцию. Однако Ле Ба Ли узнал об этом и, призвав на помощь всех своих детей и внуков, занял вместе со своим родственником Нгуен Тхиеном оборону. В результате его зять Нгуен Кюен во главе 6000 воинов занял позиции в дельте реки Тютюк. Кроме того, Кхак Тхан также привёл на помощь отцу своих воинов из Шоннама. В столице Северной династии воцарился хаос, и Мак-фук Нгуен был вынужден повторно бежать в крепость Бодэ в Зяламе. После этого он попытался хитростью убедить Ба Ли отозвать войска, но из этого ничего не вышло. Тогда Мак-фук Нгуен призвал на помощь войска военачальников из провинций, но Ле Ба Ли с помощью Нгуен Кхай Кханга разгромил посланные против него императором войска. После этого Ле Ба Ли вместе со всей своей семьёй, военачальниками и 14000 воинами из юго-западных военных округов ушел в Тханьхоа и присоединился к Южной династии. Его союзник Нгуен Кхай Кханг также прибыл с 3000 воинов в

походный дворец императора Ле, где все они были встречены с почетом и уважением.

Мятежи Фам Ты Нги и Ле Ба Ли привели к кризису власти Северной династии. Её чиновники находились в состоянии страха и смятения, при этом ещё около 2000 солдат и офицеров перешли вслед за Ле Ба Ли и Нгуен Кхай Кхангом на сторону Южной династии. Всё это значительно ослабило силы династии Мак. Ситуация также усугублялась тем, что император Мак-фук Нгуен был ещё мал и всеми делами от его имени заправлял регент. Соответственно Мак Кинь Диен был вынужден как возводить новые укрепления в Шоннаме, так и заниматься проблемой усиления обороны столицы. Всё это происходило на фоне продолжавшихся ударов войск Южной династии по позициям армии Мак, которая с трудом сдерживала продвижение противника на север. В результате династия Мак оказалась на грани катастрофы.

В. Основные операции войск Южной династии в войне против Севера

Ранее уже отмечалось, что после смерти Нгуен Кима вся власть при дворе Южной династии оказалась в руках Чинь Киема, основавшего в 1553 г. походный дворец императора Ле на левом берегу реки Тю в районе Ванлай – Иенчюнг. «Де-факто» там возникла столица сторонников династии Ле с административными учреждениями, центрами конкурсных испытаний, тысячами жилых домов и оживлёнными рынками. В результате провинция Тханьхоа превратилась в реальный экономический и культурный центр возрождённой династии Ле. Тогда же великий советник Чинь Кием перенёс штаб армии на свою родину в общину Биентхюнг уезда Виньлок [1305.1, с.156].

Всё это вело к укреплению позиций Южной династии, чему способствовало и связанное с внутривластными конфликтами начавшееся в середине XVI в. ослабление Северной династии. Поэтому нет ничего удивительного в том,

что Чинь Кiem воспользовался благоприятным моментом для нанесения ударов по позициям противника.

Крепость Мак. Внешняя стена.
Тэйнгун. 26.03.2011 г.

В 5-ом месяце 1551 г. армия Ле осуществила нападение на Донгкин, в котором участвовали два прежних полководца династии Мак – Ле Ба Ли и Нгуен Кхай Кханг. Войска первого вторглись в Шоннам, а второго – в Шонтэй. Кроме того, Чинь Кiem сумел договориться с контролировавшим Туенкуанг и воевавшим с Маками ещё со времён Мак Данг Зунга племенным вождём Ву Ван Матом о том, что тот поможет провести войска через горный район на равнину. В 6-ом месяце их объединённые силы спустились по реке Тхаохоп на низменность, образовав вместе с войсками Ле Ба Ли и Нгуен Кхай Кханга три клина нападения на столицу. Захваченная врасплох и занимавшая скученную, не позволявшую ей развернуться для сражения позицию, армия Мак потерпела поражение. Император Мак Фук Нгуен ночью бежал из столицы в крепость Кимтхань в Хайзыонге, тогда как Мак

Кинь Диен остался руководить войсками в Бодэ, где находились военные корабли и отборные силы армии Мак.

В результате Чинь Кием овладел Донгкинем и примыкающими к столице территориями. В этих условиях ряд военачальников Южной династии предложил перевести ставку Ле в Донгкинью, но великий советник Чинь Кием понимал, что Маки ещё располагали значительными силами, которые по-прежнему перекрывали путь через Шоннам, преграждая тем самым дорогу подкреплениям. Вероятно, поэтому он счёл, что не располагает достаточными силами для удержания Донгкинью, и увёл войска обратно в Тханьхоа, а Ву Ван Мат со своими людьми вернулся в Туенкуанг.

Вернув после ухода Чинь Киема из столицы императора в его резиденцию в крепости Бодэ, Мак Кинь Диен разместил армейские части в тех районах Северного Вьетнама, которые удалось захватить войскам Ле во время наступления, при этом стратегически важные места защищались как сухопутными частями, так и флотом. Когда же спустя пять лет после мятежа Ле Ба Ли ситуация стабилизировалась, Северная династия сама предприняла две военные экспедиции против юга.

Первая началась в 9-ом месяце 1555 г., когда Мак Кинь Диен во главе сухопутной армии двинулся на юг, в то время как более ста боевых кораблей вышли к заливу Тханфу, чтобы, согласно плану, подняться по реке Дайлай и объединиться с ним в Тханьхоа⁵. Однако войска южан вовремя узнали о наступлении северян и сумели подготовиться к нападению. Чинь Кием лично возглавил пехоту и воинов на слонах, которых поставил в засаду у подножия горы Кимшон¹. Фам Док и Нгуен Кюен с десятью кораблями заняли линию обороны от верховья реки Хыутяп до реки Кимбой. Наконец, Ле Ба Ли, Нгуен Кхай Кханг и Динь Конг перекрыли дорогу между горами Андинь и Суанан. На следующий день после обеда находившаяся на марше армия Маков была неожиданно атакована у горы Кимшон войсками Чинь Киема. Пытаясь

¹ Гора Кимшон также называется «Бонгшон», или «гора Биен», и находится в уезде Виньлок провинции Тханьхоа.

спасти, командующий флотом прыгнул с корабля в реку, но был схвачен и убит военачальником Южной династии Ву Шы Тхыоком. Об этом кровавом побоище в источнике династии Ле сообщается, что «[трупы] мёртвых врагов переполнили реку, вода стала красной от крови, [а] захваченного оружия было не перечесть. [Состоявшая из] нескольких десятков тысяч [воинов] армия врага была уничтожена почти целиком». Кроме того, множество солдат и офицеров армии Мак были захвачены в плен. Правда, Мак Кинь Диену с остатками войск удалось спастись и вернуться на север в Донгкин. Так завершилось одно из крупнейших сражений между Южной и Северной династиями [165.2, т.4, с.139, 140].

В 1556 г. скончался император Срединный рода [династии] Ле и Чинь Кiem поначалу сам хотел провозгласить себя императором. Однако затем, прислушавшись к советам своих приближённых, он отказался от этого намерения и возвёл на трон пятилетнего отпрыска легитимной династии Ле Сюи Банга¹. Вероятно, это событие явилось одной из причин, которые побудили Северную династию предпринять вторую экспедицию против юга. Во всяком случае, в 8-ом месяце 1557 г. её армия, которую вновь возглавил Мак Кинь Диен, начала наступление на Тханьхоа. Её поддерживали войска Фам Кюиня и Фам Зао, которые незадолго до этого вторглись в Нгеан. Как и в первый раз, Мак Кинь Диен двинулся со своей армией через залив Тханфу, откуда прошёл в уезды Нгашон и Тонгшон. На своём пути он не только разрушал все поселения, но и сжигал дотла переброшенные через реки мосты. Тогда по приказу Чинь Киема командующий Нгапоном поместный князь Чистый и руководитель уезда Тонгшон Ха Тхо Тьонг, которые со своими отборными войсками вступили в жестокое сражение с армией Мак, сумели преградить ей дорогу в горные районы. Сам же Чинь Кiem прошёл горным путём через уезд Иенмо в Ниньбинс и врасплох ударил с тыла по войскам противника. Зажатая с обеих сторон войсками Ле – Чинь армия

¹ Выдающийся рода [династии] Ле.

Мак снова потерпела поражение. Однако Мак Кинь Диену снова удалось спастись. Он бросился в реку и выбрался на горную дорогу Иенмо позади войск Чинь Киема, по которой вернулся в столицу. После этой победы Чинь Кием замаскировал боевые корабли под флот Маков и, атаковав врасплох войска Фам Кюиня и Фам Зао в Игеане, нанёс им сокрушительное поражение. В результате армия Мак была изгнана и из этой южной провинции.

В 4-ом месяце 1557 г. скончался Ле Ба Ли, а в 9-ом месяце того же года – Нгусн Тхисн, которые сначала служили династии Мак, а затем перешли на сторону династии Ле. Оба они были опытными военачальниками. Сыновья последнего Нгуен Кюен и Нгуен Миен, которые также были искусными полководцами, после кончины отца вновь перешли на сторону Северной династии, за что повзрослевший император Мак-фук Нгуен пожаловал первому из них титул «маркиз Чистой просвещённости», а второму – титул «маркиз Содействующий процветанию». Тем не менее ни эта измена, ни смерть двух главных военачальников не помешали Чинь Киему в 10-ом месяце 1557 г. вторгнуться в Шоннам во главе 50-тысячного войска. Форсировав реку Фьонгси, он разгромил армию врага и взял в плен командовавшего ею государственного князя Торжеств. Затем возглавивший сухопутные войска Чинь Кием вместе с командовавшим флотом Фам Доком продолжил наступление. Вскоре авангарду флота Ле под началом маркиза Военных завоеваний пришлось вступить в бой на реке Зяотхюи с кораблями Нго Кюена, который теперь уже сражался на стороне Маков. Желая обезглавить предателя, маркиз Военных завоеваний бросился на его корабль, но тот встретил его с мечом в руках. Маркиз прыгнул в воду и утонул. Тогда, отрубив ему голову, Нгуен Кюен взбежал на флагманский корабль маркиза и воскликнул: «Вот голова маркиза Военных завоеваний, как же вы осмеливаетесь нам противостоять?» [165.2, т.4, с.143]. Пришедшие в ужас воины Ле попрыгали в воду и, бросив корабли, стали искать спасения от преследовавшего их противника на берегу. Как известно,

территории по реке Зяотхюи искони являлись феодем клана Мак, в котором население повсеместно оказывало поддержку его войскам. Поэтому отступавшему в спешке Чинь Киему пришлось пробиваться на юг с боями, в которых он потерял половину своей армии.

На всём протяжении 1588 г. Чинь Кием занимался пополнением, подготовкой и перевооружением своей понёсшей большие потери армии. Правда, в том году он всё же два раза вторгался в Шоннам. В первом случае ему удалось нанести поражение одному из военачальников Маков маркизу Выдающейся храбрости, который был захвачен в плен и привезён в Иенчюнг, где его приговорили к смертной казни. Во втором случае, поскольку Чинь Киему удалось подчинить ряд земель этой провинции, то перед возвращением в Тханьхоа он оставил управлять ими Нгуен Кхай Кханга. Однако по приказу одного из военачальников Северной династии жители Милыонга обманом захватили его в плен и выдали императору Мак, который предал Кхай Кханга мучительной смерти.

Наконец, в 9-ом месяце 1559 г. Чинь Кием приказал военачальникам Чинь Куангу, Ле Тюнгу, Ву Ши Тхьюку и Лай Тхе Кханю собрать охранявшие устья рек отборные войска, после чего во главе 60-тысячной¹ армии вторгся из Тхиенкуана провинции Ниньбинь в Шонтэй. Многие воины из армии Мак покорились без боя и присоединились к армии Лс. Когда она дошла до Туенкуанга и Хынгхоа, к Чинь Киему присоединился Ву Ван Мат со своими горцами. Их объединённые силы нанесли удар по Тхайнгуену, Лангшону и Киньбаку. Затем, после нескольких недель непрерывных столкновений с противником, Чинь Кием встал со своими войсками на отдых у горы Тиензу.

Боевые действия возобновились в конце 1559 г., когда Чинь Кием нанёс ряд ударов по малым провинциям Кхоайтяу и Хонгтяу, а также по уздам Шисулоай, Ванзянг, Намшадь, Тиенхынг и Киньмон, в результате которых армия Мак

¹ Согласно ряду источников, армия Чинь Киема насчитывала 120000 человек.

понесла серьёзные потери. Население округов Май, Мок, Хоа и Вьет признало власть династии Ле и обеспечивало её армию продовольствием. Чинь Кiem убедил племенных вождей на местах также признать власть династии Ле, поэтому население горных местностей Киньбака получило повеление платить дань неочищенным рисом, который шёл на снабжение армии.

Во 2-ом месяце 1560 г. для укрепления обороны и противостояния мощному наступлению сил Южной династии, Маки установили дозорные посты в контролировавшихся ими регионах от Багьхака в Хынгхоа до Намсанга¹ в Ханаме. Эти посты были усилены людскими резервами, судами и оружием. Сообщения об опасности подавались днём при помощи флагов и барабанов, а ночью – специальными сигнальными огнями. Однако Чинь Кiem не предпринимал попыток уничтожения дозорных постов. Вместо этого он направил отдельные части своей армии для захвата в северо-восточном районе страны уездов Донгчису, Зяпшон, Анзыонг и Тилинь, равно как и других территорий.

В 3-ем месяце 1560 г. под контролем династии Ле уже находились горные провинции Лангшон и Туенкуанг вместе с частью горной провинции Хынгхоа, в которые после изгнания армии Северной династии Чинь Кiem назначил правителей с подчинёнными им гарнизонами. Так, например, Хоанг Динь Ай контролировал Лангшон, Ле Кхак Чан – Тхайнгуен, Ву Ван Мат – Туенкуанг, а Данг Динь, который контролировал Хынгхоа, сумел к тому же набрать войско из населения десяти округов Антэя.

Наконец, в 5-ом месяце 1560 г. Чинь Кiem отправил свои войска на восток, которые вторглись в уезды Тханьмиен, Зяфук, Хонгтяу, Кхойтяу, при этом даже исконные земли рода Мак в Хынгиене и Хайзыонг были опустошены и подверглись грабежам. Однако армия династии Мак стойко обороняла эти территории, что в конечном итоге так и не позволило армии Чинь их захватить.

¹ Традиционное название «Линья».

В этой критической ситуации император Мак-фук Нгуен, который ещё осенью 1559 г. в очередной раз был вынужден бежать из столицы, продолжал скрываться к югу от неё в районе Тханьдама¹. Однако ни он сам, ни его окружение не избрали позицию пассивной обороны для отражения столь мощного удара войск Южной династии. Так, Мак Кинь Диен решил воспользоваться тем, что почти вся армия Ле была сконцентрирована на севере. Поэтому в 8-ом месяце 1560 г. он приказал своим военачальникам оборонять север от Чинь Киема, а сам во главе личных войск нанёс удар по её тылам в Тханьхоа. Застигнутые врасплох командиры укреплений в устьях рек военачальники Южной династии Ву Ши Тхьюк и Лай Тхе Кхань бросили свои позиции и бежали в район Ванлай – Иенчюнг, где вновь заняли оборону. Получив известие об этих событиях, обеспокоенный Чинь Кием приказал губернатору Лангшона Хоанг Динь Аю направить войска на помощь в Тханьхоа. Тем временем Мак Кинь Диен, продолживший наступление на Ванлай – Иенчюнг, был остановлен Ву Ши Тхьюком. Когда же с севера подошла вспомогательная армия Ле, то войска северян не вступили с ней в сражение, а стремительно ушли без боя в Донгкинь.

Интересно отметить, что в то же самое время и завершивший операцию на севере Чинь Кием вернулся в Тханьхоа. Вероятно, отход обеих сторон на исходные позиции был связан с тем, что длившаяся два года война измотала их силы. При этом, поскольку пахотные земли приходили в запустение, падали урожаи и погибал скот, ни население юга, ни население севера уже было не в состоянии обеспечивать армию продовольствием. Однако то была лишь временная передышка, которая завершилась с кончиной императора Мак-фука Нгуена в конце 1561 г.

На престол взойшёл Мак Моу Хоп, провозгласивший в начале 1562 г. девиз правления «Преданность [и] радость». Но поскольку новому императору было лишь два года, то это

¹ В настоящее время это уезд Тханьчи провинции Ханой.

было пустой формальностью. Вся же реальная власть при дворе Мак по-прежнему оставалась в руках Мак Кинь Диена⁶, который тогда же приказал двум военачальникам Зяп Чыngu и Нгуен Фу Суану изгнать войска Ле из Лангшона. Оставленный Чинь Киемом без поддержки Хоанг Динь Ай ушёл из города без боя. Таким образом, Маки сумели полностью вернуть себе свои исконные территории.

Тяжёлое орудие для стрельбы каменными ядрами. Начало XVII в.
Музей истории. Ханой. 18.04.2011 г.

В 10-ом месяце 1563 г. Чинь Кием вновь вторгся в Шоннам и разбил лагерь в Шонмине, откуда его солдаты напали на Тханьчи, Тхыонгфук и другие соседние районы, которые подвергались разграблению с целью добычи продовольствия для Тханьхоа.

В 1564 – 1565 гг. Чинь Кием ещё трижды вторгся в Шоннам. При этом для облегчения доставки захваченного на севере продовольствия он приказал населению малых провинций Чыонгиен и Тхиенкуан привести в порядок дороги

от Фоката до Биньльонга и далее вплоть до Хоайана и Шонминя¹.

В 1564 г. король Айлао Ша Доу прислал ко двору Южной династии посольство с дарами. Тогда же император Выдающийся рода [династии] Ле высказал Чинь Киему идею, что он мог бы выдать за Ша Доу замуж свою приёмную дочь, и это могло бы позволить укрепить родственными связями отношения с соседним государством.

В 12-ом месяце 1565 г. повторилась история пятилетней давности. Пока войска Чиней грабили уезды в Шоннаме, Мак Кинь Диен отправил войска морем в Тханьхоа, где они разгромили уезды Тхуанхью и Хоангхоа. Те же, что и в 1560 г., командующие укреплениями в устьях рек Ву Ши Тхыок и Лай Тхе Кхань сообщили об этом Чинь Киему, который отправил им на подмогу отряд под командованием поместного князя Благополучия. В ходе жестокого сражения, которое произошло в Зучыонге, армия юга потерпела поражение. Поэтому Чинь Кием поспешно увёл войска с севера в Тханьхоа, а Мак Кинь Диен вернулся в Донгкинь победителем.

В течение последних двух лет этого периода¹¹ война между Северной и Южной династиями свелась к мелким ничего не решающим стычкам. Возможно, это было связано с преклонным возрастом и слабым здоровьем Чинь Киема, которые не позволяли ему предпринимать новые походы на север. Этой передышкой династия Мак воспользовалась для стабилизации ситуации на подвластных ей территориях и повышения боеспособности своей армии.

Согласно летописному своду династии Ле, армия юга провела с 1546 по 1569 г. одиннадцать военных экспедиций против севера, тогда как войска династии Мак нападали на юг лишь четыре раза. Именно поэтому, хотя южанам и удалось овладеть на севере только районом Шоннама, этот период войн между Южной и Северной династиями можно выделить как период доминирования сил Ле – Чинь.

¹ То есть речь идёт о дороге, ведущей из Тханьхоа через Ньюкуан в Шонтэй.

¹¹ 1566 и 1567 гг.

1.4.2. 1570 – 1583 гг. Период контрастности Северной династии на юг

А. Противоречия в стане Южной династии

Если с момента кончины Мак-фук Хая в 1546 г. вся власть при дворе Северной династии оказалась в руках Мак Кинь Диена, то при дворе Южной династии она с самого начала полностью принадлежала выступавшим от имени императоров Ле лидерам феодальных кланов Нгуен Киму и Чинь Киему, который, как уже отмечалось, стал абсолютным властителем юга после гибели первого в 5-ом месяце 1545 г. Соответственно к тому времени, когда он заболел и передал власть своему старшему сыну Чинь Кою в конце 1569 г., он уже находился у власти почти 35 лет.

В начале 1570 г. Чинь Кием умер, однако получивший в наследство неограниченную власть Чинь Кой не пользовался популярностью в придворной среде. Согласно летописному своду династии Ле, он был высокомерным и наглым пьяницей, жестоко обращавшимся со слугами и воинами. В то же время второго сына Чинь Киема по имени Чинь Тунг, который унаследовал достоинства своего отца, поддерживали многие сподвижники умершего Чинь Киема [165.2., т.4, с.142, 153]. Конечно, нельзя исключать того, что придворные вьетнамские историографы стусили краски при характеристике первого и приукрасили достоинства второго, так как именно ему в конечном итоге принадлежит заслуга реставрации династии Ле. Во всяком случае, не вызывает сомнения сам факт того, что в 5-ом месяце 1570 г. Чинь Тунг вместе с верными ему военачальниками проник в покои императора Выдающегося рода [династии] Ле и тайно вывез его под охраной в Ванлай.

Получив известие о случившемся, Чинь Кой возглавил войско из 10000 воинов и двинулся на Ванлай. В течение нескольких месяцев братья Чинь восвали друг с другом, но ни один из них так и не смог добиться победы. Однако в результате этой междоусобицы при дворе Ле воцарился хаос, при этом целый ряд её военачальников перешёл на сторону

Северной династии Мак, которая, естественно, не могла не воспользоваться раздорами в стане врага.

В 9-ом месяце 1570 г. произошло первое крупное вторжение Маков в Тханьхоа. Для этого приказанию Мак Кинь Диена была создана армия из 100000 солдат и офицеров, которой придали 700 военных кораблей. Её авангардом командовал перешедший на сторону Северной династии Лап Бао, который на службе у Ле был начальником округа Ботинь провинции Куангбинь и имел титул поместного князя Урожая.

Когда военачальники Мак Дон Ньонг и Мак Динь Кхоа нанесли удар по укреплениям в устье Тханфу, то Чинь Кой оказался не в состоянии оказать им сопротивление. Кроме того, он опасался гибели от руки Чинь Тунга. Поэтому Чинь Кой вместе с 20000 воинов сдался Макам без боя. Однако, отказавшись последовать его примеру, ряд военачальников Чинь Коя присоединился к армии Чинь Тунга. В результате последний остался единственным лидером рода Чинь, выступавшего под лозунгом реставрации законной династии. Об этом свидетельствует и звание «Руководитель поместных князей, командующий всеми водными [и] сухопутными [армейскими] лагерями», который ему был пожалован императором Ле.

Тем не менее приведшая к смуте при дворе Южной династии Ле война между братьями Чинь Коем и Чинь Тунгом позволила Северной династии Мак перехватить инициативу в войне за объединение страны между севером и югом.

В. Последние попытки Северной династии Мак сломить сопротивление сил Ле – Чинь на юге

В конце 9-го месяца 1570 г. Северная династия предприняла крупное наступление в районе Тхань – Нге¹, главной целью которого было взятие столицы Южной династии крепости Иенчюннг. Зная, что группировка Ле – Чинь ослаблена внутренними распрями, войска Мак постоянно

¹ Объединённое название провинций Тханьхоа и Нгеан.

усиливали напор на позиции её армии. Понимая, что его армия вряд ли сможет победить в открытом бою, Чинь Тунг заранее подготовил столицу к обороне, окружив её высокими стенами и глубокими рвами. Кроме того, по указанию Ле Кап Де крепость была за одну ночь обнесена фальшстеной длиной более 4,5 км¹, которая должна была привести военачальников династии Мак в смятение. И действительно, сочтя, что попытка штурма крепости приведёт к гибели слишком большого числа воинов, Мак Кинь Диен отказался от прямого удара по столице и решил взять её осадой. В то же время развернувшиеся по всей территории Тханьхоа боевые действия привели к массовому исходу населения, результате которого пустели сёла, поля не обрабатывались, урожай погибал, а люди умирали с голоду [165.2, т.4, с.154 – 156].

Переносная пушка (вариант гаубицы) для стрельбы каменными ядрами через крепостные стены. Начало XVII в.
Музей истории. Ханой. 18.04.2011 г.

Шедшие с переменным успехом бои не приносили армии Мак успеха прежде всего потому, что её противник

¹ В тексте сказано: «более 10 *замов*». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

избегал открытых столкновений. В течение дня южане укрывались за крепостными стенами, а ночью делали вылазки и врасплох нападали на отдельные отряды северян. Это привело к тому, что в результате долговременных и безрезультатных боёв на юге армия северян стала испытывать серьёзные трудности. Она несла большие потери, а её солдаты были утомлены, при этом некоторые из них бросали позиции и бежали домой. Поэтому Мак Кинь Диен увёл войска в район Хачунга в северном Тханьхоа. При этом отвечавший за оборону района Камтхюи военачальник Южной династии перешёл на его сторону.

В 11-ом месяце 1570 г. благодаря полученной от сдавшегося войскам Северной династии под давлением Чинь Коя военачальника Ву Ши Тхьюка информации, Ле Кап Де, Лай Тхе Кхань, Чинь Мо и другие военачальники Ле организовали наступление. В результате они захватили уезд Тонгшон, император Ле стал лагерем в Донгшоне, а Чинь Тунг овладел уездом Куангсьонг. Тогда же Ву Ши Тхьюк с 500 воинов открыто перешёл на сторону Южной династии. В результате южане перехватили инициативу и вернули себе уезды Нгашон и Тхуанхью. С этого момента началась череда поражений армии Мак, которая испытывала проблемы со снабжением и бойцы которой, как уже отмечалось, были крайне утомлены. Поэтому в начале 1571 г. Мак Кинь Диен был вынужден отступить и увести свои войска на север.

В 10-ом месяце 1571 г. ко двору Ле прибыли послы из Айлао, которые поднесли в дар четырёх слонов и передали письмо с просьбой выдать за своего короля замуж одну из дочерей императора. Тогда император Выдающийся рода [династии] Ле пожаловал своей дочери титул принцессы Нгаук Хоа и выдал её замуж за короля Айлао Ша Доу⁷.

С 1571 г. войска Северной династии начали совершать регулярные набеги на юг, разоряя то район Тхань – Нге, то район Тхуан – Куанг. Судя по всему, они имели целью нанести максимальный ущерб противнику и измотать его силы.

Так, в 8-ом месяце 1571 г. Мак Кинь Диен вторгся в Нгеан, который находился далеко от столицы Ле в Иенчюнге, был плохо защищен. Командовавший силами Нгеана Нгуен Ба Куинь в страхе бежал. Местные князья попытались дать отпор военачальнику северян Нгуен Кюену, но потерпели поражение и бежали в округ Хоа, где и были захвачены в плен, тогда как армия Мак захватила оба берега реки Ка. В 9-ом же месяце, когда на помощь Нгеану подошла армия Чинь Тунга под командованием Чинь Мо и Фан Конг Титя, северяне без боя ушли восвояси.

В 8-ом месяце 1572 г. Мак Кинь Диен предпринял очередное вторжение Тханьхоа и Нгеан. Одновременно с этим он приказал Лап Бао с семьюдесятью боевыми кораблями нанести удар по Тхуанхоа, которое защищал Нгуен Хоанг. В Нгеане армия Ле потерпела поражение, при этом помещный князь Дел Ле Кхак Тхан без боя покинул крепость и сдался Макам. Тогда Чинь Тунг в гневе приказал убить трёх сыновей Кхак Тхана. Однако в Тханьхоа войска и флот Лап Бао были полностью разгромлены Нгуен Хоангом. В итоге в 10-ом месяце того же года повторилась ситуация предыдущего. Когда войска Ле под командованием всё тех же Лай Тхе Кханя, Чинь Мо и Фан Конг Титя пришли в Нгеан, армия Мак без боя ушла на север.

В конце 1572 г. при дворе Южной династии Ле была предпринята попытка государственного переворота, которую возглавил маркиз Воинственный Ле Кап Де. Заговорщики хотели убить Чинь Тунга, однако их планы были раскрыты. Ле Кап Де был казнён, а напуганный император Выдающийся рода, с ведома которого, надо полагать, и готовился заговор, бежал в Нгеан с четырьмя детьми, но был схвачен людьми государя Чинь и отправлен в Лойзыонг. Сразу после этого уже в 1-ом месяце года Жёлтой Курицы¹ Чинь Тунг возвёл на престол его младшего сына Ле Зюи Дама^{II} и провозгласил девиз правления «Прекрасная гармония». В связи с этим был

¹ 1573 г.

^{II} Император Старший рода [династии] Ле.

издан «императорский указ» из шести пунктов, в котором давалось объяснение случившемуся. Одновременно с объявлением указа к императору Выдающемуся рода подослали убийц. Наконец, окончательно овладев всей полнотой власти, Чинь Тунг провозгласил себя главнокомандующим, командующим всеми водными [и] сухопутными [армейскими] лагерями, объединяющим [командование] внутренними и внешними войсками, [ведаящим всеми важными] гражданскими [и] военными делами государства.

В 8-ом месяце 1573 г. Мак Кинь Диен вновь вторгся в Тханьхоа и нанёс удар прямо по главной ставке командования войск юга в Иенчыонге. Сделав вид, что они заняли позиции для пассивной обороны, военачальники Ле скрытно разделили армию на две части и обрушились на северян как с суши, так и с воды, в результате чего Мак Кинь Диен был вынужден увести войска.

В 7-ом месяце 1574 г. Мак Мой Хоп приказал Нгуен Кюену напасть на Нгеан. В то время жившее к северу от реки Ка население поддержало войска Северной династии. Тогда опасавшиеся бегства своих солдат военачальники династии Ле выставили заградительные отряды на кораблях. Тем не менее Маки захватили уезды Аньдо и Зиентяу. В 8-ом месяце армия Южной династии получила подкрепление. Непрерывные бои продолжались ещё несколько месяцев, после чего Нгуен Кюен вернулся с войском в Донгкинь.

На 6-ой день праздника Нового года по лунному календарю¹ Мак Кинь Диен высадился в Тханьхоа, а Нгуен Кюен начал одновременно с ним военные действия в Нгеане. Население было напугано столь мощным натиском армии Мак. Спасаясь из района боевых действий, оно бежало в леса. В результате Мак Кинь Диен захватил уезды Иендинь и Тхюингуен, в то время как Мак Нгаук Лиен вёл бои в уездах Лойзыонг и Донгшон.

¹ Январь 1575 г.

В 8-ом месяце 1575 г. Чинь Тунг предпринял активные боевые действия для возвращения захваченных врагом территорий. Его военачальники Хоанг Динь Ай, До Зиен, Выонг Чан и Фан Ван Кхоай встали лагерем на горе Тиенмок и, разделив войска между собой, начали операцию по освобождению уездов Лойзыонг, Нонгконг и Донгшон. Ставка самого Чинь Тунга находилась в Тиеушоне, где авангардом его армии командовали Ву Ши Тхьюк и Нгуен Хью Лиену, а арьергардом – Чинь Бать, Чинь Донг, Чинь До, Чинь Нинь, Чинь Винь Тхьеу, До Дык Ви и Ха Тхо Лок. В сражении с авангардом Чинь Тунга при Иендине войска Северной династии потерпели поражение, и армия Мак Кин Диена была вынуждена уйти с захваченных ею в Тханьхоа территорий. Однако в Нгеане ситуация сложилась иначе, где знамённые войска Маков под командованием Нгуен Кюена преградили дорогу наступавшим частям Лай Тхе Кханя, Чинь Мо и Фан Конг Титя. В целом ряде последовавших сражений армия Мак одержала победу. Более того, Нгуен Кюену даже удалось взять в плен Фан Конг Титя, который был отправлен в Донгкинь.

Спустя год в 8-ом месяце 1576 г. Мак Кинь Диен вновь вторгся в Тханьхоа с целью захвата территорий по реке Лам в уезде Тхюингуен и по реке Донгко в уезде Иендинь. В то же время Нгуен Кюен возобновил боевые действия в Нгеане. Как и в предыдущий раз, с ним безуспешно пытался справиться военачальник южан Чинь Мо, который, попав в устроенную Нгуен Кюеном ловушку, разделил судьбу Фан Конг Титя.

В 1577 г. Северная династия решила провести крупную военную операцию против юга, которой предшествовала серьёзная подготовка. Так, было приказано собрать в регионах такое количество продовольствия, которого хватило бы на три месяца боевых действий. К осени, которую сочли наиболее благоприятным сезоном для начала задуманной операции, были подготовлены военные корабли и изготовлено новое оружие для армии. На юге, где стало известно о готовящемся наступлении армии Мак, также серьёзно готовились к войне,

для которой была избрана тактика «выжженной земли»¹. Так, население речных долин уездов Хоулок, Нгашон, Виньлок и Иендинь ушло в горы, забрав с собой продовольствие, скот, птицу и имущество, чтобы они не достались врагу. В дельтах рек и доступных для прохода войск местах были возведены укрепления, при этом дозорные посты на путях сообщения должны были немедленно сообщить о появлении противника. В результате столкнувшаяся с такой обороной армия Мак была вынуждена отступить после двухмесячных боёв.

Однако стратеги династии Мак не отказались от своего замысла, так как почти сразу же после отступления¹¹ её армия вторглась в Тханьхоа. Главный удар был нанесён по армейскому лагерю Хойтхьонг, на защиту которого подошли войска под командованием Хоанг Динь Ля и Нгуен Хьу Лиен. В то же время Чинь Тунг лично возглавил армию и вступил в бой с северянами у укреплений Кхоайлак и Хадо. Тогда, скрыв в засаде часть войск, Нгуен Кюен приказал Лай Тхе Ми спровоцировать наступление армии Ле. Однако Тхе Ми был убит случайной стрелой. Оставшись без командира, его воины потерпели поражение и в страхе бежали. Поэтому Мак Кинь Диен был вынужден увести свою армию в Донгкинь, после чего Чинь Тунг вернулся в Иенчюннг.

Это была последняя крупная операция севера против юга, после которой войска династии Мак лишь совершали мелкие набеги на Тханьхоа, подвергая разграблению низменные районы этой провинции. Так было в 1578 г., когда они захватили несколько уездов в долинах рек, но на подходе к общине Зянгбиеу были разбиты силами Чинь Батя и бежали. Подобные мелкие набеги происходили и в последующие 1579, 1580, 1581 и 1583 гг. Такое изменение стратегии было связано с тем, что силы династии Мак были уже достаточно истощены. Большую роль сыграло и то, что в 11-ом месяце 1580 г.

¹ Дословно: «Поля опустошены, дома пусты» [弄家空闌 vien không gia lộng, виен кхонг зя лонг (вьет.), юань кун цзя лун (кит.); vườn không nhà trống, выонг кхонг ня чонг (совр. вьет)].

¹¹ В 9-ом месяце 1577 г.

скончался выдающийся военачальник и лидер Северной династии Мак Кинь Диен, а сменивший его [великий] князь Соответствия Мак Дон Ньюн¹ по своему военному таланту значительно уступал старшему брату.

Осенью 1581 г. император Мак Моу Хон повелел Мак Дон Ньюну захватить речные долины в Тханьхоа. Дон Ньюну удалось захватить уезд Куангсыонг, где он стал лагерем у горы Дьонгпанг. Главными военачальниками армии Мак как и прежде были Нгуен Кюен и Мак Нгаук Лиен. Чинь Тунг противопоставил им разделённую на три корпуса армию Хоанг Динь Ая, которыми командовали Нгуен Хьу Лиен, Ха Тхо Лок, Чинь Бинь и Чин Ван Хай. В ожесточённом сражении между обеими сторонами были убиты более 600 воинов армии Мак, при этом её военачальники Нгуен Конг и маркиз Помощник государства попали в плен. После этого тяжёлого поражения остатки армии Мак вернулись в Донгкинь.

Наконец, в 8-ом месяце 1583 г. произошло последнее вторжение армии Северной династии на юге. Собственно говоря, это даже сложно назвать «вторжением», так как при попытке проникновения на территорию Тханьхоа армия Маков была обращена в бегство обычным заслоном, защищавшим вход в устье реки.

Таким образом, второй, длившийся более десяти лет¹¹ период войн между севером и югом, не привёл к победе захватившей инициативу династии Мак даже в условиях серьёзного ослабления Южной династии из-за междоусобной борьбы за власть между членами феодального рода Чинь. Основной причиной неудачи династии Мак явилось то, что она пользовалась абсолютной поддержкой населения только в своём родном феоде на севере. В то же время непрерывные войны этого периода подорвали силы Северной династии и в итоге предопределили её окончательное поражение.

¹ Самый младший из братьев Мак Кинь Диена.

¹¹ 1570 – 1583 гг.

1.4.3. 1583 – 1592 гг. Период объединения Дайвьета и реставрации династии Ле

Как уже отмечалось, с 80-х годов XVI в. при дворе Северной династии Мак стали проявляться всё усиливавшиеся признаки упадка. Ситуация усугублялась как капитуляцией Маков перед требованиями империи Мин и неудачами в войне на юге, так и тяжёлыми налогами, рост которых был обусловлен необходимостью укрепления армии. Непрерывные войны также привели к многочисленным потерям среди мирного населения и к обнищанию деревни, что, в конечном счёте, сказалось на административном аппарате государства Мак. После смерти всесильного Мак Кинь Диена многие чиновники Северной династии потеряли веру в её победу. Одни бросали службу и бежали из родных мест, другие думали только о том, чтобы упрочить личное благополучие, наконец, третьи, и таких было немало, дезертировали и переходили на службу к группировке Ле – Чинь. Поэтому, надо полагать, что в сложившихся условиях победа юга в войне с севером являлась для большей части правящего класса Дайвьета лишь вопросом времени.

А. Завершающий этап войны между Севером и Югом

С 1583 г. начались регулярные ежегодные рейды сил Южной династии Ле на территорию Маков. Так, в конце того года Чинь Тунг напал на уезды Иенмо, Зявиен и Иенкханг в Ниньбине. Этот поход можно считать своеобразной разведкой, так как захватив в этих уездах рис, армия Ле – Чинь быстро вернулась в Тханьхоа. В 1584 г. Чинь Тунг вторгся в малую провинцию Чыонгиен той же провинции Ниньбинь, но, дойдя до уезда Тхиенкуан. Во 2-ом месяце 1585 г. его войска прошли горной дорогой в Тхиенкуан, где разграбили уезды Мильюнг, Тхатътхат и Иеншон. В начале 1586 г. Чинь Тунг вторгся в уезды Зявиен и Фунгхоа в Шоннаме. Уходя, он оставил в торговом центре Хоангса под командованием поместного князя Блистательного войсковой отряд, который вскоре был уничтожен Маками, при этом сам князь был убит в бою. В

1586 – 1587 гг. войска Южной династии продолжили свои набеги на территорию Маков. Судя по всему, эти набеги преследовали двоякую цель: с одной стороны, войска южан наносили урона силам противника, а с другой – захватывали и вывозили продовольствие на юг, что причиняло ощутимый урон экономике севера.

Понимая неизбежность решительного наступления юга, династия Мак использовала это время для укрепления обороны и подготовки к длительному сопротивлению. Особое внимание было обращено на укрепления и крепости. Так, в 1585 г. были осуществлены большие работы в столичной крепости, для приведения в порядок внешних укреплений и ремонта дорог которой власти мобилизовали население четырёх провинций равнины. Тысячи крестьян занимались производством обожжённого кирпича в самом городе. В то же время жители Иенбанга и Ниньшона должны были доставлять в Донгкинь брёвна для строительных работ. «Для защиты от наступления армии [противника] были возведены обсаженные бамбуком земляные укрепления, [которые протянулись] на десятки километров^I от реки Хат до реки Хоадинь уезда Шонминь» [165.2, т.4, с.177]. В 1588 г. династия Мак, «видя, что [атаки] армии [Чинь Тунга] с каждым днём [становятся] всё мощнее, приняла решение о [дополнительном] усилении обороны. Населению четырёх провинций [низменности] было приказано возвести вокруг крепости Дайла в Донгкине [ещё] три ряда укреплений. [Они протянулись] от слободы Нянттиуе^{II} через Западное озеро [и] мост Зыа^{III} до моста Зиен^{IV} [и далее вплоть] до Тханьчи. [Кроме того], на северо-западном берегу реки Красной высота крепостной стены столицы была поднята на десяток метров, [а] толщина [её] валов увеличена на 80 м. [Для её] защиты перед [ней] было выкопано три ряда

^I В тексте сказано: «на сотни *замов*». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

^{II} В настоящее время это слобода Нянттан квартала Тэйхо (Западного озера).

^{III} На сегодняшний день это рынок Зыа в квартале Донгда.

^{IV} На сегодняшний день это рынок Зиен в квартале Хай ба Чынг (Двух сестёр Чынг).

обсаженных бамбуковыми [коляями] рвов протяжённостью в несколько десятков метров¹» [165.2, т.4, с.184].

Остатки крепостной стены, оградившей владения династии Мак в Каобанге и Лангшоне. Лангшон. 30.03.2012 г.

Первое серьёзное столкновение между войсками Ле – Чинь и армией династии Мак произошло в конце 1587 г. Когда Чинь Тунг захватил уезд Милыонг, Мак Моу Хоп решил предпринять большое контрнаступление и уничтожить противника. Он приказал Мак Нгаук Лиену поставить войска в уезде Ниньшон для атаки на врага с левого фланга. Занявшие позиции в уезде Тъюнгдык войска Нгуен Кюена должны были нанести удар с правого фланга, чтобы перекрыть путь по реке Доле вывозящим продовольствие судам армии Ле. Но Чинь Тунг разгадал планы Маков, поэтому он приказал Ха Тхо Локу и Нго Кань Хью охранять продовольствие, которое Хоанг Динь Ай должен был тайно доставить в Тханьхоа. После этого

¹ В тексте летописного свода Нго Ши Лиена сказано: «на несколько чыонгов», «на 25 чыонгов» и «несколько десятков замов». См. «Таблицу №3» в «Томе VI».

военачальники Нгуен Хыу Лиен, Чинь До и Чинь Донг двинулись со своими войсками на Мак Нгаук Лиена, тогда как сам Чинь Тунг во главе отборных частей вступил в бой с Нгуен Кюеном. В ходе жестокого сражения армия Мак потерпела поражение. Не устояв перед Чинь Тунгом, Нгуен Кюен попытался организовать отступление. Однако когда засадные войска северян также были разбиты, армия Мак обратилась в беспорядочное бегство, при этом на переправе через реку утонуло несколько сот человек. Узнав об этом поражении, Мак Нгаук Лиен приказал своим войскам отступить. Армия юга захватила еще два уезда Тхатътхат и Иеншон. Только в начале 1588 г. армия Ле вернулась в Тханьхоа. Длительное три месяца пребывание армии южан на севере нанесло большой ущерб его экономике, при этом население провинций государства Маков, в особенности тех, которые находились в приграничных районах, серьезно пострадало от ужасов войны.

Продолжение последовало в 12-ом месяце 1588 г., когда Чинь Тунг во главе сухопутной армии вторгся в малые провинции Чыонгиен и Тхиенкуан в Ниньбине. Он захватил уезды Иенмо и Иенкханг, а затем встал лагерем в Зыонгву. Спустя неделю Чинь Тунг получил сообщение о том, что армия Мак готовится к контратаке. Тогда он притворился, что уводит войска, и демонстративно сжёг свой лагерь, но на самом деле армия Ле лишь сменила позицию. Более того, она была усилена боевыми слонами, конницей и засадными частями. В результате наступавшие войска Мак попали в засаду и потеряли в сражении несколько сот человек. После этого Чинь Тунг действительно увёл армию на юг.

Когда же в 11-ом месяце 1589 г. Чинь Тунг в очередной раз напал на Иенкханг, то военачальники Мак решили положить конец этим, наносящим им значительный урон перманентным набегам противника. Согласно плану, лично возглавивший войска четырёх провинций Мак Дон Ньонг хотел навязать врагу сражение в уезде Иенмо. Однако, как уже говорилось, он не имел таких военных талантов, как его

покойный брат Мак Кинь Диен. Зная об этом, Чинь Тунг предложил своим офицерам такой план действий: «Замыслив навязать [нам] решающее сражение, род Мак повёл [против нас] всю свою армию. [У] врага много воинов, [у] нас – мало, сила неравны. Однако у нас преимущество труднодоступного места, никакой враг не сможет [его] захватить [штурмом]. Следует притвориться, что мы отступаем. Враг обязательно станет [нас] преследовать. Заманив [врага в] гибельное место, [мы] нападём [на него] врасплох [и] уничтожим» [165.2, т.4, с.181]. После этого Чинь Тунг приказал своим 15000 воинам с 200 возами оружия и продовольствия укрыться в пещерах и ущельях гор Тамдиэпа. В то же время Чинь Донг, Чинь Нинь и Чинь До возглавили ведущие арьергардные бои отряды армии Ле. Мак Дон Ньбюнг попался в расставленную ловушку. В ходе сражения были убиты более 1000 солдат его армии и ещё свыше 600 – взяты в плен, а сам Мак Дон Ньбюнг с остатками своих войск бежал в Донгкинь. Это поражение окончательно сломило силы династии Мак, при дворе которой воцарилась паника. Чинь Тунг же снова увёл свои войска в Тхасьхоа для подготовки к решающему наступлению на противника.

К концу 1591 г. Чинь Тунг подготовил армию из 60000 воинов и разделил её на пять корпусов, которыми командовали Нгуен Хьу Лису, Чинь Пинь, Хоанг Динь Ай, Чинь Бонг, Чинь До, Ха Тхо Лок и Нго Кань Хьу. Перед самым началом года Белой Кошки¹ Чинь Тунг двинулся во главе этой армии через Тхиенкуан по западной дороге и спустя 10 дней дошёл до границы государства Мак в Маиене. Ещё через 10 дней армия Чиней захватила уезды Иеншон, Фуклок, Тхатътхат, Танфаунг в Шонтэе. В летописном своде об этом наступлении сказано, что «приказы [военачальников] были чёткими [и] понятными, воины чётко их исполняли,... куда бы армия ни приходила, враг стелился перед ней, как трава» [165.2, т.4, с.183].

21-го числа последнего месяца этого года, собравший конную армию из 100000 всадников, Мак Моу Хоп выступил

¹ 1-ая половина января 1592 г.

навстречу противнику. Армия Мак была разделена на военные корпуса, которыми командовали Мак Нгаук Лиен, Нгуен Кюен и другие испытанные военачальники. Они провели свои корпуса разными дорогами до территории общин Фантхюнг и Тотлам, где и произошло решающее сражение.

Уже в начале битвы каждая из сторон потеряла по военачальнику. Столкнувшись с непрерывно атакующим противником, войска Мак Моу Хопа остановились и заняли пассивную оборону. Тогда командовавший тремя армейскими корпусами Чинь Тунг приказал поражать врага бамбуковыми стрелами и копьями. Согласно источнику, в армии Чинь «все соблюдали дисциплину, воины были отважными, [а их] мечи – острыми». В то же время в нём говорится, что «армия [Мак] хоть и была многочисленной, [но её] знамёна были неорганизованными, ряды нестройными, [а в душах] воинов царило смятение» [165.2, т.4, с.184]. В битве, которая длилась от утренней до вечерней зари, погибли многие главные военачальники Северной династии. В итоге армия Мак не смогла устоять перед натиском противника и обратилась в бегство. Одержавшие победу воины Южной династии «преследовали [врага] до Зянгкао¹; [было] отрублено более 10000 голов, кровь залила равнину, трупы громоздились, как горы, оружия [и] лошадей захватили так много, что [и] не сосчитать» [165.2, т.4, с.184]. Мак Моу Хоп в страхе бежал на корабле в Донгкинь. Оставшиеся в живых солдаты его армии в панике отталкивали друг друга, чтобы взобраться на корабли и укрыться в столице.

На 30-ый день последнего месяца того года по лунному календарю армия Чинь Тунга вышла к рынку Хоангса, где встала лагерем. Месяц спустя государь Чинь повелел войскам форсировать реку Ку, разрушить все оставшиеся укрепления Маков и сравнять их с землёй, после чего Нгуен Хыу Лиену подошёл с пятью тысячами отборных воинов, босвыми слонами и конницей к мосту Као на северо-западе Донгкия и

¹ Теперь это уезд Батчанг провинции Ханой.

поджёг закрывавшую вход в город надвратную башню. Увидев горящие повсюду укрепления, Мак Моу Хоп и его окружение в страхе бежали из столицы. Он переправился через реку Красную в Тхокхое на территорию Зялама и, укрывшись в Бодэ, разделил свои войска между Мак Нгаук Лиеном, Нгуен Кюеном и Буй Ван Кхюе для обороны столицы.

На 3-ий день праздника Нового года Белой Кошки Чинь Тунг учредил алтарь духам Неба и Земли для поклонения Предкам и принял решение покончить с армией Мак, чтобы вернуть престол династии Ле. Он готовился нанести удар по столице из своего лагеря на западном берегу реки Ниньзянг, после чего издал указ о начале операции, в котором, среди прочего, подчёркивалось:

1. Запрещается самовольно входить в дома населения, отнимать еду [и] продовольствие, устраивать поджоги;
2. Запрещается грабить имущество, уничтожать урожай;
3. Запрещается причинять вред женщинам [и] девушкам, убивать людей [из чувства] личной мести [165.2, т.4, с.186].

Воодушевлённая победами армия Чинь Тунга перешла реку Толить и подошла к пагоде Тхиен-суан у моста Няймук, где и произошло сражение. Армия Мак была наголову разбита, и хотя Буй Ван Кхюе и Мак Нгаук Лиену удалось бежать, многие испытанные, не раз одерживавшие большие победы военачальники Северной династии, в том числе и Нгуен Кюен, были взяты в плен. Войска Чинь вторглись в город, началась резня, столица была полностью разрушена и дым от пожаров заслонил небо.

Мак Моу Хоп с остатками войска отступил к реке Красной, где и занял оборонительные позиции. Полагая, что хотя армия Мак и потерпела серьёзное поражение, она всё ещё располагает значительными силами, в первую очередь – флотом, Чинь Тунг, следуя известному поучению «нельзя преследовать [собравшего] оставшиеся [у него силы] врага», решил на этот раз не добивать противника. Поэтому он увёл армию в Тханьхоа, унеся при этом с собой богатые трофеи.

Последовавшие события можно охарактеризовать как агонию Северной династии Мак. Так, в 3-ем месяце 1592 г. Чинь Тунг захватил уезды Тханьчи, Тхьонгфук, Фусюен, Тылием и Данфьюнг, а также несколько уездов в Шонтэе и Хынгхоа, после чего вернулся в Тханьхоа. Благодаря царившей в войсках Чинь – Ле строгой дисциплине местное население не подвергалось грабёжам, а потому оно повсеместно поддерживало армию юга.

В 10-ом месяце на сторону династии Ле перешёл Буй Ван Кхюс, который привёл свои войска. В результате этой измены Маки потеряли защищавший их юго-восточные рубежи флот. Воспользовавшись этим, Чинь Тунг предпринял окончательное наступление против севера. В Шоннаме к нему присоединились войска Буй Ван Кхюе. Им противостояла разделённая на пять корпусов армия Мак, которой командовал государственный князь Замыслов¹, который встал лагерем на реке Тхиенфай у пристани Доанви, где возвёл земляные укрепления и вбил в дно реки колья, чтобы не позволить армии Чинь переправиться через неё. Тогда Буй Ван Кхюе скрытно провёл свои суда от устья реки к её верховьям, где нанёс удар по позициям противника, а затем объединился с армией Чинь Тунга в её среднем и нижнем течении. Захваченный врасплох государственный князь Замыслов династии Мак не успел ничего предпринять, бросил флот и бежал, а его армия рассеялась. Остатки армия Мак заняли позиции в Тыниене провинции Хынгиен. В результате этой победы южане захватили семьдесят судов противника. Тем временем к Чинь Тунгу, который перешёл реку через построенный им мост и стал лагерем в И-иене, явились с повинной ещё десять военачальников Северной династии, в том числе -- Чап Бать Ниен.

Также следует отметить, что Чинь Тунг стремился заручиться поддержкой местного населения. Он постоянно внушал своим военачальникам, что местные жители не враги,

¹ В источнике имя не указано [165.2, т.4, с.190, 191].

а подданные императора Ле, которые силой были принуждены служить узурпатору. Поэтому наступление армии Чинь – Ле не сопровождалось обычными в таких случаях грабежами и насилиями.

Стрелявшие каменными ядрами пушки – ружья пехоты. Начало XVII в.
Музей истории. Ханой. 18.04.2011 г.

14-го числа 11-го месяца шедшая по реке Дай армия Чинь достигла устья реки Хат, где она была встречена флотом Маков под командованием Мак Нгаук Лиена, который усеял дно устья реки заострёнными кольями. Однако не сумевшая отразить мощный удар южан, армия Мак была рассеяна. Поэтому Мак Нгаук Лиен был вынужден бросить свой флот и искать убежища у подножия гор Тамдао. Чинь Тунг, которому досталось более ста крупных и мелких судов противника, продолжил наступление и, дойдя до южных ворот Донгкinya, стал лагерем на берегу в Шатхао, куда явились с повинной многие военачальники Северной династии. В результате Мак Моу Хоп был вынужден вновь бежать в уезд Кимтхань провинции Хайзюнг, а все малые провинции и уезды к северу от реки Красной признали власть Чинь – Ле.

25-го числа 11-го месяца войска и флот Чинь Тунга из 300 кораблей вторглись в Хайзыонг и нанесли удар по уезду Кимтхань. Части армии Мак оказались в окружении и не могли оказывать друг другу поддержку. Население Хайзыонга было вынуждено бежать в панике. Бежал из крепости и сам император со всем своим двором. В результате армия Чинь захватила много серебра, золота, оружия и боеприпасов. Понимая всю безвыходность положения, Мак Моу Хоп возвёл на престол малолетнего Мак Тоана, от его имени изменил девиз правления на «Воинственное умиротворение», а сам стал одним из военачальников армии Мак. 3-го числа 12-го месяца Чинь Тунг нанёс поражение войскам Мак Кинь Ти в общине Танми уезда Тханьха провинции Хайзыонг. Наконец, в начале 1593 г. Чинь Тунг повёл армию на умиротворение Киньбака. В ходе этой операции был пленён скрывавшийся в одной из пагод уезда Фыонгнян провинции Бакзынг Мак Моу Хоп, который был доставлен в Донгкинь и казнён. Позднее также был убит и Мак Тоан. Война между севером и югом была окончена. В результате Северная династия прекратила своё существование, но вплоть до 1677 г. контролировавшие ряд районов Каобанга потомки династии Мак по-прежнему провозглашались там императорами.

16-го числа 4-го месяца года Жёлтой Змеи¹ государь Чинь приветствовал в столице Дайвьета императора Старшего рода [династии] Ле. Этой победой Чинь Тунга завершилась длившаяся 60 лет война за реставрацию легитимной династии Ле, которая была начата в 1533 г. Нгуен Кимом.

В. Последствия войны между Севером и Югом

Война между севером и югом на самом деле была войной между тремя главными феодалскими группировками Дайвьета. Как это следует из вышеизложенного материала, с одной стороны выступал феодалский клан Мак, который пошёл на прямую узурпацию власти и основал так

¹ 1593 г.

называемую Северную династию. С другой – феодальные кланы Нгуен и Чинь, выступавшие под лозунгом реставрации легитимной династии Ле. Поэтому, говоря о Южной династии, не следует забывать, что это была не единая династия, а группировка сил кланов Нгуен – Чинь – Ле. При этом если в начале войны с 1533 г. лидирующие позиции занимал клан Нгуен, то уже с 1545 г. главную роль стал играть клан Чинь. Уже тогда целый ряд представителей клана Нгуен не принял возвышения клана Чиней. Поэтому часть из них перешла на сторону Северной династии Мак. Как известно, в их числе был и выдающийся полководец Нгуен Кюен. Таким образом, есть все основания полагать, что именно в то время возникли первые противоречия между феодальными кланами Нгуен и Чинь, которые предопределили дальнейшее развитие Дайвьета в XVII – XVIII вв.¹

Противостояние указанных феодальных группировок привело к разделу Дайвьета на две части, которые были вновь объединены в единое целое лишь в результате 38 крупных и мелких сражений гражданской войны, происходивших на протяжении почти 60 лет. В эту кровопролитную войну так или иначе было втянуто всё население страны, при этом непосредственно в боевых действиях участвовали сотни тысяч человек, многие из которых погибли или остались калеками. Так, например, только в сражении 1591 г. в провинции Шонтэй погибли более 10000 солдат армии Мак, к которым следует приплюсовать павших воинов армии Чинь – Ле. Об их числе в источниках ничего не сообщается, как и не сообщается о числе раненных. Однако, исходя из общепринятой методики подсчётов, надо полагать, что общее количество потерь убитыми и тяжело ранеными с обеих сторон составило не менее 30 – 40 тысяч человек.

Это лишь прямые, понесённые в ходе боёв потери, а сколько погибло за 60 лет войны мирного населения? Судя по данным исторических источников, тоже немало. Об этом

¹ Смотри главы «Части I» «Тома III».

можно судить, например, по описанию вторжения армии Мак в Тханьхоа в 1570 г.: «Вниз [по течению] реки Ма от Уигкуана [и] вниз [по течению] реки Лыонг¹ от пристани Бонг [из-за] дыма костров не было видно неба, [а из-за знамён] – землю. Жители Тханьхоа, стар [и] млад, взрослые [и] дети бежали в панике, унося в руках [свой скарб]. На дорогах повсюду [были слышны горестные] возгласы [и] плачь» [193, т. III, с. 317]. Не менее красноречивым является и описание нападения армия Южной династии на Донгкинъ в 1591 г.: «Дым от горящих домов закрыл небо... .. Девушки и юноши, старые и молодые, толкая друг друга, прыгали в лодки, чтобы переправиться через реку. Утонуло более 1000 человек» [193, т. III, с. 353].

Кроме огромных людских потерь война также причинила огромный ущерб экономике страны. Как Южная, так и Северная династии нуждались в постоянном пополнении материальных и человеческих ресурсов для продолжения военных действий. Поэтому до конца 70-х годов в ходе ежегодных набегов войск династии Мак разорялись общины и уезды провинции Тханьхоа, в первую очередь – в долинах таких больших рек, как Ма и Тю. Более того, сами власти юга, которые занимались исключительно военными проблемами, проводили политику ужесточения налогового бремени.

В то же время известно, что в Центральном Вьетнаме относительно мало пахотных земель, при этом их успешная обработка обусловлена целой системой дамб, каналов и других ирригационных сооружений, которая пришла в упадок. Поэтому нередкие наводнения и засухи приводили к крайне тяжёлым последствиям. Так, например, только в 1571 г. из-за разразившегося в провинциях Тханьхоа и Нгеан голода вымерло более половины всего населения.

На севере положение тоже было не лучше. Как уже говорилось, армия Южной династии регулярно вторгалась с грабежами в Шоннам, где сжигала дома и захватывала продовольствие и скот. Поэтому население общин этой

¹ Река Тю.

провинции нередко бросало свои дома, а пахотные земли приходили в запустенье. Наконец, если в первые годы своего правления династия Мак предпринимала эффективные меры по стабилизации экономики страны, то по мере развития военных действий положение принципиально изменилось. Разуверившиеся в победе Северной династии, её чиновники стали заботиться лишь о собственном будущем, стремясь присвоить себе имущество, которым они ещё распоряжались.

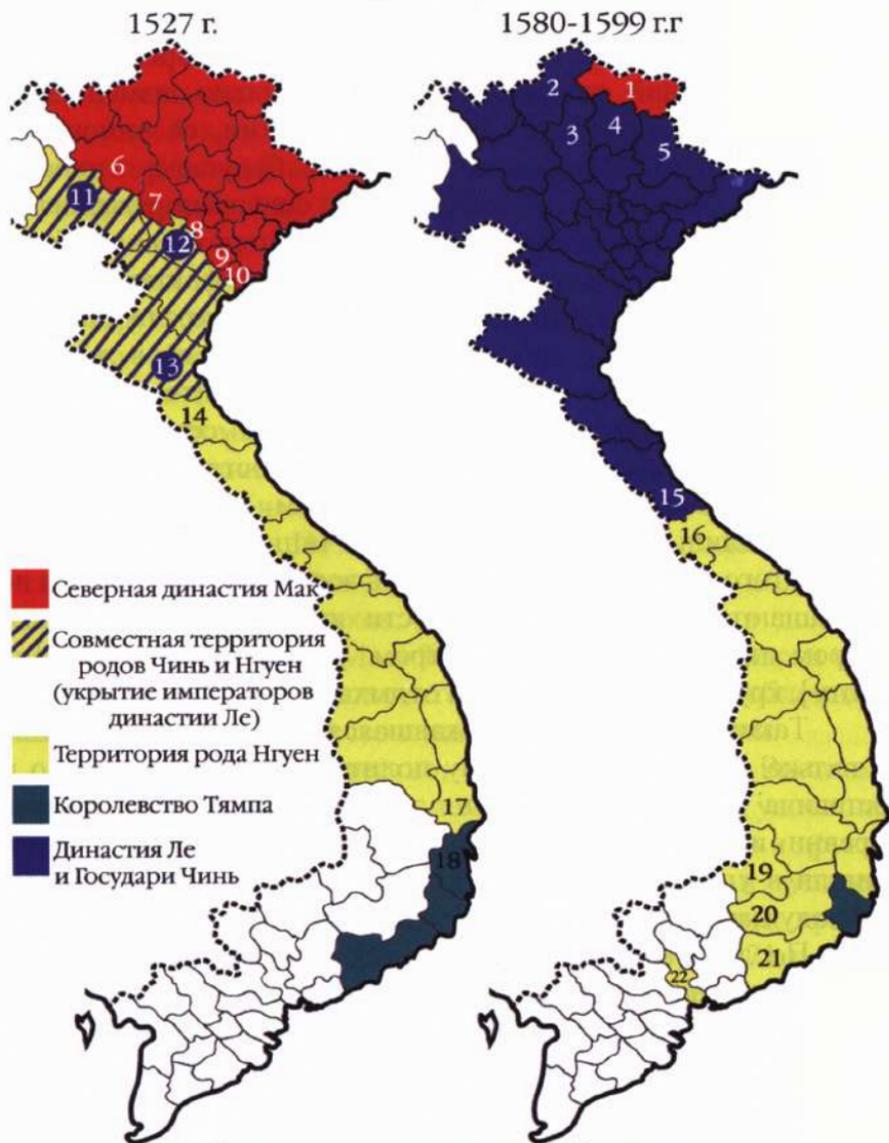
Судя по, приведённым Ле Кюи Доном в его «Общей истории Великого Вьета¹» многочисленным фактам, власти севера погрязли во взяточничестве и лени, обирали народ и жили в роскоши. Кроме того, по цитируемому в том же произведении под 1581 г. докладу малого блюстителя внешних дел династии Мак, положение населения севера страны усугублялось тяжкими трудовыми повинностями, в первую очередь связанными со строительством укреплений для защиты столицы от нападений армии Чинь Тунга. Так, автор упомянутого доклада пишет: «Теперь воровство [и] грабежи не прекращаются, военные повинности крайне тяжелы, только вечером отпустили [домой], а утром уже снова забирают [на работу], круглый год нет ни дня отдыха» [193, т. III, с. 331].

Таким образом, продолжавшаяся более полувека война не только привела к глубокому политическому кризису, но и поставила страну на грань экономической катастрофы. Деревни и сёла опустели, поля были заброшены, ремёсла пришли в упадок, а торговля почти полностью остановилась. Повсюду царили бедность и запустение.

Последствия этой кровавой междоусобной войны сказывались ещё на протяжении многих лет, тем более что они наложились на начавшееся уже во время войны между Южной династией Ле и Северной династией Мак противостояние феодальных кланов Нгуен и Чинь, которое привело к новому расколу страны и не менее жестокой войне между южной и северной частями страны.

¹ Возможный вариант перевода названия – «Общая история Дайвьета».

Сравнительная карта Вьетнама (XVI в.)

Современные провинции Вьетнама

1-Каобанг	5-Лангшон	9-Ханам	13-Нгеан	17-Фуиен	21-Биньхуан
2-Хазянг	6-Иенбай	10-Намдинь	14-Хатинь	18-Кханьхоа	22-Хошимин
3-Туенкуанг	7-Футхо	11-Шонла	15-Куангбинь	19-Дакнонг	
4-Баккан	8-Хатей	12-Хоабинь	16-Куангчи	20-Ламдонг	

2. Начало обособления феодального клана Нгуен на Юге

Как известно, после убийства Нуен Кима в 1545 г. император Ле передал всю военную власть зятю убитого Чинь Киему. Однако если последний не осмеливался перечить Нгуен Киму, то он не захотел делиться властью с другими представителями рода Нгуен. Поэтому Чинь Киём замыслил убийство старшего сына Нгуен Кима левого командующего Нгуена Уонга. Тогда, следуя советам своего дяди Нгуен Ы Зи и первого лауреата конкурсных испытаний Нгуен Бинь Кхиема, сын Нгуен Уонга¹ обратился через свою сестру Нгаук Бао, которая была женой Чинь Киема, с просьбой о своём назначении руководителем Тхуанхоа. Чинь Киём, который стремился к тому, чтобы Нгуен Хоанг добровольно отказался от всех притязаний на власть, легко с этим согласился¹¹.

Исторически земли Тхуанхоа принадлежали Тямпе, от которой они были частично отторгнуты при династии Ли, а окончательное завоевание этой территории Дайвьетом было завершено при династии Чан. При императоре Совершенном рода [династии] Ле в состав провинции Тхуанхоа вошли территории от перевала Нганг до перевала Хайван¹¹¹. Также известно, что Нгуен Ким, который стремился в условиях противостояния с Северной династией создать себе максимально удалённую от театра военных действий опорную базу, попытался превратить в таковую южные территории Центрального Вьетнама. Однако в конце XVI в. этот богатый природными ресурсами регион был ещё почти не исследован и труднодоступен. Поэтому отъезд Нгуен Хоанга на юг гарантировал ему определённую безопасность.

В конце 1558 г. Нгуен Хоанг перевёз свою семью из района Тонгшон провинции Тханьхоа в Тхуанхоа. В то время в этом месте обитали ещё полудикие племена, занимавшиеся примитивным земледелием. Поэтому Нгуен Хоанг вёл себя

¹ Нгуен Хоанг.

¹¹ См. «Параграф 1» «Главы 1» «Части I» «Тома III».

¹¹¹ То есть от хребта Поперечного на севере до Перевала Облаков на юге.

мягко и доброжелательно, привлекая на свою сторону племенных вождей. Постепенно в Тхуанхоа стали стекаться потерявшие кров крестьяне из разорённых войной районов Тханьхоа и Нгеана. Туда же Южная династия ссылала многих военнопленных. Поэтому рядом с деревнями беженцев из разных уголков страны стали возникать государственные поселения военных полей. Согласно источникам, население Тхуанхоа именовало Нгуен Хоанга «Государь Начальный». Фактически он превратился в полновластного правителя этих территорий, единственной обязанностью которого являлось ежегодное подношение дани императору Ле.

Следует отметить, что оставшийся предельно лояльным по отношению к династии Ле правитель Тхуанхоа не вызывал ни малейшего подозрения у государя Чинь. Спустя 10 лет после своего прихода в Тхуанхоа Нгуен Хоанг получил в 1570 г. императорский указ о том, что под его начало также отдана территория Куангнама. На протяжении всей войны между Северной и Южной династиями регион Тхуан – Куанг оставался надежным тылом государей Чинь, откуда в полном объёме поступали ежегодные налоги и продовольствие для снабжения армии, за что в 1573 г. император Ле пожаловал Нгуен Хоангу звание великого заместителя. Тогда же был установлен и фиксированный ежегодный налог в размере 240 кг серебра и 500 штук шёлка¹ [165.2, т.4, с.165].

Помимо этого войны Нгуен Хоанга принимали и непосредственное участие в военных действиях. Так, в 1570 и 1572 гг. войска Мак дважды пытались вторгнуться с моря в Тхуанхоа, захват которого позволил бы им как максимум взять в клещи армию Южной династии, и как минимум захватить столь необходимое для армии продовольствие. Однако оба раза они были разбиты и изгнаны Нгуен Хоангом.

¹ В источнике сказано: «400 кан серебра и 500 там шёлка». Современный вьетнамский термин *там* (штуки) соответствует понятию *чюнг*. См. «Таблицу №3» в «Томе VI».

После возвращения императора Ле в столицу Нгуен Хоанг лично прибыл в 5-ом месяце 1593 г. к его двору с богатыми дарами¹ и подворными реестрами Тхуан – Куанга [165.2, т.4, с.200]. В награду он получил от императора Ле титул государственного князя Порядка. Одновременно с этим Чинь Тунг приказал Нгуен Хоангу возглавить уничтожение остатков армии Мак в провинции Шоннам. Для выполнения поставленной задачи перед ним задачи под его командование были отданы отборные войска, а также 300 малых и больших транспортных и боевых судов.

Всего Нгуен Хоанг пробыл на севере Дайвьета 8 лет. За это время он принял участие в целом ряде больших и малых сражений, а также возвёл немало укреплений и крепостей. В летописном своде XIX в. подчёркивается, что Нгуен Хоанг много сделал для упрочения власти императора Ле в Северном Вьетнаме¹¹. В этом источнике также сообщается о том, что его слава стремительно росла и что он пользовался всё большим влиянием при дворе возрождённой династии. В свою очередь, это вызывало злобу и опасения у Чинь Тунга, который начал делать всё, чтобы удержать Нгуен Хоанга в столице и не позволить ему вернуться в Тхуан – Куанг, где последний был вне пределов его досягаемости.

Надо полагать, что Чинь Тунг не остановился бы и перед убийством потенциального соперника, однако и Нгуен Хоанг понимал всю меру опасности, которой он подвергается при дворе. Поэтому когда в 1600 г. в Намдине вспыхнуло восстание, то он испросил у императора Ле позволения принять участие в его подавлении. Оказавшись в этой южной провинции Северного Вьетнама, Нгуен Хоанг воспользовался благоприятной ситуацией и вернулся в район Тхуан – Куанг,

¹ Дары состояли из большого количества золота, серебра и драгоценных предметов из подвластных Нгуен Хоангу земель.

¹¹ Нельзя исключать того, что придворные историографы династии Нгуен несколько преувеличили в своём летописном своде заслуги считающегося родоначальником этой династии Нгуен Хоанга.

который постепенно превратился под его руководством в один из самых процветающих районов Дайвьета.

С этого момента и вплоть до своей смерти в 1613 г. Нгуен Хоанг правил самостоятельно и де-факто не признавал центральную власть императора Ле и государя Чинь в Донгкине. Тем самым в начале XVII в. были заложены основы государства Нгуен, или Дангчаунга, на юге Дайвьета [239.1, «Основные записи», кн.ХХХ, с.4б – 6а, кн.ХХХI, с.2б – 3б].

Часть II

Социально-экономическое развитие Вьетнама X – XVI вв.

Глава I

Социально-экономические процессы эпохи династий из Хоалы и эпохи Ли – Чан

1. *Некоторые особенности развития вьетнамского общества в X – начале XI в.*

Характеристика социально-экономического развития вьетнамского общества X – начала XI в. затрудняется не только скудностью данных письменных источников, но и тем, что сам этот период, хронологически относясь к средневековой истории, по своему содержанию тяготеет к более ранней эпохе вьетнамской истории. Поэтому значительная часть её описания даётся в предыдущем томе. Более того, специфика письменных источников по этому периоду приводит к тому, что одни и те же излагаемые в них факты могут использоваться как для характеристики социально-экономической, так и культурной, а иногда и политической истории Вьетнама. Поэтому, к сожалению, в ряде случаев избежать повторов не удалось¹.

Наиболее полно в письменных источниках приводятся сведения о представителях вьетнамского господствующего класса X в., которые в целом сводятся к следующему. В «Кратких записях [об] Аннаме»^{II} Ле Така сказано: «В конце правления династии Тан местные вожди [округов] Зяо [и] Ай Кхук, Киеу [и] Нго^{III} один за другим узурпировали [власть в

¹ Смотри «Параграф 3» «Главы 2» «Части III» и «Главу 3» «Части IV» «Тома I».

^{II}* А.Б.Поляков переводит название исторического сочинения Ле Така как «Краткие записки об Аннаме», что не совсем точно. О переводе термина 記 (кит. Цзи, вьет. Кү, Ки). Смотри «Том I», «Примечание 13» в «Комментарии» к «Введению».

^{III} В переводе текста «Краткие записки [об] Аннаме» указан и клан Зыонг, однако в иероглифическом тексте он отсутствует.

течение] почти пяти – шести десятков лет» [241.1, с.115]. Интересно отметить, что в летописном своде «Отражение истории Вьета, основа [и] частности, составленное по повелению императора» термин «местный вождь» использован и по отношению к двенадцати легатам-правителям. В то же время в этом летописном своде они также называются, как и в своде XV в. «Запись истории Великого Вьета, полное описание»¹, «мужественными предводителями» [165.4, т.1, с.208; 239.6, с.891]. Судя по всему, термины «местный вождь» и «мужественный предводитель» во многом являются синонимами и использовались для обозначения местных феодалов, которые либо вообще ни от кого не зависели, либо лишь формально признавали главенство центральной власти¹.

Вместе с тем к упомянутым феодалам применяются ещё два термина: «офицер», или «военачальник», и «младший офицер», или «помощник военачальника», при этом последний может интерпретироваться как «чин для поручений при полководце»². Вместе с тем такие местные вожди, как Кхук Тхья Зу, Кхук Хао, Кхук Тхья Ми и Зьонг Динь Нге, присваивали себе титул легата – законодателя, который в эпоху Тан носили имперские губернаторы. Судя по источникам, вся эта титулатура ещё не имела устойчивого характера. Так, в «Записи истории Великого Вьета, полном описании» и «Кратких записях [об] Аннаме» отмечается, что Зьонг Динь Нге был офицером Кхук Хао, а Киеу Конг Тиен, Нго Кюен и Динь Конг Чы были младшими офицерами Зьонг Динь Нге. Однако тогда не совсем понятно, почему в «Отражении истории Вьета, основе [и] частностях, составленном по повелению императора» Зьонг Динь Нге назван «младшим офицером»? [182, т.II, с.43].

¹* А.Б.Поляков вслед за его российскими переводчиками называет этот летописный свод «Полное собрание исторических записок Дайвьета» [54], что применительно к данному случаю неверно. Смотри «Том I», «Примечание 11» и «Примечание 13» в «Комментарии» к «Введению».

Ступа пагоды Западного озера. Ханой. 24.03.2011 г.

Конкретных данных о воинских формированиях вьетнамских феодалов того времени не имеется, однако, исходя из того что они захватили власть в округе Зяо и объявляли себя легатами – законодателями, сомневаться в том, что они располагали таковыми, не приходится. Так, в «Записи истории Великого Вьета, полном описании» сообщается, что Зыонг Динь Нге было войско, состоявшее из трёх тысяч «приёмных сыновей», а в «Отражении истории Вьета, основе [и] частностях, составленном по повелению императора» отмечается, что, будучи младшим офицером Кхук Хао, он содержал три тысячи «воинов-храбрецов» [165.4, т.1, с.202; 182, т.II, с.43]. Очевидно, что в данном случае речь идёт о личном военном формировании или дружине Зыонг Динь Нге из профессиональных воинов, правда, остаётся не совсем ясным вопрос о способах его комплектования. Таким образом, Зыонг Динь Нге, являясь военачальником Кхук Хао, служил ему со своей дружиной. Как известно, в 937 г. Зыонг Динь Нге был убит своим военачальником Киеу Конг Тисном, который, как можно предположить, использовал для переворота свою дружину. Точно также Нго Кюен, бывший наследственным правителем находившейся в окрестностях современного Ханоя территории, «привёл войска из Айтяу, [и] напал на Конг Тиена» [36, с.126]. Интересно отметить, что, став верховным правителем, Зыонг Динь Нге назначил Нго Кюена управлять своим родовым округом Ай, а своего третьего военачальника Динь Конг Чы он назначил наместником округа Хоан¹. В летописных сводах упоминается только о войске Нго Кюена из округа Ай, поэтому, надо полагать, что Конг Чы, который впоследствии был оставлен Нго Кюеном наместником округа Хоан, не участвовал в боевых действиях против Конг Тиена. Собственной дружиной обладал и его сын Динь Бо Линь, который впоследствии примкнул к легату-правителю Чан

¹ Округа Ай и Хоан находились на границе с Тямпой. Не исключено, что Зыонг Динь Нге переместил Кюена в свой родовой округ Ай с целью ослабления его влияния.

Ламу и, опираясь на свой родовой горный уезд Хоалы, возглавил объединённые военные силы вьетнамских феодалов. Весь этот сюжет косвенно свидетельствует о том, что практически все более или менее крупные вьетнамские феодалы той эпохи располагали собственными вооружёнными формированиями. По данным летописных сводов, их дружины насчитывали от нескольких сот человек у Киеу Конг Хана до восьми тысяч у Нгуен Шиеу.

Ситуация мало изменилась и после прихода к власти династий из Хоалы. Это подтверждается упоминанием о некоем Ле Лыонге из влиятельной семьи округа Ай, у которого «кормилось» три тысячи человек и которого Бо Линь «назначил» управлять его родовым округом Ай как своего «чиновника»³. Такое «назначение» свидетельствует о слабости центральной власти в правление династии Динь, которая, судя по всему, контролировала не всю территорию страны. Поэтому говорить о централизованной монархии применительно к тому времени не приходится⁴. Интересно, что основатель династии Ле также был уроженцем округа Ай. В «Записи истории Великого Вьета, полном описании» и в «Кратких записях [об] Аннаме» отмечается, что Ле Хоан рано лишился родителей и был усыновлён правителем округа по фамилии Ле. Если учесть, что Ле Хоан родился в 941 г., то его приёмным отцом вполне мог быть Ле Лыонг, хотя с полной определённостью утверждать этого нельзя. Имеется упоминание о том, что Ле Хоан служил сыну Динь Бо Линя и командовал двумя тысячами бойцов, а затем был назначен верховным главнокомандующим. Известно, что в 974 г. Бо Линь провёл армейскую реформу, предприняв попытку создать регулярную армию по десятичной системе, разбив своё войско на подразделения по десять, сто и тысяче воинов. Поэтому нельзя исключать, что две тысячи бойцов Ле Хоана на самом деле были его личной дружиной, которая затем стала основой «регулярной армии» Динь Бо Линя.

Таким образом, можно считать установленным наличие во Вьетнаме X в. профессиональных воинов-дружинников, не

принимавших, судя по постоянным военным конфликтам между их хозяевами, регулярного участия в процессе материального производства. Соответственно их содержание могло быть обеспечено только за счёт изъятия прибавочного продукта у крестьян-общинников, проживавших в районе, контролируемом тем феодалом, на службе у которого они состояли. Поэтому, хотя в источниках об этом ничего не сообщается, можно с уверенностью утверждать, что крестьяне обязаны были платить подати фактическому владельцу земли, на которой они находились. О степени фиксированности этой ренты судить трудно, но представляется, что в связи с отсутствием разветвлённого бюрократического аппарата во Вьетнаме X в. эти подати представляли собой переходную форму от обычной, нерегулярно собираемой дани типа полюдья к фиксированной ренте-налогу. Косвенным подтверждением этого может служить следующее событие, описываемое в исторических источниках. Так, в «Кратком [изложении] истории [Великого] Вьета» при описании событий между 951 и 954 гг. отмечается: «В то время был человек из донга^I Хоалы [по имени] Динь Бо Линь, который укрылся в труднодоступных горах и не выполнял долг подданного⁵. Два выонга^{II} решили покарать сго. Бо Линь испугался, послал своего сына Лиена заплатить дань^{III}» [36, с.127]. Приведённая цитата является весьма важной, так как отражает взаимоотношения между верховными правителями округа Зяо и местными феодалами, каковым был и Динь Бо Линь до захвата верховной власти в стране. По ней можно судить о весьма относительном характере их вассальной зависимости от центральной власти, которая обуславливала нерегулярность выплаты ими дани сюзерену. Способом выколачивания дани и приведения к покорности были военные экспедиции. В том же источнике далее написано: «Два выонга

^I Донг: горный уезд.

^{II} «Два выонга» – то есть «Два короля».

^{III} Смотри «Примечание б» в «Комментарии» к настоящей главе.

наказали его [Бо Линя] за непокорность, схватили Лиена и отправились в карательный поход против него [Бо Линя]» [36, с.127]. Характерно, что более поздний источник «Запись истории Великого Вьета, полное описание» пишет не о дани, а только ограничивается упоминанием о том, что Динь Бо Линь, который «не выполнял долг подданного», испугавшись «наказания», «приказал Лиену отправиться ко двору в качестве заложника⁶, чтобы воспрепятствовать выступлению войск [в карательный поход]» [165.4, т.1, с.207].

Следует отметить, что, хотя упоминание о дани встречается только в вышеприведённом сюжете, карательные экспедиции с целью подавления сепаратизма феодальных властителей округов и получения от них дани были достаточно характерны для ранних вьетнамских независимых династий Нго, Динь и Ле. В данном случае сведения о дани в «Кратком [изложении] истории [Великого] Вьета» вызывают больше доверия, чем сведения в более позднем летописном своде Нго Ши Лиена. Факт взимания дани верховными правителями с местной знати в X в. свидетельствует о том, что она являлась промежуточным звеном между крестьянами-общинниками и этими правителями. В дальнейшем это обстоятельство способствовало интеграции местной знати в состав господствующего класса Дайвьета вследствие её включения в систему государственного управления. Подобное явление характерно и для других обществ эпохи раннего феодализма [579, с.60,61].

Кроме упоминаний о потомственных правителях в источниках приводятся сведения о лицах, которые были назначены руководителями округов верховными правителями. Они рассеяны по различным документам и носят отрывочный, порой противоречивый характер. Тем не менее эти сведения позволяют провести анализ как структуры господствующего класса, так и взаимоотношений между его отдельными представителями, что необходимо для понимания социально-экономических процессов, происходивших во вьетнамском обществе X в.

Из источников следует, что из двадцати двух правителей¹ только девять человек были потомственными правителями своих округов, семь из них захватили округа, а по пяти данные отсутствуют. При этом интересно отметить, что среди потомственных правителей нет ни одного выходца из империи. В то же время из семи захвативших «свои» округа правителей пятеро были этническими китайцами, семьи которых жили в округе Зяо не одно поколение. Интересно отметить, что обычно только один из членов клана оставался на территории своего потомственного владения, а остальные его члены захватывали владения в других районах, как, например, представители кланов Нго и Киеу. Согласно источникам, став правителями захваченных территорий многие из них, в первую очередь те, кто известен под титулом «легат-правитель», строили там крепости и присваивали себе титул «[удельный] князь». Некоторым из них даже ставили поминальные храмы. В целом же складывается следующая картина. Из девяти потомственных правителей только двое присвоили себе титул, один построил крепость^{II}, зато в их честь было построено шесть поминальных храмов и установлена одна стела в пагоде. Из семи захвативших свои округа правителей четверо присвоили себе титул «князь»^{III} и шестеро построили крепости, тогда как поминальные храмы были возведены лишь в честь трёх из них. Отсюда следует, что крепости строили в основном пришлые и, надо полагать, не столько для защиты от внешней угрозы, сколько для защиты от враждебного по отношению к ним местного населения. Они же, видимо, в целях подтверждения законности своей власти провозглашали себя «князьями». В то же время потомственные родовые правители, которые поддерживались местным

^I Исключая четырёх наследственных правителей всей страны и Ле Хоана.

^{II} Крепость построил Киеу Конг Хан, который значительно расширил свои родовые владения, захватив ещё два соседних округа.

^{III} Для той эпохи титул «князь» (公) вполне может интерпретироваться как «[удельный] князь».

населением, возводившим в их честь поминальные храмы культа предков, в этом не нуждались. О преобладании центробежных сил в стране и слабости центральной власти в X в. свидетельствует и тот факт, что практически все местные правители, за исключением членов клана Кхук, а также наследников Нго Кюена и Динь Конг Чы¹, на том или ином этапе оказывали вооружённое сопротивление центральной власти, при этом только двое из них добровольно подчинились приказу переместиться из родовых округов в другие.

Рисовые поля. Тханьхоа. 31.03.2011 г.

В связи с этим интересно понять механизм достижения феодалами верховной власти. Кхук Тхья Зу, Нго Кюен и Динь Бо Линь были потомственными правителями округов. В отношении Зьонг Динь Нге данных не имеется, но характер упоминаний о нём в летописных сводах свидетельствует в пользу того, что до прихода к власти он был потомственным правителем своего округа. Как известно, Ле Хоан был усыновлён местным правителем по фамилии Ле. Ранее уже

¹ То есть всего шесть человек из двадцати шести.

формулировалась гипотеза, согласно которой его приёмным отцом мог быть Ле Лыонг, который сам был потомственным правителем округа из Тханьхоа, откуда происходил и Ле Хоан. Таким образом, получается, что к верховной власти в центральном округе Зяо приходили потомственные правители округов, причём все они являлись вьетнамцами по национальности, тогда как местными правителями других округов могли быть как потомственные, так и пришлые феодалы. Этот вывод подтверждается клановым характером приходивших к верховной власти феодальных родов. Так, например, клан Кхук насчитывал три представителя, Зыонг – два, Киеу – три, Нго – пять, Фам – два, Нгуен – три, Динь – три, Ле – три⁷. То есть, из двадцати шести упоминаемых в источниках лиц, двадцать четыре являлись членами восьми кланов, шесть из которых добились верховной власти⁸. Её не добились лишь клан Нгуен, представители которого были выходцами из Южного Китая, и клан Фам, само существование которого вызывает сомнения. Таким образом, в X в. борьба за верховную власть шла исключительно между представителями кланов, тогда как безродные одиночки не имели никаких шансов добиться успеха. Более того, верховная власть, как правило, не передавалась по наследству, а захватывалась вооружённым путем. Так, только четырём из тринадцати правителей округа Зяо власть досталась по наследству, причём лишь трое из них правили более пяти лет⁹. Также интересно отметить, что, за исключением Киеу Конг Тисна и Динь Бо Линя, шесть верховных правителей были родом из центральной части северовьетнамской низменности и примыкающей к ней провинции Хайхыннг, а три – из провинции Тханьхоа, при этом пять из семи пришлых правителей захватили округа по периферии первого района в провинциях Виньфу, Хатэй, Хабак и Тхайбинь.

Наконец, следует отметить, что из двенадцати легатов-правителей пятеро в прошлом были военачальниками Нго Кюена и один – Зыонг Там Кха. Из этих шести военачальников только двое были потомственными правителями округов,

остальные четверо были выходцами из Южного Китая. Как уже отмечалось, надо полагать, что они нанимались на службу к верховным правителям со своими, иногда достаточно многочисленными военными отрядами.

Говоря о начале объединения страны под властью династии Динь, интересно отметить, что Динь Бо Линь уничтожил троих из четырёх потомственных легатов-правителей и троих из пяти «этнических кигайцев», по одному из легатов-правителей данных нет, а князь Светлый Чан Лам, как известно, был приёмным отцом Динь Бо Линя. Сдавались Линю, как правило, вьетнамские по национальности правители захваченных округов, которые, судя по всему, не пользовались поддержкой местного населения, а потому не представляли большой опасности для Динь Бо Линя, охотно принимавшего их капитуляцию¹.

На основании имеющихся данных можно сделать вывод о том, что в X в. высшим слоем господствующего класса являлись лица, обладавшие реальной военной силой, тогда как немногочисленные гражданские чиновники стояли значительно ниже их. К верховной власти в стране приходили вьетнамские по национальности потомственные правители округов. Как правило, она захватывалась вооружённым путем. Характерной чертой господствующего класса была его клановость. Большинство крупных феодалов входило в тот или иной клан. Процесс формирования господствующего класса происходил двумя различными, в количественном отношении примерно равными способами: либо через потомственное правление в округах, либо путём захвата округов пришлыми военачальниками со своими дружинами. Среди потомственных правителей округов нет ни одного этнического китайца, которые составляют большинство пришлых правителей. Правители, захватившие округа, в отличие от потомственных, как правило, присваивали себе

¹ Три человека, по остальным трём данным нет.

титул «князь» и строили крепости, тогда как поминальные храмы в их честь возводились значительно реже, чем в честь потомственных правителей. Практически все крупные феодалы на том или ином этапе оказывали вооружённое сопротивление центральной власти. Только единицы из них подчинялись приказу сюзеренов переместиться из своих родовых округов в другие. Вассальная зависимость правителей округов от центральной власти была зачастую формальной за счёт слабости последней. Подати, которые платили правители округов центральным властям, носили нерегулярный характер и являлись, по существу, обычной данью.

Такое положение вещей изменилось лишь с упрочением централизованного государства и появлением первых долговременных династий. Поэтому эпохой феодальных смут следует считать не только, как это принято, эпоху двенадцати легатов-правителей¹, а большую часть всего X в.¹⁰.

2. Социально-экономические отношения в эпоху Ли – Чан

2.1. Социально-классовая структура общества в правление династии Ли (1009 – 1226 гг.)

С приходом к власти общевьетнамской династии Ли усилился процесс централизации вьетнамского феодального государства Дайвьет, в основе которого лежала верховная власть императора, стоявшего во главе господствующего класса страны. Как уже отмечалось, в X в. к верховной власти в стране имели доступ лишь представители военно-феодалных кланов. В то же время основатель первой общенациональной династии Ли Конг Уан не принадлежал к какому-либо определённому клану, хотя, находясь на императорской службе, он дослужился до должности командира гвардии и получил земельное пожалование. Однако самым главным было то, что с его приходом к власти впервые во вьетнамской истории императором стал воспитанник и

¹ 965 – 968 гг.

ставленник буддийской сангхи¹. Это обстоятельство оказало решающее влияние на формирование господствующего класса Дайвьета в XI – XII вв. Все императоры династии Ли были верными адептами буддизма, члены императорской семьи и высшее чиновничество получали образование в буддийских монастырях. Сами же императоры Ли являлись не только «Сыновьями Неба», «представителями на земле Верховного Императора», но и даже отождествляли себя с Буддой. Так, Ли Конг Уан дал своему наследнику, будущему императору Совершенному рода имя «Фат Ма»^{II}, а император Высокий рода требовал, чтобы его называли «Будда».

Императоры династии Ли обладали всей полнотой политической власти в стране. У них было право верховной собственности на землю, являвшуюся основой существования аграрного государства. Они жаловали земельными наделами и крестьянскими семьями членов императорской семьи и чиновников, проводили политику поощрения земледелия, издавали соответствующие указы, совершали ритуальную пахоту и организовывали ирригационные работы. Императоры во многом способствовали развитию ремесла и торговли. По их повелению нанимались мастера для строительства храмов и изваяния статуй Будды. Они лично отдавали распоряжения о строительстве военных и торговых кораблей, а также регламентировали международную торговлю.

Высшим слоем господствующего класса были члены императорской семьи. Придя к власти в 1010 г., Ли Конг Уан пожаловал своим сыновьям титул «маркиз», а дочерям – титул «принцесса». Вот как описывается это событие в летописи «Краткое [изложение] истории [Великого] Вьета»:

«Старший сын [Фат] Ма – назначен наследным

^I О происхождении Ли Конг Уана смотри, «Параграф 5» «Главы 3» «Части IV» «Том I» и «Примечание 2» в «Комментарии» к «Главе 1» «Части I» настоящего тома.

^{II} То есть, «Агатый Будда». Об этом имени смотри «Примечание 14» в «Комментарии» к «Главе 3» «Части IV» «Том I».

принцем¹. Остальным сыновьям даны титулы «хау»^{II}. Тринадцать дочерей вуа^{III} стали принцессами. Старшую дочь – принцессу Ан Куок – выдал замуж за Дао Кам Мока, пожаловал [ему] титул Нгиа Тин хау^{III}» [36, с.141].

То есть титул маркиза получил и породнившийся с императорской семьей Дао Кам Мок. В дальнейшем этот титул стал жаловаться как высшим чиновникам, так и тем, кто имел особые заслуги перед государством. Своим братьям император пожаловал титул «[великого] князя», который спустя некоторое время получили и все сыновья императора. В случае прихода к власти малолетних наследных принцев верховную власть от их имени осуществляли состоящие из членов императорской семьи и высших чиновников придворные группировки. Они фактически становились регентами при малолетних императорах. Кроме того, к высшему слою господствующего класса Дайвьета относились ещё пользовавшихся влиянием на местах потомки легатов-правителей с их родовыми феодами, которые нередко отказывались подчиняться указаниям центральной власти. Поэтому первые императоры династии Ли и их военачальники вынуждены были неоднократно совершать военные походы для их усмирения. Наконец, следует отметить, что в правление обеих ветвей династии Ли широко практиковалась политика привлечения на свою сторону вождей горных племён путём выдачи за них замуж принцесс. В результате эти вожди фактически становились родственниками императора и формально включались в высший слой господствующего класса. Надо полагать, что вся эта знать имела возможность кормиться за счёт части собираемых государством с сельских общин налогов. В пользу этого косвенно свидетельствует указ

^I* Правильнее было бы переводить этот титул не как «наследный принц», а как «наследник».

^{II}* Маркиз. Правильнее транскрибировать по-русски вьетнамское название этого титула как «хоу».

^{III} Маркиз Истинной справедливости.

от 1013 г., повелевавший всем «[великим] князьям, маркизам и принцессам ведать налогами согласно иерархии» [165.4, т.1, с.244].

К различным слоям господствующего класса Дайвьета можно отнести и буддийских монахов. В эпоху Ли буддийская сангха являлась одним из крупных земельных собственников. Буддийские монастыри также владели значительным числом зависимых крестьян и сельскохозяйственных рабов, а монахи не платили налоги, не несли трудовую повинность и не служили в армии.

К среднему и низшему слоям господствующего класса относились чиновники соответствующих рангов. Но если чиновников среднего уровня следует прямо относить к этому классу, то чиновники низшего уровня занимали промежуточное положение между господствующим и эксплуатируемым классами. Поэтому «де-факто» низший слой чиновничества был более близок к общинной верхушке.

При императорах династии Ли государственный аппарат, хотя в то время он ещё не и получил достаточно чёткого оформления, стал совершеннее, чем при династиях Динь и Ле. В целом же при его создании была взята за образец структура государственного аппарата династии Сун. Этот аппарат состоял из внутренних, или столичных, и внешних, или провинциальных, чиновников, которые делились на гражданских и военных чиновников, буддийских монахов и евнухов [1306.3, т.3, с.40].

Основное «сунское» деление на гражданских и военных чиновников при династии Ли строго не соблюдалось. Так, гражданские чиновники зачастую принимали участие в военных походах, а военные – легко переходили в категорию гражданских. Поэтому, в отличие от сунской структуры, ряд должностей не был строго связан с исполнением конкретных функций в гражданском административном аппарате или в военных структурах..

Комплектование чиновничьего аппарата происходило тремя путями: назначение на должность, конкурсные экзамены

и получение должности за деньги. При императорах первой ветви правления династии Ли^I действовало лишь прямое назначение на должность за те или иные заслуги, тогда как получение должности за деньги стало возможным только в правление второй ветви этой династии при императоре Высоком рода. Что же касается вопроса о назначении на должность по результатам конкурсных испытаний, то первое упоминание о таких конкурсах относится лишь к концу правления династии Ли. Так, под 1179 г. в наиболее раннем из сохранившихся вьетнамских летописных сводов сообщается:

«Вуа^{II} вместе с вдовствующей императрицей наблюдал, как дети буддийских и даосских монахов и чиновников экзаменовались в знании наизусть праджны-парамиты¹², а также высочайше посетил дворец Фьонг Минь^{III}, где проводились экзамены хоанг намаов^{IV} по написанию стихов древних поэтов и счёту» [36, с.195].

В этом тексте наиболее важным является упоминание о «хоанг намах», сдававших экзамены по поэзии и счёту, из чего следует, что государственный аппарат Дайвьета конца эпохи династии Ли формировался не только из представителей господствующего класса, но и за счёт выходцев из простого народа, которые имели возможность, сдав экзаменационные испытания, сменить свой социальный статус. Последнее же свидетельствует о довольно высокой социальной мобильности во вьетнамском обществе конца XII в. Остальные сообщения о конкурсных испытаниях в этом источнике относятся к ещё

^I* Автор посвящённых эпохе Ли глав А.Б.Поляков в соответствии с предложенной им гипотезой говорит о «первой и второй династиях Ли». Однако, хотя эта гипотеза представляется достаточно убедительной и обоснованной, в данной работе используется смягчённая формулировка о «первой и второй ветвях династии Ли». См. «Параграф 2» «Главы 1» «Части I» настоящего тома.

^{II} Император Высокий рода династии Ли.

^{III} Дворец Феникса Света. Правильнее писать «Фьонг-минь».

^{IV} То есть «жёлтые мужчины», или полноправные общинники, о которых речь идёт ниже.

более позднему времени [36, с.164, 195, 200, 201]. Поэтому есть все основания полагать, что при династии Ли основным было прямое назначение чиновников из числа грамотных людей, в числе которых буддийские монахи занимали доминирующее положение. Количество же чиновников, назначенных на должности по результатам конкурсных испытаний, начало расти лишь в эпоху Чан, тогда как главенствующее положение этот метод формирования государственного аппарата занял только после реформ конца XIV – начала XV в.¹³.

По мере усложнения управленческого аппарата вьетнамскому централизованному государству требовались всё большие средства на его содержание, а в условиях основанного на сельском хозяйстве общества эти потребности могли быть удовлетворены только за счёт земли и сельскохозяйственной продукции. Так, сунский историограф XII в. Чжоу Цюйфэй писал: «Всею при вступлении в должность не выплачивают жалованье. Единственный способ оплаты – [кормление] от местного населения. Получают возможность извлекать доход от подчинённого [населения], выполняющего повинности по земледелию [и] рыболовству» [85, с.130,131]. Ему вторит и вьетнамский историограф XV в. Нго Тхи Ши, характеризовавший ситуацию по состоянию на 1067 г. следующим образом: «Во времена Ли внутренние [и] внешние чиновники не получали жалования, чиновники в столице иногда получали жалование; чиновникам вне [столицы] передавалась власть над народом [определенной] местности; им разрешали распоряжаться [и] собирать налоги с пахотных земель и прудов; обучать народ обработке земли [и] рыбной ловле, чтобы получать доход [165.3, с.237].

Таким образом, в правление династии Ли чиновники не получали жалования, а взимали в свою пользу налог либо с группы семей, либо с определенной площади пахотной земли, составлявший, как правило, одну десятую от общей части налога, выплачиваемого государству. Кроме того, чиновники не платили налоги и не несли трудовую повинность, при этом

судебные чиновники вообще находились на особом положении. Так, в 1067 г. им было установлено жалование деньгами и продуктами, что подтверждается следующим сообщением источника:

«Виен нгоай лангов^I Нгюи Чаунг Хоа и Данг Тхе Ты назначили до хо ши шы^{II}. 10 человек тхы зя^{III} назначили ан нгук ланями^{IV}. Назначили [Нгюи] Чаунг Хоа и [Данг] Тхе Ты ежемесячно жалование – деньгами каждому 50 связок монет, риса – каждому 200 пучков и к этому еще соль, рыбу. Каждому тхы зя 20 связок монет и риса каждому по 100 пучков, чтобы пресечь их стремление брать взятки» [36, с.160].

Основной эксплуатируемый класс Дайвьета эпохи Ли состоял из свободных крестьян-общинников. Общины распоряжались находившимися у них обрабатываемыми землями, хотя верховное право собственности на них оставалось у государства. Общинники выращивали рис, овощи и другие сельскохозяйственные продукты, разводили рыбу в прудах, высаживали тутовый шелкопряд и занимались ремёслами. Они платили налоги, несли воинскую и трудовую повинности. Сами крестьянские семьи и их земли могли жаловаться тем или иным представителям аристократии и чиновникам в кормление, но без права наследования. При этом крестьяне не становились лично зависимыми и по-прежнему оставались свободными. Разница была лишь в том, что они платили налоги не государству, а тем лицам, которым они были пожалованы.

Основными налогоплательщиками в сельской общине были лица мужского пола от восемнадцати до шестидесяти лет. Они были вписаны в реестры, которые назывались «жёлтыми книгами» по цвету их обложки. Поэтому и внесённых в них общинников называли «жёлтые мужчины». В возрасте

^I Чиновник – внешний муж.

^{II} Наместник, руководитель-наставник.

^{III} Каллиграф.

^{IV} Надзирающий [над] тюремщиками.

восемнадцать и девятнадцать лет они назывались просто «жёлтыми мужчинами», а с двадцати по шестьдесят лет – «великими жёлтыми мужчинами»¹. Император предпринимал необходимые меры по сохранению численности этих крестьян, так как они были основой существования государства. Так, в летописном своде «Запись истории Великого Вьета, полное описание» под 1043 г. сообщается об императорском указе, запрещающем продавать свободных общинников в домашние рабы, а в «Кратком [изложении] истории [Великого] Вьета» под 1157 г. отмечается, что «семьи, наделённые властью, не могут самовольно принимать “цветных людей” из простого народа¹⁴» [165.4, т.1, с.264; 36, с.188]. Наконец, в том же источнике под 1162 г. приводится ещё один императорский Указ о разделении населения на различные категории [36, с.189].

Оросительный канал с колесом для поднятие воды на овощные поля.
Тхайнгуен. 28.03.2011 г.

В исторических источниках по периоду правления династий Ли упоминается только о полной или частичной

¹ То есть, полностью взрослые общинники.

отмене земельных налогов по тем или иным причинам, тогда как конкретных сведений об их размере не имеется. Вместе с тем очевидно, что основная масса налогов поступала от свободных крестьян-общинников. При этом налог-пошлина взимался рисом с определённой территории, а налог-рента взимался с урожая [1476, с. 43].

Одной из основных трудовых повинностей было строительство дамб, что диктовалось частыми разливами рек и наводнениями, которые серьёзно угрожали урожаю. Не менее важной повинностью являлось и рытьё каналов, которые были необходимы не только для орошения полей, но и представляли собой наиболее разветвлённую систему путей сообщения. Помимо этого крестьяне принимали участие в строительстве храмов и дворцов, а также привлекались по мере надобности на другие общественные работы. Они также несли воинскую повинность, о которой речь идёт ниже.

Самой бесправной прослойкой вьетнамского общества Дайвьета эпохи Ли являлись лично зависимые крестьяне, рабы и прислуга. После свободных крестьян-общинников это была наиболее многочисленная часть эксплуатируемого класса. В исторических источниках о ней имеется много упоминаний, но общего термина для обозначения входящих в эту социальную группу людей нет. Различия в наименованиях их категорий объясняются особенностями трудовой деятельности и статуса их представителей. Вьетнамский историк Нгуен Донг Ти выделяет для эпохи Ли – Чан двадцать три категории лично зависимых лиц [1476, с.383 – 385]. Интересно отметить, что каждая из них имела свой, законодательно оформленный статус. Наиболее значимыми категориями зависимых для эпохи Ли являются следующие:

Первая категория представлена *домашними рабами* или *зависимыми* (婢奴) высшей аристократии и чиновников. За какие-либо нарушения их статуса или преступления они конфисковались в казну. Так, под 1129 г. в «Записи истории Великого Вьета, полном описании» говорится: «Издан указ о том, что домашние рабы [великих] князей, маркизов [и]

чиновников не имеют право использовать своё служебное положение для избияния [солдат] императорских войск и простого народа, если кто нарушит, то глава семьи наказывается направлением на каторжные работы, а раб конфискуется в казну» [165.4, т.1, с. 303]¹⁵. Из этого указа следует, что рабы могут при определённых условиях переводиться из одной категории в другую, в данном случае конфисковаться в казну. Кроме этого, получается, что рабы высшей аристократии и чиновников порой занимали при них такое служебное положение, которое ставило их выше простого народа, то есть свободных крестьян-общинников и солдат гвардии, которая рекрутировалась из этих крестьян.

Вторая категория – это *семейные рабы* или *зависимые* (僕奴). Из текстов летописных сводов следует, что эта категория рабов или слуг также принадлежала высшей аристократии и чиновникам. Так, в «Записи истории Великого Вьета, полном описании» под 1118 г. говорится: «Запрещается прислуге чиновников [служащих]¹⁶ внутри и вне столицы татуировать на груди и ногах изображения драконов, подобно императорской гвардии, нарушивших конфискуют в казну» [165.4, т.1, с.289]. В том же летописном своде под 1131 г. сообщается: «Запрещается семейным рабам [великих] князей, маркизов, принцесс и чиновников жениться на дочерях чиновников и простого народа» [165.4, т.1, с.304]. Надо полагать, что появление подобного указа свидетельствует о том, что в то время семейные рабы высшей знати реально занимали особое положение во вьетнамском обществе.

К третьей категории относятся *личные рабы* (奴私) [1, т.4, с.944]. В летописных сводах «Запись истории Великого Вьета, полное описание» и «Отражение истории Вьета, основа [и] частности, составленное по повелению императора» под 1362 г. один раз упоминается об этой категории рабов: «... приказано личным рабам распахать целину на северном берегу реки Толить, чтобы посадить лук, чеснок и другие овощи [182.1, т.1, с.614]. Из этого отрывка можно судить о том, что данная категория рабов использовалась на работах в сельском

хозяйстве. Поэтому нельзя исключать, что личные рабы могли быть и у зажиточных крестьян.

Четвёртая категория состояла из *государственных* или *казённых рабов* (奴官), принадлежавших государству в лице императора¹⁷. Они использовались как для обслуживания нужд двора, так и на сельскохозяйственных работах. Как уже отмечалось, в них могли обращаться совершившие преступления рабы предыдущих трёх категорий.

Что же касается рабов, занятых непосредственно сельскохозяйственными работами, то они, судя по терминологии, были представлены ещё тремя категориями зависимых. Во-первых, это *полевые рабы* (奴田). Во-вторых, это *полевые каторжники* [общины] *Као* (宏田杲). В-третьих, это *полевые ссыльные* [общины] *Као* (兒田杲)¹⁸. Всем им выделялись участки земли, в том числе – целинной, с фиксированным размером поземельного налога, на которых они вели своё собственное хозяйство, при этом они даже имели право создавать семьи с лицами своей категории. Более того, таким рабам разрешалось создавать свои деревни и общины.

Согласно источникам, принадлежавшие буддийской сангхе земли обрабатывались *полевыми рабами*, которых ей дарили император, знать и высшие чиновники. Рабы этих трёх категорий могли быть амнистированы. Они также имели право выкупить себя из рабства.

Наиболее многочисленным источником поступления рабов были военнопленные и захваченные в плен в ходе военных столкновений жители приграничных областей. Большая часть этих рабов становились *государственными рабами*. Ими же становились лица, обращённые в рабство за совершённые преступления. Также было принято награждать рабами отличившихся в боях военачальников. В периоды неурожая и природных катаклизмов ряды рабов пополнялись за счёт разорившихся крестьян, которые продавали себя или своих детей в рабство, чтобы выжить. Родившиеся у рабов дети также становились рабами. В категорию рабов могли

попасть и чиновники, и крестьяне-общинники, что свидетельствует о социальной мобильности вьетнамского общества того времени. Наконец, рабы просто покупались, в том числе – в Южном Китае. Об этом свидетельствует уже цитировавшийся Чжоу Цюйфэй, который писал: «В Цзяочжи¹ для увеличения выгоды от добычи в коях золота покупают наших людей и делают их рабами» [85, с.229].

2.2. Изменения в социально-классовой структуре Дайвьета в правление династии Чан (1226 – 1400 гг.)

Пример второй ветви династии Ли, пришедшей в упадок и утратившей власть, показал необходимость обеспечения надежной передачи власти от одного императора другому. Поэтому правители династии Чан сделали всё для укрепления верховной власти императора. Так, одной из важнейших мер по её укреплению стало введение порядка, при котором правящий император при жизни принимал титул «Старшего [над] императором»^{II} и передавал престол старшему сыну. Он покидал столицу и переезжал в деревню Тьмак уезда Тхиенчюнг провинции Намдинь – родину предков династии Чан, которая была резиденцией верховных государей династии Чан. Однако вся полнота власти по-прежнему принадлежала Старшему [над] императором. Он продолжал руководить государством и принимал решения по всем вопросам. В его резиденции имелись необходимые службы и чиновники, при этом он имел постоянную связь со столицей и при необходимости её посещал.

Эта система чётко действовала только при первых пяти императорах, из которых лишь Великий рода не был старшим сыном. Начиная же с императора Светлого рода^{III} нарушается

^I Цзяочжи, то есть китайское чтение древнего вьетского наименования Зюти, которым в XII – XIII вв. в империи по-прежнему называли Дайвьет.

^{II} Как отмечалось в предыдущей главе, этот титул можно интерпретировать как «верховный государь».

^{III} 1315 – 1329 гг.

правило передачи престола старшему сыну. После правления этого императора на престол последовательно вступают четыре его сына – Наставник рода, Богатый рода, Искусный рода и Мудрый рода^I. При этом необходимо подчеркнуть, что бывший в течение длительного времени^{II} Старшим [над] императором Искусный рода попал под влияние будущего узурпатора власти династии Чан реформатора Хо Кюи Ли. С его правления, вернее, чуть раньше, с правления императора Богатого рода, начинается упадок династии Чан. Как уже отмечалось, именно при этом императоре в результате ряда неурожайных лет происходят серьёзные волнения среди крестьян и рабов.

Таким образом, принцип прижизненной формальной передачи императором престола старшему сыну способствовал укреплению власти, совершенствованию системы управления, преемственности политического курса, стабилизации обстановки и в определённой степени – отражению трёх нашествий монголо-китайской династии Юань^{III}.

Императоры династии Чан, как и императоры династий Ли, были адептами буддийской религии и способствовали её распространению в стране. Некоторые из них в старости постригались в монахи. Более того, император Гуманный рода династии Чан, уйдя в монахи, основал школу Бамбуковой рощи буддизма Созерцания, стал её патриархом, объединил другие школы этого учения и создал реестры буддийских монахов [1504, с.18]^{IV}.

Основной составляющей господствующего класса Дайвьета была высшая аристократия, состоящая из родственников императора. В летописях они традиционно обозначаются титулами «великий князь» и «маркиз» (второй титул знатности). Они входили в состав правительства и

^I 1330 – 1341, 1342 – 1369, 1370 – 1372 и 1373 – 1377 гг. соответственно.

^{II} 1372 – 1395 гг.

^{III} См. «Параграф 1.4» «Главы 2» «Части I» настоящего тома.

^{IV} См. «Параграф 1.2» «Главы 2» «Части III» настоящего тома.

занимали все высшие должности при дворе [165.4, т.2, с.15]. Во время войн с монголами и внутренних волнений они должны были выступать со своими слугами и ратниками сельского ополчения. Так, в 1353 г. был опубликован императорский указ, в котором великим князьям и маркизам повелевалось строить военные суда, ковать оружие и тренировать войска [165.4, т.2, с.133]. Они обладали значительными участками пахотной земли, которая образовывалась за счёт земельных пожалований в форме *уделов сбора* [налогов] и частных земель в форме *имений*. Именно эти *имения*, или обработанные целинные и залежные земли, находившиеся в частной собственности родственников императоров династии Чан, в корне отличали их от высшей аристократии династий Ли, которые такими землями не располагали. Вместе с тем в этот период формирования по-настоящему крупных земельных владений не произошло. Большая часть пахотных земель по-прежнему принадлежала общинам и находилась под юрисдикцией верховной собственности государства на землю. Постоянным местом проживания аристократии были их резиденции, расположенные в сельской местности. Эти резиденции порой были довольно внушительными. Известен уже упоминавшийся случай, когда великий князь Чан Куок Кханг построил величественный дворцовый комплекс. Из своих владений аристократы приезжали лишь в столицу на общие собрания, на приёмы к императору или в резиденцию Старшего [над] императором в Тыкмаке¹.

Императоры династии Чан придавали исключительное значение единению высшей аристократии, упрочению родственных связей членов императорской семьи, о чём свидетельствует уже цитировавшееся обращение императора Совершенного рода к своим близким [165.4, т.2, с.37]¹¹.

¹ Смотри «Параграф 1.3.1» «Главы 2» «Части I» настоящего тома.

¹¹ *ibid.*

Господствующее экономическое положение высшей аристократии к концу XIV в. было фактически ликвидировано взявшим к тому времени всю полноту власти Хо Кюи Ли. Указом от 1397 г. иметь земельные владения без ограничения разрешалось лишь великим князьям и принцессам, то есть детям и братьям императора. Всем остальным подданным, в том числе и прочим родственникам императора, разрешалось иметь не более одного гектара¹ частных земель. Излишки отбирались в казну. При этом известно, что великие князья, на которых ограничения не распространялись, большей частью были устранены узурпатором. Вместо родовой аристократии опорой Хо Кюи Ли становится служилое чиновничество.

В период правления династии Чан наиболее многочисленным сословием господствующего класса являлось гражданское и военное чиновничество. В этот период произошли важные изменения в процессе формирования корпуса чиновников и как следствие – в его составе. В XIII – XIV вв. происходило дальнейшее увеличение и усложнение государственного аппарата. В связи с этим императоры династии Чан и высшая аристократия по достоинству оценили возможности конфуцианского учения для управления государством. Ими был предпринят ряд мер, направленных на распространение конфуцианства в Дайвьете. В результате система конкурсных экзаменов приобрела более четкое оформление. Произошёл переход от экзаменов «Трёх Учений» с основной буддийской составляющей к классической системе конфуцианских конкурсных экзаменов, ставших более регулярными. Росту числа грамотных в конфуцианском смысле людей способствовало появление конфуцианских учебных заведений не только в столице Гханглаунге и в резиденции Старшего [над] императором в Тькмаке, но и в провинциях, чего раньше никогда не было. В то время наряду с государственными учебными заведениями появляются и

¹ В тексте сказано: «не более 10 *муд*». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

частные. Чиновниками становятся лауреаты конкурсных экзаменов и выпускники учебных заведений, причём первые занимали более высокие должности в государственном аппарате. Уже с 1228 г. приоритетом при назначении на должность пользовались дети чиновников. Традиция возвращения в родную деревню чиновников, достигших преклонного возраста, способствовала распространению обучения *ханвьету*¹ в сельских общинах и возможности принятия участия в конкурсных экзаменах крестьян-общинников¹¹.

Другим важным начинанием династии Чан было назначение жалованья столичным и провинциальным гражданским и военным чиновникам деньгами, поступающими от взимания налогов. Размеры жалованья зависели от ранга чиновника [165.4, т.2, с.15]. Как известно, при династии Ли деньгами и натурой жалованье выдавалось только судейским чиновникам.

Согласно эпиграфическим источникам в XIII – XIV вв. продолжались многочисленные дарения земель буддийским храмам и монастырям со стороны практически всех слоев общества – от императора до простого крестьянина. Исключение составляли безземельные, зависимые и рабы. Буддийская церковь приобретала земли и за деньги. Таким образом, буддийское духовенство, владея на правах частной собственности обширными площадями пахотной земли, также являлось крупным феодалом. В то время на монастырских землях трудилось множество сельскохозяйственных рабов и зависимых крестьян.

Из всего сказанного следует, что император, высшая аристократия в лице членов императорской семьи, чиновничество и буддийское духовенство представляли собой господствующий класс Дайвьета.

¹ Также смотри «Примечание 1» в «Комментарии» к «Главе 1» «Части III» «Тома III».

¹¹ Смотри «Параграф 1» «Главы 3» «Части III» настоящего тома.

Вьетнамский крестьянин у своего поля.
Река Ароматная, окрестности Хюе. 01.04.2011 г.

Подавляющим большинством населения страны по-прежнему оставались крестьяне-общинники. Новым в политике по отношению к ним со стороны государства было разрешение продажи общинных земель и превращения их в частные. Происходило постепенное ужесточение этой политики, которое проявлялось как в замене взимания подушного налога натурой деньгами, так и в обложении подушным налогом безземельных крестьян. Войны с монголами 2-ой половины XIII в., а также неурожаи и стихийные бедствия 2-ой половины XIV в. нанесли большой ущерб сельскому хозяйству. В результате многие крестьяне разорялись и были вынуждены становиться зависимыми работниками в имениях и монастырских владениях, продавая при этом членов семьи в рабство. В свою очередь это вело к уменьшению доли свободного общинного крестьянства.

В эпоху Чан также начинается процесс отделения ремесла от земледелия. В то время появляется пока ещё очень немногочисленная прослойка не занятых в сельском хозяйстве профессиональных ремесленников. В основном они жили и работали в пригородных слободах Тханглаунга.

Категории рабов и домашних слуг, существовавших при династиях Ли, продолжали оставаться такими же и при династии Чан. Рабы по-прежнему не могли, в отличие от крестьян-общинников, становиться чиновниками. Об этом свидетельствует высказывание Старшего [над] императором Светлого рода династии Чан, который говорил: «семейный раб даже если и совершил подвиг, всё равно не получит ранг чиновника династии» [165.4, т.2 с.125]. Широкое развитие частного землевладения аристократии и буддийских монастырей привело к увеличению сельскохозяйственных рабов. Экономический и политический кризис второй половины XIV в. привёл не только к крестьянским волнениям, но и, впервые в истории Дайвьета, к выступлениям рабов [165.4, т.2, с.134]¹.

2.3. Аграрные отношения и политика поощрения земледелия

Основой экономики Дайвьета в XI – XII вв., как, впрочем, и в последующее время, было сельскохозяйственное производство. Это хорошо понимали императоры первой половины правления династии Ли. С самого начала своего правления они начали проводить политику поощрения земледелия, от которого зависело само существование государства. Эта политика облегчалась укреплением и развитием централизации государства, связанной с его верховной собственностью на землю. В качестве примера политики поощрения земледелия можно привести следующие сведения, содержащиеся в исторических источниках Дайвьета и империи Сун.

В 1010 г. Великий Предок династии Ли издал указ о возвращении бродяг в родные места, с тем чтобы пополнить ряды крестьян общинников, являвшихся, как известно, самой многочисленной категорией налогоплательщиков Дайвьета.

¹ Смотри «Параграф 1.4» «Главы 2» «Части I» настоящего тома.

В 1013 г. было введено шесть видов налогов: налог на пруды и пахотную землю; налог деньгами и рисом на тутовые деревья; налог на продукцию горных районов; налог на рыбный соус и соль, взимаемый на пограничных постах; налог, взимаемый с рогом носорога, слоновой костью и благовониями с людей *ман-лао*¹; налог на различные сорта ценных пород деревьев и цветов у истоков рек^{II} [165.4, т.1, с.243]. Насколько достоверна приведённая в источнике XV в. столь детальная градация налогов на начало XI в., судить трудно, так как в более ранних источниках этих сведений нет.

В летописи «Краткое [изложение] истории [Великого] Вьета» под 1016 г. записано: «Большой урожай. 30 “пучков” риса стоили 70 монет. [Населению] страны разрешено не платить налог в течение трёх лет» [36, с.143]. Отмена налогов, которая естественна при неурожаях, выглядит довольно странно при большом урожае. Ведь тем самым император отказывался от возможности значительного пополнения государственных запасов продовольствия, которыми можно было бы воспользоваться для снабжения войск или при неурожаях. Например, когда в 1070 г. разразилась засуха, то бедному люду выдали с императорских складов рис, деньги и шёлк. Скорее всего, эта отмена налогов касалась в основном общинных земель, что является косвенным свидетельством наличия у государства больших площадей казённых земель с зависимыми крестьянами. Однако в этом случае возникает вопрос о том, каким образом всего лишь через шесть лет после прихода к власти династии Ли удалось создать такой запас казённых земель? Представляется, что ответ на этот вопрос требует дополнительного исследования.

Постоянные засухи и наводнения наносили большой вред сельскому хозяйству. Поэтому обе ветви династии Ли

¹ «Ман-лао» является общим термином для обозначения горных национальных меньшинств.

^{II} «У истоков рек», то есть в окраинных горных районах, где проживали национальные меньшинства.

уделяли большое внимание ирригационным работам, в первую очередь – строительству дамб и рытью каналов.

Императоры второй ветви династии Ли в начале своего правления также активно продолжали политику поощрения земледелия. В летописном своде Нго Ши Лиена под 1128 г. отмечается: «Приказано шести войскам, меняясь друг с другом, возвращаться к сельскохозяйственным работам согласно прежней системе» [165.4, т.1, с.298]. Данная система, применявшаяся в Дайвьете в XI – XIV вв., получила название политики «отправления солдат в деревню». Солдаты поочередно проходили военную подготовку и несли службу, лишь на время отрываясь от сельского хозяйства. Во время исполнения воинской повинности общинники сами обеспечивали себя продовольствием. Это позволяло государству фактически не расходовать средств на армию. Исключением являлась только гвардия, которая находилась на полном обеспечении императорского двора и не принимала участия в сельскохозяйственных работах. При этом практически всё мужское население страны проходило военную подготовку, что позволяло в случае войны быстро мобилизовать уже готовую к боям армию. Об этой политике императоров Дайвьета свидетельствуют и китайские авторы того времени, которые писали: «Солдаты ежемесячно один раз заступают на службу. В свободное время занимаются земледелием и обеспечивают себя сами» [85, с.131].

В 1135 г. был издан указ о том, что продавшие землю и пруды для разведения рыбы могут выкупить их обратно без дополнительной оплаты. Правда, в том же году появился указ, по которому проданные участки целинной или выкупленной земли больше не подлежат выкупу, если при сделке стороны подписали купчую [165.4, т.1, с.314]. В 1140 г. был «издан указ о том, что все проданные с правом выкупа обрабатываемые поля можно выкупить в течение 20 лет. Обо всех спорных обрабатываемых землях тяжбы более 5 – 10 лет не продолжать. Проданные обрабатываемые земли, на которые есть купчая крепость, не могут быть выкуплены» [36, с.184].

В 1142 г. был издан недошедший до нашего времени уголовный кодекс¹⁹, но, судя по указам предыдущих лет, в нём должны были содержаться и статьи, касавшиеся сбора налогов и запретов продажи в рабство тягловых крестьян-общинников [165.3, с.223; 165.4, т.1, с.263].

В 1143 г. впервые был издан указ, запрещающий забивать буйволов, с такой оговоркой: «Если планируется их использовать для жертвоприношений, то надо испрашивать соответствующее разрешение. Соседи, не доложившие о нарушении, подвергаются такому же наказанию [что и хозяин животного]» [165.4, т.1, с.315].

В 1144 г. был издан указ, запрещающий людям, оспаривающим пахотную землю, пруды и другое имущество, прибегать к покровительству влиятельных семей.

В 1147 г. придворному сановнику До Ань Ву было приказано отправиться в область Фульюнг проверить чиновников и утвердить количество подворных списков, составлявшихся для определения числа налогоплательщиков. Интересно отметить, что проверка гражданских чиновников была поручена До Ань Ву, который на тот момент занимал пост верховного военачальника. Это лишний раз свидетельствует о том, что при династии Ли ещё не было четкого разделения функций гражданских и военных чиновников. Кроме того, инспекторская проверка, порученная чиновнику столь высокого ранга, свидетельствует о том внимании, которое уделяло государство вопросам налогообложения сельского хозяйства²⁰.

Наконец, в 1157 г. издаётся упоминавшийся выше указ о запрете обращения свободных общинников в зависимые, направленный на защиту податного крестьянства.

Далее из летописных сводов исчезают данные о политике поощрения земледелия. Сообщения в источниках о голоде уже не сопровождаются сведениями о различных мероприятиях правительства по оказанию помощи крестьянам. В них содержится лишь констатация таких фактов, как, например, в 1181 г.: «Был большой голод. Почти половина

народа умерла». Или в 1208 г.: «Был большой голод. Умершие от голода лежали грудями [36, с.196, 208].

Одновременно с этим в летописных сводах появляются сведения, свидетельствующие о творившихся в государстве несправедливостях. Более того, в «Кратком [изложении] истории [Великого] Вьета» в этих несправедливостях прямо обвиняется сам император: «Вуа¹ был корыстолюбив и взял за правило продавать чиновничьи должности и брать плату за ведение судебных дел. Если два человека спорили из-за обрабатываемой земли или имущества и один человек был не прав, то [вуа] вне зависимости от того, кто был прав, а кто нет, всё конфисковывал. Поэтому в дворцовой казне скапливалось много добра, а простой народ роптал. Грабителей развелось, как пчёл» [36, с.206].

При дворе пышным цветом расцвели интриги и заговоры. С 80-ых годов XII в. начинают восставать проживавшие на окраинах государства горные национальные меньшинства, а с 90-ых, пользуясь слабостью центральной власти, поднимают голову крупные феодальные роды на местах. Повсеместно вспыхивают бунты, распространяющиеся на районы проживания этнических вьетнамцев. Феодалы обзаводятся собственными дружинами, в том числе и с разрешения императора. Так, чиновник Фам Зу в 1208 г., обращаясь к императору Высокому рода, сказал: «Хочу быть пожалованным императорской заботой – позвольте подданному набрать охрану для самообороны. Во избежание неожиданного несчастья». Вуа одобрил это. Поэтому [Фам] Зу набрал беглых, собрал воров и разбойников... [Они] открыто грабили, не боясь ничего» [36, с.208].

Придя к власти, династия Чан возобновила политику поощрения земледелия, начало которой, как уже говорилось положили императоры первой ветви династии Ли. Так, в летописном своде под 1344 г. упоминается об учреждении

¹* Император Высокий рода [династии] Ли.

должностей отвечающего за освоение целинных и залежных земель чиновника и его заместителя в Управлении [по] содействию земледелию, а это свидетельствует о том, что ранее уже существовало специальное учреждение для проведения в жизнь политики «поощрения земледелия» [165.4, т.2, с.129]. В рамках этой политики в неурожайные годы отменялись или сокращались налоги, давались деньги и титулы зажиточным людям, с тем, чтобы они раздавали рис голодающим.

Помимо этого издавались указы, позволявшие выкупать рабов и возвращать их в ряды крестьян-общинников.

Строительство ирригационных сооружений было постоянной заботой династии Чан, при которой в Дайвьете впервые началось их планомерное возведение в масштабе всей страны. Так, указом от 1248 г. повелевалось строить дамбы во всех областях по берегам рек от истоков до морского побережья, чтобы избежать затопления пахотных полей. Тогда же была учреждена специальная чиновничья должность для организации этих работ. Также было приказано выплачивать денежную компенсацию за частные земли, которые затрагивало строительство дамб.

В источниках отмечается, что к этим работам привлекали солдат, но представляется, что в основном они выполнялись крестьянами, которые привлекались к строительству каналов и дамб в рамках установленных норм трудовой повинности. Под солдатами же, видимо, следует понимать крестьян-общинников, поочерёдно призывавшихся на военную службу в рамках описанной выше политики «отправления солдат в деревню».

Таким образом, отбывая воинскую повинность, крестьяне не отрывались от сельскохозяйственных работ, что полностью соответствовало политике «поощрения земледелия» династии Чан.

2.4. Формы земельной собственности в правление династии Ли и их развитие в правление династии Чан

Говоря о формах земельной собственности в Дайвьете в XI – XIV вв., профессор Чыонг Хыу Куинь²¹ пишет: «На территории Дайвьета в эпоху Ли – Чан существовали два вида собственности на землю: государственная собственность и частная, передаваемая по наследству, перешедшая из предшествующего исторического периода. Обе эти формы собственности образовывались и развивались разными путями, в том числе путём освоения целинных земель как частными лицами, так и государством...». При этом вьетнамский учёный выделяет два вида собственности государства на землю: верховную и реальную. Последнюю он также делит на два вида: прямо управляемые государством и общинные земли [1540.1, с.67, 72].

Также следует отметить, что некоторые категории непосредственно управляемых государством земель, существовавшие в правление династий Ли, сохранились и при династии Чан, но при этом претерпели некоторые изменения.

2.4.1. *Пахотные земли, находящиеся в собственности государства при династиях Ли и Чан*

К землям, находившимся в прямой собственности государства, относятся следующие их категории:

Военные поля (田豚). Они представляли собой военные сельскохозяйственные колонии, находившиеся на целинных землях. На этих полях работали военнопленные, главным образом – *тямы*, *нунги* и *айлао*, а также осуждённые и обращённые в рабов преступники, которые создавали на них целые деревни. Точных данных о площадях, занимаемых данной категорией земель, не имеется. Она характерна только для эпохи Ли, хотя между *военными полями* этой эпохи и императорскими *имениями*¹ эпохи Чан прослеживается определённая аналогия.

Государственно-казначейские поля (田庫國). Эта особая

¹ Об «имениях» смотри ниже.

категория земель упоминается в современных вьетнамских исследованиях и учебниках, однако в национальных исторических источниках этот термин не встречается. Исходя из сообщения летописного свода XV в. Нго Ши Лиена о том, что «...[осужденным на] каторжные работы в качестве полевых рабов^I татуируется 6 иероглифов на лице, [они] поселяются в Каоса, [где] пашут общинные земли. Каждому выделяется [около] 1 га. [земли]^{II}, в год выплачивают [в качестве налога] 310,5 л. риса^{III}», вьетнамские исследователи соотносят поля этой категории лишь с территорией общины Каоса^{IV} [165.4, т.2, 12]. При этом в 1399 г. Хо Кюи Ли приказал перевести преступников из Каоса в общину Тьонгмот провинции Тханьхоа, то есть из-под Тханглаунга в район, где планировалось строить новую столицу. Соглашаясь с этим, профессор Чьонг Хыу Куинь высказал предположение о том, что земли, принадлежавшие аристократам, перешедшим в ходе войн с монголами на сторону противника, были конфискованы и переведены в категорию *государственно-казначейских* [1540.1, с.77].

Конкретные данные об этой категории земель имеются лишь в «Первоначальном описании Аньнани» Гао Сюнчжэна, в котором сказано, что в Дайвьете было два вида общинных земель: *государственно-казначейские поля* и *поля брошенного меча*, которые непосредственно управлялись государством^V [246.2, с.191,199]. Они обрабатывались рабами из осуждённых преступников, а урожай с этих полей шёл в императорские

^I Точный перевод «полевой каторжник» заменён более широким понятием для того, чтобы избежать тавтологии.

^{II} В источнике сказано: «3 му». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

^{III} В источнике сказано: «300 тхангов». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI». Следует отметить, что взимание такого количества риса (одна треть урожая) являлось довольно тяжёлым налоговым бременем.

^{IV} Община Каоса, или Таоса, находится в западной части Западного озера в современном г.Ханой.

^V Об этом исключительно вьетнамском типе полей смотри в следующем параграфе, который посвящён частному землевладению.

амбары и использовался для нужд императорского двора. Вместе с тем, само существование категории *государственно-казначейских земель* представляется довольно сомнительным, так как о них нет упоминаний во вьетнамских исторических источниках. Кроме того, в Дайвьете существовали и другие категории общинных земель, о которых Гао Сюнчжэн, по-видимому, ничего не знал²².

Поля императорской гробницы (田陵山) образовывали третью категорию государственных земель. Из самого их названия следует, что эти земли, которых существовало два подвида, были связаны с культом предков правящей династии. Во-первых, это были земли, на которых располагались императорские могилы, и, во-вторых, земли, урожай с которых шёл на отправление культа предков. Соответственно их площадь была невелика.

В правление обеих ветвей династии Ли эти земли находились только в местности Кофап, тогда как при династия Чан их география несколько расширилась. В эпоху Чан императоров стали хоронить в разных местах. Кроме того, некоторые аристократы, члены императорской семьи, также получали такого рода культовые земли. Наконец, следует отметить, что площадь каждого *поля императорской гробницы* не превышала нескольких гектаров.

Приписные поля (田籍). Они служили для проведения ритуальной пахоты и других, связанных с земледельческими культурами обрядов.

Однако если в эпоху Ли ритуальную пахоту совершал лишь император, то при Чанах в этом ритуале стали принимать участие и высшие аристократы. Так, например, в своде «Запись истории Великого Вьета, полное описание» под 1316 г. записано: «Зимой, в 11-ом месяце, приказано сановникам, членам императорской семьи и чиновникам собирать урожай с *приписных полей*» [165.4, т.2, с.101]. То есть к ритуальной жатве фактически привлекался весь господствующий класс Дайвьета.

Послушники в буддийском храме. Пагода Муниренсей, город Кантхо, район Анкы, административное подразделение Нинькиеу, ул. Хоабинь 36. 10.04.2011 г.

В источниках не содержится сведений о том, где

конкретно происходила эта жатва. Поэтому можно лишь предположить, что если при Ли этот обряд совершал только император, то, учитывая масштаб привлечённых лиц при династии Чан, площадь таких земель увеличилась, хотя по-прежнему она не должна была занимать значительного места в общем объёме обрабатываемых земель.

Обращает на себя внимание тот факт, что если в эпоху Ли источники сообщают о проводившейся императором ритуальной пахоте, то в эпоху Чан упоминается только ритуальная жатва. Поэтому не исключено, что её проводили только знать и чиновники, а император по-прежнему совершал обряд пахоты, хотя сведений об этом в источниках нет.

Можно также предположить, что после совершения обряда ритуальной пахоты или жатвы земля передавалась крестьянам для дальнейшей обработки в качестве трудовой повинности, а урожай шёл на нужды государства.

Поля этой категории находились в разных местах страны. Точных данных об их количестве не имеется, но, надо полагать, что под них было отведено не так много земли.

Все эти категории земель были ограничены по территории и не могли служить основным источником дохода государства²³.

Общинные поля. При обеих ветвях династии Ли наибольшую площадь обрабатываемых земель занимали общинные земли, которые назывались *государственные поля* (田管). В данном случае иероглиф 管 противопоставляется иероглифу 民 [1540.1, с.86, 87]. В сочетании с иероглифом 田 переводится как «народные поля». Однако, поскольку речь идёт о противопоставлении государственно-общинного и частного землевладения, то правильнее будет переводить этот термин как *людские поля* (田民) [1, т.4, с.197]. Наконец, также существовал особый термин *общинные поля* (田公) [8, с.118]²⁴.

Верховное право государства на *общинные поля* имело ряд ограничений. Так, община имела право самоуправления. Ею руководил совет старейшин, по чьему решению проводились регулярные переделы общинных пахотных

земель, в результате которых каждая крестьянская семья получала с учётом её численности и возрастного состава собственный земельный надел для выращивания риса¹.

В личной собственности семьи оставался лишь приусадебный участок, который, как правило, состоял из огорода для выращивания овощей и фруктов, пруда для разведения рыбы, тутовых насаждений. В коллективной собственности общины были ирригационные сооружения, земли для отправления культов и поддержания в порядке общинных построек.

Старейшины утверждали размеры налогов, которые должны были выплачивать соответственно их наделам крестьяне-общинники, при этом земельный налог составлял около трёх литров^{II} риса с 3600 м² земли^{III}. Они также отбирали общинников для отбывания трудовой и воинской повинностей. Для контроля над одной или несколькими общинами государством назначался начальник общины^{IV}. Г.М.Маслов в своей монографии отмечал, что «Центральное правительство, признав за общиной хозяйственную автономию, достигало сразу несколько целей: прикрепляло крестьян к земле (бросив общинный надел, крестьянин не мог получить его в другом месте), использовало уже сложившуюся и достаточно эффективную организацию хозяйственной деятельности под контролем совета старейшин; добивалось охвата системой эксплуатации всего сельского населения, так как наделение крестьян землей носило всеобщий характер и т.д.» [467, с.15].

Общинные земли были основой аграрной экономики страны, поскольку взимаемый с них налог приносил

¹ Надел выделялся только достигшим восемнадцати лет полноправным членам общины.

^{II} В источнике сказано: «3 *txanga*». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

^{III} В источнике сказано: «1 *mau* земли». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

^{IV} В эпоху Ли эти чиновники именовались «руководитель общины» [236,2, т.2, с.11].

государству наибольший доход, а обрабатывавшие эти земли крестьяне-общинники были наиболее многочисленным эксплуатируемым классом Дайвьета. Они также выполняли военную и трудовую повинности. Сохранение этого класса было главной задачей государства в рамках политики поощрения земледелия.

Вскоре после прихода к власти династия Чан в 1242 г. предприняла ряд мер, направленных на упорядочение сбора налогов. Вся страна была разделена на 12 больших округов, каждым из которых управляли имперский умиротворитель^I и два его заместителя. Общины делились на три категории – большие, средние и малые. Для контроля за общиной или группой общин назначался начальник общины. Составлялись так называемые «жёлтые книги»^{II} как для учёта населения и контроля над сбором налогов, так и для фиксации сроков выполнения трудовой и воинской повинностей. Крестьяне делились на больших (старше 18 лет) и малых (младше 18 лет) «жёлтых мужчин». Мужчины старше 60 лет считались престарелыми. Крестьяне, имевшие 3600 – 7200 м² земли, платили 1 куан деньгами^{III}, имевшие 7200 – 10800 м² земли платили 2 куана деньгами, имевшие 18000 м² земли и более платили 3 куана деньгами. Поземельный налог взимался неочищенным рисом в объёме 103,5 л. [236.2, т.2. с.19]^{IV}.

Удел кормления (邑食). Эта особая форма земельного пожалования была принесена из империи при первых независимых кратковременных династиях Динь и Ле в Дайковьете. Уже из самого этого названия следует, что речь идёт о землях, отданных в кормление, или о жалованных

^I Губернатор.

^{II} Реестровые записи или подворные списки.

^{III} Куан – денежная единица, название которой может быть переведено как «деньга». О её величине можно судить лишь косвенно, исходя из того, что 3600 м² земли стоили 5 куанов. Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

^{IV} В источнике сказано: «1 – 3 мау», «2 – 3 мау», «от 5 мау» и «100 тхангов». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

землях. Так, Нго Сьонг Ван, сын Нго Кюена, пожаловал своему дяде Зьонг Там Кха *удел кормления* в Чьонгзыонге, император Динь Бо Линь пожаловал легату-правителю Чан Ламу *удел кормления* в Шоннаме, император Ле Хоан пожаловал своему сыну Ле Лаунг Диню *удел кормления* в округе Данг, наконец, став императором Ле Лаунг Динь передал свой *удел кормления* начальнику императорской гвардии и будущему основателю династии Ли – Ли Конг Уану. Наибольшее распространение эта форма земельного пожалования получила в правление императоров обеих ветвей династии Ли. *Уделы кормления* жаловались не только членам императорской семьи, но и лицам, имевшим заслуги перед государством, но при этом они жаловались без права наследования, так как государство сохраняло за собой право собственности на эти пожалования. В Дайвьете *удел кормления* обычно состоял из одной – двух общин, в то время как в империях Сун и Тан он состоял из многих деревень и даже уездов. Это пожалование давалось как правило крестьянскими семьями.

Данные об этой форме пожалований в эпоху Чан содержатся только в таких неофициальных источниках, как «Семейные записи» и рассказы о духах. В частности, в них упоминается о пожаловании *уделов кормления* лицам, имевшим заслуги в войнах против монголов.

Реальное пожалование (封實). Эта форма земельного вознаграждения возникла на последнем этапе существования империи Тан. Она довольно широко использовалась династией Сун как для награждения своих чиновников, так и для «поощрения» императоров Дайвьета, начиная с Императора Предка [династии] Динь и кончая императором Великим рода [династии] Чан [1540.1, с.95]. Следует отметить, что императоры обеих ветвей династии Ли также широко использовали практику *реального пожалования*. Так, например, в летописном своде «Запись истории Великого Вьета, полное описание» сообщается, что в 1218 г. «Тямпа и Камбуджадеша устроили набег на округ Нгеан. Ли Бат Нием разгромил их, [за

это он] был повышен до маркиза, [кроме того, он был] награждён *уделом кормления* из семи тысяч пятисот семей [и] *реальным пожалованием* из тысячи пятисот семей» [165.4, т.1, с.337]. Интересно отметить, что везде в летописях, семейных хрониках и эпиграфике *реальное пожалование* упоминается в сочетании с *уделом кормления*²⁶. Их размеры устанавливались в каждом конкретном случае и практически не зависели от титула или реальных заслуг того или иного человека. Получивший *реальное пожалование*, мог поручить сбор налогов с него другому лицу или ответственному за сбор налогов чиновнику, а после его смерти или отставки пожалование возвращалось государству.

Таким образом, *удел кормления* и реальное пожалование являлись условными срочными земельные пожалования. В этом плане указанные земельные пожалования представляется возможным отождествить с бенефицием в средневековой Западной Европе.

2.4.2. Частные земли

О том, что частная собственность на землю при династии Ли была широко распространена, свидетельствуют многочисленные данные летописей и эпиграфики, в которых цитируются указы, подробно регламентирующие условия купли-продажи земли, решение спорных земельных тяжб, а также описываются случаи дарения участков земли физическим или юридическим лицам.

Существовала также и мелкая частная собственность крестьян-общинников на землю, которая образовывалась в ходе поднятия целины, расширения обрабатываемых площадей и создания новых деревень. Как отмечалось выше, есть основания полагать, что «Уголовный кодекс» 1042 г. среди прочего предусматривал наказания за преступления в области купли-продажи частных земель, их заклада или выкупа²⁵.

Надо полагать, что при династии Чан усилился процесс социального расслоения сельской общины, о чём можно

судить по сведениям летописных сводов о существовании в общинах безземельных крестьян, которые освобождались от налогов. Этому способствовал и указ от 1254 г., которым разрешалось покупать общинные земли, превращая их в частные владения: «Месяц 6-ой. Продаются общинные поля. Каждые 3 600 м² – [за] 5 куанов денег, разрешено народу покупать, делая [их] частными» [165.4, т.2, с.25]¹. В этой связи профессор Чыонг Хыу Куинь предположил, что общинные земли разрешалось продавать лишь после их распределения между трудоспособными членами общины [1540.1, с.88].

Также следует отметить, что при династиях Ли и Чан отсутствовали земельные кадастры, которые появляются только в 1398 г. Это означает, что государство не стремилось к полному контролю за площадями пахотных земель, и, в первую очередь, за называемыми казёнными общинными полями, за счёт которых по-прежнему осуществлялись все пожалования земель и крестьянских семей.

Поля брошенного меча (田刀拓). Это исключительно вьетнамская форма пожалования земли без общинников, которая существовала при обеих ветвях династии Ли. Согласно неофициальным источникам, она появилась при следующих обстоятельствах. Военачальник Ле Фунг Хиеу, подавивший мятеж трёх братьев императора Великого рода [династии] Ли и одержавший победу в решающих сражениях с Тямпой, попросил императора не давать ему новых титулов и должностей, а пожаловать ему ту землю, которую сможет «отсечь» брошенный им меч. Поднявшись на гору Бангшон в провинции Тханьхоа, Фунг Хиеу метнул меч. Тот вонзился в землю, оставив позади себя более шестидесяти гектар¹¹ общинных полей, которые император превратил в частные поля и, освободив их от налога рисом, пожаловал в собственность Фунг Хиеу. Впервые этот сюжет приводится в

¹ В источнике сказано: «каждый *зиен*». См. «Таблицу №3» в «Томе VI».

¹¹ В тексте сказано: «более 1000 *мау*». См. «Таблицу №3» в «Томе VI».

«Собрании таинств [и] чудес земли Вьет» Ли Те Сюена [242.1, с.206]. В «Записи истории Великого Вьета, полном описании» Нго Ши Лиен также повторяет эту традиционную версию событий: «Фунг Хиеу поднялся на гору, бросил меч на расстояние более пяти километров¹, меч упал в деревне Дами. Император пожаловал ему [эту] землю, освободил от налога рисом отсечённую мечом землю. Поэтому жители округа Ай назвали [землю], пожалованную за заслуги, [землёй] брошенного меча» [165.4, т.2, с.249]. В версии Нго Ши Лиена нет упоминания о превращении этой земли в наследственное пожертвование. В свою очередь вьетнамский учёный Фан Хюи Тю² уточняет, что по повелению императора Ле Фунг Хиеу получил в частную собственность более шестидесяти гектар «отсечённой» упавшим мечом общинной земли с правом её передачи по наследству. В связи с этим интересно отметить, что часть этого наследственного земельного надела была отведена его детям под семейные поминальные обряды [1439.1, т.1, с.367].

Таким образом, *поля брошенного меча* жаловались не членам императорского рода, а, как правило, чиновникам и военнотружущим и только за заслуги перед государством. Источником этого пожалования также были общинные земли. Судя по вышеизложенному сюжету, награждённому полагался весь налог, который община до этого выплачивала государству. Представляется, что наибольшее доверие вызывают сведения Ли Те Сюена и выводы учёного-энциклопедиста Фан Хюи Тю, согласно которым *поля брошенного меча* являлись частной, а не общинной или государственной собственностью, как это следует из вышеприведённого мнения Гао Сюнчжэна.

Удел отдыха [и] развлечения (邑沐湯). Эта известная ещё в древнем Китае форма пожалования, представляла собой так называемое банное подворье или банное поместье для

¹ В тексте сказано: «более 10 *замов*». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

² 1782 ~ 1840 гг.

омовения знатных гостей, прибывавших ко двору династии Чжоу, а при династии Хань так называлась личная собственность членов императорской семьи [1, т.3, с.475].

Во Вьетнаме эпохи Ли этой формы пожалования не было. Она была заимствована у китайцев лишь императорами династии Чан. Первое упоминание о ней под 1224 г., то есть тогда, когда императорский двор второй ветви Ли уже был в руках представителей рода Чан, содержится в «Записи истории Великого Вьета, полном описании». В этой записи говорится о том, что «все принцессы раздельно жили в больших округах, сделав [их своими] уделами отдыха [и] развлечений ...» [165.4, т.1, с.338]. Ещё одно упоминание об этой категории пожалования в источнике датировано 1237 г.: «Земли общин Иенфу, Иензыонг, Иеншинь, Иенхынг и Иенбанг¹ отдали Лиену^{II} в качестве удела отдыха [и] развлечений [и] пожаловали [ему титул великий] князь Иеншиня» [165.4, т.2, с.16]. После войн с монголами отмечаются случаи пожалования этой категории земель не только высшей аристократии, но и военачальникам, отличившимся в боях. Так, под 1289 г. в том же летописном своде сообщается, что военачальнику «Нгуен Кхоаю пожаловали [титул] вассала [и] отдали область Кхоайло в качестве удела отдыха [и] развлечений» [165.4, т.2, с.65].

Владельцы удела отдыха [и] развлечений имели право собирать с них налоги в свою пользу. Размеры этих владений могли колебаться от нескольких общин до одного или даже нескольких уездов. Профессор Чыонг Хыу Куинь считает, что *уделы отдыха [и] развлечений* были аналогичны *уделам кормления* [1540.1, с.98].

Удел сбора [налогов] (邑采). Этой формы земельных пожалований также не было при династии Ли. Интересно отметить, что в источниках термин «удел сбора [налогов]»

¹ Провинция Куангнинь.

^{II} Брат императора Великого рода династии Чан.

встречается лишь в «Указе военачальникам»²⁷ великого князя Процветающего Пути Чан Куок Туана, в котором говорится: «Не только я лишусь удела сбора [налогов], но [и] ваше жалование тоже станет собственностью чужих людей» [165.4, т.2, с.83]²⁸. Из этой фразы следует, что поскольку термин «удел сбора [налогов]» упоминается родственником императора, обладавшим правом на этот вид пожалования, он имеет право на существование. Из неё также следует, что высшая знать кормилась с *уделов сбора [налогов]*, а военачальники получали жалование. Можно было бы также предположить, что эти уделы могли передаваться по наследству, однако большинство исследователей отрицает их наследственный характер, обосновывая это тем, что в исторических источниках этому нет подтверждения²⁹.

Таким образом, на сегодняшний день об этой форме землевладения почти ничего неизвестно, а единственным источником, содержащим информацию о ней, остаётся «Указ военачальникам» Чан Куок Туана. Однако, если судить по контексту летописей, резиденции высшей знати на самом деле и были этими *уделами сбора [налогов]*, что позволяет косвенно судить о последних по описаниям первых. Так, Нго Ши Лиен в своём летописном своде пишет о том, что «Согласно порядкам, установленным при династии Чан, все [великие] князья [и] маркизы проживали [в родных] деревенских резиденциях³⁰. Когда [они] являлись на приём к императору, то приезжали в столицу, по окончании дел возвращались в резиденцию» [236.2, т.2, с.32]. Можно также предположить, что Чан Куок Туан, упоминая об *уделах сбора [налогов]* имел в виду *уделы отдыха [и] развлечений* как один из вариантов обозначения резиденций высшей аристократии.

Также известно, что резиденции строили казённые ремесленники-строители. Они находились в стратегически важных районах и имели важное военное и оборонное значение. После смерти представителей высшей знати хоронили на территории пожалованных им *уделов сбора [налогов]*, где возводились поминальные храмы, для которых

отводилось несколько соток земли. Сами же они становились духами-покровителями той местности. Такое закрепление резиденций – *уделов сбора [налогов]* за их хозяевами позволяет предположить возможность их передачи по наследству. Своих вооружённых сил великие князья и маркизы не имели.

Вместе с тем в этом случае остаётся неясным статус общин и свободных крестьян-общинников, находившихся в зависимости от высшей знати. В источниках нет сведений ни о механизме, ни о прецедентах такого дарения земель свободных общин с крестьянами в собственность. Поэтому представляется, что этот вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

Имение (庄田). Этот термин был также заимствован из Китая. Такая форма землевладения существовала и в Зяотяу во времена «эпохи Северной зависимости». Особенно широко она была распространена в Китае в правление династии Сун. *Именья* в средневековом Китае – это пахотные земли, принадлежавшие членам императорской семьи, чиновничеству и частным землевладельцам и на правах частной собственности. Они образовывались в результате купли-продажи земли и наследования. В Дайвьете же *именья* появляются только со времени правления династии Чан. О том, что они представляют собой, можно понять из императорского указа 1266 г., который приводится в летописном своде Нго Ши Лиена: «Зима. Месяц 10-ый. Издан указ [разрешающий] [великим] князьям, маркизам, принцессам, зятям императора [и] императорским налогожницам собирать бродяг [и] неимущих людей, обращать [их] в рабов, [с их помощью] поднимать заброшенные [и] целинные земли [и] превращать их в *именья*. [Великие] князья [и] маркизы, имеющие *реальные именья*, начинаются с этого времени» [165.4, т.2, с.36]. Из этого указа следует, что во Вьетнаме *имение* могло принадлежать только членам императорской семьи и что оно создаётся только путём подъёма целинных и залежных земель. В этом его коренное отличие от китайского *именья*, с которым его роднит только наследственный характер. Не совсем ясным остаётся вопрос,

почему в источнике *имение* также называется *реальным имением*³¹. Больше этот термин в летописных сводах не встречается. Интересный термин появляется при обозначении архипелага Вандон, центра международной торговли, как административной единицы – *морское имение*. Из других сообщений в летописных сводах также следует, что по инициативе аристократов вдоль берегов рек с моря строились дамбы, в результате чего образовывались новые пахотные земельные участки, которые превращались в *имения*.

Как явствует из источников, целинные и залежные участки превращались в пахотные земли силами рабов, которые затем продолжали на них трудиться. Таким сельскохозяйственным рабам разрешалось создавать семьи. Согласно неофициальным историческим источникам, и сами императоры династии Чан владели *имениями*. В этом случае для поднятия целины при создании императорских *имений* привлекались солдаты и исполнявшие трудовую повинность крестьяне-общинники. Последнее свидетельствует о том, что, судя по всему, принадлежавшие императору *имения*, в какой-то степени являлись аналогом *военных полей* эпохи Ли¹.

Как известно, монгольские нашествия XIII в. нанесли большой урон сельскому хозяйству, в результате чего многие пахотные земли оказались заброшенными. И хотя данных в исторических источниках по этому поводу нет, можно предположить, что количество *имений* также увеличивалось за счёт этих земель, а на их обработку могли привлекаться не только бродяги, но и военнопленные. Наконец, следует отметить, что *имения* в Дайвьете были относительно невелики по своим размерам и не имели ничего общего с огромными феодальными доменами в средневековой Западной Европе.

Как справедливо отметил Г.М.Маслов, «во второй половине XIII века форма *диен чанг*^{II} получила широкое

¹ Смотри выше «Параграф 2.4.1».

^{II} Имение.

распространение и на этом этапе сыграла положительную роль, так как способствовала расширению обрабатываемых площадей и охватила производственным трудом массу безземельных крестьян и рабов» [467, с.25].

Земли, принадлежавшие частным владельцам. Как отмечали авторы монографии «История Вьетнама X – начала XV века», указ от 1254 г. о продаже общинных земель в частные позволил значительному числу крестьянских семейств, занимающихся ремеслом, покупать землю. Они образовали слой мелких сельских частных собственников. Чиновники также имели возможность приобретать эти земли [1351, с.274]. Об этом писал и профессор Чыонг Хью Куинь [1540.1, с.129]. О широком распространении мелкой частной собственности на землю также свидетельствуют надписи на колоколах и каменных стелах, размещённых в буддийских храмах. В них содержатся сведения о дарениях храмам мелких земельных участков, которые осуществлялись чиновниками и простыми крестьянами-общинниками. Обращает на себя внимание, что дарения делались не только одним человеком, но и семейными парами, что свидетельствует о равном праве на частную землю супругов. Есть сведения, что в качестве одиночных дарителей выступали только женщины. То есть женщины наряду с мужчинами обладали правом частной собственности на землю.

При династии Чан получила развитие и крупная частная собственность на землю, чему значительно способствовало законодательство той эпохи. Особенно интенсивно продажа земель проходила после разорительных войн с монголами в XIII в. и неурожайных голодных лет второй половины XIV в. В первую очередь крупными землевладельцами становились члены императорской семьи, которые помимо приобретения *имений* скупали частные земли. Кроме того, ими становились высшие и средние чиновники. О том что в ряде случаев крупными землевладельцами также могли стать и крестьяне-общинники, особенно общинная верхушка, свидетельствует то обстоятельство, что императоры династии Чан жаловали титулы зажиточным лицам, предоставлявшим рис войскам во

время войн и голодающим в последующие годы. Наконец, следует отметить, что государство соблюдало права частных собственников на землю. Так, императорский указ от 1248 г. предусматривал денежную компенсацию за отчуждавшуюся в процессе строительства дамб «землю народа» [165.4, т.2, с.21].

Земельная собственность буддийской сангхи. Данные эпиграфики свидетельствуют о том, что императоры, их родственники, крупные чиновники, представители богатых землевладельцев и влиятельных семей жертвовали сельскохозяйственные земли и рабов как пагодам и монастырям, так и отдельным монахам. Согласно источникам, среди дарителей также встречались простые крестьяне-общинники, мелкие чиновники и даже женщины. В результате буддийская церковь стала крупным земельным собственником, владевшим тысячами гектаров пахотных земель, которые в основном являлись её частной собственностью. Как правило, церковные земли обрабатывали разорившиеся крестьяне-общинники, нередко добровольно переходившие в категорию сельскохозяйственных рабов.

Важно подчеркнуть, что быстрый рост экономического могущества сангхи и связанный с ним уход на её земли крестьянства способствовал процессу социального расслоения общины и тем самым значительно сокращал количество податного населения. Этот вид частной собственности на землю продолжал расширяться и укрепляться и при династии Чан. Крупные пожертвования земли и рабов монастырям осуществляли императоры, аристократия и высшие чиновники. Более мелкие участки земли жаловали средние и низшие чиновники, а также крестьяне-общинники. В результате буддийская церковь как и прежде оставалась наиболее крупным частным земельным собственником, хотя её владения, состоявшие из множества подаренных пагодам и монастырям мелких и средних участков, напоминали собой лоскутное одеяло. К концу XI в. хозяйство сангхи настолько усложнилось, что сами монахи с ним уже не справлялись. Поэтому особым указом от 1088 г. для управления

монастырским хозяйством были назначены специальные гражданские чиновники.

Спустя же сто с небольшим лет в 1198 г. сановник Дам Зи Монг провёл с санкции императора «ревизию» всего буддийского монашества Дайвьета, в результате которой несколько десятков известных знатоков священных текстов оставили в монастырях, а остальных, сделав им особую татуировку на руке, вернули в мир [36, с. 100]³².

2.5. Ремесло

Централизованное государство создало благоприятные условия для развития и дальнейшего совершенствования традиционных национальных ремёсел. При династии Ли существовали как государственные мастерские, так и частный ремесленный промысел, который осуществлялся членами одной большой семьи в сочетании с сельскохозяйственным производством. Вместе с тем известно и о существовании целых деревенских поселений, жители которых специализировались на изготовлении тех или иных ремесленных изделий. «Ремесленные» деревни, как правило, располагались вокруг столицы. Изделия ремесленников той эпохи были широко известны и за пределами страны. Продукция частных ремесленников использовалась как для самообеспечения, так и для продажи или обмена на рынке. Казённые ремесленные мастерские были в основном ориентированы на обеспечение продукцией императорского двора и частично – чиновничьего аппарата. Их изделия, как правило, не были предназначены для рынка.

Так, в «Записи истории Великого Вьета, полном описании» под 1145 г. сообщается: «Запрещено мастерам ста ремёсел, изготавливающим вещи государственного образца, самовольно продавать их [простому] народу» [165.4, т.1, с.316]. Наиболее известными в эпоху Ли были следующие ремёсла.

Уберите современные аксессуары и получите вьетнамку эпохи Ли – Чан.
Хоалы. 30.03.2011 г.

2.5.1. Ткачество

Посадки тутовых деревьев занимали довольно обширные территории и облагались значительным натуральным налогом, что позволяло вырабатывать большое количество шёлковых тканей.

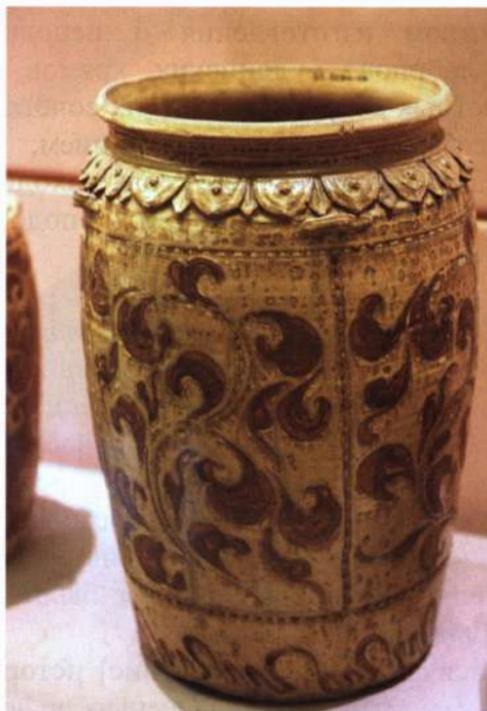
В «Записи истории Великого Вьета, полном описании» под 1040 г. приводятся сведения, характеризующие состояние этой отрасли: «Во втором месяце император обучал фрейлин ткать парчу и атлас. В том же месяце был издан указ выдать со складов всю парчу и атлас [производства] Сун, чтобы пошить одежду для чиновников... и показать, что император больше не собирается использовать парчу и атлас Сунов» [165.4, т.1, с.261].

Изделия из шёлка также входили в состав дани и даров сунскому двору, где они высоко ценились. Вот как сунский автор XII в. Чжоу Цюйфэй описывает в своём произведении «За хребтами вместо ответов» вьетнамский шёлк: «Тонкий шёлк напоминает тонкую сетку, его покрывают хлопчатобумажными тканями. Те одежды, которые носят сами люди округа, все из плотного тонкого шёлка... Я слышал, что варвары получают из Срединного государства красные грубые шёлковые ткани. Их распускают, чтобы получить цветные нити, а затем сами шьют одежду без подстёжки. Этот же тонкий шёлк в действительности подходит для того, чтобы распускать и получать нити» [85, с.209].

2.5.2. Гончарное производство

До нашего времени лучше всего сохранились глиняные изделия. Данные археологии позволяют судить о том, что в период правления династии Ли повсеместно было развито производство изделий из обожжённой глины.

В правление Ли ремесленники производили домашнюю утварь из глины: чашки, горшки, пиалы, тарелки, тазы, чайники и прочее.

Керамическая ваза XIII – XIV вв.
Музей Истории. Ханой. 18.04.2011 г.

Изделия из фаянса и фарфора, большей частью предназначенных для императорского двора и экспорта, покрывались глазурью белого, голубого или коричневого цвета. Они отличались высоким качеством. При Ли существовало несколько деревень, расположенных в окрестностях Тханглаунга, занимавшихся их изготовлением. Среди них была знаменитая и поныне деревня Батчанг.

Особенно высокого уровня достигло производство строительных материалов из обожжённой глины. Так, широкое распространение получили кирпичи, черепица и украшения крыш домов. На кирпичах выдавливались изображения цветов, птиц, иероглифов с названием государства¹. Они отличались

¹ Смотри, например, иллюстрацию в «Примечании 17» «Комментария» к «Главе 3» «Части IV» «Томе I».

высоким качеством изготовления и использовались при строительстве дворцов, буддийских храмов, поминальных храмов и крепостных сооружений. В них сочетались элементы тямского искусства с китайским влиянием, что создавало особый национальный стиль. Этот стиль находит отражение в изображениях дракона – «червя» или подобной кружеву листвы деревьев [501, с.46].

2.5.3. Горное дело и металлообработка

На севере Дайвьета, на границе с китайской провинцией Юнчжоу находились месторождения золота, серебра, меди и олова. Добыча этих полезных ископаемых была как государственной, так и частной. Государственная добыча обеспечивалась войсками и ремесленниками под руководством специально выделяемых для этого чиновников, частная – местными жителями, которые должны были платить налог государству добытым ими металлом.

В летописи «Краткое [изложение] истории [Великого] Вьета» под 1062 г. отмечается: «Осенью, в девятом месяце, приказано людям добывать золото в донге¹ Вукиен, добывать серебро в уезде Халиен» [36, с.158]. А в летописном своде «Запись истории Великого Вьета, полное описание» записано под 1143 г., что двум чиновникам высокого ранга Хоанг Нгиа Хиену и Кхонг Чьюнгу приказано с войсками приграничных районов промывать золотой песок в местности Ньыка [165.4, т.1, с.315].

Широкое применение получили изделия из меди. Из этого металла отливали колокола для храмов, создавали статуи Будды, чеканили монету. В летописных сводах неоднократно отмечается, что императоры выделяли большое количество меди на эти цели. Данное обстоятельство свидетельствует о наличии казённых медеплавильных мастерских.

¹ Горный уезд.

Бронза. XIII – XIV вв.
Музей Истории. Ханой. 18.04.2011 г.

2.5.4. *Строительство*

Проблеме строительства в X – XI вв. уделяется большое внимание в «Томе I» и «Томе III»¹. Поэтому, чтобы не повторяться, следует лишь указать, что сразу после прихода в 1009 г. к власти династии Ли и переноса столицы из Хоалы в Тханглаунг там началось широкомасштабное строительство. По всему городу возводились дворцы, здания и буддийские храмы, а также ремонтировались крепостные сооружения, что требовало большого количества строительных рабочих и

¹ Смотри «Параграф 7» «Главы 3» «Части IV» «Тома I» и «Параграф 3» «Главы 2» «Части III» Тома III».

значительных финансовых затрат, о которых сообщают письменные источники. Так, в «Записи истории Великого Вьета, полном описании» под 1010 г. записано: «Издан указ выдать из хранилища двадцать тысяч куанов денег, чтобы нанять мастеров для строительства буддийских храмов в области Тхиендык, всего в восьми местах, во всех поставить стелы, в которых бы отмечались заслуги» [165.4, т.1, с.241].

2.5.5. *Дальнейшее развитие ремесла в эпоху Чан*

В правление династии Чан ремесленное производство получило дальнейшее развитие. Увеличивалось число мастеров, которые профессионально занимались ремеслом и больше не участвовали в сельскохозяйственном производстве. Происходил процесс постепенного отделения ремесла от земледелия. Тем не менее по объёму ремесленного производства на первом месте по-прежнему стояло семейное ремесло. Помимо сельскохозяйственных работ крестьяне занимались ремёслами, продукция которых в основном шла на удовлетворение их личных нужд и лишь частью – на продажу, тогда как продукция казённых ремёсел шла на удовлетворение потребностей государства и императорского двора.

Государственное ремесленное производство эпохи Чан шагнуло далеко вперёд по сравнению с предыдущим периодом. Продолжали развиваться такие, существовавшие и прежде ремёсла, как строительство, кузнечное дело, литьё меди, гончарное дело, фарфоровое, красильное и бумажное производства, ткачество, изготовление лодок, добыча золота и серебра, резьба по камню, плетение циновок, изготовление лаков, шляп и вееров. Особенно высокого уровня достигли литьё меди иковка железа.

В конце правления династии Чан начинается производство огнестрельного оружия и фарфора с жемчужной и серо-голубой глазурью. Были и такие ремёсла, которые в короткие сроки утвердили свои позиции и стимулировали технический и культурный уровни страны. Таковыми являлись книгопечатание и изготовление взрывчатых веществ,

приведшее к появлению пушек и кремневых ружей [1351, с.278]. Начинается строительство военных двухпалубных кораблей. Строительством этих кораблей и производством пушек руководил сын Хо Кюи Ли военачальник Хо Нгуен Чынг. При захвате Дайвьета войсками династии Мин в 1407 г. он был взят в плен и увезен в Китай. Там его назначили смотрителем пушечных мастерских, а затем заместителем министра общественных работ. Уже сам по себе этот факт свидетельствует об уровне знаний Хо Нгуен Чынга, который, к тому же, известен и своим литературным творчеством. Так, живя в империи, Хо Нгуен Чынг написал известное сочинение о своей родине «Сны Южного старца»¹.

Авторы «Истории Вьетнама X – начала XV века» пишут о том, что, в отличие от периода Чан, при Ли не было специализированных ремесленных деревень, в частности деревни Батчанг, в которой изготавливались фарфоровые изделия. Как представляется, это неверно. Такие деревни появляются уже в правление династий Ли, примером чего как раз и является деревня Батчанг. Единственным отличием было то, что при Ли эти деревни в основном концентрировались вокруг Тханглаунга, а при династии Чан они появляются в разных местах страны.

В «Записи истории Великого Вьета, полном описании» под 1230 г. сообщается об учреждении 61-ой *слободы* в столице, которые, как представляется, являлись сочетанием ремесленных мастерских с торговым рядом. Дома в таких *слободах* были одновременно мастерской и лавкой, торгующей своей продукцией. Они носили названия производившихся в них изделий. Таким образом, столица Тханглаунг была крупным ремесленным и торговым центром Дайвьета.

В том же источнике под 1031 г. сообщается: «Издан указ о выдаче денег для найма мастеров по строительству

¹ Южный старец – это псевдоним Хо Нгуен Чынга. См. «Параграф 4» следующей главы.

храмов и монастырей в сельской местности, всего в ста пятидесяти местах» [165.4, т.1, 255].

В данных примерах интересно отметить, что император приказывает выдать деньги для найма мастеров. Это является косвенным свидетельством отсутствия казённых ремесленников-строителей в ту эпоху, что, надо полагать, было связано с дороговизной содержания большого количества мастеров, требовавшихся для столь масштабного строительства. По всей вероятности, помимо мастеров в строительстве храмов и дворцов в качестве чернорабочих принимали участие и крестьяне-общинники, отбывавшие трудовую повинность. К строительству также привлекали скульпторов и живописцев. Так, в 1040 г. «император приказал изваять более тысячи статуй Будды, написать более тысячи картин Будды и сделать более десяти тысяч храмовых хоругвей» [165.4, т.1, с.262]. В период Ли создавались авторские высокохудожественные произведения искусства, в том числе и скульптуры, однако в данном случае количество статуй и картин свидетельствует о ремесленном характере их производства. Обращает на себя внимание также и то обстоятельство, что в данном случае император прямо повелевает мастерам сделать эту работу, не выделяя при этом денег для их найма. Данное обстоятельство свидетельствует в пользу того, что скульпторы и живописцы образовывали особую государственную категорию ремесленников.

Солеварение. Жители прибрежных районов занимались выщариванием соли из морской воды и изготовлением из рыбы особо ценившегося «соляного» соуса, о чём пишет Ле Так в своих «Кратких записях [об] Аннаме» [241.3, с.278].

Ксилография. О книгопечатании книг с помощью досок в правление обеих династий Ли имеется лишь одно упоминание в сборнике житий буддийских монахов, в котором говорится о том, что «Семья [монаха Тин Хока]¹ в течение

¹ ? – 1190 гг.

нескольких поколений занималась ремеслом гравировки на досках и печатания канонических сочинений» [244, с.114].

В летописных сводах упоминаются и другие ремёсла. Так, в 1118 г. император собственноручно начертал восемь иероглифов и повелел мастерам по *резьбе иероглифов на камне* скопировать их на стелу.

В двадцатых годах XII в. упоминаются дарения императору диковинных птиц и предметов от имени артелей мастеров по изготовлению *бумаги* и *лаковых* изделий. В летописях также приводятся приказы императора о *строительстве кораблей*, в том числе боевых. Естественно, что их строить должны были ремесленники, специалисты в этой области, хотя в тексте нет традиционного «император повелел мастерам ...».

2.6. Торговля

2.6.1. Внутренняя торговля

На территории Дайвьета эпохи Ли в деревнях, как правило, стоявших на пересечении водных и сухопутных путей, на речных пристанях и переправах по несколько раз в месяц собирались рынки, на которых осуществлялась продажа и обмен продукцией сельского хозяйства и ремесленных промыслов. Несколько рынков также было открыто и в столице страны Тханглаунге. Об открытии одного из них сообщается в источнике под 1035 г. [165.4, т.1, с.257]. Эти рынки находились у городских ворот и как они назывались по сторонам света: Южный, Западный и Восточный рынки³³.

Помимо этого в городе было порядка шестидесяти специализированных слобод. В большей их части жили ремесленники определённых профессий, а остальные были местом обитания и работы зажиточных профессиональных торговцев, из которых в столице к тому времени уже образовалась достаточно большая прослойка.

В 1042 г. в Дайвьете впервые была отлита национальная

монета, названная по девизу правления императора «Светлый Путь»¹. Однако их было явно недостаточно для обеспечения торговли, поэтому в стране также имели хождение имперские монеты династий Тан и Сун. Выпуск собственных денег свидетельствует о существовании достаточно высоко развитых товарно-денежных отношений в Дайвьете того времени, которые получили дальнейшее развитие при династии Чан.

С 1242 г. поземельный налог стали собирать деньгами. Регулярно осуществлялся выпуск медных денег. В 1360 г. была предпринята попытка выпуска цинковых монет. В 1396 г. по инициативе Хо Кюи Ли был осуществлен выпуск бумажных денег с одновременным запретом на хождение металлических монет. До этого наряду с вьетнамскими монетами широко использовали и китайские.

При династии Чан также была унифицирована система измерений. В 1280 г. были обнародованы деревянный и шёлковый эталон мер длины одного образца, называвшийся «тхьюк», что облегчало торговые операции [165.4, т.2, с.45].

В столице находились крупные рынки. В 1271 г. в Тханглаунге появляется китайский квартал (*слобода*), выделенный беженцам из Китая, которые создали на его территории свой рынок. Рынки также существовали и в сельской местности. Авторы «Общей истории Вьетнама» пишут, что помимо крупных рынков в уездных центрах на берегах больших рек, на перекрёстках сухопутных и речных путей существовали ещё и так называемые «уличные» рынки [1537, т.1, с.210]. Надо полагать, что они находились при постоянных дворах на почтовых станциях или располагались на обочинах основных дорог, проходивших через деревни. Такого рода обеспечивавшие нужды провинциальных центров и сельского населения рынки до сих пор существуют во Вьетнаме.

¹ Четвёртый девиз правления императора Великого рода [династии] Ли (1042 – 1043 гг.). См. «Таблицу №2» в «Томе VI».

Значительному оживлению торговли способствовало проводимое властями расширение сети водных путей и сухопутных дорог. В отличие от династии Ли императоры династии Чан осуществляли планомерное строительство дорог и мостов в масштабах всей страны. Как отмечает Гао Сюнчжэн, к началу вторжения войск династии Мин в Дайвьете было построено уже 335 мостов [165.4, с.74]. В то время водные пути приобретали всё большее значение, поэтому по указанию центрального правительства местные власти осуществляли рытьё каналов и углубление русел рек. Следует отметить, что государство придавало большое значение путям сообщения, которые были необходимы в первую очередь для переброски войск и снабжения их продовольствием. Однако это не умаляло их значения и для развития торговли.

В летописных сводах имеются сведения о том, что торговлей занималась высшая аристократия и даже сам император. Так, в 1262 г. по распоряжению императора частным рабам было приказано пахать землю на берегу реки Толить в окрестностях Тханглаунга для посева лука, чеснока и овощей на продажу, а также изготавливать веера на продажу [165.4, т.2, с.142].

Также известно, что военачальник Чан Кхань Зы, приёмный сын императора Совершенного рода династии Чан, командуя во время третьей войны с монголо-китайской империей Юань обороной архипелага Вандон, на котором находился центр международной торговли, захватил суда, перевозившие продовольствие и вооружение для армии вторжения. Пользуясь своим положением, он совершил спекулятивную торговую операцию. Офицеры и чиновники, располагавшиеся на Вандоне, использовали товары, привозимые из Китая, в том числе и головные уборы. Собрав подчинённых, Чан Кхань Зы заявил, что из-за того что они носят китайские головные уборы, их будет трудно отличить в бою от солдат противника, и под угрозой сурового наказания потребовал в кратчайшие сроки приобрести вьетнамские головные уборы из деревни Малой, специализировавшейся на

их изготовлении. Находившиеся на острове военные не имели никакой возможности быстро приобрести требусмые головные уборы, тогда как Чан Кхань Зы заранее закупил большое их количество и, погрузив на два корабля, привез их на остров. Не видя иного выхода, офицеры и чиновники были вынуждены приобретать этот товар по астрономическим ценам: по рулону дорогой ткани за одну шляпу. В результате Чан Кхань Зы получил несколько тысяч рулонов ткани. Недовольные этим люди написали жалобу императору, но тот простил за заслуги³⁴.

Наконец, надо отметить, что в то время купцы ещё не выделились в особую, занимающуюся внутренней торговлей группу населения.

2.6.2. Внешняя торговля

Именно в сфере внешней торговли появляются в Дайвьете эпохи Ли – Чан профессиональные торговцы и купцы. Это было одной из основных причин, по которой внешняя торговля осуществлялась под строгим контролем опасавшихся шпионажа под прикрытием торговли со стороны династии Сун императоров обеих ветвей династии Ли. Власти страны старались ограничить контакты своих подданных с иностранцами. На границе с Южным Китаем было создано несколько пунктов для приграничной торговли. Кроме империи Сун Дайвьет также торговал на северной границе с государствами Наньчжао и Дали. Кроме того, существовали торговые отношения между горными национальными меньшинствами по обеим сторонам северной границы Дайвьета. В империи для морской торговли с Дайвьетом были открыты порты городов Гуанчжоу и Циньчжоу, куда вьетнамцы поставляли не только свои, но и тямские товары. Так, Чжоу Цюйфэй писал: «Цзяочжи и Чжаньчэн¹ – соседи. Благовоние *чэнь* из Цзяочжи, которое попадает в [провинцию]

¹ То есть Зюти и Тиентхань (Тямпа).

Цинь, [на самом деле] из Чжаньчэна». Описывая же рынок в приморской провинции Цинь, он отмечал, что «Цзяочжи¹ по многим изделиям полностью зависят от Цинь. Лодки, плоты движутся в обоих направлениях непрерывно,... То, что привозят, – это золото, серебро, медные деньги, благовоние чэнь, благовоние гуань, благовоние шу, благовоние шэн, жемчуг, слоновая кость, рог носорога. Наши мелкие купцы приезжают перепродавать свои бумагу, кисти, рис, ткани» [85, с.71,194]³⁵.

Для морской торговли, главным образом – со странами Юго-Восточной Азии, императоры второй половины династии Ли выделили архипелаг Вандон, центром которого был остров Ванхай. Это был единственный разрешенный в Дайвьете международной торговли центр. Торговля на морском побережье была запрещена. В летописном своде «Запись истории Великого Вьета, полное описание» под 1149 г. написано о Вандоне следующее: «Весна, 2-ой месяц. Торговые суда трёх государств Чаооа^{II}, Лолак³⁶ [и] Сиемла³⁷ прибыли в Хайдонг^{III} и попросили [выделить им] место для торговли. Тогда создали учреждение³⁸ на морском острове Вандон для торговли ценными товарами, сделали подношение местной продукцией» [165.4, т.1, с.317]. В этом же источнике Вандон упоминается и под 1184 г.: «Торговцы из государств Сиемла и Тамфатте^{IV} прибыли в округ Вандон, преподнесли ценные вещи для разрешения торговать» [165.4, т.1, с.328]. В предшествовавших летописному своду Нго Ши Лиена «Кратком [изложении] истории [Великого] Вьета» и «Кратких записях [об] Аннаме» Ле Така о Вандоне ничего не сообщается, тогда как в более поздних «Отражении истории Вьета, основе [и] частностях, составленному по повелению императора» и «Предварительных записях» к «Записи истории Великого

^I То есть вьетнамцы.

^{II} Остров Ява.

^{III} Находился на территории современной провинции Куангнинь.

^{IV} Государство Шривиджайя, находившееся на острове Сумагра.

Вьета”» о Вандоне, также как и у Нго Ши Лиена, впервые упоминается лишь под 1149 г. Наконец, вьетнамский историк До Ван Нинь в своём труде «Торговый порт Вандон» пишет: «Остров Ванхай с двумя общинами Куанлан и Миньтяу с двумя основными древними пристанями (есть ещё несколько небольших пристаней) Кайланг и Шонхао, по всей вероятности, и есть центр торгового порта Вандон» [346.1, с.8].

Таким образом, первым источником информации о Вандоне при династии Ли остаётся летописный свод XV в., автор которого Нго Ши Лиен неоднократно относил события более позднего времени к предшествовавшим им периодам вьетнамской истории. В связи с этим нельзя исключать того, что этот центр международной торговли Дайвьета был основан не в середине XII в., а позднее, например – при династии Чан.

Экспортными товарами Дайвьета были золото, серебро, соль, благовония из древесины ценных пород, ароматные палочки, жемчуг, слоновая кость, ремесленные изделия, в том числе – фаянс, фарфор, бумага и ткани. Импортировались ткани, изделия из стекла, китайские фаянс, фарфор, керамические изделия, лекарства и предметы роскоши для императорского двора.

В целом же внутренняя и внешняя торговля при обеих ветвях династии Ли успешно развивалась, несмотря на достаточно серьёзный государственный контроль.

При императорах династии Чан внешняя торговля продолжала контролироваться государством. Однако следует отметить, что во время военных действий второй половины XIII в. приграничная торговля с Китаем по вполне понятным причинам была нарушена.

Более того, при династии Чан главный вьетнамский морской центр международной торговли Вандон стал одновременно и районом боевых действий. Как известно, во время войн с монголами он служил базой военно-морского флота Дайвьета.

Благовоние «Шу»

Помимо Вандона, который был единственным разрешенным портом международной торговли при династии Ли, при Чанах также функционировали порты Хойтхонг и Канхай в провинции Нгеан и Хайчиеу в провинции Тханьхоа [1537, с.210]. О процветающей международной торговле в последнем сохранились свидетельства китайского посла Чэнь Фу, посетившего Дайвьет в конце XIII в. [1173, с.117]. В летописях содержатся сведения о прибытии в Вандон торговых судов с Явы, Сукотаи, Лаво. Регулярно посещали порты Дайвьета и китайские торговые суда.

Вызывает некоторое недоумение, что согласно, Нго Ши Лиену, налог на торговые суда был введен только в 1400 г. [165.4, т.2, с.201]. Имеются, правда, упоминания о подарках, которые заморские купцы делали в казну, хотя маловероятно, что они могли взиматься в качестве налога. Поэтому, учитывая то внимание, которое государство уделяло внешней торговле, есть все основания предположить, что хотя в источниках это и отражено, такой налог был введен гораздо раньше.

2.7. Проблема городов Дайвьета

В летописных сводах эпохи Ли – Чан упоминаются только три города: Хоалы – столица династий Динь и Ле, Тханглаунг – столица династий Ли и Чан и Тэйдо – столица династии Хо. Как представляется, что резиденции членов императорской семьи династии Чан, также как и резиденцию «Старшего [над] императором» в Тыкмаке, городами считать нельзя. Административные центры уездов и провинций также не стали городами в полном смысле этого слова. По-видимому, именно поэтому профессор До Ван Нинь в монографии «Древние города Вьетнама», говоря об эпохе Дайвьета описывает только эти три города [1241, с.58 – 92]. Из них наибольшую роль в истории страны сыграл, несомненно, Тхангланг, так как Хоалы был столицей страны три десятка лет, а Тэйдо – всего несколько лет. В то же время в своём коллективном труде «Крупные древние поселения Вьетнама» современные вьетнамские учёные исследовали тринадцать городов с древнейших времен до конца средних веков, из которых только Хоалы, Тханглаунг, Вандон, Лангшон, Фохиен, Хынгхоа, Зьонгса и Винь относятся к эпохе Ли – Чан. О Хоалы и Тханглаунге уже говорилось достаточно много как в предыдущем, так и в настоящем томе, поэтому ниже речь пойдёт об остальных шести городах.

Вандон. Автор главы о Вандоне До Ван Нинь пишет, что в течение четырёх – пяти веков он являлся центром торговли с многочисленным населением. Но хотя его посещали торговые суда, Вандон так и не стал торговым городом. Далее цитатно: «Организация администрации в Вандоне носила более сельские черты, чем городские. Психология населения Вандона была более деревенской, чем городской. В борьбе между деревней и городом в Вандоне деревня одержала победу» [1240, с.167]. Если вспомнить, что Вандон – это архипелаг, на каждом острове которого имелось по корабельному причалу, а его на считавшемся центральным острове было два причала, то городом его действительно назвать сложно.

Скульптура льва.
Литературный храм. Ханой. 25.04.2011 г.

Лангшон. Этот город находится на северо-востоке страны в восемнадцати километрах от китайской границы. В данном случае анализируется термин «крупное поселение», который содержится в названии вышеуказанного труда вьетнамских учёных. Он состоит из двух частей: «город» и «рынок». Соответственно этот термин также можно перевести как торговый город, торговый центр. Лангшон того времени стоял на пересечении ведущих в Китай путей и служил вьетнамо-китайским торговым центром ещё при первой ветви династии Ли. Однако автор главы о Лангшоне считает, что раньше он был лишь «рынком», а «городом» он стал в 1495 г., то есть позднее рассматриваемого в данной главе периода [1240, с.177].

Фохуен. Он ещё известен под названием «Хиентхи»

(рынок Хиен). Это поселение известно под другим названием со времен династий Ли. Оно находилось в современной провинции Хынгхиен на берегу реки Красной к юго-востоку от Тханглаунга, где пересекались торговые пути, и было торговым и ремесленным центром. Согласно надписи на каменной стеле Хонгынг (1665 г.), это поселение состояло из десяти слобод [1240, с.201]. И хотя в их названиях прослеживаются прежние названия деревень, Фохиен уже находился на стадии перехода от рынка к городу. Тем не менее городом он стал только при династии Ле в XV – XVI вв.

Хынгхоа. Ныне уездный центр Хынгхоа уезда Тамтхань провинции Виньфук. Поселение известно с древнейших времен. Однако его расцвет как города начинается только с династии Ле [1240, с.238].

Зыонгса. Это поселение расположено в шести километрах к северо-востоку от г.Тханьхоа. Оно известно с древнейших времен. По мнению автора главы о Зыонгса, этот населённый пункт становился городом дважды: в начале новой эры и после XV в. в эпоху Ле – Чинь – Тэйшон [1240, с.264].

Винь. В настоящее время – это административный центр провинции Нгеан. При династиях Ли на его территории располагался военный лагерь Виньфаунг [1240, с.289]. Дальнейшая история Виня приходится на эпоху Ле – Чинь – Тэйшон. В посвященной этому городу главе написано, что первоначально это был военный лагерь, а его история как горда начинается с династии Ле [1240, с.291].

Таким образом, из посвящённого проблеме древних и средневековых городов Вьетнама коллективного труда вьетнамских учёных следует, что в эпоху Ли – Чан других городов, кроме Тханглаунга и Хоалы, в Дайвьете не было. Правда, Г.М.Маслов со ссылкой на «Первоначальное описание Аньняня» Гао Сюнчжэна писал, что «... во Вьетнаме в начале XV в. было 19 городов, 20 крепостей...» [467, с.35]. Однако на самом деле китайский автор, описывая строительство и ремонт ставшей впоследствии столицей Дайвьета Тханглаунгом крепости Дайла китайскими заместниками эпохи северной

зависимости, сообщает о том, что ни фундаментов, ни следов других городов найдено не было, при этом записей о них в источниках также не было обнаружено. Далее имперский историограф писал: «После того как наша династия¹ окончила умиротворение [Дайвьета], разместили в нескольких местах лагеря, [а в] имеющих важное стратегическое значение местностях построили большие [и] прочные крепости для длительной обороны общим числом 39, которые были и крепостями 城, и укреплениями 保^{II}». Таким образом, Гао Сюнчжэн де-факто признаёт, что кроме крепости Дайла (Тханглаунга), никаких других городов в стране не было, а девятнадцать крепостей и двадцать укреплений были построены китайцами во время оккупации Дайвьета войсками династии Мин и выполняли только оборонительные функции.

Как представляется, развитие городов в Дайвьете в эпоху Ли – Чан фактически тормозило централизованное феодальное государство, руководившее из одного центра^{III} компактно расположенной на относительно небольшой территории страной. Кроме того, самодостаточные и самоуправляемые сельские общины, занимающиеся сельскохозяйственным производством, ремеслом и торговлей не нуждались в существовании городских образований, функции которых они сами частично выполняли.

Подводя итог посвящённым эпохи Ли – Чап главам настоящего тома следует подчеркнуть, что X – XIV вв. в истории Дайвьета являются эпохой возрождения независимого вьетнамского государства, становления и развития централизованных форм управления страной. Они были временем тяжелейших испытаний для вьетнамского народа, который, освободившись от многовекового имперского господства, был вынужден вновь с оружием в руках

^I Династия Мин.

^{II} 19 крепостей и 20 укреплений.

^{III} Столица Дайвьета город Тханглаунг.

отстаивать свою независимость в многочисленных и кровопролитных войнах с общекитайскими империями Сун и Юань, королевствами Тямпа и Камбуджадеша, а также с лаосскими княжествами. В этих войнах ярко проявились высокий патриотический дух вьетнамского народа и талант полководцев Дайвьета.

Императоры Дайвьета в целом придерживались относительно демократических принципов в своей политике, что не характерно для средневековья. Политика поощрения земледелия проводилась как в интересах государства, так и в интересах подавляющего большинства жителей страны, представленного свободными крестьянами-общинниками. Императорские указы того времени были направлены на сохранение этой категории населения. Так, крестьян запрещалось продавать в рабство, а в случае неурожая и голода отменялся или сокращался поземельный налог. Участие крестьян в конкурсных экзаменах давало им возможность стать чиновниками, то есть перейти в ряды господствующего класса, что свидетельствует о высокой социальной мобильности вьетнамского общества того времени.

Наконец, эпоха Ли – Чан также отличается большими достижениями в ремесленном производстве. Об этом свидетельствует тот факт, что высокое качество изделий вьетнамских мастеров отмечали даже в Китае.

Таким образом, эпоха Ли – Чан является в истории Вьетнама тем временем, когда сформировались основные черты национального самосознания вьетнамского народа и были заложены основы его современной государственности.

Глава 2¹

Социально-экономическое развитие централизованного феодального государства во Вьетнаме XV – XVI вв.

1. Вьетнам в 1400 – 1427 гг.

1.1. Мероприятия династия Хо в 1400 – 1407 гг.²

Как известно, в последней трети XIV в. вся власть в Дайвьете де-факто находилась в руках Хо Кюи Ли, который в 1400 г. сверг легитимную династию Чан и основал собственную династию Хо. Также в предыдущих главах уже отмечалось, что Хо Кюи Ли предпринял попытку проведения реформ всей структуры вьетнамского государства, однако эта попытка завершилась неудачей, прежде всего – из-за вторжения армии империи Мин¹.

Если говорить о формах земельной собственности в сельском хозяйстве, то с 1397 г. Хо Кюи Ли начал проводить так называемую политику земельного ограничения. Согласно этой политике, «великие князья [и] старшие принцессы могли иметь [в собственности] поля без ограничения, [тогда как] другие категории населения [могли иметь] не более чем 3,6 га^{II} полей» [165.2, т.2, с.202]. Таким образом, политика ограничения не затрагивала ни интересы высшей знати, ни самого Хо Кюи Ли, который к тому времени уже получил титул великого князя.

С точки зрения экономики политика ограничения в основном проводилась «с целью уничтожения экономической формы *имения* как отсталой экономической формы, которая уже не отвечала требованиям укрепления централизованного государства». Она была «направлена в первую очередь против тенденции развития крупных форм частного землевладения за восстановление общественной собственности на большую часть земельных угодий» [1574.1, с.347 – 363].

¹ Смотри «Параграф 1.4» и «Параграф 2» «Главы 2» «Части I» настоящего тома.

^{II} В источнике сказано: «не более 10 *мау* полей». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

В 9-ом месяце 1402 г. ставший императором Хо Хан Тхыонг издал указ, которым устанавливались размеры земельного и подушного налогов.

Согласно этому указу земельный налог взимался в следующем порядке: с каждых 3600 м² полей должно было взиматься 5,17 л риса. Земли, на которых разводили туговник, делились на три категории: высшую, среднюю и низшую. С каждых 3600 м² этих полей должно было взиматься в зависимости от категории по 5, 4 и 3 куана бумажными деньгами соответственно.

Подушный налог взимался лишь с совершеннолетних общинников согласно следующему порядку: те, у кого было 1800 м², платили 5 тиенов бумажными деньгами, от 2160 м² до 3600 м² – 1 куан бумажными деньгами, от 3960 м² до 5400 м² – 1 куан 5 тиенов бумажными деньгами, от 5760 м² до 7200 м² – 2 куана бумажными деньгами, от 7560 м² до 9000 м² – 2 куана 6 тиенов бумажными деньгами, от 9360 м² и больше – 3 куана бумажными деньгами.

Не имеющие земли взрослые мужчины, а также имевшие землю дети-сироты и вдовы были освобождены от уплаты налогов¹.

В 1403 г., продолжая начатые в экономической сфере реформы, Хо Хан Тхыонг «повелел учредить должность инспектора рынка, определил меры веса, длины [и] объёма [и] установил номинал [купюр] бумажных денег для [их] обращения». После этого он специальным указом обязал всё население использовать только эти купюры при платежах³. Одновременно была введена пошлина на торговые корабли¹¹, которые были разделены на три категории – высшую, среднюю и низшую. В зависимости от категории с каждого судна взималась пошлина в размере 5, 4 или 3 куанов соответственно [165.2, т.2, с.210, 213, 214].

¹ В тексте источника размеры площадей приводятся в *мау* и *шао*. См. «Таблицу №3» в «Томе VI».

¹¹ См. «Параграф 2.6.2» предыдущей главы.

Во время своего правления династия Хо осуществила и ряд важных преобразований в социальной сфере. Так, например, в 5-ом месяце 1401 г. было проведено ограничение количества семейных рабов, которыми могли владеть представители господствующего класса. Количество рабов устанавливалось в зависимости от того, к какой категории наследственной знати или чиновничества принадлежал их владелец. Каждый чиновник – владелец семейного раба должен был уплатить пошлину в размере 5 куанов, а представитель наследственной знати – предъявить завещания в доказательство того, что его род владел семейными рабами не менее трёх поколений. «Излишек» таких рабов – вьетнамцев возвращался государству¹, тогда как количество семейных рабов из числа чужестранцев ничем не ограничивалось. На лбу каждого семейного раба татуировался особый знак, по которому можно было установить его владельца⁴.

Одновременно с этим была проведена всеобщая перепись населения. В реестры вносились в соответствии с их реальной численностью на день переписи все люди в возрасте от 2 лет и старше за исключением не имевших определенного места жительства бродяг. При этом жившие в различных провинциях *кিনি*¹¹ должны были вернуться в родные места для переписи. По завершении переписи выяснилось, что населения в возрасте от 15 до 60 лет значительно больше, чем считалось прежде.

1.2. Период кратковременной зависимости от империи Мин (1400 – 1427 гг.)

Установив относительное спокойствие в захваченном империей Цзяочжи¹¹¹, Минские власти приступили в 1414 г. к его экономической реорганизации. Согласно установленному ими порядку население общин должно было «представить

¹ То есть, становился полноправным членом общества.

¹¹ То есть вьетнамцы.

¹¹¹* Поскольку в данном параграфе речь идёт о деятельности имперской администрации в Дайвьете, то название страны приводится в нём так, как оно даётся в китайских источниках в китайском фонетическом чтении.

реестры полей [и] земель [под] посадками тутовника, [а также сообщить о] запасах продовольствия, шёлка [и] шелкопряда». Исходя из этого общинники должны были платить налог в соответствии с правилами, установленными при династии Хо, но за одним исключением. Каждые 3600 м² (1 *мау*) земли учитывались как 10800 м² (3 *мау*). Таким образом, в действительности налоги выросли в три раза. С низменных земель [под тутовником] налог взимался шёлком из расчёта «каждая семья платит с 3600 м² 37,301 гр. шёлковой [нити, при этом из] 596,816 гр. шёлковой [нити] ткали одну штуку шёлка» [165.2, т.2, с.250].

Согласно кадастру «Совершенствования управления» общая площадь находившихся под контролем минской администрации пахотных земель в 16 малых провинциях округа Цзяо^I и 5 округах Куокоая составляла к 1417 г. порядка 26489640,6 га^{II}. Количество риса весеннего и осеннего урожая за целый год составляло около 76162,5 л^{III} [246.1, с.103].

Кроме земельного и подушного налогов были введены подати на занятие ремеслом, на торговлю, на пользование прудами, дамбами и каналами, а также другие налоги, за поступление которых отвечали различные службы, в том числе 187 инспекций, 19 отделений налоговой службы, 3 отдела по добыче серебра и 16 управлений золотых приисков. Об этом времени в источнике говорится: «Сейчас большие округа [и] столица принадлежат династии Мин, сто семей выполняют [трудовые] повинности, [вынуждены] сдавать продовольствие [в произвольно] устанавливаемом чиновниками количестве. Население областей [принуждают] строить суда [и] учреждать военные поля для снабжения армии. От округа Зиен [и дальше] на юг запрещено возделывать землю» [165.2, т.2, с.244].

^I Говоря о провинциях округа Цзяо, минские историографы приводят, за исключением провинции Тханьхоа, несуществующие названия.

^{II} Точно: 26489640 га 5744,06 м². В тексте сказано: «всего 17442 *кхоаня*, 34 *мау*, 5 *фан*, 6 *ли*». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

^{III} Точно: 76162,4847 л. В тексте сказано: «собиралось за год 73549 *тхатей*, 4 *тханга*, 6 *хопов* (*тхыюков*), 5 *шао*». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

В 1417 г. Мины получили в Цзяочжи только в виде налога на торговлю 3902 куана 5 тиенов 56 донгов⁵ из общего оборота в 30558 куанов 9 тиенов 21 донг, а в виде налога на имущество – 10000 бумажных вееров, 1,97 т натуральных лаков, 298,4 кг квасцов; 4140 л соли, 572,68 гр золота, 39,98 кг серебра; 584,04 кг шёлковой нити, что эквивалентно 1129 штукам шёлка [246.1, с.244]¹.

Не менее тяжёлыми были и трудовые повинности, на эти работы привлекались сотни тысяч совершеннолетних общинников в возрасте от 16 до 60 лет. Только в самой крепости Донгуан по указанию минских военных было построено 111 домов и резиденций для чиновников губернаторства и 138 административных зданий для управлений административного аппарата. По всей стране в малых провинциях, округах и уездах также строилось множество крепостей, укреплений, почтовых станций, дорог и мостов [246.1, с.244].

Кроме того, велось широкомасштабное строительство культовых сооружений, служители которых должны были внедрить имперскую культуру в жизнь вьетнамского общества с целью его полной ассимиляции. В 1414 г. Мины повелели учредить во всех малых провинциях, округах и уездах страны Литературные храмы¹¹ и комплексы алтарей для поклонения духам. В результате было учреждено 148 алтарей для отправления культа духов Неба и Земли, 148 алтарей для поклонения духам ветра, облаков, дождя и грома, 46 алтарей для поклонения духам областного уровня и 102 алтаря для поклонения духам общинно-деревенского уровня. Помимо этого было построено 469 пагод, 92 храма в честь духов-покровителей, 48 поминальных храмов и 252 мавзолея. Во

¹ В тексте сказано о налоге на торговлю «3902 куана 5 тиенов 56 донгов из общего оборота в 30558 куанов 9 тиенов 21 донг», о налоге на имущество – «3315 канов 9 лангов 5 донгов натуральных лаков, 500 канов квасцов, 40400 доу 40 тхангов соли, 572 ланга 8 донгов 5 фанов 1 ли золота, 1072 ланга 3 фана 5 ли серебра, 1129 канов 15 лангов шёлковой нити, что эквивалентно 1129 тамам шёлка». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

¹¹ Храмы Конфуция.

всех эти культовые сооружения были направлены наставники и чиновники из империи, которые отправляли культ в соответствии с установленными при дворе Мин ритуалами и обрядами. Так, например, в то время во Вьетнаме действовало 62 учреждения, занимавшихся внедрением учения Тёмного и Светлого начал [246.1, с.142].

Таким образом, все эти налоги, подати и повинности тяжёлым бременем ложились на вьетнамское общество, что в конечном итоге привело к всенародному выступлению против оккупации страны империей Мин¹.

2. Империя Дайвьет в начальный период правления династии Ле (1428 – 1527 гг.)

Взошедший в 1528 г. на престол после 20-летней оккупации Дайвьета империей Мин основатель династии Ле столкнулся с тяжелейшей экономической ситуацией в стране. Особенно тяжёлым было положение сельского хозяйства, так как многие земли оказались заброшенными в результате войны, что привело к резкому падению его производства и реальной угрозе голода. В связи с этим были предприняты неотложные меры для исправления ситуации.

2.1. Земельная собственность и сельское хозяйство

В первую очередь внимание было обращено на пустовавшие *государственные поля*, на оставшиеся без хозяев родовые земли, а также на брошенные *общинные поля* деревень и поселений. Одна часть этих земель, известная под названием *жалованные поля*, была отдана в пользование заслуженным подданным, членам императорской семьи, аристократии и чиновникам, а на другой учредили поселения *военных полей*.

¹ О политических и культурно-идеологических аспектах мероприятий Хо Кюи Ли и периода зависимости от империи Мин смотри «Параграф 1.2» «Главы 3» «Части I», а также «Параграф 2.1» и «Параграф 2.4» «Главы 2» и «Параграф 2.1» «Главы 3» «Части III» настоящего тома.

Для упорядочения форм землевладения были созданы земельные кадастры и посемейные реестры. В первые были внесены большая часть заброшенных полей, пахотные земли, принадлежавших чиновникам династии Мин, и захваченные населением деревень и общин владения пагод, монастырей и поминальных храмов. Все эти земли были возвращены в категорию *общинных полей*.

В результате этих мероприятий династия Ле утвердила свою верховную власть над всеми землями сельскохозяйственного назначения в государстве, что получило законодательное оформление. Так, ещё сам Ле Лой создал свод законов, 32 статьи которого были посвящены вопросам землепользования и земельной собственности. Затем император Гуманный рода [династии] Ле дополнил их ещё 14 статьями. Однако основную роль в оформлении базовых принципов землепользования сыграли положения «Кодекса [законов эры] “Великой добродетели”»¹. В действительности они представляют собой полностью отвечавший условиям того времени регламент земельной собственности. В нём имелись положения, касавшиеся защиты общинных земель, отношений, вытекавших из частной собственности на землю, а также замеров, залога и покупки земельных площадей, разрешения земельных тяжб, их урегулирования и нарушений правил землепользования. Кроме того, «Кодекс» чётко устанавливал форму официальных документов, удостоверяющих передачу права собственности на землю. Так, например, в «Статье 366» впервые во вьетнамской истории были определены формы купчей и завещания земельных владений.

На основе нового земельного кадастра императоры Ле стали проводить политику *жалованных полей*, отдававшихся в пользование знати и высших чиновников, в сочетании с политикой *областных полей*, которые равными наделами передавались в пользование различным категориям населения общин и деревень. Кроме того, одной из главных задач этой

¹ Смотри «Параграф 2.2.3» «Главы 3» «Части 1» настоящего тома.

политики было возвращение крестьян в родные деревни, без чего нельзя было восстановить сельскохозяйственное производство. Поэтому государство отменяло или сокращало налоги, особенно – во время стихийных бедствий. Более того, после окончания войны Ле Лой демобилизовал 250000 солдат, для того чтобы они могли вернуться к полевым работам в своих деревнях. Всё это позволило как стабилизировать социальную ситуацию в обществе, так и восстановить сельскохозяйственное производство, что, в свою очередь, стало стимулом для развития ремёсел и торговли.

На столетия сохранившее свой вид рисовое поле.
Бакзянг. 26.03.2011 гг.

Как уже отмечалось, при первых императорах династии Ле относительно широкое распространение получили так называемые поселения *военных полей*⁶. Они возглавлялись начальником и заместителем начальника поселения из числа военных, а их население формировалось, как и в эпоху Ли – Чан, из солдат и военнопленных, в основном – тямов и китайцев. Многие из тямских поселений или с населением из числа других иностранных военнопленных назывались по имени учредивших их «оборон». В основном они находились в

долинах рек уездов Хынггуен, Зиентяу, Тхиенбао и других пограничных уездов [1540.1, т.1, с.244]. В результате освоения целинных земель в бассейнах реки Красной, реки Ма и реки Лам в то время возникло много новых поселений. При этом особое внимание уделялось «срочному переселению» жителей Северного Вьетнама в район Тхуан – Куанг, что диктовалось необходимостью защиты южных границ Дайвьета⁷.

В целом же система градации государственных и частных земельных владений в начальный период династии Ле принципиально ничем не отличалась от той, которая существовала в конце эпохи Ли – Чан¹.

За время с 1434 по 1497 г. императоры Ле издали много указов с повелениями о проведении ирригационных работ, о рытье каналов, об укреплении и строительстве речных и морских дамб. Так, в 12-ом месяце года Чёрной Кошки¹¹ Великий рода повелел военным очистить реку Донгган¹¹¹, которая в то время являлась важной водной артерией, связывающей столицу с восточными и северо-восточными провинциями страны [165.2, т.3, с.111]. В 1437 г. он приказал провести очистку каналов. В следующем 1438 г. Великий рода вновь «велел населению четырёх военных округов рыть каналы в Чьонгиене, Тханьхоа [и] Нгеанс» [165.2, т.3, с.126].

В 1445 г. сменивший его на престоле император Гуманный рода «велел гражданским [и] военным чиновникам всех областей страны вырыть каналы в большом округе Тханьхоа». В 1449 г. он же «повелел ведающему наказаниями Ле Кхак Фуку возглавить [людей] Службы ста работ [и] воинов гвардии Небесных врат четырёх малых [слобод], [а также] военных [и] жителей провинции Тхайнгуен углубить реку Биньло от пристани Ланькань в Тхайнгуене до моста Фуло [и далее] до Биньтхана на протяжении 10 км^{1V}» [165.2, т.3, с.151].

¹ См. «Параграф 2.4» предыдущей главы.

¹¹ 1435 г.

¹¹¹ Так называлась река Дуонг в месте её слияния с рекой Красной.

^{1V} В тексте сказано: «на протяжении 2500 чьонгов». См. «Таблицу №3» в «Томе VI».

В правление императора Совершенного рода работы по очистке старых рек, рытью каналов и строительству речных и морских дамб приобрели ещё больший масштаб. Так, в 1467 г. этот император направил людей на рытьё каналов в Тханьхоа и строительство гаваней в Нгеане и Тхуанхоа. В прибрежных районах южной части дельты реки Красной провинций Намдинь и Ниньбинь была создана целая система морских дамб, остатки которых сохранились до настоящего времени. В летописном своде XIX в. сообщается о том, что «В уезде Иенмо провинции Ниньбинь есть возведённая из камня дамба, [которая тянется] от северной стороны устья Тханфу до южного берега устья Кон, [и] земляная дамба от общины Койчи уезда Иенмо до южного берега общины Бонгхай уезда Иенкхань. Согласно преданию, Совершенный рода [династии] Ле повелел [их] построить для защиты от морской воды, поэтому [их и] называют «дамбы “Великой добродетели”» [182, т.12, кн.20, с.32я (1070); 239.1, «Основные записи», кн.ХХ, с.376 – 38а]. На сегодняшний день на юге уезда Нгиахынг и на севере уезда Хайхоу ещё сохранились остатки дамбы, длина которой в эру «Великой добродетели» равнялась 25 км [1731.12]. Благодаря надписям на стелах общины Иенмо и общины Фуса уезда Нгиахынг известно, что сохранившаяся в первой общине часть этой дамбы была возведена в 1472 г., а во второй – в 1474 г. [1540.1, т.1, с.43].

Таким образом, в течение первых ста лет правления династии Ле её императоры предпринимали все необходимые меры для быстрого восстановления и развития сельского хозяйства, чем заложили фундамент для развития других отраслей национальной экономики.

2.2. Ремесленное производство

Как уже отмечалось в предыдущей главе, к концу эпохи Ли – Чан ремесленное производство уже достигло в Дайвьете достаточно высокого уровня. Его рост продолжился и в XV в. Об этом можно судить по «Географическим записям», в которых Нгуен Чай приводит обобщённые данные по ремесленным

производствам в различных регионах страны по состоянию на 1435 г. В целом они сводятся к следующему¹ [203, с.215 – 230]:

А. Шонтэй. В уезде Батбат производились масло, рами и джут; в уезде Тамнонг перерабатывался чай и добывался жёлтый и белый пчелиный воск; в деревне Нгуентхан ткали материю; в уезде Тиенфаунг производили шёлк.

Б. Шоннам. В уезде Тханьоай изготовлялся гладкий шёлк; в уезде Кимбанг производился маркизет (газовая ткань); в общине Хоангмай уезда Тханьчи и общине Биньваунг уезда Тхьонгфук варили алкоголь из лотоса и хризантем; в общине Донгтхай варили алкоголь из риса. Деревни, в которых делался этот алкоголь, были очень известны. Каждый год он поставлялся ко двору для ритуальных подношений во время церемоний начала времён года.

В. Кицьбак. В деревне Багчанг уезда Зялам изготовляли глиняные вещи и посуду; в деревне Хюэкоу уезда Ванзянг окрашивали материю в тёмные цвета; в уезде Иентхе обжигали известняк. Производство глиняных изделий в Багчанге и окрашивание материи в тёмные цвета в Хюэкоу, являвшиеся традиционными ремёслами тех мест, издавна были известны по всей стране.

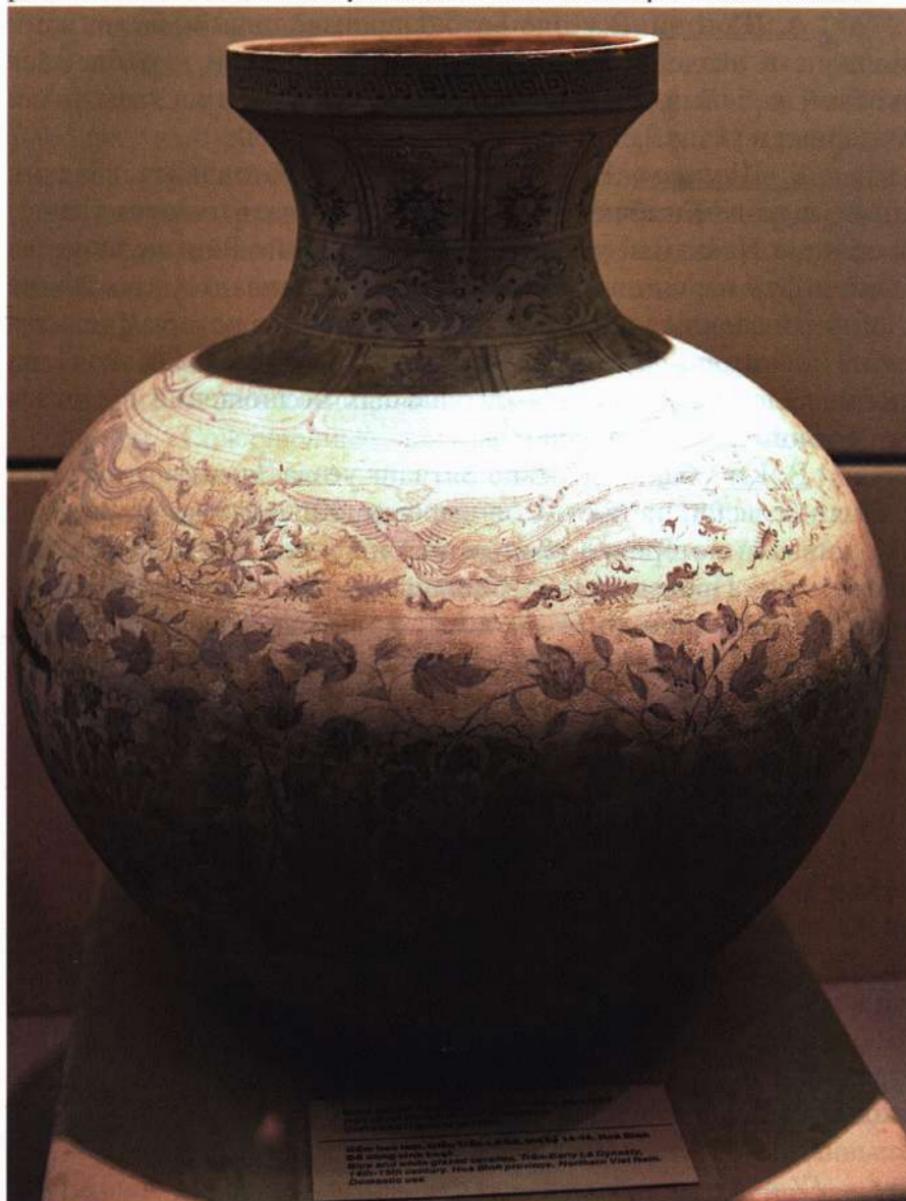
Г. Нгеан. В уезде Тьонгзыонг имелось производство неплотных тканей; в уезде Тхатъха производился маркизет (газовая ткань).

Д. Куангнам. В общине Тыминь уезда Тувиен пряли шёлковую нить; в общине Миеншон уезда Тувиен делали шёлк тёмного цвета.

Е. Лангшон. В округе Иенбак занимались различными видами вышивания по шёлку и производились благовония. Шёлковая вышивка из округа Иенбак была ценной продукцией ручного труда, которая включалась в число подносимых в качестве дани вещей. Следует отметить, что

¹ Автор главы приводит этот текст из произведения Нгуен Чае в цитатной форме, однако по-русски он даётся в виде переложения, что позволяет избежать введения большого количества слов в квадратных скобках, без которых невозможно его грамотное изложение на русском языке.

именно тогда в XIII – XIV вв. в Дайвьете возникли и начали развиваться специализированные поселения ремесленников.

Глиняная ваза XIV – XV вв. Провинция Хоабинь.
Музей Истории. Ханой, 18.04.2011 г.

В XV в. такие поселения уже образовали целую сеть торгово-промышленных слобод¹, а в XVI в. – получили дальнейшее широкое развитие. Так, в «текстильных» слободах Тхюитыонг и Нгитам производился тонкие ткани и шёлк, а производившаяся в посёлке Маодиен уезда Камзянг провинции Хайзыонг, а также в посёлках Хоам и Батбе уезда Донглай¹¹ тонкая ткань по виду ничем не уступала шёлку. Эту, бывшую красивее шёлка тонкую ткань, клали в бамбуковые коробки [и] подносили в виде дани. В то время местные жители района Туенкуанг производили блестящие золотые ткани с сине-зелёной вышивкой, которые выглядели очень красиво. «В уездах Тылием [и] Данфыонг [малой провинции] Куокоай, было много аллювиальных земель с посадками тутового [дерева]. Население [того района] занималось разведением шелкопряда [и] ткачеством. В общинах Хахой, Тхиенмо, Ила, Чунгтхюи [и] Дайфунг умели ткать [обычный] шёлк, грубый [шёлк], блестящий [шёлк], тонкий [шёлк и цельные куски] длинного шёлка, [который] обычно называют парчой [или] атласом» [195, с.288].

В деревне Биньваунг и слободе Хатхай уезда Тхыонгтин, слободе Диньбанг в Бакнине и слободе Намнги (Ханой) занимались красками и окраской тканей, при этом наибольшую известность получили краски из Биньваунга. Кроме того, где-то в начале XVI в. некий Чан Лы, сдавший в 1502 г. конкурсные испытания на звание «продвинутый муж», создал в Киньчу мастерскую по резьбе по камню, а в Лиеучанге¹¹¹ – производство печатных досок.

Следует отметить, что и в самой столице ремесленное производство также получило дальнейшее развитие. Так, согласно Нгуен Чаю, в слободе Тангкием производили доспехи, пояса, большие глиняные кувшины, подносы, гамаки и зонты, а также занимались вышивкой по шёлку. В слободе Иентхай

¹ Примерами таких поселений могут служить деревня Батчанг в Зяламе и район Тюдоу в Хайзыонге. См. «Параграф 2.5» и «Параграф 2.6» предыдущей главы.

¹¹ В настоящее время это уезд Виньлай провинции Хайфон.

¹¹¹ Провинция Хайзыонг.

делали бумагу, в слободах Тхюитыонг и Нгитам выделяли тонкую ткань и шёлк, в слободе Хатан занимались обжигом известняка, в слободе Хангдао красили ткани в красный цвет, в слободе Танят делали всера, а в слободе Дыонгнян торговали одеждой.

Таким образом, возникновение и развитие ремесленных слобод отражало уровень развития и специализации самого ремесленного производства. Покинувшие сельское хозяйство и ставшие ремесленниками общинники объединялись по профессиональному признаку и селились вместе в специализированных торгово-ремесленных слободах. При этом наиболее искусные из них отбирались Службой ста работ для производства товаров, которые были необходимы как для обеспечения нужд государства, так и для обеспечения нужд императора и его окружения [130б.4].

Однако в то время ремесленное производство на местах (семейное и профессиональное ремесло) ещё играло главную роль и являлось основой экономического прогресса. Именно производимые им товары в первую очередь способствовали становлению начальных форм товарно-денежных отношений в развивающемся вьетнамском государстве эпохи средневековья.

2.3. Торговля⁸

2.3.1. Внутренняя торговля

Кроме самой столицы с её 36-ю торгово-ремесленными слободами, которая была наиболее крупным торговым центром в начальный период правления династии Ле, в различных районах страны также сложилась сеть деревенских, уездных и провинциальных рынков, игравших большую роль в экономике страны. Как правило, находившиеся в одном и том же [сельском] объединении (волости) или уезде рынки функционировали так, чтобы время их работы не совпадало. Следует отметить, что само открытие рынков было связано с соблюдением целого ряда правил. В 1477 г. император Совершенный династии Ле предпринял их регламентацию с издания указа, в котором говорилось: «С каждым днём рождается всё больше людей в уездах, округах и общинах по

всей стране. Поэтому если кто захочет дополнительно открыть новый рынки для удобства торговли, то чиновники малых провинций, уездов и округов должны оценить реальное [положение вещей и], если это удобно населению, подать прошение Престолу об учреждении рынка, а не следовать при [их] создании прежнему порядку» [165.2, т.3, с.259]. Однако все основные правила создания функционирования рынков были прописаны лишь спустя шесть лет в «Статье 317» «Кодекса [законов эры] “Великой добродетели”»¹, которая гласила:

«Среди народа есть люди, которые имеют рынки, [а] рынок [существует] для перемещения товаров в Поднебесной [и] развития путей обмена [ими], чтобы удовлетворить потребности людей. Если в какой-то общине уже был создан рынок, то там запрещается открывать другой [рынок, чтобы] бессмысленно не затруднять торговлю. Так, если через деревню всё же прошёл новый торговый путь, то лишь тогда там следует открывать рынок, но в таком случае нельзя позволять торговлю в день большого сбора [гостей] на рынках соседних деревень [или позволять им] перекрывать перед этим днём путь [своими] торговыми рядами. Если [же кто-то] хочет открыть новый рынок, то следует обратить внимание на [работу] старых рынков; [можно] разрешить [его открытие лишь] после дня сбора [гостей]. Если между людьми на старых рынках [и] новых рынках возникают споры [и при этом они] нарушают традиционные правила, стремясь лишь к получению личной выгоды, то в каждом [таком] случае, в зависимости от того, насколько [они] нарушили правила, [их] следует карать в соответствии с законом» [176, с.145].

Очевидно, что для подобной регламентации внутренней торговли были необходимы как чёткая денежная политика, так и единая система мер и весов. Как отмечалось ранее, первым попытку такой унификации предпринял в начале XV в. Хо Кюи Ли, реформы которого были прерваны вторжением войск империи Мин. В результате оборот введённых при династии

¹ Смотри «Параграф 2.2.3» «Главы 4» «Части I» настоящего тома.

Хо бумажных денег практически прекратился после её свержения. В ходу остались в основном медные вьетнамские и китайские деньги, а поскольку в начальный период правления династии Ле их не хватало для обеспечения торгового оборота в стране, то почти все её императоры было вынуждены отливать свою монету. Как правило, эта монета называлась по девизу правления того императора, в правление которого её отлили. Что же касается системы мер и весов, то, по сути, при первых императорах династии Ле лишь были узаконены введённые ещё при Хо Кюи Ли меры длины, веса и объёма. Более того, за нарушение правил пользования ими грозило достаточно серьёзное наказание. Так, в законе говорилось, что «если торговец на столичном [или] деревенских рынках не опирается на государственные меры длины, веса и объёма, а использует [свои] собственные меры при торговле¹, то [он] должен быть изгнан [с рынка] или сослан» [216, с.88].

2.3.2. Внешняя торговля

При первых императорах династии Ле, которые придерживались так называемой политики «притеснения торговли», внешняя торговля мало изменилась по сравнению с концом эпохи Ли – Чан. Как и тогда, это было в первую очередь связано с тем, что иностранные торговцы, большинство которых либо сами были китайцами, либо были тесно связаны с империей, являлись ценными поставщиками информации для стратегов династии Мин, так и не оставившей замыслов покорения Дайвьета. Не меньшую роль играло и то, что, делая главную ставку на внутреннюю торговлю, вьетнамские политики исходили из формулировки «удерживать крестьян, изолировать основу»¹¹.

Следуя этой политике в отношении внешней торговли, вьетнамские власти учредили специальные таможенные посты на пограничных перевалах и в морских заливах. Для

¹* В источнике сказано: «не пользуется государственными *каном*, *тхыоком*, *тхангом* [и] *доу*». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

¹¹ 本國農以

координации их работы были учреждены должности посланника – морского инспектора, отвечающего [за] доклады двору, умиротворяющего [и] примиряющего Управления и отвечающего [за] торговлю Управления учреждения причалов. Согласно указу иностранные торговые суда имели право заходить лишь в гавани Вандон, Канхай, Хойтхонг и Хойчиеу, а по суше торговцев пропускали только через перевалы Тхонглань, Фулыонг, Тамки и Чукхоа, при этом им было запрещено самовольно проникать во внутренние провинции¹.

Бронзовая печать. Изготовлена 16.11.1514 г.
Музей Истории. Ханой, 18.04.2011 г.

За все нарушения правил торговли сурово карались не только простые люди, но и чиновники. Даже посольствам было запрещено везти с собой товары при возвращении на родину. Правда, сами послы не наказывались, но найденные у

¹ Канхай (устье Кон) и Хойтхонг (устье Хой) находились в Нгеане. Хойчиеу (устье Чиеу) – это устье реки Ма в Тханьхоа. Перевал Тхонглань находился в Лангшоне, перевал Тамки находился в Туенкуанге и перевал Чукхоа находился Шонтэе (теперь это Футхо).

них в багаже иностранные товары конфисковывались в пользу государства. Тем не менее контрабандная торговля, которой занимались как население горных и морских пограничных районов, так и чиновники всех уровней, включая придворных сановников, процветала на всём протяжении начального периода правления династии Ле.

В то же время упомянутая политика «притеснения торговли» негативно сказалась на официальной внешней торговле. Иностранные торговые суда стали всё реже заходить в гавани Дайвьета, а торговцы – появляться на рынках его пограничных с империей районов. В свою очередь такое сокращение товарообмена препятствовало формированию товарно-денежных отношений и серьёзно замедляло развитие городов во Вьетнаме XV – XVI вв.

2.3.3. *К вопросу о социальной структуре вьетнамского общества в начальный период правления династии Ле*

Судя по всему, в начальный период правления династии Ле социальная стратиграфия вьетнамского общества мало отличалась от той, которая существовала в конце XIV – начале XV в.¹ Поэтому представляется, что в данном случае можно говорить лишь об её упорядочении и структуризации при первых императорах этой династии. С этой точки зрения наиболее интересна предпринятая императором Совершенным рода [династии] Ле регламентация доходов господствующего класса, которая во многом отражает всю социальную стратиграфию вьетнамского общества того времени. Эта регламентация продолжала играть огромную роль на всём протяжении правления династии Ле, императоры которой стремились её придерживаться хотя бы формально в условиях постоянно изменявшейся социальной структуры общества. Поэтому представляется целесообразным привести её в настоящей главе целиком.

¹ Смотри «Параграф 2.2» предыдущей главы.

Для большей наглядности эта регламентация сведена в единую нижеприведённую таблицу.

**Система пожалований и денежного довольствия,
учреждённая императором Совершённым рода
[династии] Ле в 1477 г. [182, т.12, с.1138, 1139]**

По горизонтали: формы пожалований и денежного содержания:

- I. Передаваемые [по] наследству поля.
- II. Передаваемые [по] наследству земли.
- III. Пожалованные императором поля.
- IV. Аллювиальные земли под тутовником; культовые поля.
- V. Пожалованные дворы (семьи) общинников.
- VI. Денежное жалование.

По вертикали: титулы знати, классы и ранги чиновничества:

1. Наследник престола.
2. [Великий] князь по крови (жёны и дети императора).
3. [Великий] князь:
 прямые родственники (братья);
 приёмные сыновья императора;
 потомки [Великих] князей по крови.
4. Государственный князь.
5. Поместный князь.
6. Маркиз по праву наследования титула.
7. Маркиз, которому император пожаловал титул.
8. Граф по праву наследования титула.
9. Граф, которому император пожаловал титул;
 Столичный военачальник, ответственный [за] выезды¹.
10. Виконт;
 Чиновник старшего ранга первого класса.
11. Барон;
 Чиновник младшего ранга первого класса.
12. Чиновник старшего ранга второго класса.
13. Чиновник младшего ранга второго класса.

¹ Звание вельможи третьего ранга. Как правило, его получали мужья дочерей императора. Также может переводиться как «Великий конюший» [8, с.120, 121].

14. Чиновник старшего ранга третьего класса.
15. Чиновник младшего ранга третьего класса.
16. Чиновник старшего ранга четвёртого класса.
17. Чиновник младшего ранга четвёртого класса.
18. Чиновник старшего ранга пятого класса.
19. Чиновник младшего ранга пятого класса.
20. Чиновник старшего ранга шестого класса.
21. Чиновник младшего ранга шестого класса.
22. Чиновник старшего ранга седьмого класса.
23. Чиновник младшего ранга седьмого класса.
24. Чиновник старшего ранга восьмого класса.
25. Чиновник младшего ранга восьмого класса.
26. Чиновник старшего ранга девятого класса.
27. Чиновник младшего ранга девятого класса.
28. Секретарь присутствия
29. Помощник секретаря присутствия.
30. Привратник присутствия.
31. Помощник привратника присутствия.

I	II	III	IV	V	VI	VI
	гектары ¹	гектары	гектары	гектары	дворы	деньги
1						500 куанов
2	216,00	14,40	360,00	162,00	500	200 куанов
3	162,00	12,96	180,00	129,60	200	140 куанов
4	162,00	12,24	144,00	108,00		127 куанов
5	126,00	11,52	108,00	97,20		120 куанов
6	108,00	10,80	93,60	86,40		113 куанов
7						99 куанов
8	72,00	10,08	82,80	75,60		106 куанов
9						92 куана
10		6,48	36,00	36,00		80 куанов
11		5,76	28,80	28,80		74 куана
12		5,04	21,60	25,20		68 куанов
13		4,32	18,00	18,00		62 куана
14		3,6	14,40	12,60		56 куанов
15		2,88	10,80	7,20		52 куана
16		2,16	7,20	5,40		48 куанов

¹ В источнике везде сказано: «мау». При желании несложно вернуться к этой мере площади, так как $1 \text{ мау} = 3600 \text{ м}^2 = 0,36 \text{ га}$.

17		1,44	5,40	3,60		44 куана
18						40 куанов
19						36 куанов
20						33 куана
21						30 куанов
22						27 куанов
23						24 куана
24						21 куан
25						18 куанов
26						16 куанов
27						14 куанов
28						12 куанов
29						10 куанов
30						8 куанов
31						6 куанов

3. Социально-экономическое развитие подвластных Северной династии Мак районов Вьетнама в 1527 – 1599 гг.

3.1. Формы земельной собственности на Севере страны при династии Мак⁹

К 10-му месяцу года [Самца] Зелёной Крысы¹ ситуация в стране относительно стабилизировалась, что позволило Мак Данг Зунгу заняться реоформированием государственного законодательства, в том числе – в сфере экономики. Так, он повелел Нгуен Куок Хиену вместе с рядом других придворных привести в соответствие с новой ситуацией законы о полях и земельных пожалованиях. Следует отметить, что хотя к XVI в. земельное законодательство и претерпело значительные изменения, в нём, как и прежде, господствовали две основные формы земельной собственности – государственная и частная.

3.1.1. Государственные пахотные земли

Земельная политика Северной династии Мак во многом диктовалась тем, что под её властью находилось относительно ограниченное количество пахотных угодий, сокращавшееся к тому же по мере продвижения войск Южной династии Ле на север. Тем не менее в то время императоры династии Мак

¹ Октябрь 1528 г.

последовательно проводили свою политику земельных пожалований, суть которой состояла в том, что часть государственных земельных угодий передавалась в кормление заслуженным подданным под общим названием «*жалованное поле*». Существовало несколько форм таких земельных пожалований, которые также именовались «*переданное поле*». Всего же в правление Северной династии Мак существовали следующие четыре основных типа *государственных полей*.

Общинное поле. Эти поля передавались в пользование жителям деревень, после чего делились на паи по количеству совершеннолетних общинников в каждой семье. В зависимости от размера пая общинники платили земельный и подушный налог, а также исполняли трудовые повинности. *Общинные поля* составляли основную массу *государственных полей*, часть которых передавалась в кормление заслуженным подданным в виде *жалованных полей*.

Разделённые поля. Как правило, такие поля получали в кормление достаточно немногочисленная высшая гражданская придворная знать и члены императорской семьи.

*Воинское поле*¹. Эти поля в основном жаловались в кормление отличившимся военным, которых, надо полагать, было достаточно много в условиях непрекращавшихся войн между севером и югом. Также следует отметить, что хотя законодательство о *жалованных полях* было пересмотрено ещё в 1528 г., широкое распространение эта форма пожалований приобрела лишь пятнадцать лет спустя. *Воинские поля* в основном формировались за счёт общинных и находившихся в собственности пагод земель. Как известно, численность армии Мак временами достигала 120000 человек. Поэтому хотя размер *воинского поля* не превышал 7200 м²¹¹, общая площадь таких полей приближалась к 100000 га.

Передаваемые [по] наследству поля. Император их жаловал особо отличившимся гражданским чиновникам и

¹ Не путать с *поселениями военных полей*, которые никогда не являлись объектами пожалования в кормление.

¹¹ В источнике сказано: «2 му».

простым людям «из народа», хотя, учитывая военный характер государственной организации общества при Северной династии, таковых должно было быть немного.

3.1.2. Частные земли

Как уже отмечалось, в ходе двадцатилетней смуты начала XVI в. императоры династии Ле потеряли контроль над ситуацией в стране, вследствие чего многие государственные (общинные) земли были превращены в частные либо путём прямого захвата, либо в скрытой форме. Поэтому, опасаясь вызвать дополнительное недовольство как у знати и чиновничества, так и в среде населения, Мак Данг Зунг ничего не предпринял для возвращения частных земель в казну.

Более того, несмотря на нехватку государственных земель для формирования фонда жалованных полсй, он даже поощрял развитие частного землевладения. Судя по сохранившимся с того времени надписям на стелах, купля – продажа и переуступка земель получили широкое распространение при династии Мак. Так, например, из данных эпиграфики следует, что в числе крупнейших участников торговых операций с землёй были даже члены императорской семьи.

Таким образом, можно сказать, что династия Мак проводила достаточно либеральную политику в отношении частного землевладения.

Частными землевладельцами при Маках были не только члены господствующего класса, но и многие представители крестьянства. Тем не менее, несмотря на столь широкое распространение частной собственности на землю, площади частных земель редко превышали 3,6 га¹.

Исключения из этого правила в основном представлены владениями членов императорской семьи, высшей придворной знати, высшего чиновничества и, частично, церковными владениями.

¹ В тексте сказано: «более 10 *мау*». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

3.1.3. Церковные земли

Следует отметить, что в правление династии Мак буддийская церковь вновь стала одним из крупнейших землевладельцев. Вероятно, это было связано с тем, что она стала идеологической опорой Северной династии в противовес неоконфуцианству, которое уже более ста лет являлось официальной идеологией династии Ле¹⁰. Но даже при этом данные эниграфики свидетельствуют о том, что во владениях Мак не было ни одной пагоды, которая бы владела сопоставимыми с эпохой Ли – Чан земельными угодьями. Так, владевшие наибольшим количеством земель пагода Тхань-ан в Бакнине и пагода Фап-ву имели лишь по 25,2 га, при этом были пагоды, земельная собственность которых не достигала и 1 га¹. При династии Мак частные церковные земли были представлены в основном «*полями подношения даров*»¹¹, и, кроме того, у части храмов сохранились пожалованные им предыдущими династиями земли.

Таким образом, можно сделать вывод, что основной особенностью земельной политики династии Мак являлась политика *жалованных* или *переданных полей*, отражавшая военную организацию государства, которая не только влияла на характер общинного землепользования, но и существенно ограничивала всю систему деревенского самоуправления.

3.2. Сельскохозяйственное производство

После того, как Мак Данг Зунг принял титул «старшего [над] императором» и формально уступил престол своему сыну Мак Данг Зоаню, в Северном Вьетнаме отмечается определённый рост сельскохозяйственного производства. Это было связано с тем, что династия Мак действовала в полном соответствии с известной вьетнамской поговоркой: «когда хороший урожай [и] народ сыт, [то] такое время в стране называют временем спокойствия». Интересно, что даже историографы династии Ле и государей Чинь, включая Ле Кюи Дона, говоря о правлении Маков в начале 30-х годов XVI в.,

¹ В тексте сказано: «70 *мау*» и «3 *мау*». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

рисовали картину спокойного и процветающего общества. Об этом свидетельствуют и высказывания типа «несколько лет подряд [был хороший] урожай, население четырёх провинций жило спокойно», или, например, такое: «получают хороший урожай, неочищенный [рис] дешевле очищенного, налоги небольшие, болезней мало, готовят [и] едят досыта свежее, к тому же законы строгие, чиновники внимательные [и] прилежные, грабежей нет, ночью не слышно собачьего лая, путник не присваивает обронённую [кем-то на] дороге вещь»¹.

Хотя в официальных исторических источниках ничего не говорится о каких-либо мероприятиях династии Мак в сфере сельскохозяйственного производства, благодаря данным эпиграфики и семейных хроник известно, что императоры Северной династии предприняли ряд мер, направленных на развитие сельского хозяйства, торговли и ремёсел.

В числе важнейших задач, которые стояли перед Маками, было рытьё оросительных каналов, возведение дамб, защищавших поля низменности Северного Вьетнама от наводнений и морских приливов, а также освоение аллювиальных земель на побережье. Интересно отметить, что такие, сохранившиеся до настоящего времени части речных дамб, как дамба Тянким, дамба Киньдиен в Хайфоне и дамба Ханам уезда Иенхынг провинции Куангнинь, в народе до сих пор называют «Дамбы династии Мак». Точно также до сегодняшнего дня в районе Хайфона¹¹ сохранились остатки таких каналов, как, например, канал Вой в Анлао и канал Кайрик в Виньбао, которые были проложены со времен Маков. В неофициальных источниках содержатся сведения о том, что местное население занималось строительством этих каналов под руководством происходившего из деревни Фулуы в Бакнине помещного князя Нгуен Конг Дитя.

Помимо ирригационных работ в правление династии Мак также были освоены сотни гектаров новых пахотных

¹ Развитие сельского хозяйства [при] династии Ле (рукопись).

¹¹ В XVI в. это район именовался Зьонгкинь.

земель вдоль берегов рек Киньтхай, Хан и Дабак, благодаря чему значительно возросла площадь возделываемых полей.

Редкая деревянная скульптура, изображающая птицу Лак с головой и телом попугая и ногами цапли на спине черепахи. Мак (XVI в.). Ханой. Музей Истории, 18.04.2011 г.

Направленные на создание ирригационной системы и поднятие целинных земель усилия императоров Мак привели к тому, что население их владений жило в спокойствии, урожаи постоянно росли, а в стране воцарился мир.

Однако такое положение оказалось недолговечным. Как известно, с 1545 г. началась эскалация войны между Южной и Северной династиями, которая вынудила династию Мак мобилизовать почти все людские ресурсы страны. В результате проблемы сельского хозяйства отошли на второй план, строительство и поддержание каналов и дамб прекратилось, что привело к резкому сокращению урожаев. К этому следует добавить всё более частые и разрушительные грабительские набеги войск Ле – Чинь на север. Наконец, последствия грабежей усугублялись засухами, наводнениями и другими стихийными бедствиями, которые нередко упоминаются в письменных источниках¹. Всё это привело к тому, что процветавший во 2-ой четверти XVI в. Северный Вьетнам оказался в последней четверти этого века на грани, как сказали бы сегодня, «гуманитарной катастрофы».

3.3. Ремесло

Вероятно, вследствие того что предки династии Мак были простыми рыбаками из Восточного округа, императоры этой династии отличались более либеральными по сравнению с династией Ле взглядами. Поэтому в правление первых политика «ограничения торговли» и изоляционизма, а также разграничение между «четырьмя категориями населения»^{II}, в первую очередь – между крестьянами и торгово-ремесленным сословием, были не столь строгими и жёсткими, как при вторых. Кроме того, династия Мак была вынуждена уделять всё внимание борьбе с внешними врагами, прежде всего – с группировкой Ле – Чинь, создавшей себе опорную базу в районе Тхань – Нге. Таким образом, её императоры, не имея

¹ Смотри «Параграф 1.4» «Главы 4» «Части I» настоящего тома.

^{II} Наследственная знать, служилое чиновничество, крестьянство и торгово-ремесленное сословие.

возможности уделять внимание общественной идеологии, пустили развитие экономики на самотёк. Именно такое положение вещей явилось важной предпосылкой зарождения новых тенденций торгово-экономического развития Северного Вьетнама в правление династии Мак.

3.3.1. Гончарное производство

Гончарное производство с его специализированными поселениями было одним из самых процветающих ремёсел в правление династии Мак. Наиболее известными из таких поселений были уже неоднократно упоминавшаяся деревня Батчанг в уезде Зялам провинции Ханой, а также деревни Тюдоу уезда Намшаты и Хопле уезда Биньзянг провинции Хайзыонг.

Время правления династии Мак считается периодом наивысшего расцвета гончарного производства в деревне Батчанг, где производились глиняные изделия. Богатая и разнообразная керамическая продукция этой деревни была широко известна по всей стране, и её находят почти во всех низменных районах Северного и Центрального Вьетнама. Интересно отметить, что ремесленники из Батчанга стали подписывать сделанные ими глиняные изделия. При этом, хотя на глиняных сосудах дворца-музея Топкапи-сарай в Стамбуле и написано синей краской «Сделано мастером глиняных дел рода Буй из Намшаты в 8-ом году [правления под] девизом “Великое согласие”¹», многие глиняные реликвии из Батчанга свидетельствуют о том, что традиция подписывать свои изделия возникла именно в этой деревне [1244].

В XIV – XVII вв. на территории провинции Хайзыонг функционировало немало центров гончарного производства. Так, согласно результатам исследований сотрудников местного музея Хайхынг, там находилось 14 крупных центров этого производства. В основном они были сконцентрированы в уездах Тилинь, Биньзянг и Намшаты, при этом наиболее значимыми из них считаются центры деревень Тюдоу и Хопле [1245].

¹ 1450 г.

Ваза с драконами из деревни Батчанг. Эпоха Мак (XVI в.).
Музей истории. Ханой, 18.04.2011 г.

Археологические раскопки показывают, что в то время глиняная продукция из Тюдоу была довольно богата и разнообразна. Она представлена чашками и пиалами разных размеров, при этом пиалы средней величины были покрыты разноцветной глазурью. Особенно были распространены белая

глазурь с рисунком серо-голубого цвета, нефритовая глазурь, зелёная глазурь оттенков малахита и мха, а также палевого и тёмно-жёлтого цветов. Все глиняные изделия обычно тщательно украшались изображениями лотосов и хризантем. Кроме того, на них встречаются изображения птиц, рыб и насекомых. На дне каждого изделия, как правило, была надпись на *ханвьете*, в которой, как и на изделиях из Батчанга, указывались имена заказчика и мастера. Наконец, следует отметить, что гончарное производство в Тюдоу, расцвет которого приходится на XV – XVI вв., постепенно пришло в упадок и окончательно зачало в XVII в.

Глиняное производство в Хопле в основном представлено предметами домашнего обихода и предметами для культового предназначения. Это главным образом пиалы, тарелки, горшки, маленькие кувшины, подставки под лампы и курительницы трёх основных типов: керамика, покрытая зелёной глазурью, керамика, покрытая белой глазурью, и керамика серо-голубого цвета. Её орнамент также был трёх видов. Он представлен голубым рисунком, а также штампованным и резным орнаментами. При этом интересно отметить, что хотя керамика с голубой росписью и получила широкое распространение, но большая её часть в основном представлена простыми и незамысловатыми формами. Как и многие другие гончарные производства, производство в Хопле пришло в упадок к началу XVIII в. [1189].

3.3.2. Резьба по дереву и камню

Это ремесло, которое возникло ещё в древности и развивалось во Вьетнаме на протяжении веков, существовало и в государстве Мак, хотя последние почти не занимались строительством масштабных сооружений, которые обычно украшались каменной и деревянной скульптурой и резьбой¹.

¹ Исключением является только строительство крепости Зыонгкинх с её дворцовыми комплексами в провинции Хайзыонг в самом начале правления династии Мак. Смотри последний абзац «Параграфа 2.4.2» «Главы 3» «Части I» настоящего тома.

Большое количество сохранившихся во Вьетнаме деревянных и каменных скульптурных изображений той эпохи свидетельствует о том, что резьба по дереву и камню процветала и в правление Северной династии. Также следует отметить, что ремесленники-камнерезы были одними из первых, в среде которых началась специализация. Наиболее квалифицированные из них работали на государство под началом Службы ста работ.

Профессиональные камнерезы жили в специализированных слободах и деревнях. Именно они привлекались государством на работы при строительстве дворцов, а также значимых общественных или культовых сооружений. Как правило, они же высекали каменные стелы с надписями как в храмах и поминальных храмах общинного, регионального и национального значения, так и в буддийских монастырях и пагодах различных районов страны. Помимо этих профессиональных камнерезов существовали и мастера, занимающиеся резьбой в межсезонье после завершения сельскохозяйственных работ.

Сохранившиеся на сегодняшний день списки как многочисленных объединений и групп ремесленников, так и индивидуальных мастеров-камнерезов эпохи Мак говорят о том, что резьба по камню была широко распространена в то время по всей стране, особенно – в примыкающих к реке Красной районах низменности Северного Вьетнама¹.

Многие специализировавшиеся на резьбе по камню ремесленные поселения возникли ещё за несколько веков до воцарения династии Мак. К их числу относятся такие, как деревни Хонггук и Донгхонггук в Зялоке, община Тыки одноимённого уезда, общины Киньтю и Лангдонг уезда Тилинь провинции Хайзыонг, общины Тэйам уезда Виньбао и Зядык уезда Тхюингуен, принадлежащие Хайфону, и, наконец, община Анхоать уезда Донгшон провинции Тханьхоа. Кроме того из надписей на стелах следует, что поселения камнерезов

¹ Наибольшее количество ремесленников-камнерезов было сосредоточено в районах Хайзыонга и Хайфона.

также существовали в общине Тхьонгчынг уезда Нянттиеу провинции Виньфук, в общине Аньное провинции Хьингиен и в общине Хонглиеу провинции Хайзыонг.

В связи с этим интересно отметить, что, несмотря на длившуюся более полу столетия ожесточенную войну между Южной и Северной династиями, каменотёсы «южного» Анхотя без помех трудились в «северных» владениях династии Мак, о чём свидетельствуют надписи на стелах Хатэя, Ханама и Намдиня.

3.3.3. *Литьё монеты*

Одним из важнейших мероприятий династии Мак стало литьё собственной монеты. Не говоря уже о политическом и экономическом значении этого факта, само литьё монеты свидетельствует о существовании в правление Северной династии значительного числа высококвалифицированных ремесленников-металлургов.

В источниках лишь один раз под 1528 г. упоминается о том, что Маки лили свою собственную монету. Но поскольку известно шесть типов монет династии Мак, названных по девизам правления четырёх её императоров, очевидно, что монеты отливались на севере неоднократно. Правда, таких медных монет династии Мак сохранилось немного¹². Кроме того, при Маках были и так называемые «деньги размена», которые состояли из железных и цинковых монет маленького размера.

Так, Ле Кюи Дон пишет: «Род Мак лил маленькие *деньги размена* с иероглифами “Тхайбинь” [и] “Анфап”¹³; возможно, [это делалось] потому, что [их] транспортные суда достигали даже Тхуанхоа» [194.1, с.112]. При раскопках гончарного поселения Хопле в Хайзыонге археологи также нашли в культурном слое XVII в. «деньги “Анфап”».

Таким образом, нет оснований сомневаться, что литьё монеты императорами Северной династии среди прочего было связано и с широким развитием как внешней, так и внутренней торговли в их владениях.

3.4. Торговля

Вероятно, из-за того что пришедшие к власти императоры династии Мак полагали, что главная опасность для них исходит от внутреннего врага, они проводили значительно более открытую по сравнению с династией Ле политику в сфере торговли, в результате которой сложились основные предпосылки для развития товарной экономики. Поэтому как внутренняя, так и внешняя торговля во владениях Мак постоянно расширялась и с каждым днём становилась всё более оживлённой.

К сожалению, в хрониках и летописных сводах династии Ле содержится мало сведений об экономической ситуации на подвластной Макам территории. Поэтому основными источниками по социально-экономическим и торгово-промышленным отношениям в Северном Вьетнаме XVI в. являются различные семейные записи и надписи на стелах, достоверность и научная ценность которых не подлежат сомнению.

Из данных эпиграфики следует, что в XVI в. помимо таких древних крупных и процветающих торговых центров страны, как Донгкинъ (Тханглаунг) и Фохиен в Хынгиене, в различных районах низменности Северного Вьетнама также существовала разветвлённая сеть деревенских рынков. Это рынки Коунгуен в Тхайбине (открыт в 1530 г.), Тыки в Хайзыонге (открыт в 1542 г.), Нгиачу в Хынгиене (открыт в 1570 г.), Камкхе в Хайфонге (открыт в 1572 г.), Кхаланг в Ниньбине (открыт в 1573 г.), Лафу в Хатэе (открыт в 1575 г.), Хоубонг в Хайзыонге (открыт в 1579 г.), Дангса в Хатэе (открыт в 1580 г.), Фуклам в Хатэе (открыт в 1589 г.) и, наконец, рынки Даоса в Хатэе и Камвиен в Виньфуке (открыты в 1590 г.) [1233; 1305.2]. В числе этих рынков были и торговые центры, открытые в рамках государственной политики «стимулирования торговли».

Данные эпиграфики также содержат сведения о характере деятельности деревенских рынков. Так, например, о рынке Бокдонг в Хатэе сказано, что он «является местом, где собраны вещи со всей Поднебесной», о рынке Дангса – что он

«это район, где кипит торговля», о рынке Даоса – что там «повсюду разбросаны торговые ряды», а о рынке Фунинь – что туда свозилось «множество товаров отовсюду», в первую очередь – парчовые ткани и лекарства с севера.

Авалокитешвара. Мак (XVI в.).
Музей истории. Ханой, 18.04.2011 г.

В правление династии Мак провинция Тхуанхоа также являлась одним из мест оживлённой торговли. Рынок Тхелай, находившийся в районе Тхыатхиен – Хюэ «начинал работать с петухами, до середины полудня на рынке было всегда многолюдно. Повсюду стояли торговые ряды, а вдоль рынка располагались постоянные дворы. [Развевались] зелёные флаги [и] голубые ленты, посредники приводили [на рынок] богатых покупателей, [туда] свозились шёлк, серебро, расшитая парча [и] все виды товаров юга [и] севера» [1215, с.74].

Уже упоминавшееся развитие ремёсел в XVI в., в первую очередь – гончарного производства, ещё больше стимулировало развитие торговли. Глиняная продукция из деревни Батчанг и таких центров её производства в Хайзыонге, как Тюдоу и Хопле, была известна повсюду – от низменности Бакбо до Тханьхоа, а благодаря развитию системы водных и сухопутных путей сообщения процесс товарообмена между различными районами страны увеличивался с каждым днём. Из имеющихся материалов следует, что в ряде северо-восточных районов страны сохранились остатки построенных при династии Мак дорог. В их число входят как часть национальной дороги №18 в Куангнине, так и отрезок идущей через лес Байтхао и тянущейся вдоль реки Лукнам дороги Тхаотан, которая соединяет северные провинции друг с другом. Местные жители по-прежнему называют её «Дорога Мак». Точно также в Донгчиеу провинции Куангнинь и в Тхюингуене провинции Хайфонг сохранились остатки речных причалов, построенных в эпоху правления династии Мак [1308, с.356].

Отказавшись от проводившейся династией Ле политики «притеснения торговли», императоры династии Мак создали необходимые предпосылки для внешней торговли Вьетнама в XVI в. Кроме того, следует отметить, что и стремительное развитие международных связей в ту эпоху великих открытий способствовало более активному вовлечению Вьетнама в торговый обмен в Юго-Восточной Азии. Наконец, принятие династией Мин закона, который почти двести лет запрещал

частным лицам заниматься внешнеторговой деятельностью¹, также способствовал распространению вьетнамских глиняных изделий в регионе.

Разнообразная и богато декорированная керамика местных мастеров не только повсеместно продавалась на внутреннем рынке Вьетнама и использовалась в качестве даров или включённых в состав дани предметов, но и экспортировалась в другие страны. Правда, нельзя исключать и того, что благоприятные условия для активного развития вьетнамской внешней торговли сложились лишь к XVI в.

Особую роль в распространении вьетнамской керамики играл уже неоднократно упоминавшийся центр гончарного искусства Батчанг. Это было связано с тем, что он находился между Тханглаунгом и Фохиеном на берегу реки Красной, связывавшей эти два города. Поэтому Батчанг являлся своеобразными «воротами» во внешний мир, откуда товары могли быстро доставляться в зарубежные страны. Керамика также вывозилась двумя путями из места своего производства в Тюдоу. Первый шёл по реке Тхайбинь до Ноукхе и дальше вниз по реке Киньтхай в порт Вандон. Второй пролегал по рекам Тхайбинь и Луок в Фохиен, откуда товары доставлялись морем в Китай, Японию и страны Западной Европы.

Наличие в предыдущие века вьетнамской керамики в Японии оказало большое влияние на развитие её производства в этой стране, где даже стали делать собственные глиняные изделия по образцу вьетнамских. Так, в частности, японцы называют, керамические изделия из Сето «керамика Коцзи»¹¹ [1257]. С мая 1997 г. по июнь 1999 г. археологи подняли с затонувшего в Кулаотяме корабля более 200000 различных экспонатов, которые согласно предварительному заключению являются глиняными изделиями гончарного центра в Тюдоу. Также отмечается, что большая их часть имеет характерные черты вьетнамской керамики XV – XVI вв. К этому следует присовокупить заметки иноземных купцов, в которых

¹ 1371 – 1567 гг.

¹¹ То есть «Зяоти».

содержатся сведения о количестве вывезенных ими
вьетнамских керамических изделий.

Керамическая ваза для отправления культа. Деревня Батчанг (XVII в.).
Музей Истории. Ханой, 18.04.2011 г.

Таким образом, всё вышесказанное позволяет сделать вывод, что XV и XVI вв. – это время развития и расцвета вьетнамской внешней торговли в эпоху средневековья¹⁴.

4. Социально-экономическое развитие подвластных Южной династии Ле районов Вьетнама в 1527 – 1599 гг.

Как известно, начало процесса реставрации династии Ле было положено в 1533 г. ушедшим в Айлао Нгуен Кимом. Однако говорить о реальном разграничении зон влияния Южной династии Ле и Северной династии Мак можно лишь после того, как в 1543 г. войска легитимной династии под командованием Нгуен Кима взяли крепость Тэйдо, а затем к 1554 г. установили контроль над зоной Тхуанхоа – Куангнам¹.

Источники и другие материалы дают ещё более расплывчатую картину при описании экономической ситуации в сельском хозяйстве на подконтрольных Южной династии территориях по сравнению с её описанием во владениях династии Мак. К примеру, в них лишь дважды¹¹ упоминается о проведении при династии Ле измерения площади общественных полей и сборе налогов. Кроме того, под 1558 г. в них сообщается о назначении Нгуен Хоанга в провинцию Тхуанхоа, для того чтобы «блюсти, независимо [от того], большие [они или] малые, все общественные дела, [и] в первую очередь блюсти налоговые реестры [и] ежегодно собирать в срок все [налоги]» [165.2, т.4, с.144].

Хотя в настоящее время практически невозможно точно установить, каким образом и в каком объёме собирались налоги в правление Южной династии, есть все основания полагать, что её императоры следовали установлениям, принятым их предшественниками эпохи наивысшего расцвета династии Ле в XV в. Точно также нет причин считать, что они изменили существовавшие в начальный период правления этой династии формы земельной собственности. Иными словами, пахотные земли на юге делились в то время на *общинные*,

¹ Смотри «Параграф 1.3.2» «Главы 4» «Части I» настоящего тома.

¹¹ 1559 г. и 1596 г.

частные и культовые поля, при этом по-прежнему проводилась политика поселений *военных полей*, строившаяся на основе общинного землевладения.

После разгрома армии Мак и возвращения в столицу из Тханьхоа император Ле объявил в 1592 г. всеобщую амнистию в Дайвьете. Однако и после этого в «Записи истории Великого Вьета, полного описания» не приводится никаких сведений о земельной политике династии Ле во 2-ой половине XVI в. В противоположность этому в «Семейных записях» и эпиграфике того времени достаточно часто затрагиваются проблемы земледелия. Точно также в этих источниках содержится немало сведений о политике *жалованных и передаваемых [по] наследству полей*. Так, в ряду посвящённых главным образом просвещению и культуре 29 параграфов «Кратких записей семьи Данг» имеется несколько статей, в которых приводится ряд данных по *общинным, частным и культовым полям*. В числе наиболее значимых сообщений, содержащихся в различных «Семейных записях» и в данных эпиграфики, можно назвать нижеследующие.

В «Полных хрониках всего рода семьи Динь» сообщается о том, что поместный князь [Горного] потока Динь Бат Туи из Буйкхонга уезда Хыннгунен в Нгеане отличился в боях с войсками Мак в начальный период реставрации династии Ле. Поэтому в 1593 г. ему было пожаловано за заслуги 3,6 га *передаваемых [по] наследству полей*¹ [1540, т.2, с.52].

В части «Запись деяний князя Буй Тьонга» «Семейных записей» рода Буй общины Хоанглок уезда Хоангхоа в Тханьхоа сообщается о том, что ставший первым лауреатом второго ранга на конкурсе «Выявления знаний», проведённого в год Чёрной Змеи 10-го года «Правильного правления»¹¹, предок этого рода Буй Кхак Нят служил при императорах Выдающемся рода, Старшем рода и Почтительном рода [династии] Ле, дослужился до должности министра и был

¹ В источнике сказано: «10 му». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

¹¹ 1565 г.

пожалован титулом «маркиз Содействующий литературе». Посмертно он был внесён в списки заслуженных подданных эпохи реставрации, получив при этом должность великого защитника вместе с титулом «Поместный князь Поддерживающий». В 1593 г. Буй Тьонг был награждён за заслуги 1,33 га жалованных полей, а в правление под девизом «Обширная определённость»¹ ещё 20,5 га таких полей.

Здание на берегу реки Ароматной в сердце владений Ле – Чинь.
Хюэ, 01.04.2011 г.

Согласно «Семейным записям» рода Фан Кань общины Хоатхань уезда Иентхань в Нгеане, этот род был внесён в списки семей заслуженных подданных. Его родоначальник помещный Фан Кань Куанг особо отличился в войнах с узурпаторами Мак. Поэтому после его смерти в 1597 г. последовал указ Ле – Чинь о «пожаловании [этому роду] во владение полосы горных долин от Дапда вниз до дамбы общины Куанчиеу, [а также] земли общины Хатхань от Лангдапа вниз до северного района Лангхоу, [которые его]

¹ 1601 – 1618 гг. В источнике сказано: «3,7 мау» и «57 мау». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI». Судя по всему, это были смертные пожалования, полученные представителями рода Буй.

потомкам было позволено вечно передавать из поколения в поколение по наследству [в качестве] частных [земель]». Однако ни в «Семейных записях», ни в завещаниях ничего не сказано о размерах площадей пожалованных Фан Кань Куангу земель.

В надписях ряда стел XVI – начала XVII вв. в Тханьхоа и Нгетине также содержится определённая информация по земельной проблеме. Правда, она довольно расплывчата. Так, в надписи на датируемой 9-ым годом правления под девизом «Обширная определённость»^I «Стеле [с записями о] всех добродетельных деяниях» пагоды Кань-тиен в общине Анлак уезда Тхосуан в Тханьхоа содержится следующее сообщение. «Женщина внешнего дворца великого [государственного] князя [по имени] Ле-тхи Нгаук, происходила из общины Анлак уезда Тхюингуен^{II}. [Она] родилась в семье из знатного рода и была [главной] супругой верховного командующего великого государственного князя Чинь Киема. [Когда великий] князь Мирного умиротворения установил спокойствие в стране, Ле-тхи Нгаук на собственные средства провела дороги [и] восстановила мосты, пагоды [и] другие постройки. Она также пожертвовала 0,86 га земли пагоде Кань-тиен, расположенной на территории общины [Анлак]^{III}, и передала 1,29 га земли [её] населению».

Согласно данным стелы «Записей примыкающего мавзолея великого [государственного] князя», когда «женщина внешнего дворца великого князя [по имени] Ле-тхи Нгаук» умерла в 1615 г., великий князь Мирного умиротворения Чинь Тунг освободил общинные поля Анлака от налогов, вместо чего повелел отправлять её культ и воскурять благовония в её честь.

На «Стеле тщательно отредактированных [записей] пагоды Зя-хынг» в общине Нгуэтао уезда Лашон^{IV}, которая

^I 1608 г.

^{II} В настоящее время это уезд Тхосуан.

^{III} В тексте сказано: «2 мау 4 шао» и «3 мау 6 шао». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

^{IV} В настоящее время это уезд Канлок провинции Хатинь.

датируется 11-ым годом правления под девизом «Славное процветание»^I, имеется описание добродетельных свершений двух последователей учителя Ван Фука – императорского прислужника дворцовых врат Чан Тиня и его жены Нго-тхи Нгаук Лой, которые на собственные средства восстановили пагоду и пожертвовали 0,82 га^{II} под поля «Трёх Сокровищ»^{III}.

Наконец, согласно надписи от 7-го года правления под девизом «Обширная определённости»^{IV} на «Стеле мавзолея Ранней династии Ле императора Великого Начинателя Ле», в общине Чыонгиен уезда Зявиен^V государи предыдущих династий пожаловали этому поминальному храму 3,16 га^{VI} полей для совершения региональных обрядов. По завершении реставрации император Ле и государь Чинь пожаловали Великому Начинателю почётный титул, передали храму ещё 1,87 га земли и освободили жителей общины от мобилизации на общественные работы, чтобы они могли заботиться о поминальном храме.

Таким образом, из вышеприведённых сведений следует, что в начальный период борьбы за реставрацию императоры Ле и государи Чинь жаловали высшей знати и отличившимся подданным не так много земель. Однако после объединения всей страны под их властью, особенно – в эры правления под девизами «Обширная определённости» и «Вечное счастье»^{VII}, количество земельных пожалований возросло в несколько раз. Последнее легко объясняется тем, что в то время под властью Ле – Чинь уже находились все территории Дайвьета к югу от реки Зянь.

В заключение этого параграфа также следует отметить, что во время войн между югом и севером сельское хозяйство практически не развивалось на подконтрольных группировке

^I 1588 г.

^{II} В источнике сказано: «2 му 3 шао». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

^{III} «Три Сокровища», то есть буддийский канон «Трипитака».

^{IV} 1606 г.

^V В настоящее время это уезд Хоалы провинции Ниньбинь.

^{VI} В источнике сказано: «8 му 8 шао». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

^{VII} 1600 – 1618 гг. и 1619 – 1629 гг.

Ле – Чинь территориях. Более того, во многих районах, особенно в Тханьхоа и Нгеане, царил застой, который объясняется тем, что в течение многих лет взрослое мужское население было вовлечено в кровопролитную войну и многие пахотные земли оказались заброшенными, при этом по вполне понятным причинам в первую очередь опустели поселения военных полей.

Бронзовый трипод для благовоний.
XVII в., Литературный храм. Ханой, 25.03.2011 г.

Наконец, на развитии сельского хозяйства на юге сказался и ещё один немаловажный фактор. Так, согласно источникам, во 2-ой половине XVI в. на территории Тхань –

Нге произошло не менее 14 стихийных бедствий, в том числе – наводнения, засухи, землетрясения и нашествия саранчи¹⁵.

Нет никакого сомнения в том, что и в этих условиях императоры Ле вместе с государями Чинь пытались каким-то образом поддерживать экономику своего государства. Однако в сложившейся ситуации они просто не имели возможности для проведения широкомасштабной политики стимулирования сельского хозяйства с целью обеспечения его длительного и стабильного развития.

ЧАСТЬ III

Вьетнамская культура эпохи средневековья

Преамбула

Специфика истории культуры вьетнамского средневековья во много предопределила несколько необычную структуру этой части «Том II», открывающейся «Главой I», которая посвящена ранним этапам вьетнамской литературы. Тот факт, что в эпоху средневековья летописание представляет собой одну из составляющих литературы, далеко не секрет, и поэтому его характеристика в принципе должна даваться в сочетании с анализом всего процесса развития литературной традиции в той или иной культуре.

Однако в странах конфуцианского культурного ареала летописание является и одной из важнейших составляющих государственной идеологии, в отрыве от которой невозможно понять особенности её становления. По этой причине описание вьетнамской историографии XI – XVI вв. и стало составной частью «Главы 2», посвящённой специфике религиозно-идеологического развития вьетнамского общества указанного периода.

Наконец, «Глава 3» этой части посвящена проблемам образования, теснейшим образом связанной с системой конкурсных испытаний на должность чиновника. В принципе характеристика образования является прежде всего сферой культурологических исследований, однако при этом систему конкурсных испытаний на должность чиновника в странах конфуцианского культурного ареала скорее можно отнести к кругу социальных проблем. Поэтому материал этой главы имеет немаловажное значение для понимания социально-экономических процессов, которые описываются в «Части II» настоящего тома.

И последнее. По истории музыки, театра, архитектуры и живописи Вьетнама XI – XVI вв. практически нет никаких или почти никаких данных. В то же время реконструкция этих аспектов вьетнамской культуры в эпоху древности и раннего средневековья была проведена, насколько это возможно, в

главах «Части IV» «Тома I». Поэтому представляется, что подобная реконструкция с неизбежным большим количеством повторов в данном томе не целесообразна. Иное дело XVII – XIX вв., по культурной истории которых сохранилось много материальных и письменных артефактов, имеющих явно значительно более раннее происхождение. Соответственно материал «Главы 3» «Части IV» «Тома I» вполне может быть интерполирован на культуру Дайвьета XI – XII вв., а материал глав «Части III» «Тома III» – на его культуру XIII – XVI вв.

Глава 1.

Вьетнамская литература от истоков до XVI в.

Раздел 1.

Фольклор и сюжеты первой и второй групп вьетнамской историко-мифологической традиции в свете проблемы возникновения литературы во Вьетнаме II в. до н.э. – XI в. н.э.

1. Общие положения

1.1. О некоторых аспектах структуры настоящей главы

Согласно временной логике почти весь материал настоящей главы следовало бы включить в состав соответствующей части «Тома I». Однако представляется, что это было бы не совсем верным, так как о той письменной форме, в которой вьетнамские исторические мифы, легенды и предания дошли до нашего времени, можно говорить лишь начиная с XIV в.

В то же время несложно заметить, что большая часть разделов «Тома I» строится на исторической составляющей древней и раннесредневековой вьетнамской историко-мифологической традиции. Соответственно в главах «Тома I» приводится и подробнейшим образом анализируется историческая составляющая сюжетов этой традиции. В данной же главе основное внимание уделяется оформленной в эпоху Чан их литературной составляющей.

Безусловно, такое изложение материала влечёт за собой некоторое неудобство ознакомления с ним, связанное с постоянными отсылками к той или иной главе «Тома I», но

при этом оказалось возможным решить несколько непростых задач. Во-первых, оно позволило «привязать» к своему времени как исторические факты, содержащиеся в указанных сюжетах, так и их литературную форму. Во-вторых, разграничение «реального» и «чудесно-волшебного» в сюжетах историко-мифологической традиции позволило избежать большого количества повторов, которых, конечно, полностью исключить не удалось. В-третьих, представляется, что такая подача материала наилучшим образом отражает специфику зарождения и развития вьетнамского фольклора.

1.2. *Некоторые особенности вьетнамской литературы*

Вьетнамская литература до сих пор относится к разряду литератур, относительно мало изученных как в смысле историко-литературной фактологии, так и на уровне теоретического осмысления всего историко-литературного процесса. Поэтому необходимо учитывать, что всё, что можно сказать о ней на сегодняшний день, носит не просто общий, но и во многом предварительный характер. При этом под «вьетнамской литературой» понимается прежде всего литература собственно *вьетов*, или *киней*, как основного и самого многочисленного народа страны. Поскольку Вьетнам издревле был и остаётся многонациональным государством¹, необходимо различать такие понятия, как «литература Вьетнама» и «вьетнамская литература». В первом случае речь идёт о литературах всех народов Вьетнама, как больших, так и малых. Во втором – только о литературе вьетов. В идеале литература Вьетнама должна включать в себя литературы разных населяющих его народов, которые находятся не только на разных уровнях собственного развития, но и на разных уровнях изученности. Поэтому воссоздание истории развития литературы Вьетнама как истории всех этих литератур – задача отдалённого будущего. Что же касается собственно вьетнамской литературы, то на этом фоне она выглядит

¹ Смотри статью «Краткий очерк географии и этнографии Вьетнама» в «Томе I».

достаточно благополучно и в общих чертах может быть описана с древности и до наших дней. Тем не менее при изучении истории её развития нельзя не учитывать следующие, связанные с ней серьёзные факторы.

I. Не только на литературе, но и на всей вьетнамской культуре сказалась сложная генетическая связь *вьетов* с другими народами юга Китая и ЮВА, особенно с *мыонгами*, которые являются ближайшими родственниками *вьетов* и входят с ними в одну языковую группу, так и называемую «вьет – мыонг», и с которыми у *вьетов* много общего. III в. до н.э. – XI в. н.э.

II. Не следует забывать о значительном влиянии китайской культуры на формирование вьетнамского общества, связанное в первую очередь с так называемой «Эпохой северной зависимости».

III. Следует учитывать проблему письменности, которая во многом предопределяет специфику литературного языка. В «Томе I» уже указывалось на то, что говорить о существовании во вьетском обществе собственной письменности до III в. до н.э. можно лишь в форме более или менее обоснованной гипотезы¹. Тем не менее, ряд исследователей усматривают следы пиктографического письма в орнаменте бронзовых барабанов донгшонской культуры. Они также ссылаются на китайские источники, сообщающие о том, что в правление легендарного императора Яо^{II} прибывшие к его двору послы династии Вьетхыонг поднесли императору в дар черепаху, на панцире которой были выгравированы письмена, похожие на червячков» [1228, с.146]¹. Кроме того, в качестве косвенного доказательства существования древней вьетской письменности приводится в пример рассказ из произведения средневековой вьетнамской прозы под названием «Сочинения, оставленные [императором] Совершенным рода [династии Ле]»^{III}. В нём говорится о том, что однажды во время путешествия

¹ О гипотезах по происхождению ранней вьетской письменности смотри «Параграф 2.2» «Главы I» «Части IV» «Томе I».

^{II} 2357 – 2255 гг. до н.э. Смотри «Таблицу №1» в «Томе VI».

^{III} 1460 – 1497 гг.

император Совершенный, пережидая дождь, остановился на ночлег у озера Чукбать на территории современного Ханоя. Во сне к нему явились две девицы времён императора Высокого рода Ли^I и поднесли послание, состоявшее из стихотворения на иероглифике^{II} и прошения, написанного семьюдесятью одним знаком, похожим на извивающихся червячков. Ни император, ни его подданные прочитать послание не смогли. Однако спустя три года к спящему Совершенному рода явился человек, который разъяснил ему скрытый смысл стихотворения на иероглифике, а про странные письма сказал, что это древняя письменность Южной земли, то есть земли *вьетов*. Поэтому если император хочет их прочитать, то ему следует призвать на помощь жителей из горной местности, где живут *мыонги* и *маны* [1228, с.145,146]. По некоторым сведениям, у *мыонгов* действительно существовало червячковое письмо, но документальных подтверждений этому не имеется. В любом случае не вызывает сомнения тот факт, что не позднее середины III в. до н.э. во вьетском обществе иероглифическое письмо получило широкое распространение. В результате вплоть до XX в. вьетнамская литература создавалась на общем для всего конфуцианского культурного ареала иероглифическом письме. Лишь относительно небольшая её часть была написана с употреблением специфической вьетнамской иероглифики, создание которой следует датировать, скорее всего, началом второй половины «Эпохи северной зависимости»^{III}. И лишь в XX в. вьетнамские авторы стали писать свои литературные произведения на латинизированной письменности, созданной для Вьетнама католическими миссионерами в XVII в.^{IV}.

^I 1176 - 1210 гг.

^{II} Пятисложный четырёхстрочник.

^{III} О происхождении и особенностях вьетнамской иероглифической письменности смотри «Параграф 2.2» «Главы 2» «Части IV» «Том I».

^{IV} О происхождении современной вьетнамской письменности на латинице смотри «Параграф 2» «Главы 1» «Части III» «Том III».

IV. Наконец, важным фактором её становления является связь вьетнамской литературы как с различными местными религиозными культами и региональными религиозно-идеологическими учениями легизма, конфуцианства, даосизма и буддизма, получившими распространение в Северном Вьетнаме в VII в. до н.э. – I в. н.э., так и с католицизмом, принесённом миссионерами в страну в XVI в.

1.3. Проблема периодизации вьетнамской литературы

Хотя это и не соответствует действительности, историю вьетнамской литературы принято отсчитывать с момента восстановления независимости Вьетнама в X в.¹ Вместе с тем и проблема периодизации вьетнамской литературы с X в. также по сию пору остаётся дискуссионной. Как правило, в основу этой периодизации кладётся историко-династийный принцип, когда её вехами становятся смены правящих династий или другие важные исторические события не только местного, но и международного масштаба. В соответствии с этим базовым общепринятым принципом строится и описание процесса исторического развития вьетнамской литературы в «Полной академической истории Вьетнама», который разбит на этапы по временным рамкам её томов.

Однако если исходить из историко-литературной типологии, то периодизация истории вьетнамской литературы должна выглядеть по-другому. В ней можно выделить два этапа: этап литературы традиционной, классической, средневекового типа и этап литературы современной, европейского типа, включая и «переходный период» от одной литературы к другой.

Этап традиционной литературы длился с X в. до второй половины XIX в., когда появились объективно-исторические предпосылки и первые ростки новой литературы, связанные с началом французской колонизации. Как уже говорилось, традиционная вьетнамская литература с последних веков до нашей эры развивалась под сильным

¹ Смотри главы «Части IV» «Тома I».

влиянием китайской, а её основным письменным языком была постепенно воспринимавшаяся с «Эпохи Вёсен [и] Осеней» древнекитайская иероглифическая письменность. Надо полагать, что первые вьетские сочинения этого типа появились не позднее воцарения династии Чиеу в 207 г. до н.э. При этом не следует забывать, что им предшествовали значительно более древние фольклорные сюжеты первой группы вьетнамской историко-мифологической традиции. Для этой традиционной литературы была характерна своя система поэтических, прозаических и параллельно-прозаических жанров, в которой главенствовали поэзия и параллельная проза, то есть проза ритмическая, основанная на чередовании построенных по определенным законам сегментов текста. Проза, близкая к современному её пониманию, практически отсутствовала, так как то, что сейчас называется вьетнамской традиционной прозой, писалось на смеси параллельной и обычной прозы. С точки зрения её состава, в ней преобладали функциональные жанры, тогда как художественная проза особого развития не получила и представлена главным образом средневековыми «рассказами об удивительном», а также произведениями очеркового типа. Отличительной особенностью традиционной вьетнамской литературы являлась её исключительная нравоучительность, ставшая следствием внелитературной функции, которая придавалась ей в соответствии с канонами китайской литературы. Известно, что в то время главным принципом всей литературы в широком смысле этого слова был известный конфуцианский принцип «Словесность есть несение Пути»².

Обособленной частью традиционной вьетнамской литературы являются её произведения, созданные на национальной иероглифической письменности «ном». На протяжении второй половины «Эпохи северной зависимости» они были представлены в основном житийными храмовыми сюжетами, тогда как с XI – XIII вв. сочинения на «номе» представлены главным образом стихами и поэмами. В то же время проза на «номе» не получила серьёзного развития и

занимала в иерархии вьетнамской средневековой литературы исключительно периферийное место.

Таким образом, несмотря на своё внутреннее развитие на протяжении более чем двадцати веков, традиционная вьетнамская литература просуществовала в таком виде вплоть до середины XIX в.

Этап «переходной литературы» был достаточно коротким. Он продолжался со 2-ой половины XIX в. приблизительно до начала 30-ых годов XX в. и завершился переходом постепенно обновлявшейся вьетнамской литературы на латиницу и заимствованную из Западной Европы систему жанров.

Наконец, начавшийся с тридцатых годов XX в. этап современной литературы характеризуется тем, что вьетнамская литература, ускоренными темпами освоив в той или иной степени достижения европейской литературы, обрела в достаточной мере современное лицо и создала свою романтическую, реалистическую, соцреалистическую, модернистскую и постмодернистскую прозу, поэзию и драматургию.

2. *Мифология и фольклор*

В главах «Части IV» «Томе I» уже подробно говорилось о том, каким образом и когда произошли письменные фиксации древних вьетских и раннесредневековых вьетнамских сюжетов первой и второй групп вьетнамской историко-мифологической традиции. Также в «Параграфе 3» «Введения» к «Тому I» были рассмотрены все источники, в которых они содержатся. Наконец, там же было сказано о причинах того, почему в XIV – XV вв. историческая составляющая этих историко-мифологических преданий, легенд, быличек и сказок была включена в состав летописных сводов, а сами они были объединены в рамках первых

вьетнамских сборников светской литературы [36; 166; 237; 245; 196; 242; 165; 236; 182; 239]¹.

Общинный дом Ве, XVII в. (вход на территорию и сам дом).

Деревня Донгнгак, община Донгнгак, уезд Тылием, пригород Ханоя.
17.04.2011 г.

В «Томе I» все эти написанные на иероглифике произведения рассматривались с точки зрения анализа их

¹ Смотри «Схему взаимосвязи источников по истории Вьетнама до XI в. н.э.» на последней странице «Параграфа 3» «Введения» «Томе I».

исторической составляющей, на которую впервые обратили внимание великие основоположники французской школы вьетнамоведения [651; 768 – 770; 781; 897]. Естественно, что на протяжении веков эти произведения в определённой степени редактировались и «улучшались» как историографами, так и составителями сборников светской литературы. Так что реконструкция их первоизданного вида представляется весьма сомнительным занятием. Тем не менее, как это несложно заметить по материалам «Тома I», историческая составляющая вьетнамского фольклора является одним из важнейших источников по древней и раннесредневековой истории Вьетнама. Что же касается художественной составляющей как вьетнамского фольклора в целом, так и его отдельных жанров, то её история до сих пор не написана.

Прежде всего это связано с крайней молодостью вьетнамской фольклористики, предпосылки к зарождению которой сложились только в начале XX в., когда вьетнамцы познакомились с европейским литературоведением, тогда как сама эта фольклористика более или менее оформилась лишь во второй половине XX в. Именно в это время вьетнамские учёные начали систематический сбор и запись произведений национального фольклора на научной основе. Более того, до наших дней окончательно не решён вопрос и о жанровой системе этого фольклора, поскольку на исторически сложившиеся в стране представления о жанрах накладывается иная, часто более развитая и «научная», заимствуемая извне жанровая система. При этом надо помнить, что мифология вьетов тесно связана с мифологией как других народов Юго-Восточной, так и Восточной Азии. Поэтому, как правило, лишь гипотетически можно ответить на вопрос, когда мы имеем дело с влиянием и откуда, а когда с генетически общим. Всё это осложняется ещё и тем, что, на вьетнамскую мифологию большое влияние оказали конфуцианство, даосизм и буддизм, которые составили вместе с анимизмом и местными верованиями и культурами синкретическую основу традиционного вьетнамского мировоззрения.

Вьетнамские ученые, основываясь прежде всего на данных археологии и истории, считают, что древнейшие вьетнамские мифы и другие формы архаического фольклора могли появиться на территории нынешнего Северного Вьетнама четыре тысячи лет тому назад, когда была основана полумифическая династия королей Мужественных и царство Ванланг [1295, с.18]¹.

Из древнего вьетнамского фольклора до нас дошло крайне мало мифологических рассказов космогонического, антропогонического и иного содержания. Значительно больше того, что скорее можно назвать то ли историзированными мифами, то ли мифологизированными преданиями, многие из которых сохраняют историческую память народа. Очевидно, что проведение границ между этими жанрами часто условно.

Сотворение земного мира во вьетнамской мифологии объясняется, например, в очень коротком мифологическом рассказе «Дух, подпирающий Небо» [477, с.21, 22; 1368, с.75, 76]. В нём рассказывается о том, что когда-то в доисторические времена в первозданном хаосе родился гигантский дух, который однажды встал и, упиравшись головой в небо, из земли и камней возвел огромный столб, который стал подпирать Небо, отделив его от Земли. Высказывается мнение, что, возможно, именно этот гигантский дух стал впоследствии называться Яшмовым императором [1368, с.76]¹¹. Он является верховным божеством вьетнамского пантеона, ведающим всеми делами на Небе и на Земле, при этом первоначально Яшмовый император входил в пантеон главных даосских божеств³. Затем появились и другие духи, каждый из которых выполнял свои обязанности по обустройству мира. Начальный процесс этого мироустройства отражён, например, и в поныне бытующей детской песенке [1295, с.50; 1308, с.57; 1368, с.75 – 77]:

Первый Дух отмерял Песок,
Второй Дух наливал Моря,

¹ Смотри статью «Археология Вьетнама» в «Томе I» и «Главу 1» «Части I» того же тома.

¹¹ Возможен вариант перевода «Нефритовый император».

Третий Дух считал Звёзды,
Четвертый Дух копал Реки,
Пятый Дух сажал Деревья,
Шестой Дух создавал покрытые лесами Горы,
Седьмой Дух подпирал Небо...

Смена дней и ночей уже в древности связывалась с Солнцем и Луной, которые были небесными сёстрами, и в их обязанности входило обходить дозором Землю. Причем Луна была светлей и ярче, чем Солнце, от чего очень страдали люди. Откликнувшись на их жалобы, мать сестёр решила наказать Луну и покрыла лицо дочери золой. С тех пор она стала покладистой и нежно-прохладной. В связи с этим интересно отметить, что смена лунных месяцев, связанная с новолунием, полнолунием и убыванием луны, объясняется различными позициями её лица по отношению к людям на Земле. Точно также короткие и длинные дни объясняются тем, что когда паланкин, в котором восседало Солнце, несли постоянно отвлекаясь от работы молодые слуги, то на обзор Земли уходило много времени, а когда паланкин несли старые, более добросовестные, слуги, то времени на обход уходило меньше. Наконец, лунные и солнечные затмения происходили якобы потому, что у сестёр был общий муж – медведь, время от времени привлекавший одну из них к выполнению супружеского долга [477, с.22, 23; 58, с.269, 270; 1368, с.85 – 87].

Согласно отражённым в мифах верованиям, у верховного божества, стоящего во главе окружающего человека мира, находится в подчинении множество самых разных духов, таких как, например, дух земли, дух воды, дух ветра, дух огня, дух риса, дух дождя, включая духов какого-нибудь конкретного, особо почитаемого дерева, камня или реки⁴. Поскольку жизнь человека происходит на земле и тесно с ней связана, наиболее близким ему считался Дух Земли, выступающий в образе Старца, контролировавшего жизнь людей. Более того, по поверию, каждый год 23-го декабря по лунному календарю этот Старец отправлялся в Небесный дворец на приём к Яшмовому императору с

докладом о мирских делах и возвращался на землю лишь 30-го декабря, перед самым Новым годом. Во время его отсутствия люди не имели права заниматься никакими видами деятельности, связанными с землёй, чтобы его не беспокоить.

Во многих вьетнамских мифах содержится и сюжет о вражде между Духом гор и Духом Вод, которой, в частности, объясняются ежегодно происходящие во Вьетнаме наводнения¹. Некоторые духи мыслятся в народном сознании только как друзья и помощники людей, например Дух Риса или Дух Очага. Но есть и такие, кто может и помогать, и вредить человеку, как, например, Дух Огня или Дух Ветра. Наконец, в фольклоре упоминаются и однозначно отрицательно воспринимающиеся духи. Так, Дух Грома, который был вершителем правосудия в Небесном дворце, отличался свирепым характером и нередко поражал своим каменным молотом невинных, будь то человек, животное или растение. В ответ на многочисленные жалобы «без вины виноватых» Яшмовый император приказал слугам привязать Духа Грома в лесу около Небесного дворца, а Небесной курице повелел время от времени его клевать, от чего Дух Грома испытывал страшную боль. С тех пор, увидев курицу или услышав её голос, Дух Грома бежит прочь. Поэтому люди, чтобы спастись от грома и молний, подражают крику курицы [1368, с.100,101].

Происхождение людей и животных на земле вьетнамская мифология объясняет делом рук вылепившего Яшмового императора. По замыслу Создателя человек должен был жить вечно, лишь меняя в старости прежнюю кожу. Чтобы донести свою волю до людей, Яшмовый император послал духа-гонца на Землю. Но тот по ошибке попал в логово к змеям, заставивших его исказить приказ в свою пользу. С тех пор как приходит срок, люди умирают, а змеи меняют кожу и омолаживаются [1231, с.80; 1368, с.83, 84].

¹ Смотри «Главу 1» и «Главу 2» «Части I» и «Главу 1» «Части IV» «Тома I».

Выше уже достаточно много говорилось о мифических персонажах – прародителях вьетов¹. В дополнение к этому можно лишь сказать, что по мифологии их первопреемитель Дракон Лак выполняет ещё и функции культурного героя. Так, он научил древних вьетов заниматься земледелием, ввёл социальные и религиозные установления, а также повелел им для спасения от водных тварей татуировать тело изображением драконов.

Главный вход в поминальный комплекс королей Мужественных
Провинция Виньфу, 16.04.2011 г.

Кроме того, он защитил свой народ от Волшебной рыбы, злого Девятихвостого лиса и Древесного духа, причинявших людям много бед [477, с.78 – 83; 1368, с.154, 155]. В роли культурного героя выступает и его супруга фея Ауко, которая научила людей заниматься рисоводством, делать из риса муку и печь пироги, производить шёлковую ткань, раскрыв им секрет выращивания тутовых деревьев и разведения шелковичных червей, а также рассказала им о достоинствах сахарного тростника. Моления в честь феи Ауко

¹ Ibid.

сопровождаются приготовлением медовых пирогов, которые на алтарь подносят только женщины [477, с.78 – 83; 1533, с.8].

О потомках правителя Дракона Лака и феи Ауко – короля Мужественных – повествуется более чем в двухстах сохранившихся до наших дней преданиях [1295, с.61]. Их культ носит во Вьетнаме общенациональный характер. Большие и маленькие храмы, в которых он отправляется, разбросаны по всей стране. Но центром локализации преданий о королях этой династии и событиях, с ними связанных, является северовьетнамская провинция Виньфу, где находится главный храм королей. Сохранились легенды о том, как различные короли Мужественные выбирали место для столицы, учили людей выращивать рис и сажать просо, о том, как они охотились, и о многом другом. В других преданиях главная роль отведена сыновьям и дочерям королей Мужественных, а также жившим в их время героям из мира людей и мира духов. В одном из них рассказывается о том, как один из сыновей шестого короля Мужественного придумал в подарок отцу традиционные пироги «бань тынг» и «бань зай», без которых и в наше время не мыслится ни один новогодний праздник по лунному календарю. В мифе об арбузе речь идёт о судьбе приёмного сына десятого короля Мужественного, открывшего для древних вьетов этот овощ, а обычай жевать бетель объясняется в мифе событиями, происходившими при четвёртом короле Мужественном [403, с.407 – 410; 477, с.95 – 102; 58, с.300 – 311].

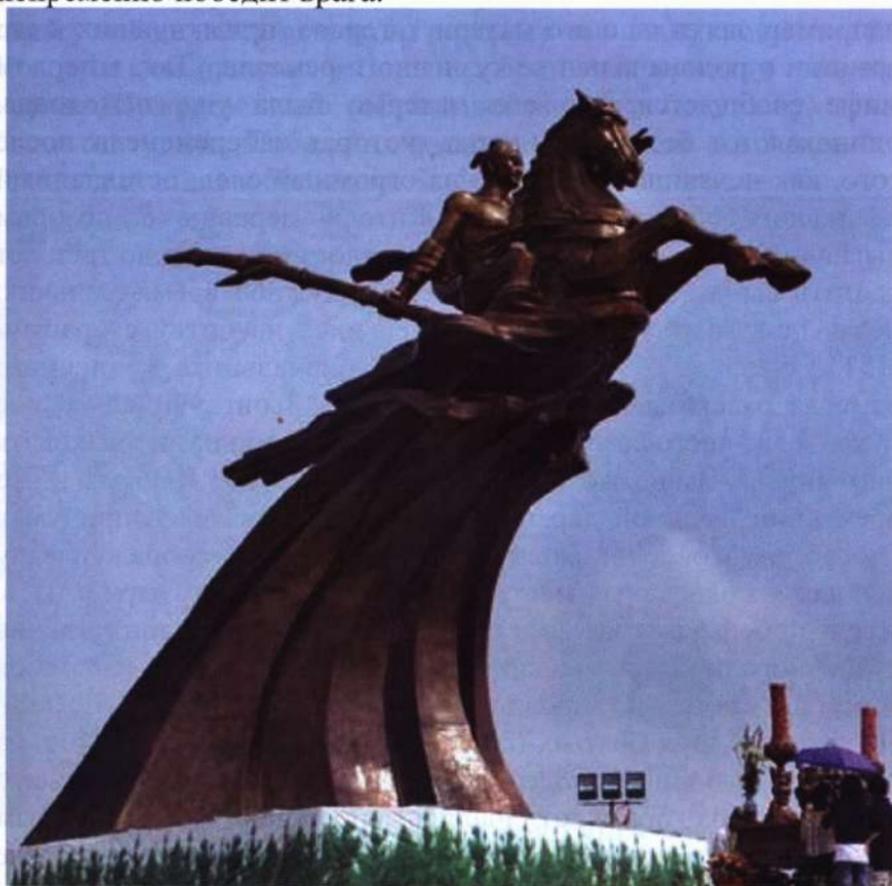
Одним из самых любимых и почитаемых героев вьетнамских мифов и легенд является уже неоднократно упоминавшийся Дух Гор, образ которого в народном сознании очень человечен и «демократичен». Существует несколько версий его рождения. По одной из них он был одним из пятидесяти сыновей правителя Дракона Лака, последовавшим за отцом в море. Там ему не понравилось, и он вернулся к матери на сушу. По другой версии он был сиротой, подобранным в лесу одним дровосеком, который взял его на воспитание [1368, с.158]. Кроме того, существует предание, по которому его матерью была простая женщина, страшная на

вид до такой степени, что никто не хотел на ней жениться. Однажды она наступила ногой на неизвестно кем оставленный огромный след, после чего забеременела. Это один из повторяющихся мотивов чудесной беременности во вьетнамском прозаическом фольклоре. Жители деревни прогнали её в лес, и через одиннадцать месяцев она родила мальчика, которого назвала Туан. Когда Туан вырос, он стал заботиться о матери, зарабатывая им на жизнь тем, что добывал древесный уголь. Но как-то, работая на горе Танвиен в нынешнем уезде Бави провинции Шонтэй, он обнаружил, что несколько срубленных им деревьев на следующий день оказались целыми и невредимыми. Тогда Туан срубил ещё одно дерево и спрятался в засаду. Неожиданно появился белый, как лунь, старец¹ и оживил дерево, притронувшись к нему своим посохом. Выйдя из засады, Туан пожаловался старцу, что если так будет продолжаться, ему не на что будет содержать свою мать. Старец посмеялся и передал Туану свой волшебный посох, сказав, что если дотронуться одним его концом до мёртвого человека или предмета, то он оживёт, а если другим, то умрёт. Кроме того, старец поручил Туану надзирать за горой, которая стала его владением. Поэтому, ставшего Духом Гор Туана, часто называют «Святым горы Танвиен». Получив волшебный посох, он стал лечить и воскрешать людей, но при этом по-прежнему трогательно заботился о старой матери, добывая древесный уголь. Кроме того, в преданиях Туан – Дух Гор то учит людей охотиться с помощью ловушек из сетей, то учит с помощью трения добывать огонь, то вместе с местными жителями участвует в ловле рыбы [1533, с.40 – 43]. Наконец, выиграв, как известно, сватовство-состязание у Духа Вод и женившись на дочери восемнадцатого короля Мужественного, Дух Гор становится помощником и советчиком для своего тестя, не раз помогая ему в борьбе с внешним врагом.

Много мифов посвящено и одному из самых популярных героев вьетнамского фольклора, жившему во

¹ В другом варианте – старая женщина.

времена королей Мужественных, богатырю Зьонгу из деревни Фудонг, что недалеко от Ханоя, который помог стране отбить нападение войск династии Инь [403, с.400 – 403; 477, с.92 – 94; 58, с.325 – 331; 1368, с.163 – 166]. По преданию он до трёх лет только лежал и не умел говорить. А когда услышал гонца, собиравшего по повелению шестого короля Мужественного войско, то вдруг заговорил. Он велел передать королю, чтобы тот приготовил ему железного коня, железную кольчугу, железный головной убор, меч и кнут, и тогда он якобы непременно победит врага.

Памятник «Богатырю Зьонгу» в комплексе деревни Фудонг

Пока всё это готовили, он много ел и пил, благодаря чему рос, что называется, «не по дням, а по часам»,

превратившись в богатыря ростом «более 3,2 м»¹. Вражеское войско было разбито, а богатырь после победы вознёсся на Небо, став духом-покровителем, в честь которого в деревне Фудонг был воздвигнут храм.

Культ богатыря Зьонга просуществовал до наших дней, а праздник в его честь, проходящий ежегодно в течение нескольких дней, начиная с девятого дня четвёртого месяца по лунному календарю, является одним из самых известных традиционных праздников во Вьетнаме.

С Зьонгом связан ещё целый ряд таких преданий как, например, легенды о его матери, о героях, примкнувших к его армии и о родоначальнике кузнечного ремесла. Так, в первом мифе сообщается, что его матерью была уже немолодая, одинокая и бедная женщина, которая забеременела после того, как нечаянно наступила на огромный след, оставленный великаном по имени Донг. Жители деревни с позором выгнали бедную женщину, и ей пришлось рожать и до трёх лет растить сына в лесу⁵. После чего в нужное время мальчик, издав подобный грому крик, отправился на битву с врагами [1511, с.255 – 263]. В мифе о родоначальнике кузнечного ремесла рассказывается, что богатырь Зьонг увидел во сне духа, велевшего ему для победы над иныцами выковать упомянутые выше железного коня и оружие. Как раз в это время в его родной деревне жил человек, который придумал способ изготовления железных изделий. Он собрал тысячу человек из окрестных мест, чтобы снарядить богатыря в путь. После победы этот человек стал почитаться как родоначальник кузнечного ремесла. Его культ отправляется в одном из храмов северовьетнамской провинции Хабак [1533, с.67, 68]. Предание о двух братьях-близнецах по имени Дык и Минь из деревни Хало в пригороде современного Ханоя рассказывает о том, что оба брата отличались способностями к боевым искусствам и до того как примкнуть к богатырю Зьонгу, уже однажды защитили со своим отрядом родную деревню от врагов с севера. Но когда напали иныцы, братьям пришлось

¹* В тексте сказано: «более 10 *тысяков*». См. «Таблицу №3» в «Томе VI».

отступить. Тогда-то они и присоединились к войску богатыря Зьонга. После победы братья, как и богатырь, вознеслись на Небо. В их честь в тех местах, где они родились и перенесли в иной мир, также были воздвигнуты поминальные храмы, в которых они почитаются как духи-покровители [1533, с.65]. В легенде о братьях из деревни На провинции Бакнинь рассказывается о сподвижниках богатыря Зьонга, родившихся у уважаемой всеми женщины от пятицветной радуги. Причём она не только чудесным образом забеременела, но и родила сыновей, как фея Ауко. Так, через девять месяцев и десять дней у неё родился мешок, из которого вышли пять мальчиков. Когда иньцы напали на Ванланг, братья по призыву шестого короля Мужественного собрали войско, но в бою вынуждены были отступить. Победа их ждала только после того, как они присоединились к богатырю Зьонгу.

Богатырь Зьонг изгоняет Иньцев. Конец XVIII – начало XIX вв.

После победы король Мужественный устроил в их родной деревне праздник, но во время всеобщего веселья братья исчезли таким же чудесным образом, как и родились, поднявшись по появившейся пятицветной радуге на Небо [1533, с.66]. Наконец, ещё один сподвижник богатыря Зьонга

по имени Ли Тиен, по преданию, сохранившемся на территории нынешнего Ханоя, был поздним ребенком в семье рыбака, жена которого вымолила сына в пагоде Кхан⁶. Ли Тиен вырос здоровым, храбрым и искусным в воином. Когда на страну напали иныцы, он был послан шестым королём Мужественным защищать границу. Во время ожесточённого боя Ли Тиен был ранен и умер. Интересно, что по преданию, уже после смерти его дух явился к королю и посоветовал ему отправиться на поиски спасителя страны в те места, где жил богатырь Зьонг [1533, с.69, 70]⁷.

Фактология последующих сюжетов первой группы вьетнамской историко-мифологической традиции, связанных с переходом власти от династии королей Мужественных к династии Тхук и от неё к династии Чиеу, уже подробнее анализировалась в «Томе I»¹. Если же говорить об их фольклорных аспектах, то они ограничиваются лишь двумя сюжетами о помогавших последнему королю Мужественному в борьбе с Тхук Фаном героях. Так, согласно одному варианту, бездетная женщина проглотила во сне два яйца, после чего родила двух близнецов. Согласно другому – она забеременела от мифического водяного змея или дракона и родила мешок, из которого вышли два мальчика. Они были способны проводить в воде целые дни напролёт благодаря тому, что их спины были покрыты рыбьей чешуёй. В обоих случаях после ряда подвигов в боях с Тхук Фаном братья либо погибают, либо исчезают, превращаясь в духов-покровителей со своим отдельным культом. В устной традиции также существуют и две версии перехода власти от королей Мужественных к династии Тхук. По одной из них Тхук Фан убил последнего короля династии Мужественных вместе со всеми членами его семьи. По другой, не имея наследника, последний король дважды предлагал трон Духу Гор, но в итоге тот отказался, посоветовав отдать трон Тхук Фану, который якобы принадлежал к одной из ветвей его рода⁸ [1533, с.101,102].

¹ См. «Главу 1», «Главу 2» и «Главу 3» «Части I», «Главу 2» «Части II» и «Главу 1» «Части IV» «Том I».

Вьетнамские предания «Эпохи северной зависимости» в основном связаны с борьбой вьетнамского народа против китайского владычества. Обычно они строятся вокруг какого-нибудь героя и превращаются в циклы. Один из самых известных циклов образуется преданиями о восстании двух сестёр из рода Чынг в 40 – 44 гг.¹. Согласно историческим источникам, сёстры погибли в бою. Однако по одной из легенд, потерпев поражение, они, чтобы не попасть в руки врагов, покончили жизнь самоубийством, бросившись в реку, а по другой – Чынг Чак и Чынг Ни не только не потерпели поражение, но и сумели заключить мир с ханьским главнокомандующим Ма Юанем. Однако неожиданно заболев, сёстры умерли и вознеслись на Небо. Они стали добрыми духами, помогающими в молениях о дожде [1295, с.71, 72]. Их культ по сию пору отправляется как в поминальном храме Воинственных Наставниц, воздвигнутом в северовьетнамской деревне Хатмон, бывшей центром восстания, так и в ряде других храмов. В этих местах наряду с преданиями о сёстрах Чынг бытует и множество преданий об их соратниках, а более всего об их соратницах, имена которых также остались в народной памяти. На сегодняшний день известно до нескольких десятков имён этих соратников, о каждом из которых существуют свои сказания и которые, как и сами сёстры, стали местными духами-покровителями различных деревень. Интересно, что в одном из таких преданий современной провинции Хатэй повествуется о переодевшемся в женскую одежду мужчине, который набрал около трёхсот повстанцев и примкнул к сёстрам Чынг [1307.1, с.81, 82].

Популярны во Вьетнаме и легенды о предводительнице антикитайского восстания 248 г.¹¹. В устном фольклоре к письменному свидетельству добавлены весьма интересные детали. Так, в устных преданиях говорится, уже в три года маленькая Чиеу-тхи Чинь заявила отцу, что когда вырастет, то

¹ О восстании или, вернее, о войне 40 – 44 гг. под руководством сестёр Чынг смотри «Главу 4» «Части I» «Тома I».

¹¹ Смотри «Параграф 3» «Главы 1» «Части II» «Тома I» и «Примечание 19» в «Комментарии» к этой главе.

«как Чынг Чак и Чынг Ни» пойдёт воевать с врагом, чтобы освободить Родину. Рассказывают, что она была очень трудолюбива, увлеченно занималась военными искусствами, совершенно не думала о замужестве и так прекрасно пела, что проходящие мимо возведенного в её честь храма хорошие люди до сих пор слышат её пение. Когда кто-то заводил с ней речь о замужестве, она отвечала что вместо того, чтобы стать чьей-то наложницей, предпочитает «оседлать сильный ветер [и] разбить свирепые волны», чтобы изгнать ханьцев из страны. По преданию, уже будучи предводительницей восстания, она ходила в обуви из слоновой кости, носила золотые доспехи и груди у нее были в 96 см¹. Рассказывают также, что к её армии присоединился трёхлетний сын бедной торговки, до того не умевший ни говорить, ни смеяться, который в бою на белом коне всегда был в первых рядах. Своеобразно объясняется в народных преданиях и смерть героини. По одной из версий, узнав, что Чиеу-тхи Чинь от природы очень любила чистоту, ханьцы измазали клинки своих мечей экскрементами. Пытаясь увернуться от них, она потеряла бдительность и была убита. По другой версии, зная про ее природную стыдливость, ханьские воины в бою разделись догола, поэтому смущённая воительница отвернулась и была убита [1295, с.43, 44; 1308, с.65].

Пожалуй самый значимый цикл исторических легенд «Эпохи северной зависимости» посвящён так называемой династии Ранней Ли второй половины VI в. Однако поскольку анализу этих легенд посвящена большая часть одной из глав «Тома I», то в настоящей главе возвращаться к ним не представляется целесообразным. К этому циклу примыкают предания и о предводителях восстаний VIII в. Май Тхук Лоане и Фунг Хынге¹¹.

Кроме вьетнамских героев персонажами вьетнамских преданий становились и китайцы. Довольно много преданий

^{1*} В тексте сказано: «3 тхыока». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

¹¹ Смотри «Главу 2» и «Параграф 2» «Главы 3» «Части II» «Тома I», а также «Примечание 15» и «Примечание 17» в «Комментарии» к «Главе 3» этой части.

посвящено известному геоманту и губернатору династии Тан Гао Пяню [477, с.122 – 125]¹. По одному из таких преданий, Гао Пянь, оседлав гигантского ястреба, облетел подвластное ему губернаторство Умиротворённого юга, для того чтобы найти наиболее важные с точки зрения геомантии места. В каждом из таких мест он повелел своим подданным закопать рис, а потом в течение тысячи дней сжигать там по одной палочке благовоний. По его колдовской задумке, через тысячу дней каждая рисинка должна была превратиться в воина его армии, что должно было привести в трепет непокорных вьетнамцев. Однако исполнители по небрежности сожгли все благовония раньше срока. Поэтому появившиеся раньше срока воины оказались слабосильными и недееспособными. Так провалился коварный план Гао Пяня [1330, с.68].

Запечатлены во вьетнамском прозаическом фольклоре и страницы, связанные с распространением в стране буддизма. Так, с буддизмом связана известная легенда, действие которой относится ко времени правления имперского наместника Си Ниэпа^{II}. Её главными героями являются двенадцатилетняя девочка Ман-ньонг и буддийский монах по имени Кхоудала, прибывший во Вьетнам из Индии и проповедовавший учение Будды в одной из пагод дельты Красной реки [1009, с.216 – 220]^{III}. Рассказывают, что однажды монах переступил через спящую девочку, и якобы от этого она забеременела. Когда это выяснилось, он сказал родителям, что Ман-ньонг ждет ребёнка от Будды. Через четырнадцать месяцев девочка родила дочку и принесла её монаху. Тот с помощью волшебного посоха поместил ребёнка вовнутрь растущего у пагоды большого баньяна, а затем отдал посох Ман-ньонг, сказав при этом, что если в случае засухи воткнуть посох в землю, то появится вода. Когда в этой местности несколько лет подряд не было дождей, Ман-ньонг так и сделала, и из

¹ См. «Параграф 2» «Главы 3» «Части II» «Тома I» и «Примечания 34 – 40» в «Комментарии» к этой главе.

^{II} Си Ниэп. См. «Параграф 2» «Главы 1» «Части II» и «Параграф 1» «Главы 2» «Части IV» «Тома I»

^{III} См. «Параграф 1» «Главы 2» «Части IV» «Тома I».

земли тотчас же забил фонтан воды. Через некоторое время во время урагана баньян с девочкой внутри сломался и упал в реку. Достать его из реки смогла только Ман-ньонг. Удивлённые местные жители¹ решили сделать из дерева четыре статуи, символизирующие традиционных вьетнамских Духа Облаков, Духа Дождя, Духа Грома и Духа Молний¹¹. Впоследствии они получили буддийские имена Фап Ван, Фап Ву, Фап Лой и Фап Диен, в состав которых входит понятие «Фап», соответствующее буддийскому «Дхарма». Вьетнамские ученые считают, что эти четыре духа совместили в себе функции индийского бога Индры, пришедшего во Вьетнам вместе с буддизмом [1330, с.71]. А сама Ман-ньонг стала называться Фат Моу Ман-ньонг, что означает «Прекрасная Девушка Мать Будды»⁹. Легенда о Ман-ньонг до сих пор рассказывается в пагоде Зоу, в которой якобы жил и проповедовал монах Кхоудала, а также ещё в трёх пагодах северовьетнамской провинции Бакнинь. Там же поныне проходят и ежегодные праздники, связанные с поклонением Ман-ньонг и Четырём статуям. Кроме того, в различных версиях предания о происхождении традиции устанавливать на Новый год по лунному календарю шест, отгоняющий злых духов, людям помогают то «прибывший с Запада» Будда, то бодхисаттва Авалокитешвара, то некий монах по имени Кхьонг Тхьонг [1369, с.233 – 244]. Стоит отметить, что во вьетнамских сказках Будда вообще часто выполняет функции «чудесного помощника».

Не исключено, что ярковыраженную буддийскую и иную религиозную окраску вьетнамские предания получили в более поздние времена. Так, например, миф об арбузе в том виде, в каком он известен, сочетает в себе веру в «Карму», предопределяющую всю цепочку перерождений, с верой в «Волю Неба», но живут и действуют его герои во времена королей Мужественных, то есть в то время, когда учения древнекитайских философских школ были известны лишь

¹ По другой версии – сам Си Ниен.

¹¹ В другой версии вместо Духа Молний называется Дух Ветра, буддийское имя – Фап Фаунг.

элите лаквьетского общества, а до начала распространения буддизма в Северном Вьетнаме оставалось как минимум два – два с половиной века.

Как и положено преданиям, их герои помещены не только в конкретное, будь-то доисторическое или вполне историческое время, но и «привязаны» к конкретному месту. Естественно, такая локализация придаёт рассказываемой истории большую достоверность, но при этом она часто объясняет название или происхождение той или иной «точки» на местности, что представляет немалый интерес с точки зрения исторической топонимики. Так, например, в преданиях о богатыре Зонге следами копыт его гигантского железного коня объясняется появление прудов и горных впадин в ряде провинций Северного Вьетнама. А в предании о *Юноше, живущем [на речной] отмели*, сыне бедняка, женившемся на принцессе из дома королей Мужественных, говорится о том, что когда король, заподозрил дочь и её мужа в мятеже и послал против них войска, то они чудесным образом ночью вознеслись на Небо. Место же, где это произошло, за одну ночь превратилось из цветущего города в топь, которая так и называется «Топь Одной Ночи» [403, с.403 – 407; 477, с.87 – 92; 58, с.150 – 155]¹. Иногда по сути одно и тоже предание, бытующее в разных вариантах в нескольких местах, в народном сознании соотносится с разными «точками на местности» и объясняет их происхождение. Так случилось, например, с преданием о женщине, которая вместе с маленьким сыном на руках так долго ожидала на берегу моря своего мужа, что превратилась в гору Ваунгфу, что означает гора «Ожидание мужа». Горы с таким названием есть как во вьетнамских провинциях Лангшон, Тханьхоа, Куангбинь и Биньдинь, так и в примыкающих к Северному Вьетнаму южнокитайских провинциях [1195, с.61]. Интересно, что жители каждой из этих провинций считают предание о горе «Ожидание мужа» своим.

¹ Смотри «Параграф 3» «Главы 2» «Части II» «Тома I».

Также следует указать на то, что огромное количество сохранившихся до нашего времени мифов, легенд и преданий, в которых запечатлены те или иные моменты древней и раннесредневековой истории Вьетнама, теснейшим образом связаны с поминальными храмами, воздвигнутыми в той или иной общине в честь их героев, ставших духами-покровителями этой общины¹⁰.

Таким образом, остатки вьетнамских мифов и разного рода преданий дошли до нашего времени как сложный комплекс, объединяющий разные по происхождению и последующему влиянию элементы, относящиеся к разным временным пластам, которые существуют сейчас во множестве вариантов как в устном виде, так и в письменной записи, будь то литературные произведения или исторические. Все они различаются в частности, но совпадают в основных чертах в разных источниках, формируя общий историко-культурный «блок памяти» вьетнамского народа.

Что касается поэтического фольклора вьетнамцев в древности и раннем средневековье, то говорить о нём ещё сложнее, чем о прозаическом фольклоре, хотя при этом не вызывает сомнения тот факт, что у древних *вьетнамцев* были обрядовые, трудовые и иные песни, как у других малых народов Вьетнама. Например, у *мыонгов* хорошо сохранились песни, связанные с похоронными или аграрными ритуалами. Но тот материал, которым наука располагает на сегодняшний день, не поддаётся точной датировке и, скорее всего, относится к более поздним временам. Так, в специальной литературе упоминаются следующие «детские песенки», в которых усматриваются следы древних вьетских песен-молений о дожде и о солнце:

О, Небо, молю тебя, пошли дождь,
Чтобы можно было воды напиться,
Поле вспахать,
Полную чашу риса получить.

О, Небо, молю, пошли солнце,
Чтобы дети могли поиграть,

Старики вшей половить,
А я поле вспахать [1295, с.263].

Среди обрядовых песен приводятся так называемые «песни-жествоприношения духам», в частности такие их разновидности, как песни «соан» из провинции Виньфу, песни «зо» из провинции Хашонбинь, песни «зам» из провинции Ханамнинь, песни «ай лао», распространённые в уезде Фудонг в пригороде Ханоя, и другие. Эти песни, обращённые к определённым духам-покровителям с просьбой о здоровье, процветании и прочем, исполняются обычно во время весенних праздников в храмах, в которых этим духам поклоняются. Так, например, песни «ай лао» связаны с культом богатыря Фудонга, а песни «зо» – с поклонением Духу Гор.

Интересно, что в прозаическом фольклоре вьетнамцев сохранились предания, рассказывающие о происхождении ряда таких песен, как, например, песни «соан» и «зо» ещё в эпоху королей Мужественных. В предании о песнях «соан» говорится, что, будучи на сносях, жена одного из этих королей никак не могла разродиться. И тогда ей сказали, что в округе Фаунг есть девица по имени Куе Хоа, которая прекрасно поёт и танцует. Эту девицу тут же пригласили во дворец, где её выступление было так прекрасно и благотворно, что королева родила сразу троих сыновей. Тогда король Мужественный повелел своим дочерям научиться её искусству, а поскольку это произошло весной, то и сами песни назывались «весенними» (суан) [1533, с.63].

Предание о происхождении песен «зо» также связано с королями Мужественными, точнее – с правлением последнего, восемнадцатого короля этой династии. Рассказывается, что однажды весной Дух Гор отправился со свитой в путешествие к морю. В долине реки Тить на территории современного Ханоя он, увидев плодородные земли, научил местных жителей, как следует отбирать и сажать крупные зёрна риса. Затем, сказав, что на обратном пути заедет посмотреть на результат, он удалился. Рис уродился на славу, но Дух Гор так и не приехал. Однако благодаря его уроку местные жители

имели всё больше и больше риса. Только через тридцать шесть лет Дух Гор вернулся в эти края и, порадовавшись за разбогатевших местных жителей, научил их петь и танцевать. Праздник, устроенный Духом, длился пять дней и ночей. С тех пор жители этой местности построили в честь Духа Гор поминальный храм и каждые тридцать шесть лет устраивают пятидневный праздник, который проходит с 10-го по 15-ое число первого месяца по лунному календарю. Во время пения участники время от времени издают возглас «хуай зо». Поэтому эта разновидность народных песен и стала называться песнями «зо» или песнями «хуай зо» [1533, с.64].

Таким образом, весь комплекс вьетнамского фольклора, состоящего из мифов, легенд и преданий, в которых описываются события вьетнамской истории с древнейших времён до середины I в. н.э., сложился в единую первую группу сюжетов вьетнамской историко-мифологической традиции на протяжении III в. до н.э. – II в. н.э. В свою очередь исторические мифы, легенды и предания, в которых описываются события так называемой «Эпохи северной зависимости», сложились во вторую группу вьетнамской историко-мифологической традиции на протяжении III – XI вв. Что же касается процесса письменной фиксации сюжетов вьетнамского фольклора, то о нём можно говорить лишь в форме гипотезы. Наиболее вероятным представляется, что он начался не позднее правления династии Чиеу в эпоху царства Намвьет – Аулак¹. Надо полагать, что настоящее развитие этот процесс получил в первой трети III в. н.э. в результате правления «скрытой династии» Си Ниена. Также надо отметить, что если вплоть до VI – VII вв. все сюжеты историко-мифологической традиции записывались на ханьской иероглифике, то, судя по всему, с этого времени большая их часть стала фиксироваться на собственно вьетнамском иероглифическом письме, или «номе», в форме «Семейных записей» поминальных храмов или буддийских житий.

¹ 207 – 111 гг. до н.э.

С воцарением династии Ли в начале XI в. сюжеты первой и второй групп вьетнамской историко-мифологической традиции образовали одну из форм официальной придворной историографии. Однако уже в XIV в. эти сюжеты утратили своё самостоятельное значение, при этом большая их часть была объединена в сборниках светской литературы. О том, каким образом и почему это произошло, говорится в посвящённом летописанию «Параграфе 1» следующей главы.

3. *Светская литература II в. до н.э. – XI в. н.э.*

Нет никакого сомнения в том, что не позднее воцарения династии Чиеу вьетское общество начало воспринимать достижения более развитой ханьской культуры, в том числе и литературы. Безусловно, распространение имперской культуры значительно усилилось в «Эпоху северной зависимости», тогда как своего апогея оно достигло в эпоху зависимости от империи Тан в VIII – IX вв. Как известно, ещё в ханьское время вьеты стали допускаться к сдаче конкурсных испытаний. Последнее же автоматически предполагает не только знание классических и канонических конфуцианских текстов, но и умение сочинять стихи и прозу по имперским канонам. Из исторических источников известно, что в эпоху Тан для вьетнамцев существовали квоты, в соответствии с которыми они допускались до конкурсных испытаний в империи. Так, по правилам 845 г. в столичных экзаменах могли принимать участие не более восьми – десяти *вьетнамцев*. Имена некоторых из них, а также их редкие сочинения сохранились в китайских источниках [1307.1, с.127]. Проза, например, представлена в китайском «Полном [собрании] танской прозы» двумя конкурсными сочинениями вьетнамца Кхыонг Конг Фу, который, сдав в 766 г. экзамены на учёную степень, сделал успешную карьеру при танском дворе [274, с.13]. Кроме того, сохранилось и несколько написанных на иероглифике вьетнамских произведений буддийского характера. Речь идёт о так называемых «шести письмах» религиозно-философского содержания, относящихся к V в. и представляющих собой личную переписку имперского

наместника округа Зяо некоего Ли Мяо с двумя буддийскими монахами Дао Као и Фап Минем из пагоды Тиен Шон, расположенной в нынешней провинции Хабак [274, с.13; 16, с.39 – 57].

Пагода Тиен Шон или Горы Предков.
Провинция Хабак

Также можно назвать надпись буддийского содержания на стеле, найденной в районе древней столицы Хоалы, которая датируется 973 г. и считается самым старым образцом собственно вьетнамской эпиграфики [513, с.26].

Что же касается вьетнамской поэзии, то в настоящее время известно только одно из её стихотворений анонимного вьетнамского автора VIII или IX в., которое сохранилось в «Полном [собрании] танской поэзии» [274, с.13]. Кроме того, можно привести два стихотворения на иероглифике, принадлежащие буддийскому монаху Нго Тян Лыу¹, одно из которых написано в 981 г. по случаю проводов сунского посланника Ли Цзюе, а другое по содержанию связано с китайской натурфилософией [404, с.501].

Таким образом, хотя светская вьетнамская литература и существовала в предыдущие эпохи, о ней по-настоящему можно судить лишь начиная с конца XI – XII в.

Раздел 2.

Вьетнамская литература XI – XVI вв.

1. *Вьетнамский фольклор*

После обретения Дайвьетом независимости в сражениях X в. вьетнамский фольклор продолжил жить и развиваться. Прежде всего это относится к жанру преданий с входящими в него легендами, традиционный фонд которых, накопленный за предыдущие века, был обновлён и пополнен новыми преданиями. Необходимость «придания веса» собственной истории, обоснования права на независимость привели к тому, что во Вьетнаме постепенно стали собирать и записывать «устную историю» страны. Местные герои обожествлялись, в их честь строились новые или ремонтировались старые храмы, им официально присваивались почётные звания, отражающие их доблести и отношение к ним как к защитникам государства в прошлом и настоящем. Кроме того, предания о героях и событиях прошлого дополнялись рассказами об их

¹ Умер в 1011 г.

благодетиях в эпоху Ли, Чан и Ле. Одновременно со старыми преданиями появлялись и предания о новых, также постепенно деифицированных героях. В их числе можно назвать легенды об основателях независимых династий Нго Кюене, Динь Бо Лине, Ле Хоане и Ле Лое, о полководцах и государственных деятелях Ли Тхыонг Киете, Великом князе Процветающего Пути Чан Куок Туане и Нгуен Чае, об известных буддийских монахах Кхонг Ло, Минь Кхонге и Дао Хане, наконец, об учёном-конфуцианце Тю Ван Ане и о многих, многих других.

В то же время складывался и обогащался фонд сказок, при этом некоторые из них подвергались причудливому переосмыслению и/или своеобразной историзации их первоначального содержания. Так, например, и без того историзированный¹¹ образ главной героини сказки «Там [и] Кам», вьетнамского варианта сказки о Золушке, сироты Там, и образ принца, нашедшего её туфельку, были в народном сознании совмещены с образами подлинных исторических личностей – одной из жён императора Совершенного династии Ли по имени И Лан и самого императора [1231, с.107,108].

Вход в поминальный храм «Защитника»
(«Правдивого [и] Воинственного [духа] Куан Тхяня»)
Ханой. 24.03.2011 г.

Развивалась народная песенная поэзия. По одной из версий к XI в. относится рождение такой разновидности поныне популярных лирических народных песен, как «песни породнённых родов», получивших первоначальное распространение в северовьетнамской провинции Бакнинь¹.

Одно из преданий, которое, кстати сказать, подтверждено и летописями, повествует о том, что в 1062 г. император Совершенный рода династии Ли, которому было уже сорок лет, отправляясь на моления о долгожданном наследнике, проезжал мимо деревни Тхолой, что в провинции Бакнинь, и заметил красивую деревенскую девушку, стоявшую в отдалении с серпом и напевавшую песенку. Император взял её в наложницы и дал ей имя И Лан. Некоторое время спустя И Лан родила ему наследника, будущего императора Гуманного рода династии Ли. А местные жители стали напевать мелодию, придуманную И Лан, дополнив её другими мелодиями, которые легли в основу «песен породнённых родов». Рождение популярных народных «песен [под] военный барабан» относится, по одной из версий, к XIII в., то есть ко временам правления династии Чан.

Считается, что появились они во время войны с монголами, когда на отдыхе вьетнамские воины развлекались тем, что делились на группы и под аккомпанемент военных барабанов состязались между собой в исполнении песен. Впоследствии исполнять песни стали мужчины и женщины, но и сейчас они сохранили «барабанный» ритм.

Изучая творчество известных вьетнамских литераторов, таких как, скажем, Нгуен Чай^{II} и император Совершенный рода династии Ле^{III}, вьетнамские исследователи находят в нём следы влияния прозаического или поэтического фольклора, что хотя и косвенно, но всё же указывает на существование уже в то время произведений в форме преданий, быличек, сказок, песен и пословиц.

¹ Подробнее о версиях происхождения и трактовки названия этих песен смотри в «Сводной библиографии» «Тома V1» №1462.1, с.230 – 232.

^{II} 1380 – 1442 гг.

^{III} 1460 – 1497 гг.

Дух Куан Тхань. Бронза, 1677 г.
Поминальный храм «Защитника»
(«Правдивого [и] Воинственного [духа] Куан Тханя»)
Ханой. 24.03.2011 г.

2. Общие положения (немного теории)

2.1. Культурно-идеологическая среда на начальном этапе формирования вьетнамской литературы

Прежде чем перейти к анализу вьетнамской литературы с первых веков её независимого развития, представляется целесообразным остановиться на проблемах сохранности, авторства и датировки её произведений, многие из которых в силу тех или иных причин не сохранились. О них известно лишь по упоминаниям в других, более поздних источниках, а то, что дошло до наших дней, неоднократно переписывалось и изменялось. Вопросы авторства во многих случаях остаются на гипотетическом уровне и зависят от точки зрения конкретных исследователей. Значительные трудности представляет и датировка имеющихся памятников. Точные даты создания многих из них не установлены и определяются годами жизни подлинного или предположительного автора, которые также часто достаточно сомнительны. Поэтому время создания того или иного произведения, его первоначальная запись и появление наиболее ранней сохранившейся до настоящего времени редакции не всегда совпадают, при этом время создания того или иного произведения может быть отделено от времени его редакции, в которой оно становилось известным последующим поколениям, несколькими веками.

Нельзя не учитывать и историко-культурную среду, в которой развивалась вьетнамская средневековая литература и частью которой она являлась. Эта среда интересна, во-первых, с точки зрения языковой ситуации, понимаемой здесь как функциональная иерархия языков и письменности; во-вторых, с точки зрения её связи с распространёнными в стране верованиями и религиями, и в-третьих, с точки зрения системы образования. Для средневекового Вьетнама все эти три аспекта взаимосвязаны и определяются китайским влиянием. Языковая ситуация в средневековом Вьетнаме была достаточно типичной для всех стран конфуцианского культурного ареала, в которых письменным языком ещё с древности была классическая понятийная иероглифика¹². В итоге китайский

язык был ассимилирован в каждой из этих стран, Вьетнам – не исключение, на фонетическом уровне, вследствие чего иероглифы стали читаться на языках народов, которые ими пользовались. Иными словами, на базе китайской иероглифики у каждого из этих народов сложился свой письменный язык. Во Вьетнаме, например, он носит название «ханвьет». Правда, по той или иной причине почти у каждого народа конфуцианского культурного ареала сложился свой собственный письменный иероглифический язык, который в ряде случаев, как, например, в Японии, со временем стал основным письменным языком. Во Вьетнаме, где он так и не получил серьёзного распространения, этот язык известен под названием «ном»¹.

Вторым важным аспектом историко-культурной среды, в которой развивалась вьетнамская литература в средние века, является её связь как с местными верованиями, или так называемым «народным даосизмом», так и с конфуцианством, даосизмом и буддизмом. На практике это выразилось в том, что многие буддийские монахи известны как знатоки конфуцианства и даосизма, а в литературном творчестве вьетнамских авторов тесно переплетены элементы этих трёх учений. В этом триединстве специфика каждого учения предопределила его социальную нишу, но при этом, несмотря на широкое распространение буддизма, временами становившегося официальной государственной идеологией Вьетнама, в конечном итоге возобладало в той или иной степени ассимилировавшее ключевые положения двух других учений конфуцианство.

Как известно, конфуцианство изначально опиралось на прослойку образованных людей, или учёных-конфуцианцев, как на носителей письменной культурной традиции. Поэтому главной функцией литературы являлось «воспитание» и «учение». В результате одним из основных аспектов этой литературы стал этический аспект, сформулированный в

¹ О вьетнамской иероглифической письменности смотри «Параграф 2.2» «Главы 2» «Части IV» «Томе I».

принципе «Прежде изучи ритуалы, потом изучай грамоту». Соответственно, несколько предваряя характеристику системы конкурсных испытаний, о которых речь идёт в следующей главе, следует указать на то, что для успешной сдачи конкурсных экзаменов необходимо было знать стихосложение, правила создания произведений в том или ином жанре, то есть владеть навыками сочинительства. Поэтому любой образованный вьетнамец являлся потенциальным автором, что создавало не только благоприятную среду для литературного творчества, но и превращало его жанры, особенно поэзию, в культ, следы которого частично сохранились до наших дней.

Образованными людьми были не только конфуцианцы, но и даосы и буддийские монахи, которые к тому же нередко знали санскрит и пали. В принципе, во Вьетнаме отличить даоса от буддийского монаха и сегодня достаточно сложно¹. Поэтому правильнее говорить об адептах буддийско-даосского учения, многие из которых также являлись по совместительству и создателями вьетнамской средневековой письменной литературы, прежде всего житийных новелл. При всём при этом следует помнить, что профессионализация литературного творчества началась во Вьетнаме лишь в XX в.

2.2. Система вьетнамской средневековой литературы с формально-жанровой точки зрения

Прежде всего следует указать на то, что, будучи в целом заимствованной из Китая, успешно ассимилированная система литературных жанров просуществовала во Вьетнаме вплоть до середины XIX в. без каких-либо значительных изменений.

В системе вьетнамской средневековой литературы по традиции принято выделять поэзию, параллельную прозу и «традиционную» прозу. Для первой обязательно наличие рифмы, для второй – параллелизма с рифмой или без оной, для третьей рифма и параллелизм не обязательны, но

¹ Об особенностях формирования религиозно-идеологических учений в средневековом Вьетнаме смотри следующую главу.

возможны. Конкретные жанры средневековой литературы, выделяемые прежде всего по принципу их функционального предназначения, относились к одному из этих трёх типов литературного творчества. Важнейшим из них считалась поэзия, за которой следовала параллельная проза и далее – традиционная проза.

Средневековая поэзия развивалась на базе сложной и строгой системы стихосложения¹³. Она представлена разными жанрами, например такими, как ода и мадригал, однако вопрос о традиционных поэтических жанрах всё ещё практически не разработан. Параллельной прозой¹⁴ писались параллельные фразы, воззвания, обращения, указы, прошения, сочинения на конкурсных экзаменах и другие. Традиционная проза использовалась для создания произведений эпиграфики, документальной прозы в форме очерков, записок и дневников, а также рассказов, жизнеописаний, сочинений, трактатов и много другого.

Таким образом, существовала достаточно стройная система жанров традиционной литературы. Само собой, она изменялась во времени. Появлялись новые жанры или в зависимости от популярности менялся удельный вес того или иного жанра, точно также как изменялись, несмотря на их строгую регламентацию, и правила написания создаваемых в том или ином жанре произведений.

3. Литература эпохи Ли – Чан

Литература эпохи Ли¹ представлена поэзией и прозой, написанными на классической иероглифике, и, если так можно сказать, она «окрашена» в основном в буддийские тона, поскольку в этот период буддизм занимал в стране доминирующее положение. Буддийская поэзия эпохи Ли исчерпывается несколькими десятками стихов, приведённых в известном памятнике вьетнамской буддийской литературы XIII в. «Собрании высказываний Выдающихся Святых [из] Сада Дхъяны»¹⁵. За редким исключением их авторами были

¹ 1010 – 1225 гг.

буддийские монахи и написаны они, как правило, в жанре «гатхи», то есть представляют собой небольшие стихотворные произведения, сочинённые для разъяснения положений буддийского учения и предназначенные ученикам и последователям. Например, стихотворение монаха Ван Ханя [404, с.502]:

С молнией сходна брeнная плоть,
миг – и вот её нет.

Луг травяной, расцветший весной,
осенью вновь раздет.

Взлёт и паденье шлёт нам судьба,
их бесстрашно прими.

Словно роса на метёлках трав,
Каждый расцвет и отцвет.

Или стихотворение монахини Зиеу Нян [404, с.503]:

Вечны рождение, старость,
хвори и смерть.

Страсти, обманы мирские
стремясь отряхнуть,

Сеть срывасшь одну –
увязаеть в другой,

К Будде взываешь,
ищешь праведный путь,

Полон ошибок, сомнений,
блуждаешь впотьмах,

Видишь в учении Тхиен
сокровенную суть.

Не обращай к Будде,
к учению Тхиен,

Но запечатай уста,
безмолвным пребудь.

Из светской поэзии эпохи Ли можно привести известное четверостишие крупнейшего вьетнамского полководца Ли Тхьонг Киета, написанное им в 1076 г. по случаю отражения нашествия сунских войск [404, с.503]:

Реки и горы Полдневной державы –
владенья Властителя Юга.

В Книге Небесной рубеж обозначен,
царства любая округа,
Как осмелились вы, супостаты,
вторгнуться в наши пределы?
Вас ожидает разгром позорный,
придётся незваным туго.

Проза эпохи Ли дошла до наших дней в основном в виде эпиграфики, указов и обращений императоров к подданным. Об эпиграфике можно судить лишь по одной надписи XI в. и по пяти надписям XII в. на стелах при буддийских храмах [513, с.25]. Они написаны параллельной прозой со стихотворными вставками, а по содержанию представляют собой достаточно сложные произведения, имеющие определённую композицию, которые могут сочетать рассуждения на буддийскую религиозно-философскую тематику с подобиями жизнеописаний или, например, со сведениями о театральных действиях, устраивавшихся по праздникам [513, с.27 – 36]. Одним из редких памятников прозы эпохи Ли является «Указ [о] перенесении столицы», изданный императором Великим Предком династии Ли в связи с переносом столицы из Хоалы в Тханглаунг в 1010 г. В частности, нём говорится и о том, что местонахождение новой столицы более благоприятно с геомантической точки зрения и, следовательно, сулит стране процветание [274, с.50,51].

Кроме этого указа от эпохи Ли сохранилось ещё «Предсмертное обращение» императора Гуманного рода династии Ли, написанное в 1127 г., когда он тяжело заболел и, не надеясь поправиться, продиктовал своё обращение к подданным [274, с.55,56], а также «Указ [о] передаче трона» императрицы Блистательной династии Ли, которая была вынуждена в 1225 г. передать правление основателю новой династии Чан императору Великому рода. Являясь образцами функциональной прозы, эти памятники отличаются эмоциональностью и яркостью слога, так как полны специфических для своего времени образов и историко-литературных реминисценций китайского происхождения¹⁶.

Продолжая последовательно развиваться, литература эпохи Чан¹ имеет ряд особенностей. Во-первых, она куда более разнообразна, поскольку сохранилось больше её памятников, при этом – аутентичных. Во-вторых, она имеет в основном светский, в отличие от литературы эпохи Ли, тесно связанной с буддизмом, характер. В-третьих, по имеющимся письменным свидетельствам, хотя её тексты в основном писались на классической иероглифике, но уже появились и произведения на вьетнамской иероглифике, или «номе». Также можно отметить, что если авторами дошедших до нас произведений эпохи Ли были в основном буддийские монахи, то в эпоху Чан наряду с буддийскими монахами ими были императоры и члены их семей, а также представители высшего гражданского и военного чиновничества.

Существенная часть поэзии эпохи Чан представлена пейзажной лирикой, воспевающей красоту природы и отражающей тот отклик, который эта красота находит в сердцах людей. Это часто небольшие, в четыре или восемь строк пейзажные зарисовки, фиксирующие «картинку здесь и сейчас», связанную с определённым временем года и соответствующей атрибутикой. Например, стихотворение «Летний пейзаж» императора Совершенного рода династии Чан [404, с.505]:

Длинные тени лежат на цветном
дворцовом крыльце моём.
Лотосом дышит прохладный ветер,
в оконный воя проём.
Дождь освежил деревья в саду;
листва – зелёный шатёр.
Близок закат, я слышу цикад:
в лад стрекоцут вдвоём.

Или стихотворение «Плыву в лодке» монаха Хюен Куанга [404, с.508]:

Уносит ветер лодку вдаль,
в бескрайние пустыни,

¹ 1225 – 1400 гг.

Рисует осень зелень вод,
хребет рисует синий.
Я слышу флейты рыбаков,
Тростник звучит, поёт,
Упала на воду луна,
мерцает словно иней.

Иногда воспевание природы и окружающего мира сочетается с темой «отшельничества», понимаемой как обретение покоя вдали от дел и людей, радость единения с природой, как, например, в стихотворении известного «служилого» конфуцианца Тю Ван Ана, написанном им после ухода на покой [404, с.511]:

Жилье одинокое, горная глушь,
дни преисполнены лени,
Ставни бамбуковые от ветров
надёжней любых ограждений,
Влажны чашечки алых цветов,
росинки ещё сверкают,
Пьяного неба лазоревый цвет
оправила зелень растений.
Тело мое полонила гора,
словно бездомную тучку,
Пустому колодцу подобна душа, –
не ощущает волнений.
Дров кипарисовых стынет жар,
Чай остывает пахучий,
Первые птицы вторят ручью,
сон исчезает весенний.

Или же тема «отшельничества» понимается как наслаждение чтением, музыкой, вином и прочее, о чём говорит высокопоставленный чиновник Чан Куанг Чиеу: «Лютню, книги и кисть сочетать преклонному возрасту мило» [404, с.510].

С другой стороны, в ряде стихотворных произведений воспевается готовность исполнить своё предназначение и служить, как подобает настоящему мужчине, на общественном поприще, что, безусловно, связано с усилением в стране

позиций конфуцианства. Например, важный государственный деятель Ле Кань Туан писал [404, с.516]:

Для справедливых, высоких дел
пожертвуй жизнью своей.

.....

Стороны света – все четыре –
для мужчины открыты,
Все горы пройти, все реки пройти
вот чудо земных путей!

Переплетение двух жизненных позиций, условно – активной и пассивной, тем служения и отшельничества характерно для всей вьетнамской средневековой литературы и, так или иначе, присутствует в творчестве разных её представителей. Это часто выражается в том, что когда человек находится на чиновничьей службе, то его поэзия по преимуществу в конфуцианском смысле «гражданская», а когда по тем или иным причинам он не у дел, то в ней преобладают «отшельнические» мотивы.

Говоря о поэзии на «ханвьете», нельзя не отметить, что вьетнамские исследователи относят к концу эпохи Чан появление такой поэмы, как «Ароматная туфелька», сюжет которой был заимствован из китайской литературы и которую можно считать наиболее ранней из повествовательных поэм в богатой истории вьетнамской литературы [404, с.541 – 546]. Сочинённая сплошным семисложником, она рассказывает о любви школяра и молодой девушки. Однажды влюблённые договорились о ночном свидании на мосту. Девушка долго ждала любимого, но так и не дождалась, поскольку того задержал отец. Тогда она решила оставить на мосту свою туфельку. Когда школяр пришел на место, то, найдя эту туфельку, он умер от любовной тоски. Потом один человек разыскал хозяйку туфельки. Та, узнав о смерти любимого, обняла его тело и расплакалась. Благодаря этому молодой человек ожил, и влюбленные смогли соединить свои жизни [1286, с.97]. Если предположение о том, что это произведение было написано в конце XIV в. верно, то именно с него начинается во Вьетнаме история такого важного для

вьетнамской литературы жанра, как повествовательные поэмы, причём как на классической, так и на собственно вьетнамской иероглифической письменности.

Отдельной темой в поэзии и в параллельной прозе эпохи Чан стало победоносное отражение монгольских нашествий. В стихах и одах этого времени проявилась и радость от победы, и гордость за страну, и горечь утрат. Одним из самых известных произведений, посвящённых войне с монголами, которое было, по всей вероятности, написано в 1285 г. на смеси параллельной и обычной прозы, является «Указ военачальникам», принадлежащее кисти великого полководца и широко почитаемому национальному герою Чан Куок Туану.

Проза эпохи Чан представлена, как произведениями летописного характера и появлением ранних вьетнамских рассказов¹, так и буддийскими сочинениями, крупнейшими из которых являются памятники буддийской прозы «Собрание высказываний Выдающихся Святых [из] Сада Дхьяны» и «Истинные записи [о] Трёх Основателях» неизвестных авторов, предположительно относящихся к XIII и XIV вв. [796, с.40, 41, 50, 127, 137, 138, 140 – 142, 145; 796, с.4 прим. 3, 47, 50, 51, 145]. Первое представляет собой жизнеописания около девяноста наставников трёх направлений вьетнамского буддизма. Самое раннее из них относится к концу эпохи Ранней Ле – началу эпохи Ли и посвящено Ван Ханю, а самое позднее – к 1223 г. Жизнеописания монахов включают стихи и поучения в стихотворной форме «гатхи», благодаря которым и можно хоть в какой-то степени судить о поэзии XI – XII вв. Второе повествует о трёх основателях местной, вьетнамской школы буддизма Созерцания или учения «Бамбуковая роща» – императоре Гуманном рода династии Чан и наставниках Фан Лоа и Хюен Куанге. Оно также содержит принадлежащие их кисти стихотворные произведения.

¹ О том, каким образом сюжеты этого сборника вьетнамских рассказов связаны с летописными сводами XII – XV вв., смотри «Схему взаимосвязи источников по истории Вьетнама до XI в. н.э.» в конце «Введения» к «Тому I», а также следующую главу.

Самым ранним из известных ныне памятников средневековой вьетнамской литературы, наиболее близкой к светской художественной прозе, является сборник рассказов «Собрание таинств [и] чудес земли Вьет»¹⁷, составленный в XIV в. Ли Те Сюеном¹. Он представляет собой запись уже записанных ранее в других текстах сюжетов вьетнамской историко-мифологической традиции, изложение которых предварено ссылками составителя то на усную традицию, то на «Записи [об] округе Цзяо» Цзэн Гуня (между 878 и 880 гг.)¹¹, то на «Запись истории» До Тхисна¹¹¹ и на некоторые другие источники. В своём «Предисловии» Ли Те Сюен так объясняет причины создания этого сборника:

«Мудрецы прежних времён утверждали, что тот лишь, кто обладает острым разумом и честностью, достоин именоваться [благим] духом, а не злые духи, не нечистая сила, не черти и чудовища, которых так по ошибке именуют.

В нашей державе Вьет издревле и доньше поклоняются в храмах огромному множеству духов; но много ль меж ними таких, чьи подвиги велики и несомненны и кто помог бы народу? Однако благие духи, по сути, не равны между собою, они облечены различными чинами; есть духи, которые представляют сокровенное наших гор и рек, есть духи, героические, мощь и власть которых далеко простиралась, когда люди эти были ещё живы, а святое сияние их душ доходит и до последующих поколений.

Если не делать записей о происшедшем, то трудно будет различить одних духов от других. Поэтому, опираясь на неглубокие свои, малые познания, делаю я записи о мире духов. Если найдутся изысканные и ревностные [к учению] благородные мужи, исправящие [данную книгу], то это будет исполнением моих надежд и устремлений» [528.1, с.402].

Таким образом, можно сказать, что сборник Ли Те Сюена фиксирует или отражает процесс деификации важных

¹ Смотри «Параграф 3.1.6» во «Ведении» к «Тому I».

¹¹ Смотри «Параграф 2.1» «Главы 2» «Части IV» Тома I».

¹¹¹ Смотри следующую главу, а также «Параграф 3.1.1» во «Ведении» к «Тому I».

для вьетнамского общества того времени духов. Количество рассказов в различных, сохранившихся до наших дней, списках «Собрания тайнств [и] чудес земли Вьет» варьируется, но при этом двадцать семь из них встречаются в большинстве списков. Это сюжеты о духах мифологических персонажей и исторических героев, известных военачальников и заслуженных придворных, таких, как, например, ханец Хоу-ци, дух горы Танвиен, сёстры Чынг, восначальник Ли Тхьонг Киет и другие¹. Как правило, рассказы, входящие в сборник, имеют ряд следующих общих для них структурных особенностей: 1. Указание имени, происхождения и места рождения персонажа; 2. Повествование о земной жизни героя, стержнем которого является оценка с конфуцианской точки зрения его заслуг, например преданности государю для мужчины или верности мужу для женщины; 3. Сообщение об учреждении поминального храма для жертвоприношений и молитв в его честь; 4. Указание точного местонахождения храма духа-покровителя; 5. Повествование о посмертных подвигах обожествлённого героя; 6. Оценка его посмертных заслуг в качестве духа-покровителя последующими государями в виде присвоения ему, причём неоднократно, высоких званий и должностей; 7. Регулярные ссылки на летописные своды, храмовые жития или исторические предания; 8. Неожиданное, как правило, ночью и во сне, явление духа-покровителя живым людям.

По этим немногочисленным ранним памятникам вьетнамской словесности видно, каким образом в первые века независимого развития страны начинает постепенно складываться общенациональный историко-культурный фонд, объединивший летописную, буддийскую житийную литературу и фольклор, и как закладывались основы вьетнамской художественной прозы.

Письменных памятников литературы на «номс» от эпохи Чан практически не сохранилось, но сведения

¹ Ряд этих рассказов переведён на русский язык [274; 403; 477].

источников дают основания предполагать, что в то время сочинительство на «номе» было достаточно распространено. Так, в ряде хроник и летописных сводов говорится о жившем в XIII в. чиновнике и поэте Хан Тхюене, который обладал талантом сочинять стихи и оды на «номе». В связи с этим приводится история о том, как в 1282 г. Хан Тхюен сочинил стихотворение по случаю появления в реке Красной крокодила. Подобно Хань Юю¹, он бросил стихотворение в реку и крокодил уплыл. Кроме Хан Тхюена в связи с сочинительством на «номе» также упоминаются имена Нгуен Ши Ко^{II}, Тю Ван Ана^{III}, императора и основателя буддийской школы «Бамбуковая роща» Гуманного рода династии Чан и некоторых других авторов. Считается, что писал стихи на «номе» и Хо Кюи Ли, однако о его произведениях на «номе» можно только строить предположения.

4. Литература эпохи Ле до начала XVII в.

Как говорилось в главах «Части I» настоящего тома, династия Хо была свергнута с престола войсками династии Мин в 1407 г. Новое имперское господство над Вьетнамом продолжалось вплоть до полного изгнания её минских войск из страны в 1427 г., в результате чего предводитель вьетнамцев Ле Лой основал новую династию.

Как правило, правление династии Ле в XV – XVI вв. оценивается как «золотой век» вьетнамского феодализма. В идеологическом плане в стране в это время завершается второй конфуцианский, или чжусианский, синтез^{IV}, который привёл к дальнейшему росту влияния конфуцианской служилой прослойки, заметно сказавшись и на вьетнамской литературе.

До нашего времени дошло существенно больше аутентичных памятников письменной литературы XV в., как

¹ Хань Юй (768 – 824 гг.); чиновник и поэт эпохи Тан.

^{II} Конец XIII – начало XIV в.

^{III} XIV в.

^{IV} О первом и втором конфуцианских синтезах и о том, как они протекали во Вьетнаме, смотри следующую главу.

на классической иероглифике, так и, что очень важно, на «номе», чем от предыдущих эпох.

Нгуен Чай

Именно с этого времени можно говорить о том, что вьетнамская литература начинает существовать параллельно на двух письменных языках, пусть и с преобладанием литературы на официальной письменности, которая обладала в культурной иерархии более высоким статусом.

На общем фоне литературы XV в. совершенно особо стоит фигура Нгуен Чая¹⁸, поэтическое наследие которого состоит из двух сборников поэзии. Первый – это относящееся к 1480 г. «Собрание стихов Ык Чая»¹ на «ханвьете», которое содержит сто пять пятисложников и семисложников, в том числе – патриотическую и гражданскую поэзию, пейзажную лирику и стихи других типичных для поэта-конфуцианца того времени жанров. Вторым представлен «Собранием стихов на родном языке»¹¹, в которое входит более двухсот пятидесяти стихотворений. На сегодняшний день именно этот сборник является наиболее старым и не вызывающим сомнений подлинным памятником вьетнамской словесности на «номе».

Из прозы, в том числе и параллельной, написанной классическим письмом, кисти Нгуен Чая принадлежат так называемые «Послания военачальникам», представляющие собой собрание из сорока трёх писем, которые он написал от имени Ле Лоя минским военачальникам¹¹¹; «Великое воззвание [по случаю] умиротворения китайцев»¹⁹; «Старые истории [о] досточтимом Банг Хо», представляющие собой воспоминания о его деде Чан Нгуен Дане, крупном чиновнике и литераторе; «Географические записи», написанные им в 1434 г. в качестве учебного пособия для малолетнего наследника престола, и некоторые другие произведения.

Кроме того, считается, что Нгуен Чай является автором или одним из авторов такого крупного произведения средневековой прозы на классической иероглифике, как «Истинные записи [о] Ламшоне», которое сохранилось в ряде более поздних и существенно разнящихся списков. Само по себе это произведение является хроникой войны с минскими

¹ Ык Чай – псевдоним Нгуен Чая.

¹¹ Часть этих стихотворений переведена на русский язык [404].

¹¹¹ Часть этих писем переведена на русский язык. [403, с.396 – 400].

захватчиками и охватывает период с 1418 по 1427 г. В этом произведении даётся вполне реалистичная, правдивая, а подчас и трогательная картина событий. Интересно, что описание боевых действий, трудностей жизни в лагере на горе Ламшон, голода, несколько раз постигавшего повстанцев, боевого таланта Ле Лоя, преданности и жертвенности его соратников, сочетается в этом произведении с «чудесами». В качестве их примера можно назвать сюжет о находке Ле Лоем меча, на котором были начертаны предсказывающие его славное будущее иероглифами, после чего родоначальник династии Ле также нашёл драгоценную печать с теми же иероглифами.

«Великое воззвание [по случаю] умиротворения китайцев»

Второй крупнейшей фигурой вьетнамской литературы второй половины XV в. является четвёртый сын императора Великого рода династии Ле император Совершенный рода, возведенный на трон в 1460 г. Родившийся в пагоде, где пришлось скрываться его матери, и возвратившийся во дворец лишь в возрасте четырёх лет, он рано проявил ум и

способности к учению. В «Главе 3» «Части I» уже говорилось о его многочисленных реформах, затронувших все области жизни вьетнамского общества. Здесь же следует подчеркнуть, что как собственными сочинениями, так и поддержкой сочинительства, в том числе – поэзии на «номе» при дворе, он оставил заметный след и в литературе. Так, в 1495 г. им было создано общество под названием «Собрание двадцати восьми светил словесности», в которое входило около тридцати поэтов того времени и которое можно считать в некотором роде первым литературным объединением во Вьетнаме. Именно благодаря императору Совершенному частично сохранилось литературное наследие Нгуен Чая. Одним из важнейших памятников поэзии его эпохи стал сборник стихов на «номе» «Собрание стихов на родном языке [правления под девизом] “Великая добродетель”»¹. Исследователи полагают, что в этот сборник вошли стихи как самого императора, так и его придворных поэтов, сочинённые с 1470 по 1497 г. или вообще за всё время правления Совершенного рода династии Ле. Поскольку стихи в сборнике не подписаны, то за редким исключением и их авторов установить крайне сложно. Поэтому лишь об относительно небольшой их части можно с уверенностью сказать, что они принадлежат самому императору. В сборник входит около двухсот восьмидесяти стихотворений, разбитых на пять тематических групп, которые посвящены временам года, историческим или легендарным персонажам вьетнамской и китайской истории, воспеванию достопримечательностей и красоты природы, а также восхвалению различных конфуцианских добродетелей и таких традиционных развлечений, как стихи, музыка, шахматы, вино и многое другое. Но наряду с «высокой» поэзией в сборнике присутствуют и стихи на «низкие» темы, о чём свидетельствуют, например, такие названия, как «Капуста», «Пугало», «Жаба» и так далее [404, с.526 – 534].

Помимо прозы делового характера и поэзии как на «ханвьете», так и на «номе» творчество самого императора

¹ Часть стихотворений этого сборника переведена на русский язык [404].

Совершенного рода династии Ле интересно таким известным, написанным параллельной прозой со стихотворными вставками произведением на вьетнамской иероглифике, как «Десять заповедей {о} неприкаянных душах». По вьетнамским традиционным представлениям под «неприкаянными душами» понимаются души умерших людей, по которым после смерти в силу тех или иных причин не совершается обряд поминовения, от чего они на том свете не находят успокоения и могут вредить живым. Это выдержанное в конфуцианском духе произведение написано в форме назидательных наставлений, обращённых к живым, в которых рассказывается о «неприкаянных душах» представителей десяти сословий вьетнамского общества тех времен: буддийских монахов, даосов, чиновников, учёных-конфуцианцев, астрологов и геомантов, врачей, военных, певичек, торговцев и повес. При этом император с очевидной симпатией относится к чиновникам, учёным-конфуцианцам и военачальникам, а по отношению к представителям других сословий выражает если не осуждение, то небрежение и равнодушие. Кроме того, ему приписывается авторство, по крайней мере, нескольких рассказов в сборнике, получившем впоследствии название «Сочинения, оставленные [императором] Совершенным рода [династии Ле]»¹. Тем более что часть из них написана от первого лица с употреблением местоимения «Мы»², которое могло использоваться в официальных документах только императором. Однако и в этом случае, поскольку его оригинал не сохранился, ни кто составитель этого сборника, ни время его создания точно не известны. Всего в сборник входит девятнадцать очень разных по содержанию и стилю рассказов. Восемь из них посвящены войне с империей Мин и связаны с деятельностью императора Совершенного рода династии Ле. Есть рассказы очевидно фольклорного происхождения, есть и взятые из письменных источников, есть рассказы «о чудесах», есть притчи и многое другое. Но все они, в основном,

¹ Пять рассказов из этого сборника переведены на русский язык [403].

²* 朕 (вьет. Чам, Trăm; кит. Чжэнь).

выдержаны в конфуцианском духе, о чем свидетельствует и наличие в конце каждого рассказа «нравоучения мужа с Южных гор», своеобразного комментария к содержанию рассказов. Правда, не исключено, что эти «нравоучения» появились позднее. В ряде рассказов исследователи отмечают осязаемое влияние даосизма («Дивная любовь в краю Хоа-куок», «История мыши-оборотня» и другие), а вот с буддизмом связан всего один рассказ «Перебранка двух Будд», в котором буддизм явно осуждается. Кроме того, в этом сборнике отмечается не просто очередная фиксация историй из устных или письменных источников и развитие вымысла, а усиление авторского начала и даже наличие юмора, что безусловно свидетельствует о постепенном переходе вьетнамской средневековой прозы в новое качество. Все это отличает этот сборник от, например, таких известных литературных памятников XV в., как сборник рассказов «Удивительные сказания [о] Линьнаме» [245]²⁰ и «Сны Южного старца»²¹.

В «Удивительные сказания [о] Линьнаме»¹ входит двадцать два рассказа, которые представляют собой запись с соответствующей обработкой вьетнамских преданий о подлинных героях старины, буддийских и даосских легенд и сказок. В «Предисловии» к сборнику, написанном Ву Куинем, говорится, что у вьетов издревле был обычай «передавать повествования о духах и чудесах». Но поскольку их не фиксировали, «многие повествования были утрачены». Ву Куинь отмечает далее, что ему не известно происхождение этого понавшего ему в руки сборника, но он предполагает, что сделаны они были при династиях Ли и Чан. Он же «обследовал эти повествования от начала до конца, от корней до макушки, изложил их заново», позволив себе при этом вносить исправления в иероглифический текст [528.1]^{II}. Все рассказы

¹ Смотри «Параграф 3.1.5» во «Ведении» к «Тому I».

^{II} О том, каким образом сюжеты этого сборника вьетнамских рассказов связаны с летописными сводами XII – XV вв., смотри «Схему взаимосвязи источников по истории Вьетнама до XI в. н.э.» в конце «Введения» к «Тому I», а также следующую главу.

«Удивительных сказаний [о] Линьнаме» можно условно разделить по их содержанию на четыре группы: 1. Рассказы, относящиеся к древней истории; 2. Рассказы, отражающие происхождение древних обычаев; 3. Рассказы, повествующие о национальных героях; 4. Рассказы, связанные с буддизмом и даосизмом. Так, к первой группе относятся уже неоднократно упоминавшиеся выше истории о происхождении вьетов от правителя Дракона Лака и феи Ауко, о борьбе этого государя с Волшебной рыбой, Девятихвостым лисом и Древесным духом, о соперничестве между Духом Гор и Духом Вод, о Золотой черепахе и другие.

Гигантская черепаха в храме на озере Возвращённого меча.
Ханой. 24.03.2011 г.

Вторая группа представлена такими рассказами, как рассказ о происхождении обычая печь новогодние пироги или жевать плоды арека с бетелем. Третья группа включает истории о сёстрах Чынг, богатыре Зьонге и так далее. Рассказы четвёртой, повествующие о таких монахах, как Ты Дао Хань и Нгуен Минь Кхонг, по сути являются дериватами буддийских житий. В основном, все рассказы сборника вьетнамского происхождения, но есть и рассказы, связанные с китайским

или индийским фольклором. Например, в сборник включены сказки «Там и Кам» и «Человек, круглый, как кокосовый орех», родиной которых считается Индия.

Несколько иного рода сборник «Сны Южного старца». Его автором является старший сын Хо Кюи Ли, Хо Нгуен Чынг, схваченный во времена минского нашествия и вместе с отцом отправленный в империю, где он не только выжил, но и преуспел благодаря искусству делать уникальное для своего времени оружие. Там же им было написано это произведение, авторское («Предисловие» которого датируется 1438 г. В сборник входит двадцать восемь небольших по размеру рассказов-воспоминаний Хо Нгуен Чынга о его замечательных соотечественниках – жителях страны Юга, которые приходят к нему во сне, чем и объясняется название произведения. В нём есть и истории из жизни вьетнамских императоров династии Чан, и выдающихся военачальников, и высокочтимых конфуцианцев, и буддийских монахов, и даосов... Кроме того, в него включены около десяти текстов, являющихся комментариями поэтических произведений и так называемыми «беседами о стихах».

Наиболее значительной фигурой в поэзии смутного XVI в., когда в стране начались междоусобные распри, стал Нгуен Бинь Кхием¹. Выходец из конфуцианской семьи, он получил хорошее традиционное образование, но из-за нестабильного положения в стране сдал конкурсные экзамены лишь в сорок пять лет, после чего успешно служил при дворе императоров так называемой Северной династии Мак. Уйдя на покой после семидесяти лет, он, перейдя из категории «служилого чиновника» в категорию «отшельника», обосновался на родине в пригороде нынешнего Хайфона, построил на холме «Приют Белого облака», а себе взял имя «Отшельник [из] обители Белого облака». Однако при этом Нгуен Бинь Кхием не отказался от активного образа жизни. Он помогал советами как своим бывшим господам из династии Мак, так и их соперникам в борьбе за власть – государям рода

¹ 1491 – 1585 гг.

Нгуен, сочинял и учительствовал. Среди его учеников были такие достаточно известные люди, чиновники и литераторы, как Фунг Кхак Кхоан и Нгуен Зы. Главные литературные творения Нгуен Бинь Кхиема собраны в сборниках «Собрание стихов [из] Обители Белого облака» на классической иероглифике и «Стихи Белого облака на родном языке», которые дошли до нас в более поздних и неполных списках¹. В первом сборнике насчитывается около шестисот стихотворений, во втором – около двухсот. И в том и в другом много стихотворений посвящено воспеванию красот природы и вольной жизни на лоне природы, вдали от чиновничьей службы. Они также имеют дидактический характер, связанный с проповедью правильной, соответствующей конфуцианской морали жизни, чем подчас объясняется критический и обличительный пафос его стихов. Конфуцианская сущность поэзии Нгуен Бинь Кхиема выражена в «Предисловии» к его сборнику стихов на «ханвьете», которое начинается известным китайским выражением «Поэзия выражает устремления». Только, как замечает поэт, «У одних устремления направлены на достижение славы и почёта, у других – на тихую жизнь в уединении» [1308, с.257].

Второй по значимости фигурой во вьетнамской поэзии XVI в. является Фунг Кхак Кхоан^{II}, который писал как на классической, так и на вьетнамской иероглифике. Родившись в пригороде Ханоя, с детства получивший хорошее образование и подававший большие надежды, он не захотел сдавать конкурсные экзамены в северной династии Мак, а отправился в провинцию Тханьхоа к государям Чинь, чтобы принять участие в борьбе за восстановление династии Ле. Благодаря разнообразным талантам он быстро сделал блестящую чиновничью карьеру, сдал конкурсные экзамены при дворе династии Ле и после изгнания Маков вместе с ней вернулся в столицу высокопоставленным чиновником, где успешно продолжал службу вплоть до выхода на пенсию.

¹ Часть стихов Нгуен Бинь Кхиема переведена на русский язык [404].

^{II} 1528 – 1613 гг.

Поселившись на малой родине, Кхоан продолжил активную деятельность, способствуя развитию местного сельского хозяйства, ирригации и ремёсел, за что пользовался большим уважением народа, после смерти почитавшим его как доброго духа и воздвигшим в его честь поминальный храм.

В поэтическом творчестве главным для Фунг Кхак Кхоана была «гражданственность» и сознательное стремление через поэзию выразить активную позицию «служилого конфуцианца», для которого «Служить императору и помогать народу – вот дело конфуцианца». А уж если этот конфуцианец обладает «большим талантом», то он непременно должен быть максимально использован в указанных целях! [1547, с.180, 181].

Поэтическое творчество Нгуен Бинь Кхиема и Фунг Кхак Кхоана в значительной части представляет так называемую нравоучительную поэзию, в том смысле, что она выражает конфуцианский взгляд на мир и общество и проповедует основные конфуцианские этические ценности. Но с XVI в. во Вьетнаме получает развитие и поэзия, связанная, с одной стороны, с темой воспевания истории, а с другой – с отражением впечатлений авторов от поездок с посольствами в Китай. Воспевающие историю стихи обычно посвящены восхвалению каких-либо исторических событий или персонажей и отражают строго конфуцианские взгляды авторов на историю и «правильное» поведение человека, будь то мужчина или женщина. Композиционно они состоят из собственно повествования и комментария к нему, содержащего похвалу или осуждение. Именно к XVI в. относится такой, считающийся образцовым сборник подобных стихов на «ханвьете», как «Воспевание истории Вьета», принадлежащий крупному чиновнику династии Ле Данг Минь Кхиему¹. Сборник включает сто двадцать пять стихотворений и полностью посвящён восхвалению различных правителей и их родственников, а также известных подданных и конфуцианцев, в том числе и представительниц женского

¹ 1456? - 1522? гг.

пола, включая верных с конфуцианской точки зрения жён, начиная с вьетнамской древности и до конца правления династии Чан. Поэтическую эстафету от Данг Минь Кхиема подхватил, как считается, другой крупный чиновник Северной династии Мак Ха Ням Дай¹, который продолжил воспевать героев страны с конца эпохи Чан до династии Ле.

Практически все вьетнамские послы, ездившие в Китай, с которым у Вьетнама были тесные и непростые отношения²², оставили после себя сборники так называемых «посольских» стихов или отдельные стихи, повествующие о высокой миссии послов, о переживаниях за судьбы родной страны и тоске по родине. При этом в них также описываются красоты природы или восхваляются прекрасные страницы из истории Китая. Особого внимания заслуживает тот факт, что именно с XVI в. в письменной поэзии на «номе» появляются такие считающиеся народными размеры, как «лук бат» и «шонг тхат лук бат»¹¹. Наиболее ранним случаем использования этих размеров в письменной поэзии является песня, сочинённая по случаю прихода весны где-то в начале XVI в. автором по имени Ле Дык Мао¹². Это произведение из ста двадцати восьми стихотворных строк, написанное как на классической, так и на вьетнамской иероглифике, сочетает в себе разные размеры. В том числе в нём есть и куски, написанные «лук батом» и «шонг тхат лук батом». От 2-ой половины XVI в. сохранилось и произведение, полностью написанное «лук батом», которое принадлежит кисти Фунг Кхак Хоана. Это «Элегия [о] лесах [и] ручьях», посвящённая описанию окружавшего поэта растительного мира и радостям жизни в уединении.

К концу XVI или началу XVII в. относится несколько написанных «лук батом» произведений самого известного представителя южновьетнамской литературы этого времени

¹ 1523 – ? гг.

¹¹ О «лук бате» и «шонг тхат лук бате» смотри «Примечание 13» в «Комментарии» к настоящей главе.

¹² 1462 – 1529 гг.

Дао Зюи Ты¹. Первое же сплошь написанное «шонг тхат лук батом» произведение «Песнь [о] четырёх временах [года]» и принадлежащее Хоанг Ши Кхаю, появилось на свет в конце XVI или начале XVII в. В этой поэме автор воспеваёт пришедший к власти дом Чиней, благодаря которому в стране воцарился относительный мир и благоденствие.

Часть исследователей относит к XVI в. и такое уникальное в традиционной вьетнамской литературе явление, как повествовательные поэмы на «номе», написанные танскими восьмистрочными и четырёхстрочными по размеру семистишиями, образующими отдельные строфы, которые объединены между собой единым сюжетом [1463.1]. Подобные поэмы не получили распространения, возможно, потому, что воспринимавшиеся как вполне законченные и достаточные восьмистрочники и четырёхстрочники танской поэзии не очень подходили для длинного сюжетного стихотворного повествования и впоследствии уступили место «лукбатным» и «шонгтхатлукбатным» размерам, поскольку они теоретически способны к бесконечной мультипликации²³.

Кроме того, что эти поэмы написаны с использованием китайских стихотворных размеров, сюжеты их также заимствованы из китайской истории или литературы. Так, поэма «Вьонг Тыонг» посвящена судьбе подлинного исторического персонажа, одной из наложниц ханьского императора Изначального²⁴ по имени Вьонг Тыонг¹¹. По сюжету отличающаяся исключительной красотой Вьонг Тыонг попадает в гарем императора. Но поскольку наложниц у того тысячи, он делает свой выбор в пользу той или другой, основываясь на портретах, которые ему рисует придворный художник. Жадный до денег художник, не получив от Вьонг Тыонг взятку, поскольку она из бедной семьи, изображает героиню уродицей, из-за чего она долго не пользуется вниманием императора. Тот влюбляется в девушку только тогда, когда с ним хочет породниться правитель гуннов и

¹ 1572 – 1634 гг.

¹¹* 48 – 32 гг. до н.э. Имя «Вьонг Тыонг» читается по-китайски «Ван Цянь».

придворные предлагают отдать ему Выонг Тьонг. Страшась недовольства как гуннского правителя, так и собственных придворных, император не без сожаления отдаёт Выонг Тьонг, но та, оказавшись на чужбине, предпочитает покончить жизнь самоубийством. Точно также история, положенная в основу поэмы «Князь То на посольской службе», рассказывает о высокопоставленном ханьском придворном То Ву¹, который отправился с посольством к гуннам, чтобы заключить с ними мир и обезопасить страну от их набегов. Гунны сначала попытались подкупом переманить императорского посланца на свою сторону, но, потерпев неудачу, посадили его в глубокую яму и стали морить голодом, чтобы добиться своей цели. Но и тут То Ву не предал императора и родину. Тогда его отправили в дальние края в одиночестве пасти коз. Лишь спустя девять лет после тяжёлой жизни на чужбине То Ву сумел вернуться домой. Наконец, третья написанная в этом жанре поэма, называется по именам своих главных героев «Белая обезьяна [и] Тон Как». Она называется в русском переводе «Чудесная встреча среди лесов и ручьев». В этой поэме Небесный владыка за провинность ссылает на землю одну из фей в облике умеющего говорить белого гиббона¹¹. Обезьяна поселяется в одной пагоде, чтобы, вымолив там прощение, вернуться когда-нибудь на Небо. Но через какое-то время она превращается в молодую красавицу, которой больше не хочется жить в заточении, и уходит в мир людей, чтобы испытать всю полноту человеческого счастья. Поселившаяся в красивом месте, Бать Виен однажды встречает провалившегося на экзаменах школяра по имени Тон Как. Молодые люди влюбляются друг в друга и женятся, после чего живут счастливо, хотя и не без испытаний, с двумя детьми. Однако, в конце концов, заканчивается срок ссылки Бать Виен, и ей приходится вернуться на Небо. Тон Как тоскует по жене на земле, а Бать Виен тоскует по мужу и детям на Небе. Видя

¹* Имя «То Ву» читается по-китайски как «Су У».

¹¹* 猿白 (вьет. Бать виен, Bạch viên; кит. Бай юань) переводится как «Белый гиббон». Поэтому правильный перевод названия этой поэмы «Белый гиббон [и] Тон Как».

страдания героини, Небесный владыка отправляет её на землю для воссоединения с семьей.

Нгуен Зы

Последняя же поэма «китайской тематики» озаглавлена «Троецарствие». Как это следует из её названия, она является стихотворным переложением части известного одноимённого китайского романа.

Таким образом, если в первых двух поэмах упор среди прочего делается на патриотические чувства героев, то в центре третьей достаточно свободная по конфуцианским меркам любовь двух молодых людей. В XVII, XVIII и XIX вв. тема такой любви станет одной из главных для вьетнамской литературы, особенно, для её жанра повествовательных поэм, написанных «лук батом» на «номе». Наконец, четвёртая поэма в принципе не имеет отношения к реалиям вьетнамского общества, а потому представляет интерес исключительно с точки зрения литературоведения.

«Пространные записи рассказов [об] удивительном»

В XVI в. получает своё дальнейшее развитие и параллельная проза на «номе», особенно в жанре «фу», или

«оды», выдающимся мастером которого считается Нгуен Ханг. Наивысшим и наиболее известным достижением вьетнамской художественной прозы того времени является сборник средневековых часто называемых новеллами рассказов на «ханвьете» под названием «Пространные записи рассказов [об] удивительном», принадлежащий Нгуен Зы, о котором мало что известно¹. Сам сборник был настолько популярен, что ещё при жизни автора его перевели с классического «ханвьета» на адаптированную к вьетнамскому языку иероглифику в «ном». Всего в него входит двадцать новелл, написанных в жанре так называемых «рассказов об удивительном», которые пришли во Вьетнам из Китая. Также очевидно, что на Нгуен Зы явно оказало влияние известное произведение китайской прозы – сборник XIV в. «Новые рассказы [у] горящего светильника» Цюй Ю¹¹.

В пятнадцати из двадцати рассказов Нгуен Зу прозаическое повествование перемежается с параллельной прозой и стихотворными вставками, а завершаются они небольшим «конфуцианским нравоучением», в котором даётся оценка поступкам героев. Правда, как и в упоминавшихся выше случаях, не исключено, что они принадлежат переписчикам последующих времен.

Как и полагается таким рассказам, в них происходят удивительные события, связанные со взаимодействием людей и потусторонних сил. Они делятся на два типа: сюжетные и бессюжетные. В основе первых, как правило, лежит любовная связь между героями, вторые же строятся на беседах между ними, например о природе власти или о поэзии. Поступки героев отражают конфуцианские постулаты о «правильном пути» и отступлениях от него, а деяния духов и небожителей – представления об «ином» мире. Все персонажи живут между XIII и XVI вв., действуют в конкретных местах, нередко – в

¹ Пятнадцать из двадцати рассказов этого сборника были переведены на русский язык М.Н.Ткачёвым [497].

¹¹ Влияние данного произведения на рассказы Нгуен Зы было отмечено, например, в монографии К.И.Гольгиной [327].

пагодах и храмах Северного Вьетнама. Особую роль в сюжетах играет связанная с чудесными событиями, встречами с духами и путешествиями в «иной» мир ночь.

Таким образом, сборник рассказов великого Нгуен Зы «Пространные записи рассказов [об] удивительном» с их ориентацией на предания, что предполагает определённую достоверность, представляют собой достаточно совершенный, если не лучший образец уже во многом основанной на вымысле вьетнамской средневековой художественной прозы, получившей дальнейшее развитие в последующие века.

Глава 2.

Религиозная обстановка, политико-идеологические учения и официальное летописание в средневековом Вьетнаме

1. Эволюция религиозной ситуации в Дайвьете XI – XVI вв.¹

1.1. Система традиционных верований во вьетнамском обществе XI – XVI вв.

В предыдущем томе уже подробно рассматривалась проблема традиционных вьетнамских верований, в основе которых лежал культ предков. Как известно, этот культ отправлялся на уровне семьи, общины, провинции или региона, а его высшей ступенью был культ предков императоров правящей династии, или так называемый императорский культ. Соответственно император, воплощая в себе божественные силы, оплодотворял Землю в ходе ежегодного обряда культа Южной стороны с тем, чтобы она давала богатый урожай^{II}.

С культом предков теснейшим образом были связаны народные верования в Небесного или Яшмового императора, управляющего миром из своего дворца, по образцу и подобию которого строился императорский двор. Этот культ также был связан с верованиями в добрых духов и демонов, с тотемистическими верованиями и обожествлением животных, рек, гор, камней, деревьев и других растений. К этим верованиям примыкали различные гадания и пророчества, совершавшиеся медиумами, которые, как правило, были женщинами^{III}. Как уже отмечалось, вся эта система верований, известная под названием «народный даосизм», получила особенно сильное развитие на юге Восточной Азии.

Возникшая в глубокой древности и относительно примитивная поначалу система верований культа предков и

^I О проникновении ислама в Центральный Вьетнам и начальном этапе его распространения в тямском обществе смотри «Часть II» «Заключения» настоящего тома.

^{II} Смотри «Примечание 23» в «Комментарии» к «Главе 3» «Части IV» «Том I».

^{III} Не путать со считавшимися научными пророчествами официальных астрологов, геомантов и хиромантов.

народного даосизма развивалась на всём протяжении «Эпохи северной зависимости», а с восстановлением государственной независимости Вьетнама она стала основой религиозной организации вьетнамского общества как в правление династий из Хоалы, так и при первых императорах династии Ли¹. Более того, культ предков, народный даосизм и буддийский культ так смешались на уровне рядового населения, что провести между ними границу практически не представляется возможным. Во всяком случае, крайне сложно увидеть разницу между культовыми ритуалами, которые проводятся в общинных домах и поминальных храмах. Однако это касается лишь основной части вьетнамского общества, которая имеет лишь самые общие представления о религиозно-философских учениях даосизма, буддизма и конфуцианства. В то же время на уровне образованных слоёв этого общества, прежде всего – на уровне его придворной элиты, происходила определённая эволюция системы народных верований.

С восшествием на престол династии Ли постепенно стало формироваться религиозное «двоевластие» буддизма и культа предков. О первом речь пойдёт несколько ниже. Сам же культ предков начал постепенно трансформироваться в единую структуру «императорского культа». В связи с этим интересно отметить, что одной из важных сакральных обязанностей императора была весенняя ритуальная пахота, которая символизировала собой оплодотворение земли божественной силой государя. Так, в эпоху Ли (1010 – 1225 гг.) о ней упоминается семь раз под 1032, 1038, 1042, 1065, 1102, 1146 и 1195 гг. В эпоху Чан (1125 – 1400 гг.) и в эпоху Хо (1400 – 1407 гг.) ритуальная пахота вообще не упоминается в источниках. Наконец, в эпоху Ле с 1428 по 1600 г. о ней упоминается только под 1473 и 1499 гг. [36, с.147, 148, 150, 159, 172, 185, 200; 239.1, «Основные записи», кн.22, с.316, кн.24, с.346].

¹ Подробнее смотри «Параграф 1» «Главы 1», «Параграф 1» «Главы 2» и «Параграф 6» «Главы 3» «Части IV» «Тома I», а также «Параграф 2» «Главы 1» «Части III» настоящего тома.

Пагода Одного столба.
Ханой. 24.03.2011 г.

В то же время основатель династии Ле ещё за год до своего восшествия на престол повелевает привести в порядок региональные поминальные храмы, начиная с поминального

храма великого князя Процветающего Пути Чан Куок Туана¹, а ещё спустя несколько месяцев – поминальные храмы императоров предыдущих династий.

В 1449 г. был учреждён алтарь для поклонения духам – защитникам столицы. В 1464 г. был официально утверждён ритуал поклонения разделённых на высшую, среднюю и низшую категории «заслуженным подданным» прошлых веков, которым в соответствии с этими категориями воздавались почести в поминальных храмах. Наконец, в 1467 г. был установлен ритуал обряда поклонения предкам во дворце Правительственных деяний в присутствии всех высших чиновников [239.1, «Основные записи», кн.14, с.16,76, кн.18, с.18б, кн.19, с.26а, кн.20, с.106,11а].

Также следует отметить, что при династии Хо в 1400 г. появляется сообщение о проведении обряда культа Южной стороны, который не упоминался с 1048 г.¹¹, с повторным его упоминанием в 1462 г. При этом впервые приводится его полная регламентация [239.1, «Основные записи», кн.11, с.43б, кн.19, с.17а – 18а]¹.

Из вышесказанного следует, что если в эпоху Ли – Чан культ предков оставался во вьетнамском обществе прежде всего семейным культом, то с конца эпохи Чан и, особенно в начале эпохи Ле стала выстраиваться вертикаль от семейного культа предков к культу общинно-уездных духов-покровителей, от него к культу провинциально-региональных духов-покровителей и далее к культу столичных духов-покровителей, вершиной которой являлся культ предков императорской семьи. Эта единая вертикаль культа предков персонифицировалась в личности императора и проводимом им обряде подношения [духам] Неба [и] Земли. Есть все основания полагать, что она окончательно оформилась в Дайвьете к концу XV в. В дальнейшем же «императорский

¹ Сммотри «Примечание 19» в «Комментарии» к «Главе 3» «Части IV» «Тома I».

¹¹ Сммотри «Примечание 23» в «Комментарии» к «Главе 3» «Части IV» «Тома I».

культ становился лишь всё более пышным и обрстал новыми деталями, как это показано в следующем томе при описании мавзолеев императоров династии Нгуен.

1.2. Буддизм во Вьетнаме XI – XVI вв.¹

Специфика вьетнамской культуры приводит к тому, что без характеристики целого ряда её составляющих XI в., в первую очередь – буддизма, невозможно понять особенности её развития в конце IX – X в. Именно поэтому об истории вьетнамского буддизма с начала и вплоть до 70-ых годов XI в. достаточно много говорится в предыдущем томе. Вкратце вся его история этого периода сводится к следующему.

В начале 2-ой половины XI в. «Гаутамовский» буддизм школы Созерцания сангхи Уянь Туна династий из Хоалы сменяется сангхой Тхао Дьонга, который в свою очередь исходил из учения сунского проповедника Сюедоу. При этом интересно отметить, что этот китайский по рождению и привезённый в Дайвьет из Тямпы в 1044 г. буддийский наставник, который стал основателем новой вьетнамской сангхи буддизма школы Созерцания, насчитывавшей пять поколений из восемнадцати патриархов и наставников^{II}, так и не стал официальным патриархом. Первым же её патриархом считается император Совершенный рода династии Ли^{III}. Взойдя на престол, он пожаловал своему учителю титул «Наставник Государства».

Считая этого императора, первое поколение сангхи Тхао Дьонга насчитывает три патриарха и наставника. Вторым патриархом стал член императорской семьи Чьонг Кань Зить, а третьим – учёный муж Нго Ша. Таким образом, не вызывает сомнения, что в XI в. буддизм школы Созерцания

¹ Смотри также «Параграф 2» «Главы I» «Части I» настоящего тома.

^{II} 1069 – 1225 гг.

^{III} 1054 – 1071 гг.

был не только государственной религией, но и официальной идеологией династии Ли¹.

Авалокитешвара, пагода Одного столба.
Ханой. 24.03.2011 г.

¹ Подробно о сангхе Тхао Дьонга смотри «Параграф 5» «Главы 3» «Части IV» «Том I».

Второе поколение сангхи Тхао Дьонга насчитывает четыре человека. Её первым патриархом стал наследовавший императору Совершенному главный инспектор Нго Ить. Остальные патриархи этого поколения были буддийскими наставниками.

Третье поколение её патриархов также состоит из четырёх человек, первый из которых, великий заместитель До Ву, наследовал главному инспектору Нго Итю. Второй и четвёртый патриархи этой сангхи были буддийскими монахами, тогда как её третьим патриархом снова стал император, на этот раз император Высокий рода династии Ли¹.

Четвёртое поколение патриархов сангхи Тхао Дьонга состоит из трёх человек, при этом все они были буддийскими наставниками.

Наконец, пятое поколение патриархов, как второе и третье поколения сангхи Тхао Дьонга, состоит из четырёх человек, первый и последний из которых были буддийскими наставникам. Вторым же патриархом стал ещё один император Высокий рода династии Ли¹¹, который повелел подданным называть его «Будда» [239.1, «Основные записи», кн.2, с.386]. Также интересно отметить, что третьим патриархом этой сангхи был руководитель актёров по имени Нгуен Тхык [1009, с.254, 255]².

Как известно, в 1224 г. император Милостивый рода династии Ли отрёкся от трона в пользу своей дочери Фат-ким и удалился в пагоду Тянь-зяо. В 1226 г. император Великий рода династии Чан вынудил его отказаться от императорского титула и пожаловал ему звание «Великий наставник Славный [и] Милостивый». Вскоре после этого Милостивый повесился в саду за пагодой. Его тело было кремировано, а прах помещён в ступу пагоды Бао-куанг [239.1, «Основные записи», кн.5, с.416, кн.6, с.16, 36]³. Этот момент на самом деле можно считать концом существования сангхи Тхао Дьонга как

¹ 1138 – 1175 гг.

¹¹ 1176 – 1210 гг.

официальной религиозно-идеологической доктрины Дайвьета⁴, дальнейшее развитие которой уже связано с новой сангхой.

Считается, что основы новой сангхи буддизма школы Созерцания уже заложил первый император династии Чан^I. В 1237 г. этот император, спасаясь от своего мятежного брата, ночью бежал к давнему другу и буддийскому наставнику, обитель которого находилась на горе Иенты. В 1293 г. его внук, император Гуманный рода династии Чан^{II} формально передал трон наследнику^{III}, а в 1299 г. он окончательно ушёл из мира, поселившись всё на той же горе Иенты в убежище под названием «Обитель Облаков» [239.1, «Основные записи», кн.6, с.176, кн.8, с.286]. Именно этот год считается годом учреждения новой сангхи буддизма школы Созерцания в качестве официальной идеологии Дайвьета. Первым патриархом этой сангхи, которая известна под названием школы Бамбуковой роши^{IV}, и стал император Гуманный, принявший имя Иен-ты. Однако при этом императоре лишь завершился процесс оформления новой сангхи. В пользу такого вывода свидетельствует двойное упоминание горы Иенты, название которой было взято в качестве имени первым патриархом школы Бамбуковой роши^V. Также известно, что наставником императора Гуманного являлся старший брат императрицы-матери, жены императора Совершенного рода династии Чан, и выдающегося вьетнамского полководца XIII в. Чан Куок Туана^V по имени Чан Тунг, который помимо этого был ещё и одним из главных военачальников во время войн с империей Юань. При этом Чан Тунг был учеником монаха Тиеу Дао – адепта учения сангхи Уянь Туна⁶. Поэтому есть все основания полагать, что учение «Бамбуковой роши» во многом схоже с учением сангхи династий из Хоалы.

^I Император Великий рода династии Чан (1125 – 1257 гг.).

^{II} 1279 – 1292 гг.

^{III} См. «Главу 2» «Части I» настоящего тома.

^{IV} Чук-лам.

^V См. «Примечание 19» в «Комментарии» к «Главе 3» «Части IV» «Том I».

Таким образом, не вызывает сомнения тот факт, что сангха «Бамбуковой рощи» буддизма школы Созерцания была создана императорами Великим и Гуманным династии Чан, а ей идейным вдохновителем был Чан Тунг. Но при всём при этом выдвигаемый учёными СРВ тезис о том, что эта сангха является первой действительно вьетнамской буддийской школой, вызывает большие сомнения. В предыдущем томе было показано, что и сангха Винитаручи, и сангха Уянь Туна имеют все основания именоваться «вьетнамскими»¹. Поэтому если не считать их вьетнамскими по той причине, что не вьетнамцы были их основателями, то и последнюю сангху, хоть её основателями и были члены императорской семьи Чан, также нельзя считать вьетнамской, поскольку в её основу было положено учение сангхи Уянь Туна.

Что же до философских различий между учениями указанных четырёх сангх, то это проблема специального исследования, которое ещё ждёт своего автора. Поэтому в завершение данного параграфа можно сказать лишь о том, что сангха Бамбуковой рощи оставалась официальной идеологией династии Чан вплоть до последних двух десятилетий XIV в. Не случайно историограф XV в. Нго Ши Лиен² говорил о том, что Чаны были ещё более рьяными буддистами, чем Ли [239.1, «Основные записи», кн.6, с.39а].

В заключение данного параграфа можно отметить, что масштабное строительство буддийских пагод и монастырей, насильственное обращение общинников в монахи и импорт в Дайвьет священных буддийских текстов, характерные для первых годов правления династии Ли³, продолжались как на всём протяжении её царствования, так и при императорах династии Чан⁷. Лишь с конца XIV в. в ходе реформ Хо Кюи Ли началось наступление неоконфуцианства на позиции буддизма

¹ Смори «Параграф 1» «Главы 2», «Параграф 2» – «Параграф 5» «Главы 3» «Части IV» «Тома I» и «Примечание 4» в «Комментарии» к настоящей главе.

² О Нго Ши Лиене смори ниже «Параграф 3.1.2» настоящей главы.

³ Смори «Главу 3» «Части IV» «Тома I».

как государственной идеологии Дайвьета, при этом многие общинники, принимавшие монашество и укрывавшиеся в монастырях, с тем чтобы уклониться от повинностей и налогов, насильственно возвращались в мир. Указанный процесс смены официальной идеологии, продолжившийся и при первых императорах династии Ле, завершился реформами императора Совершенного рода династии Ле во второй половине XV в. С этого времени государственной идеологией вьетнамского государства стало неоконфуцианство, тогда как традиционные культы вместе с буддизмом в его различных трактовках оставались единственной религиозной системой вьетнамского общества вплоть до появления католических миссионеров¹. Что же касается сангхи Бамбуковой рощи буддизма школы Созерцания, то она ещё долгое время продолжала играть значительную роль в духовной жизни Вьетнама.

2. Основные этапы формирования официальной идеологии Дайвьета до XVI в.

Перед тем как перейти к характеристике процесса возникновения, становления и развития официальной идеологии средневекового вьетнамского государства, представляется необходимым сказать об особенностях построения настоящей главы, в которую включено достаточно много материала, относящегося к истории Китая.

Во-первых, включение этого материала связано с тем, что вплоть до сегодняшнего дня в науке господствует мнение о том, что если религиозно-культурная история Вьетнама и имеет какие-то свои особенности, то весь комплекс его традиционных политико-идеологических учений ничем не отличается от китайского. Соответственно для того чтобы подтвердить или опровергнуть указанную точку зрения, необходимо провести сопоставительный анализ комплексов политико-идеологических учений Китая и Вьетнама.

¹ О том, каким образом протекал процесс вытеснения буддизма из сферы государственной идеологии во Вьетнаме, смотри ниже «Параграф 2» данной главы и «Параграф 2» следующей главы.

Во-вторых, и китайский, и вьетнамский комплексы идеологий образованы тремя основными составляющими, представленными традиционными политико-философскими учениями, придворными летописными сводами и системами образования. Но если по вьетнамскому летописанию и, в меньшей степени, образованию и имеются какие-то работы, то по истории традиционной идеологии Вьетнама их в принципе не существует. Что же касается Китая, то по частным проблемам каждой из указанных составляющих было опубликовано значительное количество исследований. Однако при этом существует лишь один концептуальный труд обобщающего характера по истории китайской философии, изданный в сокращённом варианте на английском языке и в виде двухтомника на китайском [1063; 1064]. Но если даже многие китаисты с ним незнакомы, то что же говорить о вьетнамистах? Поэтому включение в состав настоящей главы материала по истории традиционной китайской философии стало вынужденной мерой, так как без этого провести какой-либо сопоставительный анализ традиционных идеологических учений Вьетнама и Китая не представляется возможным.

В-третьих, поскольку «Полная академическая история Вьетнама» не посвящена, как это следует уже из её названия, истории Китая, то китайский материал привлекается постольку, поскольку это необходимо для пояснения вьетнамского. Поэтому история традиционной китайской философии в настоящей главе на самом деле является достаточно схематичным изложением основных положений сокращённого варианта её вышеупомянутого исследования [1063.2].

В-четвёртых, если в Китае чётко прослеживается весь процесс становления официальной идеологии с эпохи древности до новейшего времени, то история вьетнамской идеологии до XI – XII вв. реконструируется лишь на основании весьма скудных и косвенных свидетельств. Тем не менее, казалось бы, что характеристика ранних этапов становления этой идеологии должна было бы быть включена в предыдущий, посвящённый древней и раннесредневековой

истории Вьетнама том. На самом же деле это не так. Безусловно, о каких-то её аспектах говорится и в «Томе I», и в «Томе III», но это делается лишь в рамках описания того или иного события политической и культурной истории Вьетнама. Но при этом выяснилось, что если не исходить из всего комплекса китайской идеологии от её истоков до конца XII в., а вьетнамской – вплоть до конца XV в., то провести их сопоставительный анализ практически невозможно. Именно поэтому характеристика традиционной вьетнамской идеологии и даётся в настоящей главе «Томе II».

2.1. Краткая характеристика шести ранних философских школ древнего Китая

Как известно, древнейшими в Восточной и Юго-Восточной Азии являются древнекитайские философские школы и их учения. Однако при всём при том представляется необходимым сделать следующую оговорку: не «китайские», а «древнекитайские». Это вопрос принципиальный, так как эти учения воспринимаются во всех культурах конфуцианского культурного ареала как «свои». Отсюда, например, указанные в предыдущей главе ссылки на известных персонажей конфуцианской древности во вьетнамской литературе. Для вьетнамских средневековых авторов они не были «китайцами». По сути, свершения этих персонажей в древности являлись *конфуцианской моделью оценки деяний того или иного человека*, о котором писал автор. Поэтому во вьетнамской литературе почти нет ссылок на поступки людей, живших после III в., при этом никто из живших после VIII в. вообще в пример не приводится. Этот момент крайне важен для понимания того, когда и каким образом разошлись пути государственного политико-идеологического развития традиционных обществ конфуцианского культурного ареала⁸.

Первой из шести древнекитайских философских школ является «Школа Книжников», основателем которой был Кун-цзы, более известный как Конфуций. Родившийся в 551 г. до н.э. в бедной семье царства Лу, он к пятидесяти годам достиг

высокого положения, после чего вследствие интриг был вынужден оставить службу. Затем он тринадцать лет путешествовал по разным царствам, пытаясь реализовать свои идеи. Не добившись успеха, Конфуций вернулся в Лу, где и скончался в 479 г. н.э. [251, гл.47].

Как известно, в древнекитайских царствах существовал институт странствующих учителей – книжников, а «Первым Учителем» в конфуцианской традиции считается Конфуций. Он уделял особое внимание изучению «Пяти Классиков» или «Пятикнижия»¹, на котором во многом строилось его учение. В результате им были сформулированы положения об «исправлении имён» или, как сказали бы сегодня, о точном использовании терминов, о том, что если тебе не нравится что-то в отношении вышестоящего к тебе, то нельзя этого делать по отношению к нижестоящему, и о многом другом. Однако в будущем развитии конфуцианства главную роль сыграл принцип «делай ни для чего», имеющий смысл «делай то, что надо, потому что это правильно, а не для того, чтобы добиться поощрения» [1063.2, с.44]. Собственно говоря, из этого постулата вытекает Конфуциева этика «дуализма», строящаяся по принципу идеальных взаимоотношений в паре «отец – сын», которая в конечном счёте сводится к паре «император – подданный». Согласно учению Конфуция, лишь совершенный человек, соблюдающий нормы этих взаимоотношений, может получить «Мандат Неба» и стать основателем династии. И наоборот, нарушение норм этики императором приводит к потере «Мандата Неба» и гибели династии.

Наконец, следует отметить, что входящая в состав «Пятикнижия» хроника царства Лу «Вёсны [и] осени», охватывающая период с 722 по 479 г. до н.э., то есть по год смерти Конфуция, воспринимается в конфуцианстве как произведение, в котором «Учитель» изложил свои политические и этические взгляды [1063.2, с.47]. Раскрытию изотерического смысла этой хроники посвящён «Комментарий

¹ «Пятикнижии» и «Четырёхкнижии»: смотри «Примечание 5» к «Главе 3» «Части IV» в «Комментарии» к «Тому I».

господина Цзо», который приписывается современнику Конфуция Цзо Цюмину. «Комментарий», скорее всего, был написан на рубеже IV – III вв. до н.э. и никак не ранее 389 г. до н.э. [308, с.14, 15]. Наконец, следует отметить, что наиболее известным из последователей Конфуция был Мэн-цзы (371? – 289? гг. до н.э.). Он считается основателем идеалистического направления в конфуцианстве, которое определяется «Учителем» как «гуманность» 仁, напрямую соотносится со «справедливостью» 義 и противопоставляется «обрядности» 禮 [1063.2, с.42, 43, 68 – 70]. Его труд «Мэн-цзы» входит в состав так называемого «Четырёхкнижия».

Мэн-цзы и Конфуций

Первым оппонентом Конфуция стал Мо-цзы или Мо Ди¹, чьи идеи легли в основу названной его именем «Школы Моизма». Принципиальное отличие между Конфуцием и Мо-цзы состоит в том, что если первый был наставником, положившим в основу своего учения свершения древности, то второй являлся ярким проповедником, категорически не принимавшим ни традиционные институты и обряды, ни конфуцианство.

¹ Приблизительно 479 – 381 гг. до н.э.

При этом Мо-цзы не отвергал таких ключевых понятий Конфуция как «гуманность» и «справедливость», которые для него символизировали «Всеобъемлющую любовь», а для её утверждения он ссылается в своём труде «Мо-цзы» на «Волю Неба» и на существование духов, которые следят за поведением людей. На этом же строится и его концепция государства. Согласно Мо-цзы, государство возникает по воле двух сил: «Воле Народа» и «Воле Неба», а задачей государя является вознаграждение или наказание людей, практикующих или не практикующих «Всеобщую любовь» [1063.2, с.49 – 59].

Лао-цзы

Первые идеи, приведшие к созданию «Школы Даосизма», по всей вероятности следует связывать со взглядами Ян Чжу, жившего во второй половине V – первой половине IV в. до н.э.

Однако оформление этой школы произошло благодаря Лао-цзы и Чжуан-цзы, или Учителю Чжуану. Лао-цзы был современником Конфуция, и его авторству приписывается «Книга [о] Пути [и] Добродетели», именуемая также «Лао-цзы».

Учителю Чжуану, который жил между 369 и 286 гг. до н.э., принадлежит одноимённый трактат, дошедший до наших дней под редакцией Го Сяна¹. Вероятно, последний является и автором ряда его глав [1063.2, с.60 – 67, 93 – 117, 217 – 240]. В данном случае важно не содержание этого философского учения, о котором написано множество работ во всём мире, а тот факт, что многие постулаты даосизма прямо соотносятся с базовыми принципами буддизма.

Четвёртая древнекитайская философская «Школа Имён», как и один из её признанных лидеров Гунсунь Лун^{II}, известна парадоксальными выводами, которые делались её последователями при сопоставлении слов и названий (имён). Как политико-философское учение «Школа Имён» не представляет собой никакого интереса [1063.2, с.80 – 92].

Иное дело пятая древнекитайская философская «Школа Закона», или легизм, главным идеологом которой являлся Хань Фэй-цзы. Основным в учении этой школы являлось главенство закона устанавливаемого императором. Именно в следовании «Закону» в таком понимании и состояла обязанность добродетельного подданного [1063.2, с.155 – 165].

Шестая натурфилософская «Школа Тёмного [и] Светлого начал» являлась той космогонической основой, на которой в той или иной степени строились учения всех вышеупомянутых пяти ранних философских школ древнего Китая [1063.2, с.155 – 165]. Об этой школе уже достаточно много говорилось в «Томе I», не говоря уже о том, что многим её аспектам посвящена и специальная статья «Тома VI»^{III}.

¹ 251 – 312 гг.

^{II} Около 325 – 250 гг. до н.э.

^{III} Смотри статью «Летоисчисление, система пророчеств и восприятие общей структуры Мироздания в традиционном Вьетнаме» в «Томе VI».

Таким образом, можно сказать, что из всех шести ранних древнекитайских философских школ только конфуцианство, моизм и легизм реально претендовали на роль государственных политико-философских учений. Первой же преуспела в этой борьбе «Школа Закона», учение которой было принято императором Начинателем династии Цинь в качестве официальной идеологии своей империи. Не исключено, что к тому времени легизм включил в свою систему ряд близких ему элементов учения моизма. В результате тот так и остался философской школой, адепты которой развивали идею «Всеобщей любви» и критиковали другие школы [1063.2, с.118 – 128]. Если исходить из фактов политической истории, то именно с этого времени во Вьете должно было начаться активное распространение имперских учений, однако на самом деле этого не произошло.

2.2. Первый конфуцианский синтез. Древнекитайские философские учения и их влияние на духовную культуру вьетского общества в V – I вв. до н.э.

После падения империи Цинь в пришедшей ей на смену империи Хань, официальной идеологией которой было провозглашено противопоставлявшееся циньскому легизму конфуцианство, начался процесс трансформации последнего. Этот процесс, получивший в науке название первого конфуцианского синтеза, состоял в том, что в конфуцианство постепенно были включены все ключевые положения легизма. В результате возникла весьма близкая по сути к легизму, но использующая при этом конфуцианскую риторику новая государственная идеология империи Хань, которая также известна как конфуцианство ханьского толка, или, по имени её создателя, конфуцианство Дун Чжуншу¹. В рамках этого учения оказались, насколько это было вообще возможно, «ассимилированы» космогоническая теория «Тёмного [и] Светлого начал», учение о человеческой природе, этика и философия политики. В результате оно стало не только

¹ Около 179 – 104 гг. до н.э.

целостной и непротиворечивой государственной идеологией, но и частично приобрело характер религии [1063.2, с.191 – 204]. Таким образом, конфуцианство в трактовке Дун Чжуншу является единственным случаем во всей истории этого учения, когда о нём, правда, с определёнными оговорками, можно говорить как о религиозно-идеологическом учении.

Дун Чжуншу

Если теперь в свете всего вышесказанного обратиться к событиям вьетнамской истории эпохи древности и раннего средневековья, которые были описаны в «Томе I», то в целом складывается следующая картина. Безусловно, на протяжении VII – первой половины III в. до н.э. лаквьетское общество царства Ванланг на территории Северного Вьетнама испытывало перманентно возрастающее культурное влияние китайских, главным образом южнокитайских, царств¹ так называемых эпох «Вёсен [и] осеней» и «Сражающихся царств».

¹ Как уже отмечалось, «китайских» по современному территориальному признаку, а не по их населению тех эпох.

Однако говорить о каком-либо серьёзном восприятии лаквьетами древнекитайских философско-идеологических учений даже гипотетически не представляется возможным¹.

Соответственно, нельзя исключать того, что какие-то зачаточные знания об этих учениях лаквьетская элита царства Аулак получила от шусцев после 257 г. до н.э., но и это маловероятно². Надо полагать, что, представители лаквьетской элиты столкнулись с учениями древнекитайских философских школ не ранее 207 г. до н.э. после создания «федеративного» царства Намвьет – Аулак. Об этом свидетельствуют как исторические события конца III – начала II в. до н.э., так и сюжеты первой группы вьетнамской историко-миологической традиции со строящейся на них национальной концепцией Поднебесной³.

Однако и в этом случае речь может идти только о тех немногочисленных представителях северовьетнамской элиты, которые находились в непосредственном контакте с двором династии Чиеу в Паньюе. Основная же её часть, не говоря уже о всём лаквьетском обществе в целом, была далека от философских споров, происходивших в империи Хань. Такое положение вещей сохранялось до середины I в. н.э., то есть до того момента, когда территории Северного и северной части Центрального Вьетнама были действительно включены в состав империи в результате похода Ма Юаня⁴. Однако к тому времени ситуация принципиально изменилась.

2.3. Буддийско-даосский синтез и проблема возникновения восточноазиатского буддизма

В «Томе I» уже детально рассматривалась проблема распространения и развития буддизма во Вьетнаме «Эпохи

¹ Смотри «Главу 1» «Части I» и «Главу 1» «Части IV» «Томе I».

² Смотри «Главу 2» «Части I» и «Главу 1» «Части IV» «Томе I».

³ Смотри «Главу 3» «Части I» и «Параграф 3» «Главы 1» «Части IV» «Томе I».

⁴ Смотри «Главу 4» «Части I» «Томе I».

северной зависимости»¹. По этой причине в данном параграфе представляется целесообразным лишь резюмировать выводы предыдущего тома, которые необходимы для понимания религиозно-идеологического развития вьетнамского общества в X – XV вв. Вкратце они сводятся к следующему. Буддизм был принесён в Северный Вьетнам непосредственно из Индии как морским, так и сухопутным путём не позднее начала I в. н.э., где он наложился на традиционные вьетские культы, или на так называемый «народный даосизм». В результате, буддизм был воспринят лаквьетским обществом в качестве религиозного идеологического учения, противостоявшего конфуцианству ханьского толка, которое стало насаждаться в Северном Вьетнаме имперской администрацией со второй половины I в. н.э. Вследствие этого последнее в принципе не было воспринято вьетским обществом первой половины «Эпохи северной зависимости», тем более, что уже с середины III в. буддизм занял господствующее положение в духовной жизни южнокитайских царств, которое он сохранял вплоть до падения империи Тан в начале X в.

Причиной быстрого возобладания буддизма в Южном Китае стало то, что в этом регионе наряду с конфуцианской доктриной Дун Чжуншу как идеологии государственного управления философский даосизм сохранил сильные позиции в духовной жизни общества. В данном случае важно то, как указано выше в настоящем параграфе, что даосизм с его теорией противопоставления «наличия» 有 и «неналичия» 無 прямо соотносится с буддийским учением о «недеянии». При этом весь буддийско-даосский философский массив прекрасно сочетается с традиционными верованиями древнего культа предков и «народного даосизма». Поэтому в результате их синтеза на протяжении III – V вв. в южной части древнего «опрокинутого» треугольника родственных культур к югу от Янцзы, вершиной которого является территория Северного Вьетнама, возник так называемый восточноазиатский буддизм,

¹ Смотри «Параграф 1» «Главы 2» «Части IV» «Том 1».

или буддизм школы Созерцания¹. Но если, как это было указано, в южнокитайских царствах государственное управление как и прежде зиждилось на принципах конфуцианства ханьского толка, а в духовной жизни их обществ господствующее положение заняла та или иная школа этого направления буддийского учения, то во Вьетнаме ситуация была принципиально иной. В условиях зависимости от общекитайских империй и различных южнокитайских царств, которая, как известно, нередко была либо формальной в правление «скрытых» династий и государей, либо вообще прерывалась периодами полного или частичного восстановления независимости, буддизм школы Созерцания стал не позднее конца IV – середины V в. главной и единственной религиозно-философской идеологией жизни вьетнамского общества. Однако, в отличие от южнокитайских обществ и общества империи Тан, конфуцианство оставалось для него идеологией враждебной иноземной администрации на протяжении всей так называемой «Эпохи северной зависимости»^{II}.

2.4. *Второй конфуцианский или неоконфуцианский синтез*

С образованием общекитайских империй Суй и, особенно, Сун в X – XI вв. идеологическое «двоевластие» буддизма и конфуцианства стало серьёзным препятствием на пути усиления центральной власти. Надо отметить, что уже с VIII – IX вв. такие философы, как Хань Юй и Ли Ао, критикуя восточноазиатский буддизм, пытались «совместить» его основные положения с конфуцианством путём возврата к учению Конфуция – Мэн-цзы. Первый такой «синтез» принадлежит философу XI в. Чжоу Дуньши, считающемуся основоположником неоконфуцианства^{III}. Однако основной вклад в «возврате» к принципам раннего конфуцианства

^I Смотри «Главу 1» «Части I», «Главу 1» и «Главу 2» «Части II», а также «Параграф 1» «Главы 2» «Части IV» «Том I».

^{II} Смотри главы «Части II» «Том I».

^{III} 1017 – 1073 гг.

принадлежит братьям Чэн Хао и Чэн И¹, первый из которых исходил из идеи «гуманности» 仁, а второй – из идеи «принципа» 禮. Чэн Хао считается основателем первой школы неоконфуцианства, но государственной идеологией империи Сун в XII в. оно стало в интерпретации Чжу Си^{II}, развившего идеи Чэн И. Поэтому сунское неоконфуцианство и называется либо конфуцианством школы «Чэн – Чжу», либо просто чжусианством [1063.2, с.266 – 306].

Чжу Си и Чэн И

Не вдаваясь как в специфику учений каждого из упомянутых философов, так и в учение различных направлений буддизма, следует указать лишь на то, что буддийский принцип «недеяния» при желании вполне может быть согласован с вышеприведённым принципом Конфуция «делай ни для чего». Последнее упрощается ещё и тем, что если в буддизме хинаяны (Малой колесницы) и даже в буддизме махаяны или (Большой колесницы) принцип «недеяния» воспринимался как абсолютный, то буддизм школы Созерцания допускал «деяние», но лишь при том условии, что оно совершалось человеком «равнодушно», без каких-либо «эмоций».

^I 1032 – 1085 гг. и 1033 – 1107 гг.

^{II} 1130 – 1200 гг.

Таким образом, благодаря философским построениям и силлогизмам неоконфуцианцев школы «Чэн – Чжу» и её предшественников буддийское «деяние без эмоций» стало чуть ли не синонимом конфуциева «делания ни для чего».

С этого времени конфуцианство в его различных неоконфуцианских трактовках стало единственной непротиворечивой и догматической государственной идеологией империи Сун, тогда как буддийско-даосскую идеологию постигла участь всех остальных древнекитайских философских школ. Такое положение вещей сохранялось и при монгольской династии Юань, и при династии Мин, и при маньчжурской династии Цин вплоть до распространения в Китае европейских учений [1063.2, с.207 – 331].

В то же время, если правы те, кто утверждает, что вьетнамская культура является «слепком» с китайской, то аналогичная идеологическая ситуация должна была существовать и во Вьетнаме, где именно такой её увидели европейцы в XVIII – XIX вв. Но «увидеть» не значит – «понять». Все данные по истории Вьетнама эпохи Ли – Чан свидетельствуют о том, что в XI – начале XIII в. буддизм школы Созерцания являлся единственной государственной идеологией Дайвьета. Те же незначительные элементы конфуцианства, которые отмечаются в то время, существенной роли не играли. И лишь по мере становления во Вьетнаме развитого феодализма во второй половине XIII – XIV вв. происходит постепенное внедрение конфуцианства в его неоконфуцианской трактовке в государственную идеологию Дайвьета. Первая, неудачная, попытка превратить его в официальную идеологию вьетнамского государства связана с реформами Хо Кюи Ли в конце XIV – самом начале XV в.⁹ Вторая, успешная, – с реформами императора Совершенного династии Ле¹. Однако занявшее в Дайвьете господствующее положение неоконфуцианство так и не смогло полностью вытеснить буддизм из сферы государственной деятельности. При этом только к концу правления династии Ле и при

¹ 1460 – 1497 гг. Смотри «Главу 1» и «Главу 2» «Части I» настоящего тома.

последней вьетнамской династии Нгуен в XVIII – XIX вв. неоконфуцианство внешне приобрело при дворе вьетнамских императоров вид единственной государственной идеологии¹.

И, наконец, последнее. Безусловно, неоконфуцианство в трактовке Чжу Си было принесено во Вьетнам из Китая. Однако если в Китае официальная государственная идеология развивалась в последовательности «шесть древнекитайских философских школ – легизм – конфуцианство ханьского толка (1-ый синтез) – неоконфуцианство (2-ой синтез)», то во Вьетнаме, где в ней отсутствуют первые три этапа, эта последовательность выглядит как переход «от буддизма к неоконфуцианству». Соответственно влияние конфуцианства значительно меньше сказалось на вьетнамском обществе, чем на китайском, что во многом явилось причиной его большей синкретичности и открытости к восприятию новых идей.

3. *От двух параллельных историографических традиций к единому непротиворечивому придворному летописанию*

3.1. *Вьетнамское летописание XI – XV вв.*¹⁰

3.1.1. *Летописание эпохи Ли – Чан*

Перед тем как приступить к непосредственной характеристике раннего вьетнамского летописания XI – XIV вв. представляется необходимым привести краткое резюме тех материалов «Тома I», которые имеют к нему непосредственное отношение. В целом оно сводится к следующим моментам.

а. С большой долей вероятности было установлено, что вьетская устная историческая традиция конца 4-го, возможно начала 3-го, – 2-ой трети 1-го тысячелетия до н.э. нашла своё отражение во вьетнамских историко-мифологических сюжетах первой группы, которые были записаны не позднее конца IV – начала III в. до н.э.¹¹.

б. Одновременно с этим было показано, что с конца III – начала II в. до н.э. появление новых сюжетов первой группы

¹ См. «Главу 2» и «Главу 3» «Части I» «Тома III»

¹¹ См. «Параграф 2» «Главы 1» «Части IV» «Тома I».

вьетской историко-мифологической традиции больше не отмечается.

в. Была сформулирована и в значительной степени обоснована гипотеза, согласно которой в 207 – 111 гг. до н.э. при дворе династии Чиеу в царстве Намвьет со столицей в г.Паньюе велась погодная династийная хроника под условным названием «Анналы династии Чиеу». По своей структуре эта хроника не должна была сильно отличаться от придворных погодных хроник династии Цинь и первых императоров династии Хань¹.

г. Было выявлено, что после реального установления господства империи Хань над территорией Северного Вьетнама происходит возрождение вьетской (с VII в. – вьетнамской) историко-мифологической традиции в форме «Семейных хроник» и храмовых житийных биографий, которые образуют 2-ую группу её сюжетов (2-ая половина I – X в. н.э.). При этом в этих сюжетах описание реальных исторических событий нередко более подробное, чем в китайских летописных сводах, а его религиозно-мифологическая канва, как правило, представляет собой сюжет в сюжете¹¹.

д. В связи с этим была выдвинута и в значительной степени обоснована гипотеза, согласно которой эти сюжеты фиксировались на специфическом сакральном письменном языке, не позднее VII – VIII вв. превратившемся в фонетико-иероглифическую письменность «ном»¹¹.

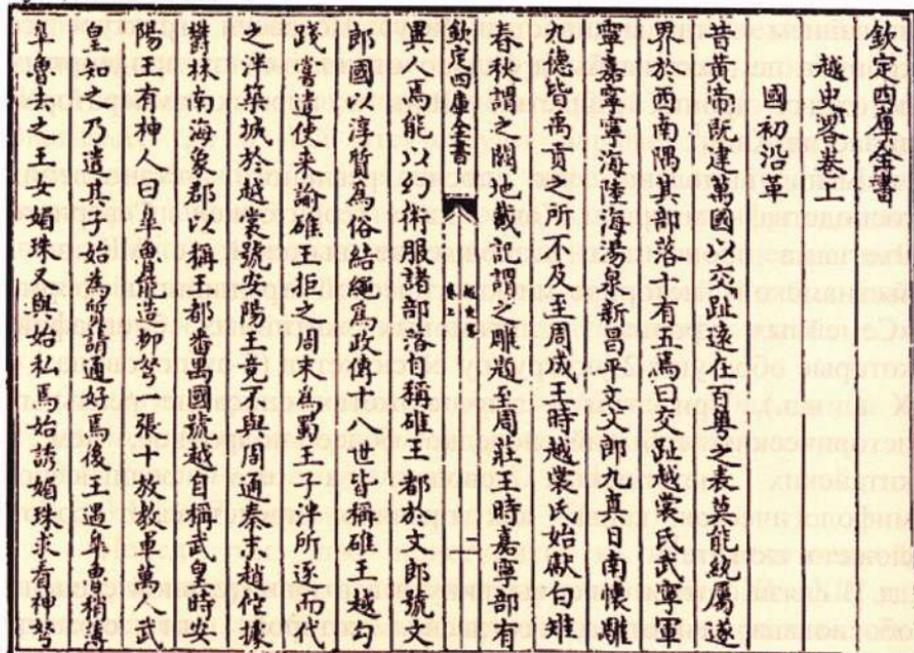
Такова была ситуация с вьетнамской исторической традицией на момент восшествия на престол первой общевьетнамской династии Ли, с императорами которой связан наиболее ранний из известных и сохранившихся на сегодняшний день летописных сводов «Краткое [изложение] истории [Великого] Вьета».

Этот летописный свод был переведён и опубликован на русском языке в 1978 г. под названием «Краткая история

¹ Смотри «Параграф 2» «Главы 1» «Части IV» «Тома I».

¹¹ Смотри «Параграф 2» «Главы 2» «Части IV» «Тома I».

[государства] Вьет» [472, с.132 – 277] и в 1980 г. под названием «Краткая история Вьета» [36, с.109 – 234]. Перевод названия этого источника как «Краткое [изложение] истории [Великого] Вьета» представляется несколько более точным, хотя оба вышеуказанных перевода тоже имеют право на существование¹².

Первый лист «Краткого [изложения] истории [Великого] Вьета».
Институт Истории ВАОН. Ханой, 21.04.2011 г.

Первая публикация этого летописного свода принадлежит И.Н.Машкиной, которая специализировалась на истории Китая, не знала вьетнамского языка и слабо ориентировалась в особенностях вьетнамской истории и культуры. Как следствие ни её исследование [472, с.3 – 131], ни её перевод не выдерживают критики. Поэтому для характеристики «Краткого [изложения]» за основу взято исследование А.Б.Полякова [36, с.9 – 108, 235 – 258].

Этим исследованием было доказано, что летописный свод «Краткое [изложение] истории [Великого] Вьета» неоднороден по своей структуре. Он состоит из трёх книг¹³ и

списка девизов правлений династии Чан. Скорее всего его первые две книги были образованы произведением До Тхиена «Запись истории», который был придворным историографом династии Ли. Указанные две книги «Краткого [изложения]» охватывают период вьетнамской истории с легендарных времён по 1127 г. А источники, в которых упоминается «Запись истории» До Тхиена, датируют её именно этим годом. Если это так, то дошедшее до нашего времени в составе «Краткого [изложения]» произведение До Тхиена является наиболее ранним из всех сохранившихся вьетнамских письменных исторических источников.

Согласно обоснованной гипотезе А.Б.Полякова, третья книга «Краткого [изложения]» была написана придворным историографом династии Чан в 1233 г. Этот историограф, которого звали Чан Тю Фо, отредактировал свод До Тхиена, расширил его хронологические рамки своей, третьей книгой, завершающейся 1225 г., и изменил название свода на «Записи [о] Вьете». Наконец, между 1377 и 1388 гг. к летописному своду До Тхиена – Чан Тю Фо был присоединён список девизов правлений династии Чан, а его название было изменено на «Краткое [изложение] истории [Великого] Вьета». При этом не исключено, что в конце XIV в. этот свод подвергся ещё одной редакции¹. Таким образом, летописный свод До Тхиена – Чан Тю Фо охватывает период вьетнамской истории с легендарных времён по 1225 г.

От следующего известного вьетнамского летописного свода «Запись истории Великого Вьета» сохранились лишь фрагменты в составе летописного свода XV в., о котором речь пойдёт ниже. Однако о его структуре и авторах известно достаточно много. Как и предыдущий, этот свод неоднороден по своей структуре. Его первая часть, состоящая из тридцати книг, была написана ещё одним придворным историографом династии Чан по имени Ле Ван Хыу и датируется 1272 г. О части Ле Ван Хыу известно два ключевых момента её

¹ Смотри «Параграф 3.1.1» «Введения» в «Томе I», а также примечания к этому параграфу в «Комментарии» того же тома.

структуры. Во-первых, её хронологические рамки те же, что и у свода До Тхиена – Чан Тю Фо, но за одним исключением: летописный свод «Запись истории Великого Вьета» завершается 1224 г. и в нём не затрагиваются проблемы, связанные с 1225 г. Во-вторых, в этом своде впервые введено деление на «Внешние записи» и «Главные записи», временная граница между которыми обозначена 939 г.

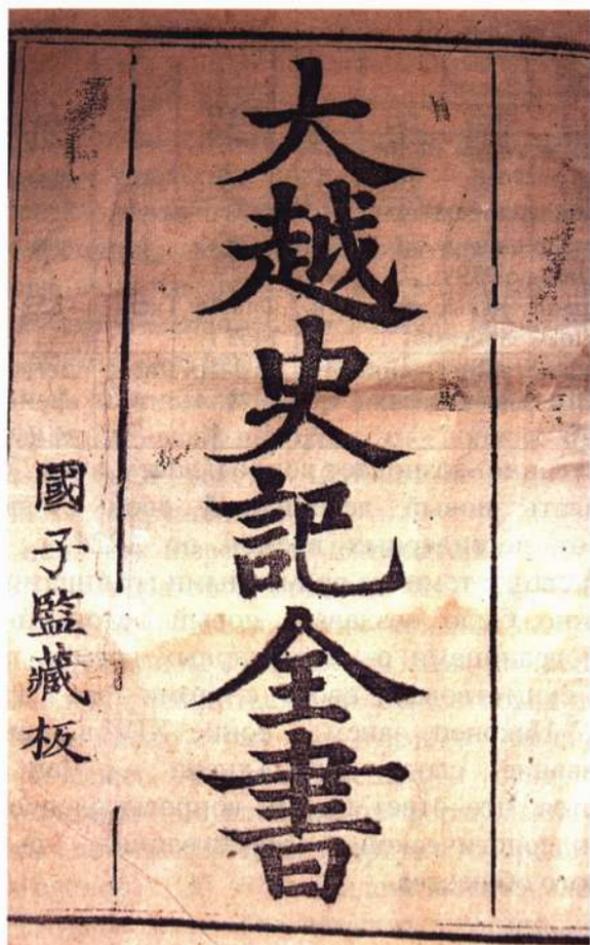
3.1.2. *Летописание эпохи Ле в XV в.*

В 1455 г. придворный историограф династии Ле по имени Фан Фу Тиен расширил временные рамки летописного свода Ле Ван Хыу «Дополнительными записями». Они состоят из десяти книг, которые охватывают период с 1225 по 1427 г.¹. Таким образом, летописный свод Ле Ван Хыу – Фан Фу Тиена охватывает период вьетнамской истории с легендарных времён по 1427 г.

Третьим в ряду официальных вьетнамских летописных сводов является «Запись истории Великого Вьета, полное описание», который, как и два предыдущих, далеко не однороден. Автором (руководителем работы по написанию) этого свода был очередной придворный историограф династии Ле по имени Нго Ши Лиен. Ему принадлежат «Книга Начальная», пять книг «Внешних записей» и «Главных записей», временная граница между которыми проходит по 939 г. Свод Нго Ши Лиена датируется 1479 г. и охватывает период вьетнамской истории с 2879 г. до н.э. (?) по 1428 г.

Вероятно, не имело бы никакого смысла повторять в данном разделе несколько модифицированные сведения о вьетнамских письменных источниках, которые уже приводились в «Томе I», если бы не два принципиальных для понимания особенностей летописания не только самого Вьетнама, но всего конфуцианского культурного ареала момента¹⁴.

¹ Смотри «Параграф 3.1.2» «Введения» в «Томе I», а также примечания к этому параграфу в «Комментарии» того же тома.

Титульный лист летописного свода
«Запись истории Великого Вьета, полное описание».
Институт Истории ВАОН. Ханой, 21.04.2011 г.

Прежде всего, на первый взгляд вызывает недоумение сопоставление данных нижеследующей таблицы:

№№	Название	Автор	Хронологические рамки
1.	Краткое [изложение] истории [Великого] Вьета Добавлен список девизов правлений династии Чан и изменено название	Неизвестно Между 1377 и 1388 гг.	Легендарные времена – 1225 г. Список девизов: 1225 – 1377 гг.

1.1.	Запись истории	До Тхиен 1127 г.	Легендарные времена – 1127 г.
1.2.	Записи [о] Вьете	Чан Тю Фо 1233 г.	Легендарные времена – 1225 г.
2.	Запись истории Великого Вьета		Легендарные времена – 1427 г.
2.1.	«Внешние записи» и «Главные записи» с границей по 939 г.	Ле Ван Хыу 1272 г.	Легендарные времена – 1224 г.
2.2.	«Дополнительные записи» к «Главным записям»	Фан Фу Тиен 1455 г.	1225 – 1427 гг.
3.	Запись истории Великого Вьета, полное описание	Нго Ши Лиен 1479 г.	Легендарные времена (2879 г. до н.э.) – 1428 г.

Естественно, возникает вопрос: зачем в 1272 г. нужно было создавать новый летописный свод с временными границами от легендарных времён по 1224 г., если уже существовал свод с теми же временными границами, и зачем в 1479 г. нужно было создавать новый летописный свод с временными границами от легендарных времён по 1428 г., если уже существовал свод с теми же временными границами¹⁵? Наконец, зачем в конце XIV в. понадобилось менять название свода До Тхиена – Чан Тю Фо? Представляется, что ответ на эти вопросы следует искать в религиозно-идеологической организации вьетнамского средневекового общества.

3.2. Летописание: от буддизма к неоконфуцианству

В предыдущем параграфе было достаточно детально показано, по каким причинам ни раннее конфуцианство, ни конфуцианство ханьского толка или конфуцианство в трактовке Дун Чжуншу не были восприняты вьетнамским обществом, в духовной жизни которого со второй половины VI в. безраздельно господствовал буддизм школы Созерцания.

В то же время «Эпоха северной зависимости» оказала значительное влияние на специфику вьетнамского летописания. Так, его ранняя форма эпохи царства Намвьет¹,

¹ Конец III – II в. до н.э.

представленная «Анналами династии Чиеу» (название условное), в которые вошли основные сюжеты первой группы древней национальной историко-мифологической традиции в форме вьетской концепции Поднебесной, прекратила своё существование. Однако не позднее II – начала III в. ей на смену пришли сюжеты второй группы этой традиции, которые поначалу сохранялись в «Семейных записях» культа предков, а затем в несколько изменённом виде в буддийских храмовых житиях. Как уже отмечалось в «Томе I», надо полагать, что именно с этими житиями следует связывать появление специфической вьетнамской иероглифической письменности «ном», которая, по всей вероятности, должна была сделать написанные на ней тексты непонятными для имперских наместников и их окружения¹.

Наконец, как известно, императоры династии Ли и большая часть императоров династии Чан в XI – XIV вв. были буддистами¹⁶. И хотя вьетнамских придворных хроник того времени не сохранилось, сама организация империи Дайвьет в XI в. не позволяет усомниться в их существовании. При этом, надо полагать, что уже с самого начала древняя историографическая традиция великого северного соседа оказывала определённое влияние на форму возрождавшегося вьетнамского летописания, в первую очередь на форму летописных сводов¹⁷. Об этом свидетельствует само название первого из известных вьетнамских летописных сводов, написанного после 1127 г., «Записи истории» До Тхиена, которое повторяет название «Исторических записок» Сыма Цяня¹¹. Однако при этом следует отметить, что, во-первых, произведение великого ханьского историографа не является официальным династийным произведением и, во-вторых, упомянутое совпадение названий является единственным свидетельством влияния Сыма Цяня на становление вьетнамского летописания в XII в. Наконец, свод До Тхиена занимает промежуточное положение между летописным

¹ Смотри «Параграф 2.2.» «Главы 2» «Части IV» «Тома I».

¹¹ Смотри «Том I». «Примечание 13» в «Комментарии» к «Введению».

сводом и погодной хроникой. Его «Книга I» «События, [происходившие] в первый период существования государства», является сводом всей предыдущей вьетнамской истории, текст которого крайне лапидарен и который практически не содержит сюжетов первой группы национальной историко-мифологической традиции. При этом складывается впечатление, что данные этой книги взяты из имперских источников II в. до н.э. – IX в. н.э. В то же время «Книга II» произведения До Тхиена «Анналы [династии] Нгуен» больше похожа на отредактированную погодную хронику, а не на летописный свод. Последнее вполне естественно, так как в ней описываются деяния императоров правившей в то время династии Ли по 1127 г.¹⁸.

Свидетельством же начала незначительного влияния официального китайского летописания на вьетнамское является летописный свод династии Чан, написанный после 1234 г. Чан Тю Фо. Здесь уже можно отметить два момента такого влияния. Во-первых, редакция и включение в его состав летописного свода описания деяний предыдущей династии вплоть до 1225 г. и, во-вторых, изменение названия на «Записи [о] Вьете», структура которого характерна названия официальных имперских сочинений эпохи Троецарствия [257.3 – 257.7]. Однако и Чан Тю Фо не включил в состав своего летописного свода сюжеты первой группы древней вьетской историко-мифологической традиции.

Наконец, третьим вьетнамским летописным сводом, также написанным в правление династии Чан, является «Запись истории Великого Вьета», сведения о котором сохранились в составе летописного свода XV в. Судя по этим сведениям, в нём описывались события национальной истории с легендарных времён по 1224 г.¹. Этот летописный свод был создан придворным историографом по имени Ле Ван Хыу в 1272 г., при этом есть все основания полагать, что в него также не вошли сюжеты первой группы древней историко-мифологической традиции. Сама же структура этого

¹ Смотри «Примечание 13» в «Комментарии» к настоящему параграфу.

летописного свода свидетельствует о дальнейшем росте китайского влияния на официальное вьетнамское летописание. Во-первых, это возврат к названию «Запись истории», восходящему к названию великого произведения Сыма Цяня. Во-вторых, это деление текста летописного свода на «Внешние записи» и «Главные записи» по 939 г. Иными словами, сомнительные исторические события, сведения о которых брались в основном из имперских источников, были выделены во «Внешние записи», которые завершались описанием разгрома Нго Кюеном армии Южной Хань на реке Батьданг, тогда как события, связанные с окончательным восстановлением независимости, а также правлением династий Динь, Ле и Ли, образовывали «Главные записи». Интересно отметить, что введение в оборот понятия «Главные записи» также принадлежит Сыма Цяню, который, правда, вкладывал в него несколько иное смысловое значение¹⁹.

Спустя два века в 1455 г. Фан Фу Тиен, историограф взошедшей на престол в 1428 г. новой династии Ле, расширил «Запись истории Великого Вьета» своими «Дополнительными записями», которые охватывали период вьетнамской истории с 1225 по 1427 г. или, иными словами, описанием событий, произошедших с даты завершения свода Ле Ван Хыу и до воцарения новой династии. Как и вся «Запись истории Великого Вьета», раздел Фан Фу Тиена не дошёл до наших дней, но, судя по последующему развитию вьетнамской историографии, его редакторская правка не внесла ничего нового в разделы Ле Ван Хыу. Принципиальные же изменения в официальном вьетнамском летописании произошли лишь спустя ещё четверть века.

В 1479 г. появился летописный свод «Запись истории Великого Вьета, полное описание», написанный под руководством придворного историографа Нго Ши Лиена. По своей структуре он ничем не отличался от летописного свода Ле Ван Хыу – Фан Фу Тиена, при этом в обоих сводах практически совпадали и даты последних описанных в них

событий: 1427 г. и 1428 г. соответственно¹. Интересно, что взяв за образец труд Сыма Цяня, Нго Ши Лиен также включил в текст своего произведения так называемые «высказывания историографа», в которых давалась личная оценка тому или иному событию²⁰. Однако главным и принципиальным новшеством этого летописного свода является то, что в него впервые в полном объёме были включены практически все сюжеты первой и второй групп национальной историко-мифологической традиции. В результате верхней границей «Внешних записей» стал 2879 г. до н.э., при этом резко возрос объём как их разделов с описанием событий до рубежа III – II вв. до н.э., так и разделов, в которых излагаются события «Эпохи северной зависимости».

Интересно, что за полтора века до летописного свода Нго Ши Лиена в 1329 г. вьетнамские историко-мифологические сюжеты второй и третьей групп, охватывающие события I – X и XI – XIII вв. соответственно, были объединены неким Ли Те Сюеном в сборнике светской литературы под названием «Собрание тайнств [и] чудес земли Вьет» [196; 242]. При этом в начале XIV в. ещё один вьетнамский автор Чан Тхе Фап объединил историко-мифологические сюжеты первой группы, охватывающие события с 2879 по 207 гг. до н.э., в сборнике светской литературы под названием «Удивительные сказания [о] Линьнаме» [245]. А в XV в. этот сборник был отредактирован современником Нго Ши Лиена историографом Ву Куинем²¹.

Таким образом, включение Нго Ши Лиеном отредактированных историко-мифологических сюжетов в официальный летописный свод династии Ле сопровождалось трансформацией их оригинальных вариантов в новеллы светской литературы²². Это «совпадение», которое ни в коем случае не может быть случайным, является ключом к реконструкции основных этапов становления официального вьетнамского летописания в XI – XV вв., наиболее вероятный вариант которой можно представить следующим образом.

¹ Смотри «Примечание 22» в «Комментарии» к настоящему параграфу.

В XII – XIII вв. в условиях абсолютного господства буддизма как в официальной идеологии, так и в духовной жизни вьетнамского общества придворный историограф До Тхиен создал после 1127 г. летописный свод – погодную хронику династии Ли «Запись истории», а после 1234 г. придворный историограф Чан Тю Фо отредактировал этот свод, расширил его границы и изменил его название на «Записи [о] Вьете». В итоге, в летописный свод До Тхиена – Чан Тю Фо вошли основные события национальной истории с легендарных времён по 1225 г.

Ни о каком значительном влиянии китайской историографической традиции в данном случае говорить не приходится, так как оно прослеживается лишь в двух моментах: в названии и в том, что этот свод завершается описанием свершений династии, которая непосредственно предшествовала правящей династии Чан.

Однако к концу XIII в. императоры династии Чан уже приняли многие, пока ещё чисто внешние неоконфуцианские формы организации своего двора. Видимо, поэтому в 1272 г. придворный историограф Ле Ван Хыу переработал летописный свод До Тхиена – Чан Тю Фо. Однако эта переработка не имела отношения к содержанию «Записей [о] Вьете». Она касалась лишь внешней формы подачи исторического материала, а именно – деления текста на «Внешние записи» и «Главные записи», введения в оборот авторских оценок, изменения названия на «Запись истории Великого Вьета» и, возможно, ещё каких-то нюансов.

Таким образом, представляется возможным говорить о *едином летописном своде династии Чан*, который был создан придворными историографами До Тхиеном, Чан Тю Фо и Ле Ван Хыу и существовал в двух редакциях: буддийской (До Тхиен – Чан Тю Фо) и ранней неоконфуцианской (Ле Ван Хыу). Ничего не изменилось и с появлением в 1455 г. «Дополнительных записей» Фан Фу Тиена, так как понятие таких «записей» вполне вписывается в рамки раннего неоконфуцианства, а расширение их временных границ до

1427 г. включительно лишь превратило летописный свод династии Чан в летописный свод династии Ле.

越甸幽靈集跋。
世傳越甸幽靈久矣。然皆舛誤難讀。適古本有英字
減畫。始信在皇越朝。中興前跡也。因爲抄錄。則
與昨者異。但讀編多缺。聊以存古。而別本無之。
更增後錄。間已校殊訂正。有可疑者圈以識之。又
添補遺以備參考。嗚呼難聚易散。自古興嗟。况我
國印刷者少。無怪其然。適尋而偶獲。不其幸耶。
爰弁其端。示諸同志。庶得旁搜而補綴。廣採以摘
玄。則斯文之興運。未必無小補云。
皇朝永盛八年。季秋節。穀旦。
賜庚辰科進士及第。翰林院檢討。兼鈍甫領首題于
進修書軒。

Первая страница сборника Ли Те Сюэна
«Собрание таинств [и] чудес земли Вьет».
Институт Истории ВАОН. Ханой, 21.04.2011 г.

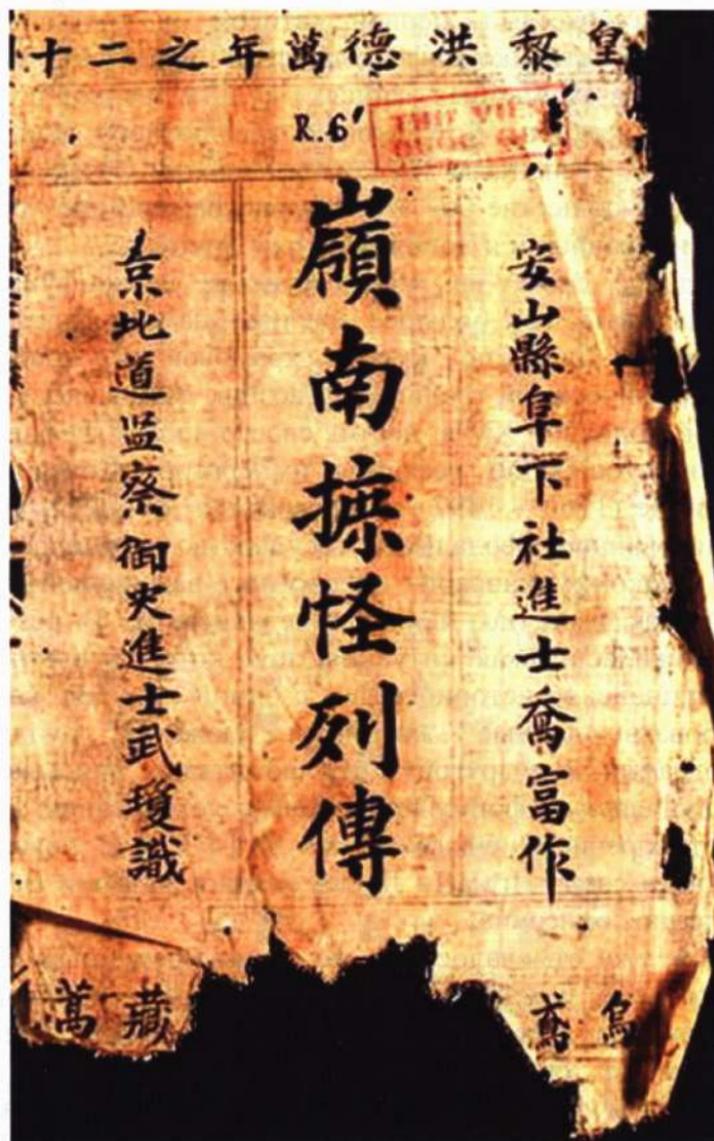
В XI – первой половине XV в. в средневековом Вьетнаме сосуществовали две историографические традиции, каждая из которых имела «свою» область приложения. О более поздней придворной историографии уже было сказано достаточно много, к чему можно лишь добавить, что она оперировала лишь абсолютно достоверными с точки зрения

историографов фактами, а потому вплоть до описания событий до XI в. была достаточно лапидарной. Вторая, древняя, была образована сюжетами первой, второй и третьей групп вьетнамской историко-мифологической традиции, которые сохранились в «Семейных записях» культа предков и житиях буддийских храмов. В условиях абсолютного или почти абсолютного господства буддизма школы Созерцания во вьетнамском обществе обе эти историографические традиции были равноправными и дополняли друг друга.

Однако с XIV в., когда сунское неоконфуцианство стало оказывать всё большее влияние на государственную организацию Дайвьета, между храмовой и придворной историографическими традициями возник диссонанс, который во второй половине XV в. достиг своего апогея. Реформы Хо Кюи Ли и особенно реформы императора Совершенного династии Ле (1460 – 1497 гг.) превратили Дайвьет в мощное централизованное феодальное государство, строившееся на основе неоконфуцианской идеологии, важнейшей частью которой, как известно, является летописание. В результате этого сложилась такая ситуация, при которой вьетнамские неоконфуцианские историографы, с одной стороны, не могли игнорировать данные житийных сюжетов буддийской историографии, а с другой – эти сюжеты не вписывались в неоконфуцианскую форму придворного летописания. Именно это противоречие и было «снято» в 1479 г. с появлением летописного свода Нго Ши Лиена «Запись истории Великого Вьета, полное описание».

Как уже отмечалось, ни по своим временным рамкам, ни по границе между «Внешними записями» и «Главными записями», ни чем-либо иным свод Нго Ши Лиена не отличается от свода Ле Ван Хыу – Фан Фу Тиена. Единственным и принципиальным их различием является включение в полном объёме в свод Нго Ши Лиена всех основных сюжетов первой, второй и третьей групп вьетнамской историко-мифологической традиции, при этом

сюжеты её первой группы были оформлены в собственную вьетнамскую концепцию Поднебесной¹.

Титульный лист сборника Чан Тхе Фапа
«Удивительные сказания [о] Линьнаме».
Институт Истории ВАОН. Ханой, 21.04.2011 г.

¹ Смотри «Параграф 3» «Главы 1» «Части IV» «Тома I».

Таким образом, оформление вьетнамского придворного неоконфуцианского летописания на протяжении XIV – XV вв. привело к нижеследующим изменениям принципиального характера в структуре вьетнамской литературы той эпохи:

1. Житийные сюжеты всех трёх групп вьетнамской историко-мифологической традиции потеряли своё «историческое» значение. Безусловно, они сохранялись в прежнем виде в том или ином поминальном храме, но по сути они стали основой для новелл светской литературы, которые были собраны Ли Тс Сюеном в «Собрании таинств [и] чудес земли Вьет» (1329 г.) [196; 242] и Чан Тхе Фапом в «Удивительных сказаниях [о] Лишьнаме» (начало XIV в.) [245].
2. Отредактированный неоконфуцианский летописный свод династии Ле (свод Ле Ван Хыу – Фан Фу Тиена) вошёл в состав также неоконфуцианского летописного свода той же династии Ле (1479 г.).
3. Наконец, официальный буддийский летописный свод династии Чан (свод До Тхиена – Чан Тю Фо) в отсутствие храмовой житийной историографии стал восприниматься как неполное, или «краткое», историческое сочинение. Как следствие он был дополнен списком девизов правлений императоров династии Чан, а его название было в очередной раз изменено на «Краткое [изложение] истории [Великого] Вьета». Согласно общепринятой точке зрения это произошло между 1377 и 1388 гг. В отношении списка девизов правлений династии Чан эта датировка не вызывает возражений. Что же касается изменения названия летописного свода До Тхиена – Чан Тю Фо, то, как об этом свидетельствует совершенно очевидная антитеза «Краткое [изложение]» – «Полное описание», это не могло произойти ранее появления летописного свода Нго Ши Лиена в 1479 г.¹

В заключение общей характеристики особенностей становления официального вьетнамского неоконфуцианского

¹ Смотри разделы 3.3.1 – 3.1.7 «Параграфа 3.1» «Введения» «Тома I».

придворного летописания XI – XV вв. следует подчеркнуть следующие моменты.

Во-первых, его оформление произошло в ходе реформ Хо Кюи Ли и императора Совершенного рода династии Ле в конце XIV – начале XV в. Поэтому причины, приведшие к слиянию двух буддийских историографических традиций в одну неоконфуцианскую, нельзя понять в отрыве от единого процесса смены государственной идеологии в средневековом Вьетнаме.

Во-вторых, наиболее ранним памятником окончательно оформленной неоконфуцианской историографии во Вьетнаме следует считать летописный свод Нго Ши Лиена – Фан Фу Тиена «Запись истории Великого Вьета, полное описание».

В-третьих, взяв за образец структурные формы классического китайского летописания от Сыма Цяня до Сыма Гуана, вьетнамские историографы XIV – XV вв. наполнили их собственным содержанием, о чём лучше всего свидетельствует включённая в их произведения национальная концепция Поднебесной, в которой подчёркивается равная древность происхождения Южного и Северного государств¹.

Дальнейшее развитие вьетнамской историографической традиции, воплотившееся в летописном своде XIX в., лишь подтвердило, как это показано в следующем томе, вышеуказанную тенденцию.

¹ То есть Вьетнама и Китая. Смотри «Параграф 3» «Главы 1» «Части IV» «Томе I» и «Таблицу №1» в «Томе VI».

Глава 3.

Образование и формирование системы конкурсных испытаний в Дайвьете XI – XVI вв.

1. *Образование и система конкурсных экзаменов на должность чиновника в Дайвьете XI – XIV вв. до начала реформ Хо Кюу Ли*

1.1. *К вопросу об образовании во Вьетнаме до начала XI в.*

Когда говорят о системе образования в странах конфуцианского культурного ареала, то, как правило, подразумевают под ней систему конкурсных испытаний, которая на самом деле таковой не являлась ни в одной из стран этого ареала. Если же говорить о системе конкурсных испытаний во Вьетнаме, то её формирование началось не ранее XIII в., а завершилось оно во второй половине XV в.

В «Томе I» проблема образования затрагивалась лишь опосредованно, так как в эпоху древности и раннего средневековья её практически не существовало. По всей вероятности, можно говорить о том, что какие-то его формы появились на территории Северного Вьетнама в конце IV – начале II в. до н.э. Скорее всего, это были «классы» в тех или иных общинных домах, в которых оседавшие в общинах странствующие учителя преподавали зачатки иероглифики, а также гуманитарных и естественных наук детям местной элиты. Безусловно, в южнокитайской части царства Намвьет – Аулак, прежде всего – в его столице г.Фиенгунге (Паньюе), образование было более глубоким, так как оно строилось по образцам Цинь и Хань. Надо полагать, что уже в то время некоторые представители лаквьетской элиты могли получать образование в империи. Об этом свидетельствует сообщение, что некий Ли Онг Чаунг из уезда Тылием области Зяоти «уехал в Срединное государство, изучал исторические книги, [поступил] на службу к [династии] Цинь» [239.6, с.273]¹. Однако об относительно систематическом образовании можно говорить лишь с началом активного проникновения ханьской культуры в Северный Вьетнам в I в. н.э. Так, в источниках сообщается о том, что «распространение процветающих

обычаев в [землях] Линьнама началось» с правления префектов Жэнь Яня и Си Гуана во второй половине двадцатых годов I в.¹ Также известно, что в «Эпоху северной зависимости» многие представители вьетской, а затем вьетнамской элиты не только получали превосходное конфуцианское образование, но и успешно выдерживали конкурсные испытания в империи даже на уровне столичных экзаменов². Однако эти добившиеся успеха на конкурсных испытаниях в империи вьеты, или вьетнамцы, представляли собой лишь мизерную часть даже элиты вьетско/вьетнамского общества I – X вв. И хотя в источниках не содержится никаких сведений об образовании во Вьетнаме «Эпохи северной зависимости», есть все основания полагать, что в то время основными распространителями знаний были буддийские наставники общин, которые группировались вокруг пагод и монастырей¹¹.

1.2. XI – первая половина XIII в.

На всём протяжении правления династии Ли и в начальный период правления династии Чан в Дайвьете продолжало доминировать вышеуказанное буддийское образование, о котором сказать что-то ещё не представляется возможным. В то же время именно к той эпохе относятся первые упоминания в источниках о начале формирования государственной системы образования. Так, под 1074 г. впервые упоминается об экзаменационных испытаниях трёх сроков³, которое успешно выдержали десять «блистательных знатоков конфуцианского учения», при этом лучший из них по имени Ле Ван Тхинь был оставлен при императорском дворе для продолжения учёбы [239.1, «Основные записи», кн.3, с.336]. Затем в 1077 г. был проведён конкурс на звание «чиновника-секретаря» по письму, математике, гражданскому и уголовному праву, а в 1086 г. экзамены сдавали образованные люди, которые были собраны «со всей страны».

¹ Смотри «Параграф 3» «Главы 4» «Части I» «Тома I».

¹¹ Смотри «Параграф 1» «Главы 2» и параграфы 4 – 7 «Главы 3» «Части IV» «Тома I».

Выдержавшие испытания были назначены на должности, а лучший из них Мак Хиен Тить был назначен исследователем в Академию [239.1, «Основные записи», кн.3, с.40а, 45б]. Однако упоминания о конкурсных испытаниях в то время носят крайне нерегулярный характер. Так, например, лишь спустя восемьдесят лет под 8-ым месяцем осени 1165 г. сообщается об экзаменах учеников. Ещё через двадцать лет в 1-ом месяце 1185 г., были отобраны достигшие пятнадцати лет ученики, у которых проверили знание «Книги Истории» и «Книги Песен». При этом сообщается, что испытания выдержали тридцать человек, которые были направлены на учёбу во дворец Классического продолжения [239.1, «Основные записи», кн.5, с.13а, 22б].

Не лучше обстоят дела и со сведениями по учебным заведениям. Так, под 4-ым месяцем 1076 г. сообщается об учреждении Государственной императорской академии, в которую были направлены на учёбу гражданские чиновники, знавшие литературу. Тогда же сообщается о том, что были отобраны люди, обладавшие литературными и военными талантами, которых назначили «управлять народом [и] командовать войсками» [239.1, «Основные записи», кн.3, с.37б, 38а]. Интересно, что связанный с ней дворец Классического продолжения был основан только в 1128 г., а отдельный храм Конфуция – ещё позже, в 1156 г., при этом уточняется, что прежде, в начале правления династии Ли, князю Чжоу⁴ и Конфуцию поклонялись в одном и том же храме [239.1, «Основные записи», кн.4, с.19б, 38а, кн.5, с.9а]. Однако есть все основания полагать, что на самом деле речь идёт о реальном учреждении Государственной императорской академии, которая в таком случае была создана не в 1076 г., а значительно позднее⁵. Более того, можно предположить, что в действительности она была создана лишь в 1253 г. Так, известно, что в шестом месяце того года было завершено строительство *государственной школы*¹. После этого по указу

¹ Под государственной в конфуцианской традиции понималась гражданская школа.

императора Великого рода династии Чан в ней установили статуи князя Чжоу, Конфуция, Мэн-цзы и семидесяти двух совершенномудрых для поклонения.

Вход в Литературный храм (Государственную императорскую академию).
Ханой. 25.03.2011 г.

Кроме того, в источнике сообщается, что в 8-ом месяце была учреждена *военная школа*, а в 9-ом месяце в *государственную школу* были набраны ученики со всей страны для толкования смысла «Книги Истории» и «Книги Песен» [239.1, «Основные записи», кн.6, с.35б, 36а].

Таким образом, в образовании, как и во всей жизни Дайвьета эпохи Ли продолжал доминировать буддизм. Об этом свидетельствуют не только масштабное строительство буддийских храмов и массовое обращение общинников в монахи, о которых говорилось в предыдущем томе¹. Так, под 1195 г. сообщается о том, что впервые были проведены конкурсные испытания по Трёх Учениям⁶, лауреаты которых получили звание «Выпускник» с последующим назначением

¹ Смотри «Параграф 5» «Главы 2» «Части III», «Параграф 6», «Параграф 7» «Главы 3» «Части IV» «Тома I», а также предыдущую главу настоящего тома и «Параграф 2» данной главы.

на должность [239.1, «Основные записи», кн.5, с.26а]¹. Лишь по мере укрепления императорской власти в эпоху Чан и постепенного превращения империи Дайвьет в развитое централизованное феодальное государство буддизм начал постепенно сдавать свои позиции и в образовании, являвшемся важной составной частью официальной государственной идеологии.

1.3. *Вторая половина XIII – XIV вв.*

1.3.1. *Школы и ученики*

Ранее уже говорилось о том, что основными школами, в которых дети получали образование, были школы в общинных домах, где преподавали странствующие учителя-конфуцианцы, и школы при буддийских монастырях и пагодах. Значимость той или иной буддийской школы определялась прежде всего личностью её наставника, также местонахождением пагоды или монастыря, которые могли находиться в провинциальном центре или даже в столице. В то же время, надо полагать, что и в провинциях, и в столице наряду с буддийскими школами во второй половине XIII в. уже существовали школы конфуцианской направленности. О провинциальных школах свидетельствует сообщение, согласно которому в 1281 г. в малой провинции Тхиенчюнг была открыта школа. В связи с этим интересно отметить «не конфуцианский» запрет жителям села Тхиентхуок этой провинции, которым и прежде запрещалось изучать литературу, посещать занятия в провинциальной школе на том основании, что из них формировалась одна из частей знаменитой гвардии [239.1, «Основные записи», кн.7, с.236]. Существование же столичных школ высшего уровня в начальный период правления династии Чан подтверждается, в свою очередь, вышеприведёнными сообщениями о государственной и военной школах.

Надо полагать, что наряду с этими государственными школами существовал и институт частных школ. Известно, что

¹ Смотри «Примечание 9» в «Комментарии» к настоящей главе.

в 1267 г. второй сын императора Великого рода династии Чан по имени Ить Так был очень образованным человеком. Он открыл при своём дворе школу, в которую собрал около двадцати «литераторов со [всех] четырёх сторон [страны]», для того чтобы они передавали другим свои знания. При этом Ить Так сам кормил и одевал этих наставников. За это император Совершенный рода династии Чан пожаловал своему младшему брату титул король Государственного блистания [239.1, «Основные записи», кн.7, с.96]. Надо полагать, что школа Ить Така не была единственной частной школой в Дайвьете, так как брат императора вряд ли мог быть основателем первой такой школы в стране. Однако нет никакого сомнения в том, что его школа должна была быть одной из самых престижных школ страны.

1.3.2. Столичные и провинциальные экзаменационные испытания

Хотя о первых экзаменационных конкурсах и упоминается в правление династии Ли, ни их содержание и периодичность проведения, ни звания лауреатов этих конкурсов в то время ещё не были никак регламентированы. О первом же столичном конкурсе при династии Чан сообщается уже под 1232 г. В том году был проведён конкурс «Учеников “Великого [Учения]”⁷», на котором впервые лауреаты были разделены на три категории. После этого под 8-ым месяцем 1276 г. сообщается о том, что ученики-конфуцианцы сдавали экзамены на право обучаться «следовать императору», а под 10-ым месяцем того же года говорится о назначении некоего Фам Ынг Тхана министром с совмещением должности составителя тем в Государственной императорской академии для обучения детей гражданских чиновников [239.1, «Основные записи», кн.6, с. 12а, 16а]. Но в то время какой-либо реальной регламентации конкурса ещё не существовало.

В 1246 г. было установлено, что экзаменационные конкурсы «Великого следования [императору]»⁸ проводятся с периодичностью в семь лет, а в 1247 г. состоялся очередной экзаменационный конкурс, на котором впервые было введено

деление лауреатов на «Трёх Первейших» и остальных. Первый лауреат того конкурса «Учеников “Великого [Учения]”» получил звание «Первейший [из] первых», второй – «Образец эрудиции», третий – «Пример подражания».

Переход из первого во второй двор Литературного храма.
Ханой. 25.03.2011 г.

Кроме того, ещё сорок восемь человек, выдержавших его испытания, получили звание «Выпускник» [239.1, «Основные записи», кн.6, с.29б, 30а]⁹. Затем на конкурсных испытаниях 1256 г. было введено положение о двух первых лауреатах. Тот, кто становился первым лауреатом конкурса, проводившегося в Тханьхоа или южнее, именовался «Первейший [из] первых походного [дворца]», а первый лауреат конкурса, проводившегося севернее этой провинции, именовался «Первейший [из] первых столичного [дворца]». Однако уже в 1275 г. это деление было отменено [239.1, «Основные записи», кн.6, с.38б, 39а, кн.7, с.16а]¹⁰. При описании конкурса 1304 г. наконец-то даётся содержание его экзаменов, которые состояли из четырёх этапов. На первом по результатам комментария избранных текстов отсеивались наиболее слабые из конкурсантов, на втором этапе проверялось знание классических текстов и поэзии, на третьем

этапе ученики должны были составить различного рода указы и прошения, наконец, на четвёртом этапе конкурсанты писали литературное сочинение. Тогда же впервые упоминается и звание четвёртого лауреата – «Отмеченный императором», который возглавлял список «Выпускников» [239.1, «Основные записи», кн.8, с.416 – 426].

Наконец, в 1374 г. столичный экзаменационный конкурс получил своё первоначальное оформление. В источнике отмечается, что если прежде экзаменационные конкурсы «Учеников “Великого [Учения]”», на которых отбиралось до тридцати человек, проводились один раз в семь лет, при этом правила оценки первых лауреатов не были установлены, то с этого года они стали называться «Конкурс [на звание] “Продвинутый муж”». Всего же этот конкурс сдали пятьдесят человек, каждый из которых в соответствии с занятым им местом получил кормление, одеяния и должность [239.1, «Основные записи», кн.10, с.35а, 356]¹¹.

Таким образом, во второй половине XIV в. была частично структурирована по образцу конкурсов сунской империи XI – XII вв. система столичных экзаменационных испытаний Дайвьета¹. Однако всё, о чём было сказано выше, относится к уровню столичного конкурса. Что же касается провинциального уровня системы конкурсных экзаменов, то о ней в источниках не содержится никаких сведений. Правда, исходя из сообщений о школах и учениках, а также из структуры испытаний столичного уровня следует, что какие-то испытания начали проводиться на провинциальном уровне не позднее 1246 г.

1.3.3. Специальные конкурсы

Помимо складывавшейся конфуцианской системы конкурсных экзаменов в Дайвьете существовали и так называемые специальные конкурсы, которые играли вспомогательную роль. В эпоху Ли о таких конкурсах упоминается лишь дважды в связи с испытаниями на звание

¹ Смотри «Примечание 9» в «Комментарии» к настоящей главе.

«чиновника-секретаря» в 1077 г. и конкурсом «Трёх Учений» в 1195 г., о которых речь шла выше. Не исключено, что их могло быть ещё с десятков, но они по той или иной причине не привлекли внимания историографов.

Первое же упоминание о специальном конкурсе в эпоху Чан относится к 1228 г. Это снова был конкурс на должность чиновника, на котором испытуемые писали доклад под названием «Сводный реестр», а его лауреаты были назначены на мелкие должности в различные службы императорского дворца и государственных учреждения [239.1, «Основные записи», кн.6, с.6а]¹². Под 1247 г. сообщается о проведении конкурса Трёх Учений, при этом впервые сообщается о том, что его лауреаты были разделены на лауреата первого уровня и лауреата второго уровня для того, чтобы «отличить сдавшего лучше [от] сдавшего хуже» [239.1, «Основные записи», кн.6, с.30а, 30б]. Затем под 1261 г. сообщается об испытаниях на должность «чиновника-секретаря», на которых сдавались экзамены по письму и праву. Добившиеся успеха были назначены младшими секретарями во Внутренний приказ исторических [документов]. Одновременно с этим конкурсом прошёл отбор людей, обладающих специальными знаниями, в Учреждения Великого лечения и Великого моления [239.1, «Основные записи», кн.7, с.16].

В 1295 г. впервые состоялся конкурс для детей гражданских чиновников. На этот конкурс были допущены дети чиновников категорий «шапок [с плоским квадратным верхом и лентами]», «шапок [с перьями]» и ниже. Добившиеся успеха были направлены в дом «Изучения сути [вещей]» [239.1, «Основные записи», кн.8, с.24а, 24б]¹³.

В 1363 г. снова состоялся конкурс «чиновников-секретарей», по результатам которого те, кто хорошо писал и считал, были назначены в различные службы и дворцы. Одновременно с этим прошёл специальный конкурс «учеников-конфуцианцев» на знание литературы. Его лауреаты также были назначены чиновниками в учреждения и министерства [239.1, «Основные записи», кн.10, с.17б]. Ещё один конкурс «чиновников-секретарей» прошёл в 1373 г.

Второй двор Литературного храма с водоёмами.
Ханой. 25.03.2011 г.

Его победители получили должность «младший секретарь» и были назначены во Внутренний приказ исторических [документов] [239.1, «Основные записи», кн.10, с.35а].

Из вышеизложенных фактов следует, что в эпоху Ли – Чан специальные конкурсы служили для пополнения мелкого, возможно, и низшего уровня чиновничества в различных государственных учреждениях. Судя по всему, это были писари, счетоводы, секретари, хранители, помощники лекарей и персонал, помогавший в проведении различных церемоний. Надо полагать, что специальные конкурсы не были связаны с нарождавшейся конфуцианской системой конкурсных экзаменов и никак не были регламентированы, а проводились они по мере возникновения надобности в подобного рода мелком чиновничестве.

В эпоху Ли и начальный период эпохи Чан, когда буддизм доминировал в качестве государственной идеологии, а высшие чиновники назначались императором на должности без каких-либо конкурсных испытаний, такое положение вещей не вызывало проблем. Однако по мере усиления централизации государственной власти ситуация изменялась. Наиболее успешным образцом такой централизации во всём конфуцианском культурном ареале XI – XIV вв. была китайская империя, в которой, несмотря на смену династий, продолжало господствовать сунское неконфуцианство в трактовке Чжу Си¹. Наконец, также не следует забывать и о значительной близости некоторых ключевых принципов буддизма школы Созерцания и чжусианства². Всё это способствовало восприятию в Дайвьете имперской структуры государственной организации, строившейся на принципах сунского неконфуцианства, ключевым элементом которой являлась целостная система образования и формирования кадров для государственных служб всех уровней.

¹ Сун (1009 – 1079 гг.), Юань (1280 – 1367 гг.), Мин (1368 – 1644 гг.).

² См. «Параграф 2.4» предыдущей главы настоящего тома.

2. Реформа системы образования и конкурсных испытаний при Хо Кюи Ли и императоре Совершенном рода династии Ле в конце XIV – XV в.

2.1. Реформы Хо Кюи Ли (1370 – 1406 гг.)

Выше уже говорилось о том, что император Искусный рода династии Чан формально правил всего с 1370 по 1372 г. Но и удалившись на покой, этот император продолжал держать всю власть в своих руках. На самом же деле всю политическую власть в Дайвьете последних лет правления династии Чан контролировал могущественный первый министр этой династии Хо Кюи Ли. Именно он, будучи выразителем созревших в недрах вьетнамского общества потребностей, взял на себя крайне неблагодарную задачу его всестороннего реформирования. Как известно, в итоге Хо Кюи Ли отстранил от власти последнего императора династии Чан и основал собственную династию, которая находилась у власти всего восемь лет¹. Поэтому не только эти восемь лет, но и последний период правления династии Чан как минимум с конца 70-ых годов XIV в. следует связывать с именем этого реформатора¹⁴.

Были ли связаны непосредственно с реформами Хо Кюи Ли указанные выше в «Параграфе 3.3.2» изменения, внесённые в структуру столичного конкурса в 1374 г., трудно сказать, но нет никакого сомнения в том, что мероприятия 1396 г. являются результатом его деятельности. В том году или, согласно традиции, в год «Красного Пса», в 4-ом месяце 9-го года правления под девизом «Славная гармония» императора Благонамеренного рода династии Чан было установлено, что конкурсные испытания не только проводятся один раз в семь лет, но и становятся многолетними. Было установлено, что в первый год цикла проводится провинциальный конкурс, а во второй год – столичный, или общий, конкурс. Лауреаты столичного конкурса писали диссертацию в императорском дворце, по результатам которой они делились на категории. Провинциальный и столичный конкурсы состояли из

¹ Смотри «Главу 2» «Части I» настоящего тома и «Таблицу №2» «Тома VI».

одинаковых экзаменов по различным жанрам литературы, проводившихся в четыре этапа или срока. При этом диктант был отменён, а вместо него писалась диссертация, тема которой заранее сообщалась чиновникам провинциальных школ и Государственной императорской академии в столице. Из текста источника не совсем понятно, писалась ли дворцовая диссертация на третий год или в год проведения столичного конкурса, но, учитывая сложность и объём испытаний, есть все основания полагать, что дворцовый конкурс проходил на третий год. При этом известно, что он проходил под личным руководством императора [239.1, «Основные записи», кн.9, с.206, кн.11, с.246, 25a]¹⁵.

Таким образом, в 1396 г. в Дайвьете впервые была оформлена структура трёхгодичного конфуцианского конкурса семилетней цикличности. Но в то время он ещё не стал единственным и всеобъемлющим. Так, в 1-ом месяце того же 1396 г. были проведены испытания монахов по знанию учения Будды. Сдавшие экзамены получали звание «Руководитель общины буддистов [и] даосов»¹⁶ и назначались главами монастырей, пагод и скитов. Кроме того, их называли проповедниками или наставниками. В то же время не выдержавшие испытания монахи моложе пятидесяти лет насильственно возвращались в мир [239.1, «Основные записи», кн.9, с.206, кн.11, с.236]. Правда, это мероприятие можно рассматривать и как очередной удар по буддийско-даосской идеологии, имевший целью вернуть в общество молодых и дееспособных людей, которые под предлогом религиозных убеждений стремились уклониться от выполнения своих обязанностей. В таком случае с ним логично связан указ от 1397 г., которым, со ссылкой на пример китайских династий легендарной древности Ся, Шан и Чжоу, создавались учреждения чиновников-учителей в малых провинциях и округах больших округов Шоннам, Киньбак и Хайдонг, для того чтобы обучать людей литературе. В больших и малых провинциях и округах им давалось в кормление 5,4 га рисовых

полей, в средних – 4,3 га и в малых – 3,6 га¹. Указом также повелевалось ежегодно отправлять ко двору лучших учителей для того, чтобы император мог их лично наградить [239.1, «Основные записи» кн.11, с.29б, 30а].

Взойдя на престол в 1400 г., Хо Кюи Ли сразу же провёл столичный конкурс «Учеников “Великого [Учения]”», который выдержали всего двадцать человек. Учитывая дату проведения этого конкурса и малое число его лауреатов, надо полагать, что его целью был отбор кандидатов на высшие должности при дворе новой династии [239.1, «Основные записи» кн.11, с.37а]. Наконец, в 1404 г. был создан первый в истории страны регламент конкурсных испытаний, при этом к четырём срокам испытаний 1396 г. был добавлен пятый срок, который состоял из экзаменов по каллиграфии и математике. По новому регламенту в том же году был проведён провинциальный конкурс, лауреаты которого на следующий год сдавали экзамены в министерстве обрядов. Ещё через год лауреаты этого конкурса допускались до испытаний общего, или столичного, конкурса. Известно, что их было сто семьдесят человек, однако общий конкурс так и не состоялся из-за вторжения минской армии [239.1, «Основные записи» кн.12, с.4б, 5а]¹⁷.

2.2. Оформление низшего и среднего уровней системы образования и конкурсных экзаменов на должность чиновника во второй половине XV в.

Все начатые Хо Кюи Ли реформы, в том числе и в области образования, так и не были завершены из-за второй и последней в истории Вьетнама его оккупации Китаем, которая, как известно, продлилась двадцать лет и привела к огромным материальным потерям. Однако самое печальное то, что в империю Мин были вывезены практически все вьетнамские книги, хроники и летописные своды. Так, например, наиболее ранний из дошедших до наших дней летописных сводов «Краткое [изложение] истории [Великого] Вьета» известен по

¹ В тексте сказано: 15, 12 и 10 *мау*. Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

тексту, напечатанному губернатором провинции Шаньдун между 1736 и 1795 гг. [36, с.9]. Поэтому совершенно не исключено, что в огромном массиве документов, хранящихся в китайских архивах, ещё будут найдены какие-то вьетнамские тексты, написанные до начала XV в. Вина за эту трагедию традиционно возлагается на «узурпатора» Хо Кюи Ли¹, тогда как плодами его реформ воспользовался император Совершенный рода династии Ле, правление которого ассоциируется с «золотым веком» в истории средневекового Вьетнама^{II}.

Также следует отметить, что в отличие от эпохи Ли – Чан, в летописных сводах содержится большой объём сведений о мероприятиях и конкурсных испытаниях при первых императорах династии Ле. Поэтому их характеристика в настоящем параграфе даётся не на основании отдельно взятых событий, а в целом по уже окончательно оформленным государственным структурам.

Основной дворец Литературного храма.
Ханой. 25.03.2011 г.

¹ Смотри «Примечание 14» в «Комментарии» к настоящей главе.

^{II} 1460 – 1497 гг.

2.2.1. Низший уровень системы образования: община – уезд – округ

Первоначальное образование ученики получали в общинах от конфуцианских наставников, которые обучали их по классическим и каноническим книгам и кормились за счёт общины. Простолюдины могли стать и так называемыми «учениками групп». Так, под 6-ым месяцем 1471 г. сообщается о том, что чиновники из управлений Следования основе и Соблюдения законов экзаменовали обладающих физическим здоровьем, умом и знаниями учащихся из народа старше пятнадцати лет. Сдавшие экзамены были направлены «учениками группы» в школы своих малых провинций. Надо полагать, что эта система школ начала складываться сразу после прихода династии Ле к власти в Дайвьете. Об этом свидетельствует тот факт, что уже под 1-ым месяцем 1428 г. сообщается о том, что в больших округах были созданы школы, в которые отобрали людей из народа, получивших звание «ученик школы». В том же сообщении говорится и об основании Государственной императорской академии, а также о том, что из учёных-конфуцианцев были набраны преподаватели для этих школ. Затем во 2-ом месяце 1434 г. была осуществлена проверка более тысячи учеников, по результатам которой они были разбиты на три категории. Ученики первой и второй категорий были направлены на учёбу в Государственную императорскую академию, а ученики третьей – оставлены в своих школах для «чтения книг» [239.1, «Основные записи» кн.16, с.46, 5а].

Согласно установленным правилам, «ученики группы» службы Прекрасного множества, а также обладающие знаниями военные и люди из народа провинций Хынгхоа, Анбанг, Туенкуанг и Лангшон допускались до сдачи трёх сроков, а из других провинций – до сдачи четырёх сроков провинциального конкурса. При этом большая община могла выдвинуть из числа своих учеников на провинциальный конкурс двадцать кандидатов, средняя – пятнадцать и малая – десять. Эти кандидаты сначала должны были пройти проверку

в уезде или округе, где они писали сочинение. Экзаменаторами были чиновники этого уезда или округа и чиновники-учителя из школ малых провинций, которых контролировали управления Следования основе и Соблюдения законов. Выдержавшие эту проверку подвергались вторичной проверке в малой провинции, где они писали такое же сочинение. На этот раз экзаменаторами были уже чиновники управлений Следования основе и Соблюдения законов, которых в свою очередь контролировали управление Шести наук и дворец Придворного историографа. По результатам этих двух проверок к испытаниям провинциального конкурса допускались двадцать человек от большого уезда, пятнадцать человек от среднего уезда и десять человек от малого уезда [239.1, «Основные записи» кн.25, с.8а, 8б].

В источнике под 1462 г. сообщается о том, что до сдачи испытаний провинциального конкурса не допускаются следующие категории населения: 1. Люди без любви и корней¹; 2. Кровосмесители; 3. Подстрекатели; 4. Артисты народного театра «Тео»; 5. Предатели, служившие династии Мин. При этом военные и люди из народа, успешно выдержавшие испытания трёх или четырёх сроков этого конкурса, на должности не назначаются. Правда, в 1483 г. этот запрет на назначения был отменён [239.1, «Основные записи» кн.19, с.19а – 20а, кн.23, с.40а, 40б].

2.2.2. Средний уровень системы образования, школы и провинциальный конкурс

Допущенные к испытаниям провинциального конкурса люди из вышеуказанных категорий сдавали четыре срока этого конкурса, экзамены которых практически не отличались по своему содержанию от содержания экзаменов, установленных Хо Кюи Ли в 1396 г.¹¹. Естественно, о том, что регламент провинциального конкурса от 8-го месяца 1434 г., уточнённый

¹ Говоря современным языком – бомжи.

¹¹ Смотря «Примечание 15» в «Комментарии» к настоящей главе.

в 1462 г., был просто списан у «узурпатора», составители свода нигде не упоминают.

Также между 1434 и 1501 гг. было установлено, что сдавшие три экзаменационных срока провинциального конкурса военные и простолюдины становятся «учениками группы» в школах своих малых провинций, а сдавшие четыре срока – «учениками группы» в службе Роста обширных [знаний] Государственной императорской академии. Сдавшие три экзаменационных срока провинциального конкурса дети и внуки чиновников становятся «учениками школы» в своих малых провинциях, а сдавшие четыре срока испытаний – становятся «императорскими учениками» в Государственной императорской академии. При этом уточняется, что «ученики-конфуцианцы» – это дети чиновников, направленные на учёбу либо в учреждение Блистательной литературы, либо в службу Прекрасного множества. Отсюда следует, что звания «ученик школы» и «ученик-конфуцианец» являются очень близкими понятиями, если не синонимами.

Кроме того, в источнике сообщается, что из категорий «императорских учеников», «учеников-конфуцианцев» и «учеников группы» набиралась большая часть чиновников-руководителей для различных административных служб. Интересно отметить, что если гражданские и военные чиновники имели право уйти на отдых в возрасте шестидесяти пяти лет, то эти чиновники могли покинуть службу в шестидесятилетнем возрасте, но только с личного разрешения императора.

За нарушения как на самом провинциальном конкурсе, так и на его предварительных этапах предусматривались достаточно жёсткие меры наказания. Прежде всего, допущенные на конкурс соискатели должны были на обложке экзаменационной тетради указать фамилию, имя, дату рождения, происхождение и общину, из которой происходит его семья, а также указать, по какой из книг Пятикнижия и Четырёхкнижия он специализируется. Иными словами, конкурсант, заполнял «идентификационную карточку», по которой можно было легко установить его личность. Поэтому

в случае нарушения правил конкурса найти виновного не составляло труда. Так, в источнике сообщается, что тот, кто приносил с собой готовую работу или выставлял вместо себя другого человека, наказывался ссылкой. Точно также жившие дома «императорские ученики» и «ученики групп», которые в день конкурса попытались уклониться от испытаний и не предстали перед экзаменаторами, тоже подвергаются ссылке. Ещё суровее наказывался тот, кто осмеливался войти в здание проведения конкурса до положенного времени. Он не только подвергался ссылке, но и пожизненно лишался как допуска на конкурсные испытания, так и какого-либо продвижения по службе. При этом опознавший виновного, но не донёсший до него староста общины также ссылался, а чиновник, «не заметивший» эти нарушения, понижался в должности или вообще увольнялся. Наконец, если становилось известно, что чиновники управлений Следования основе и Соблюдения законов «злоупотребили властью», то чиновники управления Шести наук и дворца Придворного историографа должны были провести расследование «их преступлений» и доложить о его результатах императору для наказания виновных [239.1, «Основные записи» кн. 16, с.5а, 5б, кн.19, с.19а – 20а, кн.23, с.38б – 40а, кн.24, с.1б, 2а, 15б, кн.25, с.8а – 9б]¹⁸.

2.2.3. *Специальные конкурсы на уровне провинции*

Помимо вышеописанного конфуцианского конкурса на уровне провинции существовали тесно связанные с ним и дополняющие его специальные конкурсы. Так, под 7-ым месяцем 1485 г. сообщается о проведении конкурса знающих литературу и хорошо пишущих учеников и людей с повторной проверкой чиновниками управлений Следования основе и Соблюдения законов. Выдержавшие эти испытания освобождались от мобилизации в армию и от уплаты половины налогов.

В то же время, если кто-то из испытуемых не сумел написать работу или нарушил правила её написания, попытавшись обмануть экзаменаторов, то ответственные за экзамены чиновники и блюстители места их проведения

опечатавали документы и докладывали об этом двору. При этом если в одном из мест проведения экзамена от одного до пяти человек нарушили правила его проведения, то виновные подвергались ссылке, а чиновник из контролирующего управления либо понижался в должности, либо увольнялся – в зависимости от количества нарушений.

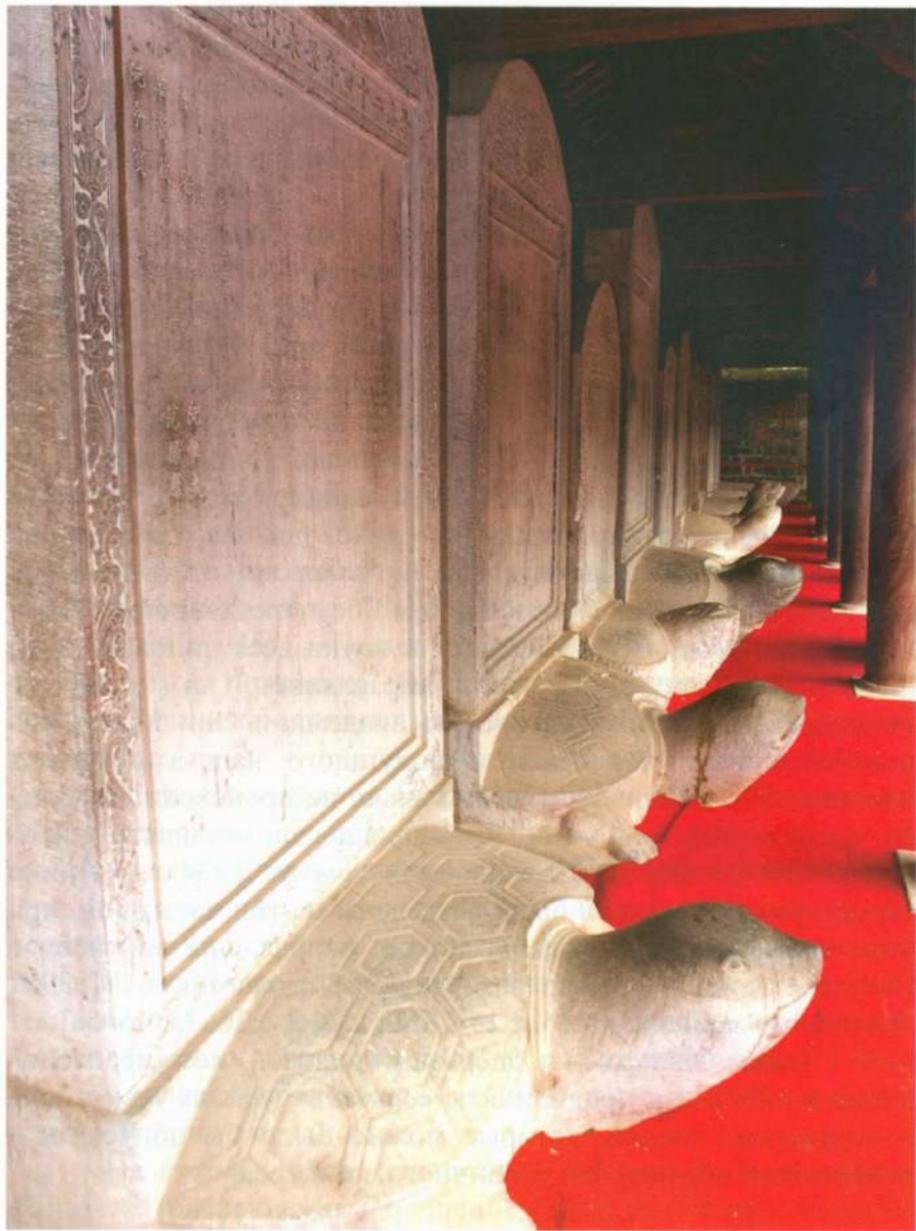
Кроме того, в 1486 г. было изменено правило, по которому чиновники сразу допускались к сдаче экзаменов общего или столичного конкурса. С этого времени для их допуска на общий конкурс стали проводиться специальные испытания. Чиновники из столицы экзаменовались дворцом Следования Небу, а чиновники за её пределами – управлением Следования основе. Эти испытания проводились по правилам провинциального конкурса, включая систему наказаний за их нарушение [239.1, «Основные записи», кн.24, с.1б, 2а, 4б, 5а].

2.3. Оформление высшего уровня системы образования и конкурсных экзаменов на должность чиновника во второй половине XV в.

2.3.1. Подготовительные мероприятия к проведению общего или столичного конкурса

Для начала следует отметить, что уже при первых императорах династии Ле был осуществлён целый ряд подготовительных мероприятий, создавших необходимые предпосылки для последующей регламентации испытаний столичного конкурса. Так, ещё до своего восшествия на престол Ле Лой лично провёл в 1426 г. конкурс изучающих литературу в походном лагере Бодэ, на котором писалось сочинение под названием «Составление указов крепости Восточной столицы». Все тридцать шесть лауреатов конкурса были назначены либо на должность легата спокойного управления в большие округа, либо на должность чиновника – внешнего мужа в одно из шести министерств. После этого в пятом месяце 1429 г. во всех больших округах и в столице был проведён отбор гражданских и военных чиновников от четвертого класса и ниже. Критерием для отбора гражданских

чиновников было их знание классики и истории, военных – «Классической [книги] войны»¹⁹.

Левый дом стел лауреатов в Литературном храме.
Ханой. 25.03.2011 г.

В 5-ом месяце следующего года их всех собрали в Восточной столице, чтобы провести испытания каждого по его специальности, которые открыл сам император¹. Кроме того, было приказано собрать со всей страны людей, разбиравшихся в классике, истории и литературе, и направить их в столичные дворцы и службы, чтобы вышестоящие чиновники могли дать оценку их знаниям [239.1, «Основные записи», кн.13, с.366, кн.15, с.23а, 23б].

В том же году были введены правила обучения и для высшего чиновничества. Было установлено, что дети военных чиновников в звании от командующего [и] повелевающего и выше и гражданских чиновников на должностях от руководящего [и] наставляющего и выше в возрасте от девяти до пятнадцати лет направляются на учёбу во дворец наследника престола. Дети военных чиновников от объединяющего командование до командира великого отряда и гражданских чиновников от руководителя службы до седьмого класса включительно в возрасте от девяти до семнадцати лет направляются в дом Государственной учёбы²⁰. А согласно указу от 1434 г. дети и внуки всех чиновников от шестого класса и выше направлялись на учёбу в Государственную императорскую академию. Они полностью освобождались от денежного подушного налога и других повинностей, но при этом, если только не происходили какие-то чрезвычайные события, им запрещалось оставлять учёбу. Кроме того, как уже отмечалось, в том же 1434 г. ученики территориальных школ были разделены на три категории, при этом составившие первые две были направлены на учёбу в Государственную императорскую академию [239.1, «Основные записи», кн.15, с.17а, 17б, кн.16, с.26, 3а, 46, 5а].

Таким образом, в первые тридцать лет правления династии Ле были предприняты серьёзные усилия для отбора и подготовки людей, которые можно было бы допустить к испытаниям общего, или столичного, конкурса.

¹ Эти конкурсные испытания проводились под названием «Экзамены Светлой классики».

2.3.2. *Общий или столичный конкурс*

Как следует из вышеизложенного, к сдаче общего конкурса допускались те, кто либо сдал экзамены провинциального конкурса, либо сдал аналогичные экзамены в своих школах, либо с 1486 г., будучи чиновником, выдержал испытания специального конкурса. Все эти кандидаты имели звание «выпускник». Помещение, в котором проводился конкурс, делилось на четыре части, в каждой из которых возводился высокий помост. В день начала испытаний стоявший на каждом из помостов ответственный чиновник непрерывно следил за порядком на всём протяжении конкурса. После проверки правильности названий экзаменационных тем их по очереди разносили в каждый из отделов, где раздавали испытуемым. В роли экзаменаторов выступали чиновники министерства обрядов, при этом в том случае, если родственник какого-либо чиновника сдавал конкурсные испытания, то этот чиновник был обязан отказаться от работы на конкурсе того года [239.1, «Основные записи», кн.22, с.306, кн.23, с.346, 35а]. Наконец, под 1472 г. в источнике сообщается о правилах проведения столичных испытаний, которые, как и провинциальные, состояли из четырёх этапов, или сроков.

На первом сроке проверялось знание «Четырёхкнижия» и «Пятикнижия». По первому испытуемым предлагалось на выбор по четыре темы из книг «Слова [и] изречения» и «Мэн-цзы», из которых они должны были написать работы по четырём. По каждой же из книг второго предлагалось по три темы. Испытуемые должны были написать работу по одной из тем каждой из четырёх книг «Пятикнижия», а по хронике «Вёсны [и] осени» писалась сводная работа из двух тем. Таким образом, первый срок состоял из восьми стандартных работ и одного сводного сочинения.

На втором сроке испытуемые должны были составить «Указ», «Повеление» и «Прошение [двору]». Им предлагалось по три темы для написания каждого из указанных документов,

избрав одну из которых конкурсанты оформляли его по жёстко регламентированным правилам. Итого три работы.

На третьем сроке испытуемым предлагалось на выбор по две темы для сочинения стихотворения и оды. Последняя писалась в стиле Ли Бо²¹. Итого два произведения.

На четвёртом сроке писалось сочинение, в котором на основе анализа книг канонического «Четырёхкнижия» и классического «Пятикнижия» сопоставлялись плохие и хорошие деяния всех династий²² [239.1, «Основные записи», кн.22, с.30а, 30б].

Те из конкурсантов, кто успешно выдержал испытания всех четырёх экзаменационных сроков, допускались до сдачи экзаменов дворцового конкурса [239.1, «Основные записи», кн.23, с.39а, 40б].

2.3.3. Специальные конкурсы на уровне столицы

В 6-ом месяце 1429 г. были проведены испытания буддийских монахов и даосов. Те из них, кто постиг смысл классических книг и соблюдал нормы аскетического поведения, были назначены блюсти поведение в различные службы и дворцы. Остальные были принудительно возвращены в мир [239.1, «Основные записи», кн.15, с.24а].

В 1431 г. император провёл в походном лагере Бодэ конкурс Обширных знаний, лауреаты которого были назначены учениками императорского присутствия. А в 1467 г. были установлены окончательные правила проведения этого конкурса. На конкурс допускались чиновники от четвёртого класса и ниже. В том году это были тридцать учеников дворца Служения Фениксу. В источнике сообщается, что испытания проводились без определённого регламента по написанию различных поэтических произведений и критики. Император лично присутствовал на конкурсе, а его победители были направлены на учёбу в Академию секретарей [239.1, «Основные записи», кн.15, с.28а, кн.21, с.8б, 9а].

В 1435 г. была проведена проверка знаний учителей Государственной императорской академии и территориальных управлений, которые сдавали экзамены во дворце Сбора слов

[и изречений]. Выдержавшие испытания были повышены в должностях, а остальные – уволены со службы [239.1, «Основные записи», кн.16, с.31а, кн.21, с.8б, 9а].

Наконец, в 1449 г. состоялись конкурсные испытания на должность чиновника-руководителя, которая, надо полагать, ничем не отличалась от должности чиновника-секретаря предыдущей эпохи. Однако если в эпоху Чан соискатели писали диктанг и сдавали экзамены по каллиграфии, математике и толкованию классических книг, то с этого времени предъявляемые к ним требования были значительно снижены, так как будущие мелкие чиновники проверялись лишь на знание каллиграфии и математики [239.1, «Основные записи», кн.18, с.14а].

2.3.4. *Дворцовое испытание и градация лауреатов общего или столичного конкурса*

Прежде всего следует отметить, что дворцовый конкурс, по сути, являлся пятым сроком общего или столичного конкурса, так как он служил лишь для градации его лауреатов. На нём писалась лишь диссертация, по правилам, которые были установлены ещё в 1396 г. в ходе реформ Хо Кюи Ли¹.

Как уже отмечалось, прежде «продвинутые мужи» делились на три категории, внутри которых никаких градаций не было. Однако в 1472 г. было введено понятие «качества» лауреатов, в соответствии с которым первый лауреат^{II} первой категории^{III} получал старший ранг шестого класса с восемью качествами. Второй лауреат этой категории^{IV} получал подчинённый ранг шестого класса с семью качествами. Её третий лауреат^V получал старший ранг седьмого класса с шестью качествами. Лауреаты второй категории^{VI} получали подчинённый ранг седьмого класса с пятью качествами.

¹ Смотри выше «Параграф 2.1.» настоящей главы.

^{II} Звание «Первейший [из] первых».

^{III} Категория «[Назначаемые] поочерёдно».

^{IV} Звание «Образец эрудиции».

^V Звание «Пример подражания».

^{VI} Категория «Отмеченные императором».

Наконец, лауреаты третьей категории¹ получали старший ранг восьмого класса с четырьмя качествами²³.

С 1482 г. император, восседая на троне во дворце Небесной благодати, лично принимал высших лауреатов. Чиновники учреждения Всеобъемлющего порядка оглашали указ о градации лауреатов по качествам, чиновники министерства обрядов приносили золотую табличку, висевшую у ворот Восточного великолепия, на которую наносились их имена, а управление Конного обеспечения доставляло на лучших лошадях «Первейшего [из] первых» домой. Наконец, в 1484 г. были окончательно регламентированы введённые в 1442 г. правила записи на стелах имён лауреатов. В том году император повелел министру министерства обрядов высечь имена лауреатов девяти конкурсов¹¹ на стелах, сделанных из особо прочного камня. Первые три лауреата указывались как «[Назначаемые] поочерёдно продвинутые мужи», лауреаты второй категории – как «Продвинутые мужи – выпускники», а лауреаты третьей категории – как «Продвинутые мужи – выпускники [в] группе» [239.1, «Основные записи», кн.23, с.356, 36а, 41а, 41б].

Все эти лауреаты направлялись в научную Академию, откуда в зависимости от своего ранга, класса и качеств назначались по мере необходимости на различные должности, но не старше чем на должности инспектора [дворца] Придворного историографа или начальника уезда [239.1, «Основные записи», кн.22, с.306, 31а, кн.23, с.386 – 40а].

2.4. Школьное образование в рамках системы конкурсных экзаменов второй половины XV в.

2.4.1. Градация учеников по степени допуска к испытаниям общего или столичного конкурса

Представляется, что перед тем как сформулировать вывод о том, чем стала взаимосвязанная система образования

¹ Категория «Продвинутых мужей».

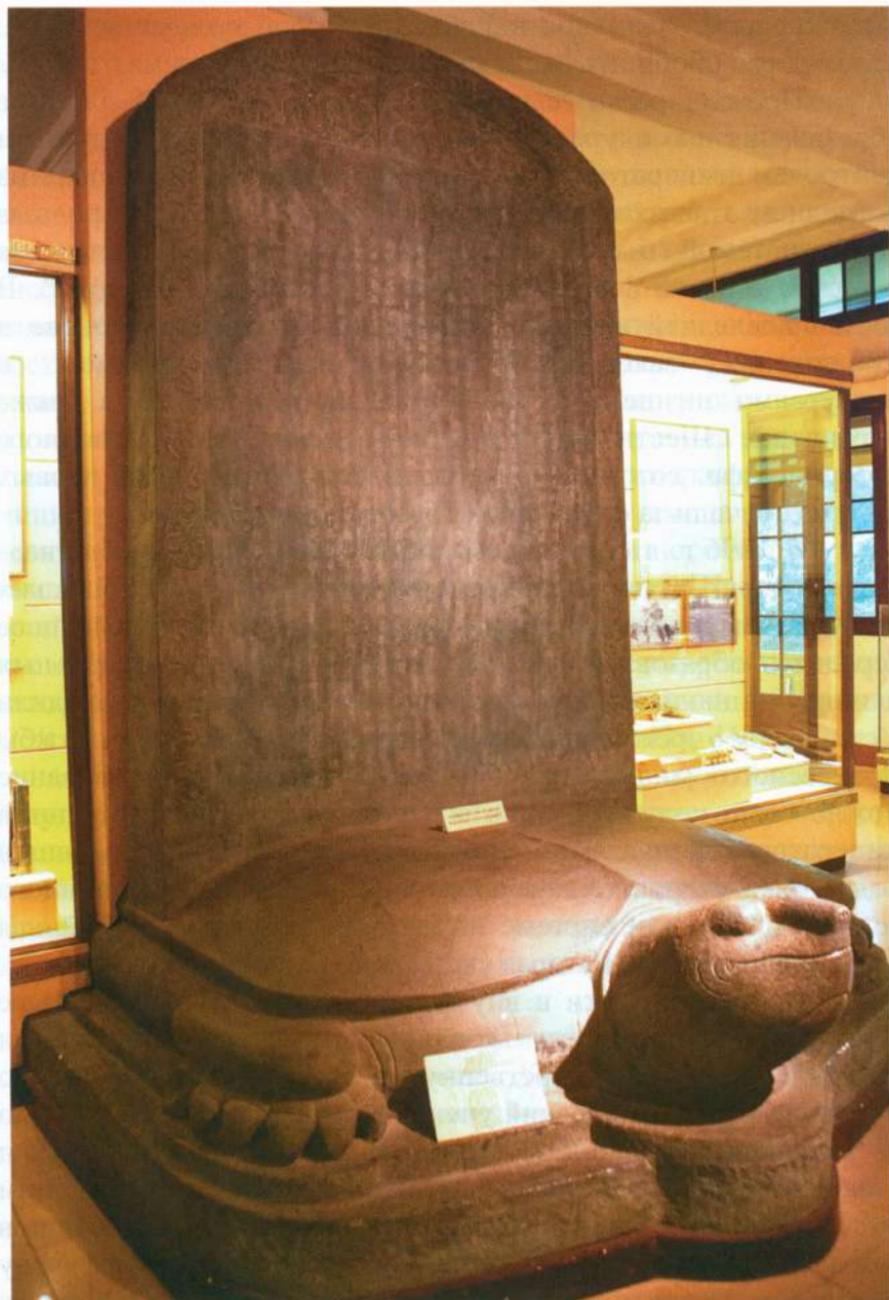
¹¹ То есть лауреаты конкурсов 1442, 1448, 1463, 1466, 1469, 1472, 1475, 1478 и 1481 годов.

и конкурсных экзаменов в Дайвьете второй половины XV в., необходимо обобщить вышеизложенный материал.

Прежде всего следует отметить, что вся система образования и конкурсных экзаменов находилась под личным контролем императора, который сам председательствовал на последнем этапе конкурсных испытаний. Общий контроль за этой системой был возложен на министра министерства обрядов, а за её функционирование отвечала Академия²⁴. В состав последней входили управления Следования основе и Соблюдения законов, руководившие образованием и конкурсами низшего и провинциального уровней, а также управление Шести наук вместе с дворцом Придворного историографа, которые контролировали деятельность первых двух и отвечали за столичное образование и конкурсы.

С 1396 г. в «начальном» образовании уровня община – уезд – округ главную роль играл институт конфуцианских наставников в школах при общинных домах. Дальнейшее «среднее» образование ученики получали в территориальных или провинциальных школах, которые, судя по всему, входили в структуру учреждения Блистательной литературы и службы Прекрасного множества. Наконец, «высшее» образование можно было получить лишь в учреждениях Государственной императорской академии, которая стала основной кузницей подготовки кадров к сдаче испытаний общего или столичного конкурса. Но и в её системе также существовала определённая градация учащихся, которая сводилась к следующему.

Во-первых, дети и внуки чиновников, сдавшие четыре срока провинциального конкурса в своих школах и направленные в Государственную императорскую академию со званием «императорский ученик», либо попадали в низшую из этих категорий, либо, что более вероятно, образовывали свою особую категорию учеников. Во-вторых, дети высокопоставленных гражданских и военных чиновников в возрасте от девяти до пятнадцати лет направлялись на учёбу во дворец Наследника престола, который, вероятно, также входил в систему Государственной императорской академии.

Стела с именами высших лауреатов конкурсных испытаний. XV – XVI вв.
Музей Истории. Ханой. 18.04.2011 г.

В-третьих, дети гражданских и военных чиновников среднего звена в возрасте от девяти до семнадцати лет, успешно сдавшие четыре срока провинциального конкурса, становились учениками дома Государственной учёбы, который входил в её состав. В-четвёртых, военные и простолюдины, полностью сдавшие все четыре срока провинциального конкурса, становились «учениками» ещё в одной её службе – службе Роста обширных [знаний]¹.

Кроме того, ставшие лауреатами провинциального конкурса чиновники-руководители, направлялись на учёбу в Государственную императорскую академию.

Наконец, те, кто сдал испытания одного срока столичного конкурса, становились учениками Верхнего дома, два срока – учениками Среднего дома, три срока – учениками Нижнего дома Государственной императорской академии. В каждом «доме» было по сто человек.

Ученики каждой из этих категорий получали в зависимости от своего уровня кормление и назначались в случае потребности в чиновниках на должности, за что отвечало министерство внутренних дел [239.1, «Основные записи», кн.23, с.39а – 40б, кн.25, с.9а]²⁵.

2.4.2. *Литературный храм как главный центр образования в столице Дайвьета*

Надо полагать, что до 1483 г. Литературный храм и Государственная императорская академия существовали раздельно. Об этом свидетельствуют два сообщения. Согласно первому, в 1429 г. Литературному храму и школам всех территорий было пожаловано по двадцать, а каждому главному учителю – по две прислужницы. Согласно второму, в 1483 г. была проведена реконструкция дома Великого учения, в результате которой перед ним возвели Литературный храм. На территории храма располагались дворец Великой стены для поклонения совершенным [людям] прошлого, а также Восточный и Западный дома для воздаяния почестей умершим

¹ Смотри выше «Параграф 2.2.2» и «Параграф 2.2.4» настоящей главы.

мудрецам и книжникам соответственно. Кроме того, там же находился дворец Ночного служения, в котором совершались ритуальные жертвоприношения, склад с предметами для обрядов и комната, служившая кухней.

За домом Великого учения построили врата Великого учения [и] дом Светлого выбора, с восточной и западной сторон которого находились учебные здания. Кроме того, построили библиотеку для хранения печатных досок. С восточной и западной сторон дома Великого учения располагались здания для учеников трёх домов: с каждой стороны по три помещения, в каждом помещении по двадцать пять комнат, чтобы ученики могли отдыхать. С обеих сторон также находились особые помещения для стел.

Если принять во внимание, что основной пантеон Литературного храма был представлен статуями князя Чжоу¹, Конфуция, «Четырёх Единых» и изображениями семидесяти двух совершенномудрых, то более очевидным становится и соотнесение первых трёх дворцов Литературного храма с каждой из этих групп пантеона²⁶.

Точно также вряд ли можно сомневаться в том, что дом Великого учения это одно из названий Государственной императорской академии. Поэтому кроме вышеупомянутых зданий и строений там же должны были находиться служба Роста обширных [знаний], дом Государственной учёбы, дворец Классического продолжения и учебный дворец Наследника престола. Судя по всему, на этой же территории располагался и комплекс дворца Небесной благодати вместе с Восточной палатой и её воротами Восточного великолепия [239.1, «Основные записи», кн.3, с.296, 30а, кн.18, с.19а, кн.23, с.386 – 40а]²⁷.

Таким образом, представляется, что не позднее конца XV в. Литературный храм и Государственная императорская академия образовали единый комплекс, который стал главным культовым и научно-учебным неоконфуцианским центром средневекового Дайвьета.

¹ Смотри «Примечание 4» в «Комментарии» к настоящей главе.

Конфуций.
Литературный Храм. Ханой. 25.03.2011 г.

2.5. Конкурсные испытания в эпоху двоевластия династий Мак и Ле в XVI в.

В 1529 г. в источниках впервые упоминается о том, что Маки провели общий конкурс по классическим правилам, установленным династией Ле. В дальнейшем они регулярно проводили свои конкурсные испытания по этим правилам. Тем самым династия узурпаторов Мак, вероятно, стремилась не раздражать нововведениями поклонников традиционной системы в условиях войны.

Что же касается династии Ле, то, судя по источникам, первый свой экзаменационный конкурс она провела в 1554 г. в Западной столице. Это первое упоминание так называемого конкурса Выявления знаний. Он отличался от обычного только тем, что проводился не в строго регламентированные сроки, а по специальному Указу императора в честь какого-либо события. В 1562 г. в Западной столице был проведён провинциальный конкурс, а в 1580 г. – общий, или столичный, конкурс. С того времени трёхгодичные экзаменационные испытания династии Ле, но без дворцового конкурса, стали регулярными. Последний же состоялся в 1595 г. Наконец, в 1597 г. во всех регионах, подвластных династии Ле, были вновь учреждены провинциальные школы, в которых сдавались экзамены по правилам провинциального конкурса [239.1, «Основные записи», кн.27, с.206, 21а, кн.28, с.46, 176, кн.29, с.11а, кн.30, с.106, 216, 22а].

Таким образом, за период с 1510 по 1597 г. ни о каких изменениях в системе конкурсных испытаний говорить нельзя. Скорее наоборот, следует полагать, что именно память о её расцвете в XV в. и об ужасах войн XVI в. привели к тому, что вьетнамские монархи XVII – XVIII вв. стремились возродить и укрепить прежнюю систему формирования чиновничьего аппарата, как надёжную опору государственной власти. Надо сказать, что этому «возрождению» системы конкурсных испытаний в немалой степени способствовала и обращённая в прошлое конфуцианская идеология.

3. Система конкурсных испытаний на должность чиновника как регулятор социальной мобильности

В идеале любая система образования имеет не только общеобразовательные функции, но и должна формировать мировоззрение своего субъекта в полном соответствии с идеологическими установками того или иного социума. Но если в средневековых обществах, строившихся на религиозной идеологии, эта задача так и не была окончательно решена, то благодаря идеологии неоконфуцианства и связанной с ней системе конкурсных испытаний во Вьетнаме сложилась иная ситуация. И хотя при характеристике этой системы в других странах конфуцианского культурного ареала механизм её воздействия на их общества в принципе не затрагивался, надо полагать, что он мало чем отличался от вьетнамского.

В предыдущих главах настоящего тома было показано, что во второй половине XV в. средневековое вьетнамское государство достигло пика своего могущества. Его политическая организация и экономическое развитие в целом почти идеально соответствовали потребностям общества, все слои которого цементировались единой, непротиворечивой и догматической идеологией неоконфуцианского учения. При этом важно подчеркнуть, что благодаря конфуцианским синтезам во всём конфуцианском культурном ареале не осталось ни одного философско-идеологического учения, которое могло бы хоть как-то с ним конкурировать не только в качестве государственной идеологии, но и в общественном сознании. Однако в любом, даже в самом стабильном обществе существует тенденция социальной мобильности, когда отдельные представители низшей социальной группы стремятся перейти в высшую, для реализации которой в каждом обществе создаётся свой механизм, представленный в средневековом Вьетнаме системой образования и конкурсных испытаний на должность чиновника.

Указанный механизм сложился в Дайвьете в результате реформ конца XIV – XV в., которые были начаты Хо Кюи Ли и завершены в правление императора Совершенного рода династии Ле. Источники неопровержимо свидетельствуют о

том, что заслуги первого неправомерно приписываются второму, который лишь придал окончательную форму многим начинаниям Хо Кюи Ли, вследствие чего в средневековом Вьетнаме сложилась цельная, идеально соответствовавшая своему времени система социальных сдержек и ограничений. Всё общество оказалось разделённым на пять основных категорий.

Мэн-цзы и Цзэн-цзы.
Литературный храм. Ханой. 25.03.2011 г.

Первая, о которой ничего не говорится в связи системой образования и конкурсных испытаний, представлена немногочисленными рабами и зависимыми общинниками, а вторая – людьми, не имеющими семейной привязки к какой-либо общине. Обе эти категории населения в принципе не имели ни малейших шансов на какое-либо изменение своего социального статуса.

Третья категория вьетнамского общества конца XIV – XV в. представлена полноправными общинниками. При этом

необходимо сразу указать на то, что в данном случае речь идёт о простолюдинах, так как в традиционном вьетнамском обществе даже члены императорской семьи и высшая знать были «приписаны» к своей родовой общине. Теоретически любой полноправный общинник мог сдать конкурсные испытания всех уровней, однако на практике его шансы были минимальными. Для начала простолюдины проходили жёсткий отбор на проверочных экзаменах в уездах и провинциях, по результатам которых лишь самые способные из них допускались к испытаниям провинциального конкурса.

В то же время простолюдины относительно легко допускались на специальные конкурсы, лауреаты которых назначались на мелкие должности «чиновника-секретаря» или «чиновника-руководителя». Однако даже допущенные к испытаниям провинциального конкурса и добившиеся на нём успеха простые общинники почти никогда не попадали сразу на общий или столичный конкурс, а направлялись в особые учебные заведения. Те же, кто всё-таки сумели пробиться на столичный конкурс и даже сдать экзамены всех его четырёх сроков, направлялись в особые учреждения Государственной императорской академии и лишь в исключительных случаях допускались до дворцовой диссертации. Таким образом, для простого общинника прохождение всей цепочки конкурсных испытаний занимало минимум девять – двенадцать лет, или три – четыре конкурсных цикла.

В противоположность этим категориям представители военного и гражданского чиновничества, составлявшие четвертую и пятую категории вьетнамского общества, пользовались значительными преимуществами. Но и здесь далеко не все были равны. Как уже указывалось, дети военных и гражданских чиновников с девяти лет направлялись на учёбу, но если дети мелкого и среднего чиновничества учились в доме Государственной учёбы, то дети крупных чиновников – во дворце Наследника престола. В рамках своих школ первые сдавали экзамены по программе провинциального конкурса, а вторые, судя по всему, ещё и по программе столичного конкурса.

Птица Лак, стоящая на спине черепахи.

Алтарь в Литературном храме.

Фотография 1914 – 1915 гг. Musée Albert Kahn №A010298

Следовательно, если, как известно, по результатам всего конкурсного цикла его лауреаты могли быть назначены максимально на должность чиновника старшего ранга шестого класса, что соответствовало должностям инспектора [дворца] Придворного историографа или начальника уезда, то, судя по всему, дети высшего чиновничества и знати, могли получить указанные должности уже в возрасте двадцати, максимум – двадцати пяти лет, дети мелкого и среднего чиновничества – не ранее, чем в тридцать – тридцать пять лет, а простолюдины могли добиться такого назначения не ранее, чем в тридцать пять – сорок лет. При этом важно подчеркнуть, что хотя сдача дворцового испытания и являлась одним из важных условий для назначения на должности с первого по пятый класс, его было недостаточно. Дальнейшая карьера высших лауреатов конкурсного цикла зависела от министерства внутренних дел, главных руководителей государства и самого императора,

который в особых случаях лично утверждал назначения чиновников на ключевые посты.

Таким образом, речь идёт об эффективном механизме, который, с одной стороны, гарантировал сохранение сословно-классовых привилегий, а с другой – обеспечивал необходимый резерв квалифицированных кадров для государственного аппарата всех уровней, предоставляя одновременно с этим минимальную возможность достижения высокого социального положения в обществе наиболее талантливым представителям всех основных категорий населения.

Этот, идеально соответствовавший сословно-классовой организации и уровню экономического развития Дайвьета 2-ой половины XV в. механизм по сути являлся «регулятором социальной мобильности» вьетнамского средневекового общества той эпохи.

Совпадение всех указанных в настоящем параграфе факторов привело к тому, что в общественном сознании вьетнамского средневекового общества XV в. стал синонимом «золотого века» его существования, а изменение социального статуса любого из его членов не мыслилось вне классического конфуцианского образования и связанной с ним системы конкурсных испытаний на должность чиновника. В результате, как представители всех традиционных слоёв вьетнамского средневекового общества от общинников до высшей придворной знати, так и новых, сформировавшихся на протяжении XVI – XVIII его слоёв¹, стремились реализовать свои социальные права лишь путём сдачи конкурсных испытаний того или иного уровня.

Следует подчеркнуть, что такое положение вещей дало мощный импульс развитию Дайвьета в правление императора Совершенного рода и других императоров начального периода правления династии Ле. Однако оно же сыграло с ним в последующие века дурную шутку. Отсутствие какой-либо альтернативы прочно укоренившемуся в общественном

¹ Речь идёт о выходах из торгово-ремесленных слобод и объединений (гильдий), которые в XVIII в. заложили основы формирования национального торгово-промышленного капитала.

сознании восприятию неконфуцианства как единственно возможной системы общественной организации привело начиная с середины XVII в. к постепенной деградации вьетнамской государственности, замедлению и застою его социально-экономического развития и в конечном счёте – к катастрофе конца XVIII – XIX в., когда Вьетнам оказался не в состоянии оказать серьёзное сопротивление французской колониальной агрессии²⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Часть I

Невьетнамские государства южной части Центрального и Южного Вьетнама, аннексия их территорий Дайвьетом

1. Королевство Тямпа¹

1.1. Тямпа в XI – начале XII в.

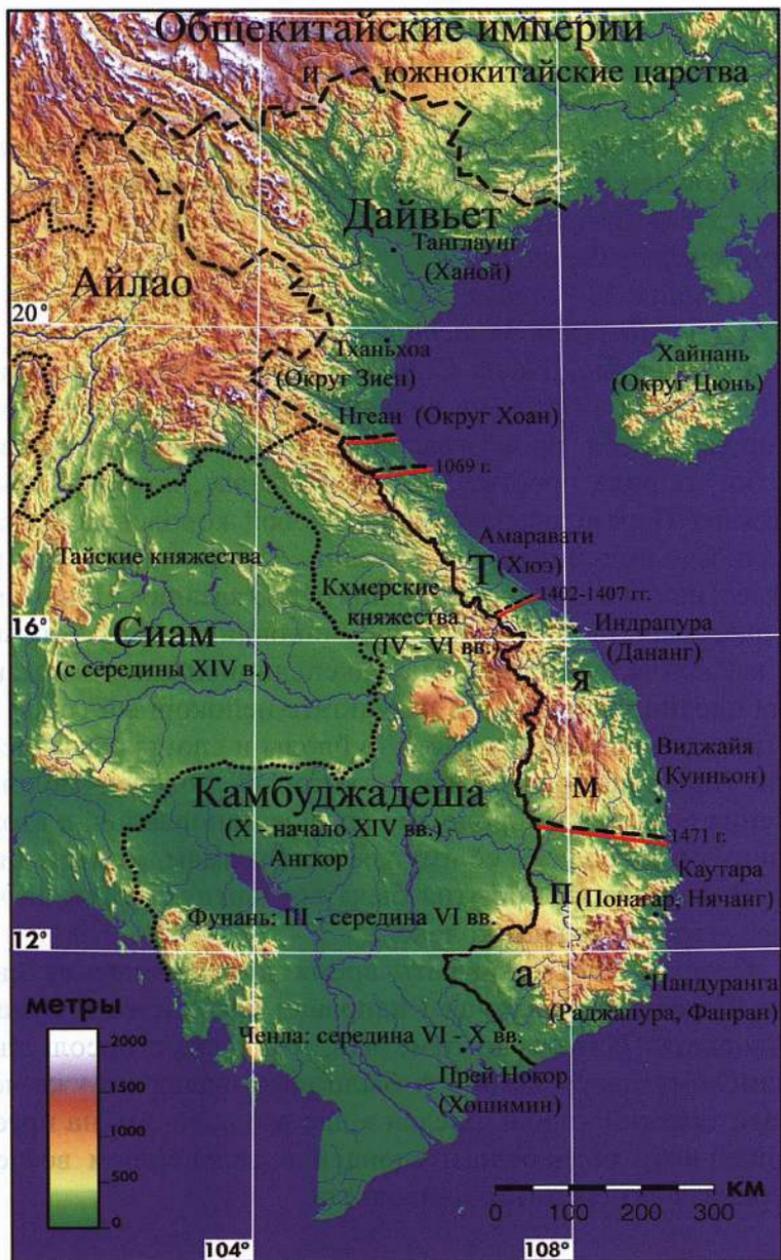
1.1.1. Восьмая династия

Со смертью Джайя Синхавармана II¹ угасла и седьмая обосновавшаяся в Виджайе династия тямских королей. Новым же королём себя провозгласил в 1044 г. вассал прежней династии из рода простых воинов Ишварас, который принял имя Джайя Парамешвараварман I. Новой королевской власти отказались подчиниться жители Пандуранги, которые повсеместно отказывались выполнять её указания. При этом не успевшие скрыться Виджайские чиновники были убиты. В итоге всё кончилось карательной экспедицией нового тямского короля против Фанранга. В результате непокорный город был разрушен, его жители, их рабы, буйволы и слоны оказались во власти Парамешваравармана I, который повелел половине населения остаться в городе для его восстановления, а вторую половину отдал со всем её имуществом храмам, монастырям и знати. В честь этого события была воздвигнута линга, а чуть позднее – триумфальная колонна.

С тем, чтобы выиграть время для укрепления своей власти, Парамешвараварман I направил посольства к Сунам и в Дайковьет^{II}. Интересно отметить, что первое посольство к вьетнамскому двору в 1047 г. было арестовано, но уже через три года тямский король послал в дар взошедшему на престол Совершенному рода белого слона и в дальнейшем всячески подчёркивал союзернитет Дайковьета.

¹ Смотри «Примечание I» в «Комментарии» к «Части I» «Тома I».

^{II} Посольства в империю Сун датируются 1050 и 1053 гг., ко двору династии Ли – 1047, 1050, 1057 – 1059 и 1060 гг.

- Границы Тямпы в III – XI вв.
- Изменения северной границы Тямпы в XI – XV вв.
- - - Границы Дайвьета в XI в., изменения южной границы
- Условные границы кхмерских и тайских территорий

Этот король уделял много внимания восстановлению из руин своей разорённой вьетнамцами и междоусобными войнами страны. Так, он восстановил статую богини По Нагара и пожертвовал её храму пятьдесят пять рабов¹, земельные угодья, семь с половиной килограммов золота, семь с половиной килограммов серебра и много драгоценных вещей и изделий [891, с.137. 138].

О Бхадравармане III, который наследовал в 1060 г. Парамешвараварману I, известно лишь из упоминаний его младшего брата Рудравармана III. Судя по всему, этот король правил до начала 1061 г., и с ним следует связывать посольство в империю, поднёсшее Сунам приручѣнных слонов. Нельзя исключать и того, что младший брат второго короля этой династии имел отношение к его кончине [891, с.139].

Первоочередной заботой короля Рудравармана III стало восстановление и укрепление армии. По восшествии на престол он отправил к императору Гуманному рода династии Сун посольство с информацией о своих действиях и просьбой прислать ему в дар белого коня, который и был ему пожалован в 1062 г. В то же время Рудраварман III ещё не решался на открытый разрыв с Дайвьетом. Поэтому в 1063, 1065 и 1068 гг. от него прибывали ко двору императора Совершенного рода династии Ли посольства с регулярной данью.

С согласия сунского императора Рудраварман III закупил в Гуанчжоу мулов для своей армии и в 1068 – начале 1069 г. возобновил набеги на пограничные вьетнамские территории. При этом, стремясь заручиться поддержкой божественных сил он, как и первый король этой династии, поднёс богатые дары богине Ян Пу нагара. Это привело к тому, что уже 16-го февраля 1069 г. по повелению Совершенного рода вьетнамская армия выступила в поход против Тямпы, завершившийся захватом её столицы и пленением тямского короля. В результате у Тямпы была отторгнута часть северных территорий, на которых были созданы три новых округа на

¹ В основном это были тямы, кхмеры, китайцы, бирманцы и сиамцы.

южных границах Дайвьета¹. Когда Рудраварман III вернулся из плена, то он нашёл раздираемую междоусобицами страну в состоянии анархии и хаоса. Возможно, именно с ним следует связывать посольства с богатыми дарами в Дайвьет в 1071, 1072 и 1074 гг. и в 1072 г. – в империю Сун. Но, скорее всего, последний король восьмой тямской династии не смог справиться со смутой и бежал из страны. В пользу этой версии свидетельствует посланное в 1074 г. Гуманным рода династии Ли императору Сун сообщение о том, что тямский король в сопровождении семьи и трёх тысяч воинов прибыл в Дайвьет в начале того года и попросил убежища [891, с.139 – 143].

Таким образом, *восьмая династия тямских королей из Виджайи (1044 – 1074 гг.) выглядит следующим образом: Парамешвараварман I (1044 – 1060 гг.) – Бхадраварман III (1060 – 1061 гг.) – Рудраварман III (1061 – 1074 гг.)*.

1.1.2. Девятая династия

В 1074 г. тямский принц по имени Деватамурти, который по материнской линии принадлежал к «Клану Арека», а по отцовской – к «Клану Кокоса», провозгласил себя королём под именем Харивармана IV, став основателем девятой династии^{II}. Согласно источникам, этот король победил всех врагов, восстановил страну и прославился реконструкцией разрушенных храмов, которым делал богатые дары. О Харивармане IV сообщается, что он одержал победы в двенадцати кровопролитных сражениях и девять раз лично обезглавливал в бою своих именитых врагов. Судя по всему, именно Хариварман IV отразил нападение Ли Тхьонг Киета на Тямпу в 1075 г., отказавшись при этом поддержать в 1075 г. сунское вторжение в Дайвьет^{III}. Правда, при всём при том вернувшийся домой сунский посол доложил императору, что

^I Смотри «Параграф 1.3.1» «Главы I» «Части I» настоящего тома.

^{II} Таким образом, этот принц имел все основания претендовать на власть, так как он одновременно принадлежал к обоим древнейшим и знатнейшим тямским родам. Смотри «Параграф 1» «Заклучения» «Том I».

^{III} Смотри «Параграф 1.3.2» «Главы I» «Части I» настоящего тома.

тямский король, повинувшись высочайшему указанию, отправил охранять «опасные проходы» семь тысяч воинов [891, с.145]. В то же время Хариварман IV напал на Камбуджадешу и, нанеся ей серьёзное поражение, поручил своему брату развить успех. В итоге тот овладел городом Самбхупура¹ и захватил богатую добычу, которая была пожертвована храмам. Последнее неудивительно, так как этот король возродил величие Тямпы, строя храмы, святилища и монастыри, которым жаловались земли и воды. Надо полагать, что он не зря говорил о себе, что «вернул королевству Тямпа его прежнее великолепие» [891, с.143 – 145].

«Сад скульптур». Дананг. 03.08.1902 г. Musée Guimet № AP14490.

Достигнув всего находясь у власти, Хариварман IV передал в 1080 г. трон своему девятилетнему сыну и ушёл из мира, «предавшись служению Шиве». Однако уже на следующий год он скончался. Вслед за ним на костёр взошли четырнадцать его жён, пепел и кости которых были брошены в море. В том же году его малолетний сын, правивший под именем Индравармана II, был смещён под благовидным предлогом с престола, на который при поддержке придворной

¹ Современный город Самбор на Меконге.

знаги взошёл его дядя по младшей династийной ветви Парамабодхисатва. К тому времени в Паране уже шестнадцать правил провозгласивший себя королём во время смут местный вельможа. Разгромив Фаранг, Парамабодхисатва сосредоточил всю власть в стране в своих руках. Он поддерживал хорошие отношения с Дайвьетом, куда от него ежегодно прибывали посольства с данью, но о его посольствах в империю Сун ничего неизвестно.

Тем временем сторонники старшей династийной ветви объединились вокруг низложенного короля. Снова началась гражданская война, и в стенах столицы опять шли бои. В результате в 1086 г. король Индраварман II повторно пришёл к власти. Первым делом он восстановил разрушенную и обезлюдившую во время войны Кампапуру. Кроме того, этот король возобновил прерванные на десять лет посольства к Сунам и продолжал отправлять посольства с данью в Дайвьет. Правда, в 1092 г. Индраварман II не только не прислал дань императору Гуманному династии Ли, но и сообщил сунскому императору, что готов поддержать его «карательный поход» против Дайвьета. Однако в империи сочли, что вьетнамский государь полностью выполняет свои обязанности вассала, а потому предложение тямского короля осталось без ответа. Тем не менее лишь после прибытия в 1094 г. вьетнамского посла Индраварман II, испугавшись его угроз, снова стал посылать посольства с данью в Дайвьет¹. Но уже в 1103 г. вьетнамский перебежчик убедил тямского короля в слабости Дайвьета, который попытался вернуть потерянные северные территории. Эта попытка закончилась тем, что уже весной следующего года Ли Тхьонг Киет нанёс тьямам очередное поражение, после которого Индраварман II, отправив посольство к Сунам с просьбой о поддержке, поспешил послать ко двору Гуманного рода династии Ли дань с выражением покорности. С того времени войн больше не было, а в Дайвьет регулярно слали

¹ Посольства Индраварман II с данью в Дайвьет датируются 1095, 1097 – 1099 и 1102 гг.

дань, которую иногда доставляли официальные посольства [891, с.145 – 150].

Приблизительно в 1113 г. Индраварману II наследовал его племянник Хариварман V, который уже в следующем году начал открывать новые храмы и возвёл башню в честь Шришанабхадрешвары¹ в Индрапуре. Этот тямский король поддерживал хорошие отношения как с империей Сун, так и с Дайвьетом, где его послы имели особые привилегии. Так, например, посол тямского короля не только присутствовал на открытии пагод Тханг-нгием и Тхань-тхо, но и удостоился личной аудиенции у императора Ли в 1126 г.

Ставший последним королём девятой тямской династии, Хариварман V скончался в 1129 г. [891, с.150, 151].

Таким образом, *девятая династия тямских королей из Виджайи (1074 – 1139 гг.) выглядит следующим образом: Хариварман IV (1074 – 1080 гг.) – Индраварман II (первый раз 1080 – 1081 гг.) – Парамабодхисатва (1081 – 1086 гг.) – Индраварман II (второй раз 1086 – 1113 гг.) – Хариварман V (1113 – 1129 гг.).*

1.2. «Столетняя война» с Камбуджадешой или Ангорской империей

1.2.1. Десятая династия

Следующим королём стал Шри Индраварман III. Хотя не исключено, что между ним и Хариварманом V был какой-то ещё правитель, так как второй умер в 1129 г., а первый взошёл на престол в 1139 г. Новый тямский король не имел никакого отношения к правящей династии. Поэтому он придумал себе биографию, согласно которой его род, насчитывавший четыре поколения королей, восходил к легендарному Уродже^{II}. Согласно источникам, будущий основатель десятой династии родился в 1106 г., в 1129 г. он получил титул Девараджа, а в 1133 г. – Ювараджа, что соответствовало титулу наследника престола. Надо полагать, что по какой-то неизвестной на

¹ Бог Богов, одно из имён Шивы.

^{II} Смотри «Параграф 1» «Заключения» «Тома I».

сегодняшний день причине бездетный Хариварман V избрал его своим преемником. Взойдя на престол, Индраварман III воздвиг «своего» Шрисанабхадрешвару, пожертвовал храму в Понагаре Шива-лингу и статую Кришану Вишне¹. В 1143 г. он сделал новые подношения этому святилищу [891, с.153,154].

Главным же событием для Тямпы той эпохи стало воцелствие на престол в Камбодже в 1112 г. воинственного короля Сурьявармана II, который задумал покорить окружающие его государства. Ситуация благоприятствовала замыслам этого кхмерского короля, так как Суны подверглись нападению монголов, а Дайвьет раздирался придворными интригами, которые последовали за кончиной императора Гуманного рода династии Ли¹¹. В 1123 – 1124 гг. начались кхмерские вторжения в Тямпу. В 1128 г. двадцатитысячное войско Сурьявармана II вторглось в Нгеан, но было изгнано Ли Конг Бинем. Осенью следующего года кхмерский флот из семисот судов грабил побережье Тханьхоа. При нападениях на Дайвьет к кхмерам нередко присоединялись и тямы, как это случилось в 1128 и 1132 гг.¹¹¹. Однако, решив восстановить хорошие отношения с Дайвьетом, Индраварман III отказался в 1136 г. поддержать очередной поход Сурьявармана II против своего сюзерена. Поэтому, потерпев поражение в войне с вьетнамцами, кхмерский король обратил свой гнев против Тямпы. В 1145 г. он захватил её столицу Виджайю. При этом, поскольку с этого момента исчезают все упоминания об Индравармане III, надо полагать, что этот *единственный представитель десятой династии тямских королей* либо попал в плен, либо был убит в сражении (1139 – 1145 гг.).

1.2.2. *Одинадцатая династия*

При неизвестных обстоятельствах тямским государем был коронован бежавший от кхмеров в Пандурангу Рудраварман IV, однако в действительности правил не он, а

¹ Одна из аватар Вишну.

¹¹ Смoтpи «Параграф 2» «Главы 1» «Части I» настоящего тома.

¹¹¹ Смoтpи конец «Параграфа 1.3.2» «Главы 1» «Части I» настоящего тома.

его сын Шиванандана, опиравшийся на поддержку населения Пандуранги. После кончины своего отца в 1147 г. он стал королём под именем Харивармана I. Получив известия об этих событиях, Сурьяварман II направил против нового тямского короля всех своих военачальников, однако кхмерская армия была разбита в сражении у Вирапуры. Потерпев неудачу в войне, Сурьяварман II провозгласил тямским королём младшего брата своей первой жены кшатрию по имени Харидева, которому сумел подчинить население северных районов Тямпы. Тогда Хариварман I двинулся на Виджайю, откуда ему навстречу выступил Харидева. Решающее сражение между ними произошло у Индрапуры. Кхмеры и их тямские союзники потерпели полное поражение, при этом Харидева и многие его военачальники были убиты. Благодаря этой победе Хариварман I в 1149 г., вернув себе столицу Тямпы, вошёл в Виджайю. Тем не менее война на этом не закончилась. Для населения северных районов Тямпы, особенно для горных национальных меньшинств, новый король был «чужаком». Речь идёт прежде всего о горных племенах *раде* и *мада*, которых тямы называли «кирата»². Потерпев поражение, они провозгласили королём Тямпы брата жены Харивармана I – Ваншаражду. Последний также потерпел поражение от своего свояка и бежал в Дайвьет. Там, в десятом месяце 1150 г., он обратился к императору Выдающемуся рода за помощью.

Как известно, вьетнамский император дал Ваншарадже пятитысячный отряд под командованием Нгуен Монга, кроме того Сурьяварман II направил ему на помощь стотысячную армию яванских вождей. В кровопролитной битве войско Ваншараджи было разбито, а он сам вместе с Нгуен Монгом погиб в сражении. Однако сопротивление Хариварману I продолжилось. Так, в 1151 г. он подавил восстание жителей Амаравати, а в 1155 г. восстала Пандуранга, война с которой длилась вплоть до 1160 г.

Укрепив свою власть, Хариварман I предпринял попытку восстановить отношения с обоими формальными

сюзеренами Тямпы. Так, он отправил в империю к сунскому двору посольство с просьбой о пожаловании ему инвеституры, которую получил в 1155 г. Кроме того, хотя тямы попеременно с кхмерами и продолжали пиратские набеги на побережье Нгеана, этот тямский король неоднократно направлял посольства с данью и дарами, в числе которых были и красивые женщины, ко двору властителей Дайвьета¹. Последней каплей стало посольство 1166 г., когда тямский посол после передачи даров императору Выдающемуся рода династии Ли возглавил тямов из района О-ли¹¹, с которыми начал грабить вьетнамские поселения на морском побережье. Воспользовавшись тем, что уже на следующий 1167 г. на тямский престол взойшёл новый король, император Дайвьета направил войска против Тямпы, и, получив, в дар от тямов драгоценные камни и другие ценные подарки, повелел армии вернуться [891, с.154 – 161].

После смерти или добровольного отказа от власти Харивармана I ему наследовал под именем Харивармана II его сын, о котором практически ничего неизвестно³. В 1167 г. он был свергнут с престола узурпатором, который даже не пытался придумать каких-либо родственных связей с правящей династией. Этот узурпатор известен под именем Индравармана из Грамапурывиджайи, или Индравармана IV. Первым делом он отправил посольство к Сунам с просьбой об инвеституре и дарами, которые состояли из награбленных у арабских купцов товаров. Эти дары были столь богатыми, что сунский император поначалу согласился принять одну десятую их часть. Когда же он узнал от самих арабских купцов о происхождении этих даров, то вообще от них отказался и повелел направить Индраварману IV письмо с объяснением причин этого отказа. Более того, придворные сановники императора Сун сочли, что пожалование инвеституры следует отложить до прибытия нового посольства с дарами, чтобы этот скандал успел забыться. Однако Индраварман IV не обратил

¹ 1152, 1154, 1155, 1160, 1164 и 1165 гг.

¹¹ Северные тямские провинции (округа) О и Ли.

на это никакого внимания, так как, заручившись благодаря посольству с богатой данью в 1170 г. нейтралитетом Дайвьета, он задумал нападение на Камбуджадешу, где в то время правил Дхараниндраварман I.

Слон. Цитадель Тябан. Биньдинь. Июль 1902 г.
Musée Guimet № AP14862

Силы тямов и кхмеров были приблизительно равны, и поэтому ни одна из сторон долго не могла одержать решающей победы. Однако в 1171 г. один потерпевший кораблекрушение у берегов Тямпы сунский офицер показал Индраварману IV как управлять конницей и метать на полном скаку дротики. Уже первые бои показали преимущество этой тактики. Поэтому тямский король отправил людей в округ Цюн на Хайнань, чтобы купить лошадей для своей армии. Столкнувшись с сопротивлением жителей острова тямы занялись грабежами. Но это мало чему помогло. В 1175 г.

Сунский император подтвердил запрет на продажу лошадей из империи, который не отменил даже после того, как Индраварман IV отпустил захваченных в плен в 1172 г. на Хайнане людей. Тогда в 1177 г. Индраварман решил напасть на столицу Ангкорской империи водным путём. Проводником его флота служил всё тот же опытный сунский офицер-мореплаватель. Выйдя благодаря ему в Меконг и преодолев пороги, тямский флот внезапно атаковал дворец Дхараниндравармана I. В результате тямцы разграбили кхмерскую столицу и ушли с огромной добычей.

Расплата наступила через тринадцать лет. В своё время наследник Дхараниндравармана I король Джайяварман VII поклялся страшно отомстить тьямам. Воспользовавшись очередным тямским нападением в 1190 г., он поставил во главе своих войск бежавшего к нему в 1182 г. тямского принца Шри Видьянандана, который заслужил его милость, подавив мятеж в Малайе, за что получил титул Ювараджи, или наследного принца. Шри Видьянандан сумел захватить столицу Тямпы Виджайю, взять в плен Индравармана IV и доставить его к кхмерскому двору. После этого он провозгласил мужа сестры Джайявармана VII принца Ина королём Виджайи под именем Сурьяварманеда¹, а сам, также приняв имя Сурьяварман, стал королём Раджапуры. Таким образом, Тямпа вновь оказалась разделённой на два государства. На севере в Виджайе правил король кхмерского происхождения, а на юге в Фанранге – король тямского происхождения, который полностью признал сюзеренитет Ангкора. Но если последний сумел справиться в Фанранге с противостоявшими ему «многочисленными пиратами», то кхмерский ставленник в Виджайе был изгнан в 1191 г. одним из тямских принцев, принявшим имя Джайя Индраварман V. Тогда Джайяварман VII выпустил из тюрьмы пленённого тямского короля Индравармана IV, позволив ему вернуться домой. Тот обратился за помощью к королю Раджапуры, благодаря чему Виджайя была захвачена, а Индраварман V –

¹ То есть «Сурьяварман».

казнён. Однако вместо того чтобы вернуть власть законному властителю, Сурьяварман сам провозгласил себя королём Виджайи. Тогда вместо того, чтобы вернуться в столицу Камбуджадеша, Индраварман IV, собрав войско в провинции Амаравати и прилегающих к ней территориях, выступил против Виджайи. Сурьяварман нанёс ему поражение и обратил его войска в бегство. Настигнув Индравармана IV близ Индрапуры, он захватил его в плен и казнил. Таким образом, в 1192 г. Сурьяварман вновь объединил под своей властью всю территорию Тямпы [891, с.161 – 166].

Возмущённый предательством своего ставленника, кхмерский король направил против Сурьявармана большую армию, которой тот нанёс поражение в 1193 г. В следующем году в Амаравати Сурьяварман поднёс богатые дары Шрисанабхадрешваре, а в 1198 г. провёл свою коронацию с соблюдением всего традиционного ритуала. Одновременно с этим он отправил посольство в Дайвьет с просьбой об инвеституре, которая была ему пожалована императором Высоким рода династии Ли в 1199 г. В конце концов, в 1203 г. Сурьяварман потерпел поражение от кхмерских войск, которые по повелению короля Камбуджадеша возглавил его дядя по отцовской линии Ювараджа Мнагахна Он¹ Дханапати Гранма⁴. Со всей семьёй и остатками армии он более чем на двухстах судах бежал в Дайвьет, где попросил убежища. Однако, заподозрив ловушку, сжёг вьетнамский флот и ушёл в море¹¹. О дальнейшей же судьбе Сурьявармана ничего не известно.

Дханапати Гранма подчинил себе всю Тямпу, отправив к Ангкорскому двору наиболее значимых из взятых им в плен мятежников, за что и был назначен её наместником. В результате в 1203 г. Тямпа превратилась в одну из провинций Камбуджадеша, или Ангкорской империи. Одним из главных военачальников Дханапати Гранмы был воспитанный при

¹ Вероятно, это имя можно интерпретировать как «Защитник (Мнагахна Он) Наследника престола (Ювараджи) Дханапати Гранма».

¹¹ Смотри конец «Параграфа 3.1» «Главы 1» «Части 1» настоящего тома.

дворе кхмерского короля Джайявармана VII старший сын тямского короля Харивармана II, также получивший титул Ювараджи, или наследника престола. Из источников известно, что он возглавлял несколько тямских набегов на Нгеан, однако сведения эти крайне противоречивы. Так, в тямских текстах говорится о том, что один из его набегов произошёл в 1207 г., при этом в одних сообщается о его победе, в других – о поражении. Во вьетнамских же источниках упоминаются лишь набеги 1216 и 1218 гг., которые были отражены силами правителя Нгеана [891, с.168].

В 1220 г. кхмеры по какой-то неизвестной до сих пор причине добровольно ушли из Тямпы, оставив при этом власть представителю легитимной тямской династии⁵. Королём стал Парамешвараварман II, который занялся восстановлением святилищ, обезлюдивших городов и разрушенных во время войн ирригационных каналов и дамб. Помимо этого он повелел возделывать заброшенные земли, вернув их бывшим владельцам. Наконец, Парамешвараварман II сумел подчинить своей власти всю территорию освободившейся страны [891, с.166 – 169].

Так завершилась история «Столетней войны» между Тямпой и Ангорской империей. С этого времени больше не отмечается серьёзных столкновений между Тямпой и втянутой в кровопролитные войны с Сиамом Ангорской империей. Однако избавившись от кхмерской угрозы, Тямпа столкнулась с претендовавшими на её территорию гораздо более сильными противниками.

1.3. Войны с монголами и монголо-китайской династией Юань

Парамешвараварману II наследовал его младший брат Джайя Индраварман VI. В каком году это произошло – неизвестно, известно лишь, что в 1257 г. он уже был на престоле⁶. Этот король был убит сыном одной из своих сестёр, который, желая лишить ещё оставшегося в живых брата Парамешваравармана II возможности претендовать на престол,

отрезал своему последнему дяде большие пальцы на обеих руках. В 1257 г. этот принц провозгласил себя королём под именем Джая Синхавармана, однако весь официальный ритуал его помазания на престол произошёл лишь в 1266 г., когда он принял имя Индравармана V¹. Надо полагать, что к тому времени он уже был достаточно зрелым человеком, так как, описывая этого короля в 1278 г., которого он называет «Аккамбал», Марко Поло говорит о нём как об очень пожилом человеке [891, с.174].

Индраварман V делал всё возможное, чтобы избежать войн, в чём и преуспел в отношениях с Дайвьетом, о которых речь идёт ниже. Однако избежать войны ему всё же не удалось. В 1280 г. от покорившего империю Сун внука Чингисхана великого хана монголов Хубилая в Тямпу прибыло посольство, в составе которого был военачальник Сагату, который потребовал прибытия Индравармана V ко двору монгольского властителя. За этим последовал обмен целым рядом посольств, при этом тямский король, посылая дары, под благовидными предложениями отказывался от поездки, а Хубилай настаивал на его прибытии ко двору^{II}. Наконец, получив в дар прирученных слонов, Хубилай пожаловал Индраварману V инвеституру, при этом в Тямпу должен был выехать Сагату вместе с Ю Ченом, которым было поручено разделить королевство на округа и поддерживать в нём порядок. Фактически Хубилай назначил двух вице-королей для управления Тямпой, старый и дряхлый король которой согласился с таким положением вещей. Однако опиравшийся на поддержку знати и большинства тямов его сын Хариджит^{III} категорически воспротивился этому решению.

Тогда 16-го июля 1282 г. Хубилай повелел Сагату возглавить мобилизованную в южных провинциях империи

^I Не путать с пятым по счёту Индраварманом – узурпатором, захватившим власть в Виджайе в 1191 г.

^{II} Известны послания, которые датированы маем, 1-ым июля, 5-ым октября и 26-ым декабря 1280 г.

^{III} В китайских источниках его называют «Бу Ди».

армию из пяти тысяч солдат с двумястами морскими судами и двумястами пятьюдесятью боевыми кораблями. Но тямы не только не испугались, но и перехватили отправленные в Сиам и в Маабар монгольские посольства. Тогда для того чтобы минимизировать потери, Хубилай сообщил тямскому послу, что он ни в чём не винит старого короля, речь же идёт лишь о нейтрализации его мятежного сына, которого даже не казнят, а просто вывезут в империю. Но и это не помогло. К тому же монголы столкнулись с нежеланием вьетнамцев пропустить их через свою территорию. Поэтому Сагату был вынужден перебросить своё войско в Тямпу на тысяче мелких судов, где он стал лагерем на морском побережье. Тем временем тямы во главе с Хариджитом укрепились на пути монголов в цитадели Моктхана, окружённой земляными валами со сторожевыми башнями и хорошо защищёнными трёхэтажными постами. К югу от Моктхана Хариджит расположил вспомогательную армию. Сначала Сагату попытался договориться с тямами мирным путём, но все его посланцы вернулись ни с чем. Тогда в полночь четырнадцатого дня первого месяца 1283 г. часть монгольской армии в количестве тысячи шестисот человек поднялась по реке, чтобы ударить по цитадели с севера. Ещё триста человек начали её штурм с востока. Наконец, трёхтысячная группировка монголов атаковала тямов с юга. Войскам Сагату противостояла также разделённая на три части десяти тысячная тямская армия, ударной силой которой были боевые слоны. В ходе упорного шестичасового сражения сопротивление тямов было сломлено, из которых более тысячи погибли в бою или утонули. Сагату занял цитадель, а ещё через день начал подготовку к вторжению в столичный округ¹. Тем временем Индраварман V убил захваченного им в плен монгольского посла, сжёг склады с продовольствием и ушёл со своими войсками в горы. А ещё через день тямский король прислал подошедшему к юго-восточным границам столичного округа монгольскому военачальнику письмо с выражением

¹ Столичный округ – скорее всего, речь идёт об округе, центром которого являлась Виджайя.

своей покорности [891, с.174 – 178]. С этого момента началась игра в «кошки – мышки».

Сагату расположился лагерем у тямской столицы и требовал прибытия короля с сыном и вельможами, король тянул время, заверяя, что вот-вот прибудет, каждый раз откладывая свой приезд в монгольский лагерь на два – три дня. Более того, два младших брата Хариджита явились в лагерь Сагату, где рассказывали, что от десяти тысячного войска ничего не осталось, а их старший брат умер от полученных в сражениях ран. Однако подозревавший обман монгольский военачальник продолжал настаивать на прибытии в свой лагерь тямского короля. Посредником в переговорах выступал дядя Индравармана V по материнской линии Бхадрадева⁷, который, в итоге пообещал Сагату выдать Индравармана V вместе с его старшим сыном в обмен на вознаграждение и высокий придворный титул. Однако в то время в лагерь пришёл искавший убежища отряд местных китайцев, которые рассказали, что скрывающийся в горах со старшим сыном и тремя тысячами воинов тямский король ждёт подкреплений из других провинций, для того чтобы возобновить военные действия. В ожидании подкрепления, он при этом уничтожает тех, кто мог бы поддержать монголов, прежде всего – китайских поселенцев. Тем не менее Бхадрадева убеждал Сагату, что это обман, что Индраварман V не хочет воевать, что Хариджит не имеет поддержки и что достаточно направить в каждую провинцию хотя бы одного человека, чтобы они покорились. Сагату поверил. Он отправил своих эмиссаров по рекам в провинции, оставил в башне Баншона тысячу человек и приказал одному из своих военачальников взять сто человек и вместе с Бхадрадевой подчинить себе столичный округ. В случае неподчинения тямов к нему на помощь должен был придти гарнизон Баншона.

Следует отметить, что при занятии столицы произошло совершенно неожиданное для монголов событие. опередив наступавших воинов, Бхадрадева ворвался в город через северные ворота и, вскочив на слона, скрылся в горах⁸.

Сагату всё же удалось установить место, где в горах скрывался отправивший посольства с просьбой о помощи в Дайвьет, Камбуджадешу и на Яву Индраварман V с сыном. Сагату развернул войска и, прорубая себе дорогу в зарослях, нанёс удар тьямам выше крепости Моктханя, при отступлении в сторону которой они потеряли более двух тысяч человек. Но, воспользовавшись тем, что монгольские воины оказались в непроходимой чаще, тьямы перешли в контрнаступление. Поэтому лишь с большими потерями монголам удалось вернуться в свой лагерь. К счастью для Сагату, тогда же в лагерь из империи прибыли суда с провиантом, что позволило ему продолжить кампанию, правда, до этого ему пришлось переформировать войска и восстановить укрепления Моктханя. Затем лично возглавивший войска Сагату нанёс 14-го июня 1283 г. поражение тьямам на канале у озера Дайланг.

После этой победы Сагату в очередной раз предложил скрывшемуся в горах Индраварману V явиться с повинной, в ожидании чего он превратил свой лагерь в крепость и покорил районы О-ли и Вьет-ли вместе с многочисленными племенами, жившими в этих горных районах [891, с.178 – 181]. Но, несмотря на эти победы, ситуация не менялась, а война стоила монголам всё дороже и дороже. Так, во 2-ом месяце 1283 г. пришлось выделить значительные силы для охраны уже упоминавшегося каравана судов с провиантом. В 5-ом месяце того же года на помощь Сагату было отправлено пятнадцать тысяч человек. Никто не хотел добровольно сражаться в Тямпе, куда стали направлять даже приговорённых к смерти преступников. Также имело место дезертирство, при этом не только среди простых солдат, которым рубили головы в случае поимки, но и среди офицеров. Поскольку с началом 1284 г. ничего не изменилось, Хубилай повелел своему военачальнику Атахаю возглавить пятнадцатитысячный корпус и двинуться на помощь войскам, находившимся в Тямпе. О сухопутной дороге через Дайнам не могло быть и речи, поэтому её должны были переправить на двухстах кораблях, но кораблей не хватило. Пока в марте 1284 г. готовили к походу недостающие

транспорты, часть армии разбежалась. Остальная её часть отплыла под командованием Омара в Тямпу. Но и здесь не обошлось без происшествий, так как при подходе к тямскому побережью авангард флота бесследно исчез. При высадке юаньским военачальникам удалось захватить в плен нескольких тямов, которые сообщили о том, что армия Сагату покинула свой лагерь у столицы. Соответственно на его месте были обнаружены лишь остатки сожжённых монголами перед уходом в Южный Китай укреплений. Тогда командовавший монголо-китайским экспедиционным корпусом Лю Цзюньцин направил Индраварману V очередное предложение явиться с повинной, на которое тот ответил, что Сагату так разорил страну, что у него даже не осталось даров для такой поездки. Правда, на следующий год он отправил к юаньцам одного из своих сыновей с дарами, который нашёл врагов у столицы Тямпы. Затем тямский король ещё несколько раз отправлял посольства с драгоценными дарами и ручными слонами уже непосредственно ко двору Хубилая, а с одним из них он даже прислал ему в заложники внука. Однако все эти посольства и дары никак не влияли на ситуацию в самой стране, где монголы, которым приходилось постоянно сражаться с тямскими отрядами укрывавшегося в горах Индравармана V, всё больше страдали от климата, болезней и нехватки продовольствия. Поэтому Хубилай решил во что бы то ни стало покончить с непокорными тьямами.

Для того чтобы действительно покорить Тямпу, была необходима большая армия – слишком большая для её переброски на кораблях. Поэтому оставалась лишь сухопутная дорога через Дайвьет, который отказывался пустить на свою территорию монголо-китайские войска.

Всё это привело к тому, что в 1284 г. империя Юань развязала вторую завоевательную войну против Дайвьета, которая, как известно, завершилась очередным тяжелейшим поражением её войск вторжения.

Музей тямской скульптуры.
Дананг. 03.04.2011 г.

О перипетиях этой войны уже подробно говорилось¹, поэтому здесь можно лишь отметить, что Сагату, выйдя со своим флотом из округа Гуан, вновь вторгся в Тямпу, откуда начал наступление на вьетнамские провинции Нгеан и Тханьхоа. На этот раз ему не повезло. Как уже отмечалось, его войска были разбиты в сражении, сам он погиб в бою, а его голова была поднесена императору Гуманному династии Чан в качестве трофея.

После победы над монголо-китайскими войсками Индраварман V, стремясь избежать повторного вторжения, отправил посольства в Камбуджадешу и в империю Юань. Его посол, принятый Хубилаем 5-го октября 1285 г., преподнёс императору в дар десять музыкантов, лечебные растения, крокодилью кожу и другие ценные вещи. В результате Хубилай отказался от новой попытки завоевания Тямпы, хотя её «инспектирование» продолжалось вплоть до 1289 г. [891, с.188]. Судя по запискам Марко Поло, приблизительно тогда же в 1288 г. скончался истощённый войной престарелый Индраварман V, которому наследовал уже давно правивший страной «де-факто» его старший сын Хариджит, принявший имя Синхавармана III. Во время своего правления он построил святилища Шивы в Пандуранге и современном Дарлаке, которым пожертвовал множество земель, рабов и слонов.

Новый тямский король вёл себя крайне сдержанно по отношению к основателю династии Юань, воздерживаясь при этом от выражения каких-либо знаков покорности. В связи с этим интересно отметить, что когда в самом начале 1293 г. в одной из гаваней Тямпы остановился направлявшийся в экспедицию против Явы имперский флот, Синхаварман III со своим войском воспрепятствовал высадке юаньцев на берег. Поэтому командующий флотом лишь дождался подхода всех судов к месту встречи, разделил флот на две части, главная из

¹ О второй войне Дайвьета против агрессии монголо-китайской династии Юань в 1284 - 1285 гг. смотри «Параграф 1.3.2» «Главы 2» «Части I» настоящего тома.

которых пошла под его началом на Яву, а другая – отправилась покорять другие государства этого архипелага.

Об отношениях Тямпы с Дайвьетом в то время уже достаточно много говорилось выше. В связи с этим лишь интересно оценить с «тямской» точки зрения происходившие события. Первое послевоенное тямское посольство прибыло в Дайвьет в 1293 г. с поздравлениями императору Выдающемуся рода династии Чан, которому, принявший титул Старшего [над] императором Гуманный рода уступил трон. Последний, уставший от воздаваемых почестей, захотел лучше узнать окружающий его мир и посетить священные места. Поэтому в 1301 г., воспользовавшись прибытием тямского посольства к его сыну, он отправился вместе с ним в Тямпу, где пробыл девять месяцев. Синхаварман III оказал Гуманному рода такой приём, что тронутый до глубины души Старший [над] императором обещал отдать ему в жёны одну из вьетнамских принцесс. Надо сказать, что Синхаварман III был одним из редких тямских королей, которые официально женились не только на тямках. Так, например, среди его жён уже была Яванская принцесса королева Тапази. Поэтому вопреки мнению придворных вьетнамского императора, которые считали этот брак унижительным, обещание пришлось выполнять. Наконец в 1305 г. Синхаварман III отправил в Дайвьет посольство со свадебными дарами, состоявших из золота, серебра, благовоний, редких животных и множества удивительных вещей. Кроме того, вьетнамскому императору было передано обещание тямского короля передать ему в день свадьбы округа О и Ли. Император Выдающийся рода не смог устоять перед столь щедрым подарком и в 1306 г. отдал в жёны Синхаварману III, скончавшемуся вскоре после этого в 5-ом месяце 1307 г., свою сестру⁹ [891, с.188 – 191]¹.

¹ О вьетнамской интерпретации этих событий, а также о том, каким образом вьетнамская принцесса была спасена от погребального костра, на котором её должны были сжечь вместе со всеми остальными жёнами Синхавармана III и его телом, и к каким последствиям это привело, смотри «Параграф 1.4» «Главы 2» «Части I» настоящего тома.

1.4. *Кратковременная зависимость Тямпы от Дайвьета*

Новым властителем Тямпы стал сын скончавшегося короля и его первой жены Синхаварман IV, который первым делом поспешил выразить свою покорность императору Выдающемуся рода династии Ли. Но ни население бывших тямских округов О и Ли, ни придворные тямского короля не могли смириться с тем, что северная граница их государства была отодвинута на юг до Перевала Облаков. Начались мятежи и тямские набеги на вьетнамские территории, которые привели к войне 1312 г., завершившейся пленением тямского короля, который, несмотря на почётные титулы и уважение, оказываемое ему в плену, не выдержал испытаний и скончался в начале 1313 г.

Тем временем от имени императора Ли фактически превратившейся во вьетнамскую провинцию Тямпой правил брат Синхавармана IV Те Да-а-ба-нием. В связи с этим интересно отметить, что выполняя свой долг властителя, император Выдающийся рода направил в 1312 г. войска под командованием губернатора¹ Нгеана До Тхиена для отражения нападения Сиама на тямские территории. Надо полагать, что это нападение стало продолжением второго похода сиамского короля Прайя Шья Тхая на Камбуджадешу, которую, по свидетельству монгольского посла при кхмерском дворе, он опустошил в первый раз в 1297 или 1298 гг. В то же время, император Гуманный династии Юань, считавший Тямпу своим вассалом, не признал её захвата Дайвьетом. Поэтому в 1313 г. он потребовал от Ба-ниема прислать ему в дар носорогов и слонов, с тем чтобы подтвердить свой сюзеренитет, но это никак не повлияло на вьетнамского императора. Зато всей этой ситуацией воспользовался тямский наместник, который правил под именем Те Нанг, решивший, что наконец наступил благоприятный момент для восстановления независимости страны и возвращения ей округов О и Ли. Поначалу Те Нанг добился успеха, нанеся поражение вьетнамским войскам под

¹ Легат – устанавливающий закон.

командованием члена императорской семьи Ли Тат Киена, который погиб в сражении. Однако в 1318 г. его армия была рассеяна военачальником по имени Фам Нгу Лао, а сам Те Нанг, опасаясь участи своего старшего брата, бежал на Яву¹⁰. В результате этого Тямпа осталась без легитимного претендента на престол [891, с.191 – 199].

Ганеша. Музей тямской скульптуры.
Дананг. 03.04.2011 г.

Таким образом, *одинадцатая династия тямских королей из Виджайи (1145 – 1318 гг.) выглядит следующим образом: Рудраварман IV (1145 г.) – Хариварман I (1147 – 1167 гг.) – Хариварман II (1167 г.) – Индраварман IV (1167 – 1192 гг.) – Сурьяджайяварман (в Виджайе, 1191 г.) – Индраварман V (в Виджайе, 1191 г.) – Сурьяварман (в Раджапуре, 1192 г., 1192 – 1203 гг.) – Зависимость от Ангора (1203 – 1220 гг.) – Парамешвараварман II (1220 – ? гг.), Джайя Индраварман VI (? – 1257 гг.) – Джайя Синхаварман, он же Индраварман V (1257 – 1266 – 1288 гг.) – Синхаварман III (1289 – 1307 гг.) – Синхаварман IV (1308 – 1312 гг.) – Те Нанг (Зависимость от Дайвьета, 1312 – 1318 гг.).*

1.5. Двенадцатая династия. Правление Те Бонг Нга и эпоха максимального могущества Тямпы

Основателем двенадцатой династии стал местный военачальник Те А Нан, который по рекомендации Фам Нгу Лао был утверждён императором Светлым рода династии Чан королём Тямпы в 1318 г. Как и предыдущие короли, А Нан при первой же удобной возможности попытался восстановить независимость страны. Так, воспользовавшись полученным в 1321 г. повелением Гуманного рода династии Юань прислать ему ручных слонов, он отправил в следующем году в империю своего брата с просьбой о защите от Дайвьета. Юаньский император не преминул воспользоваться этой возможностью досадить вьетнамцам. Разгневанный полученным в 1324 г. письмом с повелением соблюдать самостоятельность тямских территорий, император Светлый рода предпринял в 1326 г. карательную экспедицию против тямов, которая завершилась поражением вьетнамских войск. С этого момента Те А Нан полностью отказался признавать какой бы то ни было сюзеренитет Дайвьета, продолжая при этом направлять посольства с данью к Юаням¹. Но уже спустя несколько лет он отказался признавать и их сюзеренитет. Клонившиеся к своему

¹ Тямские посольства посетили империю Юань в 1327, 1328 и 1330 гг.

закату вьетнамская династия Чан и монголо-китайская династия Юань ничего не могли противопоставить Те А Нану, который самостоятельно правил Тямпой последние одиннадцать лет своей жизни в мире и спокойствии¹¹.

А Нан особенно высоко ценил своего зятя Ча-хоа Бо-де за ум и способности. Поэтому тямский король возвысил его до более высокого положения чем собственного сына Те Мо. Воспользовавшись этим, Бо-де после смерти короля в 1342 г. захватил престол, с чем, естественно, не согласился законный наследник. Потерпев поражение, Те Мо бежал в Дайвьет, где обратился за помощью к императору Богатому рода династии Ли. Беглец был очень хорошо принят при вьетнамском дворе, а Бо-де было направлено послание с напоминанием об уплате дани. Когда же последний прислал дары, то они не были приняты по предлогу того, что они недостаточно богатые. Однако Гуманный рода не торопился с походом на Тямпу. Лишь в 6-ом месяце 1353 г. вьетнамская армия начала наступление, но не найдя в Колуи¹² флота с продовольствием и амуницией, её командующий повернул назад, прихватив с собой Те Мо, который вскоре после этого умер. После этого успеха в 9-ом месяце того же года Бо-де безуспешно попытался вернуть округ Хоа [891, с.199 – 203].

Бо-де наследовал Те Бонг Нга¹. О том, какие у него были родственные связи с его предшественником, ничего неизвестно. Во вьетнамских источниках имя этого короля впервые упоминается под 1376 г., тогда как в «Истории Мин» под 1369 г. сообщается о том, что он был пожалован титулом «Король Тямпы». Правда, как вполне справедливо полагает Ж.Масперо, это могло быть признанием первым императором династии Мин давно свершившегося события. В пользу этого свидетельствует тот факт, что с 1361 г. начинаются активные и всё более успешные непрерывные боевые действия тямов против Дайвьета, которые кончаются с гибелью Те Бонг Нга в 1390 г. Поэтому гипотеза, согласно которой этот король

¹ В китайских источниках Те Бонг Нга называют Э-да Э-чжэ 者阿答阿.

взошёл на тямский престол в 1360 г. представляется вполне обоснованной [891, с.203, 204].

Индуистский храм в святилище Понагар.
Нячанг, 06.04.2011 г.

Тем временем Чжу Юаньчжан, сделав своей столицей Наньцзин, провозгласил себя в 1368 г. «императором Мин»¹ и повелел всем вассалам империи прислать ему дары в знак

¹ Посмертное имя «Великий Предок».

признания власти новой династии. Однако посольство от Те Бонг Нга прибыло ко минскому двору ещё до отъезда имперского эмиссара в Тямпу. За это указом от 11-го января 1370 г. ему были пожалованы титул «Король Тямпы», печать и другие символы власти. В том же году тямский король отправил к Минам ещё одно посольство. С тех пор тямские послы регулярно прибывали с дарами в империю¹³. Интересно отметить, что всё в том же 1370 г. в Тямпу прибыл имперский чиновник с поручением совершить жертвоприношения духам гор и рек, учредить конкурсные испытания для чиновников и передать повеление государям Дайвьета и Тямпы прекратить войны. Понятно, что никаких конкурсных испытаний тямь проводить не стали, а война, как известно, лишь становилась всё более кровопролитной. Любопытно, что на следующий год после разгрома столицы Дайвьета в 1372 г. Те Бонг Нга отправил Великому Предку династии Мин написанное тямским письмом на позолоченном листе послание, в котором он обвинял Дайвьет в агрессии и просил прислать ему оружие, музыкальные инструменты и музыкантов. Свою просьбу он объяснял тем, что благодаря этому вьетнамцы убедятся в поддержке Тямпы империей Мин. По поручению императора министерство обрядов отказало Те Бонг Нга в его просьбе, но при этом в знак благоволения чиновникам провинции Фуцзянь было приказано не брать пошлин с прибывающих туда тямов. Таким образом, несмотря на отказ, тямский король сумел убедить императора Мин в агрессии Дайвьета, который в том году даже не предпринимал попытки нападения на Тямпу, чего он и добивался.

В то время на море свирепствовали пираты, которые грабили все встречавшиеся им корабли. Те Бонг Нга сумел настичь пиратов. Он потопил их флот, оставив двадцать кораблей с семьюдесятью пятью килограммами ценных пород дерева, которые поднёс в дар минскому императору. За это в 1373 г. он получил в ответ богатые дары из империи. Следует также отметить, что к тому времени Мины, регулярно получая жалобы то от тямов, то от вьетнамцев, окончательно решили

не вмешиваться в их войну, ограничившись повелением обеим сторонам жить в мире и согласии. Правда, в 1386 г. Великий Предок династии Мин сообщил государю Дайвьета, что готовит карательный поход против Тямпы, для чего на всём пути из Юньнани в Нгеан он предложил разместить базы с продовольствием. Но вьетнамцы, видимо, опасаясь, что, оказавшись в Дайвьете, имперские войска там и останутся, не ответили на это предложение. В то же время император Мин продолжал показывать своё расположение Те Бонг Нга, с которым двумя годами позже у него чуть не произошёл конфликт. Дело в том, что Великому Предку стало известно о присвоении тямским королём половины слонов, которых кхмерский король отправил ему в дар. В Тямпу было отправлено гневное письмо, но ещё до его получения к минскому двору в 1388 г. прибыл тямский посол с богатыми дарами и извинениями, которые были благосклонно приняты.

В течение всех долгих лет войны с Дайвьетом Те Бонг Нга сумел покорить все вьетнамские южные территории вплоть до Тханьхоа, куда совершал постоянные набеги и где власть вьетнамского императора была достаточно эфемерной. Надо полагать, что если бы не гибель этого великого тямского короля во время его очередной экспедиции против Дайвьета в 1390 г., то вьетнамское государство вполне могло бы попасть в зависимость от Тямпы [891, с.203 – 218]¹.

Таким образом, двенадцатая династия тямских королей из Виджайи (1318 – 1390 гг.) выглядит следующим образом: Те А Нан (1318 – 1342 гг.) – ? – Те Бонг Нга (1360 – 1390 гг.).

1.6. Постепенное ослабление Тямпы и её аннексия при императоре Совершенном рода династии Ле

1.6.1. Тринадцатая династия

Военачальник Те Бонг Нга по имени Ла Кхай сжёг тело погибшего короля, похоронил его пепел согласно обычаям и

¹ О тридцатилетних набегах Те Бонг Нга на Дайвьет и о его гибели смотри «Параграф 1.4» «Главы 2» «Части I» настоящего тома.

ускоренным маршем повёл войска назад в Тямпу, при этом арьергард из слонов вынудил вьетнамцев прекратить его преследование. Опираясь на армию он провозгласил себя королём, тогда как сыновья Те Бонг Нга бежали в Дайвьет, где получили титулы и были обласканы, но не нашли поддержки для возвращения себе престола. Ла Кхай же первым делом отправил посольство с дарами к минскому двору, однако Великий Предок, которому любая аллюзия на собственную узурпацию власти была крайне неприятна, отказался принять в 1391 г. его дары. Но уже 1397 г. тямские подношения были приняты. О самом правлении Ла Кхая почти ничего неизвестно. Можно лишь предположить, что он был жестоким тираном, от которого многие бежали в Дайвьет. Так, в 1397 г. тямский военачальник Те Да Биет, попросивший убежища для себя и своих близких у Кюи Ли, был назначен командующим пограничными войсками в округе Хоа.

Почти сразу же после гибели Те Бонг Нга население завоёванных им территорий Танбиня и Тхуанхоа признали власть Дайвьета, а его лидеру Фан Маню, который получил в награду титул «Генерал армии Светлого устрашения», было поручено командовать войсками этих двух округов, чтобы противостоять тямским набегам. Кроме того, император повелел наказать перешедших на сторону тямов чиновников и отправил в округ Хоа Ле Кюи Ли с инспекционной поездкой. Однако посланная последним на тямскую территорию разведка попала в ловушку, поэтому Кюи Ли ограничился лишь созданием укрепленных постов на границе с Тямпой.

В 1400 г. скончавшегося Ла Кхая сменил на престоле его сын Джайя Синхаварман V, которому сразу же пришлось отражать нападения вьетнамцев. Уже почти год как узурпировавший власть в Дайвьете и успевший передать трон сыну Хо Кюи Ли снарядил в 1401 г. 150-тысячную армию для похода на Тямпу. Сухопутной армией командовали До Ман и Чан Ван, а флотом Чан Тонг и До Нгуен Тхат.

Лакшми. Музей тямской скульптуры. Дананг. 03.04.2011 г.

Джайя Синхаварман V не располагал достаточными силами для отражения этого нападения, но ему на помощь пришла природа с её климатическими условиями. Шедший по побережью Чан Тонг прислушался к советам некоего Динь Дай Чунга и двинулся горной дорогой. В это время началось наводнение. Вьетнамские войска оказались отрезанными от

продовольствия и три дня питались размягчённой на огне кожей своих доспехов. В результате они были вынуждены с огромными трудностями вернуться восвояси. Но в 1402 г. произошло повторное нападение, при этом в первом же бою с вьетнамским авангардом погиб тямский главнокомандующий. Тогда, опасаясь за свою корону и безопасность, король Джайя Синхаварман V отправил к Хо Кюи Ли посольство с дарами и предложением уступить Дайвьету провинцию Индрапуры. Более того, при подписании мирного договора тямов вынудили уступить не только их древнюю столицу, но и всю территорию Амаравати. Вследствие этого Тямпа потеряла половину своей территории, в том числе – низменность с её рисовыми полями.

Хо Кюи Ли разделил свои новые владения на четыре округа под управлением Те Ма-но Да-нана¹⁴, который, как известно, был сыном Те Бонг Нга. Однако почти всё местное население ушло на юг. Поэтому в 1403 г. новые земли были заселены вьетнамскими колоннами, которых набирали из безземельных общинников и насильственно отправляли в новые округа. При этом, для того чтобы они не сбегали, колоннам на руке татуировалось название соответствующего округа. Тогда Джайя Синхаварман V обратился с жалобой на вьетнамскую агрессию к минскому двору. Взошедший к тому времени на престол в империи Предок завершитель¹ отправил в Дайвьет двух полномочных эмиссаров с требованием оставить тямов в покое. Однако Хо Хан Тхьонг не только отказался подчиниться повелению, но и обратился с просьбой об инвеституре, которая и была ему пожалована. Поэтому нет ничего удивительного, что одновременно с этим против Тямпы выступила новая двухсоттысячная армия под командованием всё того же До Мана, который через девять месяцев тяжелейшего пути осадил Виджайю.

Тем временем император Мин узнал об истинном положении вещей. Кроме того, он узнал о том, что Хо Хан Тхьонг, перехватил двух отправленных ему в дар слонов и,

¹ 1403 – 1424 гг.

судя по всему, вознамерился полностью захватить всю Тямпу. Разгневанный непокорностью вьетнамского государя, Предок завершитель повелел направить на помощь Синхаварману V девять боевых кораблей с солдатами, встретившись с которыми вьетнамский флот вернулся восвояси, за что его командующий был разжалован в простолюдины. В то же время встретивший стойкое сопротивление защитников столицы и оставшийся без снабжения из-за ухода флота До Ман также отдал приказ к отступлению. Когда же в 1404 г. Минский император отправил очередное послание с упрёками Хо Хан Тхыонгу и вновь богато одарил тямского короля, испугавшийся государь Дайвьета послал в империю ответное посольство с сообщением о том, что вьетнамские войска ушли из Тямпы и лишь защищают горные проходы. Кроме того, он вернул захваченных им слонов, объяснив, что ему их подарил тямский король при подписании мира. Однако вторжения войск империи Мин в Дайвьет уже нельзя было избежать¹.

Синхаварман V, пославший в 1407 г. в благодарность за помощь множество драгоценных подарков императору Предку Завершителю, получил в ответ хвалебное письмо с не менее ценными дарами. В том же году тямский король вернул себе отданные вьетнамцам в 1402 г. территории, при этом в бою со своими соплеменниками погиб сын Те Бонг Нга, который остался верен приютившим его вьетнамцам. После этого Синхаварман V довольно долго выражал признательность империи. Так, в 1408 г. он отправил к минскому двору своего племянника со слонами и другими дарами. В 1409 и 1410 гг. последовали ещё два посольства, а в 1412 г. тямский король обратился с просьбой прислать ему в знак инвеституры корону и пояс, в благодарность за получение которых на следующий год в империю прибыло очередное посольство с дарами. Правда, назначенный губернатором захваченного Дайвьета минский военачальник Чжан Фу попытался подчинить себе

¹ О Минском вторжении в Дайвьет, пленении семьи Хо и двадцатилетней зависимости Вьетнама от империи Мин смотри «Параграф 2» «Главы 2» и «Параграф 1» «Главы 3» «Части I» настоящего тома.

спорную территорию Амаравати. Более того, несмотря на то что Синхаварман V пообещал отдать ему свою дочь и деньги, Чжан Фу всё же обратился к императору с просьбой разрешить экспедицию против Тямпы. Но император Мин лишь повелел ему назначить губернатора и вице-губернатора для управления этой территорией. При этом даже отказ Синхавармана V допустить в Амаравати имперских чиновников не привёл к войне. Тямский король продолжил посылать в империю ежегодные посольства с дарами¹, а в 1436 г. он попросил позволения присылать дары один раз в три года подобно Аве^{II} и Сиаму. Но поскольку торговавшие в империи тямцы нуждались в льготах, ежегодные посольства возобновились уже в 1438 г.

Сразу после изгнания имперских войск из Дайвьета в 1427 г. Синхаварман V отправил к основателю династии Ле посла с поздравлениями, который был принят с почестями и вернулся с богатыми дарами. Однако, когда после смерти Ле Лоя на престол в Дайвьете взойшёл одиннадцатилетний император Великий рода династии Ле, тямский король решил, что наступил благоприятный момент для восстановления Тямпы в границах времени правления Те Бонг Нга. Поэтому в 1434 г. он отправил войска в округ Хоа, а его флот появился у берегов Дайвьета, при этом два тямских посла были направлены ко двору вьетнамского императора. Их задержали и заставили присутствовать на военном параде, после чего их отпустили. Надо полагать, что рассказ послов об увиденном испугал Синхавармана V, так как прибывшие в округ Хоа вьетнамские военачальники встретили там лишь тямских посланников со слонами и выражением покорности. В том же году Тямпа и Дайвьет обменялись посольствами и мир был восстановлен [891, с.219 – 227].

Таким образом, обеспечив безопасность тямских границ на севере, Синхаварман V занялся завоеванием кхмерских территорий на юге, которому не помешали даже упрёки

¹ Посольств не было лишь в 1421 и 1437 гг.

^{II} Бирма.

минского императора, последовавшие в ответ на жалобы в 1408 и 1414 гг. кхмерского короля Тяу Понеа Ята. Известно, что в 1421 г. сын тямского короля Наук Глаун Виджайя захватил город Нагара Брах Канду¹, где возвёл святилище Трибхуванагранты Вишну¹¹ с его грандиозной статуей.

Шива. Музей тямской скульптуры. Дананг. 03.04.2011 г.

В правление Синхавармана V в Тямпе более месяца пробыл возвращавшийся с Явы итальянец Николо деи Конти¹¹¹, путешествовавший по Азии как мусульманский торговец. Также не исключено, что с этим временем следует связывать историю королевы Даравати, которая стала женой государя Маджапахита и принесла на Яву ислам. Известно, что она была сестрой тямского короля и умерла, как об этом свидетельствует надпись на надгробии, в 1448 г. Однако сохранившийся в яванской исторической традиции сюжет об

¹ Скорее всего, это современный Биенхоа в Южном Вьетнаме.

¹¹ Путешествующий [по] трём мирам Вишну.

¹¹¹ 1395 – 1469 гг.

этой тямской принцессе не позволяет утверждать, что она была сестрой Синхавармана V [891, с.227, 228].

После сорока лет правления Синхаварман V скончался в 1441 г. Тогда же исчезает и тямская эпиграфика, последние надписи которой были сделаны не этим королём, а его сыном Наук Глаун Виджайей, гордо именовавшим себя «Победитель Аннама». По неизвестной причине он уступил корону одному из своих племянников Маха Виджайе, который, взойдя на трон и получив инвеституру от династии Мин, возобновил набеги на пограничные вьетнамские территории. В 1444 г. грабившие округ Хоа тямы ушли лишь после того, как против них была направлена большая вьетнамская армия. А в 1445 г., когда Маха Виджайя напал на цитадель в Анзунге, его войска были захвачены врасплох наводнением. В результате они понесли серьёзные потери и с большим трудом смогли вернуться домой. Всё это закончилось для Маха Виджайи достаточно печально.

Вьетнамский двор известил о тямских нападениях императора Выдающегося рода династии Мин и, несмотря на его повеление обеим сторонам заключить мир и соблюдать установленные границы, вьетнамская армия выступила под командованием Ле Кха и Ле Тхо из Хахоа¹ против Тямпы. Она спустилась по реке Ли, прошла через Дайланг и Колуи и 23-го числа 4-ой луны 1446 г. появилась у порта Шри Вини¹¹, где вьетнамцы никого не обнаружили, так как, рассчитывая отбиться от штурма, тямский король укрылся с войсками в Виджайе. Однако он не предусмотрел предательства своего племянника Маха Кюи Лая, который обещал сдать город врагу в обмен на корону. Через два дня Виджайя пала. Вьетнамцы вывели Маха Виджайю с его жёнами и наложницами, слонами, лошадьми, оружием и сокровищами. В 6-ом месяце тямского короля доставили к императору Гуманному рода, который на торжественной церемонии «представил» пленных предкам династии Ле, после чего пленных тямов отпустили

¹ Порт в провинции Хатинь.

¹¹ Порт Тхинай. В то время - порт Виджайи.

домой. Не отпустили только Маха Виджайю с несколькими жёнами. В плену с ним хорошо обращались и даже вернули корону, пояс и королевский костюм для встречи с тямским послом, но вопреки повелению императора Мин на родину его так и не отпустили.

Взошедший в результате предательства на престол в 1446 г. Маха Кюи Лай получил инвеституру и от вьетнамского, и от китайского императоров, при этом последний посоветовал ему сохранять хорошие отношения с Дайвьетом, куда уже в 1447 г. прибыло тямское посольство с данью. Однако в 1449 г. этот предатель был заключён в тюрьму своим младшим братом Маха Кюи Зо, который провозгласил себя королём. Последний дважды безуспешно пытался получить инвеституру от Гуманного рода, но лишь получал гневные послания, в которых вьетнамский император упрекал его в узурпации власти. Кюи Зо достаточно долго выжидал, прежде чем обратиться за инвеститурой в империю. Лишь в 1453 г. его послы, которые прибыли ко двору императора Блистающего рода династии Мин, объявили о кончине Кюи Лая и получили инвеституру для его брата. Когда же в 1457 г. Выдающийся рода вернулся на трон в империи Мин, Кюи Зо принёс ему клятву верности. В конце того же или в начале следующего года Кюи Зо был убит вельможей по имени Маха Бан-ла Чангюет [891, с.227 – 234].

Таким образом, *тринадцатая династия тямских королей из Виджайи (1390 – 1458 гг.) выглядит следующим образом: Ла Кхай (1390 – 1400 гг.). – Джайя Синхаварман V (1400 – 1441 гг.) – Маха Виджайя (1441 – 1446 гг.) – Маха Кюи Лай (1446 – 1449 гг.) – Маха Кюи Зо (1449 – 1458 гг.).*

1.6.2. *Четырнадцатая династия*

Происходивший из Шри Вини Маха Бан-ла Чангюет был женат одновременно на дочери и на племяннице Маха Виджайи. Этот тямский король, выразив покорность и поднеся дары императору Мин, не сделал того же в отношении Дайвьета, из-за чего ему пришлось просить защиты у

императора Выдающегося рода от вьетнамцев. В 1460 г. Нгюет отрёкся от трона в пользу своего младшего брата Бан-ла Ча-тоана, у которого сразу же возникли серьёзные проблемы с Дайвьетом. Так, когда считавший Тямпу своим вассалом император Совершенный рода династии Ле потребовал прислать ему белых слонов, имперский чиновник, который по поручению династии Мин занимался фиксацией границы между Тямпой и Дайвьетом, заявил, что в его полномочия не входит установление согласия между давними врагами. Более того, только что взошедший на престол в империи Мин Наставник рода лишь посоветовал тямскому королю не волноваться. Оставшийся без поддержки Тоан был вынужден в 1467 г. прислать дань ко двору императора Дайвьета, который, стремясь поставить себя на один уровень с Минами в отношениях с Тямпой, дополнительно потребовал подношения носорогов, слонов и драгоценных вещей. В ответ на это требование тямский посол заявил буквально следующее: «Моя страна выполняет повеления Вашего Величества, как сын [слушается] родителей. Это новое предписание, [и] я не имею полномочий [для принятия] решения. Ваше Величество [само должно] направить посланника к моему королю, [чтобы] спросить [у него] согласен [ли] он удовлетворить [это требование]» [891, с.235]. Соответственно Ча-тоан не только отказался выполнить новое требование Совершенного рода, но и, поставив о нём в известность минского императора, решил отстаивать независимость своей страны силой оружия. В третьем месяце 1469 г. тямский флот напал на округ Хоа, а в восьмом месяце следующего года сотысячная армия во главе с самим королём Тямпы вторглась в этот округ. Его наместник Фам Ван Хисн, заняв оборону в цитадели своей резиденции, известил вьетнамского императора о тямском нашествии.

Император Совершенный рода династии Ле только и ждал такого повода. Для начала, чтобы избежать проблем на северной границе, он известил минского императора о причинах, побудивших его начать войну. После чего 6-го числа 11-ой луны 1470 г. император Дайвьета подписал

длинное послание тямам, в котором упрекал тямского короля в убийствах и узурпации власти, нападениях и грабежах, угнетении собственного народа и в регулярных попытках оклеветать вьетнамцев в глазах минского императора. Послание начиналось словами: «Через месяц [повсюду будет] царить спокойствие... Ваш последний час пробил», а завершалось следующей фразой: «В соответствии с волей Неба я решил овладеть вашим королевством, чтобы ценой недолгих испытаний смыть позор [поражений] предыдущих императоров [Дайвьета]» [891, с.236]. На следующий день император Совершенный рода молился в храме предков, которым «сообщил» о своём решении окончательно покончить с Тямпой. Наконец 16-го числа того же месяца армия Дайвьета выступила в поход. 6-го числа следующего месяца она встретилась у горы Тхьет¹ с авангардом своего флота. 18-го числа вьетнамский флот вошёл в тямские воды. Наконец 2-го числа первой луны 1471 г. прекрасно подготовленная двухсот пятидесятитысячная вьетнамская армия¹¹ под командованием Совершенного рода двинулась в наступление.

В ответ Ча-тоан повелел своему брату посадить на слонов пять тысяч воинов и напасть врасплох на вьетнамский лагерь. Узнав об этом, император повелел командующему левым крылом Ле Хи Каку и возглавлявшим авангард Ле Тхе и Чинь Лук Шаю высадить десант в порту Шаки¹¹¹, чтобы отрезать противнику все пути к отступлению. Одновременно с этим другой вьетнамский военачальник Нгуен Дык Чунг перекрыл горные дороги. Сам же Совершенный рода во главе семидесятитысячного войска двинулся навстречу противнику. Окружённые тямы, начавшие беспорядочное отступление к Виджайе, натолкнулись у порта Шаки на вьетнамский заслон. В панике они бросились в горы, но и там они были встречены

¹ В уезде Хынгигуен провинции Нгеан.

¹¹ В сухопутной армии было сто пятьдесят тысяч солдат и офицеров, тогда как флотские экипажи и находившиеся на кораблях десантные части насчитывали сто тысяч человек.

¹¹¹ В уезде Биньшон провинции Куангнга.

вьетнамцами. Полный разгром тямов завершил подошедший со своим войском император Дайвьета. Напуганный известием об этом поражении, Ча-тоан отправил к вьетнамскому императору одного из членов своей семьи с уверениями в покорности, но Совершенный рода не обратил на это внимания и продолжил наступление.

Музей тямской скульптуры.
Дананг. 03.04.2011 г.

27-го числа вьетнамская армия подошла к порту Шри Вини, который пал через два дня, а вьетнамцы вышли к укреплениям Виджайи. Начался штурм. 60000 тямов пали в сражении, 30000 были взяты в плен, в их числе сам Ча-тоан и 50 членов его семьи. Совершенный рода даровал тямскому королю жизнь, повелел с ним хорошо обращаться и даже позволил остаться при нём двум из его жён. Однако Ча-тоан не выдержал обрушившихся на него несчастий. Он заболел и умер на борту перевозившей его в Нгеан джонки. Его тело было кремировано, пепел развеян по ветру, а на носу корабля императора Дайвьета была закреплена пика с его отрубленной головой и белым знаменем, на котором было начертано:

«Голова порочного [по] натуре Ча-тоана, [короля] бывшей Тямпы»¹⁵ [891, с.239].

Тем временем один из тямских военачальников по имени Бо Чи Чи собрал остатки войск, провозгласил себя королём и отправил послов к императору Совершенному рода династии Ле с данью и клятвой о признании его сюзеренитета, которые были приняты. Тогда же была установлена граница между Тямпой и Дайвьетом, которой стала гора, разделявшая провинции Фуиен и Кханьхоа и завершавшаяся мысом Варела¹. По мирному договору Тямпа теряла не только провинцию Амаравати, которой уже один раз лишалась в 1402 – 1407 гг., но и провинцию Виджайя. В результате она осталась лишь в границах Каутары и Пандуранги [891, с.234 – 241].

Последний оплот тямов: святилище Понагар.
Ньячанг, 06.04.2011 г.

Таким образом, *тринадцатая династия тямских королей из Виджайи (1458 – 1471 гг.) выглядит следующим образом: Маха Бан-ла Ча-нгюет (1458 – 1460 гг.). – Маха Бан-ла Ча-тоан (1460 – 1471 гг.).*

¹ Фуиен и Кханьхоа: это названия вьетнамских провинций первой половины XX в. Мыс Варела находится недалеко от современного Туихоа.

Совершенный рода сначала создал на завоёванной территории три уезда, которые затем преобразовал в три округа, объединённые в 6-ом месяце 1471 г. в провинцию Куангнам¹⁶. Многие тямы покинули родные места, уйдя в Камбоджу и на территорию современного Южного Вьетнама. И хотя империя Мин продолжала признавать тямских королей вплоть до 1543 г., история Тямпы как самостоятельного государства фактически завершилась в 1471 г. Правда, следует отметить, что ещё в течение двух – трёх веков подвергавшиеся нападениям тямских пиратов мореплаватели опасались приближаться к берегам Центрального и Южного Вьетнама.

2. Атексия Южного Вьетнама Дайвьетом в XVII – первой половине XVIII вв.¹⁷

Как известно, обосновавшиеся в конце XVI – XVII в. в Центральном Вьетнаме государи рода Нгуен ликвидировали сохранявшиеся с XV в. остатки тямской государственности. В результате Каутара и Пандуранга были преобразованы в два военных округа¹⁸ Чанбиен и Кхайкханг, что привело в 1692 г. к восстанию тямов под руководством формально правившего страной короля Ба Ча. Восстание было жестоко подавлено, король и его приближённые – казнены, а его личные земли преобразованы в военный округ Тхуантхань, который позднее был переименован в провинцию Биньтхуан под управлением тямского принца.

После этого Нгуены обратили своё внимание на принадлежавшие Камбодже территории Южного Вьетнама, куда в первой половине XVII в. бежало много вьетнамских ссыльных, дезертиров и бродяг, которые стали естественной опорой Нгуенов. В 1658 г. под предлогом того, что кхмеры нарушили границу, губернатор Чанбиена захватил поселение Мойсуй и разбил войска выступившего на его защиту короля Анг Чана, который в клетке был привезён в Хюе и отпущен лишь после принесения клятвы верности Нгуенам. Однако братья Анг Чана, отказавшись признавать сюзеренитет вьетнамцев, провозгласили себя королями-соправителями.

Тогда, воспользовавшись династийными распрями в Камбодже, вьетнамцы в 1673 г. сумели сделать правителями Удонга и Прей Нокора¹ своих ставленников.

Надо отметить, что и в дальнейшем борьба между членами кхмерского королевского дома сыграла на руку Нгуенам. Так, когда в 1679 г. попытавшийся захватить власть в Камбодже властитель Прей Нокора Анг Нон был разбит с помощью Сиам своим двоюродным братом Анг Сором, он бежал в Хюс. Именно тогда в Дананг пришла флотилия с тремя тысячами бежавшими из империи Цин сторонниками свергнутой династии Мин во главе с Ян Яньди и Чэнь Аньлином, которые просили позволения поселиться на подвластных Нгуенам землях. Король Мудрый Нгуен-фук Тан отдал беглецов Анг Нону, который поселил их в своём уделе. Чэнь обосновался в Биенхоа, где китайцы очень успешно стали заниматься рисоводством. Ян же со своими людьми занялся пиратством в Митхо на восточном притоке Меконга. В 1682 г. Анг Нон вновь безуспешно попытался захватить кхмерский престол. Однако, прибегнув для этого к помощи Яна и его людей, он оказался не в состоянии их снова себе подчинить. Через несколько лет Анг Нон обратился за помощью к Нгуенам, которые разгромили пиратов, казнили Яна и отдали оставшихся в живых его людей Чэню. Но на этом вьетнамцы не остановились. Они вынудили кхмерского короля Анг Сора признать сюзеренитет Нгуенов, а после его смерти заставили его сына Анг Ема принять вьетнамского наместника, преобразовав при этом подвластную ему территорию в два военных округа. Но и на этом захват кхмерских земель не завершился.

На берегу Сиамского залива в районе Хатиена под руководством ещё одного бежавшего от династии Цин сторонника Минов по имени Мо Мэй возникло несколько процветающих китайских поселений, в частности – Кампот. Когда же в 1714 г. вмешавшиеся в кхмерские междоусобицы Сиамские войска напали на китайские поселения в Хатисне,

¹ Современный Хошимин.

Мо Мэй бежал в Хюе к Нгуенам, которые не преминули оказать ему поддержку. Они изгнали сиамцев и назначили Мо Мэя наместником Хатиена. Кроме того, продолжив наступление, Нгуены захватили ещё часть Камбоджи, создав на ней округа Диньтыонг и Лаунгхо.

В 1739 г. кхмерский король попытался вернуть потерянные территории, но его нападение было отражено сыном Мо Мэя – Мо Тяньнем, который к тому времени сменил умершего отца на должности наместника Хатиена. Это дало вьетнамцам повод для очередного вторжения в Камбоджу. В результате при подписании мирного договора в 1749 г. кхмерский король был вынужден отказаться от всех притязаний на территории к югу от Зядини вплоть до пересекающего провинцию Митхо рукава Меконга.

Таким образом, на протяжении XVII – 1-ой половины XVIII в. Нгуены завоевали для Дайвьета южную часть тямских территорий и всю территорию древней Водной Ченлы, границы которых соответствуют современным границам южной части Центрального и Южного Вьетнама. Поэтому говорить о вьетнамском государстве в современных границах можно лишь с 1749 г.

Часть II

Общие выводы и периодизация истории Вьетнама XI – XVI вв.

Несложно заметить, что описанная в настоящем томе эпоха вьетнамской истории во многом предопределила всё дальнейшее развитие страны, прежде всего – своеобразие этого развития.

Во вьетнамоведении первую часть этой эпохи принято называть «эпохой Ли – Чан», к которой обычно присоединяют кратковременное правление династии Хо со столь же недолгой зависимостью от империи Мин. При этом первое упоминается лишь для того, чтобы указать на предательство и узурпацию власти, а вторую – чтобы подчеркнуть тот урон, который был причинён оккупантами Дайвьету на протяжении двадцати лет.

Вторую часть этой эпохи¹ принято считать «золотым веком» вьетнамского феодального государства, которое при первых императорах династии Ле, особенно благодаря реформам императора Совершенного рода, стало почти идеально сбалансированным и гармоничным механизмом управления обществом.

Однако весь материал настоящего тома свидетельствует о том, что эта, правильная на первый взгляд, периодизация не соответствует действительности.

Представляется, что на самом деле она выглядит следующим образом.

1. Эпоха Ли

Начальный этап правления династии Ли логически относится к эпохе правления династий из Хоалы^{II}, при этом завершается он не в 1010 г. с переносом столицы в Тханлаунг, а в 1054 г. заменой буддийской сангхи Уянь Туна сангхой Тхао Дьонга в качестве официальной государственной идеологии.

Поэтому представляется, что правление династии Ли с 1054 по 1225 г. является самостоятельной эпохой в истории вьетнамского феодального государства.

В рамках этой эпохи выделяются два отдельных периода: с 1054 по 1127 г. и с 1128 по 1225 г. Это деление связано с тем, что в 1127 – 1128 гг. в Дайвьете произошла скрытая смена династий^{III}. Но поскольку ни название династии, ни её политика, ни её официальная религиозно-идеологическая составляющая не изменились, то правильнее говорить не о двух династиях Ли, а о ранней и поздней ветви единой общевьетнамской династии Ли. Соответственно в течение всей эпохи Ли официальная идеология Дайвьета была представлена одной из сангх буддизма школы Созерцания. С этой эпохой также следует связывать развитие крупного частного землевладения и первый этап формирования вьетнамского

¹ Исключение составляют последние две трети XVI в.

^{II} 980 – 1099 гг.

^{III} См. «Параграф 2» «Главы 3» «Части I» настоящего тома.

централизованного феодального государства. Помимо прихода к власти в Дайвьете поздней ветви династии правящей династии в качестве различий же между первым и вторым периодами «эпохи Ли» можно указать на следующие их особенности.

Период с 1054 по 1127 г. связан с упрочением и окончательным оформлением вьетнамской государственности. Именно в то время с захвата ряда тямских территорий на юге Нгеана в 1068 – 1069 гг. начинается знаменитый вьетнамский «марш на юг». Тогда же вторгшаяся под командованием Ли Тхьонг Киета на территорию империи Сун вьетнамская армия наносит в 1075 г. упреждающий удар на севере, а в 1077 г. успешно отражает вторжение сунских войск.

Период с 1128 по 1225 г. в основном характеризуется внутренними проблемами. В это время начинаются восстания горных национальных меньшинств и крестьянские мятежи, при этом если поначалу они происходили в основном в горных и предгорных районах, как, например, в 1140 – 1141 гг., то в начале XIII в. крестьянские волнения уже охватывают низменность Северного Вьетнама. Последнее было связано с ростом частного землевладения, превращением свободных общинников в зависимых, ростом власти крупных феодальных родов и междоусобной борьбой между ними за влияние на правящую династию, что привело к её резкому ослаблению в конце XII – начале XIII в.

2. Эпоха Чан

Второй в истории вьетнамского централизованного феодального государства следует считать эпоху правления династии Чан, которая также делится на два периода, первый из которых датируется временем с 1225 по 1290 г. и определяется двумя моментами. Прежде всего – это три войны с монголами и монголо-китайской империей Юань, в ходе которых вьетнамцы не только победили, но и выработали неоднократно применявшиеся ими впоследствии стратегию и тактику войны со значительно превосходящим их по силам

противником. Другим моментом, который, несомненно, меняет общепринятую точку зрения на события, связанные с приходом к власти династии Чан, является то, что согласно обоснованной гипотезе, первым императором династии Чан был не император Высокий рода Чан Кань, а его отец – император Высокий Предок Чан Тхья. Если это так, то второй правил в 1225 – 1231 гг., а первый в 1232 – 1257 гг.¹

Второй период, который начинается в 1291 г., связан со следующими основными характеристиками. Во-первых, в то время сложилась практика, согласно которой достигший зрелого возраста император формально удалялся на покой, принимал титул «Старший [над] императором» и передавал трон своему, как правило, малолетнему сыну. Во-вторых, это период крупных крестьянских волнений, вызванных голодом, который стал одним из последствий войн с Юанями. В-третьих, в те годы с переменным успехом шли постоянные войны с Тямпой, Камбуджадешой и Сиамом. Так, в 1312 – 1318 гг. Дайвьету впервые удалось на короткое время завоевать Тямпу, а в 1375 – 1390 гг. уже тямь контролировали северные территории вплоть до Тханьхоа. В-четвёртых, в 1299 г. происходит смена буддийской сангхи Тхао Дьонга учением буддийской школы «Бамбуковой рощи», основателем которой считается ушедший в монахи император Гуманный рода династии Чан. При этом важно подчеркнуть, что вплоть до конца первой трети XIV в. позиции буддизма как официальной идеологии вьетнамского государства так и не были поколеблены. В-пятых, в первой половине XIV в. в Дайвьете стало доминировать крупное частное землевладение в форме «имений и уделов», собственниками которых были как родственники правящей династии и высшая феодальная знать, так и буддийские монастыри. В-шестых, именно тогда началось столкновение интересов крупных землевладельцев и формировавшегося чиновничества, получавшего кормление с общинных земель.

¹ Смотри «Таблицу №2» в «Томе VI».

В связи с этим возникает проблема конечной даты этого периода развития централизованного феодального государства во Вьетнаме. Согласно общепринятой точке зрения, он завершается одновременно с падением династии Чан в 1400 г., что, если исходить из династийного принципа периодизации, не вызывает сомнения. Вместе с тем представляется, что конец «эпохи Чан» следует датировать не концом правления этой династии, а началом деятельности Хо Кюи Ли в 1371 г., так как именно с его выдвижением начинается как борьба с крупным частным землевладением в лице родственников правящей династии и высшей феодальной знати, так и наступление выражавшего интересы служилого чиновничества неоконфуцианства на позиции буддизма в государственной идеологии.

Таким образом, вторая эпоха истории вьетнамского централизованного феодального государства, или «эпоха Чан», датируется временем с 1225 по 1370 г.

3. Эпоха смены официальной государственной идеологии Дайвьета

Исходя из вышеизложенного понимания процессов, протекавших во вьетнамском обществе в XI – XVI вв., представляется возможным сделать вывод о том, что время с 1371 по 1427 г. является единой, третьей по настоящей периодизации эпохой его развития, которая делится на три периода.

Её первый период датируется 1371 – 1400 гг. Это время борьбы Ле Кюи Ли за власть, в ходе которой он сумел ликвидировать многих своих противников и осуществить ряд реформ как в области государственного строительства, так и социально-экономического характера. Тогда же, в 1390 г., во время экспедиции против Дайвьета погиб тямский король Те Бонг Нга, смерть которого во многом предопределила дальнейшую судьбу Тямпы.

Южновьетнамские типажы. Девушки-гиды в святилище Понагар.
Нячанг. 06.04.2011 г.

Второй период датируется 1400 – 1407 гг. Он мало чем отличается от первого, так как является временем правления узурпировавшей власть династии Хо. В связи с этим интересно лишь отметить, что Хо Кюи Ли уже через шесть месяцев после своего воцарения, подобно императорам династии Чан, принял титул «Старший [над] императором» и уступил трон сыну, сохранив в своих руках всю власть. Он ещё более ожесточённо стал преследовать своих противников, продолжал воевать с Тямпой и завершил первый этап своих реформ Дайвьета, результаты которых так и не успели сказаться из-за минского вторжения.

Завершается эта эпоха третьим периодом, который датируется 1407 – 1427 гг. и связан со второй, не в пример первой – кратковременной, зависимостью вьетнамского государства от империи Мин. При этом если до 1414 г. ещё отмечаются попытки сторонников легитимной династии Чан противостоять оккупантам, то с этого года они становятся полновластными хозяевами Дайвьета.

В исторической науке принято считать, что эта зависимость принесла огромные беды вьетнамскому народу, при этом особенный ущерб был нанесён его культуре. Не отрицая этого тезиса, следует подчеркнуть, что зависимость от Мин во многом способствовала успеху начинаний первых императоров династии Ле. Во-первых, благодаря ей были ликвидированы все хоть сколько-нибудь значимые лидеры династий Чан и Хо, которые могли бы составить внутреннюю оппозицию династии Ле. Во-вторых, выступившие на стороне захватчиков противники династии Хо автоматически оказались предателями национальных интересов в глазах подавляющего большинства населения. Наконец, в-третьих, именно этот период предопределил принятие первыми императорами Ле неоконфуцианства в качестве официальной идеологии своей династии.

Как известно, государственной идеологией династии Чан был буддизм, который до 1371 г. не испытывал серьёзного давления со стороны конфуцианского учения, ряд положений

которого начал использоваться в государственном аппарате Дайвьета с конца XIII в. Однако с последней трети XIV в. идеологической основой борьбы Хо Кюи Ли с феодальной знатью стало конфуцианство. У него просто не было другого выбора, так как одними из его главных противников являлись бывшие крупными землевладельцами буддийские монастыри. Совершенно неизвестно, каков был бы баланс между буддизмом и конфуцианством, если бы Хо Кюи Ли сумел успешно завершить свои реформы, а династия Хо царствовала хотя бы ещё два – три века. Однако случилось так, что, как и большинство остальных крупных землевладельцев-буддистов, представители официальной буддийской сангхи поддержали вторжение имперских войск в Дайвьет. Соответственно буддизм как государственная идеология стал идеологией предателей, единственной альтернативой которой в этом культурном ареале оставалось конфуцианство. Иными словами, свергнувший Хо Кюи Ли император Предок завершил династии Мин «де-факто» завершил негативную часть его начинаний, тем самым создав наиболее благоприятные условия для реформ первых императоров династии Ле.

Таким образом, время с 1371 по 1427 г. по своей сути является «эпохой смены официальной государственной идеологии Дайвьета».

4. «Золотой век» средневекового государства во Вьетнаме

Как уже отмечалось, время с 1428 по 1527 г. вполне справедливо считается эпохой «золотого века» средневекового вьетнамского государства, которая, в принципе, как и предыдущая эпоха, может быть разделена на три основных периода.

Первый, с 1428 по 1460 г. – это время становления и укрепления власти новой династии Ле, в течение которого было окончательно покончено с внутренней оппозицией и начато осуществление реформирования государственной организации.

Второй период, который датируется 1460 – 1497 гг., является временем правления императора Совершенного рода династии Ле. В результате реформ этого императора была создана единая и непротиворечивая неоконфуцианская структура государственной организации, следствием которой стал наивысший расцвет средневекового Дайвьета. Почти идеальное соответствие надстройки и базиса в структуре его государственной организации стало мощным импульсом развития вьетнамского общества XV в., но в отсутствие альтернативы, особенно в области идеологии, оно же привело к его последующему застою и упадку в XVII – XIX вв.¹. Строго говоря, именно время императора Совершенного рода и является «золотым веком» вьетнамского государства эпохи развитого феодализма.

Наконец, период с 1428 по 1527 г. является временем постепенного усиления феодальных кланов и смут, сначала приведших к ослаблению династии Ле, а затем – к расколу власти в Дайвьете.

5. Эпоха Северной династии Мак и Южной династии Ле

В 1527 г. выдвинувшийся на передовые позиции в конце XV – начале XVI в. феодальный клан Мак попытался свергнуть династию Ле и узурпировать власть в Дайвьете. Как известно, другие феодальные кланы поддерживали легитимную династию, в результате чего на севере страны воцарилась династия узурпаторов Мак, тогда как на юге формально сохраняли власть императоры Ле. Такое положение вещей сохранялось вплоть до 1599 г., когда Дайвьет был вновь объединён под властью династии Ле. Однако на самом деле власть формально вновь объединившей страну династии оказалась номинальной. Время с XVII по XVIII в. стало эпохой феодальной смуты, в течение которой от имени династии Ле Дайвьетом фактически правили феодальные кланы Чинь и Нгуен. Принципиальное же различие между кланом Мак и кланами Чинь и Нгуен заключается в том, что

¹ См. «Том III».

если первые попытались свергнуть имевшую благодаря своим свершениям в XV в. огромный авторитет во вьетнамском обществе династию Ле, то вторые, обвиняя друг с друга в стремлении узурпировать власть, выступали под лозунгом защиты интересов легитимной династии.

Таким образом, вьетнамская история с 1527 по 1599 г. может быть определена как самостоятельная «эпоха Северной династии Мак и Южной династии Ле». Именно по этой причине, хотя она и открывает собой эпоху феодальных смут XVI – XVIII вв., её описание вошло в настоящий том, а история борьбы феодальных кланов Чинь и Нгуен была включена в состав «Томе III».

6. Дайвьет и королевство Тямпа, общие выводы

Представляется, что периодизация основных этапов тямской истории XI – XVI вв. достаточно чётко отражена в «Части I» настоящего «Заключения». Поэтому в дополнение к сказанному, представляется необходимым указать ещё лишь на два момента.

Тямки-мусульманки в мечети. Хошимин. 11.04.2011 г.

Во-первых, с Тямпой связано появление ислама во Вьетнаме. Согласно существующей легенде, впервые арабские мусульманские миссионеры посетил Тямпу по пути в империю Тан в VII в., однако первым свидетельством их появления в Центральном Вьетнаме является покрытая арабскими письменами колона X в. на морском побережье у Фанранга. В дальнейшем мусульманские торговцы достаточно регулярно посещали Тямпу по пути из Явы в Малайзию. Также существует гипотеза, согласно которой одна из тямских принцесс стала основоположницей ислама в Маджапахите на Яве. Наконец, в источниках имеются сообщения о смешанных тямско-арабских браках XIV – XV вв.¹. Однако настоящее распространение ислам получил среди тямов, бежавших из страны после её падения в 1471 г. Постепенно они обратили в свою веру и большую часть своих оставшихся на родине соплеменников¹⁹.

Во-вторых, это так называемый начатый в 1069 г. и завершённый в 1749 г. «марш на юг», в результате которого «марша» в состав вьетнамского государства была включена территория современного Вьетнама к югу от провинции Нгеан. Но если вьетнамцам удалось ассимилировать территории вплоть до современной провинции Куангчи, то население более южных районов страны смогло сохранить многие из своих этнокультурных особенностей.

Таким образом, за включение в состав своих границ территорий к югу от провинции Куангчи Вьетнам, хотя и в меньшей степени, чем Китай, «заплатил» двуцентричностью государственного устройства, что до последнего времени обычно «замалчивалось» в современном вьетнамоведении²⁰.

¹ Смотри «Параграф 1.6.1» «Части I» настоящего «Заключения».

КОММЕНТАРИЙ

Введение

¹ В случае требующих пояснения расхождений между взглядами авторов глав настоящего тома и общей концепцией «Полной академической истории Вьетнама» или в том случае, когда какая-то проблема требует дополнительного освещения, они даются в специальных примечаниях в рамках «Комментария» или в постраничных сносках, имеющих обычный порядковый номер, после которого стоит символ «*».

² В связи с этим следует сказать о монографии И.Н.Машкиной, о которой не упоминалось при характеристике работ по средневековой истории Вьетнама [472]. В этой работе она опубликовала свой вариант сделанного ею с иероглифического текста перевода на русский язык летописного свода «Краткое [изложение] истории [Великого] Вьета», который она называет «Краткая история [государства] Вьет» [472, с.132 - 277].

Будучи китайстом, И.Н.Машкина не только не владела вьетнамским языком, но и имела весьма общее представление о вьетнамской истории. Поэтому даже простое перечисление всех допущенных ею ошибок и неточностей может занять несколько страниц. Чего стоит, например, только то, что в её переводе вьетнамские имена, названия и специальные термины приведены на русском языке в китайской фонетической транскрипции!

Тем не менее у монографии И.Н.Машкиной есть одно несомненное достоинство: она впервые в советской (российской) науке вводит в оборот все или почти все данные китайских источников по средневековой истории Вьетнама с X в. по XIV в. включительно.

³ По просьбе А.Б.Полякова ставим читателей «Тома II» в известность о том, что он не согласен с переводом специальной терминологии, титулов и посмертных имён на русский язык и не имеет к нему отношения.

Часть I

Глава I

¹ Впервые гипотеза о скрытой смене династий под единым названием династии Ли в 1127 г. была сформулирована автором данной главы ещё в 1996 г. [1455].

² В народных преданиях на родине Ли Конг Уана повествуется о том, что его отцом был Ли Ван Хань, то есть монах Ван Хань, который поручил

своему младшему брату Ли Кхань Вану усыновить Ли Конг Уана и дать ему их фамилию. Однако современные вьетнамские исследователи не считают, что Ван Хань мог быть родным отцом основателя династии Ли. Так, профессор Нгуен Куанг Нгаук пишет: «Ван Хань – человек, вырастивший и обучивший Ли Конг Уана, имевший чрезвычайно большие заслуги перед ним, его “духовный отец”, однако нет оснований предполагать, что он родной отец Ли Конг Уана». Далее он приходит к следующему выводу: «Если обобщить данные материалов, дошедших до нашего времени, и подвести итоги, мы можем полностью согласиться с замечанием профессора Хоанг Суан Хана, изложенным шестьдесят лет назад: “гипотеза о том, что Конг Уан был человеком [из земли] Ман, возможно правильна”» [1400, с.20,35]. Вместе с тем, тот же профессор Нгуен Куанг Нгаук пишет о том, что Ли Конг Уан родился во Вьетнаме [1399, с.248]. Однако противоречие это только кажущееся.

Земля Ман локализуется в современной китайской провинция Фуцзянь, которая была завоёвана Хань во II в до н.э. Как известно, ранее там проживало одно из вьетских племен *манвьет* (смотри конец «Главы 3» «Части I» «Тома I»). Массовое же заселение этих земель собственно ханьцами началось значительно позднее. Написанный неизвестным автором позднее нескольких других неофициальных сочинений в 1226 г. китайский источник «Родословная рода Ли [из деревень] Личжуан [и] Чжунэй» сообщает, что Ли Конг Уан родился в земле Ман, потом в молодом возрасте вместе с отцом переехал в Бакзынг округа Зяоти. Многие и вьетнамские, и китайские ученые признают, что в этом документе имеются ошибки как в описании истории Вьетнама, так и истории Китая. В нём написано, что Ли Конг Уан родился в 984 г., то есть на десять лет позднее, чем это записано во вьетнамских источниках. Но тогда Конг Уан вступил на престол в двадцать пять лет, а до этого через десять – пятнадцать лет после приезда из империи Сун сделал военную карьеру, став командиром дворцовой гвардии Ле Лаунг Диня.

Основываясь на китайских и вьетнамских источниках, Нгуен Нгаук Фук пишет об этой проблеме более осторожно: «Начиная только с народных преданий, при наличии многих сомнительных моментов, которые ещё не получили освещения и которые очень трудно проверить, китайские авторы перенесли эту впервые появившуюся только в очерках и прозе историю в свои записи. Однако, опираясь только на эти данные, они стали утверждать, что земля Ман является родиной предков Ли до их переселения во Вьет. С нашей точки зрения, подобные сведения представляют собой небольшую ценность. Исследуя проблему происхождения и родины династии Ли, не следует рассматривать эти сведения как единственно документальное основание для решения этой проблемы» [1469, с.28].

Ле Так в своих «Кратких записях [об] Аннаме» однозначно указывает: «Ли Конг Уан – человек из округа Зяо (есть те, которые говорят, что из Фуцзяни – это неверно)» [241.2, с.235]. В то время Ле Так жил в империи,

получая должности и жалование от династии Юань. При этом он имел возможность глубоко изучить все китайские документы по этой проблеме, в том числе и вышеупомянутый источник. Поэтому было бы естественно, если бы он поддержал китайскую версию по вопросу родины и происхождения Ли Конг Уана.

Наконец, следует отметить, что общепринятой в современной вьетнамской историографии является вьетнамская версия происхождения Ли Конг Уана [1447, с.847; 1351, с.91].

³ В другом источнике называется должность «заместитель командующего [охраной] четырёх [боковых] флигелей [дворца]» [239.6, с.386]. Не исключено, что это та же должность, так как иероглиф 左 (левый) в данном контексте вполне может интерпретироваться как синоним иероглифа 副 (заместитель, помощник).

⁴ В «Кратком [изложении] истории [Великого] Вьета» это событие описывается следующим образом. «[Дао Кам Мок], побуждая вуа¹, начал издаലെка: “Предыдущий государь был тупым и упрямым, часто поступал несправедливо. Небо отвернулось от него, [Нгоа Чиену¹¹] не смог прожить долго и умер. Наследник молод [и] неопытен, не сможет [вынести] многочисленных бедствий [и] множества беспокоящих [его] дел. Сто духов не защищают [людей]. Подлый люд кричит о помощи, просит своего государя. Почему бы Тхан ве¹¹¹ не воспользоваться этим удобным случаем ..., подчиниться воле Неба, последовать чаяниям людей и не придавать большого значения незначительным вещам?” Хотя вуа и доставили удовольствие такие слова, но [он] заподозрил вероломство, поэтому не подал виду [и] обругал его, сказав: “Как Вы осмелились высказать такие слова? Мы обязаны схватить [Вас] и передать чиновникам”. Кам Мок с достоинством сказал: “Я вижу, что сейчас таковы предначертания Неба [и] желания людей, поэтому осмелился изложить это. Теперь же если хотите передать [меня] чиновникам, то [я] на самом деле не отказываюсь умереть”. Вуа сказал: “Разве мы могли бы позволить себе донести на Вас, но только боимся огласки и того, что [нас] вместе казнят”. Кам Мок, вновь обратясь к императору, сказал: “Все жители страны говорят, что Нгуены должны заменить Ле. Предсказание уже обнаружилось, скрыть невозможно. Превратите беду в счастье, сейчас [настало] это время! Почему Тхан ве ещё сомневается?”. Вуа сказал: “Мы видим, что Ваши помыслы и помыслы Ван Ханя не различаются. Если в самом деле последовать этим словам, то как сделать так, чтобы всё это произошло?”. Кам Мок сказал: “Ныне простой люд устал, народ страдает. Если Тхан ве

¹ Император.

¹¹ Возлежащий [на] троне.

¹¹¹ Охранитель личных [покоев].

поможет милостями, то все непременно последуют за ним, если вода стремится вниз, ничто не может противостоять ей!» [36, с.140,141]. Дао Кам Мок также сумел убедить и колеблющихся чиновников, обратившись к которым он сказал: «Ныне у людей разные стремления, верхи и низы отошли от нравственности, люди озлоблены жестокостями покойного выонга¹, не хотят подчиняться наследному правителю. У всех [людей] одно желание – подчиниться Тхан ве. Поэтому если мы не воспользуемся удобной возможностью возвести Тхан ве на престол и сделать Сыном Неба, то вскоре произойдёт переворот, тогда сохраним ли свои головы?». Далее в источнике говорится: «Поэтому сообща помогли вуа вступить во дворец, возвели на престол, сделав Сыном Неба. Все чиновники воскликнули “Десять тысяч лет!”» [36, с.141].

^{5*} Интересно, что если принцессу звали Ан Куок 國安, что переводится как «Умиротворение Государства», то одним из имён старшего сына Великого Предка было имя, которое переводится как «Агатовый Будда» (смотри «Заклучение», «Примечание 11» в «Комментарии» к «Тому 1»).

⁶ Уезд Тиеншон провинции Хабак граничит с большим Ханоем, в его окрестностях в общине Диньбанг находится пагода Лук-то.

⁷ В конфуцианской традиции жёлтый дракон является символом императорской власти, явление которого расценивается как счастливое предзнаменование.

⁸ Не исключено, что при этом делении не последнюю роль сыграл пример династии Сун, которая разделила империю на большие округа, тогда как при Танах она делилась на десять военных округов.

⁹ Буквальный перевод сочетания иероглифов 主寨 «главарь бандитов» [3, с.491 №5249]. В то же время во Вьетнаме иероглиф 主 принято переводить титулом «государь», который носили главы родов Чинь и Нгуен. Поэтому в данном случае взята за основу главная идея «начальствования» в сочетании с понятием «[военный] лагерь».

¹⁰ Нгуен Ань Зунг полагает, что в правление династии Ли регулярной можно называть лишь постоянно нёсшую службу и находившуюся на государственном обеспечении дворцовую гвардию. Как представляется, здесь более уместным явился бы термин «профессиональная армия», поскольку гвардейцы служили всю жизнь, ничем более не занимаясь, тогда как термин «регулярный» скорее подходит к войскам округов или местным войскам [1343, с.25]. Их комплектование проходило на регламентированной

¹ Король.

соответствующими указами постоянной основе, согласно которым крестьяне на регулярной основе по очереди несли военную службу и проходили военную подготовку, при этом они считались военнообязанными и подлежали мобилизации во время войны.

¹¹ Выше упоминалось о назначении старосты посёлка Ли Тхай Зя начальником [военного] лагеря Диньфиен на южной границе округа Хоан.

^{12*} В «Примечании 5» «Комментария» к «Тому I» была предложена единая система перевода титулов знатности, которые являются общими для всех государств конфуцианского культурного ареала в эпоху древности и средневековья. В целом она сводится к следующему: 帝皇 – император (*хоанг-де, хуанди*); 2. 王 король (*выонг, ван*); 3. 侯 маркиз (*хоу, хор*); 4. 公 князь (*конг, гун*); 5. 君 правитель (*хуан, изюнь*); 6. 主 государь (*тюа, чжу*). Кроме того, во вьетнамской специфической иероглифической письменности «ном» имеется иероглиф 帝, нижняя часть которого представлена иероглифом *бу* 布, а верхняя – иероглифом *ван* 王. Такого иероглифа ни в «ханвьете», ни в «взньяне» нет, а на «номе» он читается «вуа» и переводится как «император», составляя пару с термином «государь» (6).

Для Вьетнама такая последовательность титулов знатности оправдана вплоть до воцарения первой общенациональной династии Ли в 1010 г. Далее же возникает проблема с соотношением титулов *император – король – маркиз – князь*. Дело в том, что с этого времени возникает необходимость двоякого толкования титула 王. Во-первых, остаётся его прежнее толкование как «король» в тех случаях, когда речь идёт о пожаловании титула китайским императором вьетнамскому государю (смотри ниже «Примечание 15»). Во-вторых, когда этот титул присваивал себе очередной мятежник, объявлявший себя «королём», как, например, Тхан Лой (смотри «Параграф 3.1» «Главы I» «Части I» настоящего тома).

Однако с XI в. этот титул наряду с титулом «маркиз» 侯, за редчайшими исключениями, стал присваиваться членам императорской семьи. С титулом «маркиз», который присваивался в основном не кровным родственникам, проблем нет, тогда как с титулом 王, который должен был бы интерпретироваться как «князь», возникают проблемы, поскольку его необходимо каким-то образом соотнести с уже существующей интерпретацией титула 公 как «князь». В связи с этим было принято решение в таких случаях переводить титул 王 как «великий князь», тем более что в источниках нередко встречается сочетание 王大. При этом складывается впечатление, что вьетнамские средневековые историографы при упоминании титула 王 просто опускали иероглиф 大 (великий). Поэтому когда в тексте встречаются оба иероглифа 王大 вместе, то их

перевод записывается «великий князь», когда один иероглиф 王, то перевод записывается «[великий] князь».

Данная систематизация перевода основных титулов высшей знати была выработана совместно с А.Б.Поляковым.

¹³ Нгуен Зань Фиет отмечает, что в правление династии Чан (1225 – 1400 гг.) имело место лишь два выступления горных племён против центрального правительства [1477, с.419].

¹⁴ В правление династии Ли эта должность соответствовала должности первого министра.

¹⁵ В начале правления династии Ли её государи получали от Сунов при вступлении на престол инвеституру с титулом «Короля области Цзяочжи», затем – «Короля Мирного юга», а в 1164 г. пришедшая в упадок династия Сун пожаловала вьетнамскому монарху титул «Короля государства Умиротворённого юга». В конечном счёте все эти титулы сводились к тому или иному названию вьетнамских территорий так называемой «Эпохи северной зависимости».

¹⁶ Согласно источнику, обращаясь к придворным, «император сказал: “Уже прошло семнадцать лет, как умер предыдущий император, а Тямпа не прислала к нам ни одного посла. В чём причина этого? Или [известия] о моих могуществе и добродетели не дошли до них? Или они надеются на горы и реки, которые служат преградой?” Чиновники ответили: “Мы полагаем, что добродетель Вашего величества хотя и высока, но могущество ещё не распространяется широко. Почему так? Потому что с тех пор как Ваше величество вступило на престол, а они вопреки правилам не являлись на аудиенцию [ко двору]. Вы лишь проявляли добродетель, оказывали милость, действовали уговорами, но ещё ни разу не подтвердили свое могущество, применив военную силу, чтобы нанести удар. Это не способ заставить людей, живущих далеко, бояться [Вашей] силы. Мы опасаемся, что [все] вассалы других родов внутри страны подобны Тямпе, а не только одни тямы”. Тогда император [и] принял решение нанести удар по Тямпе» [165.4, т. I, с.264].

Из этого текста следует, что помимо разгрома Тямпы вьетнамский двор хотел преподать урок «вассалам других родов», которыми, скорее всего, были местные феодалы, препятствовавшие усилению центральной власти.

¹⁷ У современного мыса Шот. Характерно даже само название бухты – «Южная граница», так как все другие бухты к югу от неё находились уже на тямской территории [1276, т.1, с.55].

¹⁸ В «Кратком [изложении] история [Великого] Вьета» эти события датированы концом 1074 г., а в «Записи истории Великого Вьета, полном описании» вся кампания Ли Тхьонг Киета отнесена к первой половине 1075 г. В обоих летописных сводах, в отличие от точной датировки похода на Тямлу в 1069 г., обращает на себя внимание отсутствие не только точных дат, но даже месяцев, в которые происходили военные действия. При этом последующие описанные в этих источниках события хронологически не соответствуют предыдущим. В этой связи более правомерной представляется датировка, данная в «Отражении истории Вьета, основе [и] частностях, составленном по повелению императора» со ссылкой на китайские источники, которая и приводится в данной работе. Этой же точки зрения придерживаются и современные вьетнамские учёные.

¹⁹ Шень би: ручной арбалет, или станковый арбалет, или аркбаллиста, то есть большой арбалет, смонтированный на станине и обслуживавшийся несколькими воинами [636, с.382].

²⁰ Во вьетнамском источнике сообщается: «Управляющий чжоу¹ Су Цзянь стал упорно оборонять город. Мы сделали штурмовые лестницы, чтобы наступать на крепость. Противник применил факелы, штурмовые лестницы не могли [поднести] близко, тогда стали стрелять в них отравленными стрелами. Войска, находившиеся на городских стенах, гибли, ложась грудами. Противник стрелял из луков “Шень би” по нашей слоновой кавалерии, было много убитых. Крепостная стена была высокой и прочной; атаковали более сорока дней, но не могли овладеть. Поймали человека Сунов, научившего взбираться [на стены] при помощи мешков с землёй, подложенных к крепостной стене. Тхьонг Киет последовал этому [совету], [и] вследствие этого крепость пала. Су Цзянь отступил в цитадель. Сначала убил тридцать шесть членов своей семьи и затем сжёг самого себя. Воины искали Цзяня, но найти не смогли и тогда полностью уничтожили пятьдесят тысяч чиновников и народа. В этих сражениях было убито или захвачено в плен не менее ста тысяч человек из трёх округов Юн, Цинь и Лянь» [36, с.166].

²¹ Несколько иной точки зрения придерживался А.Масперо, который писал, что в то время как армия Сунов направлялась от Лангшона к Тханглаунгу, тямь и кхмеры захватили Нгеан. Поражение китайцев привело к отступлению их союзников [897.6, с.33].

²² Вьетнамские посольства, которые вели переговоры о возвращении Куанггуэна, приводили в подарок китайскому императору прирученных слонов.

¹ Округ.

²³ В изданной в 1981 г. «Истории Кампучии» вместо двух нападений кхмеров в 1216 и 1218 гг. упоминается лишь об одном их походе на север в 1207 г. Однако о нём ничего не говорится ни во вьетнамских летописных сводах, ни в монографии Д.Дж.Е.Холла [389, с.62; 619]. О походах кхмеров и тямов на Нгеан в 1216 и 1218 гг. писал и выдающийся французский учёный А.Масперо [61, с.35].

²⁴ В летописном своде «Краткое [изложение] истории [Великого] Вьета» под 1112 г. приводится следующий сюжет: «Во втором месяце житель Тханьхоа сказал, что на берегу моря есть необыкновенней ребенок. [Ему] только три года, [а он] понимает речь, объявил себя сыном императора [и] назвался *Просвѣтленным*. Всякий раз, когда вуа^I что-нибудь делал, [этот ребенок] всегда знал заранее. Вуа предложил чунг ши^{II} поехать [и] расспросить его. Всё сказанное подтвердилось, [и] тогда вуа [вышел его встречать], поместил в пагоде Бао-тхиен. Вуа, видя [его] чудесную необыкновенность, полюбил [его] ещё больше. В то время у вуа не было наследника, хотел назначить [этого ребёнка] наследным принцем. Высшие чиновники не согласились, и тогда [вуа] отказался [от этого]. Вслед за тем постились в пюках императора, с тем чтобы Зяк хоанг^{III} родился в новом воплощении, став его сыном. Живший на горе Фаттить монах [по имени] Ты Ло Дао Хань, узнав об этом, огорчился [и] приказал своей старшей сестре Ты тхи пойти на торжественное собрание. Тайно передал ей печать, к которой были прикреплены несколько жемчужин, [и] сказал: “Придя на торжественное собрание, положи [её] на край крыши, чтобы никто не узнал об этом.” Ты тхи последовала его словам. Внезапно Зяк хоанг заболел, [у него] был жар. И тогда, обращаясь к людям, [он] сказал: “Вижу, что повсюду на границах страны расставлены железные сети. Нет пути, чтобы попасть во дворец”. Вуа приказал искать повсюду. [И] тогда нашли несколько спрятанных Ты тхи жемчужин. Поймали [и] связали Ло в галерее Хынг тхань^{IV}, хотели устроить казнь. Шунг Хиен хау^V явился на аудиенцию. Ло, жалобно плача, сказал: “Прошу Хиен хау^{VI} спасти бедного монаха. Если монаху посчастливится освободиться, то [он] станет сыном хау^{VII}, чтобы отплатить за его добро.” Хау согласился, посетив вуа, стал изыскивать всевозможные пути, [чтобы спасти Ло]. Сказал: “Зяк хоанг действительно обладает сверхъестественной силой, [а] Ло [его] переселил,

^I Император.

^{II} Срединный посланник.

^{III} Просвѣтленный Император.

^{IV} Галерея (*коридор*) Завершённого процветания.

^V Маркиз Возвышенной мудрости.

^{VI} Мудрый маркиза.

^{VII} Маркиз.

значит, Ло более пронизателен, чем Зяк хоанг! Подданный говорит, что лучше уж оставить Ло в живых.” Вуа его простил» [36, с.175 – 177].

²⁵ Косвенным доказательством этой борьбы накануне смерти Ли Тхьонг Киета может служить следующее сообщение источника, которое датировано 1104 г.: «Осенью, первого числа девятого месяца, Зиен Тхань хау¹ ударил Чунг-нгиа хау¹¹ дощечкой для записи распоряжений во дворце Тхиенан» [36, с.173]. Эта ситуация тем более пикантна, что название «дворец Тхиенан» переводится как «дворец Небесного умиротворения».

^{26*} А.Б.Поляков даёт название должности 太尉 по словарю «начальник военного приказа» [2, т.3, с. 645]. Однако для данной эпохи это неверно. Судя как по контексту данного отрывка, так и по дальнейшим многократным упоминаниям этой должности, речь идёт о должности одного из высших государственных сановников. И это не говоря уже о том, что в названии этой должности не три, а два иероглифа. Поэтому правильнее переводить её название как «великий военачальник».

Не совсем точен и перевод названия должности 衛武內 как «начальник дворцовой гвардии». В этих иероглифах не содержится названия какого-либо учреждения или воинского подразделения. Поэтому, хотя по смыслу перевод А.Б.Полякова, вероятно, правилен, лучше переводить название данной должности как «внутренний военный охранитель».

²⁷ Генерал-губернатор южнокитайской провинции Гуаннань си лу Фань Чэнда написал в 1175 году: «Ещё рассказывают, что был [некто] Ли Моу, который являлся родственником супруги Гань Дэ. Стал приёмным сыном рода Ли, [он] убил зачатого во чреве сына [и] занял престол. Присвоил себе фамилию рода Ли. Имя – Тянь Цзо. В девятый год правления под девизом Шаосин (1139 г.) люди этой страны ещё величали Ли правителями. В двадцать шестом году (1156 г.) направили послов, доставили дань. Правящий двор присвоил за это господину Ли Указом [почетную] должность [и] титул» [85, с.421].

²⁸ Тан-Яо: легендарный император китайской историко-мифологической традиции Яо, ещё при жизни передавший императорский престол Шуню, который не состоял с ним в родственных отношениях, но при этом был совершенномудрым человеком (смотри «Приложение 1» в «Томе VI»).

Под именем Гуманный Предок имеется в виду император Гуманный рода династии Ли, сделавший «де-юре» наследным принцем сына маркиза Возвышенной мудрости, а «де-факто» – монаха Ты Дао Ханя.

¹ Маркиз Постоянного совершенства.

¹¹ Маркиз Срединной справедливости.

²⁹ Японский специалист по эпохе Ли – Чан Момоки Широ считает, что в первый период существования династии Ли императорская власть опиралась на отношения «отец – сын» (император – наследный принц), а начиная с императора Гуманного рода – на отношения «мать – сын» (вдовствующая императрица – малолетний император). По его мнению, высшая аристократия при династии Ли так и не смогла достичь высокой степени консолидации кровных родственников императора [1330, т.1, с.266].

³⁰ Образ То Хиен Тханы как честного и верного императору подданного был настолько канонизирован и общепринят, что до сих пор его именем называется одна из улиц г.Ханоя.

³¹ Сопоставительный анализ обоих отрывков показывает, что в «Кратком [изложении] история [Великого] Вьета» деятельность представителей дома Чан описана подробнее и в более неприглядном свете, чем в «Записи истории Великого Вьета, полном описании». Создаётся такое впечатление, что запись в первом источнике сделана по материалам, написанным участниками событий, которые не успели соответствующим образом подать их, чтобы обелить династию Чан. В связи с этим представляется, что при их интерпретации следует исходить из данных источника XII в.

Глава 2

^{1*} Первый текст в переводе А.Б.Полякова выглядит следующим образом:

«Зимой, в двенадцатом месяце Тхьонг выонг^I (бывший император), заметил, что государыня ещё мала, и забеспокоился. Вызвал Фунг Та Тю [и] изложил следующее:… …“Теперь [мы] видим, что средний сын тхай уи^{II} [Чан Тхья] Мо, [то есть Чан Кань], хотя молод [и] неопытен, но [обладает] необыкновенной наружностью. Наверняка сможет обеспечить спокойствие народа. Хотим сделать [своим] сыном и хозяином божественных орудий, отдать за него замуж Тиеу выонг^{III}. Поговорите от нас с тхай уи”. Тхай уи [Чан Тхья] не поверил этому. Та фу^{IV} Нгуен Тинь Лай сказал, обращаясь к Тхай то^V: “Род Нгуен овладел страной, насчитывает шесть – семь поколений мудрых правителей. В наследие осталась [их] добродетель, глубоко проникшая в людей. [И] в один прекрасный день вдруг появляется другой род. [Вуа] имеет в виду проверить нас, что мы на это скажем. Поэтому если примем это [предложение], то в Поднебесной непременно

^I Старший [над] императором.

^{II} Великий военачальник.

^{III} Королева Блистательная.

^{IV} Левый [служитель] поминального [храма].

^V Великий Предок.

скажут, что на самом деле – это стремление тхай уи захватить власть”. Тхай то хотел последовать его [совету]. Тхыонг фам фу нгы^I Чан Тху До сказал: “Та фу говорит неверно. Если бы у Тхыонг выонга был сын, а [он] захотел бы уступить престол другому мужчине, то, судя по справедливости, нельзя исполнять [такой] указ. А сейчас [у него] нет преемника, [он] хочет выбрать мудрого [и] передать ему [престол]. Это значит, что Тхыонг выонг на самом деле уступает [престол], подобно Яо и Шуню. Как можно сомневаться в этом? Тем более, что небесный престол не может долго пустовать. А предложение Тхыонг выонга об отречении от престола уже решено [пропущен иероглиф. – А.П.], чтобы сделать преемником. Если хотите не повиноваться, то возможно ли [это]? А теперь Тхыонг выонг делает другого мужчину преемником. Это [пропущен иероглиф. – А.П.], Небо даёт, не брать – значит, совершить преступление. Прошу тхай уи тщательно продумать это”.

Зимой, в двенадцатом месяце, приказано ной тхи фан тху^{II} Фунг Та Тю и ной хань кхиен та ти ланг чунгу^{III} Чан Чи Хоаню возглавить внутренних [и] внешних гражданских [и] военных чиновников, взять императорский корабль, отремонтировать [императорский] экипаж и отправиться в фу^{IV} Тинькыонг встречать нашего Тхай то^V. В том же году первого дня двенадцатого месяца было принято отречение, и [пропущен иероглиф. – А.П.] вступил на престол во дворце Тхиенан. Почитая Тхуан Чинь выонг хау^{VI}, сделал её вдовствующей императрицей. Понизил [титул] Тиеу выонга^{VII}, сделав [её] Тиеу Тхань выонг [хау]^{VIII}, изменил название эры правления на Киен чунг^{IX}» [36, с.230, 231].

Второй вариант этого текста в переводе А.В.Никитина и А.Л.Федорина содержит фразу «Тхыонг хоанг^X [решил] из второго сына сделать наследника» [365.2, с.357], которым, надо полагать, и был Чан Кань. Однако, как несложно заметить, этого совершенно не следует из его второй половины:

«Зимой, в двенадцатом месяце, приказано ной тхи фан тху^{XI} Фунг Та Тю [и] ной хань кхиен та ти ланг чунгу^{XII} Чан Чи Хоаню возглавить

^I Придворный императора высшей категории.

^{II} Руководитель служб внутреннего дворца.

^{III} Срединный муж левого учреждения руководитель внутреннего дворца.

^{IV} Малая провинция.

^V Смотри III.

^{VI} Маркиз, королева Благонамеренная [и] праведная.

^{VII} Смотри II.

^{VIII} Маркиз, королева Блистательная [и] совершенная.

^{IX} Созидание срединности.

^X Старший [над] императором.

^{XI} Смотри VI на предыдущей странице.

^{XII} Смотри VII на предыдущей странице.

внутренних [и] внешних гражданских [и] военных чиновников, взять императорский корабль, отремонтировать [императорский экипаж и] отправиться в фу¹ Тинькьюнг встречать нашего тхай уи. В этом году первого числа двенадцатой луны приняли решение об отречении в пользу достойнейшего во дворце Тхиен ан» [365.2, с.357].

Существует ещё один сделанный И.Н.Машкиной перевод этого текста, который не добавляет ничего нового к сказанному [472, с.275 – 277].

² В подтверждение гипотезы о том, что Чан Тхья стал первым императором династии Чан с посмертным именем «Великий Предок», можно привести ещё и следующие аргументы:

А. В «Кратком [изложении] истории [Великого] Вьета» Чан Тхья упоминается не под этим именем, а под посмертным именем «Великий Предок», которое даётся первому императору и основателю династии. В более поздних источниках Чан Тхья именуется в этом же контексте только как «Старший [над] императором», то есть отец правящего императора, чего нет в «Кратком [изложении] истории [Великого] Вьета».

Б. Обращает на себя внимание завершающийся 1377 годом список девизов правлений императоров династии Чан, который является приложением к «Краткому [изложению] истории [Великого] Вьета». Из этого списка следует, что «Великий Предок» якобы правил с 1225 по 1257 г., а «Великий рода» в нём вообще отсутствует, чего в принципе не могло быть. Поэтому исходя из того, что на протяжении этих тридцати двух лет было провозглашено три девиза правления, при этом первый сменяется вторым в 1232 г., можно предположить, что Чан Кань начал править с этого года после того, как его отец Чан Тхья, став «Старшим [над] императором», при жизни передал ему престол. В пользу этого свидетельствует и ряд происходивших в то время исторических событий. (Смотри «Таблицу №2» в «Томе VI»).

В. Интересно и следующее противоречие между «Кратким [изложением] истории [Великого] Вьета» и «Записью истории Великого Вьета, полным описанием». Помимо вынужденного «предложения» императора Милостивого рода династии Ли выдать замуж за Чан Каня королеву Блистательную и сделать его своим сыном и «хозяином божественных орудий» или своим преемником, в «Кратком [изложении] истории [Великого] Вьета» нет сведений о том, что этот брак состоялся до вступления на престол неизвестного лица, предположительно Чан Тхья. Таким образом, «предложение» императора Милостивого рода как бы повисает в воздухе. Видимо, тогда этот ход был одним из вариантов узурпации власти. Между тем в более поздних источниках, в том числе и в «Записи истории Великого Вьета, полном описании», отмечается,

¹ Смотри VIII на предыдущей странице.

что сначала состоялось бракосочетание императрицы Блистательной династии Ли с Чан Канем, а затем она уступила престол своему мужу. Таким образом, вариант поздних летописных сводов придаёт видимость легитимности и преемственности в передаче власти.

- Г. Не меньший интерес представляет и атрибуция титула «маркиз, королева Благонамеренная [и] праведная». Если это мать Чан Каня, значит, он и стал императором, однако в «Записи истории Великого Вьета, полном описании» сказано, что его мать имела титул «императрица-мать Государственного совершенства». Соответственно два последних титула имеют одни и те же элементы или их производные «государство» и «совершенный», которых нет в титуле «королева Благонамеренная [и] праведная». Это подтверждает тот факт, что императрицей-матерью стала не мать Чан Каня. Кроме того, при вступлении на престол Чан Кань должен был бы одновременно с пожалованием почётного титула своей матери пожаловать аналогичный титул и своему отцу, чего не произошло. Между тем отец самого Чан Тхья погиб за пятнадцать лет до этих событий, так что он-то как раз и мог вступить на престол, не жалуя титула своему отцу.

Иногда в источниках вместо титула «императрица-мать Государственного совершенства» даётся титул «Государственного совершенства мать государства», в котором сочетание иероглифов 聖寶 следует переводить как «Государственное совершенство». Дело в том, что основным значением иероглифа 寶 является понятие всего, что в конечном итоге символизирует «драгоценность», но он также используется для обозначения «государственной (императорской) печати» [3, с.756, №7955]. Поэтому представляется, что это один и тот же титул, первый вариант которого даётся в классической конфуцианской форме, а второй – в буддийской, о чём свидетельствует характерный для буддийских текстов иероглиф 母 (мать).

- Д. Прямое подтверждение предложенной гипотезы содержится и в литературном произведении «Сборник срединной поэзии [об] основе [рода] Чан», который был написан юаньским послом Чэнь Фу, посетившим Дайвьет в конце XIII в. для переговоров с правнуком Чан Тхья о заключении мира. Попутно он описал в стихах и прозе императорский двор и всех императоров династии Чан, правивших до его времени. Вот что он пишет: «Семья Чан происходит родом из земли Ман. Чан Кинь (вероятно, имеется в виду Чан Ли) незаконно присвоил титул “[великий] князь Просвещённый”, [его] зятем был Ли Чи. Лаунг Хан [император Высокий рода династии Ли] был старым [и] дряхлым, лишился памяти, не заботился о делах страны, поэтому Кинь вместе с младшим братом Баном незаконно присвоил титул “[великий] князь Утверждающий”, захватил власть в стране. Хиеу Шам [император Милостивый рода династии Ли] был молодым [и] неопытным, поэтому сын Киня [по имени Чан] захватил престол короля, присвоил титул

“Старшего [над] королём”. После его смерти [его] сын [великий] князь Всеобщего мира [Чан Кань] наследовал престол...” [1173, с.112].

Следует учитывать, что имперский посол называл вьетнамских государей титулом «король», так как в его понимании «императором» мог быть лишь глава династии Юань.

В тексте сказано: «[его] сын Куанг Бинь». Однако это название провинции Куангбинь, которое переводится как «Всеобщий мир». То есть возможна либо предложенная реконструкция текста, либо вариант «[его] сын [из] Куангбиня». Других вариантов нет, так как каких-либо прямых связей между иероглифами «Куанг Бинь» и именем Чан Кань обнаружить не удалось. Правда, второй вариант маловероятен, поскольку название провинции Куангбинь появилось значительно позже описываемых событий.

Тем не менее из вышеприведённого текста следует, что на престол вступил сам Чан Тхья, тогда как титулом «старший [над] королём» Чэнь Фу называет Чан Тхья потому, что тот его принял предположительно в 1232 г. после передачи престола Чан Каню. При этом Чэнь Фу ничего не пишет о Чан Тху До.

Е. Краткое и противоречивое описание смены династии Ли династией Чан в произведении Ле Така «Краткие записи [об] Аннаме» (1333 г.) также вызывает вопросы. Так, в начале «Книги 13» сведения о каждом императоре династии Чан выделены в отдельные краткие главы под заголовками «Первое правление», «Второе правление» и так далее, при этом Чан Тхья также посвящена отдельная глава. Обращает на себя внимание тот факт, что в этой главе имеются значительные хронологии. Так, например, в ней написано: «В четырнадцатом году эры “Изначального совершенства” [императора Великого Предка династии Юань (Хубилай, 1277 г.) Чан Кань] скончался. Пребывал на престоле восемнадцать лет, возраст шестьдесят лет...” [241.2, с.210]. Далее в главе о его сыне императоре Совершенном династии Чан, как и в более поздних источниках, написано, что Чан Кань уступил ему престол в 1258 г. То есть из произведения Ле Така следует, что Чан Кань вступил на престол в 1240 г., тогда как поздние источники относят это событие к 1225 г. Далее Ле Так противоречит сам себе в главе «Книги 12» об императрице Блистательной династии Ли, говоря, что, «став королём всего на один год Белого Тигра (1230 г.), “Блистательная [и] совершенная” передала власть в стране мужу Чан Нят Каню» [241.2, с.208]. То есть получается, что Чан Кань стал императором в 1230 г.

Ж. Наконец, даже в летописном своде Нго Ши Лиена «Запись истории Великого Вьета, полное описание» имеется косвенное указание на то, что первым императором династии Чан стал Чан Тхья. Так, например, под 1231 г. в нём сообщается: «Старший [над] императором издал указ: “По всей стране, где есть постоянные дворы, вменяется в обязанность устанавливать статуи Будды для поклонения”. Ранее это было обычаем нашей страны. Из-за жары [и] дождей для отдыха путников строилось

много постоянных дворов, стены которых обмазывались белой известью. [Эти дворы] назывались “малая стоянка”. Когда Старший [над] императором был беден, он, отдыхая на одном из таких дворов, [повстречал] монаха, сказавшего: “Этот молодой человек впоследствии станет весьма знатным”. Сказав это, [монах] исчез, [и] никто его больше нигде не видел. Ныне, когда [Старший над императором] овладел Поднебесной, [он] издал этот указ» [165.4, т.2, с.11]. Нго Ши Лиен в комментарии к этому событию подчеркнул, что оно напоминает предсказание монаха Ван Ханя в отношении Великого Предка династии Ли, отметив при этом приверженность императоров династий Ли и Чан буддизму. В данном контексте Старший [над] императором – Чан Тхья. А подобное предсказание обычно связано, как это было с Великим Предком династии Ли, с основателями династий. Тем не менее Нго Ши Лиен, не считавший Чан Тхья первым императором династии Чан, приводит в связи с ним такое «предсказание». Интересен также и комментарий Нго Ши Лиена, в котором обращается внимание на то, что хотя при династии Чан её императоры, как правило, принимали титул «Старшего [над] императором» и при жизни уступали престол своим сыновьям, вся власть в стране по-прежнему оставалась в руках отца формально правившего императора [165.4, т.2, с.29]. Между тем о Старшем [над] императором Чан Тхья у него ничего не сказано. Налицо явное замалчивание роли последнего в событиях, происходивших во время захвата власти династией Чан и в начале её правления. Отсюда следует, что «овладевшим Поднебесной» основателем династии Чан является Чан Тхья.

3. Гипотеза о том, что Чан Тхья был первым императором династии Чан, подтверждается также данными эпиграфических источников. Сделанная в правление династии Чан (1321 г.) надпись на колоколе из Батьхака содержит, помимо прочего, следующие слова: «Правление второго императора династии Чан – император Великий рода ...». В той же надписи перечисляются и другие императоры этой династии: «Правление пятого императора – император Выдающийся рода ...», «Правление шестого императора династии Чан ...». В комментарии отмечается, что им был император Светлый рода династии Чан. В эпиграфике из целого ряда других пагод этот император также упоминается как шестой император династии Чан [1545, с.137, 151 – 153, 159, 193, 217]. Однако без учёта Великого Предка династии Чан получается, что император Светлый рода является пятым государем этой династии (смотри «Таблицу №2» «Тома VI»).

Таким образом, вышеприведённые факты позволяют сделать вывод о том, что основателем и первым императором почти двухсотлетней династии Чан был Чан Тхья, получивший посмертное имя «Великий Предок», что заполняет лауну в истории средневекового Вьетнама и помогает понять события, связанные с кризисом вьетнамского общества начала XIII в.

³ Так, например, в 1251 г. будущий знаменитый полководец великий князь Провцветающего Пути Чан Куок Туан украл из-под венца свою тётку принцессу Тхиен Тхань и, несмотря на осуждение старших членов рода, женился на ней.

Тхиен Тхань. Судя по всему, это не имя, а титул принцессы 聖天, который переводится как «Небесное совершенство».

⁴ Мункэ (1208 – 1259 гг.): внук Чингисхана, четвёртый монгольский великий хан (1251 г.). Завоевал Иран и начал покорение Южного Китая.

⁵ Хубилай (1215 – 1294 гг.): внук Чингисхана, пятый монгольский великий хан (1260 г.). В 1279 г. завершил завоевание Китая. Кроме Дайвьета он предпринимал завоевательные походы против Японии, Пагана (Бирмы) и Сингосари (Явы), которые также завершились неудачно.

⁶ Согласно Ха Ван Тану, императорский двор спустился на лодках вниз по Красной реке в район современной провинции Ханампинь [1420, с.383].

⁷ Огонь вёлся из своеобразных прототипов пушек, когда из металлического ствола под давлением выталкивалась подобно «греческому огню» зажигательная смесь.

^{8*} Сян Юй (232 – 202 гг. до н.э.): Последний король царства Чу. Сначала он в союзе с Лю Баном, будущим основателем династии Хань, возглавил восстание против династии Цинь, после падения которой началась борьба между бывшими союзниками за власть. Согласно литературной версии сюжета о Сян Юе, он, потерпев окончательное поражение от Лю Бана, сидел со своей наложницей в шатре, пил вино и сочинял грустные стихи. Тем же вечером его настигли ханьские войска. Наложница покончила собой, а Сян Юй с небольшим отрядом сумел бежать, но после перехода через болото был снова окружён врагами с оставшимися у него двадцатью восьмью воинами.

Решив, что Небо от него отвернулось, Сян Юй отказался от бегства на подготовленной для него старостой общины лодке, а когда к нему подошёл ханьский офицер, которого Сян Юй знал по прежним боям, то он приказал отрубить себе голову, чтобы этот офицер смог получить награду от Высокого Предка династии Хань.

⁹ Восточная столица: Донгдо 都東 или Донгкинь 京東. Искажённый второй вариант этого названия известен как «Тонкин», то есть как топоним, который в XVIII – XIX вв. французы ввели в оборот для обозначения всего Северного Вьетнама.

^{1*} Глава написана сотрудником Института истории Вьетнамской академии общественных наук д.и.н. Ха Мань Кхоа.

К сожалению, вьетнамский учёный в целом ряде случаев ссылается на те или иные произведения без точного указания страниц и главное – без указания выходных данных. Соответственно, включить их в «Сводную библиографию» не представляется возможным. Поэтому такие ссылки, которые у автора помечены сокращением «Sdd.», что означает «Цитируемые книги» (Sách đã dẫn), приводятся в постраничных сносках с указанием «Приводится по...», а далее как у автора.

Кроме того, необходимо указать, что автор строит свою работу на переведённом на современный вьетнамский язык тексте «Записи истории Великого Вьета, полного описания», который был издан Институтом истории ВАОН в 1993 г. [165.4]. Поэтому сноски на этот источник даются лишь в случае прямого цитирования его отрывков.

Таким образом, в случае необходимости получения каких-либо уточнений следует смотреть текст указанного издания по годам, которыми датируется то или иное событие.

² В 1404 г. Мины захватили Локтяу, Тэйбинь и Виньбинь, а также часть земель малой провинции Тыминь в Куангтэе, а в 1405 г. ко двору Хо прибыли послы из империи с требованием уступить остатки земель Локтяу в Лангшоне и семь манских районов в округе Ниньвиен. В результате, Хоанг Хой Кхатъ, которому было поручено урегулировать эту проблему, передал под власть минских властей земли 59 деревень в Колоу.

³ Прежде Чан Тхием Бинь, носивший имя Чан Кханга, был домашним рабом одного из родственников императора Чан Нгуен Хюи, который сдался тямам. В 1404 г. Чан Кхангу удалось бежать из тямского плена в империю Мин, где он принял имя Чан Тхием Бинь.

⁴ Обычно пушки отливались из чугуна или меди.

Большие пушки, именовавшиеся «осадными», были нескольких типов. Их перевозили на повозках и лошадях. Эти пушки использовались при штурме крепостей и укреплений.

Маленькие пушки, именовавшиеся «поражающими», переносились специально обученными воинами и наносили большой урон живой силе противника.

⁵ Согласно «Истинным записям [об] императорах Мин», вся минская армия насчитывала 1915200 солдат и офицеров, в том числе основная армия – 800000 человек, группировка в Юньнани – 400000 человек и группировка в Гуанси – тоже 400000 человек. Из этого следует, что численность

вспомогательных частей, отрядов снабжения и других армейских служб как раз и составляла 315000 человек.

Таким образом, если боевые части армии вторжения составляли 215000 солдат и офицеров, или 13,5% всех боевых частей империи Мин, то вспомогательных войк должно было быть не менее 42500 человек (те же 13,5%). То есть весь экспедиционный корпус насчитывал порядка 260000 солдат и офицеров, что по тем временам было огромной силой.

⁶ Как было сказано, государственный князь Свершений Чжу Нэн был назначен главнокомандующим, объединяющим командование всеми силами дальней экспедиции.

Левым заместителем командующего назначили маркиза Мирного Запада Му Шэн, правым заместителем командующего – маркиза Новых свершений Чжан Фу.

Левым военным инспектором назначили маркиза Прекрасных свершений Ли Бинь, правым военным инспектором – графа Южных облаков Чэнь Сюй.

Кроме того, министр обороны Лю Цзюнь был назначен инспектором оценивающим военные дела, а министр юстиции Хуан Фу стал советником [по] главным делам.

Наконец, министерству финансов было поручено заготовить для снабжения армии около 200 т. (220000 тхангов) риса и ещё почти столько же риса (200000 тхангов) собрал в хранилища Линьани и Мэнцзюя уже упоминавшийся совершенствующий армию Юньнани Му Шэн. При этом объединяющему командование [войсками] Гуанси военачальнику Хань Цзюню было приказано мобилизовать население и местные части для перевозки продовольствия, а управляющий срединными делами Фэн Гуй должен был отвечать за организацию всей этой работы.

^{7*} Намшон: буквально – «Южные горы», упоминание которых, судя по всему, содержит аллюзию на принадлежащую прославившемуся в войнах с Сунами в XII в. полководцу Ли Тхыонг Киету поэму «Горы [и] реки Южного государства» (Смотри «Параграф 1.3.2» «Главы 1» «Части 1» настоящего тома).

⁸ Ле Лай – это человек из деревни Зынгту уезда Нгауклак провинции Тханьхоа. Как уже отмечалось, он был ближайшим сподвижником Ле Лоя и одним из тех, кто принёс клятву в Лунгняе. Его старший брат Ле Лан и сыновья Ле Ло, Ле Ло и Ле Лам также участвовали в восстании. Все они за исключением Ле Лама погибли в боях за освобождение страны.

⁹ Округ Чалаунг был стратегически важным центром для обороны Нгеана. Крепость Чалуанг, которая также называлась «горным [военным] лагерем Камбань», была расположена на вершине горы у водопада на северном берегу реки Лам. Её окружность равнялась 2 км, а перед её стенами были

выкопаны обсаженные заострёнными кольями бамбука рвы. Гарнизон крепости состоял из 1000 опытных воинов, набранных из числа местных жителей.

¹⁰ Согласно докладу Чинь Тхуан Зу «Содействовавшие императорским повелениям заслуженные подданные государства», Нгуен Тить сказал: «Я неоднократно бывал в Нгеане, хорошо знаю [как его] опасные, [так и] спокойные места. Поэтому [если] захватить военный лагерь Камбань, [если] успокоить [и] привлечь [на свою сторону население, если] отразить атаку [противника и] разгромить его, а затем двинуться на Донгдо, то [спасение] государства будет успешно завершено». Ле Кюи Дон приводит в своих произведениях этот же текст.

¹¹ Возведённая ещё Чжан Фу из камня крепость Нгеан являлась главным опорным центром минских правителей на юге страны. Она была построена на восточном склоне горы Ламтхань слева от реки Лам. Судя по руинам, её периметр составлял около 2 км при высоте стен в 3 – 4 м. В наивысших точках они достигали 8 м.

С внешней стороны крепостных стен были возведены валы, а с внутренней – построены дополнительные укрепления. На самой стене находилась система огневой защиты, получившая в народе название «пушечный редут личных войск». Минские войска под командованием Чэнь Чжи заняли оборону в этой крепости, рассчитывая удержать её до прихода помощи.

¹² Построенная из камня крепость Лукниен не была большой, но при этом она служила надёжной защитой. С запада тыловая стена крепости опиралась на горы Доэя. С востока перед крепостью возвышалась гора Тхиеннян, образуя ещё одну, созданную самой природой крепостную стену. С крепостных стен хорошо просматривались обширные низменные территории долины реки Лам, при этом почти на горизонте даже была видна крепость Нгеан на горе Ламтхань.

¹³ Первый корпус насчитывал 10000 солдат и офицеров. Что же касается второго корпуса, то согласно вьетнамским источникам он насчитывал 50000 пехотинцев и 5000 всадников, а, согласно «Истинным записям [об] императорах Мин», основные силы этого корпуса, состоявшие из пехоты, конницы и артиллерии, насчитывали 20000 военнослужащих.

¹⁴ Сочетание иероглифов 福太 не исключает того, что «Тай Фу» на самом деле не имя, а должность заместителя Фан Чжэна, название которой переводится русский язык как «Великий помощник».

¹⁵ Согласно данным летописного свода «Запись истории Вьета, полное описание», корпус Лю Шэна состоял из 100000 пехотинцев и 20000 всадников, а корпус Му Шэна – из 50000 пехотинцев и 10000 всадников. Согласно же данным «Истории Мин», численность всей экспедиционной составляла 115200 человек.

Представляется, что в этой цифре не учтено количество вспомогательных войск из Юньнани, Гуанси и Гуандуна, которые в таком случае должны были насчитывать порядка 65000 человек.

¹⁶ Все эти три перевала находятся в Лангшоне. Находящийся на расстоянии в 60 км. от погранпоста Фалуи, перевал Тиланг является самым опасным участком дороги на пути от этого поста до Донгкуана.

Тянущийся с севера на юг перевал Тиланг представляет собой узкую и изогнутую долину длиной в 4 км. Его самая широкая центральная часть не превышает 1 км в направлении с востока на запад.

По западной стороне перевала вдоль реки Тхыонг возвышаются каменные горы.

По восточной стороне беспорядочно громоздятся горы хребтов Тхайхоа и Баодай. Помимо этого в узкой части находится ещё пять невысоких гор – Килян, Маиен, Машан, Нанонг и Хамкуи.

На севере и на юге горы расступаются, образуя два опасных прохода.

Минские военные называли перевал Тиланг «горло Цзяочжи», считая его «крайне опасным путём для армии». Поэтому они построили там целый ряд оборонительных сооружений.

^{17*} Данный перевод стихов Нгуен Чая не является дословным, так как, во-первых, сделан не по иероглифическому тексту, а по нижеприведённому его переводу на современную вьетнамскую письменность. и, во-вторых, при переводе была сделана попытка сохранить некоторую образность авторского текста.

Xã tắc từ nay bền vững,
Sơn hà bởi đó đẹp tươi.
Một áng càn khôn, bị rồi lại thái,
Đôi vầng nhật nguyệt, mờ mà lại trong.
Đề mờ nên muôn thuở thái bình,
Đề rủa mỗi nghìn thu hổ thẹn.

^{18*} Учёные СРВ называют период правления династии Ле с 1428 по 1527 г. периодом «Ле Шо» (初黎 Lê Sơ, Ли Чу). В этом наименовании иероглиф 初 имеет значение «начинать, начальный» [8, с.202]. Как поясняет автор данной главы, это сделано для того, чтобы провести разграничение между этой частью династии Ле и одноимённой династией, правившей с 980 по 1009 г. Таким образом выстраивается пара «Ранняя Ле» – «Начальная Ле».

Однако династии «Ранняя Ле», равно как и династии «Начальная Ле» никогда не существовало, а было две династии, носившие название «Ле» (смотри «Примечание 37» в «Комментарии» к «Главе 4» «Тома I»). Поэтому правильнее говорить о «начальном периоде эпохи династии Ле».

¹⁹ Всего титул маркиза получило 93 человека. Из них 3 человека было награждено титулом «Старший маркиз уездов», 1 человек – титулом «Старший маркиз второго [уровня]», 3 человека – титулом «Старший маркиз родных [мест]», 14 человек – титулом «Старший придворный маркиз», 14 человек – титулом «Маркиз уездов», 26 человек – титулом «Маркиз второго [уровня]», 16 человек – титулом «Маркиз чиновничьих собраний», 12 человек – титулом «Маркиз чиновничьего служения» и, наконец, 4 человека – титулом «Старший советник, маркиз дальнего служения».

²⁰ Летивиен: теперь это принадлежащий Зялыонгу уезд Вьонвай в Бакнине. Опасавшиеся возвышения Нгуен Чая придворные ложно обвинили его и его жену Нгуен-тхи Ло в убийстве императора Великого рода [династии] Ле. В результате, 16-го числа 8-го месяца (19-го сентября 1442 г.) вся семья Нгуен Чая была вырезана. По поводу «преступления в Летивиене» до сих пор сохранилось много преданий.

²¹ В данной культурной традиции при понижении того или иного представителя знати ему жаловался новый титул, отражавший его новое положение. Как известно, Нги Зан первоначально имел титул «[Великий] князь Лангшона». Затем он совершил убийство и присвоил себе титул «Император». В связи с этим интересно отметить, что пожалованный ему новый титул был ниже первого из указанных и полностью отражал сущность этого узурпатора: «Маркиз Жестокой добродетели».

²² На территории слободы Кимко была возведена шедшая вдоль реки Толить с востока на северо-запад стена Запретного города. Под стеной был проведён канал, её фундамент был сложен из битой черепицы, земли и камней, а сама она была построена из усиленных железом обработанных камней и кирпичича.

При раскопках Запретного города в Бадини был найден колодец для питьевой воды, а также большое количество черепицы и кирпичей эпохи первых императоров династии Ле, на некоторых из которых сохранились иероглифы с названиями военных отрядов, занимавшихся строительством.

Кроме того, были найдены кирпичичи с иероглифами «宮洛長», что означает «дворец Чьонг Лак». Как известно, Чьонг Лак – это имя жены Совершенного рода династии Ле императрицы Нгуен-тхи Ханг, ставшей впоследствии королевой-матерью в правление императора Наставника рода [династии] Ле.

²³ Судя по всему, названия этих двух гвардий или оборон происходят от цвета одеяний служивших в них солдат и офицеров. По этим названиям можно предположить, что Парчëвая личная гвардия охраняла Императорский (Запретный город), а Золотая личная гвардия – внутренние строения его комплекса.

^{24*} У автора сказано «молодёжь из категории “сильных”». Однако согласно китайско-русскому словарю в категорию «сильных» входили зрелые мужчины в возрасте 30 – 40 лет, а согласно вьетнамскому толковому словарю – взрослые мужчины 30 лет [1, с.20, №140; 8, с.475]. Поэтому, надо полагать, что речь идёт о совершеннолетней молодёжи ещё не вошедшей в категорию «сильных».

^{25*} Автор главы пишет, что «двор также принял решение о проведении каждые три года конкурса по военному искусству для того, чтобы проверять уровень подготовки военных». Однако в источниках никакого упоминания о реальном проведении аких военных конкурсных испытаний в то время не имеется.

²⁶ Во время раскопок в доме семьи Нгаук Кхань в Бадии (Ханой) были найдены различные виды каменных ядер, железные наконечники стрел и копий, секиры, короткие мечи, метательные копыя и другое оружие.

^{27*} В источнике сказано «весом в 100 *лангов*», то есть 3,73 кг. Такой вес печати представляется достаточно сомнительным. Поэтому, скорее всего, эту фразу следует понимать как то, что минский посол привёз «указ [о] пожаловании [титула] “Король государства Аньнань”, золотую печать [и золотые] дары весом в 100 *лангов*». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

^{28*} О Тямпе смотри «Часть I» «Заключения» настоящего тома. Некоторые исследователи полагают, что единого королевства Тямпа никогда не было, а существовали враждовавшие друг с другом отдельные тямские княжества, к которым также принадлежали княжества Нгаукма и Бонман. Однако точка зрения Ж.Масперо о возникновении и развитии королевства Тямпа представляется значительно более обоснованной [891].

²⁹ В середине XIV в. к западу от Дайвьета возникло королевство Лансанг, которое также известно под названиями Айлао и Лаокуа. Наивысшего расцвета это государство достигло в правления третьего и четвёртого своих королей: Самсентхае (1374 – 1417 гг.) и Лан Кхам Денге (1417 – 1428 гг.).

Как уже говорилось, сначала короли Лансанга оказали поддержку восстанию в Ламшоне, однако затем под давлением империи Мин выступили против Ле Лоя. С 1428 по 1456 г. в Лансанге наступила эпоха междоусобиц. За эти 30 лет там сменилось 7 королей. Многие из

обитавших на территории Дайвьета национальных меньшинств были связаны с Лансангом. Они нередко присоединялись к его войскам при их вторжении в пограничные районы Дайвьета. Особенно страдала от них территория Хынгхоа.

^{30*} Автором этого параграфа, как и следующей главы, является сотрудник Института истории Вьетнамской академии общественных наук д.и.н. Чыонг-тхи Иен. Как и автор почти всей «Главы 3» Ха Мань Кхоа, она строит свою работу главным образом на данных «Записи истории Великого Вьета, полного описания», практикуя ту же, принятую в Институте истории ВАОН, структуру ссылок и сносок.

Смотри выше «Примечание 1».

³¹ Восьмому императору династии Ле предшествовало восьмимесячное правление его младшего брата (третьего сына Наставника рода), который известен под именем «Суровый рода» (1504 – 1505 гг.). Вероятно, зная о недостатках своего старшего сына, отец и назначил его наследником. Учитывая краткосрочность его царствования, оно в расчёт не принимается.

^{32*} Интересно отметить, что под 1512 г. в числе руководителей восстаний упоминаются Ле Хи и Нгуен Нгием, при этом их имена полностью совпадают с именами двух авторов «Дополнительных записей» 2-ой половины XVII – XVIII в. «Записи истории Великого Вьета, полного описания» (смотри пункты «Д» и «Е» «Параграфа 3.1.7» «Введения» в «Томе I»). Поэтому не исключено, что историографы XVII – XVIII вв. были прямыми потомками мятежников начала XVI в.

^{33*} Шакра, полное имя «Шакра властитель дэвов» (санскр. Śakra devānām indrah, Шахро дэванам индра). В буддийской космологии Шакра является властителем «Второго Неба» или «Неба 33-х дэвов» (санскр. Trāyastriṃśa, Тряштримша).

Иногда Шакру уподобляют даосскому Яшмовому Императору. Согласно традиции, оба эти божества родились в 1-ый день 1-го месяца по лунному календарю.

³⁴ Мак Данг Зунг родился в общине Каодой уезда Биньха (современная община Лунгдонг уезда Тилинь провинции Хайзыонг).

Согласно «Семейным записям» рода Мак, он был потомком Мак Динь Ти, получившего звание «Первейший [из] первых» на конкурсных испытаниях в эпоху Чан. В четвёртом поколении семья Мак переехала в общину Кочай уезда Нгизыонг (современная община Нгудоан уезда КIENTХЮИ в Хайфоне), где занималась рыболовством.

С детства Мак Данг Зунг был намного сильнее других людей и имел необычайные способности к военному делу, поэтому он успешно сдал экзамены военного конкурса. Его военная карьера началась со службы в

личной охране в правление императора Величественного [и] Мирного. Благодаря уму и блестящему знанию военного дела Мак Данг Зунг становился известнее с каждым днём.

В 1511 г. в возрасте 29 лет он был назначен легатом столичным командующим в «войске [Сына] Неба».

В 34 года он уже получил звание заместителя командующего левого военачальника и командовал войсками Шоннама – одной из крупнейших провинций низменности Северного Вьетнама.

В 36 лет Мак Данг Зунг был назначен командующим войсками Хайзыонга, при этом ему был пожалован титул маркиза Военных речных [путей].

В 40 лет – руководил базами флота шести армий во всех 13 военных округах страны. Наконец, в 1521 г. в возрасте 41-го года Мак Данг Зунг был удостоен титула «Государственный князь Гуманности», при этом в его руках были сосредоточены все военные силы династии Ле.

Таким образом, Мак Данг Зунг успешно продвигался по служебной лестнице при всех трёх последних императорах начального периода правления династии Ле (Император Величественный [и] Мирный, император Помогающий [и] Поддерживающий и император Блистательный рода [династии] Ле).

³⁵ Из источников не совсем ясно, когда Суан провозгласил свой девиз правления. Поэтому нельзя исключать того, что это произошло после пленения Блистательного рода в 1525 г. В этом случае сосуществование двух имён Суана становится более понятным. С 1522 по 1525 г. он именовался «Младший [брат] императора Суан», а с 1525 г. после провозглашения девиза правления «Изначальное единство» – «Император Почтительный».

Глава 4

^{1*} Смотри «Примечание 30» в «Комментарии» к предыдущей главе.

² В «Примечаниях» авторов летописного свода «Отражение истории Вьета, основа [и] частности, составленное по повелению императора» уточняется, что Мак Данг Зунг уступил Минам лишь пять горных уездов Тефу, Кимлак, Кошам, Лиеукат и Лафу. При этом они исходят из описания округа Цинь той эпохи в источниках эпохи Цин, не говоря о том, что в XIX в. горный уезд Анлыонг уже был городом Анлыонг вьетнамского округа Ваннинь. Судя по всему, по этой причине авторы «Отражения истории» сочли, что в «Записи истории Великого Вьета, полном описании» допущена ошибка [182, т. XIV, с. 30].

В 90-е годы XX в. ряд учёных выдвинул гипотезу о том, что передача Мак Данг Зунгом упомянутых уездов Минам с целью заключения мира

являлась лишь хитроумной уловкой с его стороны. На самом же деле империи были возвращены отторгнутые у неё Ле Лоем её собственные территории. Тем не менее, до настоящего времени во вьетнамской исторической науке господствует точка зрения, согласно которой эта уступка Мак Данг Зунга империи Мин не позволяет положительно оценивать внешнеполитическую деятельность династии Мак.

^{3*} В «Примечании 5» «Комментария» к «Введению» «Тома I» и в «Примечании 12» «Комментария» к «Главе I» данного раздела «Тома II» указано, что согласно принятой методике иероглиф 公 переводится как «князь». При этом в исторических источниках встречаются устойчивые сочетания иероглифов 公國 и 公郡, имеющие почти такое же значение. Поэтому можно было бы предположить, что все эти три понятия являются синонимами, однако из контекста источников следует, что между ними имеется определённая разница.

Сопоставление случаев, в которых используется каждый из указанных терминов, позволило выделить следующие их особенности.

1. Иероглиф 公 является общим понятием;
2. Сочетание иероглифов 公國 встречается лишь в титулах знати из непосредственного окружения императора;
3. Сочетание иероглифов 公郡 – только в титулах провинциальной знати;
4. Иероглиф 國 имеет значение «государство», а иероглиф 郡 – значение «область».

Поэтому представляется возможным перевод первого термина как «князь», второго – как «государственный князь» и третьего – как «поместный князь».

⁴ В настоящее время этот район принято называть «Походный дворец Ванлай – Иенчынг». В этом месте было найдено много каменных скульптур, в том числе – слонов и лошадей, глиняных изделий, ядер и других предметов [1305.1, с.154].

⁵ В тексте источника сказано: «В 8-ом месяце род Мак приказал [великому] князю Почтительному Мак Кинь Диену повести армию, ударить [по] Тханьхоа, поручил командующему армией Южного [военного] округа поместному князю Старшему повести более ста кораблей [в качестве] авангарда...».

В источнике также уточняется, что река Дайлай это река Лен, а имя командующего флотом не называется [165.2, т.4, с.139].

^{6*} По непонятной причине автор этой главы датирует смерть Мак-фук Нгуена 1564 г., хотя в источнике, на который опирается Чыонг-тхи Иен, сказано: «Месяц 12-ый. Мак-фук Нгуен умер. [Ему] наследовал сын Моу

Хоп, изменили девиз правления на “Преданность [и] радость”». При этом уточняется, что девиз правления был провозглашён в 1562 г. [165.2, т.4, с.146, 147].

⁷ Это второй случай династического брака между Южной династией Ле и правителями Айлао, поскольку весьма сомнительно, что решение об обсуждавшемся в 1564 г. браке было принято лишь спустя семь лет.

Интересно отметить, что замуж за короля Айлао была отдана дочь императора Ле от жены, которая не имела титула императрицы, возможно, от наложницы. Поэтому она не имела титула принцессы, который был пожалован ей по случаю замужества.

В таком случае имя Нгаук Хоа, скорее, является титулом, который может быть переведён, как «Прекрасная Яшма» (華玉).

Часть II

Глава I

^{1*} А.Б.Поляков отмечает, что в переводе летописного свода «Отражение истории Вьета, основа [и] частности, составленное по повелению императора» двенадцать легатов-правителей также обозначаются термином *хао чыонг* (*hào trưông*), который мог бы переводиться как «вождь-предводитель» [182, т.2, с.41]. Однако в иероглифическом тексте этого источника данный термин не встречается [239.6, с.889 – 905]. Поэтому представляется, что переводчики иероглифического текста на современную вьетнамскую письменность либо по ошибке «создали» новый термин, объединив понятия 長雄 «мужественный предводитель» и 豪士 «местный вождь».

² Согласно И.М.Ошанину, такое значение эти иероглифы приобрели в Китае с X в. [1, т.2, 84]. В издании перевода на русский язык «Записи истории Великого Вьета, полного описания» («Полного собрания исторических записок Дайвьета») эти иероглифы переводятся как «подчинённый полководец» [54.2, с.102].

³ Стела храма Хыонг-нгиен на горе Канны в уезде Донгшон провинции Тханьхоа [1540, с.66].

⁴ Как представляется, Чыонг Хыу Куинь в своей монографии несколько преувеличивает могущество Динь Бо Линя, считая 968 г. годом зарождения централизованной монархии во Вьетнаме [1540, с.65].

⁵ Иероглиф 臣 (*thần, тхан, чэнь*) имеет значение вассал, подданный, министр, чиновник, сановник, раб из числа пленных [1, т.2, с.328]. По своему положению Динь Бо Линь не мог быть министром, чиновником или сановником «двух королей», и уж тем более не рабом из числа пленных. Наиболее точно подходят значения вассал, подданный.

⁶ Иероглифы 貢入 (*nhập chi, няп ти, жу гун*) означают заплатить дань, стать вассалом [1, т.4, с.45].

Иероглиф 質 (*chi, ти, чжи*) кроме значения «заложник» ещё имеет значение «подарок» [1, т.4, с.697]. Именно так была переведена эта фраза в издании перевода на русский язык «Записи истории Великого Вьета, полного описания» («Полного собрания исторических записок Дайвьета»): «[Динь] Бо Линь испугался и направил своего сына [Динь] Лиена с подношениями, чтобы остановить военные действия [54.2, с.207].

Этот отрывок текста в наиболее ранней из дошедших до нас летописей «Краткое [изложение] истории [Великого] Вьета» полностью совпадает с соответствующим отрывком текста из «Записи истории Великого Вьета, полного описания» Нго Ши Лиена за исключением замены иероглифа 貢 (дань; *sóng, конг, гун*) на иероглиф 質 (заложник, подарок; *chi, ти, чжи*). Такая замена представляется вполне логичной для конфуцианских историографов более позднего периода, так как в их время дань собиралась только с варваров, которыми во Вьетнаме считались горные народности и тямь. С коренного же населения и тем более с будущего императора Динь Бо Лиена могла взиматься лишь строго установленная рента-налог.

⁷ Достоверных данных о принадлежности к одному клану князя Приказов Фама и Фам Бать Хо, а также Ле Лыонга и Ле Хоана нет. Однако косвенно об этом может свидетельствовать совпадение места рождения.

⁸ Здесь учтён и клан Киеу, хотя Киеу Конг Тиен пребывал у власти весьма недолгое время.

⁹ Нго Сьонг Ван и Нго Сьонг Нгап захватили престол вооружённым путем.

¹⁰ В данном параграфе проблема вьетнамского господствующего класса рассматривалась с точки зрения его социально-экономической организации практически на том же материале, на котором строилось описание политической истории Вьетнама в X в. Поэтому определённые повторы и лакуны в принципе оказались неизбежными. Для получения полной картины происходивших событий смотри «Главу 4» «Части II» «Том I».

^{11*} В своём примечании А.Б.Поляков совершенно верно указывает, что «Вуа – в данном случае император». Однако связанный с современным вьетнамским языком термин «вуа» (*vua*) обозначается иероглифом только

на национальной письменности «ном». Этот «номовский» иероглиф выглядит следующим образом: . То есть его верхняя часть представлена классическим иероглифом 王, являющимся смысловой образующей, а нижняя – классическим иероглифом 布 (*bó, бo, бу*), не несущим никакой смысловой нагрузки. Являясь прямым синонимом иероглифа 王, он обозначает на вьетнамском языке («ном») понятия «верховный правитель», «государь» или «император» [13, с.832]. Поэтому совершенно непонятно, почему А.Б.Поляков транскрибирует как «вуа» использованный в «Кратком [изложении] истории [Великого] Вьета» иероглиф 王, который транскрибируется по-вьетнамски как «вьонг» и переводится в настоящей работе как «[великий] князь».

¹² Праджна-парамита. В тексте источника сказано «Бат-ня», что означает на санскрите лишь «Праджна», то есть «Мудрость». Полностью же это буддийское произведение носит название «Классическая духовная [книга] мудрости [и] основных добродетелей», в котором понятие «основные добродетели» соответствуют санскритской «Парамите» [11.1, с.236, 237].

¹³ Во вьетнамских научных кругах продолжает существовать мнение, что конфуцианство и чиновники-конфуцианцы начали играть значительную роль уже с эпохи династии Ли. Об этом, в частности, пишет в своей статье вьетнамский историк Нгуен Тхыа Хи: «В действительности система конкурсных экзаменов, конфуцианство и прослойка конфуцианцев берут начало и развиваются с периода Ли» [1476, с. 325]. Основное обоснование этого – сведения Нго Ши Лиена о конфуцианских учреждениях в XI в., которых нет в более раннем источнике XII в. Но даже сам Нго Ши Лиен указывает на то, что в правление Ли было проведено всего пять конфуцианских конкурсных экзаменов (1086, 1152, 1165, 1185 и 1193 гг.). При этом согласно данным книги «Вьетнамские лауреаты конкурсов 1075 – 1919 гг.», за этот же период лауреатами этих конкурсов стали всего одиннадцать человек [1369]. Для сравнения в период правления династии Чан (1225 – 1400 гг.) был пятьдесят один лауреат, а в первый период правления династии Ле (1428 – 1527 гг.) – тысяча пять лауреатов.

Однако есть и другие мнения. Так, в коллективном издании «История Вьетнама» Института общественных наук г.Хошимина со ссылкой на статью профессора Фан Хюи Ле «Император Великий Предок Ли и династия Ли в национальной истории» [1448], написано: «По сравнению с предыдущими династиями государственный административный аппарат династии Ли был более прогрессивным и совершенным. Режим династии Ли – режим централизованной монархии, однако он не был абсолютистским бюрократическим монархическим режимом по конфуцианскому образцу, а носил высокий национальный характер, сочетающийся с буддийской духовностью, опирающийся на сплочение

общества на основе сельской общины и пронародной политики императора [1306.3, с.40].

Подробнее смотри «Главу 3» и «Главу 4» «Части III» настоящего тома.

^{14*} Во переводе текста летописного свода на вьетнамский язык сказано «*Các nhà quyền thế thông được thiện tiện thu nạp các hạng người bách tính*». Перевод А.Б.Поляковым первой части этой фразы не вызывает возражения: «Семьи, наделённые властью, не могут самовольно принимать...». Однако перевод её завершающей части вызывает сомнения. Очевидно, что сочетание «*các hạng người bách tính*», которое в иероглифическом тексте, судя по всему, записано как 姓百人項各 (как ханг нгыой батъ тин, гэ сян жэнь бай син), должно переводиться как «все категории людей ста фамилий», а не как «цветные люди» из простого народа». Соответственно когда А.Б.Поляков поясняет, что «цветные люди» это «жёлтые люди», то это неточно, хотя очевидно, что в данном тексте речь идёт о запрете превращения свободных общинников, или «жёлтых, мужчин» в зависимых.

¹⁵ Авторы перевода «Записи истории Великого Вьета, полного описания» на вьетнамский язык перевели неправильно, что в этом случае домашние рабы переводятся в категорию государственных или казённых рабов [165.1, с.266], между тем как в иероглифическом тексте написано: «рабы конфискуются в казну» 官入沒奴.

^{16*} А.Б.Поляков переводит этот текст следующим образом: «Запрещается *зя но* чиновников [служащих] внутри и вне столицы татуировать на груди или ноге изображения драконов, подобно императорской гвардии, нарушивших конфискуют в казну». Однако в самом тексте используется термин «домашняя прислуга» 僕奴 (*nô bôc, но бок, ну ну*). В принципе такой перевод допустим, так как одним из значений термина «семейный раб» (家奴, *gia nô. зя но, ну цзя*) является понятие «прислуга».

¹⁷ Интересно отметить, что термин «государственный раб» 奴官 (*quan nô, куан но, гуань ну*) отсутствует в «Большом китайско-русском словаре». Правда в нём есть схожий термин 婢官 (*quan tỳ, куан ти, гуань би*), который переводится в нём как казённые служанки, рабыни, проданные в рабство за преступления. В «Записи истории Великого Вьета, полном описании» последний встречается дважды, но уже в текстах, относящихся к XV – XVI вв.

^{18*} Надо полагать, что рабами в полном смысле этого термина можно считать только «полевых каторжников», тогда как «полевых ссыльных», вероятно, следует относить к группе «зависимых».

Интересно отметить, что обе эти группы «полевых рабов» источники связывают только с полевыми рабами, обрабатывавшими государственно-

казначейские поля в общине Каоса. Смотри «Параграф 1.2» следующей главы.

¹⁹ В «Кратком [изложении] истории [Великого] Вьета» сказано «Книга законов» 書律, в «Записи истории Великого Вьета, полном описании» – «Книга казней» 書刑. В принципе эти понятия могут трактоваться как «Уголовный кодекс» или «Уголовное уложение».

²⁰ Нельзя исключать и того, что инициатива инспекторской проверки могла принадлежать самому До Ань Ву, который был фаворитом императрицы и мог рассчитывать на крупные взятки от проверяемых чиновников. Смотри «Параграф 3.1» «Главы 1» «Части I» настоящего тома.

²¹ Профессор, доктор исторических наук Чыонг Хыу Куинь – вьетнамский ученый, основной темой исследований которого были аграрные отношения во Вьетнаме в средние века. Здесь и далее автор опирается на его работы при характеристике аграрных отношений в эпоху Ли – Чан.

²² Л.Оруссо полагает, что Гао Сюнчжэн создал своё произведение не позднее 1691 г., тогда как Э.Гаспардон полагает, что оно представляет собой позднюю компиляцию безвозвратно утерянных в результате минской оккупации произведений XV в. [246.2, с.9, 39 – 43]. Поэтому нет ничего удивительного, что Гао Сюнчжэн не располагал всеми данными о том, что происходило в Дайвьете эпохи Ли.

^{23*} *Военные поля.* А.Б.Поляков отмечает, что иероглифы 田豚 (*điền điền, don dien, тунь тянь*) означают «буквально – насыпная земля». Однако в основных вьетнамских словарях классической иероглифики это сочетание иероглифов толкуется либо как «военная сельскохозяйственная колония, плантация, концессия» [7, с.747], либо как «целинные земли, возделываемые солдатами» [8, с.298]. При таком толковании очевидно, что речь идёт о полях, находившихся в ведении военных или о *военных полях*.

О *государственно-казначейских полях* А.Б.Поляков говорит, что это «буквально – казначейские земли». Такой перевод лишь не учитывает иероглифа 國, что не имеет принципиального значения.

Между названием *поля императорской гробницы* и названием А.Б.Полякова «императорская могила» принципиальных различий также не имеется.

Иначе обстоит дело с названием *приписные поля*. О сочетании иероглифов 田籍 А.Б.Поляков говорит, что оно означает «буквально – участок земли, вспахиваемый лично императором». Однако основным значением иероглифа 田 является понятие «поля», тогда как иероглиф 籍 имеет значения «списки населения; происхождение; место приписки, приписанный; коренной, местный» [2, с.145 №1494]. Поэтому в принципе

можно было бы согласиться при условии комментария с названием «ритуальное поле», хотя название *приписные поля* в значении «поля, приписанные к месту отправления императором обрядов культа Неба и Земли» представляется более точным.

²⁴ В «Большом китайско-русском словаре» эти иероглифы переводятся как *императорские поля, государственные (казённые) земли, общественное поле* [1, т. 4 с.957]. Соответственно точно установить разницу между понятиями *государственные поля* и *общинные поля* достаточно сложно. Можно лишь предположить, что первым обозначались поля, которые государство могло отдавать в кормление, а вторым – не подлежащие отчуждению земли, на которых работали полноправные общинники.

²⁵ Для обозначения частной собственности на землю в исторических источниках и эпиграфике используются как уже упоминавшиеся выше термины *людские поля* и *поля брошенного меча*, так и термины *личное поле* и *именное поле*, различия между которыми установить крайне сложно.

^{26*} Судя по всему, *удел кормления* и *реальное пожалование* дополняли друг друга. Так, нельзя исключать того, что одним термином обозначалось земельное пожалование, а другим – пожалование общинников для их обработки пожалованной земли.

^{27*} Полное название воззвания Чан Куок Туана «Манифест: Приказ всем военачальникам помогать мобилизации [сил]» (文檄將裨諸諭).

Однако общепринятым является перевод «Воззвание к генералам и офицерам». Причиной этого стало название «Манифеста» на вьетнамской латинице «Указ военачальникам» (Hịch tướng sĩ, Хить тыонг ши).

На современном вьетнамском языке слово «хить» имеет значение «воззвание, манифест» [2, с.281], тогда как на самом деле оно является лишь частью сочетания пятого и шестого иероглифов полного названия 文檄 (на «ханвьете» хить ван, hịch vãn), которое переводится как «манифест, декларация, приказ, **приказ о мобилизации, докладная записка**» [3, с.584 №6225].

Сочетание слов «тыонг ши» переводится с современного вьетнамского языка во вьетнамско-русском словаре как «генералы и офицеры» [2, с.730]. На «ханвьете» и «взньяне» это словосочетание обозначается иероглифами 士將, однако в полном названии воззвания иероглиф 士 отсутствует, а стоящему на четвёртом месте иероглифу 將 предшествует иероглиф 裨, имеющий значение «помогать» [3, с.224 №2282]. Вторым стоит иероглиф 諸 со значением «все» [3, с.154 №1603], а первым – иероглиф 諭, имеющий значение «указ, декрет, постановление, манифест» [3, с.275 №2845]

Сочетание всех этих факторов и привело к указанной ошибке в переводе названия «Манифеста» Чан Куок Туана.

^{28*} Обращение Чан Куок Туана представляет большой интерес с точки зрения понимания психологии вьетнамцев второй половины XIII в. А поскольку его иероглифический оригинал трудно доступен, то ниже приведены иероглифический оригинал процитированной фразы и её транскрипция на «ханвьете» (русская и вьетнамская) и «вэньяне» (русская).

有所之人他爲亦祿俸之之等汝而削被邑采余唯不

Бат зои зы ти тхай ап би тхюк, ни ны данг ти бонг лок зиек ви нян ти шо хыу

Bát duy dư chí thái ấp bị tước, nhi như đẳng chi bổng lộc diệc vì tha nhân chỉ sở hữu

Бу вэй шэ чжи цай и бэй сяо, эр жу дэн фэн лу и вэй та жэнь чжи со ю

²⁹ Профессор Чыонг Хыу Куинь считал, что дети хозяев *уделов сбора [налогов]* не имели права на их наследование, которые после смерти владельца возвращались в разряд казённых земель. Он также полагает, что *уделы сбора [налогов]*, как и *уделы отдыха [и] развлечений*, были аналогичны *уделам кормления*. В обоснование этого он приводит три случая употребления термина *удел сбора [налогов]* в летописном своде «Отражение истории Вьета, основа [и] частности, составленное по повелению императора», которые в «Записи истории Великого Вьета, полном описании» называются *уделами кормления* [1540.1, с.102 – 103, 107]. Однако в данном случае мы имеем дело с ошибкой переводчиков на вьетнамский язык «Отражения истории». Во всех трёх случаях в иероглифическом оригинале этого летописного свода написано 邑食, а не 采邑 [182.1, т.1, с.346; т.2, с.572, 624]. Можно привести и четвёртый случай неправильного перевода этой летописного свода, относящийся к 1218 г.: «[Ли] Бат Ниему пожаловали титул маркиза, пожаловали *удел сбора [налогов]*... в полторы тысячи семей» [182.1, т.1, с.417]. Здесь нельзя не отметить отличие *удела сбора [налогов]* от *удела кормления*, так как в первом случае жаловались общины и уезды, а во втором, как правило, крестьянские семьи.

Отрицает наследование *удела сбора [налогов]* и автор монографии «Уделы сбора [налогов] и имения в период правления династии Чан (XIII – XIV вв.)» доктор исторических наук Нгуен-тхи Фыонг Ти. Она, как и Чыонг Хыу Куинь, полагает, что пожалованные уделы продолжали оставаться в собственности государства [1405, с.114].

Противоположную точку зрения по этому вопросу выражают учёные Института общественных наук г.Хошимина в своей «Истории Вьетнама»: «Первоначально земли *уделов сбора [налогов]* находились в собственности государства, но когда они становились *уделами сбора [налогов]*, то они уже были частной собственностью аристократов» [1306.3, т.3, с.197].

³⁰ В иероглифическом тексте летописного свода резиденция обозначена сочетанием двух иероглифов 第鄉 (*hương đê, хьонг де, сян ди*), в котором первый означает «родная деревня» [3, с.218 №2215], а второй – «дом, усадьба, жилище» [3, с.444 №4657] Эти иероглифы переводятся авторами всех переводов с «ханвьета» на современный вьетнамский язык «Записи истории Великого Вьета, полного описания» как «все короли и маркизы жили в резиденциях в местах [расположения] своих деревень...» («*sác vương hầu đều ở phủ đê nơi hương ấp của mình...*»). Правильный перевод – «все [великие] князья [и] маркизы проживали [в родных] деревенских резиденциях...». Наконец, термин «деревенская резиденция» эпохи Чан 第鄉 переводится на современный вьетнамский язык термином «фу де» (*phủ đê, фу ди*), который обозначается иероглифами 第府, имеющими значение «резиденция правителя».

³¹ Не исключено, что иероглиф 田 в термине 庄田 был случайно заменён переписчиками на иероглиф 實. Этот термин переводится как «имение», однако, учитывая, что он состоит из двух иероглифов, его можно было бы перевести как «земельное имение», посёлок, хутор. К сожалению, этот перевод не отражает коренного отличия вьетнамских имений в Дайвьете от китайских имений эпохи Сун.

³² Безусловно, в источнике допущено некоторое преувеличение, когда в нём сообщается, что по всей стране «Отобрали из них несколько десятков широко известных людей и оставили монахами. Всем остальным сделали татуировку на руке и расстригли» [36, с.100]. Однако при этом не вызывает сомнения, что очень большое количество буддийских монахов было насильно возвращено в мир.

В летописном своде Нго Ши Лиена «Запись истории Великого Вьета, полное описание» кратко сообщается о том, что в первом месяце 1198 г. на основании доклада Дам Зи Монга был издан императорский Указ о сокращении числа монахов [24, т.1, с.330].

В «Кратком [изложении] истории [Великого] Вьета» доклад Дам Зи Монга приводится полностью. В нём говорится: «В настоящее время буддийских монахов и послушников приблизительно столько же, сколько слуг. Сами все вместе устанавливают себе Учителя. Собираются все категории, живут вместе, совершают много позорных поступков. Или в священной обители пьют вино и едят мясо, в чистых буддийских монастырях предаются блуду, развратничают, днём спят, а ночью бодрствуют, подобно лисам и крысам, разрушают нравы, вредят религии, и это становится поветрием. Если не запретить, то через некоторое время это дойдет до крайности» [36, с.201].

Существует и другое объяснение этой инициативы Дам Зи Монга. Являясь видным придворным-конфуцианцем, он, возможно, стремился ограничить влияние буддийской сангхи.

³³ Вызывает некоторое недоумение утверждение коллектива авторов «Истории Вьетнама» о том, что император Великий рода [династии] Ли впервые разрешил открыть рынки на территории страны только в 1035 г. Данных о таком «разрешении» в исторических источниках не имеется. Под этим же годом в них сообщается лишь об открытии одного из рынков в столице [1306.3, т.3, с.65; 236.2, т.1, с.257]. Что же касается рынков в сельской местности, то они существовали и ранее.

³⁴ В последующем от населения продолжали поступать жалобы на корыстолюбие Чан Кхань Зы. На аудиенции у императора, вызвавшего его по поводу очередной жалобы, Зы ответил: «Генерал – ястреб, народ [и] армия – утки, ястреб кормится утками. Что же здесь удивительного?» [165.4, т.2, с.74]. Очевидно, что под «народом и армией» Чан Кхань Зы подразумевал подчинённых ему чиновников и офицеров.

^{35*} Благовония 香 (кит. *сян*; вьет. *хьонг, хьонг*).

Чэнь 沉 (вьет. *чам, trâm*), подводный. Аквилария (*Aquilaria agallocha* Roxb.). Благовоние дерева алоэ. Вероятно, название *чэнь* связано с тем, что это благовоние тонет в воде.

Гуан 光 (вьет. *куанг, quang*), яркое, светящееся. Это благовоние того же вида, что и благовоние *цзянь*.

Цзянь 箋 (вьет. *тиен, tiên*), бумажное. Второй сорт благовония по сравнению с *чэнь*, но оно лучше, чем благовоние *су*. У него выющийся древесный ствол и не очень твёрдый плод.

Су 速 (вьет. *ток, tốc*), поспешное. Необработанное *шу*, о чём свидетельствует и его название.

Шу 熟 (вьет. *тхук, thục*) или Хуанцусян 香熟黄 (вьет. *хоанг тхук хьонг, hoàng thục hương*), жёлтое необработанное. Это благовоние получается в результате отвердения коры и разложения сердцевины дерева. По форме оно напоминает ведро, поэтому также называется «Ведро жёлтое необработанное». Добавление благовония *цзянь* (бумажное) делает его чёрным, при этом его запах особенно ценится. В этом случае оно называлось «Жёлтое необработанное с добавлением *цзянь*» и считалось благовонием первого сорта.

Шэн 生 (вьет. *шань или шинь, sanh или sinh*), естественное. Для его получения дерево устанавливали макушкой вниз в чёрную воду (?). Когда благовоние естественно возникало внутри ещё не одревесневшей части дерева, то его срубали. Поэтому оно и называется «естественное».

Чжань 暫 (вьет. *там, tạm*), нечаянное, случайное.

Созревшая на три десятых кора алоэ считается «Благовонием Чжань», созревшая на пять десятых – «Благовонием Су», созревшая на семь или

восемь десятых – «Благовонием *Цзянь*», созревшая на десять десятых – «Благовонием *Чэнь*».

Мест вывоза благовония *чэнь* было несколько. Привезённое из Южного Вьетнама и Камбоджи (Ченла) считалось благовонием первого сорта, из Центрального Вьетнама (Тямпа) – второго, с Суматры (Шривиджайя), с Явы (Кадири) и из других стран региона – низшего. Традиционно все эти страны делились на нижний и верхний берега. Так, Ченла и Тямпа считались верхним берегом, Шривиджайя и Кадири – нижним. Ладан (*Чэнь*) считался благовонием первого сорта, «готовое» *Шу* – второго, твёрдые благовония чёрного цвета – первого, жёлтого цвета – второго.

Судя по вышесказанному, все эти благовония могли получаться от одного дерева, которое вместе с плодами либо бралось в естественном виде, либо подвергалось какой-то дополнительной обработке.

Также известно, что из Центрального Вьетнама привозились камфора, корица, мускат и другие благовония, пользовавшиеся большим спросом у вьетнамской и китайской знати. Большая часть этих благовоний, а также рога носорога, слоновая кость и многое другое попадали в Дайвьет в виде дани тямских королей вьетнамским императорам в XI – XV вв. См. «Параграф 1.1» и «Параграф 1.2» «Части I» «Заключения» настоящего тома.

³⁶ Авторы перевода на вьетнамский язык «Записи истории Великого Вьета, полного описания» высказывают в комментарии предположение о том, что Лолак – это монское государство Лопбури, находившееся на территории современного Таиланда. Однако к тому Лопбури уже времени было завоёвано королем Камбуджадеша Сурьяварманом I.

³⁷ По всей вероятности, речь идёт об одом из тайских княжеств. Переводчики «Записи истории Великого Вьета, полного описания» справедливо отметили, что название Сиенла появилось только при династии Мин, а до этого, при династии Юань использовалось название Сиен, означавшее государство Сукотай, которое появилось только в XIII в. Таким образом, Нго Ши Лиен перенёс это современное ему государство в XII в., как он это сделал с конфуцианскими институтами XI в.

³⁸ Иероглиф 莊 (*транг, чанг, чжуан*) среди прочих имеет значение «фирма, лавка, контора» [2, с.20 №141]. Полностью соответствуя смыслу текста, эти понятия слишком современны по своему звучанию. Поэтому в переводе они заменены более нейтральным понятием «учреждение».

Глава 2

^{1*} Автором этой главы является Нгуен Дык Нью, оформивший её структуру в соответствии с принятыми в Институте истории Вьетнамской академии общественных наук принципами.

Смотри выше «Примечания 1» и «Примечание 30» в «Комментарии» к «Главе 3» «Части I» настоящего тома.

^{2*} За семь лет своего правления Хо Кюи Ли предпринял целый ряд важных реформ, которые по времени относятся к эпохе Чан, а по сути – к начальному периоду правления династии Ле. Поэтому при описании политической истории правление династии Хо по хронологии отнесено к XIV – началу XV в. (смотри «Параграф 2» «Главы 2» «Части I» настоящего тома), тогда как её предваряющие реформы династии Ле мероприятия в социально-экономической области характеризуются в данной главе.

^{3*} В тексте источника сказано: «определил размеры *кана*, *тхыока* и *тханга*». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

Бумажные деньги были введены по указанию Хо Кюи Ли ещё в правление династии Чан в 1396 г. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в правление династии Хо они стали единственным платёжным средством. Смотри «Параграф 2.6.1» предыдущей главы.

Словосочетание «куан тиен» (quán tiền) или просто слово «тиен» в современном вьетнамском языке имеет значение «деньги». Однако на «ханвьете» иероглиф 貫 (quán) имеет значение «верёвка для нанизывания денег», а иероглиф 錢 (tiền) обозначает меру веса, равную 0,1 *лыонга* (*ланга*) или 3,7301 гр. [8, с.152, 267]. Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

Таким образом, можно предположить, что один куан равнялся 373,01 гр меди, которая была необходима для многих изделий, прежде всего – военного назначения. Поэтому вполне логично, что, опираясь на уже достаточно высокий уровень печати, Хо Кюи Ли ввёл бумажные деньги с тем же номиналом, что и медные.

⁴ На лбу принадлежавших государству рабов татуировался знак в виде «огненной жемчужины (жемчужины с подобными языкам пламени лучами), принадлежащих принцессам – изображение тополя или сахарного дерева, принадлежащих великим князьям – красный круг, принадлежавших чиновникам первого и второго классов – чёрный круг и т.д.

^{5*} Первоначальное значение иероглифа 銅 (đồng) – медь. Он также является мерой веса в 3,7301 гр. Таким образом, в мерах веса «донг» = «тиену». Если же говорить о денежном номинале, то «донг» является частью «тиена», который в свою очередь является частью «куана» (смотри «Примечание 3»).

⁶ Согласно «Собранию [данных об] отдыхе [под] Южным Небом», в то время было учреждено 43 поселения *военных полей*, из которых 30 – в Бакбо, 5 – в Тханьхоа, 4 – в Нгеане, 2 – в Тхуанхоа и 2 – в Куангнаме [182, т.12, кн.23, с.27, 28 (1157 – 1158)].

*Интересно, что по поводу названия этого, написанного в 1483 г. по повелению императора Совершенного рода династии Ле статомного труда, данные которого приводятся в летописном своде «Отражение истории Вьета, основа и частности, составленное по повелению императора», правивший во 2-ой половине XIX в. император династии Нгуен заметил:

«Книгу написали [о] политических делах, [а] назвали “[данные об] отдыхе”. [Название] не соответствует [содержанию]» [182, т.12, кн.23, с.31 (1161); 239.1, «Основные записи», кн. XXIII, с.406]

⁷ В «Семейных записях» нескольких вьетнамских родов сохранились сведения о том, что их предки переселились из Тханьхоа и Нгеана в Куангнам приблизительно во время правления императора Совершенного рода [династии] Ле [1731.11].

^{8*} Поскольку ни структура, ни содержание торговли принципиально не изменились с конца эпохи Чан, то в настоящей главе отмечаются лишь те незначительные нововведения, которые были осуществлены первыми императорами династии Ле. Поэтому о номенклатуре товаров и характере экспортно-импортных операций смотри «Параграф 2.6» предыдущей главы.

⁹ Поскольку Северная династия Мак не имела ни времени, ни возможности принципиально изменить структуру землевладения конца эпохи Чан и начально периода правления династии Ле, то все мероприятия Маков в этой области сводились к её адаптации под свои нужды, о которой и идёт речь в настоящем параграфе. Смотри «Параграф 2.4» предыдущей главы и «Параграф «2.1» настоящей главы.

^{10*} Автор данной главы Нгуен Дык Нюе исходит из того, что в правление династии Мак отмечается возрождение буддизма. Однако никаких прямых свидетельств тому в источниках не содержится. При этом нет никакого сомнения как в том, что при Маках буддизм оставался одной из основных опор духовной жизни вьетнамского общества, так и в том, что неоконфуцианство, которое с XV в. стало официальной государственной идеологией Дайвьета, являлось таковым и в правление Северной династии. Об этом свидетельствует проведение при её дворе конкурсных испытаний на должность чиновника. Иначе и не могло быть в тех условиях, когда императоры династии Мак были вынуждены считаться с устоявшимися за сто с лишним лет традициями, чтобы не оттолкнуть от себя элиту вьетнамского общества.

Смотри «Параграф 2.4» и «Параграф 3.2» «Главы 2» и «Параграф 2.5» «Главы 3» «Части III» настоящего тома.

^{11*} То есть поля, урожай с которых шёл на кормление буддийских монахов, а также использовался для непосредственных нужд той или иной пагоды

или того или иного монастыря, в первую очередь – для подношений духам и святым во время отправления культов и проведения религиозных праздников.

¹² 1, 2. 寶元德明 寶通德明 деньги «Светлой добродетели» (1527 – 1529), 3. 寶通正大 деньги «Великой правильности» (1530 – 1540), 4. 寶通和廣 деньги «Всеобщего согласия» (1541 – 1546), 5. 6. 寶至定永 寶通定永 деньги «Вечной определённости» (1547).

Все три сочетания иероглифов 寶元, 寶元 и 寶至 переводятся как «деньги», хотя их также можно перевести как «Изначальное богатство», «Проникающее богатство» и «Истинное богатство». Судя по всему, применительно к монетам эти сочетания являются синонимами.

¹³ Судя по всему, названия 寶元平太 деньги «Тхайбинь» и 寶元法安 деньги «Анфал» связаны наименованиями местностей, хотя и их можно перевести как «Великий мир» и «Законное умиротворение».

Вопрос о происхождении денег «Анфал» до сих пор вызывает споры в научной среде, так как они существовали на всём протяжении периода с 1558 по 1625 г. и, более того, монета под таким названием была выпущена в Хатиене в 1736 г.

¹⁴ Например, в 1634 г. торговец Абрахам Дуйкеркупил 24720 глиняных изделий в порте Дананг, а в 1670 г. купцы с корабля Пютуар (Putoir) купили 124160 глиняных изделий из Дангнгоая.

^{15*} В средневековых вьетнамских летописных сводах стихийные бедствия нередко упоминаются в качестве предзнаменования несчастий, которые должны были обрушиться в будущем на того или иного государя. Однако в данном случае речь идёт о воевавших с узурпаторами Мак легитимных императорах династии Ле. Поэтому никаких сомнений в том, что упомянутые стихийные бедствия происходили на самом деле, быть не может

Часть III

Глава I.

¹ В летописном своде «Отражение истории Вьета, основа [и] частности, составленное по повелению императора» говорится:

В «Предварительных записях» «Основы [и] частности» Цзиньлюсяна [говорится]: “В год [Самца] Зелёной Обезьяны, 5-ый год правления Тан – Яо, династия Вьетхьонг прибыла ко двору, поднесла [в дар] духа-черепашу”.

Примечание

Дух-Черепаха. Во «Всеобщих записях» Чжэн Цяо [сказано]: “В правление Тан – Яо Юэ принадлежал династии Вьеттхыонг, [она] дважды посылала [послов] ко двору [Императора], поднесла [в дар] духа-черепаху; та черепаха жила тысячу лет, [она] была размером более 0,96 м., на спине были [начертаны] письма-головастики, [которыми были] записаны [все события] с сотворения мира; Яо повелея [их] переписать, назвал <Календарь Черепахи>” [239.6, с.245].

² 道載以文 Иными словами, «Словесность несёт людям истину [о] Пути (Дао), которым они должны следовать».

³ Л.С.Васильев пишет, что в Китае Яшмовый император стал верховным божеством даосского пантеона на рубеже I и II тысячелетий [305, с.281]. Возможно, это относится и к Вьетнаму.

⁴ Проблема народных вьетнамских верований и пантеона его божеств наиболее полно была изучена выдающимся французским исследователем первой половины XX в. Л.Кадьером [713]. Большой вклад в исследование пантеона вьетнамских божеств так называемого «народного даосизма» внёс и его младший коллега М.Дюран [783].

⁵ В данном случае прослеживается прямая аналогия с одной из версий рождения Духа Гор. Также интересно отметить, что в «Удивительных сказаниях [о] Линьнаме» [245] сказано только об отце богатыря, зажиточном человеке, которому было уже за шестьдесят [403, с.401].

⁶ Заброшенная на сегодняшний день пагода Кхан названа по имени гор Кханшон на территории современного Ханоя.

⁷ В «Удивительных сказаниях [о] Линьнаме» [245] король Мужественный получает совет от духа правителя Дракона Лака [403, с.401].

^{8*} Согласно традиции последнего короля династии Мужественных звали 睿 «Зюе» (Duệ, Жуй), что в традиционной структуре посмертных имён имеет значение «Мудрый». Смотри «Приложение I» в «Томе VI». Правда, иногда его имя пишется 璿. Однако, надо полагать, что это либо сознательная замена табуированного иероглифа, либо ошибка, так как по-вьетнамски этот иероглиф читается «Туен» (Tuýên, Сюань) и имеет значение «Прекрасная яшма» [3, с.167, №96,14].

^{9*} В имени Фат Моу Ман-ньонг сочетание иероглифов 母佛 (Phật Mẫu, Фат Моу, Фо Му; санскр. Bouddhamâtr) имеет устоявшееся значение «Мать Будды». Сочетание же Ман-ньонг в принципе типично для вьетнамских

женских имён, где иероглиф 娘 (Nuong, Ньонг, Нян) имеет значение «девушка». В данном случае интересно лишь то, что имя самой девушки является далеко не случайным, так как иероглиф 曼 (Man, Ман, Мань) имеет значение «прекрасный». Очевидно, что этот вымышленный персонаж был создан с целью подчеркнуть величие монаха Кхоудала, или Калатяле, действительно жившего при дворе Си Ниела.

¹⁰ Подсчитано, что, например, на севере Вьетнама функционирует около двухсот поминальных храмов, в которых отправляется культ основателя династии Ранней Ли и его сподвижников [1308, с.65].

¹¹ Вьетнамские фольклористы Динь Зя Кхань и Тю Суан Зиен пишут, что жители Северного Вьетнама, а именно в провинции Хабак и в пригородах современного Ханоя, воспринимали сказочных персонажей Там и Кам как живых людей, о чем свидетельствуют существующие в их честь храмы, в которых им продолжают поклоняться [1230, с.106].

¹² Из-за длительного и преимущественного существования вьетнамской литературы на иероглифике чуть ли не до начала XX в., известный российский вьетнамист В.С.Панфилов полагает, что вести отсчёт истории вьетнамской литературы можно только с того времени, когда появляется литература на собственно вьетнамской иероглифике после XIII в., тогда как до этого литература была исключительно китайской. Однако, очевидно, что он не учитывает такой, например, факт, что авторами этой литературы на «китайском языке» были вьетнамцы [474]. Также можно отметить, что М.Дюран и Нгуен Чан Хуан, авторы «Введения во вьетнамскую литературу», в своём труде рассматривают только литературу на вьетнамской письменности [785].

¹³ По историческим причинам вьетнамское стихосложение представляет собой, с одной стороны, историю адаптации и развития китайской системы стихосложения, а с другой – историю собственно вьетнамского стихосложения. Заимствование и использование во Вьетнаме китайской системы стихосложения стало возможным благодаря типологическому сходству обоих языков, а именно таким их свойствам, как силлабизм, тоновой характер, аналитизм и изоляция. Силлабизм вьетнамского языка проявляется в том, что практически любой слог, независимо от того, выступает ли он как слово или является частью слова, имеет собственное лексическое значение, а если нет (в редких случаях), то функционально неотличим от имеющих значение. Поэтому и при написании по традиции все слоги стоят отдельно. Далее, каждый слог во вьетнамском языке обязательно несёт один из шести смысловых различительных тонов, которые на письме обозначаются специальными знаками. Кроме того, морфологию вьетнамского языка характеризует господство аналитических форм и как

следствие – изоляция на уровне синтаксиса, то есть связь слов во вьетнамском предложении осуществляется с помощью порядка слов, служебных частиц и т.д.

Главной, базовой единицей вьетнамского, как и китайского, стихосложения, является слог. Поэтому стихотворные формы образуются либо определённым (количественно и качественно) сочетанием слогов в стихотворных строках (при нерегламентированном количестве самих строк), либо определённым сочетанием слогов в стихотворных строках, число которых изначально задано, которое практически всегда находит отражение и в названиях, как на китайском, так и на вьетнамском языках. Например, «двусложник» (thế hai từ), «трёхсложник» (thơ ba chữ), «пятисложник» (ngũ ngôn), «восьмистрочный семисложник» (thất ngôn bát cú) или «шесть – восемь» (имеется в виду, что в первой строке шесть слогов, а во второй – восемь) и так далее.

Для части стихотворных размеров важно традиционное, берущее начало в древнем китайском языкознании и поэтике разделение тонов (thanh) на две группы: «прямые/ровные» (bằng или bình), то есть немодулированные, и «косые/неровные» (trắc), то есть модулированные. Во вьетнамском языке два «прямых» тона (например, ma и mà) и четыре «косых» (например, má, mả, mả, mạ). В разных стихотворных формах требуется соблюдение разного порядка чередования тонов этих групп.

Для вьетнамских и заимствованных китайских стихотворных форм традиционно характерно наличие всегда односложной рифмы, так как рифмуются отдельные слоги независимо от того, равны они слову или его части. При разной допустимой степени созвучия обязательным условием рифмовки является лишь совпадение группы тонов у рифмующихся слогов. Например, «прямые» рифмуются с «прямыми», а «косые» – с «косыми». Характер рифмовки также различен (смежное рифмование, монорим и так далее), причём в некоторых вьетнамских формах рифмоваться могут как последние слоги строк (vần chân), так и последние слоги предшествующих строк с определёнными слогами внутри последующих строк (vần lưng). При этом внутрискрочная смысловая пауза во вьетнамских и китайских стихотворных формах разбивает стихотворные строки на отрезки по два, три, четыре слога в зависимости от конкретного размера, создавая тем самым ритм (nhịp). В некоторых твёрдых формах большую роль играет параллелизм, который или обязателен, или желателен. Традиционно различают параллелизм тоновой (đối thanh) и параллелизм смысловой (đối ý). Тоновой параллелизм заключается в противопоставлении слогов с «прямыми» и «косыми» тонами. Параллелизм смысловой требует соположения слов как бы одного понятийного поля либо по принципу противопоставления, либо по принципу взаимодополнения, например, *земля – небо, высокий – низкий*. Причём параллелизм может существовать как внутрискрочный, так и междустрочный. Из различных комбинаций количества слогов, тонов, рифм, ритма, параллелизма и складываются

формальные признаки тех или иных стихотворных форм, встречающихся во вьетнамской поэтической практике.

Несмотря на то что поэзия на вьетнамском языке стала собираться и записываться довольно поздно, судить о собственно вьетнамских стихотворных размерах можно прежде всего по вьетнамской народной песенной и непесенной поэзии приблизительно с XIX в. В ней сохранились двусложные, трёхсложные, четырёхсложные, пятисложные, семисложные и восьмисложные формы, а также комбинации строк с разным количеством слогов, неопределённым чередованием «прямых» и «косых» тонов, а также с разным количеством строк, но с обязательной их рифмовкой. Одни из них встречаются считанные разы (двухсложники, трёхсложники), другие – редко и ограниченно, например в определённых жанрах и местностях, третьи довольно часто. Но самой популярной в народной вьетнамской поэзии, без сомнения, является твёрдая строфическая форма «лук бат» или «шести – восьмистрочник», которая получила широкое распространение и в литературной поэзии.

Схема нормативной «лукбатной» строфы:

СП СК СП*

СП СК СП* СП*,

В этой схеме С обозначает позицию со слогом любого тона, П – слогопозицию с одним из двух «прямых» тонов, К – слогопозицию с одним из четырех «косых» тонов, а знак * обозначает рифмующиеся слогопозиции. При этом шестой и восьмой слоги второй строки обязательно должны иметь разные тоны.

С «лук батом» во вьетнамской устной и литературной поэзии тесно связан ещё один не столько распространенный, сколько известный размер – «шонг тхат лук бат», представляющий собой соединение в одну строфу двух семисложных строк с лукбатной строфой.

Схема нормативной «шонгтхатлукбатной» строфы:

ССКСПСК*

ССПСК*СП*

СПСКСП*

СПСКСП*СП*,

В этой схеме С обозначает позицию со слогом любого тона, П – со слогом, имеющим один из двух «прямых» тонов, К – со слогом, имеющим один из четырёх «косых» тонов, а знаком * отмечены рифмующиеся слоги.

Китайская система стихосложения представлена во вьетнамской поэзии двумя основными ветвями: 1. Так называемыми древними формами, восходящими к древнейшему китайскому литературному памятнику «Книга Песен» [252.2] и «Чуским напевам» Цюй Юаня (около 340—278 гг. до н. э.); 2. «Танскими» формами, или «уставными стихами», правила сложения которых оформились в эпоху Тан (VII – IX вв.). Древние формы – это в основном четырёхсложники, пятисложники и семисложники с неограниченным числом стихотворных строк (от четырёх и более), с нерегламентированным чередованием «прямых» и «косых» тонов, а также

с необязательным параллелизмом. Непременным условием древних форм являлось только наличие моно либо других разных рифм. Основными «танскими» формами также были пятисложники и семисложники, как правило, в восемь или четыре строки, но для них как раз характерна строгая регламентация, касающаяся всех элементов стиха. Кроме определённого количества слогов в стихотворных строках, строго определялось чередование «прямых» и «косых» слогов как внутри строк, так и в пределах всего стихотворения. Рифма должна была быть сквозная и обязательно с «прямым» тоном. Для определённых строк был также обязательен тоновой и смысловый параллелизм. Строго определялось место внутрискрипчных пауз. Вот, например, схема восьмистрочного пятисложника:

ППККП*
 КККПП*
 ККПК }
 ППККП* }
 ППКПН }
 КККПП* }
 ККПК
 ППККП*

В этой схеме П – один из двух «прямых» тонов, К – один из четырёх «косых» тонов, знаком * отмечены рифмующиеся слоги, а знаком } – параллельные строки.

Кроме этого в стихах, написанных «танскими размерами», требовалась определённая композиция, в соответствии с которой восьмистрочное стихотворение делилось на четыре части, каждая из которых выполняла определённую функцию. Первая часть задавала тему, вторая – её объясняла, третья – была рассуждением на тему стихотворения, а четвёртая – являлась заключением.

Четырёхстрочные пятисложники и семисложники, называемые во Вьетнаме по китайскому образцу «оборванными стихами», создавались по схеме восьмистрочников также следующими определёнными способами: 1. Когда брались первые четыре строки; 2. Когда брались четыре средние строки; 3. Когда брались четыре последние строки; 4. Когда брались две первые и две последние строки; 5. Когда брались первая – вторая и пятая – шестая строки.

Помимо этого, существовал и целый ряд других, в том числе и коллективно создаваемых, форм, иногда с очень формалистической задачей. Например, когда стихотворение можно читать как с начала, так и с конца, когда последняя строка в стихотворении должна повторять первую, и так далее. Естественно, что в практике стихосложения как на китайском, так и на вьетнамском языке, строгие правила «танского» стихосложения так или иначе нарушались, однако сама эта система просуществовала во Вьетнаме вплоть до XX в. [119].

¹⁴ Текст, написанный параллельной прозой, делится на равновеликие по количеству слогов-слов сегменты, например, два и два, четыре и четыре или шесть и шесть, которые противопоставляются друг другу по тону и смыслу. Противопоставление по тону предполагает использование в параллельных частях тонов, принадлежащих либо к группе «прямых», либо «косых». Противопоставление по смыслу предполагает между слогами-словами либо отношения противопоставления, либо сопоставления слов приблизительно одного понятийного ряда. Ритм, который создаётся подобным делением, с одной стороны, иногда может подчеркиваться рифмой в параллельных частях, с другой – может разрушаться включением непараллельных сегментов, для того чтобы сбить монотонность. Примером этого служат следующие «параллельные фразы», принадлежащие известной вьетнамской поэтессе XVIII – XIX вв. Хо Суан Хыонг, которые в оригинале были написаны «номной» иероглификой.

Giơ tay với thử trời cao thấp,
Hoạc căng đo xem đất vẫn dài.

Потянулась, руки вверх простёрла – измеряю высоту небес.
Ноги развожу – хочу проверить, широко ль раскинулась земля.

(Перевод Г. Ярославцева)

При более или менее очевидном в русском переводе смысловом параллелизме эти фразы можно представить в следующем схематическом виде:

ППККПК,
ККПККП.

В этой схеме П – один из двух «прямых», а К – один из четырёх «косых» тонов. Как видно, здесь в двух семисложных сегментах «прямым» тоном в первой строке противопоставляются «косые» во второй.

^{15*} Н.И.Никулин переводит название этого произведения как «Изборник из сада тхиен» [513, с.45]; М.Н.Ткачѳв – как «Записи дивных речений в саду созерцания» [404, с. 490], а Т.Н.Филимонова – как «Собрание лучших цветов из садов тхиена».

¹⁶ Реминисценция (điền, điển cố, điển tích) – чрезвычайно характерный для вьетнамской традиционной литературы приём. Он был заимствован из Китая и представляет собой упоминание исторического события или лица, а также употребление литературных фраз из произведений далёкого прошлого в новом литературном произведении, иногда лишь в виде намѳка. Как правило, использовались историко-литературные реминисценции конфуцианского характера со ссылкой на нечто высокоавторитетное в каноническом прошлом, которая связывала вновь созданное произведение с этим прошлым, придавая ему тем самым больший вес. Например, в упоминавшемся указе императора Великого Предка династии Ли содержится ряд ссылок на аналогичные прецеденты из древнекитайской

истории, а также давалась ссылка на известного геоманта Гао Пяня, который, будучи правителем губернаторства Умиротворённого юга, построил в IX в. на месте будущей столицы Дайвьета свою резиденцию.

В прошлом даже для использования реминисценций авторами и их понимания их читателями требовалась большая эрудиция, а после того как в начале XX в. традиционное образование было заменено на современное, подавляющая часть этих реминисценций сами вьетнамцы не могут понять без специальных разъяснений. Поэтому, как правило, современные издания классической вьетнамской литературы снабжены большим количеством комментариев. Впрочем, в некоторых случаях смысл той или иной реминисценции всё равно остаётся утерянным. Для облегчения работы с ними коллектив авторов во главе с известным литературоведом Динь Зя Кханем издал специальный словарь, основой для которого стали наиболее известные произведения вьетнамской литературы на «номе». Но поскольку существует общий фонд традиционных реминисценций, словарь также полезен при чтении фольклорных произведений и вьетнамской литературы на «ханвьете» [1232].

^{17*} М.Н.Ткачёв называет это произведение «Собрание чудес и таинств земли вьет» [403, с.373], Е.Ю.Кнорозова – «О духах земли Вьет» [477], Т.Н.Филимонова – «Собрание записей о потусторонних силах вьетского царства».

¹⁸ Нгуен Чай (1380–1442 гг.), бывший крупнейшим государственным деятелем, военачальником и литератором своего времени, родился в семье высокопоставленного чиновника и поэта Нгуен Фи Кханя, которого после падения династии Хо пала отправили вместе с Хо Кюи Ли и другими придворными в империю Мин. Нгуен Чай как почтительный старший сын последовал за ним, но отец велел ему вернуться и принять участие в освободительной войне. Известно, что уже с 1416 г. Нгуен Чай находился в лагере повстанцев во главе с Ле Лоем. Будучи его близким соратником, он вместе с будущим основателем династии Ле разрабатывал стратегию и тактику борьбы, вёл его переписку с минскими военачальниками и наместниками, а после победы первое время занимал важное положение при императорском дворе. Однако уже в 1428 г. при дворе начались распри, и положение Нгуен Чая пошатнулось. Временами он был вынужден удаляться от дел. Тогда он жил затворником в своём родовом поместье в Коншоне. В 1439 г. по приказу нового императора Великого рода династии Ле Нгуен Чай вернулся ко двору, но уже в 1442 г. по ложному обвинению он был вместе со всей своей семьёй вплоть до третьего поколения казнён, а все его произведения были уничтожены. Взошедший на престол в 1464 г. император Совершенный рода династии Ле реабилитировал Нгуен Чая и велел собрать его письменное наследие.

¹⁹* Название «Великое воззвание по случаю умиротворения китайцев» является общепринятым во вьетнамоведении, хотя правильный перевод – «Великое воззвание по случаю умиротворения У». Дело в том, что территория древнего царства У была родиной основателя династии Мин. Поэтому Нгуен Чай вместо того чтобы написать «умиротворение Мин», написал «умиротворение У». Таким образом, всем было понятно о ком идёт речь, но при этом, как теперь бы сказали, соблюдалась определённая «политкорректность» по отношению к династии Мин.

²⁰* А.Л.Никитин переводит название этого произведения как «Записи об удивительном земель, лежащих к югу от Нгулиня» [274], Е.Ю.Кнорозова – как «Удивительные события земли Линьям [477], Т.Н.Филимонова – как «Дивные повествования земли Линь Нам».

²¹* А.Л.Никитин переводит название этого произведения как «Записи сновидений Южного старца» [274].

²² «Посольская» тема, кстати, довольно широко отражена не только в поэзии, но и в фольклорной прозе. Смотри, например, многочисленные анекдоты о «Высокоучёном Мяснике» и «Высокоучёном Куине».

²³ В качестве примера можно привести такие поэмы как «Вьонг Тьонг», «Князь То на посольской службе», «Белая Обезьяна [и] Тон Как» и «Троецарствие», авторы которых неизвестны. Но если первые три постоянно упоминаются в научной литературе, то о четвёртом впервые написал в 1993 г. Киеу Тху Хоать [1286, с.100, 102].

²⁴ 帝元 (*nguyên-đế, нуен-де, юань-ди*). В этом сочетании второй иероглиф имеет не вызывающее сомнения значение «император». Первый же иероглиф может переводиться и как «изначальный» со всеми производными этого термина, и как «совершенный». Но поскольку в принятой для настоящей работы системе перевода посмертных имён термином «совершенный» переводится иероглиф 聖 (*thánh, тхань, шэн*), то в данном случае используется термин «изначальный».

Глава 2

¹ Обряд подношения [духам обеих] Сторон или обряд подношения [духам] Неба [и] Земли, проводился на расстоянии около 4 320,00 м от крепостной стены с южной стороны столицы. На месте его проведения возводились алтари. Длина главного алтаря равнялась 4,8 м, высота – 0,8 м. Надо полагать, что это и есть алтарь духов Земли и Урожая, упоминающийся под 1048 г. Справа и слева от главного алтаря находилось ещё по алтарю. Длина каждого из них равнялась 5,12 м, высота – 0,48 м. Они служили для

подношений звёздам и духам гор и вод. Вокруг алтарей были посажены деревья. Перед каждым алтарём ставились специальные ворота.

Подношения [духам] Неба [и] Земли проводились в два этапа, которые назывались «Подношения [духам] Неба культа Южной стороны» и «Подношения [духам] Земли культа Северной стороны». Обряд подношения [духам обеих] Сторон также делился на три категории: великую, среднюю и малую.

Великий обряд совершался один раз в три года. Император восседал в богато украшенной золотом по тямскому образцу колеснице Великого мира, которую влекли за собой слоны. Перед ней по дороге несли белый флаг и вырезанные из дерева и одетые в шёлковые вышитые одеяния пяти цветов изображения сорока святых. Кроме того, император мог плыть на корабле, который тащили на украшенных канатах по озеру Тютюк, находившемуся в пригороде столицы Битькоу.

Средний обряд совершался один раз в два года. Император прибывал на паланкине, который несли сто человек.

Малый обряд совершался один раз в год. Император прибывал на малом паланкине.

² Крайне интересен тот факт, что третьим патриархом пятого поколения сангхи Тхао Дьонга был руководитель актёров, которые, как известно, в конфуцианской традиции считались людьми «второго сорта» (смотри «Параграф 2.2.1.» следующей главы).

³ Интересно отметить, что имя 金佛 Фат-ким переводится как «Золотой Будда», название пагоды Тянь-зяо 寺教真 – как «Пагода Истинного учения», а название пагоды Бао-куанг 寺光寶 – как «пагода Славного богатства».

⁴ В связи со списком Чан Ван Зяпа патриархов секты Тхао Дьонга необходимо отметить, что если французский учёный совершенно верно указывает даты правления императора Совершенного (1054 – 1071 гг.), то он не называет дат правления императора Выдающегося. При этом в качестве дат правления императора Высокого он вообще указывает 1175 – 1205 гг., хотя на самом деле этот император правил в 1176 – 1210 гг. (смотри «Таблицу №2» в «Томе VI»). Представляется, что Чан Ван Зяп вряд ли мог допустить столь очевидную ошибку. Скорее всего, дело в том, что император Высокий наследовал императору Выдающемуся действительно в 1175 г., однако согласно традиции он провозгласил свой собственный девиз правления лишь на следующий год, который и стал первым годом его официального восшествия на престол. Что же касается 1205 г., то, надо полагать, он указан как последний год господства сангхи Тхао Дьонга, а не как последний год правления императора Высокого рода династии Ли. Но и тут всё не так очевидно.

В источниках не содержится никаких сведений о том, что в 1205 г. сангху Тхао Дьонга сменила какая-либо другая сангха в качестве официальной государственной доктрины Дайвьета. Поэтому можно предположить, что её влияние постепенно ослабевало одновременно с падением силы династии Ли. Тогда как новая сангха, как это следует из материала источников, была выдвинута на главную роль с приходом к власти династии Чан в 1225 г. При таком понимании чередование санхг буддизма школы Созерцания вполне соответствует логике развития событий. Так, сангха Винитаручи доминировала на протяжении второй половины «Эпохи северной зависимости» и в начальный период восстановления национальной независимости Вьетнама при династии Нго. Сангха Уянь Туна стала религиозно-идеологической основой правления династий из Хоалы. Учение сангхи Тхао Дьонга было взято на вооружение первой общевьетнамской династией Ли. Наконец, сменившая династию Ли династия Чан выдвинула в качестве официальной идеологии Дайвьета свою собственную сангху, о которой речь идёт ниже.

Поэтому правильнее говорить, что влияние сангхи Тхао Дьонга начало падать с 1205 г., а при первых трёх императорах династии Чан её постепенно сменила новая сангха буддизма школы Созерцания в качестве официального религиозно-идеологического учения Дайвьета.

⁵ Название горы и монашеское имя императора Гуманного Иен-ты 子安 переводится как «Наставник Умиротворитель», а название обители, в которую удалился от мира император, Нгоа-ван 雲臥 – как «Обитель Облаков».

⁶ Имя Тиеу Дао 道小 переводится как «Малый Путь», что, учитывая вторичность учения Уянь Туна в эпоху Ли, вполне объяснимо. Что же касается Чан Тунга, то он также известен под именем Туе-чунг, которое на самом деле является сокращением имени Туе-чунг Тхьонг-ши 上上中慧. Его можно перевести как «главный военачальник срединной мудрости» или как «великий учёный срединной мудрости». В данном случае это не имеет принципиального значения. Представляется, что в данном случае можно говорить о возрождении «малого пути» и превращении его в «срединную мудрость».

⁷ Об этом свидетельствуют следующие факты, приведённые в источнике [239.1, «Основные записи», кн.3, с.14б, кн.4, с.8б, 9а, 31а, 32а, 32б, 42а, кн.5, с.14б, 23б, кн.6, с.11а, 31а, 32б, 39а, кн.7, с.4а, 13а, кн.8, с.30а, 40а, кн.11, с.1б]:

В 1018 г. была возведена великолепная ступа.

В том же году тысячи монахов приняли участие в празднике по случаю праздника открытия новой пагоды.

В 1049 г. была построена пагода Зиен-хью, или так называемая пагода Одного столба.

В 1056 г. была построена пагода Бао-тхиен в одноимённом пригороде столицы. Она также известна под названием Шунг-кхань.

В 1136 г. по случаю выздоровления императора буддийскому монаху Минь-кхонгу был пожалован титул «Наставник Государства».

В том же году было завершено строительство пагоды Линь-кам.

В 1145 г. было завершено строительство пагоды Винь-лаунг-фук-тхань.

В 1169 г. была отремонтирована пагода Тянь-зю, построенная в 1025 г.

В 1189 г. статуя Будды была перевезена из пагоды Фап-ван в пагоду Бао-тхиен.

В 1231 г. император повелел подданным нарисовать изображение Будды на стенах всех харчевен в общественных местах.

В 1248 г. пагода Тянь-зю была соединена переброшенным через озеро Нгоантхием мостом Лэмба с культовым дворцом Каньлинь и даосской обителью Тхайтхань.

В 1249 г. была отремонтирована построенная в 1049 г. пагода Зиен-хью.

В 1256 г. было отлито триста тридцать бронзовых колоколов.

В 1262 г. построили пагоду Фо-минь с западной стороны дворца Небесного Правителя.

В 1269 г. в округе Зиен был построен большой и роскошный дом, который затем использовался для отправления буддийского культа.

В 1299 г. из империи Сун были привезены тексты Трипитаки, которые были отданы на хранение во дворец Небесного Правителя. Кроме того, император повелел опубликовать и раздать народу трактат «Примеры официальных установлений законов Пути учения Будды».

В 1303 г. дважды устраивали буддийские празднества. Один раз в пагоде Фо-минь и один раз во дворце своего отца.

В 1385 г. прибыло посольство от династии Мин с просьбой прислать знающих буддийских монахов. Император отобрал двадцать человек и отправил их в Цзиньлин.

Помимо этих данных можно было бы привести ещё значительное количество различных более мелких сообщений о буддийских молениях, поминках и чудесах.

⁸ Такое отношение к канонизированным персонажам древности типично для всех стран конфуцианского культурного ареала, да и не только для них. Хоть данное сравнение и не совсем корректно, но если, например, обратиться к обществам христианского культурного ареала, то складывается аналогичная картина. Так, национальная принадлежность канонизированных персонажей христианства, живших до III – V вв., мало кого волнует в этом культурном ареале. Более того, не говоря уже о не слишком обременённых знаниями людях, никак не связывающих ни «Ветхий Завет», ни Христа и его ближайших сподвижников с иудеями.

Можно отметить, что даже сегодня образованные представители христианского сообщества предпочитают «не замечать» этой связи.

Что же тогда говорить о средневековье с его крестовыми походами и инквизицией?

⁹ Интересно, что продвигая конфуцианское учение, Хо Кюи Ли стремился адаптировать его под себя. Так, в двенадцатом месяце 1492 г. он поднёс императору своё сочинение из четырнадцати глав, озаглавленное «Светлый Путь». В этом сочинении на первое место выдвигался князь Чжоу, позиционировавшийся как совершенный святой, а Конфуций – лишь как Учитель. Соответственно в Литературном храме статуя князя Чжоу была помещена выше статуи Конфуция, при этом первая была повернута лицом на юг, а вторая – на запад [715; 239.1, «Основные записи», кн. 11, 18а, 18б]. Такая «чжоугуновская» интерпретация конфуцианского учения вполне отвечала амбициям Хо Кюи Ли, который стремился представить себя такой же опорой династии Чан, какой был князь Чжоу для династии Чжоу (смотри «Примечание 4» в «Комментарии» к следующей главе).

¹⁰ Структура вьетнамских письменных источников уже была подробно описана в «Параграфе 3.1» «Введения» «Тома I», а в конце «Введения» приведена полная «Схема взаимосвязи источников по истории Вьетнама до XI в. н.э.». Поэтому о самой структуре как в данном параграфе, так и в соответствующем параграфе «Тома III» упоминается лишь, когда это необходимо для реконструкции особенностей формирования официального придворного вьетнамского летописания.

Кроме того, необходимо указать, что в XI – XV вв. при дворах вьетнамских императоров, несомненно, велись погодные хроники, о которых никаких, даже косвенных сведений не сохранилось. Судить же о них можно лишь по единственной известной хронике XIX – XX вв. Поэтому в данном томе рассматриваются лишь летописные своды, тогда как в следующем помимо летописных сводов идёт речь и о всём комплексе вьетнамских погодных хроник XI – XX вв.

¹¹ Безусловно, данная параллель не совсем корректна, но она позволяет лучше понять структуру упомянутых сюжетов. Речь идёт о романе М.А.Булгакова «Мастер и Маргарита», который состоит из собственно романа и «встроенного» в него романа о Понтии Пилате и Иешуа.

¹² В переводе И.Н.Машкиной слово «государство» введено для пояснения названия и никак не связано с иероглифическим названием свода. Учитывая, что перевод сделан чистым китаистом, для которого понятие «Юэ» (Вьет) в первую очередь связано с древним царством Юэ в Южном Китае, такое разъяснение вполне естественно.

Что же касается перевода иероглифа 略, то он действительно имеет значение «краткий», «сокращённый» [3, с.133, №1391]. Однако в контексте с последующими летописными сводами того времени, когда данный источник получил своё окончательное название, однозначно выстраивается пара «краткое [изложение]» – «полное описание». О причинах этого феномена речь пойдёт несколько ниже.

Наконец о вводе определения «Великий» в название источника. Известно, что с середины XI в. вьетнамское государство называлось 大越 (*Đại Việt, Дай Вьет, Да Юэ*), что в переводе означает «Великий Вьет». Поскольку в начале XV в. «Краткое [изложение]» было вывезено в империю Мин, где и сохранилось до наших дней [36, с.9], есть все основания полагать, что иероглиф 大 был просто «опущен» китайскими историографами, так как, с их точки зрения, «Великим» мог быть только Китай.

¹³ В средневековых конфуцианских исторических источниках «книги», или как их иногда называют – главы (卷, *quyển*, кюэн, цюань), более или менее одного объёма, который равняется 15 – 18 иероглифическим листам, делящимся в свою очередь на верхнюю (а) и нижнюю (б) страницы. Однако в ранних источниках ситуация несколько иная, что подтверждается следующими фактами. Во-первых, книги «Краткого [изложения] истории [Великого] Вьета» значительно отличаются друг от друга по своему объёму, при этом они мало отличаются по своему общему объёму от тридцати книг «Записи истории Великого Вьета» Ле Ван Хыу [36, с.9 – 108]. Надо полагать, что введение стабильного объёма «книг» во вьетнамскую историографию следует связывать с «Записью истории Великого Вьета, полным описанием».

О летописных сводах Ле Ван Хыу и Нго Ши Лиена смотри далее в настоящем разделе и в разделе 3.1.2.

¹⁴ Проблема вьетнамского летописания была детально исследована в специальной монографии [544], ряд выводов которой был модифицирован и уточнён в другой монографии, посвящённой истории Вьетнама до X в. [550, с.322 – 384]. Поэтому в настоящем параграфе, который написан на их основе, нет ссылок на какие-либо работы и исследования.

¹⁵ Несовпадение концевых годов в п.1 и п.2.1 (1225 г. и 1224 г.) объясняется тем, что Ле Ван Хыу, видимо, сознательно уклонился от описания нюансов перехода власти от династии Ли к династии Чан. О событиях вьетнамской истории, которые вынудили Ле Ван Хыу «опустить» проблему смены династий, смотри «Главу 1» «Части I» настоящего тома.

Несовпадение концевых годов в п.2 и п.3 (1427 г. и 1428 г.) объясняется, тем, что Фан Фу Тиен завершил свой свод годом окончательного изгнания

войск династии Мин, а Нго Ши Лиен – годом официального восшествия на престол династии Ле, что не имеет принципиальной разницы.

Что же касается проблемы «Дополнительных записей» к «Главным записям» «Записи истории Великого Вьета, полного описания», то она рассматривается в параграфе «Летописание» «Тома III».

¹⁶ В XII в. в империи Сун уже завершился процесс второго конфуцианского синтеза и формирования неоконфуцианства, или чжусианства, которое с того времени безраздельно господствовало в официальной китайской идеологии. См. «Параграф I» настоящей главы.

¹⁷ Согласно традиции при императорском дворе той или иной династии велись погодные хроники, в которых изо дня в день тщательно фиксировались все важные с точки зрения придворных историографов события. После прихода к власти новой династии её придворные историографы создавали летописный свод, одну часть которого образовывали отредактированные летописные своды предыдущих династий, а другая писалась на основании погодных хроник династии, непосредственно предшествовавшей той, которая пришла к власти. Таким образом, предыдущие династийные летописные своды и погодные хроники теряли с точки зрения правящей династии своё значение из-за того, что вся история государства была сведена в «её» летописном своде, тогда как деяния самой этой династии фиксировались в новой серии погодных хроник её двора.

Такая структура официального летописания, сформировавшаяся ещё в древнем Китае эпохи Хань, была впоследствии воспринята во всех странах конфуцианского культурного ареала. Вьетнам – не исключение. Надо полагать, что это является одной из основных причин, по которой во Вьетнаме сохранились лишь летописные своды последних двух династий и одна погодная хроника последней династии его императоров. Что же касается третьего, наиболее раннего из дошедших до наших дней вьетнамских летописных сводов, то он сохранился лишь по счастливой случайности. Как известно, в начале XV в. во время оккупации Дайвьета минской армией этот свод был вывезен в империю, где и был впоследствии случайно обнаружен в одном из многочисленных китайских хранилищ рукописей [36, с.9].

¹⁸ Также см. «Примечание 22» в «Комментарии» к «Главе 2» «Части II» «Тома I».

¹⁹ Под «Главными записями» Сыма Цянь понимал тщательное и подробное описание деяний всех правивших в Поднебесной с легендарных времён династий.

В то же время, Сыма Цянь выделял связанные с этими династиями вспомогательные сюжеты в такие вспомогательные, или дополнительные,

разделы, как «Хронологические таблицы», «Трактаты», «Истории наследственных домов» и т.д. [63].

²⁰ Так, почти каждую главу «Главных записей» «Исторических записок» Сыма Цянь завершал своей оценкой описанных событий, которую предварял следующей фразой: «Я, *тайшигун*, Придворный историограф, скажу так:» [63, т.1, с.178]. «Тайшигун» 太史公, то есть, «Придворный историограф»¹. Таким образом, Р.В.Вяткин и В.С.Таскин, переведя название титула на русский язык, оставили для придания колорита тексту и его фонетическую транскрипцию.

Не исключено, что введение таких «авторских оценок» в официальном вьетнамском летописании принадлежит Ле Ван Хью, хотя прямых свидетельств тому нет. Что же касается Нго Ши Лиена, то он пользовался такого рода высказываниями достаточно широко, предваряя их следующими словами: «[Я], историограф Нго Ши Лиен, скажу [так]:» [236.1, кн.2, с.18a].

²¹ Ву Куиню также принадлежит приоритет переноса завершения «Внешних записей» с 939 г. на 967 г., а также введения во вьетнамскую историографию неоконфуцианского понятия «отражения» в 1511 г. Но поскольку в официальном придворном летописании эти чжусианские, или неоконфуцианские, нововведения были приняты позднее, то о них говорится при характеристике вьетнамского летописания XVI – XIX вв. в «Томе III».

²² В данном параграфе исторические аспекты вьетнамской историко-мифологической традиции затрагиваются лишь в связи с проблемой становления вьетнамского придворного летописания.

Что же касается художественных достоинств вьетнамских историко-мифологических сюжетов, то о них речь идёт в «Главе 1» и «Главе 2» данной части настоящего тома, посвящённых вьетнамской прозе и поэзии XI – XV вв.

Глава 3

¹ Можно отметить, что сюжет о Ли Онг Чаунге сильно мифологизирован. Так, о нём сообщается, что он был «ростом 7,36 м», что «[император] Начинатель назначил [его] возглавлять войска в Линьтао, [его] слава [заставляла] содрогаться Сюнну, [император] Цинь счёл [это] заслугой,

¹ Правильный перевод «Главный придворный историограф». Безусловно, Р.В.Вяткин и В.С.Таскин прекрасно знали о допущенной неточности, но, вероятно, они её допустили сознательно, исходя из своего понимания стилистики текста перевода.

после смерти [Ли Онг Чаунга] отлили [его] медную статую, установили [её] перед воротами Конюшего дворца Всеобщего света. [В статуе могло] скрываться несколько десятков человек, сиюну не осмеливались вторгаться в Цинь, так как испугались, что [он] жив». Кроме того, о Ли Онг Чаунге сообщается, что он достиг должности управляющего зависимыми – младшего охранителя, а после смерти превратился в духа-покровителя. В VIII в. Танский губернатор Чжао Чан учредил его поминальный храм в общине Тхюихьонг уезда Тылием на территории современного Ханоя, а Гао Пянь, которому дух Онг Чаунга помог одержать победу над Наньчжао, привёл этот храм в порядок, поставил в нём статую героя и назвал его «Поминальный храм младшего охранителя Ли» [239.6, с.271 – 275].

Смотри также пункты 11, 13 и 31 «Параграфа 3» «Главы 3» «Части II» «Том I».

² В числе первых таких вьетов источники называют Ли Тиена и Ли Кама.

Ли Тиен происходил из уезда Каохынг области Зяоти. Он знал «Пятикнижие» и «Четырёхкнижие». Сначала Ли Тиен был назначен ответственным за общественные работы в области, затем – на должность столичного охранителя конницы, в 137 г. – префектом области Линлин, а в 183 – 189 гг. он был даже назначен заместителем Зяоти. Наконец, он выдержал конкурсные испытания на учёную степень «Блестящий талант» и получил должность «Управляющий зависимыми – младший охранитель» [239.6, с.469 – 471].

Ли Кам или Нгуен Кам также происходил из Зяоти. Также как Ли Тиен он выдержал конкурсные испытания и получил такую же должность [239.6, с.471 – 473].

Правда, вьетнамские историографы-комментаторы XIX в. полагают, что в источнике XV в., как и в китайских источниках, на которые он опирается, допущена ошибка и Ли Кам жил значительно позднее Ли Тиена в правление императора Светлого династии Цзинь во II в. в 323 – 325 гг. [239.6, с.467 – 469]. Однако в данном случае разница в два века не имеет принципиального значения.

³ Из контекста неясно, о каких «трёх сроках» идёт речь. Теоретически речь может идти о трёхлетнем цикле, в каждый из годов которого проводились провинциальный, столичный и придворный конкурсы, или о три «срока» одного конкурса. Однако исходя из неразвитости системы конкурсных испытаний, а также из того факта, что первый лауреат конкурса был оставлен при дворе, это был дворцовый конкурс, состоявший из трёх экзаменов.

⁴ Согласно традиции князь Чжоу по имени Дань прославился своей преданностью и помощью королю Воинственному (1122 – 1115 гг. до н.э.), сыну короля Просвещённого (1160? – 1122 гг. до н.э.) и первому государю династии Чжоу (1122 – 247 гг. до н.э.).

⁵ Наличие учебно-исследовательской Государственной императорской академии и научной Академии (смотри ниже «Примечание 23»), ведавшей составлением официальных документов, в том числе – хроник и летописных сводов, свидетельствует об уже достаточно серьёзном влиянии конфуцианства на официальную государственную идеологию, чего нельзя сказать о Дайвьете XI в. В принципе нельзя полностью исключать существования их прототипов при дворе первых императоров династии Ли, которые в середине XII в. начали приобретать конфуцианскую окраску. Это вполне допустимо, так как с самого начала правления этой династии дети придворной знати должны были получать соответствующие их социальному положению знания, и это не говоря о том, что, как это было показано в предыдущем параграфе, при дворе Ли в то время уже существовало официальное летописание.

Из вышесказанного следует, что если говорить о Государственной императорской академии и Академии в 1076 – 1086 гг., то под ними следует понимать их прототипы, которые получили первоначальное оформление между 1128 и 1156 гг., а окончательно были сведены в единую конфуцианскую структуру лишь в правление династии Чан. Само же упоминание указанных прототипов как реально существующих государственных конфуцианских учреждений является, скорее всего, позднейшей интерполяцией вьетнамских историографов XIV – XV вв.

⁶ Три Учения, то есть конфуцианство, буддизм и даосизм. В принципе говорить о существовании во Вьетнаме того времени «Трёх Учений» можно лишь достаточно условно. Как было показано в «Параграфе 2.3» предыдущей главы, буддийско-даосский синтез завершился во вьетнамском обществе не позднее начала – середины второй половины «Эпохи северной зависимости». Поэтому речь может идти о конфуцианстве и буддийском учении школы Созерцания, в котором крайне сложно провести границу между буддизмом и даосизмом. Упоминание же «Трёх Учений» в эпоху Ли – Чан является, надо полагать, стандартным штампом историографов последующих эпох.

⁷ Звание 生學太 (*Thái học sinh, Тай хон шинь, Тай сюе шэн*) можно переводить как *великий* или *лучший ученик*. В то же время оно прямо ассоциируется с названием одной из книг канонического конфуцианского Четырёхкнижия, а именно – с «Великим Учением», автором которой считается внук Конфуция Цзы-сы (483 ? - 402 ? до н.э.) [249.1]. Разница только в том, что в звании термин «Великий» обозначен иероглифом 太, а в названии книги – иероглифом 大. Однако, поскольку эти иероглифы практически являются синонимами, трудно предположить, что такое совпадение звания и названия канонической книги является случайностью. Поэтому звание 生學太 правильнее переводить как *ученик «Великого*

[Учения]), так как в этом случае в нём сохраняется и понятие «ученичества», и ассоциация с «Великим Учением».

⁸ Великое следование [императору]: надо полагать, что это одно из названий столичного конкурса того времени. Согласно комментарию вьетнамских переводчиков, в «Обрядах Чжоу» говорится, что чиновники, находящиеся на должностях «сановника» и «великого мужа», должны один раз в три года сдавать испытания «Великого следования [императору]», подтверждая тем самым свою добродетель и знания. Комментаторы также уточняют, что впоследствии так стали называться провинциальные конкурсы [182, с.469/25 прим.3].

⁹ Согласно комментарию вьетнамских переводчиков, опиравшихся на «Историю Сун» [257.15], лауреаты, получившие звание «Продвинутый муж», становились «Выпускниками», которые делились на пять категорий. Первая и вторая категории именовались «[Назначаемые] поочерёдно продвинутые мужи», третья категория так и называлась «Выпускники», четвёртая и пятая категории становились «Выпускниками [в] группе» [182, с.469/25, прим.5].

¹⁰ Иероглиф 寨 имеет значение «лагерь, лагерный», которое в данном случае синонимично понятию «походный». Походным дворцом называлось место, где император становился лагерем во время путешествий. В провинции Тханьхоа находилась такая «походная» резиденция императоров Чан, столица которых во время войн с монголо-китайской династией Юань находилась под постоянной угрозой захвата.

¹¹ Звание «Продвинутый муж» на современном вьетнамском языке имеет значение «доктор наук». Говоря о том, что прежде была установлена семилетняя периодичность конкурсов, авторы летописного свода имеют в виду вышеупомянутый указ от 1246 г. Однако они сами себе противоречат, говоря, что прежде успешно сдавали испытания не более тридцати человек. Так, они сами указывают, что без учёта первых трёх лауреатов в 1247 г. статус «выпускника» получили сорок восемь человек, в 1256 г. – сорок три человека и в 1304 г. – сорок четыре человека.

¹² Судя по сообщению, этот конкурс, как и в 1077 г., был конкурсом на звание «чиновника-секретаря».

В «Примечаниях» составители летописного свода уточняют, что к учреждениям эпохи Чан относились дворец Срединного секретаря, дворец Поклонения предкам, учреждение Юстиции, учреждение Великого лечения, учреждение Великого моления, которое отвечало за соблюдение обрядов при жертвоприношениях.

¹³ В «Примечаниях» составители летописного свода уточняют, что категория «Шапок [с плоским квадратным верхом и лентами] – это чиновники «секретари-распорядители», а категория «Шапок [с перьями] – чиновники «Службы реестров». Эти категории служащих относились к гражданским чиновничеству и незначительно отличались друг от друга по своему положению.

¹⁴ Реформаторство в принципе крайне неблагодарное дело, так как проведение реформ нарушает привычный ритм жизни общества и вызывает недовольство у очень многих людей. Так было и так будет всегда. Но если реформы по той или иной причине завершились неудачей, то их организатор превращается в общественном сознании чуть ли не в исчадие ада. Именно это случилось и с Хо Кюи Ли. Вплоть до настоящего времени подавляющее большинство исследователей воспринимают его как узурпатора, деятельность которого привела к двадцатилетней оккупации Дайвьета империей Мин и многочисленным бедам, постигшим народ, хотя, если исходить из реальных фактов, это далеко не так.

¹⁵ На первом этапе, или сроке, конкурса толковался смысл «Пятикнижия» и «Четырёхкнижия», нужно было дать пояснения к текстам, объяснить иероглифы, сослаться на комментарии и написать заключение, которое должно было состоять минимум из пятисот иероглифов. Правда, при описании провинциального конкурса династии Ле под 1434 г. сообщается о том, что писалось две работы: одна по «Пятикнижию», другая – по «Четырёхкнижию», при этом каждая работа должна была состоять минимум из трёхсот иероглифов. Однако представляется, что лишь уточнение, внесённое составителями свода в его текст под более поздней датой.

На втором этапе, или сроке, надо было написать стихотворение и оду. Стих должен был быть написан танским стилем, а ода – по образцу поэмы «Лисао» и стихов «Избранной литературы», при этом только объём оды должен был состоять из пятисот иероглифов. «Лисао» является древнекитайской классической поэмой, принадлежащей кисти известного поэта и государственного деятеля царства Чу Цюй Юаня (ок. 340—278 гг. до н. э.). Считается, что она была написана после того, как Цюй Юань потерял государственный пост в Чу и стал изгнанником. Сыма Цянь интерпретировал название «Лисао» как «Жалобы отъезда», а Бань Гу считал, что его название следует трактовать как «Встреча с бедой». Сборник стихов «Избранная литература» является первой антологией китайской поэзии, составителем которой считается старший сын императора Воинственного династии Лян и наследник престола Сяо Тун (501 – 531 гг.).

На третьем этапе, или сроке, писались «Указ», «Повеление» и «Прощение [двору]». Каждый из документов должен был представлять собой отдельный текст, написанный стилем эпохи Хань.

На четвёртом этапе писалось литературное сочинение или диссертация на основании классических и канонических книг, хроник, летописей, а также исторических произведений и действительно произошедших в прошлом событий. Объём диссертации должен был быть не менее тысячи иероглифов [239.1, «Основные записи», кн.11, с.246,25а].

¹⁶ Сочетание иероглифов 日頭 в русско-китайском словаре переводится как «староста» или «десятник» [3, с.768, №8067]. Однако представляется, что поскольку речь идёт о двух иероглифах, то в средневековых текстах их следует переводить двумя словами, а судя по религиозному контексту, наиболее близким к его смыслу переводом является «руководитель общины».

¹⁷ Составители летописного свода указывают на то, что Хо Кюи Ли взял за образец регламент конкурсных испытаний, принятый во 2-ом году правления под девизом «Торжество императорской [власти]» императора Гуманного рода династии Юань, который они соотносят с 1314 г. Однако в китайских хронологических таблицах этот год соотносится с 1313 г. [239.1, «Основные записи» кн.12, с.5а; 3, с.885].

¹⁸ Все упомянутые службы и учреждения контролировали систему школ и провинциальных конкурсных испытаний. Первоначально они действовали самостоятельно, но не позднее 1492 г. были включены в структуру научной Академии, которая с этого времени назначала для контроля работы каждой из провинциальных школ четырёх инспекторов. В свою очередь Академия подчинялась министерству обрядов. В этой системе Служба прекрасного множества отвечала за повседневную работу провинциальных школ.

¹⁹ «Классическая [книга] войны». Неизвестно к какому из военных трактатов относится это название. Не исключено, что речь идёт о трактате «Законы войны учителя У». Из сорока восьми книг этого трактата, который упоминается в «Книге Ранней Хань», до наших дней дошло только шесть. Его автором считается известный полководец эпохи Сражающихся царств У Ци (? – 381 гг. до н. э.).

²⁰ Судя по контексту, дом Государственной учёбы, скорее всего, являлся одной из составных частей Государственной императорской академии, хотя не исключено, что это просто ещё одно её название.

Согласно «Примечаниям» составителей летописного свода, гражданская должность «руководителя службы» соответствует должности министра, которая была на ступень ниже должности «руководящего [и] наставляющего». Согласно тем же «Примечаниям», должности «командующего [и] повелевающего», «объединяющего командование» и «командира великого отряда» являются должностями высокопоставленных

военных чиновников [239.1, «Основные записи», кн.15, с.176]. При этом очевидно, что как гражданские, так и военные должности упоминаются от более высокой к более низкой.

²¹ Ли Бо (701 – 762/763 гг.). Великий китайский поэт, творивший в эпоху Тан. Его произведения дали название поэтическому жанру «фу», или оде.

²² Плохие и хорошие деяния всех династий. В конфуцианском учении существует целый набор классических примеров «правильного» и «неправильного» поведения тех или иных историко-мифологических персонажей и исторических личностей. В основном за пример берутся поступки людей, живших до II – III вв. н.э., хотя существует и несколько «образцов», которые датируются более поздним временем. Надо полагать, что в данном случае речь идёт о соотношении поступков этих людей с трактовкой такого рода поведения в «Четырёхкнижии» и «Пятикнижии».

²³ Если принять во внимание, что первый лауреат первой категории получал старший ранг шестого класса с восемью качествами, а старшему рангу первого класса соответствовало двадцать четыре качества, то становится очевидным, что даже первый лауреат конкурсного цикла не мог претендовать на получение одной из руководящих должностей в государственном аппарате Дайвьета.

²⁴ Название «Академия» – это смысловой перевод термина 院林翰 (*Hàn-lâm viêt*, *Хан-лам виен, Хань-линь юань*), в котором иероглиф 翰 имеет значения «письмо, документ, кисть, каллиграфия, литература», а иероглиф 林 – значение «собрание, сборник, множество» [3, с.334 №3342, с.485 №5148]. Иными словами, это впервые упоминаемое в Китае эпохи Тан учреждение отвечало за собирание и написание всего «множества» документов и литературы, включая хроники и летописные своды.

Исходя из контекста, сочетание трёх иероглифов 監子國 (*Quốc tử giám*, *Куок ты зям, Гоцзыцзянь*) переведено как «Государственная императорская академия». Однако исходя из того, что древним значением иероглифа 監 является «академия» [3, с.66 №628], а иероглиф 子 имеет весьма широкое толкование, в котором основными являются «сын», «учитель», «философ» или «философские трактаты», а в переносном смысле – «Конфуций» [3, с.296 №3038], переводить это сочетание иероглифов можно и как «Государственная учебная академия», и как «Государственная конфуцианская академия». Поэтому представляется, что предлагаемый А.Б.Поляковым перевод «Государственное училище» является наименее точным из всех упомянутых вариантов.

²⁵ Интересно отметить, что если в конце XIV в. все императорские ученики получали по девять тиенов деньгами, то со второй половины XV в.

ученики Верхнего дома получали кормление, равнявшееся одному куану, ученики Среднего дома – девяти тиенам, а ученики Нижнего дома – восьми тиенам. В том случае если требовались кадры для той или иной службы, то из учеников Верхнего дома назначалось 50%, из учеников Среднего дома – 34%, из учеников Нижнего дома – 16% от требуемого количества чиновников.

²⁶ Литературный храм: так принято переводить в исторической литературе сочетание иероглифов 廟文. Но так как это название является сокращением названия 廟王宣文, в котором первые три иероглифа представляют собой один из псевдонимов Конфуция, то в Китае Литературный храм принято называть «Храм Конфуция».

«Четыре Единых»: 1. Янь-цзы (578 – 500 гг. до н.э.), государственный деятель, дипломат и мыслитель, автор труда «Вёсны [и] осени Янь-цзы». Также известен под именем Янь Хуй. Он родился в царстве Ци. 2. Цзэн-цзы (505 – около 436 гг. до н.э.), древнекитайский философ и один из самых любимых учеников Конфуция. Он подчёркивал всеобъемлющее значение конфуциева принципа «сыновней почтительности», считая его гарантом всеобщей добродетели. 3. Цзы-сы (смотри выше «Примечание 7»). 4. Мэн-цзы (смотри «Параграф 2.1» предыдущей главы).

Семьдесят два совершенномудрых: ученики Конфуция.

²⁷ В 1467 г. дворец Небесной благодати был разделён на четыре дворца: дворец Бесконечного долголетия, дворец Правительственных деяний, Восточный дом (слева) и Западный дом (справа). Из контекста очевидно, что в этот дворцовый комплекс входила и Восточная палата с её воротами Восточного великолепия.

²⁸ Представляется, что охарактеризованный в настоящей главе регулятор социальной мобильности средневекового общества в виде системы конкурсных испытаний с её школами на самом деле являлся тем элементом надстройки, который с какого-то момента начал постепенно превращаться в тормоз социально-экономического развития общества. Соответственно это привело сначала к замедлению, а затем и к стагнации его социально-экономического развития. По сути, это является идеальной иллюстрацией временного приоритета надстройки над базисом в том или ином обществе. Во Вьетнаме начало процесса замедления социально-экономического развития следует датировать первой половиной XVII в. Поэтому основные выводы о его последствиях сформулированы в следующем томе.

Здесь же можно лишь предложить крамольную с точки зрения синологов следующую гипотезу. Судя по всему, относительно малые размеры Вьетнама позволяют интерполировать происходившие в нём процессы на китайское общество, в котором из-за огромного масштаба страны крайне сложно вычленил, казалось бы «частные» процессы,

которые на самом деле оказали решающее влияние на всё его дальнейшее развитие.

Заключение

¹ Ж.Масперо в одном месте называет этого короля «Джайя Синхаварман II (Jayā Sīṅhavarman II)», а в другом – «Джайя Симхаварман II (Jayā Sīṃhavarman II)» [891, с.134 и 137]. Точно также он пишет «Джайя Симхаварман V», хотя если исходить из порядковых номеров, то это «Джайя Синхаварман V» [891, с.221]. Судя по всему, «Симхаварман» и «Синхаварман» – это два варианта чтения одного и того же имени. Поэтому с целью унификации имён в данном тексте принято написание «Синхаварман».

² Кирата: этим термином в Индии называли одно из горных племён. В данном случае под ним следует понимать *мои* Центрального Вьетнама, камбоджийских *пхонг* и лаосских *кха* [891, с.158, «Примечание 10»].

³ Из источников следует, что Хариварман II мог править как четыре года с 1162 по 1166 гг., так и всего несколько месяцев в 1166 г.

⁴ Судя по всему, этого Дханапати Гранму следует идентифицировать с упоминаемым во вьетнамских текстах Бо Зо [891, с.166, «Примечание 8»].

⁵ В то время Тямпа уже не представляла для кхмеров серьёзной угрозы. Скорее всего они ушли, так как были вынуждены мобилизовать все силы для борьбы с вторжениями Сиана.

⁶ У Ж.Масперо сказано «1274 г.». Однако из последующего текста следует, что он был убит своим племянником в 1257 г. [891, с.172,173].

⁷ Судя по всему, в китайских источниках Бхадрадеву именуют Бао То-ту-хо [891, с.179, «Примечание 1»].

⁸ Было ли бегство Бхадрадевы заранее задуманным обманом или же, испугавшись кары за предательство, он решил бежать в последний момент, так и остаётся неизвестным.

⁹ Это событие вызвало в народе насмешки. На улицах распевали песенки о том, что вьетнамский император уподобился императору Начальному династии Хань (48 – 33 гг. до н.э.), который отдал в жёны властителю гуннов свою дочь [891, с.190].

¹⁰ Бегство тям на Яву – событие исключительное. Поэтому единственным объяснением этого поступка Те Нанга может быть лишь гипотеза, согласно которой он был сыном Синхавармана III от упоминавшейся выше яванской принцессы – королевы Талази.

¹¹ Этот период царствования Те А Нана описан в «Путешествиях по Азии в XVI в. благочестивого брата Одорико да Порденоне, монаха [ордена] Святого Франциска». Известно, что этот монах путешествовал по Азии в 1318 – 1330 гг. [891, с.201].

¹² Гавань Колуи находилась на северной границе Тямпы в Нятнаме.

¹³ Согласно «Истории Мин» «с этого времени он продолжал подносить дань либо один раз в год, либо раз в два года, либо два раза в год» [891, с.205, «Примечание 8»].

¹⁴ Резиденция губернатора бывших тямских территорий, должность которого называлась «легат спокойного управления», находилась в Тхангхоа. Из контекста не совсем понятно был ли им сын Те Бонг Нга или же он был назначен лишь на должность заместителя легата [891, с.222, «Примечание 2»].

¹⁵ 首之全茶惡元成占古 (Cổ Chiêm-thành nguôn ac Trà-toàn chi thù)

¹⁶ Уезды Тиемтхань или Дайтием, Хюэань и Намфан, преобразованные в округа Тхангхюэ, Тынгиа и Хоайньон провинции Куангнам.

¹⁷ Если следовать хронологии, то этот параграф должен был бы быть помещён в «Том III». Однако, учитывая, что этот двухстраничный очерк завоевания государями рода Нгуен территорий южной части Центрального и Южного Вьетнама на самом деле является справкой, в которой излагается последовательность происходивших событий, то в соответствии с логикой повествования он должен завершать историю Тямпы и кхмерских анклавов на территории современного Южного Вьетнама.

По этой причине данный параграф, в основу которого положен материал монографии Д.Дж.Е.Холла, и завершает «Часть I» «Заключения» настоящего тома [619, с.295, 296].

Что же касается связанной с кланом Нгуенов, их опорной базой в Центральном и Южном Вьетнаме и борьбой за власть между феодальными кланами Мак, Чинь и Нгуен в правление династии Ле истории Вьетнама XVII – первой половины XVIII вв., то она описывается согласно хронологии в главах «Части I» «Том III».

¹⁸ В источнике сказано «[военный] лагерь», что в данном случае вполне может интерпретироваться как «военный округ».

¹⁹ Следует также отметить, что ислам так и не получил значительного распространения в собственно вьетнамском обществе. Вероятно, это связано с синкретичным характером вьетнамских верований, которые всегда были достаточно восприимчивы к различным аспектам других религий.

Первым результатом этой «восприимчивости» стал буддийско-даосский синтез V – VI вв. на единой территории Северного Вьетнама и Южного Китая, приведший к созданию восточноазиатского буддизма, или буддизма школы Созерцания (смотри «Параграф 2.3» «Главы 2» «Части III» настоящего тома).

Иное дело индуизм, господствовавший в тямском обществе вплоть до окончательной аннексии Центрального Вьетнама Дайвьетом в XVI – начале XVII в. Представляется, что как в самой Индии, так и во многих странах Юго-Восточной Азии консервативность и чрезвычайно жёсткая социальная стратиграфия индуизма привели к тому, что «молодой» и достаточно агрессивный ислам получил значительное распространение в качестве его антитезы. Что же касается тямского общества, то для него ислам стал ещё и своеобразной защитой от вьетнамской культурной ассимиляции.

Поэтому говоря о «вьетнамском исламе», следует учитывать, что на самом деле – это во многом чуждый религиозно-культурной традиции вьетнамского общества тямский ислам (смотри «Параграф 3» «Главы 2» «Части III» «Том III»).

²⁰ В связи с этим представляется целесообразным вернуться к материалу «Том I», в главах «Части I» которого подробно характеризуются взаимосвязи внутри региона родственных культур в рамках территорий, образующих «опрокинутый треугольник» с основанием по реке Янцзы и вершиной в Северном Вьетнаме.

Как уже говорилось, впервые эти территории были включены в состав китайской империи в результате завоевательных походов основателя династии Цинь во 2-ой половине III в. до н.э. При этом большая их часть сохраняла относительную независимость вплоть до объединения империи под властью династии Тан в начале VII в. В первую очередь это касается населённых тибето-бирманцами территорий по линии Юньнань – Гуанси – Северный Вьетнам на западе и населённых вьетами (юэсцами) территорий Гуандуна и Северного Вьетнама на востоке.

В конце IX – начале X в. северовьетнамские территории восстановили свою независимость. О том, почему и каким образом это произошло подробно сказано в главах «Части II» «Том I». *В данном же случае важно подчеркнуть, что южнокитайские территории, активная ассимиляция которых началась с объединением империи под властью династии Сун во 2-ой половине X в., так и не были до конца ассимилированы.* Так в Гуандуне

вплоть до настоящего времени говорят на так называемом «кантонском диалекте», который весьма близок классическому вьетнамскому языку. Даже само прежнее европейское название «Кантон» столицы этой южнокитайской провинции г. Гуанчжоу связывается с местным диалектом (вьетнамское Куангдонг, Quáng-dông), не говоря уже, что этот город, именовавшийся в то время Паньюй, был столицей древнего вьетского царства Намвьет, включавшего территории Гуандуна, части Гуанси и Северного Вьетнама (207 – 111 гг. до н.э.). Об этом факте предпочитают лишний раз не вспоминать даже в современном Китае, о чём свидетельствует экспозиция Музея короля Наньюэ в Гуанчжоу (смотри «Главу 3» «Части I» «Томе I»). Однако это не меняет того, что Гуандун, с одной стороны, является центром оппозиции юг – север, или Гуанчжоу – Пекин, в Китае, а с другой – этнокультурные характеристики его население весьма близки характеристикам населения Северного Вьетнама. Таким образом, за приобретение территорий к югу от Янцзы Китай «заплатил» своеобразной двуцентричностью, которая вплоть до сегодняшнего дня является одной из главных составляющих его внутривластной жизни.

В результате аннексии Дайвьетом территорий Центрального и Южного Вьетнама в XVI – начале XVII в. там сложилась аналогичная, правда, не столь ярко выраженная, ситуация. Оппозиция юг – север, или Сайгон (Хошимин) – Ханой, которая на протяжении веков во многом определяла жизнь страны, и сегодня находится в центре внимания властей СРВ.

Таким образом, Вьетнам, как и Китай, «заплатил» двуцентричностью за приобретение новых территорий на юге.

В «Полной академической истории Вьетнама» проблема китайской двуцентричности затрагивается лишь постольку, поскольку она имеет отношение к Вьетнаму, тогда как двуцентричности последнего уделено много внимания в её последующих двух томах.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ
(фотографии, реконструкции, карты и схемы)

№	Стр.	%% стр.	Кол-во на стр.	Название
Титул тома				
1	2	20%	1	Черепаша со стелой (титул тома).
2	1	10%	2	Портреты на титул тома.
3	3	15%	6	Портреты на титул тома.
4	4	100%	1	Баньян с алтарём на перекрёстке дорог. Северный Вьетнам, провинция Вьетчи, округ Фаунг. 16.04.2011 г.
Введение				
5	5	100%	1	02.08.1902 г. Musée Gimet, №AP14492. Вход в Тямский скальный храм «Узоры Необъятной Пустоты». Деревня каменотёсов «Мраморная гора» в пригороде Дананга.
6	14	100%	1	03.04.2011 г. Вход в Тямский скальный храм «Узоры Необъятной Пустоты» Деревня каменотёсов «Мраморная гора» в пригороде Дананга.
Часть I				
Глава I				
7	23	98%	1	Памятник Великому Предку династии Ли Ханой, 23.03.2011 г.
8	27	90%	1	Карта. Вьетнам эпохи Л – Чан.
9	30	80%	1	Скульптура поминального алтаря Великого Предка династии Ли. Пагода Ван-фу (Бесконечное счастье). Гора (община) Фаттить уезда Тиензу провинция Бакнинь.
10	50	75%	1	Карта-схема. Вторжение вьетнамской армии на территорию Империи Сун (1075 г.).
11	56	80%	1	Карта-схема. Война сопротивления против Империи Сун в 1077 г.
12	57	60%	1	Карта. План сражения в районе реки Коу в марте 1077 г.
13	61	40%	1	Скульптуры буддийских святых. Тямский скальный храм «Узоры Необъятной Пустоты». Деревня каменотёсов «Мраморная гора» в пригороде Дананга. 03.04.2011 г.

14	66	40%	1	Скульптуры буддийских святых. Тямский скальный храм «Узоры Необъятной Пустоты». Деревня каменотёсов «Мраморная гора» в пригороде Дананга. 03.04.2011 г.
15	80	90%	2	Бакзянг. 27 и 28.03.2011 г.
Глава 2				
16	92	70%	1	Монголы: воин и военачальник. Начало XIII в. Реконструкция М.В.Горелика. 1994 г.
17	94	75%	1	Карта-схема. Первая война сопротивления против монгольской агрессии (1258 г.).
18	106	99%	1	Великий король Прозцветающего пути Чан Куок Туан. Главный поминальный храм, деревня Тыкмак к северу от г.Намдинь. 28.03.2012 г.
19	113	98%	1	Карта-схема. Вторая война сопротивления Юаньской агрессии (1285 г.)
20	117	75%	1	Главный поминальный храм Великого короля Прозцветающего пути Чан Куок Туана. Деревня Тыкмак к северу от г.Намдинь. 28.03.2012 г.
21	120	70%	1	Карта-схема. Третья война сопротивления Юаньской агрессии (1287 – 1288 гг.)
22	123	70%	1	Схема. Победа на реке Батьданг (1288 г.)
23	125	100%	1	Уничтожение отступающих монголов в горных проходах. Реконструкция. Ханой. Музей истории. 18.04.2011 г.
24	132	100%	1	Тямский скальный храм «Узоры Необъятной Пустоты». Деревня каменотёсов «Мраморная гора» в пригороде Дананга. 03.04.2011 г.
25	140	100%	1	Тямский скальный храм «Узоры Необъятной Пустоты». Деревня каменотёсов «Мраморная гора» в пригороде Дананга. 03.04.2011 г.
26	146	100%	1	Тямский храмовый комплекс Понагар (Пандуранга). Нячанг. 06.04.2011 г.
27	155	80%	1	Поминальный храм императоров династии Чан. Деревня Тыкмак к северу от Намдиня. 28.03.2012 г.

Глава 3				
28	160	40%	1	Остатки крепостной стены Западной столицы эпохи Хо Кюи Ли. Тэйдо, Тханьхоа, 31.03.2011 г.
29	167	80%	1	«Колокол Черепахи» одной из вьетнамских пагод. Музей истории. Ханой, 18.04.2011 г.
30	170	50%	1	Типичный трипод из лагоды или поминального храма. Музей истории. Ханой, 18.04.2011 г.
31	175	40%	1	Озеро Возвращённого меча. На дальнем плане островок с башней Золотой черепахи. Ханой, 24.03.2011 г.
32	183	70%	1	Король Устанавливающий мир Ле Лой во главе армии Ламшона. Картина. Музей истории. Ханой, 18.04.2011 г.
33	188	90%	1	Карта Дайвьета 1418 – 1427 гг.
34	193	100%	1	Башня Золотой черепахи на острове посреди озера Возвращённого меча. Ханой, 23.03.2011 г.
35	204	25%	1	Каменное ядро для пушки. 1-ая половина XV в. Музей истории. Ханой, 18.04.2011 г.
36	210	90%	1	Статуя императора Совершенного рода [династии] Ле. Поминальный храм. Ханой, 24.03.2011 г.
Глава 4				
37	221	50%	1	Мак Данг Зунг убивает императора Ле. Лубок, конец XIX – начало XX в.
38	226	45%	1	Фотография 20-х годов XX в. Архив Музея Истории. Ханой, 18.04.2011 г.
39	231	50%	1	Пушка для стрельбы каменными ядрами. Начало XVII в. Музей истории. Ханой, 18.04.2011 г.
40	241	40%	1	Крепость Мак. Внешняя стена. Тэйнгун. 26.03.2011 г.
41	248	50%	1	Тяжёлое орудие для стрельбы каменными ядрами. Начало XVII в. Музей истории. Ханой, 18.04.2011 г.
42	252	40%	1	Переносная пушка (вариант гаубицы) для стрельбы каменными ядрами через крепостные стены. Начало XVII в. Музей истории. Ханой, 18.04.2011 г.

43	261	55%	1	Остатки крепостной стены, ограждавшей владения династии Мак в Каобанге и Лангшоне. Лангшон. 30.03.2012 г.
44	267	50%	1	Стрелявшие каменными ядрами пушки – ружья пехоты. Начало XVII в. Музей истории. Ханой. 18.04.2011 г.
45	272	100%	1	Сравнительная карта Вьетнама (XVI в.)
Часть II				
Глава I				
46	279	100%	1	Ступа пагоды Западного озера. Ханой. 24.03.2011 г.
47	285	40%	1	Рисовые поля. Тханьхоа. 31.03.2011 г.
48	295	40%	1	Оросительный канал с колесом для поднятие воды на овощные поля. Тхайнгуен. 28.03.2011 г.
49	304	40%	1	Вьетнамский крестьянин у своего поля. Река Ароматная, окрестности Хюе. 01.04.2011 г.
50	314	98%	1	Послушники в буддийском храме. Пагода Муниренсей, город Кантхо, район Анкы, административное подразделение Нинькнеу, ул. Хоабинь 36. 10.04.2011 г.
51	329	95%	1	Уберите современные аксессуары и получите вьетнамку эпохи Ли – Чан. Хоалы. 30.03.2011 г.
52	331	70%	1	Керамическая ваза XIII – XIV вв. Музей Истории. Ханой. 18.04.2011 г.
53	333	85%	1	Бронза. XIII – XIV вв. Музей Истории. Ханой. 18.04.2011 г.
54	343	45%	1	Благовоние «Шу».
55	345	75%	1	Скульптура льва. Литературный храм. Ханой. 25.04.2011 г.
Глава 2				
56	356	50%	1	На столетия сохранившее свой вид рисовое поле. Бакзянг. 26.03.2011 г.
57	360	90%	1	Глиняная ваза XIV – XV вв. Провинция Хоабинь. Музей Истории. Ханой. 18.04.2011 г.
58	365	60%	1	Бронзовая печать. Изготовлена 16.11.1514 г. Музей Истории. Ханой. 18.04.2011 г.

59	374	99%	1	Редкая деревянная скульптура, изображающая птицу Лак с головой и телом попугая и ногами цапли на спине черепахи. Мак (XVI в.). Ханой. Музей Истории, 18.04.2011 г.
60	377	95%	1	Ваза с драконами из деревни Батчанг. Эпоха Мак (XVI в.). Музей истории. Ханой, 18.04.2011 г.
61	382	90%	1	Авалокитешвара. Мак (XVI в.).
62	385	90%	1	Керамическая ваза для отправления культа. Деревня Батчанг (XVII в.). Музей Истории. Ханой, 18.04.2011 г.
63	388	50%	1	Здание на берегу реки Ароматной в сердце владений Ле – Чинь. Хюэ, 01.04.2011 г.
64	391	75%	1	Бронзовый трипод для благовоний. XVII в., Литературный храм. Ханой, 25.03.2011 г.
Часть III				
Глава 1				
65	401	90%	2	Общинный дом Ве, XVII в. Деревня Донггак, община Донггак, уезд Тылием, пригород Ханоя. 17.04.2011 г.
66	406	40%	1	Главный вход в поминальный комплекс королей Мужественных. Провинция Виньфу, 16.04.2011 г.
67	409	75%	1	Памятник «Богатырю Зонгу» в комплексе деревни Фудонг.
68	411	40%	1	Богатырь Зонг изгоняет Иньцев. Конец XVIII – начало XIX вв.
69	422	90%	1	Пагода Тиен Шон или Горы Предков. Провинция Хабак
70	424	90%	1	Вход в поминальный храм «Защитника» («Правдивого [и] Воинственного [духа] Куан Тханя»). Ханой. 24.03.2011 г.
71	426	95%	1	Дух Куан Тхань. Бронза, 1677 г. Поминальный храм «Защитника» («Правдивого [и] Воинственного [духа] Куан Тханя»). Ханой. 24.03.2011 г.
72	440	95%	1	Нгуен Чай
73	442	50%	1	«Великое послание по случаю умиротворения китайцев»

74	446	20%	1	Гигантская черепаха в храме на озере Возвращённого меча. Ханой. 24.03.2011 г.
75	453	95%	1	Нгуен Зы
76	454	60%	1	«Пространные записи рассказов [об] удивительном»
Глава 2				
77	459	98%	1	Пагода Зиен-хыу (Длительной защиты) или пагода Одного столба. Ханой. 24.03.2011 г.
78	462	98%	1	Авалокитешвара, пагода Зиен-хыу или пагода Одного столба. Ханой. 24.03.2011 г.
79	470	33%	2	Мэн-цзы и Конфуций.
80	471	60%	1	Лао-цзы.
81	474	50%	1	Дун Чжуншу.
82	478	25%	2	Чжу Си и Чэн И.
83	482	40%	1	Первый лист «Краткого [изложения] истории [Великого] Вьета». Институт Истории ВАОН. Ханой, 21.04.2011 г.
84	485	85%	1	Титульный лист летописного свода «Запись истории Великого Вьета, полное описание». Институт Истории ВАОН. Ханой, 21.04.2011 г.
85	492	80%	1	Первая страница сборника Ли Те Сюена «Собрание таинств [и] чудес земли Вьет». Институт Истории ВАОН. Ханой, 21.04.2011 г.
86	494	95%	1	Титульный лист сборника Чан Тхе Фапа «Удивительные сказания [о] Линьнаме» Институт Истории ВАОН. Ханой, 21.04.2011 г.
Глава 3				
87	500	40%	1	Вход в Литературный храм (Государственную императорскую академию). Ханой. 25.03.2011 г.
88	503	33%	1	Переход из первого во второй двор Литературного храма. Ханой. 25.03.2011 г.
89	506	100%	1	Второй двор Литературного храма с водоёмами. Ханой. 25.03.2011 г.

90	511	50%	1	Основной дворец Литературного храма Ханой. 25.03.2011 г.
91	517	99%	1	Левый дом стел лауреатов в Литературном храме. Ханой. 25.03.2011 г.
92	524	100%	1	Стела с именами высших лауреатов конкурсных испытаний. XV – XVI вв. Музей Истории. Ханой. 18.04.2011 г.
93	527	100%	1	Конфуций. Литературный Храм. Ханой. 25.03.2011 г.
94	530	60%	2	Мэн-цзы и Цзэн-цзы. Литературный храм. Ханой. 25.03.2011 г.
95	532	50%	1	Птица Лак, стоящая на спине черепахи. Алтарь в Литературном храме. Фотография 1914 – 1915 гг. Musée Albert Kahn №A010298.
Заключение				
96	536	100%	1	Карта Тямпы и кхмерский территорий в Южном Вьетнаме.
97	539	33%	1	«Сад скульптур». Дананг. 03.08.1902 г. Musée Guimet № AP14490.
98	545	60%	1	Слон. Цитадель Тябан. Биньдинь. Июль 1902 г. Musée Guimet № AP14862.
99	554	100%	1	Музей тямской скульптуры. Дананг. 03.04.2011 г.
100	558	80%	1	Ганеша. Музей тямской скульптуры. Дананг. 03.04.2011 г.
101	561	90%	1	Индуистский храм в святилище Понагар. Нячанг, 06.04.2011.
102	565	90%	1	Лакшми. Музей тямской скульптуры. Дананг. 03.04.2011 г.
103	569	40%	1	Шива. Музей тямской скульптуры. Дананг. 03.04.2011 г.
104	574	40%	1	Музей тямской скульптуры. Дананг. 03.04.2011 г.
105	575	40%	1	Последний оплот тямов: святилище Понагар. Нячанг, 06.04.2011 гг.
106	583	100%	1	Южновьетнамские типажи. Девушки-гиды в святилище Понагар. Нячанг. 06.04.2011 г.
107	587	40%	1	Тямки-мусульманки в мечети. Хошимин. 11.04.2011 г.

Фотография № 95.

© **Musée départemental Albert Kahn**, 14, rue du Port, 92100, Boulogne –Billancourt, France.

Фотографии №№ 5, 97, 98.

© **Musée Guimet**, 6, place d'Iéna , 75116, Paris, France.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Титул «Тома II»	с.	1-4
Введение	с.	5-16
1. Постановка вопроса	с.	5-10
2. Письменные источники по истории Вьетнама XI – XVI вв.	с.	11-16
Часть I. История средневекового Вьетнама в XI – XVI вв.	с.	17-276
Глава 1. Империя Дайвьет в эпоху правления первой общевьетнамской династии Ли (1009 – 1226 гг.)	с.	17-82
1. Первая часть правления общевьетнамской династии Ли (1009 – 1127 гг.)	с.	17-60
1.1. Приход к власти	с.	17-24
1.2. Первый период существования вьетнамского централизованного феодального государства	с.	24-39
1.3. Внешняя политика	с.	39-60
1.3.1. Отношения и войны с Тямпой	с.	39-44
1.3.2. Отношения и войны с империей Сун	с.	44-60
2. Усиление влияния буддийской сангхи. Проблема скрытой смены династий во второй половине XI – начале XII вв.	с.	60-68
3. Вторая часть правления общевьетнамской династии Ли (1127 – 1226 гг.)	с.	68-82
3.1. Ослабление центральной власти. Смутное время (последняя четверть XII – первая четверть XIII вв.)	с.	68-73
3.2. Последние годы правления династии Ли	с.	73-82
Глава 2. Укрепление централизованного вьетнамского феодального государства в XIII – XV вв.	с.	83-158
1. Династия Чан (1226 – 1400 гг.)	с.	83-154
1.1. Приход к власти новой династии в Дайвьете	с.	83-86
1.2. Мероприятия пришедшей к власти в Дайвьете династии Чан по централизации феодального государства	с.	86-91
1.3. Монголо-китайские войны второй половины XIII в.	с.	91-128
1.3.1. Первая война с монголами 1257 – 1258 гг.	с.	91-99

1.3.2. Вторая война с монголо-китайской династией Юань в 1284 – 1285 гг.	с.	100-115
1.3.3. Третья война с монголо-китайской династией Юань в 1287–1288 гг.	с.	116-125
1.3.4. Причины и последствия победы Дайвьета в войнах с монгольской династией Юань второй половины XIII в.	с.	126-128
1.4. Дайвьет в конце XIII – первой половине XIV вв., кризис второй половины XIV в.	с.	128-154
2. Приход к власти и кратковременное правление династии Хо (1400 – 1407 гг.)	с.	154-158
Глава 3. Последнее китайское завоевание Вьетнама и эпоха наивысшего расцвета вьетнамского централизованного государства эпохи средневековья во 2-ой половине XV – 1-ой трети XVI в.	с.	159-220
1. Последнее китайское завоевание Вьетнама, период зависимости от империи Мин и восшествие на престол общевьетнамской династии Ле (1406 – 1427 гг.)	с.	159-194
1.1. Захват Дайвьета минскими войсками (1406 – 1407 гг.)	с.	159-164
1.2. Период краткосрочной зависимости от империи Мин (1407 – 1427 гг.)	с.	164-169
1.3. Движение сопротивления минской оккупации в 1407 – 1427 гг.	с.	169-
1.3.1. Начальный этап вооружённой борьбы против минских захватчиков	с.	169-173
1.3.2. Восстание в Ламшоне. Начальный этап войны за независимость (1418 – 1425 гг.)	с.	174-182
1.3.3. «Северный поход» Ламшонской армии и полное восстановление независимости страны (1425 – 1427 гг.)	с.	182-194
2. Дайвьет начального периода эпохи династии Ле (1428 – 1527 гг.)	с.	194-220
2.1. Приход к власти династии Ле и её первые великие императоры	с.	194-197
2.2. Реформы второй половины XV в. как поворотный момент в истории средневекового вьетнамского государства	с.	197-207
2.2.1. Реформа административного аппарата	с.	198-201
2.2.2. Реформа армии	с.	201-203

2.2.3. Кодекс [законов эры] «Великой добродетели»	с.	203-207
2.3. Отношения Дайвьета с другими государствами в начальный период правления династии Ле	с.	207-211
2.4. Падение могущества династии Ле и начало эпохи феодальных междоусобиц	с.	211-220
2.4.1. Начальный период	с.	211-215
2.4.2. Мак Данг Зунг и возвышение феодального рода Мак в 1514 – 1527 гг.	с.	215-220
Глава 4. Дайвьет в эпоху Северной (Мак) и Южной (Ле) династий (1527 – 1599 гг.)	с.	221-276
1. Становление и развитие Северной династии Мак	с.	221-272
1.1. Основные мероприятия династии Мак	с.	222-224
1.2. Отношения с династией Мин	с.	224-227
1.3. Дайвьет во 2-ой четверти XVI в.	с.	227-236
1.3.1. Первые выступления сторонников династии Ле в начальный период правления династии Мак	с.	227-231
1.3.2. Нгуен Ким и возникновение Южной династии	с.	232-236
1.4. Войны между Южной и Северной династиями	с.	237-272
1.4.1. 1546 – 1569 гг. Период наступления Южной династии на Север	с.	237-249
А. Противоречия, заговоры и борьба за власть при дворе династии Мак	с.	237-240
В. Основные операции войск Южной династии в войне против Севера	с.	240-249
1.4.2. 1570 – 1583 гг. Период контрнаступления Северной династии на Юг	с.	250-259
А. Противоречия в стане Южной династии	с.	250-251
В. Последние попытки Северной династии Мак сломить сопротивление сил Ле - Чинь на Юге	с.	251-259
1.4.3. 1583 – 1592 гг. Период объединения Дайвьета и реставрации династии Ле	с.	259-272
А. Завершающий этап войны между Севером и Югом	с.	259-268
В. Последствия войны между Севером и Югом	с.	268-272
2. Начало обособления феодального клана Нгуен на Юге	с.	273-276
Часть II. Социально-экономическое развитие Вьетнама X – XVI вв.	с.	277-
Глава 1. Социально-экономические процессы эпохи династий из Хоалы и эпохи Ли – Чан	с.	277-348

1.	Некоторые особенности развития вьетнамского общества в X – начале XI вв.	с.	277-288
2.	Социально-экономические отношения в эпоху Ли – Чан	с.	288-348
2.1.	Социально-классовая структура общества в правление династии Ли (1009 – 1226 гг.)	с.	288-299
2.2.	Изменения в социально-классовой структуре Дайвьета в правление династии Чан (1226 – 1400 гг.)	с.	299-305
2.3.	Аграрные отношения и политика поощрения земледелия	с.	305-311
2.4.	Формы земельной собственности в правление династии Ли и их развитие в правление династии Чан	с.	311-239
	2.4.1. Пахотные земли, находящиеся в собственности государства при династиях Ли и Чан	с.	311-317
	2.4.2. Частные земли	с.	318-329
2.5.	Ремесло	с.	329-337
	2.5.1. Ткачество	с.	329-330
	2.5.2. Гончарное производство	с.	331-332
	2.5.3 Горное дело и металлообработка	с.	332-333
	2.5.4. Строительство	с.	334
	2.5.5. Дальнейшее развитие ремесла в эпоху Чан	с.	334-337
2.6.	Торговля	с.	337-344
	2.6.1. Внутренняя торговля	с.	337-340
	2.6.2. Внешняя торговля	с.	340-344
2.7.	Проблема городов Дайвьета	с.	344-348
Глава 2. Социально-экономическое развитие централизованного феодального государства во Вьетнаме XV – XVI вв.		с.	349-392
1.	Вьетнам в 1400 – 1427 гг.	с.	349-354
1.1.	Мероприятия династия Хо в 1400 – 1407 гг.	с.	349-351
1.2.	Период кратковременной зависимости от империи Мин (1400 – 1427 гг.)	с.	351-354
2.	Империя Дайвьет в начальный период правления династии Ле (1428 – 1527 гг.)	с.	354-369
2.1.	Земельная собственность и сельское хозяйство	с.	354-358
2.2.	Ремесленное производство	с.	358-362
2.2.	Торговля	с.	362-369
	2.3.1. Внутренняя торговля	с.	362-364
	2.3.2. Внешняя торговля	с.	364-366

2.3.3. К вопросу о социальной структуре вьетнамского общества в начальный период правления династии Ле	с.	366-369
3. Социально-экономическое развитие подвластных Северной династии Мак районов Вьетнама в 1527 – 1599 гг.	с.	369-386
3.1. Формы земельной собственности на Севере страны при династии Мак	с.	369-372
3.1.1. Государственные пахотные земли	с.	369-371
3.1.2. Частные земли	с.	371
3.1.3. Церковные земли	с.	371-372
3.2. Сельскохозяйственное производство	с.	372-375
3.3. Ремесло	с.	375-380
3.3.1. Гончарное производство	с.	376-378
3.3.2. Резьба по дереву и камню	с.	378-380
3.3.3. Литьё монеты	с.	380
3.4. Торговля	с.	380-386
4. Социально-экономическое развитие подвластных Южной династии Ле районов Вьетнама в 1527 – 1599 гг.	с.	386-392
Часть III. Вьетнамская культура эпохи средневековья	с.	393-
Прембула		393-394
Глава 1. Вьетнамская литература от истоков до XVI в.	с.	394-456
Раздел 1. Фольклор и сюжеты первой и второй групп вьетнамской историко-мифологической традиции в свете проблемы возникновения литературы во Вьетнаме II в. до н.э. – XI в. н.э.	с.	394-423
1. Общие положения	с.	394-400
1.1. О некоторых аспектах структуры настоящей главы	с.	394-395
1.2. Некоторые особенности вьетнамской литературы	с.	395-398
1.3. Проблема периодизации вьетнамской литературы	с.	398-400
2. Мифология и фольклор	с.	400-421
3. Светская литература II в. до н.э. – XI в. н.э.	с.	421-423
Раздел 2. Вьетнамская литература XII – XVI вв.	с.	423-456
1. Вьетнамский фольклор	с.	423-426
2. Общие положения (немного теории)	с.	427-430

2.1. Культурно-идеологическая среда на начальном этапе формирования вьетнамской литературы	с.	427-429
2.2. Система вьетнамской средневековой литературы с формально-жанровой точки зрения	с.	429-430
3. Литература эпохи Ли – Чан	с.	430-439
4. Литература эпохи Ле до начала XVII в.	с.	439-456
Глава 2. Религиозная обстановка, политико-идеологические учения и официальное летописание в средневековом Вьетнаме	с.	457-496
1. Эволюция религиозной ситуации в Дайвьете XI – XVI вв.	с.	457-466
1.1. Система традиционных верований во вьетнамском обществе XI – XVI вв.	с.	457-461
1.2. Буддизм во Вьетнаме XI – XVI вв.	с.	461-466
2. Основные этапы формирования официальной идеологии Дайвьета до XVI в.	с.	466-480
2.1. Краткая характеристика шести ранних философских школ Древнего Китая	с.	468-473
2.2. Первый конфуцианский синтез. Древнекитайские философские учения и их влияние на духовную культуру вьетского общества в V – I вв. до н.э.	с.	473-475
2.3. Буддийско-даосский синтез и проблема возникновения восточноазиатского буддизма	с.	475-477
2.4. Второй конфуцианский или неоконфуцианский синтез	с.	477-480
3. От двух параллельных историографических традиций к единому непротиворечивому придворному летописанию.	с.	480-
3.1. Вьетнамское летописание XI – XV вв.	с.	480-486
3.1.1. Летописание эпохи Ли – Чан.	с.	480-484
3.1.2. Летописание эпохи Ле в XV в.	с.	484-486
3.2. Летописание: от буддизма к неоконфуцианству.	с.	486-496
Глава 3. Образование и формирование системы конкурсных испытаний в Дайвьете XI – XVI вв.	с.	497-534
1. Образование и система конкурсных экзаменов на должность чиновника в Дайвьете XI – XIV вв. до начала реформ Хо Кюи Ли	с.	497-507
1.1. К вопросу об образовании во Вьетнаме до начала XI в.	с.	497-498
1.2. XI – первая половина XIII вв.	с.	498-501

1.3.	Вторая половина XIII – XIV вв.	с.	501-507
1.3.1.	Школы и ученики	с.	501-502
1.3.2.	Столичные и провинциальные экзаменационные испытания	с.	502-504
1.3.3.	Специальные конкурсы	с.	504-507
2.	Реформа системы образования и конкурсных испытаний при Хо Кюи Ли и императоре Совершенном рода династии Ле в конце XIV – XV вв.	с.	508-528
2.1.	Реформы Хо Кюи Ли (1370 – 1406 гг.)	с.	508-510
2.2.	Оформление низшего и среднего уровня системы образования и конкурсных экзаменов на должность чиновника во второй половине XV в.	с.	510-516
2.2.1.	Низший уровень системы образования: община – уезд – округ	с.	512-513
2.2.2.	Средний уровень системы образования, школы и провинциальный конкурс	с.	513-515
2.2.3.	Специальные конкурсы на уровне провинции	с.	515-516
2.3.	Оформление высшего уровня системы образования и конкурсных экзаменов на должность чиновника во второй половине XV в.	с.	516-522
2.3.1.	Подготовительные мероприятия к проведению общего или столичного конкурса	с.	516-518
2.3.2.	Общий или столичный конкурс	с.	519-520
2.3.3.	Специальные конкурсы на уровне столицы	с.	520-521
2.3.4.	Дворцовое испытание и градация лауреатов общего или столичного конкурса	с.	521-522
2.4.	Школьное образование в рамках системы конкурсных экзаменов второй половины XV в.	с.	522-528
2.4.1.	Градация учеников по степени допуска к испытаниям общего или столичного конкурса	с.	522-525
2.4.2.	Литературный храм как главный центр образования в столице Дайвьета	с.	525-527
2.5.	Конкурсные испытания в эпоху двоевластия династий Мак и Ле в XVI в.	с.	528
3.	Система конкурсных испытаний на должность чиновника как регулятор социальной мобильности	с.	529-534
	Заключение	с.	535-588
	Часть I. Невьетнамские государства южной	с.	535-578

части Центрального и Южного Вьетнама, аннексия их территорий Дайвьетом

1. Королевство Тямпа	с.	535-571
1.1. Тямпа в XI – начале XII вв.	с.	535-541
1.1.1. Восьмая династия	с.	535-538
1.1.2. Девятая династия	с.	538-541
1.2. «Столетняя война» с Камбуджадешой или Ангорской империей	с.	541-548
1.2.1. Десятая династия	с.	541-542
1.2.2. Одиннадцатая династия	с.	542-548
1.3. Войны с монголами и монголо-китайской династией Юань	с.	548-556
1.4. Кратковременная зависимость Тямпы от Дайвьета	с.	557-559
1.5. Двенадцатая династия. Правление Те Бонг Нга и эпоха максимального могущества Тямпы	с.	559-363
1.6. Постепенное ослабление Тямпы и её аннексия при императоре Совершенном рода династии Ле	с.	363-578
1.6.1. Тринадцатая династия	с.	363-571
1.6.2. Четырнадцатая династия	с.	571-578
2. Аннексия Южного Вьетнама Дайвьетом в XVII – первой половине XVIII вв.	с.	
Часть II. Общие выводы и периодизация истории Вьетнама XI – XVI вв.	с.	578-588
1. Эпоха Ли	с.	579-580
2. Эпоха Чан	с.	580-582
3. Эпоха смены официальной государственной идеологии Дайвьета	с.	582-585
4. «Золотой век» средневекового государства во Вьетнаме	с.	585-586
5. Эпоха Северной династии Мак и Южной династии Ле	с.	586-587
6. Дайвьег и королевство Тямпа, общие выводы	с.	587-588
Комментарий	с.	589-652
Введение	с.	589
Часть I	с.	589-614
Глава 1	с.	589-598
Глава 2	с.	598-605
Глава 3	с.	605-612
Глава 4	с.	613-614

Часть II	с. 614-627
Глава 1	с. 614-624
Глава 2	с. 623-626
Часть III	с. 626-649
Глава 1	с. 626-634
Глава 2	с. 634-641
Глава 3	с. 641-649
Заключение	с. 649-652
Список иллюстраций	с. 653-660
Оглавление	с. 661-669

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

УДК 93/94
ББК 63.3(3)
П 47
ISBN 978-5-4431-0052-4
ISBN 978-5-4431-0054-8

ПОЛНАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВЬЕТНАМА

Том II

**Средние века
(1010 – 1600 гг.)**

Редакторы тома

Доктор исторических наук Nguyễn Ngọc Mão
Доктор исторических наук П.В.ПОЗНЕР

Авторы

Nguyễn Đức Nhuận: Часть II Глава 2.

Nhà Mạnh Khoa: Часть I Глава 3.

Trương-thị Yến: Часть I Глава 4.

П.В.ПОЗНЕР: Введение; Часть III Глава 2 и Глава 3;
Заключение.

А.Б.ПОЛЯКОВ: Часть I Глава 1 и Глава 2; Часть II Глава 1.

Т.Н.ФИЛИМОНОВА: Часть III Глава 1.

© В.В.Познер, 2014
© П.В.Познер, 2014

Отпечатано в типографии ООО «Издательство «Авторская книга»